

№ 7
ИЮЛЬ
2025 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

ПРАВО
и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.) Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011) Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гушин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Абакарова А.Р.** * Перспективы и вызовы правового регулирования цифровой интеграции в рамках международных интеграционных объединений 15
- Гезалова Г.** * Правовой статус и компетенции органов интеграционных объединений: на примере Европейского Союза и Евразийского Экономического Союза 19
- Нестеренко С.В.** * Мировой опыт применения систем электронного мониторинга подконтрольных лиц и перспективы его адаптации в России 22
- Ковалев О.Г.** * Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики 26
- Кальной И.И., Чемшит А.А.** * Имперская идея в контексте становления нового правопорядка 33
- Гусева Г.В.** * «Зеленое» строительство: правовые основы экологизации отрасли в России и в мире . . 41

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООБРАЩАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Сёмкина А.В.** * Необходимая оборона как институт реализации конституционного права на защиту . . 46
- Исрафилов К.Н., Колмогоров М.В.** * Особенности раздела жилого помещения между супругами, полученной по программе военной ипотеки 53
- Полунина Е.Н., Сухомлинова Т.В.** * Противодействие экстремизму и терроризму в контексте массовых мероприятий: правовые и организационные аспекты 59

ПРАВО И ПРАВООБРАЩАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Разумовский В.Ю., Черных А.В., Пименова О.П.** * Единый государственный экзамен как инструмент образовательной политики России. Местная правящая элита и ЕГЭ 64
- Толкачев Р.В., Москаленко С.П.** * Разнообразие видов, методов и оснований кибермошенничества и способы борьбы с ними 71

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Паршукова И.В.** * Субсидиарная ответственность: анализ судебной практики и проблемные аспекты применения 76
- Погодин М.А.** * К вопросу дифференциации понятий «средство предупреждения судебной ошибки» и «средство устранения судебной ошибки» в гражданском судопроизводстве 85
- Примак В.Г., Бегичева Е.В.** * К вопросу о соблюдении принципа непосредственности при исследовании электронных доказательств 89
- Гиляндикова Е.В.** * Судебная практика в отношении ненадлежаще используемых земельных участков сельскохозяйственного назначения 95

ПРАВООБРАЩАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

- Думнов С.Н.** * К вопросу правовых особенностей выполнения служебных задач сотрудниками полиции 101
- Слепенко Е.А.** * Установление причинно-следственной связи при расследовании дорожно-транспортных происшествий 105

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

- Люев Т.Х.** * Профилактика незаконной миграции как превентивная мера в противодействии незаконному обороту наркотических средств 109
- Синявина А.О.** * Факторы виктимности несовершеннолетних в киберпространстве 113
- Филатова Н.Ю.** * Обеспечение безопасности общественной нравственности путем установления ответственности за жестокое обращение с животными 118
- Зорина Н.С.** * Методы стимулирования поведения несовершеннолетних осужденных: современные стратегии и эффективность 124
- Таашев Д.Б.** * Перспективы внедрения нейросетей и цифровых решений в деятельность органов внутренних дел 128

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

- Ардавов М.М.** * О проблемных аспектах применения информационных технологий в расследовании преступлений 132
- Толкачев Р.В.** * Уголовно-правовая охрана личности от преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей 136
- Карнакова О.И.** * Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных должностными лицами в сфере государственного оборонного заказа 139
- Батюкова В.Е.** * Электронные средства платежа как предмет и средство совершения преступления 143

Канунникова Н.Г. * Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности и борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России	148
Иванкова А.Ю. * Сравнительный анализ уголовной ответственности за экологические преступления в Российской Федерации и Республике Беларусь	154
Кангезов М.Р., Голяндин Н.П. * Проблемные вопросы розыскной работы по установлению личности неопознанных трупов	159
Нефедьева Д.М. * Уголовно-правовая оценка кибербуллинга в Российской Федерации на современном этапе	163
Бажанов С.А., Рябых С.Б. * Механизмы контроля и поддержки лиц освобождённых из мест лишения свободы	168
Бетрозов А.О., Мамбетова К.М. * К вопросу выделения уголовного дела в отдельное производство в рамках предварительного расследования	171
Хакимова Э.Р., Гарифуллина Р.Ф. * Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом контрафактной продукции по законодательству Российской Федерации	174
Раджабов Ш.Р., Магомедханова Л.Ш. * Институт судебного контроля по ст. 125 УПК РФ в системе досудебного производства: процессуальный анализ	178
Черкесов С.Х. * Специфика российских условий противоборства терроризму и экстремизму, обусловленная масштабностью территории, многонациональным и многоконфессиональным составом населения	182
Ковалев О.Г. * Организационно-правовые вопросы объявления розыска и осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества	185
Дацко Н.И. * Тактика производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов в районах морского промысла	192
Асмандиярова Н.Р., Гарифуллина Р.Ф. * Особенности предупреждения современного мошенничества	196

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Раджабов Ш.Р., Накучиева С.О. * Особенности уголовно-процессуальной деятельности Верховного Суда Российской Федерации	200
Вдовцев П.В., Чарыков А.В. * О правовом положении представителя в уголовном процессе	204
Золоев А.Г. * Особенности использования систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве Франции в период КОВИД-19	210
Медведева И.Н. * К вопросу об исполнении учреждениям уголовно-исполнительной системы требований по защите некоторых имущественных прав, закрепленных в учредительных документах	216
Раджабов Ш.Р., Ибрагимхалилов А.Р. * Гражданский иск в уголовном деле и в гражданском процессе: сравнительно-правовой анализ	219
Искандаров Р.Р. * Применение когнитивно-поведенческой терапии в ресоциализации осужденных с химической зависимостью	224
Зорина Н.С. * Направления и принципы патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях	233
Сергеев В.В. * Особенности расследования поджогов релейных шкафов, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры железнодорожного транспорта	236
Раджабов Ш.Р., Магомедова А.А. * Некоторые особенности производства следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности	240
Казберов П.Н. * Компетентность пенитенциарных психологов в вопросах обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции	245
Искандаров Р.Р. * Биопсихосоциальные механизмы формирования аддиктивного поведения у осужденных	250

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Головач Н.Н. * Антимонопольное законодательство и его влияние на развитие конкуренции	258
Сигбатулин Д.Д. * Основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с ненадлежащим использованием	262

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Картамышева О.Е. * Актуальные проблемы реализации правового статуса сотрудника органов внутренних дел и пути их решения	266
Галиев Р.С. * Ограничения, налагаемые на физических лиц, признанных иностранным агентом: проблемы и перспективы совершенствования законодательства	272

Лапин А.В. * Ответственность родителей, иных должностных лиц и организаций за правонарушения, совершенные несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних	277
ДИСКУССИЯ	
Березина Ю.П. * Экспертное мнение в процедуре медиации	289
Тхазеплов Т.М. * Цифровизация социального пространства как качественно новая возможность для распространения экстремистской идеологии	295
Канунникова Н.Г. * К вопросу об организации профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде	298
Голяндин Н.П. * Проблемы взаимосвязи особенностей личности и внешности человека	302
Казберов П.Н. * Аспекты компетентности пенитенциарных психологов в обучении осужденных приемам эмоциональной саморегуляции	305
Жданова Н.С., Пономарева О.М. * Формирование знаний о гражданских правоотношениях в обществоведческом курсе современной общеобразовательной школы	310
Искандаров Р.Р. * Теория выученной беспомощности как патогенетическая основа депрессивной дезадаптации осужденных: роль хронического стресса и депривации контроля	317
Бажанов С.А. * Компаративный анализ правового регулирования института зачета срока отбытой меры пресечения в срок наказания в странах Союзного Государства	323
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО	
Искандаров Р.Р. * Анализ субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у лиц с психическими расстройствами и/или зависимостями в условиях лишения свободы	328
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Черных В.С., Крысенко Е.С. * Анализ производственной и защитной функций трудового права: баланс интересов работодателей и работников	333
Аксенов И.С. * Роль Международной организации труда в регулировании надомной работы	337
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ	
Резникова Е.А. * Предупреждение мошенничества в сфере социальных выплат	344
Багдадян Л.О. * Проблемы уголовно-правового регулирования в сфере оборота криптовалют и цифровых активов	348
Шигалугова М.Х. * Актуальные проблемы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством	353
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Целовальникова И.Ю. * Защита прав потребителей в цифровой среде	357
Новакова К.А., Таран А.В. * Применение искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности МВД России	360
Жанжаров Я.Б. * Использование механизмов искусственного интеллекта в систематизации законодательства	365
Новикова А.А., Иванова П.А. * Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный системами искусственного интеллекта	370
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	
Карданова К.А. * Миротворческая деятельность Калмыкова Ю.Х. по урегулированию конфликтов на Северном Кавказе	375
Медведева И.Н. * Эволюция альтернативных заключению под стражу мер пресечения в российском уголовном процессе	380
Гудина С.П. * Политико-правовые и исторические детерминанты отрицания неоимперской государственности в Европе	387
Жуланов А.В., Теппеев А.А. * Наказание за государственные преступления в российском праве 17-18 веков: историко-правовой обзор	394
Бажанов С.А. * Трансформация правовых конструкций института зачета срока отбытой меры пресечения при назначении наказаний: историко-правовой анализ	402
Трибуна молодого ученого	
Мельников С.О., Крысенко Е.С. * Проблема возраста уголовной ответственности как фактор, препятствующий осуществлению правосудия	407
Гапонова И.В. * Правовые аспекты обеспечения прав пациентов с психическими расстройствами в системе здравоохранения: сравнительный анализ в международной практике	410

Contents:

POLICY AND LAW

- Abakarova A.R.** * Prospects and challenges of legal regulation of digital integration within the framework of international integration associations 15
- Gezalova G.** * The legal status and competencies of the bodies of integration associations: on the example of the European Union and the Eurasian Economic Union 19
- Nesterenko S.V.** * International experience in the use of electronic monitoring systems for controlled entities and prospects for its adaptation in Russia 22
- Kovalev O.G.** * Application of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal enforcement policy 26
- Kalnoy I.I., Chemshit A.A.** * The imperial idea in the context of the new legal order 33
- Guseva G.V.** * «Green» construction: legal basis for ecologizing the industry in Russia and in the world . . . 41

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

- Semkina A.V.** * Necessary defense as an institution for the realization of the constitutional right to defense 46
- Israfilov K.N., Kolmogorov M.V.** * Features of the division of residential properties between spouses, received under the military mortgage program 53
- Polunina E.N., Sukhomlinova T.V.** * Counteracting extremism and terrorism in the context of mass events: legal and organizational aspects 59

LAW AND ENFORCEMENT

- Razumovsky V.Yu., Chernykh A.V., Pimenova O.P.** * The unified state exam as a tool of Russia's educational policy. The local ruling elite and the unified state exam 64
- Tolkachev R.V., Moskalenko S.P.** * Variety of types, methods and grounds of cyber fraud and ways to combat them 71

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

- Parshukova I.V.** * Subsidiary liability: analysis of judicial practice and problematic aspects of application . . 76
- Pogodin M.A.** * On the issue of differentiation of the concepts of «means of preventing a judicial error» and «means of eliminating a judicial error» in civil litigation 85
- Primak V.G., Begicheva E.V.** * On the issue of observing the principle of immediacy in the study of electronic evidence 89
- Gilyandikova E.V.** * Judicial practice in respect of improperly used agricultural land plots 95

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

- Dumnov S.N.** * On the question of legal features of the performance of official tasks by police officers . . . 101
- Slepenko Ye.A.** * Establishing causal connections in the investigation of road traffic accidents 105

CRIMINAL LAW THEORY

- Lyuev T.Kh.** * Prevention of illegal migration as a preventive measure in countering illicit drug trafficking 109
- Siniavina A.O.** * Victimization factors of minors in cyberspace 113
- Filatova N.Yu.** * Ensuring the safety of public morality by establishing liability for cruelty to animals 118
- Zorina N.S.** * Methods of stimulating the behavior of juvenile convicts: modern strategies and effectiveness 124
- Taashev D.B.** * Perspectives on the implementation of neural networks and digital solutions in the activities of law enforcement agencies 128

CRIME AND PUNISHMENT

- Ardavov M.M.** * On the problematic aspects of the use of information technologies in crime investigation 132
- Tolkachev R.V.** * Criminal law protection of the person against crimes committed using information telecommunication networks 136
- Karnakova O.I.** * Criminal-legal characteristics of crimes committed by officials in the field of state defense procurement 139
- Batyukova V.** * Electronic means of payment as the subject and means of committing a crime 143
- Kanunnikova N.G.** * Current issues of information security and combat against crimes committed using information and telecommunication technologies in Russia 148

Ivankova A.Yu. * Comparative analysis of criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the sphere of environmental offences	154
Kangezov M.R., Golyandin N.P. * Problematic issues of search work on identification of unidentified corpses	159
Nefedieva D.M. * Criminal law assessment of cyberbullying in the Russian Federation at the present stage	163
Bazhanov S.A., Ryabykh S.B. * Mechanisms for monitoring and supporting persons released from prisons	168
Betrozov A.O., Mambetova K.M. * On the question of separating a criminal case into a separate proceeding within the framework of a preliminary investigation	171
Khakimova E.R., Garifullina R.F. * Some issues related to the qualification of crimes related to the illegal circulation of counterfeit products under the legislation of the Russian Federation	174
Radzhabov Sh.R., Magomedkhanova L.Sh. * The institute of judicial control under article 125 of the criminal procedure code of the Russian Federation in the system of pre-trial proceedings: a procedural analysis	178
Cherkesov S.H. * Specificity of russian conditions for countering terrorism and extremism due to the scale of the territory, multinational and multi-confessional composition of the population	182
Kovalev O.G. * Organizational and legal issues of declaring a wanted list and carrying out operational search activities in the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society	185
Datsko N.I. * Tactics for conducting particular investigative actions in the investigation of crimes involving the illegal harvesting (fishing) of aquatic biological resources in marine fishery areas	192
Asmandiyarova N.R., Garifullina R.F. * Features of prevention of modern fraud	196

CRIMINAL PROCEDURE

Radzhabov Sh.R., Nakuchieva S.O. * Peculiarities of the criminal-procedure activities of the supreme court of the Russian Federation	200
Vdovtsev P.V., Charykov A.V. * On the legal status of a representative in criminal proceedings	204
Zoloev A.G. * Features of the use of video conferencing systems in French criminal proceedings during the COVID-19 period	210
Medvedeva I.N. * On the question of the fulfilment by institutions of the penal system of the requirements for the protection of certain property rights enshrined in constituent documents	216
Radzhabov Sh.R., Ibragimkhalilov A.R. * Civil claim in criminal and civil proceedings: a comparative legal analysis	219
Iskandarov R.R. * Application of cognitive-behavioral therapy in the resocialization of chemically addicted prisoners	224
Zorina N.S. * Directions and principles of patriotic education of juvenile convicts in educational colonies	233
Sergeev V.V. * Peculiarities of the investigation of arson attacks on relay cabinets committed at railway transport infrastructure facilities	236
Radzhabov Sh.R., Magomedova A.A. * Some features of investigative actions related to the restriction of constitutional rights and freedoms of the individual	240
Kazberov P.N. * Competence of penitentiary psychologists in matters of teaching convicts to use methods of mental self-regulation	245
Iskandarov R.R. * Biopsychosocial mechanisms of addictive behavior development in convicts	250

CIVIL LAW ISSUES

Golovach N.N. * Antimonopoly legislation and its impact on the development of competition	258
Sigbatulin D.D. * Grounds for compulsory termination of the right of permanent (perpetual) use and lifetime inherited ownership of the land plot due to improper use	262

ADMINISTRATIVE LAW

Kartamysheva O.E. * Actual problems of implementing the legal status of an internal affairs officer and ways to solve them	266
Galiev R.S. * Restrictions imposed on individuals recognized as foreign agents: problems and prospects for improving legislation	272
Lapin A.V. * Responsibility of parents, other officials and organizations for offenses committed by minors against minors	277

DISCUSSION

Berezina Y.P. * Expert opinion in the mediation procedure	289
Tkhazeplov T.M. * Digitalization of social space as a quality a new opportunity to spread extremist ideology	295

Kanunnikova N.G. * On the issue of preventing extremism and terrorism among youth	298
Golyandin N.P. * Problems of the relationship between personality traits and human appearance	302
Kazberov P.N. * Aspects of competence of penitentiary psychologists in teaching convicts techniques of emotional self-regulation	305
Zhdanova N.S., Ponomareva O.M. * Formation of knowledge on civil legal relations in the social studies course of a modern comprehensive school	310
Iskandarov R.R. * The theory of learned helplessness as a pathogenetic basis of depressive maladaptation of convicts: the role of chronic stress and deprivation of control	317
Bazhanov S.A. * Comparative analysis of legal regulation of the institute of credit of the period of served preventive measure to the period of punishment in the countries of the Union State of Russia and Belarus . .	323
MEDICAL LAW	
Iskandarov R.R. * Analysis of subjective experience of restriction of will, autonomy and choice in persons with mental disorders and/or addictions in conditions of imprisonment	328
EMPLOYMENT LAW	
Chernykh V.S., Krysenko E.S. * Analysis of industrial and protective functions of labor law: balance of interests of employers and employees	333
Aksenov I.S. * The role of the international labour organization in the regulation of home work	337
CYBER CRIME	
Reznikova E.A. * Preventing social payment fraud	344
Bagdadyan L. * Legislative challenges in the criminal law regulation of cryptocurrency and digital asset circulation	348
Shigalugova M.Kh. * Topical problems of combating telephone and internet fraud	353
DIGITAL LAW	
Tselovalnikova I.Yu. * Consumer protection in the digital environment	357
Novakova K.A., Taran A.V. * Application of artificial intelligence in forensic expert activities of the ministry of internal affairs of Russia	360
Zhanzharov Ya.B. * Use of artificial intelligence mechanisms in systematization in legislation	365
Novikova A.A., Ivanova P.A. * Civil liability for damage caused by artificial intelligence systems	370
HISTORICAL ARCHIVE	
Kardanova K.A. * Peacekeeping activities of Kalmykov Y.Kh. To resolve conflicts in the North Caucasus	375
Medvedeva I.N. * Evolution of alternative detention measures in russian criminal proceedings	380
Gudina S.P. * Political legal and historical determinants of the denial of neo-imperial statehood in Europe	387
Zhulanov A.V., Teppeev A.A. * Punishment for state crimes in russian law of the 17th-18th centuries: a historical and legal review	394
Bazhanov S.A. * Transformation of legal structures of the institute of credit of the period of serveen preventive measure when assessing punishments: historical and legal analysis	402
YOUNG SCIENTIST TRIBUNE	
Melnikov S.O., Krysenko E.S. * The issue of the age of criminal responsibility as an obstacle to the administration of justice	407
Gaponova I.V. * Legal aspects of ensuring the rights of patients with mental disorders in the healthcare system: a comparative analysis in international practice	410

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-15-18

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

АБАКАРОВА Амина Рахмановна,
Магистр МГИМО (У) МИД РФ,
e-mail: ami2119@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Аннотация. Современный этап глобализации характеризуется активной цифровизацией всех сфер общественной жизни, включая процессы международной экономической и политической интеграции. Цифровая интеграция в рамках международных интеграционных объединений (таких как Европейский союз, Евразийский экономический союз, АСЕАН и др.) требует формирования нового уровня правового регулирования, обеспечивающего эффективное взаимодействие между государствами-членами в сфере обмена данными, цифровой торговли, кибербезопасности и регулирования цифровых платформ.

Настоящая статья направлена на выявление ключевых перспектив и вызовов, стоящих перед правовыми системами стран, участвующих в интеграционных проектах, в условиях стремительного технологического прогресса. В ходе анализа исследуются подходы к цифровой интеграции в различных международных объединениях, выделяются проблемы гармонизации цифрового законодательства, вопросы юрисдикции и стандартизации.

В заключении делаются выводы о необходимости выработки единых подходов к правовому регулированию цифровой среды на наднациональном уровне и повышения институциональной гибкости интеграционных объединений. Статья представляет интерес для юристов, специалистов по международным отношениям, государственным регуляторам и научному сообществу.

Ключевые слова: цифровая интеграция, гармонизация, кибербезопасность, цифровая платформа, интеграционное объединение, наднациональный правовой механизм, правовая совместимость, цифровая политика.

АБАКАРОВА Амина Рахмановна,
Master's graduate of Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

PROSPECTS AND CHALLENGES OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL INTEGRATION WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS

Annotation. The current stage of globalization is characterized by the active digitalization of all spheres of public life, including the processes of international economic and political integration. Digital integration within the framework of international integration associations (such as the European Union, the Eurasian Economic Union, ASEAN, etc.) requires the formation of a new level of legal regulation that ensures effective interaction between member states in the field of data exchange, digital commerce, cybersecurity and regulation of digital platforms.

This article aims to identify the key perspectives and challenges facing the legal systems of the countries involved in integration projects in the context of rapid technological progress. The analysis examines approaches to digital integration in various international organizations, highlights the problems of harmonization of digital legislation, issues of jurisdiction and standardization.

In conclusion, conclusions are drawn about the need to develop common approaches to the legal regulation of the digital environment at the supranational level and to increase the institutional flexibility of integration associations. The article is of interest to lawyers, international relations specialists, government regulators, and the scientific community.

Key words: digital integration, harmonization, cybersecurity, digital platform, integration association, supranational legal mechanism, legal compatibility, digital policy.

Введение

Цифровизация современного мира оказывает трансформационное воздействие на все сферы общественной, экономической и политической жизни. В XXI веке цифровые технологии становятся не просто вспомогательным инструментом развития, а ядром новой глобальной инфраструктуры, определяющей динамику международных процессов. В этой связи международные интеграционные объединения сталкиваются с необходимостью выработки единых подходов к регулированию цифрового пространства, что требует не только технической координации, но и глубоких правовых трансформаций.

Появление цифровой экономики, формирование цифровых платформ, развитие электронной торговли, трансграничная передача персональных данных и стремительное распространение цифровых услуг требуют адаптации и модернизации действующих правовых систем. Межгосударственное сотрудничество приобретает новые формы – от координации стандартов в сфере кибербезопасности до создания общих цифровых идентификаторов и интеграции электронных доверительных сервисов. При этом традиционные механизмы правового взаимодействия зачастую не соответствуют скорости и масштабам цифровых изменений.

В условиях региональной и глобальной интеграции возникает необходимость правового осмысления феномена цифровой интеграции – как процесса, выходящего за рамки внутренних стратегий стран и предполагающего выработку согласованных, трансграничных правовых механизмов. Европейский союз, Евразийский экономический союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и другие интеграционные структуры уже включили цифровую повестку в свои стратегические документы, однако степень реализации и уровень нормативного сближения остаются неоднородными.

Цель настоящей статьи – проанализировать перспективы и вызовы правового регулирования цифровой интеграции в рамках международных интеграционных объединений, выявить ключевые проблемы гармонизации цифрового законодательства, а также обозначить возможные направления правовой трансформации. В работе рассматриваются как институциональные, так и нормативные аспекты регулирования цифровой среды, делается акцент на необходимости создания наднациональных правовых механизмов,

способных обеспечить стабильность и предсказуемость цифровой интеграции.

Таким образом, исследование направлено на системное осмысление процесса цифровой интеграции с правовой точки зрения, что имеет актуальность как для научного сообщества, так и для практиков в области международного и цифрового права.

Основная часть

Цифровая интеграция в рамках международных интеграционных объединений представляет собой многоуровневый процесс сближения государств в сфере цифровой трансформации. Её сущность заключается в согласовании стратегий цифрового развития, унификации правовых норм, обеспечении технологической совместимости инфраструктур и формировании единого цифрового пространства. В условиях стремительного роста цифровой экономики и распространения технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и большие данные, необходимость совместного регулирования цифровой сферы становится критически важной.

Современная цифровая интеграция охватывает ряд ключевых направлений:

- трансграничную передачу данных,
- регулирование электронной коммерции,
- обеспечение цифровой идентификации граждан и субъектов хозяйственной деятельности,
- согласование стандартов в сфере кибербезопасности;
- регулирование деятельности цифровых платформ.

На практике это означает не только развитие совместимых цифровых платформ и баз данных, но и формирование общих принципов правового регулирования, которые позволят участникам интеграционных процессов действовать в едином правовом пространстве [5, с. 85-88.].

Примеры из международной практики иллюстрируют различные модели и уровни цифровой интеграции. Европейский союз является наиболее развитым примером в данной сфере. Создание Цифрового единого рынка (Digital Single Market) позволило устранить правовые и технические барьеры в электронной торговле, обеспечить свободное движение цифровых услуг и товаров, унифицировать правила доступа к онлайн-платформам. Регламент о защите персональных данных (GDPR) стал не только обяза-

тельным стандартом для стран-членов ЕС, но и ориентиром для других государств и регионов. В 2020-2022 годах были приняты два ключевых нормативных акта: Регламент о цифровых услугах (Digital Services Act) и Регламент о цифровых рынках (Digital Markets Act), которые усилили контроль над крупнейшими цифровыми платформами и обеспечили дополнительную защиту прав пользователей [8, с. 25-31.].

В Евразийском экономическом союзе цифровая интеграция находится на стадии формирования. В 2018 г. была принята Цифровая повестка ЕАЭС, направленная на создание общего цифрового пространства и развитие таких направлений, как цифровая логистика, трансграничный документооборот и цифровая идентификация. Однако уровень интеграции в рамках ЕАЭС значительно уступает европейскому. Основные проблемы — это разный уровень цифрового развития стран-участниц, отсутствие унифицированной нормативно-правовой базы, недостаточная согласованность действий в области защиты данных и цифровых услуг.

Кроме того, в ЕАЭС отсутствует наднациональный орган, способный эффективно координировать реализацию цифровой повестки. Аналогичная ситуация наблюдается и в АСЕАН. Цифровая стратегия ASEAN Digital Masterplan 2025 ориентирована на развитие цифровой экономики, стимулирование электронной торговли и повышение уровня цифровой грамотности [7]. Однако интеграция в рамках АСЕАН носит децентрализованный характер: каждый участник реализует цифровую политику самостоятельно, при этом отсутствуют обязательные наднациональные механизмы. Тем не менее АСЕАН демонстрирует интересный пример гибкой координации, основанной на принципах консенсуса и добровольности, что может быть актуально для других регионов с высокой степенью политико-экономического разнообразия. Несмотря на успехи, цифровая интеграция сопровождается рядом серьёзных вызовов правового характера. Одним из ключевых является различие в национальных законодательствах [1]. Страны по-разному регулируют защиту персональных данных, цифровую идентификацию, правила хранения и передачи информации [3].

В некоторых государствах, например в России и Казахстане, действуют строгие требования по локализации данных, в то время как другие страны, такие как государства ЕС, делают упор на свободное перемещение информации при соблюдении высоких стандартов конфиденциальности. Серьёзным препятствием является отсутствие единого правового языка. Термины и понятия, используемые в цифровом регулировании, нередко различаются, что затрудняет правоприменение и ведёт к юридической неопределён-

ности. Это особенно заметно в таких сферах, как регулирование искусственного интеллекта, цифровых идентичностей и платформенной экономики. Юрисдикционные конфликты становятся всё более актуальными: вопросы прав на контент, трансграничная защита прав потребителей, расследование киберпреступлений — всё это требует ясных, согласованных механизмов международного правового взаимодействия [4, с. 109-111.].

Дополнительные трудности создаёт политическая чувствительность цифрового регулирования. Многие государства стремятся сохранить контроль над ключевыми цифровыми ресурсами, данными и инфраструктурами, что порождает феномен цифрового суверенитета. Это может вступать в противоречие с принципами открытости и взаимного признания, необходимыми для полноценной цифровой интеграции. Тем не менее перспективы выстраивания эффективного правового режима цифровой интеграции сохраняются. Одним из направлений решения вышеуказанных проблем может стать гармонизация законодательства на основе универсальных стандартов. Так, нормы GDPR постепенно проникают за пределы ЕС и принимаются как модель для других регионов. Это свидетельствует о возможности адаптации правовых решений к региональным условиям. Кроме того, требуется формирование специализированных наднациональных институтов, ответственных за цифровую политику, мониторинг соблюдения норм, урегулирование споров и обмен информацией [9].

Не менее важно развитие механизмов трансграничного разрешения цифровых споров. В условиях, когда традиционные суды не всегда подходят для рассмотрения дел, связанных с цифровыми платформами и глобальными пользователями, целесообразно внедрение онлайн-арбитража и цифровой медиации. Эти инструменты позволяют ускорить и упростить процедуру правового урегулирования. Наконец, критически важным направлением остаётся стандартизация цифровых технологий и развитие доверительной цифровой среды [6]. Признание электронных подписей, цифровых удостоверений, совместимость платформ, соблюдение международных стандартов кибербезопасности — всё это должно стать частью единой нормативной системы, поддерживающей интеграционные процессы.

Заключение

Цифровая интеграция, выступающая в качестве нового вектора развития международных интеграционных объединений, требует кардинального переосмысления существующих подходов к правовому регулированию. Стремительное развитие цифровых технологий, глобализация цифровых рынков и трансграничный характер

информационных потоков выдвигают на первый план вопросы правовой совместимости, юрисдикционной координации и стандартизации цифровых процессов. Вместе с тем, существующие модели регулирования часто оказываются неготовыми к вызовам цифровой эпохи.

Опыт ведущих интеграционных объединений, таких как Европейский союз, показывает, что системная, институционально оформленная цифровая политика способна обеспечить высокий уровень правовой определенности, защиты прав субъектов и развития цифровой экономики. В то же время другие структуры, включая ЕАЭС и АСЕАН, только начинают формировать правовые основы цифровой интеграции, сталкиваясь с проблемами политико-правовой фрагментации, различий в уровне цифрового развития и отсутствием эффективных наднациональных механизмов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что успешная цифровая интеграция невозможна без глубокой правовой гармонизации, создания единых принципов регулирования и формирования специализированных наднациональных институтов [2].

Укрепление цифрового суверенитета стран не должно препятствовать выработке общих стандартов, напротив - оно должно основываться на балансе интересов и взаимном доверии, обеспечиваемом через право. Целесообразным представляется развитие международных соглашений в области цифровых данных, электронной идентификации, онлайн-арбитража и цифровой торговли. Также необходима поддержка научного диалога между государствами, правовыми школами и экспертными сообществами с целью выработки универсальных правовых подходов, способных адаптироваться к быстро меняющейся цифровой реальности.

Таким образом, будущее цифровой интеграции зависит от способности международных объединений действовать проактивно, согласованно и гибко, формируя нормативную среду, ориентированную на инновации, защиту прав человека и устойчивое развитие. Разработка эффективной системы правового регулирования цифрового пространства должна стать приоритетом не только цифровой, но и общей интеграционной стратегии XXI века.

Список литературы:

[1] Васина А.Н., Демина Ю.А. Политика в целях развития цифровой экономика в плановых и стратегических документах АСЕАН // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика: политика, право. 2022. Т. 24. № 4. С. 49-68.

[2] Канаев Е.А., Новик Н.Н., Кулясов Н.С. АСЕАН в условиях цифровой фрагментации // Asia & Africa Today. 2024. № 3. С. 66-73.

[3] Куклев И.П. Цифровое сотрудничество в рамках ЕАЭС: теоретико-методологические аспекты // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 6 (87).

[4] Мустафаев М.Г.О. Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 107-115.

[5] Назаров Д.М. Понятие и экономическая сущность интеграционных процессов в цифровой экономике // KANT. 2023. № 4 (49). С. 84-89.

[6] Bertarini B. European Union digital single market: legal framework and challenges. Milano, FrancoAngeli, 2023.

[7] Isono I., Proilliadi H. ASEAN's digital integration: evolution of framework documents // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. 2023.

[8] Troitino D., Mazur V. The strategy of the European institutions on digital integration // Springer, 2024. Pp. 22-38.

[9] Rojas F., Pita P. Assessing the European association between digitalization and innovation // Telecommunications policy. 2024. Vol. 48. Issue 7.

Spisok literatury:

[1] Vasina A.N., Demina Ju.A. Politika v celjah razvitija cifrovoj jekonomika v planovyh i strategicheskikh dokumentah ASEAN // Aziatsko-Tihookeanskiy region: jekonomika: politika, pravo. 2022. T. 24. № 4. S. 49-68.

[2] Kanaev E.A., Novik N.N., Kuljasov N.S. ASEAN v uslovijah cifrovoj fragmentacii // Asia & Africa Today. 2024. № 3. С. 66-73.

[3] Kuklev I.P. Cifrovoe sotrudnichestvo v ramkah EAJeS: teoretiko-metodologicheskie aspekty // Vestnik nauki. 2025. Т. 4. № 6 (87).

[4] Mustafaev M.G.O. Pravovoe regulirovanie integracii cifrovogo prostranstva EAJeS // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo. 2024. T. 24. Vyp. 1. S. 107-115.

[5] Nazarov D.M. Ponjatie i jekonomicheskaja sushhnost' integracionnyh processov v cifrovoj jekonomike // KANT. 2023. № 4 (49). S. 84-89.

[6] Bertarini B. European Union digital single market: legal framework and challenges. Milano, FrancoAngeli, 2023.

[7] Isono I., Proilliadi H. ASEAN's digital integration: evolution of framework documents // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. 2023.

[8] Troitino D., Mazur V. The strategy of the European institutions on digital integration // Springer, 2024. Pp. 22-38.

[9] Rojas F., Pita P. Assessing the European association between digitalization and innovation // Telecommunications policy. 2024. Vol. 48. Issue 7.

ГЕЗАЛОВА Гиулан,
магистр Московского государственного
института международных отношений
Министерства иностранных дел России,
e-mail: gulya.gezalova@bk.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС И КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ правового статуса и компетенций ключевых органов двух крупных интеграционных объединений - Европейского союза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особое внимание уделяется институциональной структуре, природе полномочий, а также механизмах принятия решений и исполнения норм. Анализ показывает, что Европейский союз обладает выраженной наднациональной моделью, где органы, такие как Европейская комиссия и Европейский парламент, обладают широкими полномочиями, позволяющими принимать решения, обязательные для всех государств-членов, а также обеспечивать их непосредственное применение.

В ЕАЭС, напротив, преобладает межгосударственный подход: основные решения принимаются на основе консенсуса государств-членов, а полномочия Евразийской экономической комиссии носят ограниченный характер. Это оказывает существенное влияние на динамику и глубину интеграционных процессов в обоих союзах. В статье рассматриваются также особенности судебной системы интеграционных объединений и роль судов в обеспечении верховенства интеграционного права.

На основании сравнительного анализа делаются выводы о влиянии институционального устройства на эффективность интеграции и предлагаются рекомендации по совершенствованию правового статуса органов ЕАЭС с целью усиления их наднациональной компетенции. Статья будет полезна специалистам в области международного и интеграционного права, а также практикам, работающим с международными организациями.

Ключевые слова: интеграционное право, правовой статус, наднациональные органы, ЕС, ЕАЭС, международные организации, институты интеграции, компетенции.

GEZALOVA Giultan,
Master's student at the Moscow State
Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

THE LEGAL STATUS AND COMPETENCIES OF THE BODIES OF INTEGRATION ASSOCIATIONS: ON THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the legal status and competencies of the key bodies of two major integration associations - the European Union (EU) and the Eurasian Economic Union (EAEU). Special attention is paid to the institutional structure, the nature of powers, as well as decision-making and enforcement mechanisms. The analysis shows that the European Union has a pronounced supranational model, where bodies such as the European Commission and the European Parliament have broad powers to make decisions binding on all Member States, as well as to ensure their direct application.

In the EAEU, on the contrary, the interstate approach prevails: the main decisions are made based on the consensus of the member states, and the powers of the Eurasian Economic Commission are limited. This

has a significant impact on the dynamics and depth of integration processes in both unions. The article also examines the features of the judicial system of integration associations and the role of courts in ensuring the supremacy of the integration process.

The comparative analysis draws conclusions about the impact of the institutional structure on the effectiveness of integration and suggests recommendations for improving the legal status of the EAEU bodies in order to strengthen their supranational competence. The article will be useful to experts in the field of international and integration law, as well as practitioners working with international organizations.

Key words: *integration law, legal status, supranational bodies, the EU, the EAEU, international organizations, integration institutions, competencies.*

Введение

Современные процессы регионализации стимулируют государства к созданию интеграционных объединений, которые требуют особого правового регулирования. Одним из ключевых аспектов интеграционного права является определение правового статуса и компетенций органов, управляющих этими объединениями. Институциональная структура интеграционных союзов во многом определяет уровень и темпы их развития, а также степень суверенного участия государств-членов.

Цель данной статьи - провести сравнительный анализ правового статуса и компетенций органов Европейского союза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), выявив общие черты и принципиальные различия в подходах к институциональному строительству.

Основная часть

Интеграционные объединения характеризуются различными моделями институционального устройства, которые отражают степень делегирования суверенных полномочий государств на наднациональный уровень. В научной литературе выделяют две основные модели: межгосударственную и наднациональную. Межгосударственная модель основывается на полномочиях, делегируемых органам объединения, которые не имеют собственной воли и действуют исключительно по поручению и с согласия государств-членов. Наднациональная модель предусматривает существование органов, обладающих собственной юридической личностью, способностью принимать обязательные для государств решения и обеспечивать их непосредственное исполнение [2, с.21-22.].

В случае Европейского союза сложилась уникальная правовая конструкция, сочетающая элементы обеих моделей, но с ярко выраженным наднациональным характером. Европейская комиссия, например, выступает как независимый исполнительный орган, обладающий инициативой в законодательном процессе и полномочиями контроля за соблюдением норм ЕС. Европейский парламент, избираемый непосредственно гражданами, представляет собой демократическую

основу наднациональной системы. Суд Европейского союза обеспечивает верховенство права ЕС и его прямое применение на территории всех государств-членов [1, с. 45-46.].

В Евразийском экономическом союзе, напротив, преобладает межгосударственный принцип. Органы ЕАЭС, такие как Евразийская экономическая комиссия, состоят из представителей государств-членов и действуют на основании согласованных решений, часто по принципу консенсуса. Отсутствие широких наднациональных полномочий ограничивает способность союза к самостоятельному выработке и принятию обязательных правовых норм без согласия всех участников. Это отражается и на судебной системе - Суд ЕАЭС выполняет роль арбитра, но не обладает таким же уровнем независимости и автономии, как Суд ЕС [5].

Анализ институционального строения ЕС выявляет четкую вертикаль управления, распределение функций между законодательными, исполнительными и судебными органами, что обеспечивает баланс интересов государств и интеграционного сообщества в целом. В ЕАЭС институциональная структура менее централизована и характеризуется доминированием межгосударственных органов [6, с. 51-53.].

Механизмы передачи полномочий в ЕС основаны на принципах прямого действия и преобладания права интеграции. Правила и нормы ЕС обладают прямой юридической силой и применяются судами государств-членов без необходимости дополнительной ратификации. Это создает единое правовое пространство, где интеграционное право имеет приоритет над национальным. Такая система способствует быстрому и эффективному внедрению интеграционных норм.

В ЕАЭС, напротив, действует модель двойной имплементации: решения и нормативные акты союза требуют адаптации и включения в национальное законодательство каждого государства. Это обусловлено сохранением высокого уровня суверенитета и осторожным подходом к передаче полномочий. Такой механизм обеспечивает большую гибкость, но одновременно снижает скорость и степень унификации правовых норм.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что степень наднациональности институтов напрямую влияет на эффективность и глубину интеграции. Европейский союз благодаря развитой системе наднациональных органов и их широкой компетенции добился значительных успехов: создание единого рынка, единых стандартов и правоприменительной практики [3].

Евразийский экономический союз, сохраняя межгосударственную модель, пока не достиг такого уровня интеграции. Ограниченность компетенций органов, необходимость консенсуса и значительная роль национальных правительств замедляют процесс формирования единого экономического пространства. В то же время данная модель лучше соответствует политическим реалиям региона и обеспечивает государствам больший контроль.

Для повышения эффективности интеграции в ЕАЭС необходима эволюция институционального строя в сторону усиления наднациональных полномочий. Это включает расширение прав Евразийской экономической комиссии, повышение роли Суда ЕАЭС и развитие механизмов прямого действия интеграционного права [7]. Такой шаг позволит укрепить юридическую основу интеграции, повысить предсказуемость и единообразие применения норм, а также ускорить экономическое и политическое сближение государств-членов.

Заключение

Анализ правового статуса и компетенций органов ЕС и ЕАЭС показывает, что эффективность интеграционных процессов во многом зависит от степени развитости и автономности их институтов. Европейский союз демонстрирует более зрелую форму интеграции с развитой наднациональной системой, что позволяет ему обеспечивать единство и правовую стабильность на всей территории союза [4]. В отличие от него, Евразийский экономический союз сохраняет межгосударственную модель, что ограничивает темпы и глубину интеграции. Для дальнейшего развития ЕАЭС требуется расширение полномочий его органов, повышение уровня юридической автономии и укрепление механизмов имплементации решений.

Список литературы:

[1] Багдасарян К.М. Сравнительный анализ моделей интеграционных процессов ЕАЭС, АСЕАН и ВРЭП, и перспективы их сотрудничества // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 4 (72). С. 43-54.

[2] Байков А.А., Виньо А., Неклюдов Н.Я., Чжан Т. Интеграционная динамика в условиях кризиса: к новой интерпретативной модели // Политика и экономика. 2025. Т. 17. № 2. С. 4-29.

[3] Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграция: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 80-95.

[4] Медведев И.В. Евразийская интеграция: вопросы наднационального регулирования // Теоретическая экономика. 2023. № 9. С. 79-89.

[5] Энтин К.В. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 64-83.

[6] Moroz E.N. Comparative analysis of the integration groupings of the EU and the EAEU // Международное право и международные организации. 2022. № 2. С. 39-60.

[7] Pimenova O. Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: comparative analysis // International Organizations Research journal. 2019. Vol.14. № 1.

Spisok literatury:

[1] Bagdasaryan K.M. Sravnitel'nyj analiz modelej integracionnyh processov EAES, ASEAN i VREP, i perspektivy ih sotrudnichestva // Vestnik Rostovskogo gosudarstvenno-go ekonomicheskogo universiteta (RINH). 2020. № 4 (72). S. 43-54.

[2] Bajkov A.A., Vin'o A., Neklyudov N.YA., CHzhan T. Integracionnaya dinami v usloviyah krizisa: k novej interpretativnoj modeli // Politika i ekonomika. 2025. T. 17. № 2. S. 4-29.

[3] Ishukov A.A., Bedrina E.B. Evropejskaya i evrazijskaya integraciya: skhodstva i razlichiya // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. № 4. S. 80-95.

[4] Medvedev I.V. Evrazijskaya integraciya: voprosy nadnacional'nogo regulirovaniya // Teoreticheskaya ekonomika. 2023. № 9. S. 79-89.

[5] Entin K.V. Obshchie principy prava integracionnyh ob"edinenij kak tajnoe oruzhie Su-da ES i Suda EAES // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2022. № 2 (42). S. 64-83.

[6] Moroz E.N. Comparative analysis of the integration groupings of the EU and the EAEU // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2022. № 2. S. 39-60.

[7] Pimenova O. Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: comparative analysis // International Organizations Research journal. 2019. Vol.14. № 1.

НЕСТЕРЕНКО С.В.,
Аспирант НОЧУ ВО Московский университет «Синергия»,
e-mail: mail@law-books.ru

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЛИЦ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается мировой опыт использования систем электронного мониторинга (ЭМ) лиц, находящихся под судебным или административным контролем. Анализируются основные технологии и практики, применяемые в различных странах, а также перспективы и вызовы адаптации данных систем в Российской Федерации. Особое внимание уделяется вопросам законодательного регулирования, технической реализации и социально-правовым аспектам применения электронного мониторинга.

Ключевые слова: Электронный мониторинг, подконтрольные лица, мировой опыт, адаптация в России, системы контроля, технологии слежения, инновационные технологии, юридические аспекты, общественная безопасность, социальные последствия, защита прав человека, уголовное право, электронные браслеты, правоприменение.

NESTERENKO S.V.,
Graduate student of NOCHU HE Moscow University "Synergy"

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE USE OF ELECTRONIC MONITORING SYSTEMS FOR CONTROLLED ENTITIES AND PROSPECTS FOR ITS ADAPTATION IN RUSSIA

Annotation. The article examines the global experience of using electronic monitoring (EM) systems for persons under judicial or administrative control. The main technologies and practices used in various countries are analyzed, as well as the prospects and problems of adapting these systems in the Russian Federation. Special attention is paid to the issues of legislative regulation, technical implementation and socio-legal aspects of electronic monitoring.

Key words: Electronic monitoring, controlled persons, world experience, adaptation in Russia, control systems, tracking technologies, innovative technologies, legal aspects, public safety, social consequences, human rights protection, criminal law, electronic bracelets, law enforcement.

Введение:

Электронный мониторинг представляет собой современный инструмент, который активно применяется в различных странах для контроля за соблюдением условий освобождения, снижения уровня повторных правонарушений и обеспечения общественной безопасности. В условиях растущей преступности и недостатка ресурсов в уголовной юстиции Россия испытывает необходимость в поиске и адаптации эффективных решений, основанных на международном опыте.

Цель: Целью данного исследования является анализ мирового опыта применения СЭМ подконтрольных лиц и выявление перспектив их адаптации в российском контексте.

Задачи: Исследовать существующие модели практики применения систем электронного мони-

торинга за рубежом, включая преимущества и недостатки использования этих технологий в различных правовых системах. Оценить современные технологические решения, используемые в системах ЭМ, включая GPS-, RFID-технологии, а так же программное обеспечение для анализа данных. Изучить статистические данные и научные исследования, связанные с эффективностью электронного мониторинга в снижении уровня преступности и рецидивов среди подконтрольных лиц. Рассмотреть законодательные рамки и этические дилеммы, связанные с внедрением систем ЭМ, включая вопросы конфиденциальности и защиты прав человека. Разработать рекомендации по внедрению и адаптации системы ЭМ в России с учетом специфики правовой системы и социальных условий. Таким образом, данное

исследование направлено на создание комплексного понимания возможностей и ограничений, связанных с системами ЭМ выработку стратегий их эффективного внедрения в российскую практику.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что внедрение СЭМ подконтрольных лиц в России может способствовать снижению уровня повторной преступности и перегруженности исправительных учреждений, при условии успешной адаптации международного опыта, внедрения современных технологий и создания правового и этического регулятора. ЭМ будет способствовать более успешной реинтеграции людей в общество, так как они могут находиться в своей социальной среде Ю, что снизит вероятность социальной изоляции и улучшит условия для их эмоционального и психологического восстановления. Успех внедрения СЭМ в России зависит от разработки адекватного законодательства, которое обеспечит защиту прав личности и возможности для эффективного контроля.

Таким образом, при наличии соответствующих условий СЭМ могут стать эффективным инструментом в российской системе уголовного правосудия, снижая рост преступности и способствуя социальной реинтеграции осужденных

Материалы и методы исследований

Научные публикации и статьи:

- Журналы по праву и криминологии.
- Доклады и исследования международных организаций, таких как ООН, Совета Европы и ВОЗ.
- Диссертации и кандидаты на соискание ученых степеней, исследующие ЭМ.
- Законодательные акты
- Статистические данные
- Интервью и анкетирование

В рамках исследования были применены следующие методы:

Анализ и синтез, сравнительный метод, кейс-стадии, опросы и интервью. Эмпирические исследования, качественный и количественный анализ.

Результаты и обсуждения

Анализ данных из международной практики показал, что использование систем ЭМ позволяет снизить рецидивизм на 20-30% в странах, где эти технологии внедрены. Например, в некоторых штатах США, где широко используется ЭМ, статистика подтверждает снижение уровня повторных преступлений.

Опросы среди экспертов области уголовного права выявили, более 75% респондентов поддерживают использование ЭМ как эффектив-

ного инструмента для контроля за осужденными, особенно для несовершеннолетних и лиц, совершивших незначительные правонарушения.

Результаты анкетирования показали, что 60% респондентов верят в положительное влияние ЭМ на реинтеграцию осужденных. Возможность оставаться в социальной среде и получать поддержку способствует успешной адаптации и снижает риск изоляции.

Анализ законодательства показал, что в России отсутствует четкая правовая база для применения систем ЭМ. Это создает препятствия для их внедрения и может вызвать правовые конфликты.

В ходе дискуссий отменены значительные проблемы, как нехватка финансовых ресурсов, необходимость модернизации инфраструктуры и отсутствие поддержки со стороны правозащитных организаций.

Обсуждение вышеуказанных результатов выявило несколько ключевых тем, требующих дальнейшего анализа и внимания. Таких как, потенциал системы ЭМ, этические и правовые вопросы, разработка рекомендаций, социальные и культурные факторы.

Важным аспектом обсуждения стали этические и правовые аспекты. Участники отметили, необходимость разработки четких регуляторных норм, обеспечивающих защиту прав человека. Обсуждение практики других стран показало, что отсутствие правовой базы может привести к злоупотреблению и нарушению прав осужденных. Также, были выработаны рекомендации, включающие необходимость создания междисциплинарной рабочей группы для разработки правовой базы, проведения обучения для сотрудников правоохранительных органов и включение общественных организаций в процесс мониторинга и оценки работы систем ЭМ.

Участники обсуждения подчеркнули, что успех внедрения ЭМ в России будет зависеть не только от технологических и правовых аспектов, но и от культурных факторов. Необходима общественная осведомленность и понимание важности этих систем, чтобы преодолеть существующие негативные стереотипы.

Выводы:

Следовательно можно сделать вывод, что система мониторинга подконтрольных лиц является важным инструментом в обеспечении безопасности государства и общества. Анализ мирового опыта показывает следующие ключевые моменты:

Преимущества:

1. Повышение уровня безопасности: Мониторинг позволяет оперативно выявлять и пре-

дотвращать угрозы террористического характера, преступность и другие противоправные действия.

2. Оптимизация ресурсов правоохранительных органов: Автоматизированная система снижает нагрузку на сотрудников полиции и спецслужб, позволяя сосредоточить усилия на приоритетных направлениях.
3. Улучшение качества расследования преступлений: Данные, полученные посредством мониторинга, помогают быстрее раскрывать преступления и находить виновных.

Проблемы и риски:

1. Нарушение прав граждан: Возможные злоупотребления системой могут привести к нарушению конфиденциальности и свободы передвижения граждан.
2. Технические сложности: Необходимость интеграции различных информационных систем и обеспечение их совместимости требует значительных финансовых вложений и технических решений.
3. Этические аспекты: Вопросы этики и морали требуют тщательного обсуждения и регулирования на законодательном уровне.

Перспективы адаптации в России:

Россия обладает достаточным потенциалом для внедрения и развития системы мониторинга подконтрольных лиц. Однако для успешной реализации проекта необходимы следующие шаги:

1. Разработка нормативной базы: Создание четких правил и регламентов, регулирующих использование системы мониторинга, включая защиту персональных данных и права граждан.
2. Обучение персонала: Подготовка специалистов, способных эффективно эксплуатировать систему и анализировать получаемую информацию.
3. Инвестиционная поддержка: Финансирование проектов по внедрению современных технологий и инфраструктуры.
4. Международное сотрудничество: Обмен опытом с зарубежными странами позволит избежать ошибок и ускорить процесс внедрения.

Таким образом, адаптация системы мониторинга подконтрольных лиц в России возможна и перспективна при условии комплексного подхода и учета международного опыта.

Список литературы:

[1] Ахтарьянова Г.М., Петрова А.А. Система мониторинга подконтрольных лиц в международном опыте // Правоведение. — 2023. — № 3. — С. 78–86.

[2] Гордеев М.Н. Проблемы правового регулирования системы мониторинга сотрудников полиции в Российской Федерации // Вестник Академии МВД России. — 2022. — № 2. — С. 101–112.

[3] Ермолаев Д.С. Зарубежный опыт противодействия коррупции среди должностных лиц: Монография. — Москва: Проспект, 2023. — 240 с.

[4] Иванов П.В. Анализ зарубежного опыта введения механизмов мониторинга действий чиновников // Вопросы экономики и права. — 2022. — № 4. — С. 56–63.

[5] Ильин Ю.И. Информационные технологии в контроле за должностными лицами: современные тенденции и проблемы развития // Научные ведомости Белгородского университета. Серия гуманитарные науки. — 2023. — Т. 35. — № 1. — С. 115–128.

[6] Международная организация уголовной полиции Интерпол. Доклад о мерах по контролю над полицейскими службами разных государств. — Лион, Франция, 2022. — 35 с

[7] Миронов Н.Б. Применение информационных технологий в сфере общественного порядка и безопасности: Учебное пособие. — СПб.: Издательство Политехнического университета, 2023. — 180 с.

[8] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: Федеральный закон от 25 июля 2023 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 30. — Ст. 5612.

[9] Петров А.Ю. Использование технологий big data в мониторинге поведения госслужащих: российский и международный опыт // Государственная служба и кадры. — 2022. — № 5. — С. 91–100.

[10] Рожков Я.Г. Механизмы эффективного надзора за действиями сотрудников правоохранительных органов: монография. — Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2023. — 260 с.

[11] Сергеев Е.П. Опыт европейских стран в организации контроля за поведением сотрудников силовых ведомств // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 6. — С. 87–95.

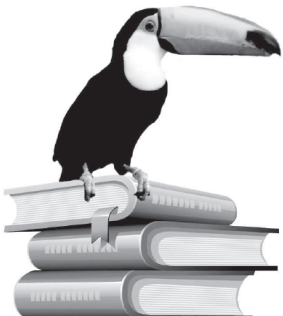
[12] Тихонова Е.К. Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга в России // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. — 2023. — № 4. — С. 110–118.

[13] Фокин Б.Л. Организация системы внутреннего контроля за соблюдением служебной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов в ФРГ // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 3. — С. 141–150.

Spisok literatury:

- [1] Axtar'yanova G.M., Petrova A.A. Sistema monitoringa podkontrol'ny'x licz v mezhdunarodnom opy'te // *Pravovedenie*. — 2023. — № 3. — S. 78–86.
- [2] Gordeev M.N. Problemy' pravovogo regulirovaniya sistemy' monitoringa sotrudnikov policii v Rossijskoj Federacii // *Vestnik Akademii MVD Rossii*. — 2022. — № 2. — S. 101–112.
- [3] Ermolaev D.S. Zarubezhny'j opy't protivodejstviya korrupcii sredi dolzhnostny'x licz: Monografiya. — Moskva: Prospekt, 2023. — 240 s.
- [4] Ivanov P.V. Analiz zarubezhnogo opy'ta vvedeniya mexanizmov monitoringa dejstvij chinovnikov // *Voprosy' e'konomiki i prava*. — 2022. — № 4. — S. 56–63.
- [5] Il'in Yu.I. Informacionny'e tekhnologii v kontrole za dolzhnostny'mi liczami: sovremennyye tendencii i problemy' razvitiya // *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki*. — 2023. — T. 35. — № 1. — S. 115–128.
- [6] Mezhdunarodnaya organizaciya ugolovnoj policii Interpol. Doklad o merax po kontrolyu nad policejskimi sluzhbami razny'x gosudarstv. — Lion, Franciya, 2022. — 35 s.
- [7] Mironov N.B. Primenenie informacionny'x tekhnologij v sfere obshhestvennogo poriadka i bezopasnosti: Uchebnoe posobie. — SPb.: Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, 2023. — 180 s.
- [8] O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: Federal'ny'j zakon ot 25 iyulya 2023 g. № 23-FZ // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. — 2023. — № 30. — St. 5612.
- [9] Petrov A.Yu. Ispol'zovanie tekhnologij big data v monitoringe povedeniya gossluzhashhix: rossijskij i mezhdunarodny'j opy't // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry'*. — 2022. — № 5. — S. 91–100.
- [10] Rozhkov Ya.G. Mexanizmy' e'fektivnogo nadzora za dejstviyami sotrudnikov pravooxranitel'ny'x organov: monografiya. — Saratov: Povolzhskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby', 2023. — 260 s.
- [11] Sergeev E.P. Opy't evropejskix stran v organizacii kontrolya za povedeniem sotrudnikov silovy'x vedomstv // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. — 2022. — № 6. — S. 87–95.
- [12] Tixonova E.K. Sovershenstvovanie mexanizma antikorrupcionnogo monitoringa v Rossii // *Byulleten' Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii*. — 2023. — № 4. — S. 110–118.
- [13] Fokin B.L. Organizaciya sistemy' vnutrennego kontrolya za soblyudeniem sluzhebnoj discipliny' sotrudnikami pravooxranitel'ny'x organov v FRG // *Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava*. — 2022. — № 3. — S. 141–150.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Целью исследования явились правовые и организационные вопросы применения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики. Для ее достижения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие содержание норм российского уголовно-исполнительного законодательства, а также международные пенитенциарные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях современной уголовно-исполнительной политики, развития и совершенствования уголовно-исполнительной системы. Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики является принципиальным направлением деятельности органов государственной и исполнительной власти и в первую очередь ФСИН России. Его можно рассматривать как реализацию национального суверенитета в современных геополитических условиях. Указанный порядок регламентирован ст. 3 УИК РФ, другими законодательными актами, регулирующими правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний, а также ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами. В настоящее время существует необходимость модернизации ч. 2 и 4 ст. 3 УИК РФ, изложив их соответственно в следующих редакциях: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, применяются последние»; «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей, национальных особенностей организации исполнения наказаний». Подобный подход к регулированию принципов и порядка применения отечественного уголовно-исполнительного законодательства и международных-правовых актов в сфере исполнения наказаний позволит усилить роль и значение, преимуществ отечественных опыта и традиций исполнения наказаний при реализации национального суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, международно-правовые акты, уголовно-исполнительная политика, пенитенциарные стандарты, уголовно-исполнительная система, осужденные, исправительные учреждения, правовая имплементация, сотрудники.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

APPLICATION OF THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND INTERNATIONAL LEGAL ACTS IN THE CONTEXT OF MODERN PENAL ENFORCEMENT POLICY

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational issues of the application of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal policy. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The article analyzed legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the content of the norms of Russian penal enforcement legislation, as well as international penitentiary standards in the field of the execution of criminal penalties in the context of modern penal enforcement policy, development and improvement of the penal enforcement system. The application of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal enforcement policy is a fundamental area of activity of state and executive authorities, primarily the Federal Penitentiary Service of Russia. It can be considered as the realization of national sovereignty in modern geopolitical conditions. The specified procedure is regulated by art. 3 of the Criminal Code of the Russian Federation, other legislative acts regulating legal relations in the field of the execution of criminal penalties, as well as international legal acts ratified by the Russian Federation. Currently, there is a need to modernize Parts 2 and 4 of art. 3 of the Criminal Code of the Russian Federation, stating them respectively in the following wording: "If an international treaty of the Russian Federation establishes rules for the execution of sentences and the treatment of convicts other than those provided for by the penal enforcement legislation of the Russian Federation, the latter apply"; "The recommendations (declarations) of international organizations on the execution of sentences and the treatment of convicts are implemented in the penal enforcement legislation of the Russian Federation in the presence of the necessary economic and social opportunities, national peculiarities of the organization of the execution of sentences." Such an approach to regulating the principles and procedures for the application of domestic penal enforcement legislation and international legal acts in the field of penal enforcement will enhance the role and importance of the advantages of domestic experience and traditions of penal enforcement in the implementation of the national sovereignty of the Russian Federation.*

Key words: *penal enforcement legislation, international legal acts, penal enforcement policy, penitentiary standards, penal enforcement system, convicts, correctional institutions, legal implementation, staff.*

Введение. Современная политика органов государственной и исполнительной власти в сфере исполнения уголовных наказаний – уголовно-исполнительная политика (далее УИП) характеризуется приоритетным применением уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации (далее УИЗ РФ), использованием фрагментов передовых пенитенциарных стандартов, их продуманной и выверенной имплементацией в отечественную уголовно-исполнительную теорию и практику, базирующуюся на богатом опыте и традициях России в области регулирования уголовно-исполнительных правоотношений. Исторических периодах формирования отечественного уголовно-исполнительного законодательства [1]. Этапах развития и реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) [2].

Современная геополитическая ситуация, экономическое, социально-политическое развитие нашего государства выводят на первый план вопросы национального суверенитета, проявляющиеся в различных сферах жизнедеятельности, включая уголовно-исполнительную. В целом УИП в настоящее время базируется на принципах:

- гуманного отношения к подозреваемым, обвиняемым и осужденным, закрепленных в уголовном, уголовно-процессуальном и УИЗ РФ [3];

- активном применении различных видов уголовных наказаний, условно-досрочного освобождения осужденных, замене в качестве поощрения не отбытой части наказания более мягким, закрепленными в национальном уголовном праве и уголовном законодательстве [4];
- реализации цифровой трансформации в УИС, широком внедрении современных цифровых и информационных технологий в деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания [5, с. 13-17];
- использования современных правовых и психолого-педагогических подходов в организации исправления осужденных, их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации [6, с. 32-34];
- применения передовых форм и методов воспитательной работы с осужденными [7, с. 160-167];
- обеспечения пенитенциарной безопасности [8, с. 35-41];
- широкого внедрения интегрированных систем безопасности и функционирования УИС [9, с. 98-101];
- совершенствования деятельности оперативных подразделений УИС, развитие современной теории оперативно-розыск-

ной деятельности УИС в соответствии с вызовами, потребностями и перспективами оперативно-розыскной политики отечественной пенитенциарной системы [10];

- профилактики противоправного поведения осужденных, комплексного предупреждения пенитенциарной преступности [11, с. 48-52].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных вопросов применения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие содержание норм российского уголовно-исполнительного законодательства, а также международные пенитенциарные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний в условиях современной уголовно-исполнительной политики, развития и совершенствования уголовно-исполнительной системы.

Основные результаты. Осуществленный теоретико-правовой и эмпирический анализ темы показал, что наиболее рельефно она закреплена в ст. 3 УИК РФ, в которой указано, что УИЗ РФ и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными [12].

Таким образом, законодатель в рассматриваемой правовой норме сделал особый акцент на соблюдении прав осужденных [13, с. 189-191]. Обеспечении их правового положения и правового статуса [14, с. 81-83].

Теоретико-правовой анализ позволил выделить основные элементы УИЗ, к которым относятся:

- уголовно-исполнительный кодекс РФ [4];
- Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»;
- Федеральный закон № 103-ФЗ 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»;
- Федеральный закон № 10-ФЗ 2023 г. «О пробах в Российской Федерации»;

- Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденную постановлением Правительства РФ 29.04.2021.

- Среди международно-правовых актов выделяются:

- Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее ООН) в 1948 году;
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» («Пекинские правила»), принятые Генеральной Ассамблеей ООН 29.11.1985;
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. № 45110 «Стандартные минимальные правила Организации Объединенных наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением» («Токийские правила»);
- Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 17.12.2015;
- Европейские пенитенциарные правила 2006 г. (с изменениями и дополнениями 2020 г.), содержащие правовые стандарты и принципы управления пенитенциарными учреждениями, персонала и обращения с осужденными тюремными ведомствами государств – членом Совета Европы.

Отметим, что некоторые из указанных и других международных договоров в сфере исполнения наказаний и обращения с осужденными не ратифицированы Российской Федерацией, а значит не подлежат их обязательному исполнению.

В ч. 2 ст. 3 УИК РФ закреплён порядок исполнения наказания и обращения с осужденными, указано, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные УИЗ РФ, то применяются правила международного договора [15].

Представляется, что в настоящее время назрела объективная необходимость модернизации указанной нормы УИК РФ в контексте усиления роли УИЗ РФ, реализуемого для обеспечения национального суверенитета, в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний. В данной связи представляется возможным изложить ч. 2 ст. 3 УИК РФ в следующей редакции: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотрен-

ные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, применяются последние». Подобный подход, на наш взгляд, позволит не только усилить роль и влияние отечественных пенитенциарных традиций, основанных на опыте исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными, но более широко применять адаптированную к современным условиям национальную правозащитную и правоохранительную деятельность в сфере регулирования уголовно-исполнительных правоотношений.

Нельзя не согласиться с законодателем, указавшем в ч. 4 ст. 3 УИК РФ что рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей [16]. Такое регулирование имеет убедительное обоснование. Более того, оно может усиленно и детализировано. Указанную норму можно дополнить и изложить в следующей редакции: «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей, национальных особенностей организации исполнения наказаний». Подобный подход, по нашему мнению, позволит законодательно разграничить, используемые в отечественном УИЗ и международных пенитенциарных стандартах понятия «осужденный» и «заключенный»; «исправительные учреждения», «следственные изоляторы» и «тюрьмы открытого и закрытого типа» и многие другие.

Важный вопрос правовой имплементации зарубежных пенитенциарных стандартов, на наш взгляд, сегодня нуждается в особом пристальном изучении и рассмотрении [17, с. 42-44]. Его необходимо решать с позиций накопленного в России исторического опыта исполнения уголовных наказаний, учета особенностей менталитета наших граждан, принципов и перспектив современной национальной уголовно-исполнительной политики, достижений реформирования УИС, гуманизации, широкого применения наказаний без изоляции осужденных от общества, безусловного соблюдения прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН

России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, состоявшемся в Академии ФСИН России 11 - 12 апреля 2024 г. Доклад на тему «Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», которая состоится в Московской

академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29.02.2024 г. Доклад на тему «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности»;

- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 5.04.2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики является принципиальным направлением деятельности органов государственной и исполнительной власти и в первую очередь ФСИН России. Его можно рассматривать как реализацию национального суверенитета в современных геополитических условиях. Указанный порядок регламентирован ст. 3 УИК РФ, другими законодательными актами, регулирующими правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний, а также ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами.

В настоящее время существует необходимость модернизации ч. 2 и 4 ст. 3 УИК РФ, изложив их соответственно в следующих редакциях:

«Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, применяются последние»;

«Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей, национальных особенностей организации исполнения наказаний». Подобный подход к регулированию принципов и порядка применения отечественного уголовно-исполнительного законодательства и международных-правовых актов в сфере исполнения наказаний позволит усилить роль и значение, преимуществ отечественных опыта и традиций исполнения наказаний при реализации национального суверенитета Российской Федерации.

Список литературы:

- [1] Аладына Л.С., Ковалев О.Г., Шабанов Г.Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. 2007.
- [2] Ковалев О.Г. Административная реформа уголовно-исполнительной системы: прошлое, настоящее, будущее // Сборник всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки «Право и наука в современном мире», 12.03.2021 Пермский институт ФСИН России.
- [3] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.
- [4] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [5] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.
- [6] Ковалев О.Г. Педагогические и психологические механизмы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных: опыт правового регулирования // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 11 (164). С. 32-34.
- [7] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.
- [8] Вилкова А.В., Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Особенности реализации международных норм при обеспечении безопасности заключенных в зарубежных пенитенциарных системах // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. № 3 (49). 2022. С. 35-41.
- [9] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Применение интегрированных систем обеспечения безопасности в современных условиях развития УИС // В сборнике: Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк. 2022. С. 98-101.
- [10] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[11] Ковалев О.Г. Современные проблемы взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности // Мир криминалистики. 2023. № 2. С. 48-52.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[13] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[14] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С.81-83.

[15] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008 448 с.

[16] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[17] Ковалев О.Г. Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы 23 Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2023. С. 42-44.

Spisok literatury:

[1] Alad'ina L.S., Kovalev O.G., Shabanov G.X. Rossijskaya уголовно-исполnitel'naya sistema: istoricheskie e'tapy formirovaniya. 2007.

[2] Kovalev O.G. Administrativnaya reforma уголовно-исполnitel'noj sistemy: proshloe, nastoyashee, budushhee // Sbornik vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj Dnyu rossijskoj nauki «Pravo i nauka v sovremennom mire», 12.03.2021 Permskij institut FSIN Rossii.

[3] Kommentarij k уголовно-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny'j). M. Dashkov i K. 2005. 21 s.

[4] Uголовное право Rossii. Osobennaya chast': Uchebnik // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moskva, 2007. 374 s.

[5] Kovalev O.G., Bagny'chev M.Yu. Osobennosti realizacii cifrovoj transformacii v уголовно-исполnitel'noj sisteme na sovremennom e'tape ee razvitiya // Uголовно-исполnitel'naya sistema: pravo, e'konomika, upravlenie. 2023. № 4. S. 13-17.

[6] Kovalev O.G. Pedagogicheskie i psixologicheskie mexanizmy resocializacii, social'noj adaptacii i social'noj reabilitacii osuzhdenny'x: opyt pravovogo regulirovaniya // Global'ny'j nauchny'j potencial. 2024. T. 1. № 11 (164). S. 32-34.

[7] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problemy organizacii vospitatel'noj raboty v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax v processe profilaktiki protivopravnogo povedeniya osuzhdenny'x // Perspektivy nauki. 2024. № 3 (174). S. 160-167.

[8] Vilkova A.V., Kovalev O.G., Shherbakov A.V. Osobennosti realizacii mezhdunarodny'x norm pri obespechenii bezopasnosti zaklyuchenny'x v zarubezhny'x penitenciarny'x sistemax // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. № 3 (49). 2022. S. 35-41.

[9] Kovalev O.G., Semenova N.V. Primenenie integrirrovanny'x sistem obespecheniya bezopasnosti v sovremenny'x usloviyax razvitiya UIS // V sbornike: Razvitie уголовно-исполnitel'noj sistemy: organizacionny'e, pravovy'e i e'konomicheskie aspekty. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novosibirsk-Novokuzneczk. 2022. S. 98-101.

[10] Teoriya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti / Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinskij V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. Kratkij uchebny'j kurs / Ser. Kratkie uchebnye kursy yuridicheskix nauk. (2-e izdanie, pererabotannoe). Moskva, 2006. 385 s.

[11] Kovalev O.G. Sovremennyye problemy vzaimodejstviya pravooxranitel'ny'x organov v protivodejstvii penitenciarnoj prestupnosti // Mir kriminalistiki. 2023. № 2. S. 48-52.

[12] Kommentarij k уголовно-исполnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny'j) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubroviczkiy L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Ly'syagin O.B., Lyadov E.V., Mixlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moskva, 2011.

[13] Kovalev O.G. Voprosy soblyudeniya prav osuzhdenny'x v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax уголовно-исполnitel'noj sistemy // Rossijskij nauchny'j vestnik. 2024. № 12. S. 189-191.

[14] Kovalev O.G., Zajceva S.I. Pravovoj status osuzhdenny'x i ego vliyanie na organizaciyu opera-

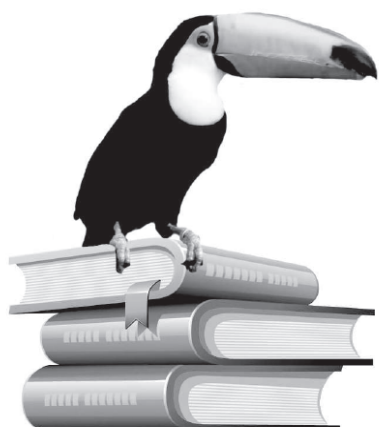
tivno-rozy'sknoj deyatel'nosti v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax UIS // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023. № 94-4. S.81-83.

[15] Kommentarij k ugovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Brilliantov A.V., Gernin V.V., Zubarev S.M., Dubroviczkiy L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Ly'syagin O.B., Lyadov E'.V., Mixlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (postatejny'j) / Moskva, 2008 448 s.

[16] Kommentarij k ugovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Trunov I.L., Filimonov

O.V., Ajvar L.K., Mixlin A.S., Grishko A.Ya., Gejxman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truncevskij Yu.V., Lobov Ya.V., Samojlov A.S., Shabanov G.X., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Moskva, 2006. 148 s.

[17] Kovalev O.G. Sovremennye problemy pravovoj implementacii penitencijny'x standartov v deyatel'nost' ugovno-ispolnitel'noj sistemy' Rossii // V sbornike: Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki. Materialy 23 Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Novokuzneczk, 2023. S. 42-44.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАЛЬНОЙ Игорь Иванович,
доктор философских наук, профессор,
e-mail: igor_kalnoy@mail.ru

ЧЕМШИТ Александр Александрович,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры «Социально-философские и политические науки»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
e-mail: aachemshit@mail.sevsu.ru

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. В центр статьи выносятся тезис о востребованности имперской идеи в ходе становления нового правопорядка. В качестве рабочей гипотезы принимается положение об имперской идее как оптимальном ответе на исторический вызов. В соответствии с обозначенной целью предпринимается исследование опыта прошлого и определение возможностей его адаптации к современным условиям. Уделяется внимание истории становления общественного человека и совершенствованию структурно-организованного общества. Подробно рассматривается долгий и трудный путь человечества к имперской идее, путём организации своего социального пространства и общественного поведения. Ставится вопрос о роли государства в регламентации жизнедеятельности общественного человека. Подчёркивается, что государство как таковое имеет свою историю становления, развития и угасания. Обозначается проблема современного исторического вызова на исчерпание государством своего исторического предназначения. Делается выбор в пользу имперской идеи как достойному ответу на вызов истории.

Ключевые слова: имперская идея; государство; общество; власть; новый правопорядок; исторический вызов.

KALNOY Igor Ivanovich,
Doctor of Philosophy, Professor

CHEMSHIT Alexander Alexandrovich,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Social,
Philosophical and Political Sciences
Federal State Educational Institution
of Higher Education "Sevastopol State University"

THE IMPERIAL IDEA IN THE CONTEXT OF THE NEW LEGAL ORDER

Annotation. The article focuses on the relevance of the imperial idea in the process of establishing a new legal order. The working hypothesis is that the imperial idea is the optimal response to historical challenges. The article aims to explore the past and determine how it can be adapted to modern conditions. It also focuses on the history of the formation of the social person and the improvement of a structured and organized society. The article examines in detail the long and difficult path of humanity towards the imperial idea, through the organization of its social space and public behavior. It raises the question of the role of the state in regulating the life of the public person. The article emphasizes that the state as such has its own history of formation, development, and decline. It highlights the problem of the modern historical challenge to the state's fulfillment of its historical purpose. The article makes a choice in favor of the imperial idea as a worthy response to the challenge of history.

Key words: imperial idea; state; society; power; new legal order; historical challenge.

Чтобы уяснить историю становления и развития государства, следует заглянуть в далекое прошлое Человечества, обратив внимание на историю становления человека общественного. Он был и остается началом и вершителем истории человечества и его нынешнего состояния. Основанием истории человечества является противоречие между желанием человека и структурно организованным табу сообщества ему подобных с их собственными желаниями и интересами. Шло развитие общественного человека и шло совершенствование структурно организованного общества ему подобных с ориентиром предотвращать войну всех против всех, локализовать феномен «человек человеку волк». В каждую эпоху человек демонстрировал, что он «чело своего века», уникальное и неповторимое, как уникален и неповторим каждый этап становления структурно организованного общества людей.

Противоречие между желанием индивида и структурно организованным сообществом ему подобных было, есть и будет источником «круговорота» взлета и падения. Первоначально человек довольствуется необходимым, проявляя волю к жизни своего организма через обмен веществ с окружающим миром. Он устремлен к выживанию в борьбе с Природой, частичкой которой он и сам является. По мере своего развития, проточеловек акцентирует все больше внимания на полезное и удобное. Он уже не ждет милости от Природы, он старается брать все, что ему под силу, проявляя волю к власти над обстоятельствами и над другими людьми. В нем просыпается спящая звериная натура хищника. Он наслаждается насилием, развращается и извращается. Безумствуя, человек растрчивает тот потенциал, который ему подарила одухотворенная Природа. В своих отклонениях он достигает черты инобытия. В каждом историческом случае «быть или не быть», вмешиваются те, кто проявляет волю к власти над собой, кто постоянно преодолевает себя, приумножая Богом данную человечность. Это люди составляют «соль земли».

Общество, потерявшее связь с метафизическими ценностями триады «святого, священного и светского», впадает в глубочайший кризис, когда пирамиду триады общество превращает в конус; когда место вершины занимает не «святое», а «светское». Но и на краю гибели идеальный проект слова-Логоса освещает путь спасения, выход из тупика. В нашем случае – это путь осуществления имперской идеи, соединяющей достоинства «власти авторитета» и «авторитета власти», духовное единство «верхов» и «низов».

К имперской идее человечество шло трудно и долго, организуя свое социальное пространство и общественное поведение в нем через табу,

ритуалы, обряды протокультуры, как базового основания подлинной культуры с ее традициями и обычаями.

В наследии Гомера и Гесиода, свидетелей исторического вызова в адрес античной общины с властью авторитета еще сохранялась ностальгия о «Золотом веке», где люди жили как боги, не ведая нужды. Возможно, так и было, но все течет и изменяется, как это подметил древнегреческий мыслитель Гераклит, заявив «о невозможности войти дважды в одну реку». Община исчерпала свой потенциал. Она потеряла способность противостоять хаосу, потеснившего порядок (космос). Утратила свою дееспособность и «власть авторитета». В общественную жизнь властно вторгаются деньги. Из посредника они трансформируются во всемогущего капитала, способного все покупать и все продавать, в том числе, и власть.

Исторический вызов ждал ответа, но уже не от идеологического, а от философского мировоззрения. Пифагор, Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и другие мыслители этой эпохи осуществляли анализ своей системы общественного правопорядка и пришли к выводу о необходимости замены власти авторитета на что-то более дееспособное, отвечающее требованиям современности [12].

Размышляя о судьбах общины, названные мыслители внесли свой вклад в формирование категориального каркаса философии как учения о познании мира и определили место человека в этом мире. Это были ключевые слова космоса и хаоса, добра и зла, прекрасного и безобразного, души и ума, идеи и материи, формы и содержания, сущности и явления, причины и следствия; общего, единичного и особенного и т.д. Пифагор и его ученики делают попытку обосновать незримую идею и ее особое значение, что аналогично незримым корням, обеспечивающим жизнь и красоту дерева. Между материей «бытия в мире» и незримой идеей одухотворенности «бытия мира» заложена взаимосвязь, но каков механизм этой взаимосвязи? Этот вопрос оставался открытым. Этот и другие вопросы стали предметом размышлений Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля и других мыслителей Античности.

Гераклит обосновывает взаимосвязь бытия мира и бытия в мире, а Сократ замыкает на человека идею всеобщей одухотворенности, приглашая его к самопознанию. Платон размышляет о состоянии человека, не как представителя общины, а города-полиса, подарившего человечеству институт государства, поднимая статус человека до формата субъекта или объекта, цели или средства. Платон обозначил в своих «Диалогах» проблему природного неравенства людей. Аристотель идет дальше, оставив свои размыш-

ления в трактате «О душе» [2], подметив, что общество в конкретике – это население трех фрагментов: тех, кто живет, как растение; тех, кто живет за счет других и тех, кто готов жизнью пожертвовать во имя справедливости и солидарности. Третий фрагмент демонстрирует людей подлинной одухотворенности. Аристотель полагает, что эти люди способны объединить возможности и достоинство власти авторитета и авторитета власти, обеспечив достойный ответ историческому вызову в формате осуществленной имперской идеи. На практике это попытался осуществить Александр Македонский, ученик своего учителя – Аристотеля.

Получилось то, что получилось. Место духовного единства верхов и низов, сродности и собранности заняло физическое единство, отчужденного богатства завоеванных стран. Уже тогда подтверждалась аксиома, что там, где люди гибнут за богатства, там бал правит Сатана. Древний Рим как первая осуществленная имперская идея не пал в противостоянии с врагами. Он саморазрушился. Его победили деньги, богатство, безмерная роскошь.

В «соревновании» двух систем общественного правопорядка молодой империи и уже состоявшегося авторитета власти в лице государства, победила государственность. Первая проба пера империи приумножила архивы истории. О ней помнили историки и вспомнили те исследователи, которые ныне задействованы в поисках ответа современному историческому вызову.

Государство изначально заявило о себе, как один из вариантов системы правопорядка, как институт регламента жизни общества и жизнедеятельности общественного человека, придерживаясь эволюционной концепции развития всего сущего в пределах бытия в мире. Можно принять констатацию, что все явления бытия в мире имеют свое начало, устремленное в свою противоположность – летальность. Феномен государства как социального института не является исключением. Государство имеет свою историю становления, развития и угасания, которая пока что оставляет открытым вопрос: «А кто или что придет на смену государству?». Это не риторический вопрос. За ним стоит надежда человека с ориентиром на благоприятную перспективу, ибо современный исторический вызов – это реакция на потерю государством способности реагировать и решать актуальные проблемы современного периода.

Общество как структурно организованный вид бытия в мире является одним из самых сложных объектов познания. Способом осуществления общества является деятельность людей, где каждый ориентирован на осуществление своих желаний, интересов. Формой проявления обще-

ства выступает социокультурное пространство разных этносов, разных конфессий, разных традиций и обычаев. В этом пространстве осуществляется своеобразный диалог человека и среды его обитания – Природы. Природа выступает в качестве объекта деятельности, а человек – в качестве производительной силы определенного способа производства.

В социальном пространстве складывается «тело» общества, его базис, а также формируется его «душа» – надстройка, основу которой составляет политика и право, мораль и искусство, наука, философия, религия. За каждой формой общественного сознания просматриваются особые: культура, язык, отношения, институт деятельности и виды деятельности. Формой осуществления общества выступает его время, которое включает все стадии становления и развития от детства к старости, от рождения до летальности.

Возможность познания общества усложняется еще и реальным взаимодействием объективных условий и субъективного фактора, их специфической взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности.

Сложившиеся триада способа бытия, формы проявления и формы осуществления обеспечивают самоорганизацию общества через систему правопорядка: примитивной на уровне власти авторитета, проблемной на уровне авторитета власти и проектируемой на уровне объединения достоинств и первой власти, и второй, а также устранения замеченных недостатков негативных проявлений. В первом и во втором случае система правопорядка представлена вертикалью управления и горизонталью исполнения. То, и другое обеспечивают люди профессиональной подготовки, но, как правило, не забывающих о своих частных интересах.

Истоки этой системы были тесно связаны с антропогенезом. Он был длительным, сложным и противоречивым, ибо соприкасался с столкновением человека и общества. Существует многообразие версий о содержании этих процессов. Читатель может с ними ознакомиться, обратившись к авторитетным источникам. Это работы И.Л. Андреева «Происхождение человека и общества» [1], Э. Тэйлора «Первобытная культура» [9], Ф.Х. Кессиди «От мифа к логосу» [6], А.Ф. Лосева «Философия. Мифология. Культура» [7], Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [11].

Эти работы свидетельствуют о многочисленных переходных периодах, где каждый период был ответом на вызов, удачным или не очень, но в любом случае он затрагивал состояние системы правопорядка, ставя под сомнение сложившуюся вертикаль власти или горизонталь коммуникации. Шло размывание власти авторитета с после-

дующим поиском достойной замены. Платон в своих трактатах «Государство» и «Законы», а Аристотель в своей «Этике» и «Политике» заявили, что есть проблема, и её нужно решать, предложив ту форму управления, которая выравнивает социальный статус людей, неравных от природы. Похоже, что время решения этой проблемы не наступило. Оно не вписывалось в парадигму космоцентризма. Только усилиями мыслителей средневековья, парадигма теоцентризма внесла свой предпосылочный вклад в решение заявленной проблемы. Предложенная отцами церкви триада «святого, священного, светского», обеспечила равенство неравных людей не перед тираном или деспотом, а перед Богом и его нравственным законом. Этот подход внес определенную редакцию во взаимодействие «святого» и «священного». Власть светского авторитета уступила место верховному авторитету власти в лице Бога. Эта власть обеспечивала духовные скрепы общества, его соборность, а также прививала людям человечность.

Последовавшая за теоцентризмом парадигма антропоцентризма утвердила легитимность авторитета власти в формате государства, что было обеспечено усилиями Н. Макиавелли – «Государь» [8], Ж. Бодена – «Республика» [3], Т. Мора – «Утопия» [5], Т. Кампанеллы – «Город солнца» [5], Т. Гоббса – «Левиафан» [4]. Эти и другие мыслители осуществили анализ общества в его становлении и развитии, оценили его достоинства и недостатки, выявили его «ахиллесову пятую», предложив свою версию правопорядка. Это было государство, как авторитет власти, в противовес власти авторитета рода, племени, общины. В условиях переходного периода от традиционного общества к индустриальному, государство заявило о своей способности средствами (усилиями) бюрократии обеспечить верховенство вертикали власти и организовать горизонталь коммуникативных отношений. Регулируя экономику, внедряя право и осуществляя политику управления, государство организовало общество на решение актуальных проблем своего времени.

Востребованность государства как особого социального института, субъекта вертикали власти, была ответом на исторический вызов в условиях неспособности власти авторитета решать проблемы дальнейшего развития и общества, и общественного человека. Это был ответ на возникновение частной собственности с вектором «товар – деньги – капитал». Это было время включения государства в мировое пространство.

Индустриальное общество рождало коллективные потребности: защиту от внешней экспансии; формирование способов производства с учетом своих возможностей; создание своего

базиса и надстройки; формирование своего общественного и индивидуального сознания; своего здравоохранения и своей образовательной системы; принятие своей Конституции (Основного закона), стержнем которой, как правило, является идеология и т.д., и т.п. Эти и другие вопросы выходили за грань возможностей даже мудрейшего представителя власти авторитета. Они были под силу только вертикали власти с опорой на горизонталь коммуникации государства. Авторитет власти – это не абстрактная возможность, это конкретная власть бюрократии, силы чиновников, способных решать конкретные задачи специального управления, обеспечивать регламент жизни общества и общественного человека. В этом проявляется достоинство бюрократии, но в этом кроется и ее недостаток. Поскольку от нее зависит решение того или иного вопроса в диапазоне «разрешить-запретить», то представители бюрократии (чиновники) поддаются соблазну всемогущества, бюрократия из системы обеспечения жизнедеятельности просителя превращается в систему самообеспечения. Соблазн всемогущества столь велик, что, несмотря на уголовные дела, связанные с преступной деятельностью чиновников вертикальной власти, эта «социальная онкология», продолжает жить и процветать. Косвенно «живучесть» этой проблемы объясняется еще и тем, что феномен бюрократии – это не абстракция, это деяние людей. Бюрократ – тот же человек, с приоритетом своих интересов, желаний, хотений, а потом уже служащий с определенной мерой ответственности. Поэтому феномен бюрократии можно считать «слабым звеном» института государства. Бюрократия ослабляет доверие людей к государству, а стало быть, и его поддержку. Она является первопричиной протестного сознания той части населения, из которой внешний враг готовит «спящие ячейки» своей пятой колонны.

Отмеченные позитивные и негативные характеристики позволяют определить государство как социальный институт управления (правления), сменивший, потерявший дееспособность, власть авторитета. Как и все остальное, феномен государства проходит по реестру бытия в мире. История его становления и развития навеивает на размышления, что государство как авторитет власти постигает такая же участь, как и его предшественника. Все, что имеет свое начало, устремлено к своему завершению, своей летальности. Государство в этом не исключение, о чем свидетельствует современный исторический вызов. Этот вызов можно рассматривать как реакцию на угасание государственности, потерю ее дееспособности решать актуальные проблемы жизни общества и жизнедеятельности общественного человека [10].

Первые апробации модели государства как авторитета власти проходили по инициативе тех, кто уяснил, что без организующего начала, без центра силы, без идеологии общества, население определенного социокультурного пространства саморазрушается, ибо в этой массе людей каждый человек устраивает свою жизнь, как правило, с учетом своих интересов, потребностей, даже несмотря на приглашение думать о Родине, а потом о себе. Как уже было отмечено выше, основное противоречие между желаниями и личными интересами индивида и интересами других людей, ему подобных, были, есть и похоже будут. Без организующего центра силы, это противоречие чревато войной всех против всех: без «Левиафана» человек человеку волк.

Переходный период смены власти авторитета на авторитет власти затянулся. Он протекал долго и трудно, прокладывая дорогу развитию производительных сил и соответствующих им производственных отношений нового способа производства. На его базе складывается базис общества и оформляется надстройка. Экономика вызывает к жизни политики, а политика закрепляется через право и мораль. В этот процесс социализации общества встраивается культура, складываются свои традиции и обычаи, развивается язык, выстраивается структура общественного индивидуального сознания, где каждая форма сознания развивает свой фрагмент культуры и свой язык, появляются новые виды деятельности человека. Культура в этом процессе была опытом проб и ошибок в результате освоения природы, познания мира и самопознания человека в этом мире. Она заложила связь времен и поколений, определив вектор развития человечества из прошлого состояния в будущее. С оформлением капиталистического способа производства и воспроизводства базиса, а также с формированием буржуазных общественных отношений, государство, как новая система общественного правопорядка, обретает свое место в социальной структуре общества. В голове обывателя формируется миф о вечном статусе государства. Оно было, есть и будет. Экономическое господство закрепляется в политике в формате определенного политического режима, определяющего потенциал вертикали власти и горизонтали коммуникативных отношений. Через политическое сознание люди осознают сопричастие с государственностью и даже возможность принять в ней непосредственное участие.

Через правовое сознание они осознают свои права и обязанности, просчитывают в каждом поступке свою меру, желаемого и возможного, определяют свою ответственность. Сопричастие людей с государством, несмотря на разницу весовых категорий, приводит к понима-

нию, что личные интересы люди могут осуществлять, оглядываясь на государство и его законодательные, судебные и силовые структуры. Все это позволяет избежать войны всех против всех, снять остроту противоречия между желаниями индивида и обществом себе подобных, где у каждого индивида есть свои желания и личные интересы.

Длительный период государство делало ставку только на вертикаль власти, разделяя людей на элиту и обывателей, на правителя и его подданных. Стихия общественной жизни внесла свои коррективы. С усложнением жизни общества, с появлением новых его структур, появилась необходимость в негосударственных образованиях. Пристальное внимание к деятельности этих негосударственных структур побудило мыслителей Нового времени исследовать это явление, что и нашло свое выражение в усилиях Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье и других мыслителей этого периода.

В их творчестве «засветилась» идея гражданского общества. При рассмотрении возможностей гражданского общества, исследователи столкнулись с проблемой взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества. С одной стороны, появление гражданского общества свидетельствовало о том, что государство не в состоянии реагировать на все проблемы, возникающие в условиях развития общества и его качественного изменения. Стало быть, появление гражданского общества – это естественная форма дополнения того, что выходит за пределы возможностей государства. Это всего лишь компенсация того, что не под силу государству и гражданское общество выступает его союзником, соратником. С другой стороны, появление гражданского общества можно толковать как ситуацию, где государство демонстрирует свою усталость и потерю дееспособности решать актуальные задачи текущего момента.

Поскольку государство теряет свой потенциал, оно угасает. На повестку дня вторгается вопрос о смене устаревшей системы общественного правопорядка. Как следствие возникает вопрос: «А кто заменит государство? Кто придет на его место?». Если государство – это система общественного правопорядка, то и гражданское общество можно рассматривать в качестве аналога этой системы, ее способности заменить, сменить уставшую государственность. Это последний, поспешный вывод решения проблемы в первом приближении.

Гражданское общество – это ассоциация свободных и равноправных людей, преследующих свои интересы, но активно работающих на благо общества, ибо они осознают, что их личная жизнь протекает в лоне публичной жизни, а стало

быть, конечный результат определяется достигнутым уровнем развития общества, а не сиюминутным индивидуальным успехом. За этим «но» в каждом случае стоит не долгосрочная стратегия и тактика государства, а выбор человека и мера его ответственности в каждом конкретном случае.

В отличие от организованного субъекта вертикали власти, индивид (обыватель), проявляет себя в двух ипостасях. Он подданный конкретного государства, и об этом свидетельствует не только его паспорт, по своей воле он может быть гражданином свободной ассоциации людей. В амплу подданного, индивид всего лишь функция в структуре общества, объект внимания, тогда как в формате представителя гражданского общества он личность, субъект участия, с ориентиром на проектирование смысла и целей своей жизни, на осуществление своих прав и обязанностей.

Индикатором состояния человеческого «Я» выступает свобода. Она проявляется по-разному у подданного и у личности гражданского общества. В первом случае она ограничена определенными рамками «можно-нельзя». Во втором случае индивид равен среди равных людей, избравших гражданское общество исключительно по своей воле и своему домыслию. Он – суверенное существо, наделенное правом выбора и участия в формировании тех ценностей, за которые индивид несет ответственность перед ассоциацией таких же, как и он, свободных людей. В этой раздвоенности индивида на подданного и государства, и на личность гражданского общества кроется трагедия человеческого «Я» и драма общества, потерявшего способность к дальнейшему развитию.

Феномен гражданского общества – это не только плечо уставшему государству решать актуальные проблемы современности, но и индикатор, свидетельствующий о том, что авторитет власти исчерпал свой потенциал. Вертикаль власти с опорой на бюрократию (силы чиновников), стала тормозом на пути дальнейшего развития. Нужна иная система общественного правопорядка, способная адаптировать достоинства власти авторитета и авторитета власти.

В первом приближении, как было отмечено выше, ответ на нынешний вызов очевиден – это должно быть гражданское общество. Ныне оно является и союзником государства, и его оппонентом. Гражданское общество может сыграть роль промежуточного звена между авторитетом власти – государством и новой системой координат жизни общества и жизнедеятельности общественного человека.

Гражданское общество, как государство, не гарантирует необходимый минимум справедли-

вости для нормальной жизнедеятельности общества и общественного человека, ибо гражданское общество, как и все иное, проходит по реестру бытия в мире. Оно имеет свое начало, устремленное в свое завершение, поэтому гражданское общество способно только декларировать возможность «святого, священного, светского», замыкаясь на повседневную суету «светского». О «священном» гражданское общество вспоминает только в случае угрозы внешней эскалации, интервенции.

Формализация справедливости и солидарности повышает градус потребности сознания внутри общества, понижая порог терпения и терпимости. Стала быть нужна та система общественного правопорядка, базовым основанием которой могла бы стать не декларируемая, а реальная связь «святого, священного и светского». Не исключено, что это может быть имперская идея в статусе империи.

Имперская идея – это не игра слов очередного светского песнопения. Она имеет свою историю становления, развития и осуществления. Это не результат миротворчества и не продукт религиозного мировоззрения. Это усилия целой плеяды мыслителей античной философии в поисках ответа на исторический вызов их времени. Парадигма космоцентризма как матрицы жизненной деятельности античной общины, исчерпала свой потенциал противостоять валу хаоса, который захлестнул все сферы жизни античного общества, подорвав веру в порядок и незыблемость космоса. Проблема «Как жить дальше в условиях недееспособности власти авторитета?», активизировала мыслителей на поиск той системы общественного правопорядка, которая могла бы обеспечить равенство людей, неравных от природы.

Мыслители античности столкнулись с нестандартной проблемой, суть которой передал Гераклит, сформировав и обосновав положение о том, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Другими словами, все явления бытия в мире одноразовые. Они живут от рождения до своей летальности.

Пифагор и его ученики согласились с Гераклитом, только по тем явлениям, которые в качестве субстанции имеют материю. Но вывод Гераклита не работает, когда речь идет о бытии явлений, хранящих свой незримый характер, но выступающих фактором силы, обеспечивающей жизнь явлений, возникающих на время и исчезающих насовсем. Пифагор сравнивает незримые идеи с корнями дерева. Они подпитывают дерево, обеспечивают его жизнь, красоту, но их никто не видит. Они незримы. Можно ли их познать? На этот вопрос отвечает Сократ: «...можно, но только решив для себя проблему самопознания».

Ученик Сократа Платон идет еще дальше, обосновывая положение о судьбе абсолютной идеи. В отличие от других идей, связанных с системой повседневной жизни, абсолютная идея повязана с триадой «святого, священного и светского». Будучи одной из составляющих, «святое» обретает статус фактора духовной силы, подпитывающей «священное» и «светское», и, при этом, сохраняющее свою незримость и бессмертие. Развивая учение своего учителя, Аристотель выдвинул и обосновал положение о том, что все живое имеет свою душу, уникальную и неповторимую. Это имеет прямое отношение и к человеку. Ученик Платона сделал попытку на практике подтвердить усилия античных мыслителей, обосновавших идею духовной силы, влияющей на бытие в мире, но сохраняющей свое представительство в лоне бытия мира. Аристотель подготовил своего ученика Александра Македонского с намерением подтвердить наработки философов или их опровергнуть.

Сделав ставку на духовную силу, А. Македонский, обеспечив единство верхов и низов в соборности и сродности, осуществил имперскую идею. Рим превратился в государство мирового масштаба, но поскольку единство верхов и низов базировалось в первую очередь на присвоении награбленного чужого богатства, то судьба Рима была predetermined даже в то время, когда олигархи и плебеи гордились тем, что они римляне. Рим саморазрушился, ибо имперская идея духовной силы уступила место «мягкой» силе награбленного.

Востребованность рабов во всех сферах жизни развращала и извращала свободу. Рим оставил после себя грязь на земле и «грязь» в обществе, подтвердив, что может случиться с теми, кто, выбирая между духовной силой бытия мира и «мягкой» силой бытия в мире, предпочитает второе, навязанное деньгами и карнавалом Сатаны.

История древнего Рима ничему не научила «прихватизаторов» постсоветской России. В 90-е годы XX века они пытались повторить «подвиг» надменных патрициев, но в современном прочтении. Человека не своего круга, «прихватизаторы» превратили в разновидность социальной функции, в формате которой понятие «человек» воспринимается уже не гордо, а горько. Научно-техническая революция второй половины XX века подарила миру автоматизацию, роботизацию и компьютеризацию, а в XXI веке добавила чипизацию, цифровизацию и искусственный интеллект. В руках тех, кто ориентирован на благо, прогресс может решить многие социальные проблемы, но в руках тех, кто ориентирован на приумножение прихваченного капитала, прогресс демонстри-

рует свою тень – регресс, за который придется дорого заплатить и обществу, и общественному человеку. Только принятие спустя 30 лет, после декабря 1993 года, официальной идеологии как стержня Конституции (Основного закона Российской Федерации), будет первым, но не последним шагом на пути формирования духовной сродности «верхов» и «низов», сборности уже народа, а не населения, где каждый индивид будет испытывать гордость от своей принадлежности к конкретной триаде «святого, священного и светского». Идеология – это такой же стержень народа, как и позвоночник у человека. Ее назначение рождает аналог с компасом на корабле в открытом море. Идеология не просто нужна, она жизненно необходима. Для России – это может быть началом осуществления незримой, но эффективной имперской идеи в формате империи, скорее, по идеологии духовного, а не физического единения Византии в современном прочтении.

Рассматривая в качестве предпочтительного византийский вариант, следует помнить и о достоинствах римского варианта. Рим оставил потомкам особую культуру: язык компромисса, представительный Сенат Республики и юриспруденцию. Рим культивировал патриотизм и гордость свободного человека быть римлянином, подчиняться законам Республики и т.д.

Прежде, чем делать выбор в пользу имперской идеи, нужно тщательно изучить опыт прошлого и определить, что можно взять и адаптировать с учетом условий современности, формируя новую систему правопорядка и жизнедеятельности общественного человека, не забывая истину о том, что неопределенность рождает мифотворчество и ностальгию о прошлом, а также потерю доверия к любой системе общественного правопорядка.

Проведенное исследование обеспечивает возможность сделать вывод о том, что все страны, сделавшие ставку на «мягкую» силу капитала и рынка товара, еще долго и безуспешно будут эксплуатировать институт государства. Прямой путь к оптимальной системе правопорядка, достойному ответу на современный исторический вызов, может предложить только духовная сила имперской идеи.

Список литературы:

- [1] Андреев И.А. Происхождение человека и общества. — М.: Мысль, 1982. — 304 с.
- [2] Аристотель. О душе. — Изд-во АСТ. — М.: 2021. — 361 с.
- [3] Боден Ж. Шесть книг о государстве (фрагмент) URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/46.php

[4] Гоббс Т. Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости. — СПб: Азбука-Аттикус, 2012. — 672 с.

[5] Кампанелла Т., Мор Т. Утопия. Город солнца. — М.: Родина, 2023. — 250 с.

[6] Кессиди Ф.Ч. От мифа к логосу. — М.: Мысль, 1972. — 312 с.

[7] Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 526 с.

[8] Макиавелли Н. Государь: Сочинения. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 1998. — 656 с.

[9] Тейлор Э. Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989. — 568 с.

[10] Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. — М.: Прогресс, Культура, 1996. — 606 с.

[11] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21, С. 23-178.

[12] Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 374 с.

[2] Aristotel'. O dushe. — Izd-vo AST. — M.: 2021. — 361 s.

[3] Boden Zh. Shest' knig o gosudarstve (fragment) URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/46.php

[4] Gobbs T. Leviafan. Chelovecheskaya priroda. O svobode i neobxodimosti. — SPb: Azbuka-Attikus, 2012. — 672 s.

[5] Kampanella T., Mor T. Utopiya. Gorod solnca. — M.: Rodina, 2023. — 250 s.

[6] Kessidi F.Ch. Ot mifa k logosu. — M.: My'sl', 1972. — 312 s.

[7] Losev A.F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. — M.: Politizdat, 1991. — 526 s.

[8] Makiavelli N. Gosudar': Sochineniya. — M.: ZAO Izd-vo E'KSMO-Press; Xar'kov: Izd-vo «Folio», 1998. — 656 s.

[9] Tejlor E'. Pervobytnaya kul'tura. — M.: Politizdat, 1989. — 568 s.

[10] Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii: Sbornik. — M.: Progress, Kul'tura, 1996. — 606 s.

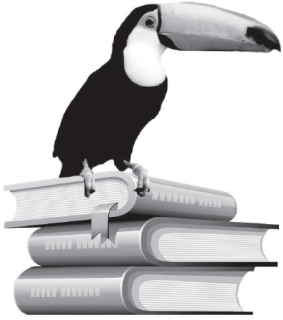
[11] E'ngel's F. Proisxozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. K. Marks, F. E'ngel's. Soch. 2-e izd. T. 21, S. 23-178.

[12] Chany'shev A.N. Kurs lekcij po drevnej filosofii: Ucheb. posobie dlya filos. fak. i otdelenij un-tov. — M.: Vy'ssh. shkola, 1981. — 374 s.

Spisok literatury:

[1] Andreev I.A. Proisxozhdenie cheloveka i obshchestva. — M.: My'sl', 1982. — 304 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГУСЕВА Галина Викторовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Байкальский государственный университет,
Россия, Иркутск,
e-mail: galiguseva@yandex.ru

«ЗЕЛЕНОЕ» СТРОИТЕЛЬСТВО: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ОТРАСЛИ В РОССИИ И В МИРЕ

Аннотация. Экологическое строительство, на сегодняшний день, является глобальным трендом, трансформирующим подходы к проектированию, возведению и эксплуатации зданий. Целью написания данной статьи является комплексное исследование нормативных правовых механизмов, регулирующих экологизацию строительной отрасли, для выявления пробелов в законодательстве, анализа эффективности существующих инструментов и разработки рекомендаций по гармонизации международных стандартов и российского законодательства. В статье анализируются действующие в мире стандарты в области экологизации, ставшие глобальным эталоном. В работе представлен анализ международных стандартов экологически устойчивого строительства, приведены примеры из зарубежного законодательства и проведен обзор нормативно-правовой базы, регулирующей «зеленое» строительство в России. На основании проведенного анализа правовых основ экологизации строительной отрасли в РФ и в мире, выявлены ключевые проблемы правоприменения в области исследования, а также предлагаются направления совершенствования правового регулирования экологизации строительства.

Ключевые слова: экологическое строительство, «зеленое» строительство, правовое регулирование, экологические стандарты, устойчивое развитие, природоохранное законодательство, «зеленые» технологии.

GUSEVA Galina Viktorovna,
Ph.D. in economical sciences, associate professor
of the department of theory and history of state and law,
Baikal State University,
Russia, Irkutsk

«GREEN» CONSTRUCTION: LEGAL BASIS FOR ECOLOGIZING THE INDUSTRY IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Annotation. Green construction is currently a global trend that transforms approaches to the design, construction and operation of buildings. The purpose of writing this article is a comprehensive study of the regulatory legal mechanisms governing the greening of the construction industry in order to identify gaps in legislation, analyze the effectiveness of existing tools and develop recommendations for the harmonization of international standards and Russian legislation. The article analyzes the current global standards in the field of greening, which have become a global standard. The work presents an analysis of international standards for environmentally sustainable construction, provides examples from foreign legislation and analyzes the regulatory framework governing «green» construction in Russia. Based on the analysis of the legal framework for greening the construction industry in the Russian Federation and in the world, key problems of law enforcement in the field of research are identified, and directions for improving the legal regulation of greening construction are proposed.

Key words: ecological construction, «green» construction, legal regulation, environmental standards, sustainable development, environmental legislation, «green» technologies.

В рамках современной действительности большое внимание уделяется экологичности происходящих в мире процессов жизнедеятельности населения [3]. Впервые концепция «зеленой» экономики была озвучена в 1989 г. и опиралась на итоги работы Комиссии Брундтланд, учрежденной Генеральной Ассамблеей ООН для изучения взаимосвязи между окружающей средой и развитием. Современный подход к «зеленой» экономике сформировался только к 2009 г. С точки зрения программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), «зеленая» экономика – это экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижая риски ухудшения состояния окружающей среды [6, с. 104].

Сегодня активно развивается экологически ориентированная экономика, цель которой – сокращение экологического ущерба и улучшение качества жизни населения [7]. Во многих отраслях экономики важную роль играют ESG-принципы, основанные на защите окружающей среды и создании благоприятных социальных условий [2, с. 540].

Строительная отрасль ответственна за 38% глобальных выбросов CO₂ и 35% образования отходов. Экологизация этой сферы – ключевое условие достижения целей Парижского соглашения по климату, принятого 12 декабря 2015 г. в Париже в рамках Рамочной конференции ООН об изменении климата. Правовое регулирование по нему выполняет триединую задачу: ограничивает негативное воздействие на окружающую среду (отходы, выбросы), стимулирует внедрение ресурсосберегающих технологий и формирует стандарты жизненного цикла объекта – от проектирования до утилизации.

Учеными отмечается, что «современный горожанин воспринимает всю территорию города как единое пространство и ожидает от него безопасности, комфорта и функциональности» [4]. Благоустройство территории сегодня является крайне важной проблемой градостроительства, так как экологизация строительства может закрыть значительную часть потребностей населения.

По мнению Солодихина Г. М. и Яжлева И. К., «зеленое» строительство, «зеленые» здания, «устойчивое» строительство – это практика строительства и эксплуатации зданий, целью которой является снижение уровня потребления энергетических и материальных ресурсов при одновре-

менном сохранении или повышении качества зданий и комфорта их внутренней среды» [8, с. 166].

Первопроходцами в области создания международных стандартов для экологически устойчивого строительства стали некоторые страны Европы и США. К таким стандартам относятся: BREEAM, созданный в Великобритании в 1990 г.; LEED – американская система сертификации, предложенная в 1998 г.; Green Star, принятый в Австралии в 2003 г.; DGNB, разработанный в Германии в 2009 г. и международная система SB-Tool, известная с 2002 г.

BREEAM и LEED получили наибольшее распространение как в мире, так и в России, DGNB и Green Star применяются реже, а SB-Tool не внедряется массово, однако реализуются пилотные проекты (например, «Лахта-центр» в Санкт-Петербурге). Так или иначе, система сертификации доказала свою эффективность, получила широкое распространение в мире.

Кроме того, в последнее время, набирают популярность два новых стандарта WELL и FitWel, которые уникальны тем, что над их созданием работала огромная группа специалистов разных направленностей – в области медицины, социологии, психологии, инженерии [9]. Все это указывает на безусловную актуальность данной темы и перспективность таких разработок. Но чтобы стандартизация эффективно внедрялась необходимо обеспечение специальных условий и проработанная нормативно-правовая база.

В качестве примера можно привести опыт Сингапура, где Закон «О зеленых зданиях» предусматривает налоговые льготы для проектов с сертификатом Green Mark. В ЕС действует Директива 2010/31/EU, которая обязывает все новые здания с 2025 г. иметь «нулевой» энергобаланс, то есть производство энергии из возобновляемых источников должно быть равно или даже превышать ее потребление.

В России нормативные основы регулирования энергоэффективности зданий начали формироваться еще в 90-х гг. прошлого века [5]. Федеральное градостроительное законодательство имеет некоторые пробелы и коллизии в связи с отсутствием единого нормативного правового акта, регулирующего строительную деятельность, однако преимущественно градостроительные нормы, содержащиеся в актах, дополняют друг друга. Отразим в таблице 1 основные направления регулирования «зеленого» строительства в действующих НПА.

Таблица 1. Направления правового регулирования «зеленого» строительства в России

НПА	Направление регулирования	Нормы и требования
Конституция РФ	Конституционные основы	ст. 9: Земля и природные ресурсы – основа жизни народов, ст. 42: Право на благоприятную среду
ФЗ №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»	Оценка воздействия на окружающую среду, защита особых территорий, платность негативного воздействия	ст. 16.1: Плата за выбросы, сбросы, размещение отходов, ст. 32: Обязанность оценки воздействия на окружающую среду для проектов, влияющих на природу, ст. 35: Запрет деятельности без оценки воздействия на окружающую среду, ст. 59: Запрет хозяйственной деятельности, ведущей к деградации природных объектов
ФЗ №174-ФЗ «Об экологической экспертизе»	Оценка воздействия на окружающую среду	ст. 3: принципы экологической экспертизы, ст. 11-12: обязательная экспертиза для объектов I категории опасности
Градостроительный кодекс	Территориальное планирование	ст. 1, 12: учет экопараметров при зонировании, ст. 18: соблюдение ограничений в охранных зонах
Земельный кодекс	Охрана природных ресурсов	ст. 13: обязательная рекультивация земель после строительства
Лесной кодекс	Охрана природных ресурсов	ст. 21: условия строительных работ на землях лесного фонда, ст. 22: работы по некапитальному строительству на землях лесного фонда
СП 50.13330.2012 «Тепловая защита зданий»	Энергоэффективность и возобновляемые источники энергии	Нормирование теплозащиты, требование к использованию возобновляемых источников энергии

На уровне субъектов РФ разрабатываются законы и другие акты, позволяющие учесть климатические, экономические, культурные и другие особенности регионов, однако, безусловно, первостепенную роль в данном вопросе играет федеральное законодательство. Большая часть действующих НПА направлена на обеспечение энергоэффективности, гораздо меньшее количество – на регулирование сбора и утилизацию отходов, практически отсутствуют нормы, направленные на регулирование водопотребления, стимулирующие применение натуральных и экологических материалов, а также вторичное использование материалов [1, с. 77]. Однако, ориентируясь на данные таблицы, все же можно сделать вывод о комплексном подходе в регулировании «зеленого» строительства в России,

однако активно меняющаяся реальность требует оперативной актуализации действующих норм. Так, например, с 2025 г. вступают в силу поправки в ст. 16.1 ФЗ № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» о цифровом экоконтроле – данные мониторинга выбросов в режиме реального времени.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о ключевых проблемах правоприменения в России, к которым предлагается отнести: фрагментарность законодательства, недостаток стимулов для «зеленых» инноваций и слабый контроль за соблюдением экологических градостроительных норм.

Переход к экологическому строительству требует не только технологической трансформации, формирования у общества экологического мышления, но и, что критически важно, совер-

шенствования правовой базы. К наиболее важным аспектам, на наш взгляд, можно отнести следующее:

1. Необходимость унификации российских стандартов с международными и интеграция стандартов с действующей нормативно-правовой базой. В России разрабатывается стандарт «КУРТ» (Комплексное Устойчивое Развитие Территорий) на базе анализа DGNB и BREEAM Communities. Еще одним трендом является возможный рост SB-Tool через интеграцию с ГОСТ Р 54964-2014 к 2030 г. – данный вопрос на согласовании в Минстрое.
2. Потребность в усилении надзора за соблюдением норм оценки воздействия на окружающую среду.

Примером успешной практики ОВОС является ЖК «Зиларт» в Москве, где внедрена система очистки ливневых стоков по СП 32.13330.2018, что позволяет снизить нагрузку на городские сети на 40%. Это стало возможным благодаря детальной ОВОС, учету интересов жителей и компенсационным мерам. Однако этот пример не является правилом в связи с существующими проблемами в рассматриваемой сфере, устранение которых позволит снизить риски экологических конфликтов и повысить инвестиционную привлекательность «зеленых» проектов. Также важно усилить ответственность за нарушение экологических требований, предварительно обеспечив качественную среду для реализации «зеленых» проектов.

3. Важность внедрения стимулов для девелоперов. Так как стоимость сертификации высокая (от 2 млн. руб. для LEED), на федеральном уровне необходимо предусмотреть обеспечение экономических возможностей для девелоперов. С этой целью рекомендуется разработать федеральную программу субсидирования «зеленых» технологий и законодательно предусмотреть возможность предоставления налоговых вычетов для проектов с рейтингом BREEAM/ LEED ≥ «Very good».

Реализация названных мер, по нашему мнению, нивелирует ряд существующих проблем в области экологизации строительства и обеспечит большие возможности для устойчивого развития территорий.

Список литературы:

[1] Бакаева Н. В. Нормативное регулирование экологической безопасности строительства с помощью «зеленых» стандартов / Н. В. Бакаева, А. Ю. Натарова, А. Ю. Игин // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 4(67). – С. 68-79. – EDN URXEYA.

[2] Ковалевская Н. Ю. Подходы к оценке экологических рисков инвестиционной деятельности / Н. Ю. Ковалевская, В. М. Багинова. — DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(3).539-551. – EDN DHIQEN // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 539-551.

[3] Ковалевская Н. Ю. Экологические аспекты развития урбанизированных территорий / Н. Ю. Ковалевская, Б. М. Бедин. – DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1011-1024. – EDN GKPOEW // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 1011-1024.

[4] Зими́на Е. В. Благоустройство территории как фактор современного развития городской среды (на примере г. Иркутска) / Е. В. Зими́на, Ю. А. Уразумбетова. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).16. – EDN MVUVDK // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 4.

[5] Мурзин А. Д. Экологизация городского строительства: зарубежный опыт и российские проблемы / А. Д. Мурзин, Н. В. Швыденко, А. В. Филиппова // Экономика и экология территориальных образований. – 2017. – № 2. – С. 72-79. – EDN YKTWIB.

[6] Рыженков А. Я. Актуальные проблемы перехода к «зеленой» экономике в строительстве, промышленности и на транспорте: правовой аспект / А. Я. Рыженков, А. Н. Садков // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 102-114. – DOI 10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114. – EDN WEJBDT.

[7] Селезнев А. Б. Анализ эффективности существующих норм и стандартов капитального ремонта в России с учетом требований зеленого строительства / А. Б. Селезнев, М. С. Трусков // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 119-125. – DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-5-119-125. – EDN GKTHNE.

[8] Солодихин Г. М. Комплексный подход в «зеленом» строительстве зданий и сооружений / Г. М. Солодихин, И. К. Яжлев // Приволжский научный журнал. – 2014. – № 3(31). – С. 166-170. – EDN SNZLBV.

[9] Сравнительный анализ стандартов экологического строительства / С. Г. Шеина, В. В. Белаш, Д. С. Дементеев, А. П. Калиткин // Инженерный вестник Дона. – 2021. – № 9(81). – С. 24-32. – EDN JIOXBW.

Spisok literatury:

[1] Bakaeva N. V. Normativnoe regulirovanie ekologicheskoy bezopasnosti stroitel'stva s pomoshch'yu «zelenyh» standartov / N. V. Bakaeva, A. YU. Natarova, A. YU. Igin // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 4(67). – S. 68-79. – EDN URXEYA.

[2] Kovalevskaya N. YU. Podhody k ocenke ekologicheskikh riskov investicionnoj deyatel'nosti / N. YU. Kovalevskaya, V. M. Baginova. — DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(3).539-551. — EDN DHIQEH // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. — 2023. — T. 33, № 3. — S. 539-551.

[3] Kovalevskaya N. YU. Ekologicheskie aspekty razvitiya urbanizirovannyh territorij / N. YU. Kovalevskaya, B. M. Bedin. — DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1011-1024. — EDN GKPOEW // Baikal Research Journal. — 2023. — T. 14, № 3. — S. 1011-1024.

[4] Zimina E. V. Blagoustrojstvo territorii kak faktor sovremennogo razvitiya gorodskoj sredy (na primere g. Irkutska) / E. V. Zimina, YU. A. Urazumbetova. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).16. — EDN MVUVDK // Baikal Research Journal. — 2022. — T. 13, № 4.

[5] Murzin A. D. Ekologizaciya gorodskogo stroitel'stva: zarubezhnyj opyt i rossijskie problemy / A. D. Murzin, N. V. SHvydenko, A. V. Filippova // Ekonomika i ekologiya territorial'nyh obrazovanij. — 2017. — № 2. — S. 72-79. — EDN YKTWIB.

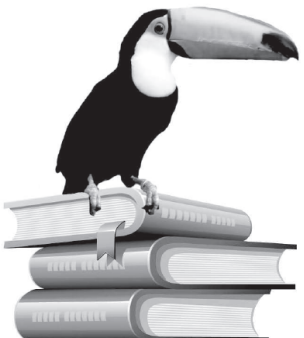
[6] Ryzhenkov A. YA. Aktual'nye problemy perekhoda k «zelenoj» ekonomike v stroitel'stve, promyshlennosti i na transporte: pravovoj aspekt / A. YA. Ryzhenkov, A. N. Sadkov // Pravovoj poryadok i pravovye cennosti. — 2023. — T. 1, № 1. — S. 102-114. — DOI 10.23947/2949-1843-2023-1-1-102-114. — EDN WEJBTD.

[7] Seleznev A. B. Analiz effektivnosti sushchestvuyushchih norm i standartov kapital'nogo remonta v Rossii s uchetom trebovanij zelenogo stroitel'stva / A. B. Seleznev, M. S. Trusov // Russian Economic Bulletin. — 2024. — T. 7, № 5. — S. 119-125. — DOI 10.58224/2658-5286-2024-7-5-119-125. — EDN GKTHNE.

[8] Solodihin G. M. Kompleksnyj podhod v «zelenom» stroitel'stve zdaniy i sooruzhenij / G. M. Solodihin, I. K. YAZhlev // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. — 2014. — № 3(31). — S. 166-170. — EDN SNZLBV.

[9] Sravnitel'nyj analiz standartov ekologicheskogo stroitel'stva / S. G. SHeina, V. V. Belash, D. S. Dementeev, A. P. Kalitkin // Inzhenernyj vestnik Dona. — 2021. — № 9(81). — S. 24-32. — EDN JIOXBW.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-46-52

СЁМКИНА Анастасия Владимировна,
помощник юриста «Скорая юридическая помощь»,
e-mail: smkinan@inbox.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК ИНСТИТУТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье рассматриваются положения Конституции РФ, регламентирующие право человека и гражданина на защиту и как институт необходимой обороны отражается в конституционных нормах. Природа и отличительные признаки необходимой обороны являются предметом дискуссии. Институт необходимой обороны, являясь конституционным правом граждан, находит свою детализацию в отраслевом законодательстве Российской Федерации. В значительной степени институт необходимой обороны регламентирован в ст.37 УК РФ, в которой указаны условия правомерности необходимой обороны и условия посягательства, при которой возможно применить оборону. В статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации были внесены изменения, и с учетом субъективного фактора был добавлен ч.2.1, который предусматривает, что действия обороняющегося лица признаются необходимой обороной, даже если они объективно выходят за ее пределы, при условии, что в силу внезапности нападения обороняющийся не мог в полной мере осознавать характер и степень нападения. В статье исследуется вопрос о значении права на необходимую оборону как благо человека и как способ защиты конституционных прав человека и гражданина, закрепленных во 2 главе Конституции РФ. В юридической практике норма ст. 37 УК РФ была предметом обращений к Конституционному суду с требованием признать ее неконституционной по причине неопределенности содержания. В решениях Конституционного Суда РФ прослеживается однозначная позиция судей Конституционного суда по вопросу конституционности нормы ст.37 УК РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, права и свободы человека и гражданина, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона.

SEMKINA Anastasia Vladimirovna,
Associate Lawyer "Emergency legal aid"

NECESSARY DEFENSE AS AN INSTITUTION FOR THE REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO DEFENSE

Annotation. The article examines the provisions of the Constitution of the Russian Federation regulating the right of a person and citizen to protection. Special attention is paid to industry legislation, which regulates in detail the institution of necessary defense. The article examines the importance of the right to necessary defense for the protection of constitutional human and civil rights, enshrined in Chapter 2 of the Constitution of the Russian Federation. The article presents the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of the constitutionality of the norm of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms, circumstances precluding criminality of the act, necessary defense.

Введение

Конституция РФ гарантирует гражданам права и свободы, которые признаны в демократическом обществе, а также предусматривает

возможность защиты от посягательства на эти права и свободы. Необходимая оборона как один из инструментов защиты конституционных прав закреплен в Конституции РФ.

Легального определения понятия «необходимой обороны» нет, оно имеется только в доктрине. Представляется корректным следующее определение: необходимая оборона – это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства [10. С.54]. Институт необходимой обороны начал свою историю еще с Древней Руси, и претерпел изменения в течение всей своей истории до сегодняшнего времени. Споры о сущности института необходимой обороны, о ее важности, об ее условиях применения не умолкают в научном сообществе и в обществе, так как необходимая оборона является институтом реализации права граждан на защиту от общественно-опасного посягательства.

Материалы и методы: в рамках изучения темы, применялся метод анализа для детального изучения положений Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и постановлений Верховного Суда РФ. Анализ позволяет выявить сущность и содержание норм, регулирующих необходимую оборону, а также их взаимосвязь. Синтез для объединения отдельных положений нормативных правовых актов и научных концепций в единую систему знаний о необходимой обороне. Метод сравнения для сопоставления различных редакций Уголовного кодекса РФ, постановлений Пленума Верховного Суда СССР и РФ

Литературный обзор. Профессор, доктор юридических наук В.В. Меркурьев, анализируя социальную природу необходимой обороны, пришел к выводу, что принципиальное решение вопроса об условиях правомерности необходимой обороны и пределах ее допустимости всегда находилось в прямой зависимости от положения личности в обществе и государстве. Если в государстве достоинство личности, ее естественные права и свободы зависят от волевой деятельности законодателя, судов, прокуратуры, административных органов, то нельзя и говорить о праве на необходимую оборону как об абсолютном субъективном праве человека [12.С 25]. С этим утверждением сложно не согласиться, поэтому стоит его взять за основу и ответить на вопрос: Какое место занимает человек, его права и свободы в Российской Федерации?

Для реального обеспечения прав и свобод граждан необходимо наличие четких и эффективных механизмов защиты. Эти механизмы призваны гарантировать, что в случае нарушения прав и свобод, граждане могут обратиться за защитой и восстановлением своих прав.

Конституционная регламентация защиты граждан закреплена в статье 45 Конституции РФ, устанавливающая, что каждый вправе защищать

свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. И необходимая оборона как раз подпадает под признаки ст. 45 Конституции РФ, ведь эта мера закреплена в ст. 37 Уголовного кодекса (далее – УК РФ) как обстоятельство, исключающее преступность деяния [2]. И также, Конституция РФ в ст. 17 гласит, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. В этих статьях прослеживается естественная концепция, на которой должно строиться законодательство, в том числе нормы о необходимой обороне. С учетом центрального положения человека в государстве следует формировать норму о необходимой обороне и правила применения этой нормы для решения дел. Поэтому главенствующая концепция социальной и правовой природы необходимой природы на данный момент гласит, что необходимая оборона рассматривается как естественное, прирожденное право человека, что это есть одна из форм проявления борьбы за существование, охватывающее все мироздание. [11. С. 220]

Необходимая оборона позволяет защитить такие конституционные права, как: право на жизнь (ч.1 ст. 20), достоинство личности (ст.21), право на свободу и личную неприкосновенность (ч.1 ст.22), неприкосновенность жилища (ст. 25). Необходимая оборона позволяет человеку оперативно защитить человеку права и свободы в силу невозможности обращения за защитой прав и свобод к правоохранительным органам [1].

Необходимая оборона – является правомерным способом воплощения права на защиту. В связи с высоким уровнем преступности на государстве лежит обязанность в правильной реализации нормы о необходимой обороне, чтобы человек смог защитить себя.

Конституция РФ только закрепляет право гражданина на защиту, это недостаточно для функционирования необходимой обороны как формы защиты в России. И для реализации права на необходимую оборону ее подробно регламентировали в нескольких нормативных правовых актах: в Уголовном кодексе РФ а также и в Гражданской кодексе из чего можно сделать вывод о необходимой обороне как о межотраслевом институте. Но прежде чем говорить о нынешнем состоянии закреплённого института обороны, стоит проанализировать изменения данного института в нормативных правовых актах и в толковании Верховного Суда РФ.

В редакции УК РФ от 2004г. в ч.1. ст. 37 закреплены два вида посягательства, от которых защищаются в состоянии необходимой обороны: общественно-опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни и посягательство, сопряженное с угрозой ее применения

такого насилия. А в ч.2 этой же статьи указано условие правомерности необходимой обороны от посягательства, сопряженного насилием, не опасным для жизни и с угрозой применения такого насилия: если не было допущено превышение пределов обороны, т.е. умышленного действия, несоответствующего характеру и степени посягательства. Следовательно, при отражении посягательства сопряженного с насилием, опасным для жизни пределы превышения обороны не применяются.

Данный подход к законодательному закреплению условий правомерности существует до сих пор. Условия правомерности необходимы, так как личность посягающего и его права не выходят за рамки охраны закона, и государство не может не признать даже за этим лицом его неотчуждаемые права, поэтому условия правомерности определяют законность действия обороняющегося лица. [8. С.10]

Важным изменением условий признания обороны правомерной, является признание субъективного аспекта (признака) при квалификации деяния. Законодатель признал, что не всегда обороняющееся может объективно оценить посягательство, из-за чего он может выйти за пределы необходимой обороны, поэтому в таком случае действия защищающегося субъекта не признаются превышением пределов обороны. Это изменение было введено в 2003 году Федеральным законом №162, потом закреплено в ч.2.1 УК РФ которая гласит, что не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Несмотря на то, что образовалось новое государство - Российская Федерация, приняли новое законодательство, в правоприменительной практике по-прежнему использовалось постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», что нельзя считать положительным явлением в свете новых законодательных новелл и изменением динамики преступности.

Ситуация изменилась в 2012 году, когда на заседании Пленума Верховного Суда решился вопрос о принятии нового постановления. На заседании констатировали, что за 28 лет со дня принятия последнего постановления, касающегося необходимой обороны, уголовное право и судебная практика существенно трансформировались. Кроме того, у нижестоящих судов возникли затруднения при применении нормы об обороне в период после принятия Конституции

1993г и соответствующих норм отраслевого законодательства. В связи с этим возникла потребность в разработке нового толкования нормы о необходимой обороне, и приняли Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [7].

В 2022 году были внесены изменения в это Постановление. Данные изменения призваны обеспечить единообразное толкование и применение соответствующей нормы судами при рассмотрении дел, связанных с превышением пределов необходимой обороны.

Внесенные коррективы призваны предотвратить случаи ошибочной квалификации действий обороняющегося лица со стороны судебных органов. Целью нововведений является обеспечение соблюдения конституционного права граждан на защиту (ч.2 ст.45 Конституции РФ) от общественно опасных посягательств и исключение необоснованного привлечения к ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны.

В настоящее время нормы об обороне в уголовном праве после принятия федеральных законов, о которых говорилось выше, не изменились. Возвращаясь к тезису о том, что необходимая оборона - межотраслевой институт, необходимо сказать, что институт закреплён также в Гражданском кодексе РФ в ст. 1066, закрепляющая, что причинённый вред в состоянии необходимой обороны не подлежит возмещению, если не были превышены ее пределы. Это исключение из общего правила гражданского права об обязательном возмещении вреда, причиненного виновным лицом. Федеральный законодатель при принятии нормы ст. 1066 ГК РФ исходил из того, что необходимая оборона представляет собой правомерное действие, направленное на защиту себя или других лиц от общественно опасного посягательства. И в ситуации, когда лицо правомерно отражает нападение, возложение на него обязанности возместить причиненный вред противоречило бы самой сути института необходимой обороны. Признание обязанности возмещения вреда создало бы препятствия для эффективной защиты от преступных посягательств и могло бы повлечь отказ от самообороны из-за опасения необходимости финансового возмещения вреда нападавшему лицу.

В научной литературе существуют позиции бывших конституционных судей о сущности необходимой обороны. Так, в работе Н.В.Витрука необходимая оборона определяется как специфическая форма самозащиты со стороны носителей прав. В работе указано, что возможна защита личности либо прав обороняющегося или

другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при том не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства (ситуация необходимой обороны) [9.С.52].

Нормы о необходимой обороне не только стали предметом толкования Пленума Верховного Суда, но и Конституционного Суда РФ. Но обращения с жалобой на норму ст.37 УК РФ не дошли до рассмотрения в судебном заседании Конституционного Суда РФ, на основании их подачи были утверждены определения об отказе в рассмотрении жалобы. В основном жалобы на конституционность нормы ст. 37 УК РФ сводилась к мысли о несоответствии нормам Конституции РФ, а именно статьям 19, 21 (часть 2), 38 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1).

Причиной, в связи с которой Конституционный Суд РФ до сегодняшнего дня не рассматривал в заседаниях вопрос конституционности ст.37 УК РФ, является слабая правовая аргументация о несоответствии конституционным началам. Кроме того, на это влияет четко выраженная устоявшаяся позиция судей Конституционного Суда РФ относительно положений ст. 37 УК РФ.

В рамках дальнейшего исследования следует обратиться к определениям Конституционного Суда РФ, которые затрагивают законодательную норму о необходимой обороне.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданки А.М. Волковой к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации пришел к выводу об отсутствии оснований принятия жалобы к рассмотрению.

В Определении Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2058-О «б отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Волковой Алисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частями первой, второй и третьей статьи 37 и частью первой статьи 39 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что Приговором мирового судьи (с учетом изменений, внесенных апелляционным постановлением) гражданка А.М. Волкова признана виновной в совершении - совместно с двумя другими гражданами - двух преступлений (нарушение неприкосновенности жилища и умышленное причинение легкого вреда здоровью). В передаче кассационных жалоб А.М. Волковой для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано постановлениями судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции и судьи Верховного Суда Российской Федерации. При этом суды всех инстанций отклонили доводы о том, что проникновение в квартиру было осу-

ществлено в состоянии крайней необходимости, а телесные повреждения потерпевшему (бывшему супругу А.М. Волковой) причинены в связи с защитой от им же примененного насилия.

В этой связи заявительница оспаривает конституционность частей первой, второй и третьей статьи 37 «Необходимая оборона» и части первой статьи 39 «Крайняя необходимость» УК Российской Федерации, утверждая, что данные нормы не соответствуют статьям 19, 21 (часть 2), 38 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не позволяют оценивать ситуацию систематического домашнего насилия как общественно опасное посягательство или угрожающую личности опасность, в том числе учитывая длительность такой ситуации в семье, допускают оценку нападения близкого лица как не опасного, а также не обязывают рассматривать сообщения о злоупотреблениях в семье (направленные в органы государственной власти) в качестве доказательств правомерности действий лица, пострадавшего от таких злоупотреблений. Конституционный суд в определении указав на невозможность принятия жалобы пояснил, что регламентация в главе 8 УК Российской Федерации обстоятельств, исключающих преступность деяния, призвана не допустить уголовную ответственность за правомерные действия. Наличие признаков такого поведения не предполагает его оценку как общественно опасного и образующего состав преступления даже в случае причинения вреда правам других лиц, иным охраняемым законом интересам (если при этом не допущено причинения излишнего вреда или иного нарушения законодательно определенных условий правомерности).

Так, федеральный законодатель установил условия правомерности необходимой обороны, относящиеся как к посягательству, так и к защите от него. Согласно части первой статьи 37 УК Российской Федерации не является преступлением причинение вреда только посягающему лицу и только при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Дополнительно часть вторая той же статьи прямо закрепляет, что защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Эти нормы в равной

мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти (часть третья той же статьи).

Приведенные законоположения направлены на защиту личности и прав обороняющегося, не нарушают их и какой-либо неопределенности не содержат (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 года N 587-О-О, от 17 июля 2012 года N 1465-О, от 24 марта 2015 года N 645-О и от 19 декабря 2019 года N 3306-О).

Суд также установил, что оспариваемая норма не содержит неопределенности признаков необходимой обороны, приводящей к произвольному его пониманию и применению судами. Также они не регламентируют уголовно-процессуальных вопросов и не препятствуют установлению правоприменителями в конкретном деле обстоятельств, исключающих преступность деяния (подлежащих доказыванию в соответствии с пунктом 5 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации). Считаю, что формулировка критериев правомерности необходимой обороны отличается некоторой неопределенностью. Существует вероятность того, что толкование положений статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся условий необходимой обороны, может варьироваться в зависимости от интерпретации Пленума Верховного суда в разные временные периоды. Поэтому не соглашусь с позицией Конституционного суда об определенности закрепленных условий [6].

Позиция Конституционного суда об определенности условий правомерности обороны прослеживается почти в каждом определении, в котором рассматривается данная норма.

В определении Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 645-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешина Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 37, частью первой статьи 126, частью первой статьи 163 и частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации» Конституционный суд пояснил, что оспариваемые законоположения (ст. 37 УК РФ) не содержат неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению этих норм правоприменительными органами, и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им

аспекте, а потому его жалоба, как не отвечающая критерию допустимости, закрепленному в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению [5].

И в определении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стырина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что Согласно части первой статьи 37 УК Российской Федерации не является преступлением причинение вреда только посягающему лицу и только при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Это законоположение направлено на защиту личности и прав обороняющегося, не нарушает их и какой-либо неопределенности не содержит (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 года N 587-О-О).

На защиту названных конституционных ценностей направлена и часть вторая данной статьи, которая прямо закрепляет, что защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, и, соответственно, какой-либо неопределенности не содержит [4].

И в определении Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 587-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» Конституционный суд указал, что в развитие данных конституционных положений (ч.2 ст 45 К РФ) и в соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации федеральный законодатель установил в Уголовном кодексе Российской Федерации условия правомерности необходимой обороны, относящиеся как к посягательству, так и к защите от него. Согласно части первой статьи 37 УК Российской Федерации не является преступлением причинение вреда только посягающему лицу и только при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Это законоположе-

ние направлено на защиту личности и прав обороняющегося, не нарушает их и какой-либо неопределенности не содержит [3].

Приведенные определения, принятые в разные временные периоды, свидетельствуют о неизменности позиции Конституционного суда об отсутствии неопределенности условий правомерности необходимой обороны. Из этого, можно прийти к выводу о том, что только путем законодательных инициатив от юристов, научных деятелей, должностных лиц правоохранительных органов возможно принятие изменений в ст. 37 УК РФ. На данный момент, согласно позиции КС РФ, эта норма соответствует Конституции РФ.

Заключение. С учетом изложенного стоит сделать вывод о том, что необходимая оборона, как институт реализации права на защиту, закреплена в Конституции РФ и детализирована в иных отраслевых законодательствах, а также в Постановлении ВС РФ №19. В своих решениях Конституционный Суд последовательно подтверждает соответствие статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации Конституции РФ. Исходя из этого, оспаривание данной нормы в Конституционном Суде в настоящее время представляется бесперспективным. Следовательно, в случае возникновения потребности в корректировке указанной статьи, стоит пойти по пути законодательного инициирования изменений.

В отраслевых законодательствах закреплены нормы, устанавливающие условия применения, условия правомерности реализации права на оборону, что делает необходимую оборону реальной в ее реализации. Право на необходимую оборону служит обеспечением защиты других конституционно закреплённых прав от посягательств.

Задача государства должна заключаться в том, чтобы создать условия, при которых граждане не будут опасаться реализации своего права на защиту, в связи с возможной неправильной квалификацией их деяния и возможного привлечения их к уголовной ответственности. Изменения в нормах необходимой обороны проходят постепенно, это наглядно видно по датам принятия изменений в УК РФ и по принятию Постановления Верховного Суда. Хотя данные изменения вносятся в законодательство не совсем своевременно, они действительно нужны для того, чтобы конституционное право граждан на необходимую оборону являлось не только закреплённым правом без гарантий, но и являлось реальной защитой граждан, обеспеченная государством.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общерос-

сийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] Определении Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 587-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[4] Определении Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Стырина Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 645-О

«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешина Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 37, частью первой статьи 126, частью первой статьи 163 и частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Волковой Алисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частями первой, второй и третьей статьи 37 и частью первой статьи 39 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Гарант : информ.-правовое обеспечение. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2020. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[8] Атабаева Т. Ш. Необходимая оборона: Теория, законодательство, практика применения : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.08 /

Том. гос. ун-т. - Томск : [б. и.], 2004. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000180463> (дата обращения: 11.04.2025)

[9] Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н.В. Витрук. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 448 с. — ISBN 978-5-91768-807-7. — Текст : электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/978499> (дата обращения: 20.04.2025). — Режим доступа: по подписке.

[10] Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 414 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-08170-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/516968/p.220> (дата обращения: 10.04.2025)

[11] Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. — М.: Юстицинформ. 2016. — 416с.

[12] Уголовное право: необходимая оборона : учебное пособие для вузов / В. В. Меркурьев. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 238 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-11071-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/518034/p.25> (дата обращения: 09.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. — Versiya Prof. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[2] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 25.10.2024) // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. — Versiya Prof. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[3] Opredelenii Konstitucionnogo Suda RF ot 28 maya 2009 g. № 587-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Galkina Igorya Anatol'evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav stat'ej 37 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Garant : inform.-pravovoe obespechenie. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[4] Opredelenii Konstitucionnogo Suda RF ot 17 iyulya 2012 g. № 1329-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Sty`vrina Sergeya Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionny`x prav chastyami pervoj i vtoroj stat'i 37 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Garant : inform.-pravovoe obespechenie. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[5] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 marta 2015 g. № 645-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Tereshina Andrey Ivanovicha na narushenie ego konstitucionny`x prav chast'yu vtoroj stat'i 37, chast'yu pervoj stat'i 126, chast'yu pervoj stat'i 163 i chast'yu vtoroj stat'i 330 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Garant : inform.-pravovoe obespechenie. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[6] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.09.2021 № 2058-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanki Volkovoj Alisy` Mixajlovny` na narushenie ee konstitucionny`x prav chastyami pervoj, vtoroj i tret'ej stat'i 37 i chast'yu pervoj stat'i 39 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Garant : inform.-pravovoe obespechenie. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[7] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27.09.2012 N 19 (red. ot 31.05.2022) O primenении sudami zakonodatel'stva o neobxodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii licza, sovershivshego prestuplenie // Konsul'tantPlyus : sprav. pravovaya sistema. — Versiya Prof. — M., 2020. — Rezhim dostupa: lokal'naya set' Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.

[8] Atabaeva T. Sh. Neobxodimaya oborona: Teoriya, zakonodatel'stvo, praktika primeneniya : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.08 / Tom. gos. un-t. - Tomsk : [b. i.], 2004. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000180463> (data obrashheniya: 11.04.2025)

[9] Vitruk, N. V. Obshhaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti : monografiya / N.V. Vitruk. — Moskva : Norma : INFRA-M, 2018. — 448 s. — ISBN 978-5-91768-807-7. — Текст : e`lektronnyj. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/978499> (data obrashheniya: 20.04.2025). — Rezhim dostupa: po podpiske.

[10] Russkoe ugovnoe pravo v 2 ch. Chast' 1 / N. S. Tagancev. — Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2023. — 414 s. — (Antologiya my`sli). — ISBN 978-5-534-08170-1. — Текст : e`lektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/516968/p.220> (data obrashheniya: 10.04.2025)

[11] Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast': Uchebnik / Pod red. V.P. Revina. — M.: Yusticinform. 2016. — 416с.

[12] Ugolovnoe pravo: neobxodimaya oborona : uchebnoe posobie dlya vuzov / V. V. Merkur'ev. — 2-e izd. — Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2023. — 238 s. — (Vy`ssee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-11071-5. — Текст : e`lektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/518034/p.25> (data obrashheniya: 09.04.2025)

ИСРАФИЛОВ Канан Насиф оглы,
аспирант кафедры «Гражданского права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: kanan.israfilov@mail.ru

КОЛМОГОРОВ Максим Владимирович,
старший преподаватель кафедры «Гражданского права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: kolmogorovmv@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПО ПРОГРАММЕ ВОЕННОЙ ИПОТЕКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса жилых помещений, приобретенных военнослужащими в рамках программы военной ипотеки, и особенностям их раздела между супругами при расторжении брака. Исследование выявляет сложность и неоднозначность правоприменительной практики, обусловленную спецификой целевого финансирования недвижимости и отсутствием однозначных нормативных установок в семейном законодательстве. Рассмотрены ключевые правовые положения, в частности нормы семейного и гражданского законодательства, а также специфика Федерального закона «О статусе военнослужащих», которые определяют статус такого имущества как преимущественно личной собственности военнослужащего. В то же время представлены ситуации, когда суды признают жилье совместной собственностью супругов, особенно при полном погашении ипотечных обязательств или наличии малолетних детей без иного жилья. Особое внимание уделено анализу судебной практики, которая демонстрирует противоречивость подходов и необходимость сбалансированного учета интересов участников спора и государственных гарантий. Выводы настоящей статьи подчеркивают актуальность дальнейшего совершенствования правового регулирования и методик правоприменения в данной области.

Ключевые слова: военная ипотека, раздел имущества, накопительно-ипотечная система, военнослужащие, жилое помещение, целевой жилищный заем.

ISRAFILOV Kanan Nasif oglu,
postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure
of the private educational institution of higher education
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

KOLMOGOROV Maxim Vladimirovich,
senior lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
of the private educational institution of higher education
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

FEATURES OF THE DIVISION OF RESIDENTIAL PROPERTIES BETWEEN SPOUSES, RECEIVED UNDER THE MILITARY MORTGAGE PROGRAM

Annotation. The article analyzes the legal status of residential premises acquired by military personnel under the military mortgage program and the specifics of their division between spouses upon divorce. The study reveals the complexity and ambiguity of law enforcement practice due to the specifics of targeted real estate financing and the lack of clear regulatory guidelines in family law. The article examines key legal provisions, in particular the norms of family and civil legislation, as well as the specifics of the Federal Law "On the

Status of Military Personnel”, which define the status of such property as primarily the personal property of a military man. At the same time, situations are presented when the courts recognize housing as the joint property of spouses, especially in the case of full repayment of mortgage obligations or the presence of minor children without other housing. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice, which demonstrates the inconsistency of approaches and the need for a balanced consideration of the interests of the parties to the dispute and state guarantees. The conclusions of this article emphasize the relevance of further improving legal regulation and law enforcement methods in this area.

Key words: *military mortgage, division of property, accumulative mortgage system, military personnel, residential premises, targeted housing loan.*

Имущественные отношения супругов, будучи неотъемлемой частью семейных правоотношений, играют определяющую роль в современном обществе. Как правило, решение суда о разделе общего имущества не может учесть интересы каждого супруга [1, с. 74]. Военная ипотека, будучи инструментом социальной поддержки военнослужащих, вводит дополнительные правовые нюансы, связанные с особенностями финансирования и режимом собственности. В таких условиях традиционные подходы к совместной собственности сталкиваются с необходимостью учитывать специфический статус целевого финансирования и обременений, что требует более гибкого и дифференцированного анализа. Это поднимает вопросы о соразмерности имущественных прав и обязанностей супругов, а также о балансировании публичных интересов государства и частных прав семьи, что, в свою очередь, стимулирует развитие юридической доктрины и практики в данной сфере.

В настоящее время ипотечное кредитование пользуется большим спросом среди граждан, желающих приобрести собственное недвижимое имущество в условиях стремительно растущих цен на рынке недвижимости [2, с. 110]. Эта ситуация определяет особую значимость правовых механизмов, которые регулируют вопросы собственности и ее раздела, особенно когда речь идет о специальных государственных программах поддержки. В этом контексте раздел недвижимости, приобретенной по программе военной ипотеки, представляет собой многогранный правовой институт, находящийся на пересечении семейного права и системы государственного жилищного кредитования военнослужащих.

Особенности данного типа имущества обусловлены специфическим механизмом финансирования и правовыми статусами участников, что формирует напряженность между принципами равенства супругов при разделе совместно нажитого имущества и нормами, регламентирующими ипотечные обязательства с участием государственного бюджета. При этом правоприменительная практика выявляет значительные сложности в установлении долевой принадлежности и порядке распоряжения таким жилым объектом

до и после снятия обременения, что требует комплексного анализа с учетом как нормативных правовых основ, так и экономических аспектов брачного имущественного режима. Таким образом, исследование данного вопроса носит актуальный характер и способствует выработке правоприменительных подходов, позволяющих сбалансировать интересы супругов и соблюдение государственных гарантий.

Правовой статус имущества, приобретенного супругами в период брака, определяется нормами гражданского и семейного законодательства, которые изначально ориентированы на равенство и общность имущественных прав. В частности, статья 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) (далее – ГК РФ) и часть 1 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (далее – СК РФ) закрепляют принцип, согласно которому все имущество, нажитое супругами совместно, признается их общей собственностью и при расторжении брака подлежит разделу в равных долях. Эта правовая конструкция распространяется и на недвижимость, приобретенную с использованием ипотечных кредитов, что отражает широко признанную практику включения такого жилья в состав совместно нажитого имущества. Вместе с тем законодатель отдельно выделяет денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения, которые также могут войти в общую собственность супругов (часть 2 статьи 34 СК РФ). Однако принципиальное отличие возникает в отношении жилья, приобретенного по программе военной ипотеки, где финансирование осуществляется за счет средств специального денежного назначения. В данных условиях применяются иные правовые нормы, которые ограничивают или трансформируют классические представления о совместной собственности в браке, тем самым создавая особый правовой режим имущества и порождая специфические проблемы при его разделе.

Государственная накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих (далее – НИС) выступает как один из ключевых механизмов социальной поддержки военных

и их семей, предоставляя им приоритетные права на получение жилья. Эта система основана на принципе целевого финансирования, при котором государство обязуется ежемесячно вносить средства на формирование жилищных накоплений военнослужащих с целью обеспечения возможности приобретения ими жилья. Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20.08.2004 г. №117-ФЗ» (ред. от 07.07.2025) регулирует организационные и правовые основы НИС, в том числе определяет круг участников, порядок формирования средств, а также условия получения целевого жилищного займа (ЦЖЗ) - беспроцентного кредита, который военнослужащий может использовать после обязательного трёхлетнего периода участия в системе.

ЦЖЗ формируется из двух компонентов: накопленных военнослужащим за период участия в системе средств и прогнозируемой суммы, которую он сможет выплатить до окончания службы или выхода на пенсию. Такое сочетание обеспечивает военнослужащему возможность приобрести жилье, не ожидая завершения военной карьеры, что отражает долгосрочный характер социальной поддержки. Особенностью данного механизма является его универсальность - государство выделяет одинаковую денежную сумму всем участникам вне зависимости от рода войск, звания или стажа, что подчеркивает принцип социальной справедливости и равных возможностей в жилищном обеспечении.

Однако при всем многообразии социальных гарантий, предоставляемых военнослужащим, следует признать, что правовое регулирование НИС содержит специфические особенности, отличающие её от гражданских ипотечных программ. В частности, необходимость обязательного трёхлетнего участия в системе перед получением займа служит своего рода механизмом фильтрации и рационализации расходования бюджетных средств, а целевой характер финансирования предоставляет защищённость средств и ограничивает их использование исключительно на жилищные цели. В совокупности НИС представляет собой сложный, но эффективный инструмент государственной поддержки, обеспечивающий военнослужащим и их семьям стабильные жилищные условия и отражающий современные тенденции социальной политики в сфере военной службы.

В современных условиях вопрос о разделе имущества, приобретенного по программе военной ипотеки, при расторжении брака остается предметом активных дискуссий как в юридическом сообществе, так и среди самих участников бракоразводных процессов. Неоднозначность данного вопроса во многом связана с тем, что с

одной стороны общепринята позиция о том, что квартира, пусть и приобретенная с использованием особой государственной поддержки, считается совместно нажитым имущественным активом супругов и, следовательно, подлежит равному разделу. С другой стороны, необходимо учитывать специфику самой программы, направленной прежде всего на обеспечение жилищных условий именно военнослужащих, что предполагает ограниченное участие других членов семьи в имущественных правах, по крайней мере на этапе исполнения ипотечных обязательств. Такая двойственность вызывает необходимость более глубокого осмысления сущности права собственности в контексте государственных социальных гарантий, а также пересмотра традиционных подходов к общему имуществу при особых формах финансирования жилья. В итоге отсутствие однозначной позиции порождает правовую неопределенность, что требует развития теоретических конструкций и совершенствования судебной практики для выработки сбалансированного подхода, учитывающего интересы всех сторон.

В правоприменительной практике, касающейся раздела имущества, приобретенного с использованием средств военной ипотеки, зачастую наблюдается следующая ситуация: основное финансовое бремя по погашению жилищного кредита и ЦЖЗ возлагается на военнослужащего - участника НИС. При этом, несмотря на то что ответственность за выплату долгов лежит в первую очередь на военнослужащем, фактическое разделение жилой недвижимости происходит поровну между бывшими супругами. Такая практика нередко становится источником серьезных споров и юридических коллизий, свидетельствуя о существующем нормативном и практическом диссонансе.

Анализ судебных решений, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, демонстрирует, что недвижимость, приобретённая военнослужащим на возмездной основе, согласно статье 36 Семейного кодекса РФ, должна рассматриваться как совместно нажитое имущество супругов. Это положение закреплено в ключевых определениях Судебной коллегии Верховного Суда РФ, которые подчеркивают, что нет оснований ограничивать права семьи военнослужащего в пользовании и проживании в такой жилплощади (Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам от 24.01.2017 №58-КГ16-25, от 15.09.2015 №58-КГ15-11). Однако данный юридический статус нередко противоречит фактическому имущественному участию супругов в выплатах по ипотечному кредиту, что создаёт неоднородность в правоприменении.

Таким образом, с одной стороны, законодательство и практическая судебная позиция склоняются к признанию квартиры, купленной в браке по военной ипотеке, общим имуществом супругов. С другой – финансовые обязательства и характер целевого государственного финансирования формируют особый статус этого имущества, который не всегда учитывается в процессе раздела. Данный парадокс требует более тонкого и согласованного подхода, позволяющего сбалансировать интересы сторон и обеспечить справедливое разрешение споров в условиях сложного правового режима.

Согласно статье 15 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», жилое помещение, приобретенное за счет средств военной ипотеки, не признается совместной собственностью супругов и остается в собственности непосредственно военнослужащего – участника НИС. Это обусловлено тем, что такие жилищные программы финансируются за счет целевых государственных средств, предназначенных исключительно для обеспечения социального статуса военнослужащего. Вместе с тем, несмотря на специфический источник финансирования, квартира, приобретенная в браке, обычно рассматривается как совместно нажитое имущество, подлежащее разделу с учетом имущественного вклада каждого из супругов. Такая правовая коллизия отражает противоречие между нормами целевого финансирования и традиционными принципами семейного права, что требует внимательного и сбалансированного подхода при решении вопросов раздела такого имущества.

Так, например, Центральный районный суд города Читы рассматривал спорное дело, в котором бывшая супруга требовала признать ее долю в квартире, купленной мужем-военнослужащим с использованием средств НИС. По обстоятельствам дела супруг стал участником НИС, открыл накопительный счет, и спустя три года внес накопленные средства в качестве первоначального взноса по ипотечному кредиту. Суд, изучив материалы дела, пришел к заключению, что спорное имущество приобретено с использованием военной ипотеки, то есть за счет целевых средств, предназначенных исключительно для военнослужащего. Исходя из этого, жилое помещение признано личной собственностью заемщика, независимо от брачного статуса, что привело к отказу в удовлетворении требований бывшей супруги о выделении доли в имуществе (Решение Центрального районного суда г. Читы по делу №2-1891/2018 от 28.07.2018).

Несмотря на положения Семейного кодекса РФ и Федерального закона, которые в целом

предусматривают, что имущество, приобретенное в браке, в том числе с использованием военной ипотеки, подлежит разделу между супругами, на практике ситуация остается неоднозначной. В ряде регионов судебные органы продолжают выносить решения, противоречащие установленным нормам законодательства, зачастую основываясь на том, что жилье, приобретенное по военной ипотеке за счет целевых средств федерального бюджета, является личной собственностью военнослужащего и не подлежит разделу.

В качестве иллюстрации данной правовой позиции можно привести дело, рассмотренное Ленинским районным судом города Новосибирска. Истец, Костюкова Е.Л., обратилась в суд с требованием о разделе совместно нажитого имущества, в частности – признании квартиры, приобретенной её супругом Костюковым А.А., военнослужащим и участником НИС, совместной собственностью супругов с предоставлением ей права на половину доли в спорном жилом помещении. Суд, исходя из обстоятельств дела, установил за истцом и ответчиком равные права общей долевой собственности. Такое решение отражает позицию, согласно которой возмездная сделка по приобретению жилой недвижимости в браке порождает право совместной собственности супругов, даже если значительная часть средств исходит из целевых государственных программ (Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) от 02.10.2017 по делу №2-3351/2017).

Следует учитывать, что распределение прав на недвижимость, приобретённую в рамках программы НИС, ограничивается согласием банка-кредитора, который выступает в качестве третьего лица в судебных процессах. Это обусловлено тем, что ипотека оформляется с участием кредитной организации, обладающей правом наложения обременения на объект недвижимости. В связи с этим супругам рекомендуется изначально руководствоваться положениями ипотечного договора, поскольку банк вправе предъявлять дополнительные требования к условиям выплаты, включая, например, досрочное погашение кредита после расторжения брака.

Таким образом, судебная практика демонстрирует, что раздел жилого помещения, приобретённого по военной ипотеке, возможен, но подчинён особым условиям, связанным с сохранением прав кредитора и соблюдением имущественных интересов обеих сторон. Данный аспект подчёркивает необходимость комплексного подхода к решению споров, где учитываются как нормы семейного права, так и особенности целевого финансирования в системе военной ипотеки.

Однако есть обстоятельства, при которых квартира, приобретенная военнослужащим за счет денежных средств военной ипотеки, не является его личной собственностью:

1. Первая наиболее распространенная причина – это наличие несовершеннолетних детей, которые никак не могут остаться без жилого помещения. Так, согласно п.2 ст. 39 СК РФ при разделе имущества между супругами суд может отступить от принципа равенства долей с целью соблюдения прав несовершеннолетних детей.

В ходе анализа различной судебной практики по данному вопросу выяснилось, что бывшая супруга вправе жить вместе с ребенком в квартире, взятой в ипотеку в случае, если у них нет другого места жительства. Более того, следует сказать, что в случае, если ипотеку до момента развода не погасили, разделить имущество или продать его невозможно.

Примером является дело, рассмотренное Промышленным районным судом города Ставрополя, где Золина К.А. инициировала иск о разделе имущества. Ее супруг, Золин С.А., военнослужащий и участник НИС, приобрел квартиру за счет средств военной ипотеки. Учитывая наличие у супругов двух несовершеннолетних детей, проживающих с матерью и не имеющих другого жилья, Золина К.А. просила суд отступить от принципа равенства долей и признать за ней право собственности на 2/3 недвижимости. Банк поддержал позицию ответчика, указывая на целевой характер средств военной ипотеки. Суд частично удовлетворил требования Золиной К.А., признав спорную недвижимость совместно нажитой собственностью, однако установил за истцом право собственности лишь на 1/2 долю приобретенного имущества. Данный случай демонстрирует, что суды могут признавать квартиру, приобретенную по военной ипотеке, совместно нажитым имуществом, подлежащим разделу, если в ее покупку были вложены не только государственные средства, но и личные или совместные деньги супругов. При этом раздел квартиры возможен только на сумму, погашенную из личных средств супругов (Решение Промышленного районного суда г. Севастополя (Севастопольский край) от 28.05.2018 по делу №2-466/2018).

2. Также квартира не будет считаться личной собственностью военнослужащего в случае, если супруга сама выплатила часть ипотеки или же сделала ремонт в приобретенном жилом помещении за свой счет, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15 мая 2008 г. № 370 «О порядке ипотечного кредитования участника накопительно-ипотечной системы жилищного

обеспечения военнослужащих» (ред. от 01.07.2025). Так, зачастую супруги вносят собственные денежные средства дополнительно к денежной сумме, которую предусматривает НИС, поскольку этой суммы может не хватить для приобретения недвижимости.

Данные вопросы рассматриваются судом, и решение принимается только при условии, что все расходы подтверждены документально.

Вопросы, связанные с правом бывшего супруга на долю в недвижимости, приобретенной военнослужащим по военной ипотеке, требуют внимания к ряду специфических обстоятельств, влияющих на возможность такого раздела. В первую очередь, имущественные претензии могут быть обоснованы только в случае, если бывшая супруга внесла личные средства в погашение ипотеки или осуществила значимые вложения в улучшение жилого помещения, например, проводя ремонт за свой счёт. Аналогично, использование материнского капитала для частичного или полного покрытия ипотечного долга также даёт основания для признания её доли в этом имуществе. Эти ситуации свидетельствуют о том, что финансовый вклад супруги выступает ключевым критерием для определения её имущественных прав в отношении квартиры, приобретённой в браке.

Кроме того, существенное значение имеет наличие брачного договора, который способен определить иной режим имущества, отличающийся от стандартного совместного владения, закреплённого статьей 40 СК РФ. Посредством такого соглашения супруги вправе самостоятельно регулировать порядок и доли раздела недвижимости, что нередко исключает автоматическое признание жилья личной собственностью военнослужащего или, наоборот, допускает более гибкое распределение прав на имущество. Судебная практика показывает, что наличие брачного договора значительно влияет на исход споров при разделе имущества, поскольку именно этот документ становится основой для принятия решения судом.

Не менее важным институтом является мировое соглашение между супругами - альтернативный способ урегулирования имущественных споров вне зависимости от действующего законодательства. Заключая такой договор в ходе судебного процесса, стороны могут определить, кто из них сохранит право собственности на квартиру и возьмет на себя обязательства по уплате ипотечного долга, в то время как второй супруг получает денежную компенсацию. После вступления мирового соглашения в законную силу возможность повторного обращения в суд с

требованиями о разделе имущества исключается, что способствует стабильности и предсказуемости правовых отношений между сторонами.

Таким образом, имущественные права бывшего супруга на квартиру, приобретённую в рамках военной ипотеки, формируются на основе сочетания факторов: реального финансового участия в погашении кредита или улучшении жилья, наличия брачного договора, а также возможности заключения мирового соглашения. Такая многогранность ситуации подчёркивает необходимость комплексного подхода к правовому регулированию, учитывающего как интересы военнослужащего как основного получателя государственной поддержки, так и права членов его семьи, что способствует более справедливому разрешению споров при разделе имущества.

Военная ипотека выступает как специальная государственная программа, направленная на предоставление военнослужащим целевых финансовых средств для приобретения жилой недвижимости. Важным аспектом данной системы является не только обеспечение материальной поддержки участников НИС, но и обеспечение их имущественных прав в условиях специфического правового режима. Однако ключевая сложность, связанная с разделом такого имущества при расторжении брака, заключается в отсутствии в российском законодательстве четко сформулированных норм, регулирующих подобные ситуации. Это объясняется особенностями статуса жилья, приобретенного по военной ипотеке: объект не может считаться полностью совместной собственностью супругов, поскольку в момент действия ипотечного договора недвижимость находится в залоге у кредитной организации.

Согласно статье 34 СК РФ, в совместную собственность супругов включается недвижимость, приобретенная с привлечением ипотечных средств, однако часть 2 той же статьи уточняет, что к общей собственности относятся лишь денежные выплаты без специального целевого назначения. В случае с военной ипотекой финансирование осуществляется за счет строго целевых средств, что делает жилплощадь, приобретенную на эти деньги, собственностью исключительно военнослужащего и приводит к исключению объекта из состава имущества, подлежащего разделу.

Анализ судебной практики по данной проблематике свидетельствует о значительной неоднозначности и противоречивости выносимых решений, что отражает сложность балансирования между нормами семейного и жилищного

права. Следует также отметить, что участие в программе военной ипотеки возможно независимо от семейного положения военнослужащего, а оформление кредитных договоров не требует согласие совместного супруга для минимизации риска возникновения конфликтных ситуаций.

В целом процесс раздела жилой недвижимости, приобретенной за счет средств военной ипотеки, при расторжении брака характеризуется как юридически сложный и зачастую требует внимательного изучения обстоятельств дела. Практика судебных органов в большинстве случаев склоняется к приоритетному признанию прав военнослужащего, однако существуют исключения, при которых недвижимость может быть признана совместной собственностью супругов. Прежде всего, это возможно при полном погашении долговых обязательств по ипотечному кредиту и договору целевого жилищного займа, а также при наличии брачного договора, регулирующего имущественные отношения супругов. Кроме того, суд с большей вероятностью удовлетворит требования супруга при наличии несовершеннолетних детей и отсутствии у супруги иного жилья, что свидетельствует о стремлении правоприменительной практики учитывать социальные и семейные обстоятельства при разрешении подобных споров. Таким образом, разрешение вопросов, связанных с разделом недвижимости, приобретенной по военной ипотеке, требует комплексного юридического анализа и выработки сбалансированных подходов, учитывающих особенности государственной поддержки и нормы семейного права.

Список литературы:

[1] Воскресенская, Е. В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации / Е.В. Воскресенская, Н.Н. Жильский, М.В. Колмогоров // Социология и право. – 2021. – № 4(54). – С. 73-78.

[2] Драчева, А. Д. Особенности раздела общего имущества супругов, обремененного ипотекой / А.Д. Драчева // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 109-117.

Spisok literatury:

[1] Voskresenskaja, E. V. Problemy pravovogo regulirovanija brachnogo dogovora v Rossijskoj Federacii / E.V. Voskresenskaja, N.N. Zhil'skij, M.V. Kolmogorov // Sociologija i pravo. – 2021. – № 4(54). – S. 73-78.

[2] Dracheva, A. D. Osobennosti razdela obshhego imushhestva suprugov, obremenennogo ipotekoj / A.D. Dracheva // Voprosy rossijskoj justicii. – 2023. – № 27. – S. 109-117.

ПОЛУНИНА Елена Николаевна,
заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
майор полиции,
e-mail: moiseewa83@list.ru

СУХОМЛИНОВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: tatiana.suh@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В КОНТЕКСТЕ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные правовые и организационные аспекты противодействия экстремизму и терроризму в контексте массовых мероприятий. Особое внимание уделяется законодательной базе Российской Федерации, включающей федеральные законы и уголовное законодательство, регулирующие меры по предупреждению и пресечению экстремистской и террористической деятельности. Анализируются организационные меры, направленные на обеспечение безопасности участников массовых событий, включая технические средства контроля, координацию правоохранительных органов и профилактическую работу с населением. Отдельно выделяется роль гражданского общества в формировании устойчивых ценностей и предотвращении распространения идеологии насилия. Статья подчеркивает необходимость комплексного и скоординированного подхода для эффективной защиты общественного порядка и национальной безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, массовые мероприятия, правовые основы, организационные меры, безопасность, профилактика, гражданское общество, антитеррористическая деятельность, законодательство, общественный порядок, национальная безопасность.

POLUNINA Elena Nikolaevna,
Deputy Head of the Department of General Legal Disciplines
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

SUKHOMLINOVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

COUNTERACTING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE CONTEXT OF MASS EVENTS: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. The article examines the main legal and organizational aspects of counteracting extremism and terrorism in the context of mass events. Particular attention is paid to the legislative framework of the Russian Federation, including federal laws and criminal legislation regulating measures to prevent and suppress extremist and terrorist activities. Organizational measures aimed at ensuring the safety of participants in mass events are analyzed, including technical means of control, coordination of law enforcement agencies and preventive work with the population. The role of civil society in the formation of sustainable values and

preventing the spread of the ideology of violence is separately highlighted. The article emphasizes the need for a comprehensive and coordinated approach to effectively protect public order and national security.

Key words: *extremism, terrorism, mass events, legal framework, organizational measures, security, prevention, civil society, anti-terrorist activities, legislation, public order, national security.*

Экстремизм и терроризм являются одними из наиболее серьезных угроз национальной безопасности и общественному порядку в современном мире и представляют собой крайние формы политического и идеологического насилия, направленного на дестабилизацию общества, подрыв основ конституционного строя и нарушение прав и свобод граждан. В России экстремизм и терроризм имеют глубокие исторические корни, связанные с социально-политическими и этническими конфликтами, однако в последние десятилетия они приобрели новые формы и методы, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий для вербовки, пропаганды и организации преступных акций [1].

Особую сложность представляет противодействие экстремизму и терроризму в контексте массовых мероприятий, где сосредоточено большое количество людей, что создает благоприятные условия для реализации террористических актов и провокаций. Массовые мероприятия — это не только спортивные соревнования, культурные и религиозные праздники, политические митинги и демонстрации, но и другие формы общественного собрания, требующие особого внимания со стороны правоохранительных и специальных служб.

В Российской Федерации противодействие экстремизму и терроризму построено на основе комплексной системы, включающей законодательные, организационные и профилактические меры. Правовая база включает Конституцию РФ [2], федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и «О противодействии терроризму» [4], а также международные договоры и стратегии национальной безопасности. Важным элементом является функционирование специализированных органов, таких как Главное управление по противодействию экстремизму МВД России (Центр «Э») и Национальный антитеррористический комитет (НАК), которые координируют усилия различных ведомств и обеспечивают оперативное реагирование на угрозы [5].

В последние годы в России сформирована мощная общенациональная система противодействия терроризму, которая ориентирована не только на силовое подавление террористических проявлений, но и на профилактику, выявление и нейтрализацию идеологических основ экстремизма и терроризма, что включает в себя работу с молодежью, общественными и религиозными

организациями, а также использование современных технологий для мониторинга и противодействия экстремистской пропаганде в интернете [5].

Иными словами мы видим, что противодействие экстремизму и терроризму в контексте массовых мероприятий требует интеграции правовых норм и организационных мер, направленных на обеспечение безопасности граждан, предупреждение преступлений и минимизацию возможных последствий террористических актов. Введение в научное исследование данной проблематики раскрывает актуальность разработки эффективных механизмов взаимодействия государственных органов, правоохранительных структур и общества в целом для сохранения общественного порядка и национальной безопасности. Противодействие экстремизму и терроризму в России базируется на системе законов и нормативных актов, которые устанавливают правила и меры для защиты общества и государства от этих угроз. Как мы уже отмечали выше, в первую очередь, основой является Конституция Российской Федерации [2], которая гарантирует права и свободы граждан, а также закрепляет принципы равенства, свободы вероисповедания и национальной принадлежности. Экстремистская деятельность направлена на нарушение этих конституционных прав, поэтому законодательство предусматривает строгие меры для ее пресечения. Одним из ключевых документов является Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. Этот закон определяет, что такое экстремизм, устанавливает ответственность за его проявления, а также регулирует деятельность общественных и религиозных организаций, средств массовой информации и должностных лиц в этой сфере. Закон направлен на защиту прав и свобод граждан, а также на сохранение целостности и безопасности государства.

Важным правовым актом является Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4], который определяет основные принципы борьбы с терроризмом, меры профилактики, порядок ликвидации последствий террористических актов и регулирует применение Вооруженных Сил в антитеррористических операциях, устанавливает полномочия различных государственных органов в сфере противодействия терроризму и координацию их действий.

Кроме того, уголовное законодательство России предусматривает конкретные статьи, которые устанавливают ответственность за террористическую и экстремистскую деятельность. Например, статьи Уголовного кодекса РФ [6] предусматривают наказание за публичные призывы к терроризму, организацию экстремистских сообществ, финансирование терроризма и другие преступления, связанные с этими явлениями. За подобные деяния предусмотрены строгие меры наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Нельзя обойти вниманием и законы, направленные на предотвращение финансирования терроризма и экстремизма, такие как Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [7], нормы которого помогают пресекать финансовые потоки, которые могут использоваться для подготовки и проведения террористических актов.

В целом, правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в России представляют собой комплекс взаимосвязанных нормативных актов, которые обеспечивают защиту общества и государства, устанавливают ответственность за противоправные действия и регулируют деятельность органов власти и граждан в этой сфере. Такой подход позволяет эффективно организовывать профилактику, выявление и пресечение экстремистских и террористических проявлений.

Организация безопасности при проведении массовых мероприятий требует тщательной подготовки и координации множества служб и структур. Массовые мероприятия, будь то концерты, спортивные соревнования, митинги или фестивали, предполагают большое скопление людей, что создает повышенный риск возникновения чрезвычайных ситуаций, включая экстремистские и террористические акты. Поэтому обеспечение безопасности на таких мероприятиях строится на принципах комплексного подхода, включающего как технические меры, так и работу с участниками. Одним из важных организационных элементов является четкое соблюдение правил поведения для всех участников. Гражданам рекомендуется поддерживать общественный порядок, не допускать действий, которые могут привести к опасным ситуациям, и уважительно относиться к другим людям и персоналу, обеспечивающему проведение мероприятия, выполнять законные требования сотрудников правоохранительных органов и служб безопасности, которые контролируют порядок и предотвращают возможные угрозы [8]. Для повышения безопасности организаторы обязаны заранее уведомлять мест-

ные власти о проведении мероприятия, указывать его место, время, предполагаемое количество участников и тематику, что позволяет органам власти планировать необходимые меры безопасности и координировать работу правоохранительных и специальных служб. Кроме того, для крупных мероприятий разрабатываются специальные паспорта безопасности, которые включают требования к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, а также технические и организационные меры, направленные на предотвращение угроз [9]. На площадках массовых мероприятий устанавливаются системы видеонаблюдения, контроля доступа, а также организуется досмотр участников с помощью рамок металлоискателей и других средств безопасности. Запрещается проносить предметы, которые могут быть использованы для нанесения вреда, включая оружие, пиротехнику, алкоголь и крупногабаритные сумки. Для контроля порядка привлекаются сотрудники полиции, частные охранные организации и, при необходимости, специальные службы, такие как войска национальной гвардии. Важным аспектом является также организация эвакуационных маршрутов и наличие медицинских служб на случай чрезвычайных ситуаций [5], [8], [9].

Необходимо отметить, что большое значение имеет профилактическая работа — информирование и разъяснение участникам правил поведения, а также обучение персонала и волонтеров действиям в случае возникновения угрозы, что помогает снизить риск паники и обеспечить слаженные действия в экстренных ситуациях. В конечном итоге, безопасность массовых мероприятий зависит от скоординированных усилий организаторов, правоохранительных органов и сознательного поведения самих участников.

Велика так же и роль гражданского общества и профилактика идеологии терроризма, поскольку оно играет ключевую роль в борьбе с экстремизмом и терроризмом, ведь эти явления нельзя рассматривать исключительно как проблему государственных органов — эффективная профилактика возможна только при активном участии политических партий, общественных и религиозных объединений, а также каждого гражданина. В России профилактика экстремизма и терроризма рассматривается как важный инструмент установления гражданского мира и укрепления национального единства. Муниципальные власти, совместно с правоохранительными органами и общественными организациями, проводят предупредительные меры, направленные на предотвращение проявлений насилия и экстремизма на местах [10].

Одним из важных направлений работы гражданского общества является формирование

устойчивых ценностей, которые исключают насилие и экстремизм как способы решения конфликтов, что достигается через воспитание молодежи в духе патриотизма, толерантности и уважения к правам других людей. Общественные организации и религиозные объединения проводят разъяснительную работу, направленную на повышение правовой грамотности и формирование критического отношения к экстремистской пропаганде. Вовлечение молодежи в позитивные социальные проекты помогает снизить риск вовлечения в радикальные группы.

Помимо изложенного, гражданское общество способствует контролю за деятельностью государственных органов и правоохранительных структур, обеспечивая прозрачность и законность их работы в сфере борьбы с терроризмом. Важным элементом является создание площадок для диалога между властью и населением, где можно обсуждать проблемы безопасности и совместно вырабатывать решения. Волонтерские и добровольческие движения также активно участвуют в информировании граждан о правилах поведения в экстремальных ситуациях и мерах безопасности [11]. Очевидно, что противодействие идеологии терроризма — это не только задача силовых структур, но и ответственность всего общества. Только через объединение усилий государства, общественных организаций и каждого гражданина возможно создать крепкий барьер против распространения насилия и экстремизма, обеспечить стабильность и безопасность в стране.

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что противодействие экстремизму и терроризму в контексте массовых мероприятий является одной из приоритетных задач современной системы обеспечения национальной безопасности. Массовые мероприятия, собирающие большое количество людей, создают особые условия, в которых могут проявиться угрозы экстремистского и террористического характера. Поэтому для эффективной защиты общества необходимо применять комплексный подход, сочетающий в себе правовые нормы, организационные меры и активное участие гражданского общества. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму создают четкие рамки для действий государственных органов и обеспечивают ответственность за противоправные деяния. Законодательство постоянно совершенствуется с учетом новых вызовов и угроз, что позволяет своевременно реагировать на изменения в тактике и методах экстремистских и террористических группировок. Однако одной лишь правовой базы недостаточно — важна ее практическая реализация

через слаженную работу правоохранительных органов, служб безопасности и органов местного самоуправления.

Организационные аспекты, включающие технические меры безопасности, координацию действий различных служб и профилактическую работу с населением, играют ключевую роль в создании безопасной среды на массовых мероприятиях. Современные технологии, такие как видеонаблюдение, системы контроля доступа и оперативная связь, значительно повышают уровень защиты, однако не менее важно обучение персонала и информирование участников о правилах поведения. Только комплексный и системный подход позволяет минимизировать риски и обеспечить оперативное реагирование в случае возникновения угроз. Особое значение приобретает роль гражданского общества в профилактике экстремизма и терроризма. Активное участие общественных организаций, религиозных объединений, образовательных учреждений и СМИ способствует формированию устойчивых ценностей, исключающих насилие и радикализм. Профилактическая работа с молодежью, создание условий для позитивного социального взаимодействия и развитие диалога между государством и обществом являются важными элементами долгосрочной стратегии борьбы с идеологией терроризма.

В итоге, успешное противодействие экстремизму и терроризму на массовых мероприятиях возможно только при условии тесного взаимодействия всех заинтересованных сторон — государства, правоохранительных органов, организаторов мероприятий и граждан. Такой подход обеспечивает не только защиту жизни и здоровья людей, но и способствует укреплению общественного доверия, стабильности и безопасности в целом. Продолжение совершенствования правовых и организационных механизмов, а также активизация работы гражданского общества, являются залогом эффективного противостояния современным угрозам и сохранения мира в обществе.

Список литературы:

- [1] Противодействия экстремизму в Российской Федерации. Интернет-ресурс, URL: <https://grajdanka.ru/protivodejstviya-ekstremizmu-v-rossijskoj-federacii/>. (Дата обращения: 23.06.2025).
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) / [Электронный ресурс] / Сайт справочно-правовой системы ГАРАНТ. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/10103000/>.
- [3] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Опубликован в «Парламентской газете» от 30 июля 2002 г. № 142-143, в «Рос-

сийской газете» от 30 июля 2002 г. № 138-139, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031.

[4] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму». Опубликован в «Парламентской газете» от 10 марта 2006 г. № 32, в «Российской газете» от 10 марта 2006 г. № 48, в Собрании законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 11 ст. 1146

[5] Система противодействия терроризму сложилась в России под эгидой НАК. Интернет-ресурс, URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/sistema-protivodeystviya-terrorizmu-slozhilas-v.html>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. № 113, 114, 115, 118.

[7] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Опубликован в «Российской газете» от 9 августа 2001 г. № 151, в «Парламентской газете» от 14 августа 2001 г. № 152-153, в Собрании законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. № 33 (Часть I) ст. 3418

[8] Правила поведения при посещении массовых мероприятий. Интернет-ресурс, URL: <https://www.kaluga-gov.ru/news/54096/>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[9] Как обеспечить безопасность мероприятия. Интернет-ресурс, URL: <https://eventologia.ru/blog/kak-obespechit-bezopasnost-meropriyatiya>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[10] Гражданское общество в противодействии экстремизму и терроризму. Интернет-ресурс, URL: <https://adm-vidnoe.ru/bezopasnost/protivodeystvie-terrorizmu/informatsionnye-materialy-po-protivodeystviyu-terrorizmu/grazhdanskoe-obshchestvo-v-protivodeystvii-ekstremizmu-i-terrorizmu/>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[11] Журавель В.П. Гражданское общество: проблемы идеологического и информационного противодействия терроризму. Журнал «Право и безопасность» №3 (12) Октябрь 2004 г.

Spisok literatury:

[1] Protivodeystviya e'kstremizmu v Rossijskoj Federacii. Internet-resurs, URL: <https://grajdanka.ru/protivodeystviya-ekstremizmu-v-rossijskoj-federacii/>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[2] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) / [E'lektronny'j resurs] / Sajt spravочно-pravovoj sistemy GARANT. – Rezhim dostupa: <https://internet.garant.ru/#/document/10103000/>.

[3] Federal'ny'j zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii e'kstremistskoj deyatelnosti». Opublikovan v «Parlamentskoj gazete» ot 30 iyulya 2002 g. № 142-143, v «Rossijskoj gazete» ot 30 iyulya 2002 g. № 138-139, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 iyulya 2002 g. № 30 st. 3031.

[4] Federal'ny'j zakon ot 6 marta 2006 g. №35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu». Opublikovan v «Parlamentskoj gazete» ot 10 marta 2006 g. № 32, v «Rossijskoj gazete» ot 10 marta 2006 g. № 48, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 marta 2006 g. № 11 st. 1146

[5] Sistema protivodeystviya terrorizmu slozhilas' v Rossii pod e'gidoj NAK. Internet-resurs, URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/sistema-protivodeystviya-terrorizmu-slozhilas-v.html>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[6] Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ. Tekst Kodeksa opublikovan v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 iyunya 1996 g. № 25 st. 2954, v «Rossijskoj gazete» ot 18 (st.st. 1-96), 19 (st.st. 97-200), 20 (st.st. 201-265), 25 (st.st. 266-360) iyunya 1996 g. № 113, 114, 115, 118.

[7] Federal'ny'j zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchenny'x prestupny'm putem, i finansirovaniyu terrorizma». Opublikovan v «Rossijskoj gazete» ot 9 avgusta 2001 g. № 151, v «Parlamentskoj gazete» ot 14 avgusta 2001 g. № 152-153, v Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 avgusta 2001 g. № 33 (Chast' I) st. 3418

[8] Pravila povedeniya pri poseshhenii massovy'x meropriyatij. Internet-resurs, URL: <https://www.kaluga-gov.ru/news/54096/>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[9] Kak obespechit' bezopasnost' meropriyatiya. Internet-resurs, URL: <https://eventologia.ru/blog/kak-obespechit-bezopasnost-meropriyatiya>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[10] Grazhdanskoe obshchestvo v protivodejstvii e'kstremizmu i terrorizmu. Internet-resurs, URL: <https://adm-vidnoe.ru/bezopasnost/protivodeystvie-terrorizmu/informatsionnye-materialy-po-protivodeystviyu-terrorizmu/grazhdanskoe-obshchestvo-v-protivodeystvii-ekstremizmu-i-terrorizmu/>. (Дата обращения: 23.06.2025).

[11] Zhuravel' V.P. Grazhdanskoe obshchestvo: problemy' ideologicheskogo i informacionnogo protivodeystviya terrorizmu. Zhurnal «Pravo i bezopasnost'» №3 (12) Oktyabr' 2004 g.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-64-70

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

РАЗУМОВСКИЙ Владимир Юрьевич,

кандидат политических наук, доцент АНО ВО
«Белгородский университет кооперации, экономики и права»,
Липецкий институт кооперации (филиал),
г. Липецк, Россия,
e-mail: vrazumovsky@yandex.ru

ЧЕРНЫХ Александр Викторович,

кандидат исторических наук, доцент Липецкого
филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
г. Липецк, Россия,
e-mail: chernicha201986@yandex.ru

ПИМЕНОВА Оксана Петровна,

старший преподаватель АНО ВО
«Белгородский университет кооперации, экономики и права»,
Липецкий институт кооперации (филиал),
г. Липецк, Россия,
e-mail: pimenova-oksana1404@mail.ru

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН, КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ. МЕСТНАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА И ЕГЭ

Аннотация. В данной статье идёт речь о Едином государственном экзамене (ЕГЭ) как инструменте образовательной политики современной России, отношения к нему местной правящей элиты. Цель статьи – исследование динамики данных отношений в процессе совершенствования системы образования и науки России посредством институционального и функционального подходов в рамках осуществления различных видов анализа. В статье рассматривается генезис образовательной системы в рамках сложившегося правящего режима разных типов, а также причины появления в ней коррупции, формы и методы борьбы с ней в других странах. Здесь характеризуются различные виды коррупционных отношений, сложившихся в нашей стране, роль в них местной правящей элиты и её последствия. В фокусе исследования находится ЕГЭ, как механизм её устранения и связанных с ним новых социальных лифтов, их значение. В статье анализируются интересы и противоречия различных групп местного властвующего истеблишмента в связи с введением ЕГЭ. В заключении предлагается методика его совершенствования

Ключевые слова: Единый государственный экзамен (ЕГЭ), местная правящая элита, коррупция, школа, педагогическое сообщество, молодежный социум.

RAZUMOVSKY Vladimir Yurievich,

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Autonomous Non-Profit
Educational Institution of Higher Education
“Belgorod University of Cooperation, Economics and Law”,
Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) Lipetsk, Russia

CHERNYKH Alexander Viktorovich,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Lipetsk Branch of the RANEPA
under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russia

THE UNIFIED STATE EXAM AS A TOOL OF RUSSIA'S EDUCATIONAL POLICY. THE LOCAL RULING ELITE AND THE UNIFIED STATE EXAM

Annotation. *This article discusses the Unified State Exam as an instrument of modern Russia's educational policy and the attitude of the local ruling elite towards it. The purpose of the article is to explore the dynamics of these relationships in the process of improving Russia's education and science system through institutional and functional approaches, using various types of analysis. The article examines the genesis of this system within the existing ruling regime of different types, as well as the causes of corruption in it, the forms and methods of combating it in other countries. It also characterizes the forms of corruption that have developed in our country, the role of the local ruling elite in them, and their consequences. The study focuses on the Unified State Exam as a mechanism for eliminating it and the new social elevators associated with it, as well as their significance. The article analyzes the interests and contradictions of various groups of the ruling establishment in the Russian Federation in connection with the introduction of the Unified State Exam, as well as the attitude of the public towards it.*

Key words: *Unified State Exam, local ruling elite, corruption, school, pedagogical community, youth society.*

Единый государственный экзамен, введенный в 2009 г. как обязательное испытание для выпускников школ, оказался новым инструментом образовательной политики России. Эта форма аттестации, реализованная на основе аналогичных образцов ведущих государств мира, поставила всех юных граждан РФ в одинаковое положение независимо от социального статуса их родителей, места жительства, уровня доходов. Она устранила коррупцию в образовательных отношениях, которая пустила глубокие корни, нашла выражение в nepотизме (кумовстве), семейственности и протекционизме.

Новая форма аттестации объединила выпускные экзамены в школе и вступительные испытания в вузе, превратилась в новый социальный лифт и позволила юношам и девушкам, мотивированным на серьезное обучение, поступить в престижные вузы России. ЕГЭ оказался эффективным средством оценки качества обучения в российских школах.

В то же время она вызвала неоднозначную оценку у российского социума. Критической оценки подвергся высокий уровень стресса при подготовке и сдаче ЕГЭ. Не менее серьезной претензией выступает содержание экзамена, основанного на тестах, не раскрывающих реальных знаний обучающихся. Наконец, ещё одним аргументом является широкое распространение репетиторства и, как следствие всего перечисленного, нежелание многих школьников продолжать обучение в старших классах. Сомнения возникли у местного властвующего истеблишмента,

о чём свидетельствует официальная постановка вопроса об отмене экзамена. Он был отклонен, но серьезные претензии к ЕГЭ говорят о необходимости внесения корректив в образовательную политику России в целом.

Введение ЕГЭ вызвало полемику среди правящей элиты, которая не стихает и сегодня. Среди его сторонников – В.И. Матвиенко, С.С. Кравцов, И.Г. Артамонов. Напротив, серьезной ошибкой введение ЕГЭ считают Г.А. Зюганов, О.Н. Смолин, Г.Ю. Филимонов. Споры о нём продолжаются среди учёных. Об этом свидетельствуют работы В.В. Ковригина, Г.Г. Махчеляна, В.М. Филиппова, Е.А. Ямбурга. В то же время в них не содержится оценка ЕГЭ, как инструмента образовательной политики России. Здесь нет анализа причин появления в российских вузах коррупции, методов противодействия этому злу. Недостаточно освещено отношение к ЕГЭ различных групп правящей элиты. Наконец, эти труды не содержат рекомендаций его совершенствования. Именно разрешению этих вопросов посвящается данная статья.

Образование относится к одной из важных потребностей человека. Неслучайно, что законодательство многих государств мира, в том числе и России, гарантирует его общедоступность, гуманистический, светский характер, свободу и плюрализм, адаптивность к потребностям человека. Оно выступает одним из условий вхождения в правящую элиту. Это группа лиц, занимающих статусные позиции в структурах власти или имеющие возможность прямо или косвенно влиять

на них, определять содержание, направленность принимаемых политических решений. На местах к ней принято относить спикеров и депутатов региональных парламентов, губернаторов, мэров, префектов.

Она определяет вектор развития системы образования и науки, которая, в свою очередь, оказывает влияние на сам властвующий истеблишмент, выдвигает требования к замещению различных должностей (наличие университетского диплома, учёной степени, опыта политико-управленческой деятельности). К ней примыкает местная образовательная элита – руководители школ, колледжей, университетов, несущих ответственность за образование, воспитание молодежи в целом. Эта деятельность имеет важное социальное значение, ибо «...любое государство сильно не только трудом промышленным, но и в большей степени трудом интеллектуальным». [2, С.63].

Однако эти процессы в силу различных причин оказались подвергнуты ревизии вследствие коррупции – использования различными должностными лицами своего служебного положения и связанного с ним статуса, авторитета и возможностей в целях личного обогащения, получения незаконным путём различных благ, выгод и преимуществ. В сфере образования и науки она имеет специфическое выражение, заключающееся в обходе установленных правил и процедур приема в вузы посредством взяток, торговле оценками на экзаменах, дипломами престижных учебных заведений, стипендиями и грантами. Сюда можно отнести дачу и получение взяток, равно как и посредничество в них за предоставление государственной аккредитации, лицензирование деятельности вузов, хищение средств государственного бюджета.

Являясь проявлением худших человеческих качеств – алчности, цинизма, беспринципности, коррупция со временем приобрела признаки системного явления (вовлеченность множества лиц с различным статусом, наличие правил и норм коррупционно опасного поведения, многообразные формы проявления). Так, в США разразился скандал в связи с незаконным зачислением в престижные университеты – Йельский, Стэнфордский, Джорджтаунский и другие отпрысков целой группы известных персон. Среди обвиняемых в мошенничестве и подкупе оказались «...не только две популярные голливудские актрисы, но и видные бизнесмены, юристы, врачи – сливки американского общества». [8, С.4].

Подобные тенденции получили распространение во многих странах мира, оказались следствием социального неравенства. Поэтому сложившийся в государствах Европы и США правящий режим демократического типа оказался все-

рьёз озабочен распространением коррупции. Наряду с принятием антикоррупционного законодательства, там были проведены реформы в области просвещения. Введение всеобщего школьного обучения, разработка национальных систем тестирования, предоставление гибких форм оплаты – всё это сделало образование доступным для широких слоёв и групп населения. Именно тестовые системы, претерпевшие изменения в связи с компьютеризацией образования и защищённые от фальсификации, обусловили качественный отбор для обучения в колледжах и университетах способной, талантливой молодёжи, которая составила социальную элиту.

В результате образование приобрело надклассовый характер. Его характерные черты – инклюзивность, индивидуализм в обучении, гибкость, практическая направленность постепенно «...подчинили себе силу и богатство, стали определяющим фактором прогресса». [23, С.51]. Оно превратилось в социальный лифт, благодаря которому изменение своего социального статуса, реализация в избранной профессии, обеспечение достойного уровня жизни прочно вошли в жизнь каждого человека.

Схожие тенденции наблюдались и в России. Осознавая важность развития образования и науки, правящий режим авторитарного, а затем и тоталитарного типа подспудно осознавал исходящую от них угрозу духовного брожения, способного перерасти в политический протест. Поэтому оно изначально рассматривалась, как право-привилегия для избранных групп и слоев населения. В Российской империи образование было обусловлено сословной структурой. Царизм так не смог юридически закрепить принцип «...формального равенства в получении образования... вошедшего в быт общества...» [25, С.19] вплоть до своего краха.

В отличие от него, республика Советов ликвидировала неграмотность, предопределила основу создания новой школы, упразднила все прежние ограничения для трудящихся. Но оказавшаяся у власти партийно-советская номенклатура осознала необходимость собственного воспроизводства. Возводя различные идеологические барьеры, препятствующие детям «...социально-враждебных элементов поступать в вузы...» [20, С.89], она дополнила их установлением оплаты обучения в старших классах школ и университетах СССР. Несмотря на введение всеобщего обязательного школьного обучения и отмену его оплаты, эта скрытая привилегия сохранялась для представителей номенклатуры, их родственников.

Переход России на демократический путь развития, обусловил серьёзные перемены в отечественной школе. Началось её «...активное

интегрирование в мировое образовательное пространство». [7, С.20]. В то же время ревизии подверглись некоторые её принципы, «...превратившие школу в место для подготовки потребителей». [6, С.2]. Коммерциализация образования, вызвавшее снижение требовательности и дисциплины, предопределила ситуацию в экономике, где «...главная проблема – кадры». [21, С.7].

Отсутствие у Российского государства четкой и последовательной концепции развития системы образования, имело множество негативных тенденций, а одной из них оказалась коррупция. Суеверный страх перед обучением, атрибуты которого оказались привнесёнными из-за рубежа, постепенно сменился тягой к знаниям у разных групп населения. Самодержавие не жалело средств на профессиональную подготовку своей опоры – государственной бюрократии, а выдержавшие экзамен на чин обретали значительные социальные и финансовые преференции. Неудивительно, что нашлись те, кто желал их получить обманным путем. Примером этого стала так называемая «Дерптская афера» 1816 г., когда отдельным лицам, далеким от научной деятельности, были присвоены (очевидно, не на безвозмездной основе) степени докторов наук. Данный прецедент получил скандальную известность, после официального расследования и наказания виновных была установлена «...практика публичных диспутов» [4, С.21] при защите диссертации.

Характерные для царских чиновников образованность и профессионализм при утверждении Советской власти обернулись «...идеологической ограниченностью, полицейским мышлением и низкой общей культурой» [3, С.112] новой бюрократии. Её основу составили выходцы из беднейших слоёв населения, среди которых начали культивироваться единомыслие, беспрекословное подчинение приказам свыше, стремление переложить ответственность на других. Некомпетентность партийно-советской номенклатуры, с одной стороны, провоцировала многочисленные «чистки», а с другой – стимулировала получение профессионального образования через рабфаки, заочные отделения в вузах.

Однако при отсутствии эффективного контроля деятельности вузов со стороны государства и институтов гражданского общества, оно носило во многом формальный характер. Некоторые номенклатурные вельможи испытывали зависть к своим подчинённым, пришедшим в аппарат власти из производственной, академической среды. Поэтому они, используя свой должностной статус, авторитет и возможности, начали присваивать себе незаслуженные дипломы и учёные степени, публиковать написанные помощни-

ками и референтами книги и статьи, покровительствовать деятелям науки и культуры. Так, в 1950 г. заведомо агитации и пропаганды ЦК Компартии Молдавии К.У. Черненко смог заочно окончить Кишинёвский педагогический институт, и «...обучение в вузе, который подчинялся ему по партийной линии, не составляло особого труда». [15, С.78]. В 1978 г. доктором экономических наук стал министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, а учёная степень «...была присуждена без защиты диссертации» [1, С.30].

Похожие тенденции имеют место в наши дни, а выявленный плагиат в диссертациях многих бизнесменов, депутатов, чиновников и лишение их учёной степени свидетельствует, к сожалению, о превращении коррупции в «...неофициальное общепринятое правило профессионального восхождения». [17, С.47].

Подобная практика в СССР начала распространяться на детей и иных родственников номенклатуры. Конкурс знаний в советские вузы существенно дополнялся «конкурсом отцов», когда из партийно-советских органов передавались просьбы о снисхождении на экзаменах к конкретным абитуриентам. Протекционизм отдельных «слуг народа» при решении этих «деликатных» проблем тщательно скрывался, но о нём было известно практически всем. Более того, они принялись лоббировать схожие интересы некоторых граждан, связанных с теневой экономикой. Приобретение полезных знакомств, в сочетании с наличием значительных денежных средств, предопределили практику подкупа должностных лиц, ответственных за приём в вузы. (К ней начали прибегать отдельные представители республик Кавказа и Средней Азии).

Данные отношения, вызванные скудным финансированием системы образования и науки, постепенно меняли сознание части преподавателей вузов. В условиях либерализации экономики, сказавшейся на уровне их зарплат, предопределил поиск дополнительных доходов, имевших, к сожалению, сомнительный, а то и противозаконный характер. Непростое экономическое положение российских вузов, напротив, сочеталось с возросшим интересом молодежи к обучению в них. Ценность вузовского диплома дополнялась функционированием негосударственного образовательного сектора, не без участия которого возник «...маниакальный ажиотаж вокруг престижности высшего образования, и эта сфера местами превратилась в прибыльный бизнес». [16, С.7].

Совокупность этих причин предопределило коррупционные отношения в российских вузах, которые, в отличие от советского времени, стали более наглыми, изощрёнными, масштабными. Их

наиболее циничным, вероломным проявлением оказалась теневая практика так называемой «продажи мест». В результате вступительные испытания превратились в своеобразный «конкурс кошечек», основанный на негласных отношениях с руководством вуза, членами приёмных комиссий родителей абитуриентов посредством взяток. Они передавались через цепочку посредников, что обусловило появления списка абитуриентов, гарантированно проходивших все испытания. Завуалированной формой коррупции оказалось репетиторство, которое в СССР «...помогло школьникам освоить профильные для избранного вуза дисциплины» [19, С.41] успешно (и главное – честно) сдать вступительные экзамены. В современной России потребовался не столько знаток какого-либо школьного предмета, сколько преподаватель избранного вуза и, лучше всего, член приёмной комиссии. Данные отношения предполагали негласные тарифы на подобные услуги, так как «...репетиторы и подготовительные курсы готовили в каждый конкретный вуз». [23, С.5].

Попытки некоторых ректоров вузов противостоять этому злу (предварительная экспертиза экзаменационных билетов, внезапная замена состава приёмных комиссий, введение в неё новых членов) оказались малоэффективными. Случаи провала на вступительных испытаниях способных выпускников школ вызвали шквал полных гнева, обиды, отчаяния писем в государственные и правоохранительные органы с требованием наказать «оборотней с указкой», сделать процедуру вступительных испытаний в вузы более прозрачными.

Эту задачу должен был решить ЕГЭ. Его сущность заключается в объединении выпускных экзаменов в школе и вступительных испытаний в вузы в единую процедуру, позволяющую более дифференцированно оценивать знания обучающихся в рамках новой экзаменационной шкалы от 0 до 100 баллов. Благодаря этому механизму в равное положение были поставлены жители столицы и провинции, горожане и селяне, питомцы элитных гимназий и вечерних школ. Именно знания и способности обучающихся, а не деловые связи и толщина кошелька их родителей должны стать пропуском в лучшие университеты и академии России. В прессе сообщалось о выпускниках школ, набравших по результатам экзамена по предмету 100 баллов. Это позволяет «...сдать экзамен там, где они проживают, направить документы в пять вузов и поступить в тот или иной вуз...» [9, С.2], что свидетельствует о перспективности новой формы контроля знаний.

ЕГЭ содержит механизм противодействия коррупции (письменный характер его проведения, многообразие контрольно-измерительных

материалов по всем дисциплинам школьной программы, анонимность экзаменуемых, электронная форма проверки тестов). В этих условиях как школа, так и вуз не участвуют в выставлении итоговой оценки, и тем самым ломается прежняя коррупционная схема. Контроль его проведения в режиме реального времени, а также оперативная и профилактическая работа подразделений УЭБиПК МВД России позволило пресечь подтасовку результатов (пресловутого «ЕГЭ-туризма», взброса в социальные сети правильных ответов, подделку сертификатов о сдаче экзамена, пронос шпаргалок и средств мобильной связи).

В то же время ЕГЭ получил неоднозначную оценку у образовательной элиты, особенно на местах. Он объективно затронул интересы директоров школ. Проводимый в 2001–2008 гг. эксперимент выявил низкий уровень знаний школьников по всем предметам, что привело к «...невиданному расширению и удорожанию услуг репетиторов». [18, С.3]. Это обусловило поиск отдельными руководителями способов фальсификации результатов экзамена (создание тайных «мозговых центров» для подсказок, выполнение экзаменационных заданий подставными лицами).

ЕГЭ оказался неудобным для ректоров вузов, ибо пресек теневые финансовые потоки. Это подтолкнуло некоторых из них к поиску новых коррупционных схем. Так, в эпицентре громкого скандала оказался Российский НИМУ им. Н.П. Пирогова (более известный, как «второй мед»), когда в первый день приема документов в списке фигурировали фамилии абитуриентов-«призраков». Предполагалось потенциальных студентов отправить в другие вузы, а затем «...на освобожденные места зачислять нужных людей...даже с низкими баллами ЕГЭ». [14, С.6]. Наконец, противоречивую позицию занял местный властвующий истеблишмент. По мнению ряда губернаторов ЕГЭ, является «...пропуском к дальнейшему образованию». [11, С.7]. Другие утверждают, что он «...не формирует у школьников глубоких знаний». [10, С.2]. Различные спекуляции по данному поводу сходят от лиц, являющихся «...либо популистами, либо имеющих корыстный интерес». [5, С.4]. Это породило ситуацию, когда «...ЕГЭ все критикуют, но никто ничего не предлагает...». [12, С.3].

За этим многоголосым хором почти не слышен голос учёных, преподавателей школ и вузов. Их опыт мог быть положен в основу реформирования ЕГЭ. Необходимо признать, что данный подход противоречит некоторым сложившимся принципам отечественной школы, таким как единая государственная программа с набором обязательных предметов, акцент на формирование фундаментальных знаний, интенсивность учебной нагрузки. Вынесенные на ЕГЭ

тестовые задания и подготовка к ним способствует «...привычке мыслить штампами, заготовками, а это сказывается на дальнейшем обучении». [22, С.16]. Необходимо признать, что фактически учебный процесс в школе сейчас сводится к «...натаскиванию на сдачу ЕГЭ». [13, С.48].

Выходом из сложившегося положения могло бы быть введение в его структуру устной части (сейчас она есть только на экзамене по иностранному языку). Устный ответ по экзаменационному билету должен быть записан на видеокамеру. Данная процедура возможна только на экзамене по выбору. Для этого в местах проведения ЕГЭ необходимо установить звукоизолирующие, прозрачные кабины, оснастить их видеокамерами и мониторами. На ответ следует отвести не более 10 минут (с дополнительным 5 минутным резервом). При этом анонимность экзаменуемых сохраняется, а оценивать их станут эксперты из другого субъекта РФ. В этих условиях произойдёт возрождение классических принципов отечественной школы, появится потребность в прочных знаниях в избранной области, необходимость тщательной подготовки.

Таким образом, введение ЕГЭ обусловлено стремлением правящей элиты РФ обеспечить экономику страны квалифицированными кадрами. Разработанный на основе зарубежного опыта он смог пресечь коррупцию на стыке «школа-вуз», поставить всех выпускников школ в равное положение, объективно оценить их знания. В то же время ЕГЭ подверг ревизии некоторые принципы развития отечественной школы, усугубил её кризисное состояние. Поэтому его реформирование на основе возрождения этих принципов в сочетании с информационными технологиями усилит роль школы в подготовке к успешному прохождению этой процедуры. ЕГЭ должен быть положен в основу реформы российского образования, необходимость которой все более очевидно.

Список литературы:

- [1] Адамов А.Г. История одного самоубийства // Огонёк. 1988. № 25. С. 27-34.
- [2] Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Социально-экономическая литература. 1960. С. 1-556.
- [3] Волкогонов Д.А. Ленин: политический портрет. М.: Новости. 1994. С. 1-475.
- [4] Галай Ю.Н. Коррупция и кумовство при получении учёных степеней в университетах Российской империи // Вестник Нижегородского университета МВД России. 2010. № 2. С. 19-23.
- [5] Дурынина Л. «Популизм и коррупция»: заслуженный учитель назвал мотивацию противников ЕГЭ. <https://selecty.ru>. (Режим доступа – 10.06.2025).
- [6] Зюганов Г.А. Образование для России в переходный период. <http://www.svpressa.ru>. (Режим доступа – 23.05.2025).
- [7] Ковригин В.В. Интеграция России в мировое образовательное пространство // Гуманитарные исследования Центральной России. 2016. № 5. С. 18-22.
- [8] Крылов В. Учебная тревога: забота о детях обернулась в США грандиозным коррупционным скандалом // Известия. 2019. 17 марта. С. 4
- [9] Кравцов С.С. Мы сформировали единое образовательное пространство. <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/news/6741>. (Режим доступа – 20.04.2025).
- [10] Литовко Н. Глава Вологодской области Георгий Филимонов назвал сбережение народа главной целью работы. <http://www.smotrim.ru>. (Режим доступа – 10.06.2025).
- [11] Майер А., Тихонов А. Игорь Артамонов: «Во всем плохом есть хорошее»: интервью с губернатором Липецкой области // Липецкая газета, 2024. 06. июня.
- [12] Матвиенко В.И. ЕГЭ не должен превращаться в «угадайку». <http://www.tass.ru>. (Режим доступа – 08.05.2025).
- [13] Махчелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. № 2. Т.19. С. 47-90.
- [14] Милкус А. «Мертвые души» во втором меде // Комсомольская правда. 2011. 27 июля.
- [15] Медведев Р.А. Личность и эпоха (политический портрет Л.И. Брежнева). М.: Новости. 1991. С. 1-336.
- [16] Музалевская, Е.А. Проявление коррупции в системе образования. <http://www.mosgu.ru>. (Режим доступа – 05.06.2025).
- [17] Мясоедов А.И. Изучение плагиата с межкультурной точки зрения // Социологические исследования. 2021. Т. 6. № 3. С. 38-44.
- [18] Пантелеева Н.В. Как ЕГЭ подстегнул коррупцию. <http://m.fishki.ru>. (Режим доступа – 08.06.2025).
- [19] Римский В.С. коррупцией можно бороться только сообща. <http://www.nauka.ru>. (Режим доступа – 24.04.2025).
- [20] Радзинский Э.С. Сталин. М.: Вагриус. 1997. С. 1-638.
- [21] Смолин О.Н. Образование для всех, в течение всей жизни // Советская Россия. 2024. 5 февраля.
- [22] Сильверства М.А. ЕГЭ как современное средство оценивания результатов обучения // Молодой учёный. 2022. № 2. С. 222-224.
- [23] Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 1-795.

[24] Филиппов В.М. Единый государственный экзамен необходим, чтобы остановить институтский рэкет // Комсомольская правда. 2003. 22 октября.

[25] Яковлев А.И. Александр II и его эпоха. М.: Наука, 1992. С. 1-64.

Spisok literaturey:

[1] Adamov A.G. Istoriya odnogo samoubijstva // Ogonyok. 1988. № 25. S. 27-34.

[2] Vitte S.Yu. Vspominaniya. M.: Social'no-e'konomicheskaya literatura. 1960. S. 1-556.

[3] Volkogonov D.A. Lenin: politicheskij portret. M.: Novosti. 1994. S. 1-475.

[4] Galaj Yu.N. Korruptsiya i kumovstvo pri poluchenii uchyony'x stepenej v universitetax Rossijskoj imperii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 2. S. 19-23.

[5] Dury'nina L. «Populizm i korruptsiya»: zasluzhennyj uchitel' nazval motivaciyu protivnikov EGE. <https://selecty.ru>. (Rezhim dostupa – 10.06.2025).

[6] Zyuganov G.A. Obrazovanie dlya Rossii v perexodnyj period. <http://www.svpressa.ru>. (Rezhim dostupa – 23.05.2025).

[7] Kovrigin V.V. Integraciya Rossii v mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo // Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii. 2016. № 5. S. 18-22.

[8] Kry'lov V. Uchebnaya trevoga: zabota o detyax obernulas' v SSHa grandiozny'm korruptcionny'm skandalom // Izvestiya. 2019. 17 marta. S. 4

[9] Kravczov S.S. My sformirovali edinoe obrazovatel'noe prostranstvo. <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/news/6741>. (Rezhim dostupa – 20.04.2025).

[10] Litovko N. Glava Vologodskoj oblasti Georgij Filimonov nazval sberezhenie naroda glavnoj cel'yu raboty. <http://www.smotrim.ru>. (Rezhim dostupa – 10.06.2025).

[11] Majer A., Tixonov A. Igor' Artamonov: «Vo vsem plohom est' xoroshee»: interv'y u gubernatorom Lipeckoj oblasti // Lipeckaya gazeta, 2024. 06. iyunya.

[12] Matvienko V.I. EGE ne dolzhen prevrashchat'sya v «ugadajku». <http://www.tass.ru>. (Rezhim dostupa – 08.05.2025).

[13] Maxchelyan G.G. Aktual'nye problemy perestrojki sistemy obrazovaniya v sovremennoj Rossii // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2023. № 2. T.19. S. 47-90.

[14] Milkus A. «Mertvy'e dushi» vo vtorom mede // Komsomol'skaya pravda. 2011. 27 iyulya.

[15] Medvedev R.A. Lichnost' i e'poxa (politicheskij portret L.I. Brezhneva). M.: Novosti. 1991. S. 1-336.

[16] Muzalevskaya, E.A. Proyavlenie korruptcii v sisteme obrazovaniya. <http://www.mosgu.ru>. (Rezhim dostupa – 05.06.2025).

[17] Myasoedov A.I. Izuchenie plagiata s mezkul'turnoj točki zreniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2021. T. 6. № 3. S. 38-44.

[18] Panteleeva N.V. Kak EGE podstegnul korruptsiyu. <http://m.fishki.ru>. (Rezhim dostupa – 08.06.2025).

[19] Rimskij V.S. korruptciej mozžno borot'sya tol'ko soobshha. <http://www.nauka.ru>. (Rezhim dostupa – 24.04.2025).

[20] Radzinskij E.S. Stalin. M.: Vagrius. 1997. S. 1-638.

[21] Smolin O.N. Obrazovanie dlya vsekh, v techenie vsej zhizni // Sovetskaya Rossiya. 2024. 5 fevralya.

[22] Sil'verstva M.A. EGE kak sovremennoe sredstvo ocenivaniya rezul'tatov obucheniya // Molodoj uchyonyj. 2022. № 2. S. 222-224.

[23] Toffler E. Tre'tya volna. M.: AST, 2010. S. 1-795.

[24] Filippov V.M. Edinyj gosudarstvennyj e'kzamen neobxodim, chtoby ostanovit' institutskij re'ket // Komsomol'skaya pravda. 2003. 22 oktyabrya.

[25] Yakovlev A.I. Aleksandr II i ego e'poxa. M.: Nauka, 1992. S. 1-64.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович,
студент 2 курса магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

МОСКАЛЕНКО Сергей Павлович,
студент 1 курса магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

РАЗНООБРАЗИЕ ВИДОВ, МЕТОДОВ И ОСНОВАНИЙ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМИ

Аннотация. В данной статье рассматривается многообразие видов и методов кибермошенничества, а также основания, способствующие его распространению в современном цифровом обществе. Анализируются основные типы мошеннических действий, такие как фишинг, скимминг и мошенничество с кредитными картами, а также психологические приемы, используемые мошенниками для манипуляции жертвами. Обсуждаются факторы, способствующие кибермошенничеству, включая недостаточную осведомленность пользователей и уязвимости в системах безопасности.

Статья также акцентирует внимание на необходимости совершенствования законодательства, в частности статьи 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, для более эффективного противодействия кибермошенничеству. Предлагаются меры по улучшению правоприменения, расширению перечня наказаний и учету новых технологий, таких как криптовалюта, в контексте правового регулирования.

Ключевые слова: мошенничество, кибермошенничество, киберпреступность, уголовный закон, уголовное право, интернет.

TOLKACHEV Roman Vladimirovich,
2nd year graduate student
of the Law School of the Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok

MOSKALENKO Sergey Pavlovich,
1st year graduate student
of the Law School of the Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok

VARIETY OF TYPES, METHODS AND GROUNDS OF CYBER FRAUD AND WAYS TO COMBAT THEM

Annotation. This article examines the variety of types and methods of cyber fraud, as well as the grounds that contribute to its spread in modern digital society. The main types of fraud, such as phishing, skimming and credit card fraud, are analyzed, as well as psychological techniques used by fraudsters to manipulate victims. Factors contributing to cyber fraud are discussed, including lack of user awareness and vulnerabilities in security systems.

The article also focuses on the need to improve legislation, in particular Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, for more effective counteraction to cyber fraud. Measures are proposed to improve law enforcement, expand the list of punishments and take into account new technologies, such as cryptocurrencies, in the context of legal regulation.

Key words: fraud, cyber fraud, cybercrime, criminal law, criminal law, internet.

Мошенничество затрагивает различные сферы деятельности граждан. С появлением и обширным развитием телекоммуникационных технологий, а также развитием сети «Интернет» появились и новые способы, методы и виды мошенничества, которые тесно связаны и осуществляются с помощью телекоммуникационных технологий, сети «Интернет» и с недавних пор с помощью нейросетей и искусственного интеллекта.

В связи с тем, что сеть «Интернет» предоставляет множество функций по запросу потребителя, виды мошенничества разнообразны. Однако существуют базовые виды кибермошенничества, на основе которых или с их помощью осуществляется преступная деятельность – похищение чужого имущества.

Существуют различные классификации видов кибермошенничества. Так, В.И. Боярчук и Ю.В. Деде выделяют ряд видов:

- Вредоносные письма,
- Целевой фишинг,
- SMS-атаки,
- Фейковые приложения,
- Фермы рейтингов,
- Приложения, высасывающие деньги,
- Невидимые скиммеры,
- Скрытые камеры в банкоматах [1].

Есть и иные классификации, так М.А. Снежко и А.М. Хахина выделяют пять видов кибермошенничества, а именно:

- Вирусы;
- Скимминг;
- Программа-вымогатель;
- Фишинг;
- Мошенничество [2].

Безусловно, обе классификации имеют место быть, многие ученые-правоведы используют в своих трудах примерно такие же классификации, однако по мнению автора они хоть и отражают суть кибермошенничества, но являются неточными.

Во-первых, киберпространство и киберсреда весьма динамично развиваются, открывая ранее неизвестные функции, которые используют граждане. Исходя из этого, основы кибермошенничества могут быть перечислены, так как они являются фундаментальными для осуществления какого-либо вида преступления в рамках использования сети «Интернет» или иных телекоммуникационных технологий. В свою очередь список конкретных видов кибермошенничества не может быть закрытым или окончательным, он постоянно динамичен, как динамично и развитие киберпространства.

Во-вторых, рассмотрев две классификации необходимо отметить, что виды и основания кибермошенничества зачастую спутываются, образуя единую систему. Однако такой подход

является неправильным. Киберпреступления являются новым вызовом для правоохранительных органов. Данные преступления, в частности кибермошенничество начали расследовать недавно, а слияние понятий лишь ухудшают работу правоприменителей. На взгляд авторов необходимо четко разделить виды и основания кибермошенничества.

В первую очередь необходимо определить основы и методы кибермошенничества из которых в следствие и вытекает многообразие видов таких преступлений.

1. Кража личных данных гражданина.
2. Кибермошенничество в банковской сфере.
3. Реклама (спам) кибермошенничество.
4. Кибермошенничество на социальных платформах и в электронной почте.
5. Вредоносные программные обеспечения [3].

Таким образом, 5 оснований являются фундаментальными основами и причинами для развития и многообразия видов мошенничества. Необходимо рассмотреть и проанализировать каждую основу.

Кража личных данных представляет собой одну из форм мошенничества, при которой злоумышленник незаконно использует чужую личность для получения материальной выгоды. Киберпреступники нередко прибегают к использованию имен реальных людей, включая обычных граждан и знаменитостей, чтобы совершить свои преступные действия. В результате, преступник наносит ущерб сразу двум сторонам: первая сторона — это жертва, с которой он взаимодействует, выдавая себя за кого-то другого, а вторая — это личность, чье имя используется обманным образом.

Злоумышленник может воспользоваться украденной личной и финансовой информацией для доступа к банковским счетам, открытия новых счетов, перевода средств или совершения покупок.

Одной из наиболее оригинальных форм мошенничества, связанной с использованием чужой личности, является «гибридное мошенничество», которое сочетает в себе элементы киберпреступности и традиционного мошенничества, выбирая в качестве жертвы как физические, так и юридические лица.

В этой схеме мошенники могут не только использовать личные данные гражданина или известной личности, но и внедряться в доверительную коммуникацию с организациями, где этот гражданин имеет какое-либо отношение. Например, преступник, выдавая себя за действительного сотрудника компании, может запрашивать у коллег информацию о финансовых схемах или доступ к корпоративным ресурсам, ссылаясь на необходимость обновления данных.

Существуют уникальные способы реализации кибермошенничества с кражей личных данных.

Запроса на «обновление информации». Мошенники могут рассылать фальшивые письма от имени компании, в которых просят сотрудников обновить свои контактные данные или данные банковских счетов, что в дальнейшем позволяет обналичить деньги или подписаться на мошеннические финансовые услуги [4].

Создание фальшивых аккаунтов в социальных сетях. Используя имя и фотографии известной личности или знакомого, преступники могут завести аккаунт и начать взаимодействие с людьми, предлагая инвестиции или финансовую помощь, тем самым создавая видимость надёжности.

Использование продвинутых технологий. Варианты глубокой подделки (deep fake) позволяют мошенникам создать высококачественное видео или аудиозапись лица, с которым жертва уже знакома. Это может быть использовано для манипуляции и получения доступа к средствам.

Вирусные атаки. Указание на необходимость «безопасности» в связи с киберугрозами может подталкивать жертв к установке злонамеренных программ или предоставлению доступа к своим аккаунтам через парольные инструменты [5].

Мошенничество такого рода причиняет ущерб не только непосредственно жертве, но и репутации личности, чье имя было использовано. Это также подрывает доверие к организациям и может привести к потере клиентской базы и финансовым потерям. По данным исследований, подобные схемы становятся всё более сложными и трудноразличимыми, поэтому важно повышать осведомленность об угрозах и способы защиты от них.

Гибридное мошенничество является ярким примером того, как развиваются механизмы киберпреступности, и требует от общества более внимательного подхода к защите своих данных и финансам.

Кибермошенничество в банковском секторе представляет собой одну из самых серьёзных и распространённых угроз финансовой безопасности. С развитием технологий и увеличением числа онлайн-транзакций злоумышленники используют разнообразные методы для обмана пользователей и получения доступа к их денежным средствам [6].

Так, стоит отметить виды кибермошенничества в банковской сфере, кроме того, они являются основными видами мошенничества и по другим основаниям.

Фишинг – это один из самых распространённых методов, при котором мошенники отправ-

ляют электронные письма или сообщения, выглядящие как официальные от банковских учреждений. Обычно в них содержатся ссылки на фальшивые сайты, где жертвы вводят свои учетные данные [7].

Сниффинг – это когда злоумышленники используют специальные программы для перехвата данных, передаваемых между пользователем и банковским сайтом. Это позволяет им получить доступ к личной информации, такой как пароли и номера кредитных карт [8].

Малвари – это когда вредоносные программы могут быть установлены на устройствах жертв, позволяя мошенникам контролировать систему и получать данные о транзакциях, используя краденую информацию.

Социальная инженерия – наиболее распространённый способ мошенничества. Мошенники могут взаимодействовать с жертвой, притворяясь работниками банка, и убеждать ее раскрыть конфиденциальные данные, под предлогом необходимости проверки безопасности счета.

Скимминг – этот вид связан с использованием устройств, устанавливаемых на банкоматах или терминалах для кассовых операций, которые копируют информацию с магнитных полос кредитных карт.

Кибермошенничество наносит значительный ущерб как жертвам, так и самому банковскому сектору.

Во-первых, это финансовые потери. Жертвы могут потерять значительные суммы денег, что может повлечь за собой дефицит бюджета и другие финансовые проблемы.

Во-вторых, это подрыв доверия. Случаи кибермошенничества могут подрывать доверие клиентов к банкам и финансовым учреждениям, что может вести к снижению количества клиентов и проблемам с репутацией.

Кибермошенничество в банковской сфере остается актуальной проблемой, требующей комплексного подхода к её решению, как со стороны финансовых учреждений, так и со стороны самих клиентов.

Несмотря на наличие статьи 159.6 в Уголовном кодексе Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за кибермошенничество, текущая редакция нуждается в значительной доработке и уточнении. Во-первых, необходимо более четко определить квалифицирующие признаки кибермошенничества, включая различные его виды, такие как фишинг, онлайн-шахтерство и мошенничество с настройками учетных записей, что поможет правоприменителям лучше различать разные способы осуществления данных преступлений и более адекватно их квалифицировать.

Во-вторых, следует расширить перечень возможных наказаний, чтобы они соответствовали степени общественной опасности кибермошенничества и его влиянию на жертву. Введение более строгих санкций, таких как значительные штрафы или более длительные сроки лишения свободы, сможет стать эффективным превентивным мером. Также важно учесть возможность использования оборудования и технологиях, таких как криптовалюты, которые становятся все более популярными среди мошенников и требуют соответствующего правового регулирования.

Наконец, необходимо усилить международное сотрудничество в области борьбы с кибермошенничеством. Учитывая глобальный характер интернет-преступлений, эффективная борьба с ними требует скоординированных усилий не только на уровне страны, но и сотрудничества с международными организациями и правоохранительными органами других государств. Это может включать обмен информацией, совместные следственные действия и разработку единых стандартов для борьбы с киберпреступлениями на глобальном уровне. Кибермошенничество представляет собой многообразное явление, которое включает в себя различные виды мошеннических действий, осуществляемых с использованием интернет-технологий. Основные виды кибермошенничества включают фишинг, скимминг, мошенничество с кредитными картами, а также различные схемы обмана, направленные на получение личной информации пользователей. Эти действия могут варьироваться от простых попыток обмана до сложных организованных преступных схем, что делает кибермошенничество одной из наиболее актуальных угроз в современном цифровом обществе.

Основания для кибермошенничества часто связаны с недостаточной осведомленностью пользователей о рисках, связанных с использованием интернет-ресурсов. Мошенники используют психологические приемы, чтобы манипулировать жертвами, создавая ложное чувство доверия или срочности. Кроме того, уязвимости в системах безопасности, недостаточная защита личных данных и отсутствие эффективных мер по предотвращению мошенничества способствуют распространению этих преступлений. Важно отметить, что кибермошенничество может иметь серьезные последствия не только для отдельных пользователей, но и для организаций и экономики в целом.

Для борьбы с кибермошенничеством необходимо внедрение комплексных мер, включая повышение уровня кибербезопасности, обучение пользователей основам безопасного поведения в сети и разработку законодательных инициатив, направленных на ужесточение ответственности

за киберпреступления. Эффективная профилактика и реагирование на кибермошенничество требуют совместных усилий как со стороны государственных органов, так и со стороны частного сектора, что позволит создать более безопасную цифровую среду для всех пользователей.

Список литературы:

[1] Боярчук В. И., Деде Ю. В. Кибермошенничество. – 2023. – URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/132131/505-507.pdf?sequence=1> (Дата обращения: 27.12.2024).

[2] Снизко, М. А. Кибермошенничество: виды, примеры, техника безопасности / М. А. Снизко, А. М. Хахина // Информационные технологии: прошлое, настоящее, будущее : сборник статей по материалам межинститутской студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, 2021. – С. 23-27. – EDN BMWXFI.

[3] Гарибян А. С. Кибермошенничество: новые виды и методы //теория, методология и практика научной деятельности: сборник статей. – 2023. – С. 75.

[4] Семенов К. О. Гибридная модель повышения экономической безопасности коммерческих банков //Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. – 2021. – С. 237-240.

[5] Ерастов Ф. А., Куцев С. О. Классификация современных методов борьбы с финансовым мошенничеством //Инновации. Наука. Образование. – 2020. – №. 12. – С. 46-52.

[6] Спиридонов А. В., Кабанова А. М. Кибербезопасность в банковском секторе //Материалы конференций ГНИИ» Нацразвитие». Февраль 2018. – 2018. – С. 19-22.

[7] Антонова Т. С., Смирнов В. М. Фишинг как неизученное киберпреступление //StudNet. – 2021. – Т. 4. – №. 6. – С. 69-75.

[8] Герасимов А. С. Виды сетевых атак и методы защиты от них // Актуальные вопросы инноваций и современные научные открытия. – 2023. – С. 171-176.

Spisok literatury:

[1] Boyarchuk V. I., Dede Yu. V. Kibermoshennichestvo. – 2023. – URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/132131/505-507.pdf?sequence=1> (Data obrashheniya: 27.12.2024).

[2] Snizhko, M. A. Kibermoshennichestvo: vidy, primery, texnika bezopasnosti / M. A. Snizhko, A. M. Haxina // Informacionny'e texnologii: proshloe, nastoyashhee, budushhee : sbornik statej po materialam mezhinstitutskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 20 maya

2021 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj lesotekhnicheskij universitet imeni S.M. Kirova, 2021. – S. 23-27. – EDN BMWXFI.

[3] Garibyan A. S. Kibermoshennichestvo: novy'e vidy i metody //teoriya, metodologiya i praktika nauchnoj deyatel'nosti: sbornik statej. – 2023. – S. 75.

[4] Semenov K. O. Gibridnaya model' povыsheniya ekonomicheskoy bezopasnosti kommercheskix bankov //E'konomicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i perspektivy. – 2021. – S. 237-240.

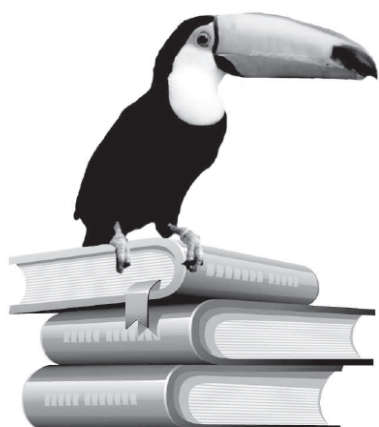
[5] Erastov F. A., Kucev S. O. Klassifikaciya sovremennyx metodov bor'by s finansovy'm

moshennichestvom //Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2020. – №. 12. – S. 46-52.

[6] Spiridonov A. V., Kabanova A. M. Kiberbezopasnost' v bankovskom sektore //Materialy konferencij GNII Naczrazvitie. Fevral' 2018. – 2018. – S. 19-22.

[7] Antonova T. S., Smirnov V. M. Fishing kak neizuchennoe kiberprestuplenie //StudNet. – 2021. – T. 4. – №. 6. – S. 69-75.

[8] Gerasimov A. S. Vidy setevy'x atak i metody zashhity ot nix // Aktual'ny'e voprosy innovacij i sovremenny'e nauchny'e otkry'tiya. – 2023. – S. 171-176.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-76-84

ПАРШУКОВА Ирина Вячеславовна,
обучающаяся по специальности/направление подготовки:
40.04.01, Юриспруденция/Правовое регулирование экономики,
квалификация магистр, НГУЭУ,
e-mail: mail@law-books.ru

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию института субсидиарной ответственности в контексте его применения в арбитражной судебной практике Российской Федерации. Рассматриваются правовые основания, критерии установления контроля над должником, проблемные аспекты доказывания и актуальные правоприменительные подходы. Особое внимание уделено выявлению правовых рисков и формированию подходов для реализации более предсказуемого и справедливого механизма субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство (несостоятельность), должник, кредитор, судебная практика, гражданско-правовая ответственность, обязательства юридического лица.

PARSHUKOVA Irina Vyacheslavovna,
Master's degree student in the field of study
40.04.01 – Jurisprudence / Legal Regulation of the Economy,
Qualification: Master, Novosibirsk State University
of Economics and Management (NSUEM)

SUBSIDIARY LIABILITY: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE AND PROBLEMATIC ASPECTS OF APPLICATION

Annotation. *Entrepreneurial Risk in the Context of Tax Disputes: His article examines judicial practice related to the imposition of subsidiary liability in the context of bankruptcy proceedings. It analyzes the legal foundations, the criteria for determining control over the debtor, evidentiary challenges, and prevailing trends in judicial interpretation. Special attention is given to identifying inconsistencies and legal risks arising from the application of the subsidiary liability mechanism.*

Key words: *subsidiary liability, bankruptcy (insolvency), debtor, creditor, case law, civil liability, obligations of a legal entity.*

Институт привлечения контролирующих лиц организации сформировался в действующем законодательстве сравнительно недавно – в 2009 году, путем внесения поправок в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, который дал начало широкому применению заложенного в него механизма на практике [2].

До этого момента существовавшие отдельные правовые нормы, имевшиеся в законодательстве, не давали эффективной защиты через самостоятельный гражданско-правовой меха-

низм кредиторам, имевшим не погашенное требование к должнику, которые вынуждены были обращаться в правоохранительные органы и доказывать наличие состава преступления со стороны контролирующих лиц должника. Только при наличии обвинительного приговора можно было надеяться на удовлетворение кредиторских требований посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе (статьи 44, 135, 250 УПК РФ).

К моменту введения понятия «контролирующее лицо должника» оперировали нормами ста-

тии 56 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой «учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечают по обязательствам юридического лица...за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом либо учредительными документами юридического лица. Если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, на таких лиц в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам» [3]. Но на практике эти положения «не работали», поскольку не были детально регламентированы правила их применения, в том числе и на уровне высших судов, и любое обращение к применению данной статьи было связано с широким судебным усмотрением, граничащим с произвольным толкованием.

Теоретически идею, заложенную в статье 56 Гражданского Кодекса РФ, можно (и нужно) было развить и раньше, но она была фактически реализована на практике только путем введения соответствующего института в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», который получил развитие и широкое применение именно в рамках дел о банкротстве.

Дальнейшее введение статьи 53.1. Гражданского Кодекса РФ «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица» детализировало и на практике распространило практическое применение субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника за пределы дела о банкротстве [4].

Также на практике получило применение теоретико-правовая концепция «проникновения под корпоративную вуаль» либо «срывание корпоративной вуали» в случаях, когда имеется место злоупотребление правовой конструкцией юридических лиц с ограниченной ответственностью их учредителей (участников), фактически используя положения статьи 10 Гражданского Кодекса РФ о запрете злоупотребления правом.

Некоторые авторы считают, что субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника в делах о банкротстве является одним из примеров применения концепции «проникновения под корпоративную вуаль». Так, Демьянова М. В. полагает, что «в российском корпоративном праве доктрина «снятия корпоративной вуали» нашла отражение в положениях п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, ст. 6 Закона об АО, ст. 6 Федерального закона

от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об ООО), закрепляющих солидарную ответственность основного общества по сделкам дочернего общества, заключенных последним во исполнение указаний или с согласия основного общества, а также в положениях гл. III.2 Закона о банкротстве, устанавливающих субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве дочернего» [5].

Термин «должник» в первую очередь используется для обозначения хозяйствующего субъекта, в отношении которого применяются соответствующие процедуры в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Законодательство о банкротстве и судебная практика с момента закрепления соответствующих понятий «контролирующее лицо должника» и «субсидиарная ответственность контролирующих лиц» претерпела значительное развитие. Существовавший до 2014 года Высший Арбитражный Суд РФ неоднократно принимал судебные акты, содержащие общеобязательные толкования для нижестоящих судов с целью укрепления единообразия судебной практики по применению механизма субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника.

После объединения с Верховным Судом РФ многие руководящие указания Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ сохраняют силу и в настоящее время, а созданные им подходы активно используются в том числе и по вопросам субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.

На настоящий момент судебная практика в данной сфере продолжает уточняться и совершенствоваться.

Зачастую широкое применение может получить подход, примененный Верховным Судом РФ по конкретному делу о банкротстве. Например, первое применение концепции «критического момента» в деле о банкротстве обнаружено в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 309-ЭС17-1801 по делу N A50-5458/2015 [6], а первые упоминания этой концепции на этапе ее формирования обнаружены у нижестоящих судов еще раньше (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.08.2016 N Ф01-2706/2016 по делу N A28-15163/2013) [7]. Принятие на вооружение на уровне обобщенного подхода Верховным Судом РФ было объявлено только в Обзоре судебной практики №1 от 2021 года (утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) [8].

В настоящий момент можно сделать вывод, что у Верховного Суда сформировалась правовая позиция по большинству спорных вопросов,

а сама концепция привлечения контролирующих лиц должника является достаточно проработанной и структурированной.

Исходя из того, что само по себе состояние банкротства выражается в неспособности должника исполнить все свои обязательства перед кредиторами, вопрос о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности является обязательным эпизодом в большинстве дел о банкротстве, поскольку кредиторы желают найти источник удовлетворения своих требований.

В окончательном на данный момент виде в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ (далее по тексту – Закон о банкротстве) были введены изменения в 2017 году, которые обособили в отдельную главу все процедуры, связанные с привлечением контролирующих лиц к субсидиарной ответственности – Глава III.2. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве (введена Федеральным законом от 29.07.2017 N 266-ФЗ) [9].

Для помощи судам в практическом применении механизма субсидиарной ответственности по делам о банкротстве, Верховным Судом РФ было принято всеобъемлющее «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее по тексту – Постановление №53) [10], которое является главным руководящим документом в правопримени- тельной практике до настоящего времени.

В основу общей концепции Верховным судом РФ заложены следующие принципы:

- Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.
- При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), его самостоятельную ответственность (статья 56 ГК РФ),
- наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений,
- запрет на причинение контролируемыми лицами вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (статья 10 ГК РФ).

Следует отметить, что указанные принципы совпадают с концепцией «проникновения под

корпоративную вуаль», о чем говорят некоторые авторы (см. напр. Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. N 9. С. 54 – 59) [5].

Согласно пункту 2 Постановления № 53 при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве), подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Данное разъяснение Суда означает, что механизм привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности взаимосвязан с механизмом возмещения убытков в деле о банкротстве, который является другим способом возмещения кредиторам с неудовлетворенными требованиями.

Ключевым вопросом, который следует решить при применении субсидиарной ответственности по делам о банкротстве, является выявление лица, призываемого к ответственности по непогашенным долгам должника.

Общим правилом является наличие у лица фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (пункт 3 статьи 53.1 ГК РФ, пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

Таким образом можно констатировать, что практика определенно отошла от существовавшего ранее по делам о банкротстве формального подхода, когда к ответу призывались лишь лица, указанные в качестве руководителей и участников в Едином государственном реестре юридических лиц и в учредительных документах.

Эта мысль уже была сформирована достаточно давно. Так, согласно учебному пособию по корпоративному праву под ред. Шиткиной, «.. контролируемыми могут быть признаны в том числе лица, имеющие неформализованный (фактический) контроль над должником..» [11].

Соглашаясь в целом с этим мнением, С. С. Покровский расширяет логическую обоснованность неформального подхода к определению контролирующего лица: «Сама концепция контроля используется в интересах публичного права с целью установления существующих реальных экономических связей юридического лица и представляет собой правовое средство определения правосубъектности и деликтоспособности контролируемого лица, что позволяет через критерии контроля определить мотивы поведения подконтрольного лица, которые функционально не связаны ни с противоправностью, ни со способом совершения посягательства» [12].

Таким образом, перед конкурсным управляющим и иными заинтересованными лицами на первый план выходит задача определения «фактического контроля» над должником. Для выполнения такой задачи необходимо определить фактор значительности влияния на действия должника, при этом могут быть существенными, а могут и не учитываться различные критерии, такие как родство, свойство и иные формальные признаки аффилированности.

Для упрощения и систематизации механизма субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ, сохраняя преемственность подхода от Высшего Арбитражного Суда, констатирует наличие опровержимых презумпций.

В частности, формально контролирующий должника субъект считается ответственным за его действия до того момента, когда он опровергнет факт своего фактического контроля над должником и укажет на лицо (лиц), которое такой фактический контроль осуществляло.

В случае, если номинальный руководитель окажет существенное содействие в установлении субъекта, осуществлявшего фактический контроль над должником и определявшим его действия, размер его ответственности может быть снижен судом. При этом, «рассматривая вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд учитывает, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ)» - абз. 4 пункта 6 Постановления №53.

На практике существуют случаи полного освобождения номинального руководителя должника от субсидиарной ответственности в связи с активной помощью в выявлении обстоятельств причинения ущерба кредиторам и установлении фактического руководителя (бенефициара) неправоммерно совершенных действий.

Например, в Определении Верховного Суда РФ № 307-ЭС20-2151 от 13.01.2025 (68-71) по делу №А44-1127/2019 [13] указано: «Принимая во внимание, что Кузьмин В.Л. не оказывал определяющего влияния на деятельность предприятия, а также с учетом его активной роли в установлении СитиИнвестБанка как контролирующего должника лица, суд счел возможным применить в отношении него пункт 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве и освободить от ответственности».

Интересным вопросом является правильное определение срока исковой давности. Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении придерживается достаточно строгого подхода о трехлетнем сроке исковой давности, «с момента, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов» - пункт 4 Постановления №53.

Здесь Верховный Суд РФ делает оговорку, что «указанные положения законодательства не исключают возможность привлечения контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами названного трехлетнего периода, например, к ответственности, предусмотренной законодательством о юридических лицах (статья 53.1 ГК РФ, статья 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее - Закон об акционерных обществах), статья 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и т.д.)» - абз. 2 пункта 4 Постановления №53.

Несмотря на достаточно ясно высказанную Верховным Судом РФ позицию по вопросу исковой давности, в практике часто возникают затруднения по определению момента, когда должник стал отвечать признакам несостоятельности.

По своей правовой природе требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности представляет собой косвенный групповой иск, с вытекающими из этого процессуальными последствиями.

«Требование о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства. Такой иск направлен на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом кредиторам (уполномоченному органу)» [13].

Субсидиарная ответственность в деле о банкротстве делится на следующие основные категории:

- субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве (статья 61.12 Закона о банкротстве);
- субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (статья 61.11 Закона о банкротстве);
- ответственность за нарушение норм банкрутного законодательства (ст. 61.13 ФЗ Закона о банкротстве);
- ответственность за убытки, которые причинены должнику по установленным в корпоративном законодательстве основаниям (ст. 61.20 Закона о банкротстве).

Абзацем вторым пункта 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве установлена опровержимая презумпция причинно-следственной связи

между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли в период просрочки подачи заявления о банкротстве.

Исследователи полагают, что эта презумпция обоснована и логична: «Законом о банкротстве предусматриваются три основные презумпции: причинно-следственная связь, контроль и вина. Так, рассматривая презумпцию причинно-следственной связи, необходимо установить последнюю между действиями КДЛ и неблагоприятными последствиями, в результате которых нарушаются права кредиторов. Таким образом, пока КДЛ не докажет иное, предполагается, что такая связь в его действиях была» [14].

В расширение возможности опровержения указанной презумпции, в судебной практике развилось применение концепции «критического момента» - то есть не момента формального наступления признаков банкротства, а именно того момента времени, когда по совокупности факторов должник объективно не способен исполнять свои обязательства и его руководитель обязан подать заявление о банкротстве в арбитражный суд.

При этом формального наличия признаков банкротства недостаточно для того, чтобы привлечь руководителя к ответственности по долгам перед кредиторами: «Не может быть признана единственной причиной и/или предпосылкой банкротства последняя проведенная контролирующим лицом сделка, после которой появились формальные признаки банкротства, если ей предшествовали другие действия (возможно согласованные целенаправленные и/или повторяющиеся) приведшие к возникновению неблагоприятного финансового положения».

Поскольку деятельность юридического лица опосредуется множеством сделок и иных операций, по общему правилу, не может быть признана единственной предпосылкой банкротства последняя инициированная контролирующим лицом сделка (операция), которая привела к критическому изменению возникшего ранее неблагоприятного финансового положения – появлению признаков объективного банкротства» [11].

Обзоре судебной практики №1 от 2021 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) акцентирует внимание на то, что «Неоплата долга кредитору по конкретному договору сама по себе не свидетельствует об объективном банкротстве должника, в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения его руководителя в суд с заявлением о банкротстве».

... для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

В рассматриваемом случае суды ошибочно отождествили неплатежеспособность с неоплатой конкретного долга отдельному кредитору. Указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве (критическом моменте, когда должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей), в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения руководителя в суд с заявлением о банкротстве» [8].

При привлечении к субсидиарной ответственности по названному основанию (неподача заявления о банкротстве в установленный срок) арифметически размер субсидиарной ответственности равен совокупному размеру обязательств должника (в том числе по обязательным платежам), возникших в период со дня истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве, и до дня возбуждения дела о банкротстве. Важно, что судебные расходы по делу о банкротстве в состав такой ответственности не включаются, кроме случая если будет доказано, что своевременная подача заявления о банкротстве привела бы к меньшим судебным расходам.

При этом правила об ответственности за несвоевременную подачу заявления распространяются также на иных субъектов, выполняющих функции руководителя должника – ликвидаторов и председателей ликвидационных комиссий (Пункт 15 Постановления №53).

Нужно отметить, что привлечение к субсидиарной ответственности нескольких лиц (соответчиков) является достаточно сложной правовой конструкцией и далеко не всегда удается добиться достижения объективной истины по делу в степени, позволяющей без сомнений сделать вывод о наличии оснований к возложению такой ответственности на лиц, формально не являющимися контролирующими.

Тололаева Н. В. считает, что «..наиболее сложным вопросом в проблематике возникновения солидарных обязательств из разных

оснований, относящимся скорее к исследованию причинно-следственной связи в гражданском праве и дающим простор для самостоятельного исследования, является вопрос о солидарной связи деликтных обязательств...» [15].

Если в описанном выше основании большую роль играет формальная сторона, когда руководитель должника становится обязанным подать заявление о банкротстве, и все те обязательства, возникшие только после этого момента, могут быть рассмотрены в качестве потенциально возлагаемых на неподавшее вовремя заявление о банкротстве контролирующее лицо, то в следующем основании – ответственность за неполное удовлетворение требований кредиторов намного большую роль играет содержательная часть, то есть выяснение фактических обстоятельств развития событий и то, насколько значимыми были действия контролирующих лиц, как эти действия оказали влияние на полученный результат – состояние невозможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме.

Пункт 16 Постановления № 53 разъясняет, что «Под действиями (бездействием) контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов (статья 61.11 Закона о банкротстве) следует понимать такие действия (бездействия), которые явились необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы. Суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством».

Далее, для формирования единообразного подхода к разрешению споров, Верховный Суд РФ дает некий перечень признаков, которые могут свидетельствовать о неправомерности действий контролирующих лиц:

- принятие ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.);
- дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций;
- назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации;
- создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т.д.

Очевидно, что приведенный перечень является открытым и он постоянно дополняется вновь возникающими подходами при рассмотрении данной категории дел.

Также стоит отметить, что сам факт инициирования процедуры банкротства не отменяет действие рассматриваемых правовых норм, и, теоретически, под субсидиарную ответственность может попасть также и конкурсный управляющий, не соблюдающий ограничения, заложенные в законе и причиняющий ущерб своими действиями кредиторам и должнику.

Закон о банкротстве помимо прямого указания о праве заинтересованных лиц на привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в пунктах 1 и 2 статьи 61.20 также содержит положения о возможности предъявления требований о возмещении убытков контролируемыми должником лицами по основаниям общегражданского корпоративного законодательства (статья 53.1 ГК РФ, статья 71 Закона об акционерных обществах, статья 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью), что получило известность как привлечение к ответственности по корпоративным основаниям.

То есть конкурсные кредиторы, уполномоченный орган, работники должника (в т. ч. уволенные на дату предъявления требования) и их представитель, составляют гражданско-правовое сообщество лиц, заинтересованных в удовлетворении своих требований. Также право на предъявление таких требований имеется у должника в лице его руководителя (арбитражный управляющий в деле о банкротстве).

Хотя по общему правилу, заявление о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности должно рассматриваться в рамках дела о банкротстве, существуют случаи, когда члены указанного гражданско-правового сообщества вправе подать соответствующее заявление (в форме отдельного искового заявления) в общем процессуальном порядке вне рамок дела о банкротстве. Обычно это случаи, когда производство по делу о банкротстве дело о банкротстве было прекращено в связи с недостаточностью средств на ведение процедуры банкротства.

И здесь возникает вопрос об объеме доказательств и распределении бремени доказывания, поскольку после прекращения процедуры банкротства в связи с отсутствием финансирования, «банкротные» презумпции вины и причинно-следственной связи между действиями (бездействиями) контролирующих лиц уже не действует, и нужно руководствоваться общепроцессуальными положениями законодательства. Это и логично, ведь большая часть таких прекращенных «банкротных» дел по большому счету даже не начинались, и констатация факта отсутствия

средств обычно делается на раннем этапе наблюдения временным управляющим, который не успевает к тому времени произвести финансовый анализ, анализ сделок должника и идентифицировать наличие, либо отсутствие оснований для субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Верховный Суд РФ в Постановлении №53 дает ответ на данный вопрос, который сводится к руководству здравым смыслом и фактическими обстоятельствами:

«По общему правилу, на арбитражном управляющем, кредиторах, в интересах которых заявлено требование о привлечении к ответственности, лежит бремя доказывания оснований возложения ответственности на контролирующее должника лицо (статья 65 АПК РФ). Вместе с тем отсутствие у членов органов управления, иных контролирующих лиц заинтересованности в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот, не должно снижать уровень правовой защищенности кредиторов при необоснованном посягательстве на их права. Поэтому, если арбитражный управляющий и (или) кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность (пункт 4 статьи 61.16 Закона о банкротстве). Материалы проведенных в отношении должника или его контрагентов мероприятий налогового контроля, документы, полученные в ходе производства по делам об административных правонарушениях и уголовным делам, могут быть использованы в качестве средств доказывания фактических обстоятельств, на которые ссылается заявитель, предъявивший требование о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Такие материалы не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке наряду с другими доказательствами (статьи 71, 75 и 89 АПК РФ)».

Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, поскольку привлекаемые к ответственности лица не обладают заинтересованностью в раскрытии доказательств (а обычно они и обладают фактически этими доказательствами и сведениями, которые пытается доказать заявитель), то общее бремя доказывания иска, обычно возло-

женное согласно ст. 65 АПК РФ на истца, является немного «смещенным» и находится примерно посредине между истцом (заявителем) и привлекаемыми к субсидиарной ответственности по обязательствам должника лицами.

В рассматриваемом аспекте представляется наиболее интересным заключение Верховного Суда РФ, изложенное в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2021), которое разъяснило не понятный для многих юристов-практиков на тот момент вопрос: как взаимосвязаны два разных правовых института, применяемые в делах о банкротстве – взыскание убытков и привлечение к субсидиарной ответственности.

Ответ содержится в пункте 16 указанного Обзора:

«Субсидиарная ответственность контролирующего лица, предусмотренная п. 1 ст. 61.11 действующей редакции Закона о банкротстве (п. 4 ст. 10 прежней редакции Закона), по своей сути является ответственностью данного лица по собственному обязательству – обязательству из причинения вреда имущественным правам кредиторов, возникшего в результате неправомерных действий (бездействия) контролирующего лица, выходящих за пределы обычного делового риска, которые явились необходимой причиной банкротства должника и привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов (обесцениванию их обязательственных прав). Правовым основанием иска о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности выступают, помимо прочего, правила о деликте, в том числе закрепленные в ст. 1064 ГК РФ» [16].

Тем не менее изложенная позиция суда не исключила существовавшие до этого споры о том, как соотносятся иски о взыскании убытков с контролирующего лица и о привлечении его к субсидиарной ответственности. Таким образом, одновременное существование требований по этим двум разным основаниям возможны лишь в частях, не покрытых друг другом.

В литературе указывается, что Постановление № 53 по своему содержанию исходит из представления о субсидиарной ответственности как о правонарушении, представляющем собой особую форму деликта в условиях банкротства. Однако не хотелось бы углубляться в теоретический спор о том, какая норма в таком случае является общей — пункт 3 статьи 53.1 или статья 1064 ГК РФ. Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, как мы воспринимаем роль кредитора в процедуре банкротства и его правовой статус.

Если принять точку зрения, согласно которой в условиях неплатежеспособности происходит переориентация модели корпоративного управления в пользу защиты интересов кредито-

ров, то субсидиарную ответственность следует связывать с пунктом 3 статьи 53.1 ГК РФ, а сама она приобретает корпоративную природу.

Если же признать, что обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах кредиторов существует независимо от аналогичной обязанности перед обществом, то источником субсидиарной ответственности становится статья 1064 ГК РФ, как деликтная норма. При этом создание некоей «третьей» самостоятельной конструкции ответственности представляется избыточным и нежелательным.

Этот теоретический выбор может иметь практическое значение, в частности, для ответа на вопрос, может ли кредитор предъявить иск к контролирующему лицу вне рамок банкротства. Если исходить из деликтной природы ответственности (вторая точка зрения), то такой иск возможен. Если же придерживаться первой позиции — скорее всего, нет.

Вместе с тем, сугубо с практической точки зрения расширение набора возможных видов требований для реализации кредиторами своих требований к должнику можно сделать вывод о том, что институт возмещения убытков и привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности взаимно дополняют друг друга, и кроме всего прочего, позволяют выходить за рамки обычных процедур.

Такого мнения придерживаются представители уполномоченного органа в процедурах банкротства. В частности, Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. считают, что «..положениями ст. 61.20 Закона о банкротстве прямо предусмотрена возможность взыскания убытков в пользу конкурсной массы, если в ходе процедуры банкротства должник продолжал осуществлять заведомо убыточную производственную деятельность, в результате которой требования кредиторов остались непогашенными. Эта новелла особенно актуальна для пресечения применения недобросовестных схем, при которых должник в процедуре банкротства приобретает неконкурентные преимущества перед законопослушными участниками рыночных отношений за счет минимизации реальной себестоимости производимой продукции (оказываемых услуг) ввиду специального режима удовлетворения требований кредиторов. Она пригодна также для борьбы со схемами уклонения от уплаты текущих обязательных платежей в процедуре банкротства. Необходимо учитывать, что при такой схеме деятельности к контролирующим должника лицам относится и арбитражный управляющий, а убытки могут быть взысканы с контрагентов должника, осознанно участвующих в его недобросовестной деятельности в процедуре банкротства (п. п. 20, 37, 68, 69 Постановления N 53)» [17].

Исходя из изложенного, институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам должника в настоящее время имеет достаточно подробное регулирование на законодательном уровне и сформировавшуюся судебную практику, основанную на правовых позициях высших судов (конституционного, верховного), а также на позициях арбитражных судов округов.

Практическая необходимость эффективного разрешения таких споров, обусловлена общественным запросом на предотвращение избегания исполнения взятых должником финансовых обязательств, поскольку некоторые предприниматели освоили навык ухода от ответственности через процедуру банкротства и повторяют такую процедуру несколько раз без существенного ущерба для личного благосостояния.

Однако также следует заметить, что в настоящем вопросе практика применения не окончательно согласовалась с теоретическими основами, и по ключевым теоретическим вопросам до настоящего времени в исследовательской и научной среде продолжается обмен мнениями с целью выработки устоявшегося и общепризнанного доктринального подхода.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
- [2] Федеральный закон от 28.04.2009 N 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.05.2009, N 18 (1 ч.), ст. 2153.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
- [4] Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.05.2014, N 19, ст. 2304.
- [5] Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. N 9. С. 54 – 59.
- [6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 309-ЭС17-1801 // Банк решений арбитражных судов, URL: <https://ras.arbitr.ru/>.
- [7] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.08.2016 N Ф01-2706/2016 по делу N А28-15163/2013 // Банк решений арбитражных судов, URL: <https://ras.arbitr.ru/>.

[8] Обзор судебной практики №1 от 2021 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 7, июль, 2021.

[9] Федеральный закон от 29.07.2017 N 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс».

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». // Российская газета, N 297, 29.12.2017.

[11] Шиткин И.С. Корпоративное право: Учебник // Отв. ред. И.С. Шиткина, Москва: Статут, 2019, с. 735.

[12] Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон, 2018, N 7, с. 40 – 49.

[13] Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2024 № 307-ЭС20-2151 (68-71) по делу А44-1127/2019 // Банк решений арбитражных судов, URL: <https://ras.arbitr.ru>.

[14] Середа И.М., Середа А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография // Москва: Статут, 2020.

[15] Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография // Москва: Статут, 2020.

[16] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 2, февраль, 2022 (п. 56 - 68).

[17] Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018, N 4, с. 146 - 158.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 N 127-FZ O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 28.10.2002, N 43, st. 4190.

[2] Federal'nyj zakon ot 28.04.2009 N 73-FZ O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.05.2009, N 18 (1 ch.), st. 2153.

[3] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301.

[4] Federal'nyj zakon ot 05.05.2014 N 99-FZ O vnesenii izmenenij v glavu 4 chasti pervoj Grazhdan-

skogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'ny'x polozhenij zakonodatel'ny'x aktov Rossijskoj Federacii // Sobranie zakonodatel'stva RF, 12.05.2014, N 19, st. 2304.

[5] Dem'yanova M.V. Funkcii principa dobrosovestnosti v korporativnom prave // Pravo i e'konomika. 2021. N 9. S. 54 – 59.

[6] Opredelenie Sudebnoj kollegii po e'konomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 20.07.2017 N 309-ES17-1801 // Bank reshenij arbitrazhny'j sudov, URL: <https://ras.arbitr.ru/>.

[7] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 01.08.2016 N F01-2706/2016 po delu N A28-15163/2013 // Bank reshenij arbitrazhny'j sudov, URL: <https://ras.arbitr.ru/>.

[8] Obzor sudebnoj praktiki №1 ot 2021 goda (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 07.04.2021) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 7, iyul', 2021.

[9] Federal'nyj zakon ot 29.07.2017 N 266-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax» // SPS «Konsul'tant Plyus».

[10] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 N 53 «O nekotory'x voprosax, svyazanny'x s privlecheniem kontroliruyushhix dolzhnika licz k otvetstvennosti pri bankrotstve». // Rossijskaya gazeta, N 297, 29.12.2017.

[11] Shitkin I.S. Korporativnoe pravo: Uchebnik // Отв. ред. I.S. Shitkina, Moskva: Statut, 2019, s. 735.

[12] Pokrovskij S.S. E'volyuciya i problemy' pravovogo regulirovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti za bankrotstvo // Zakon, 2018, N 7, s. 40 – 49.

[13] Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 22.11.2024 № 307-ES20-2151 (68-71) po delu A44-1127/2019 // Bank reshenij arbitrazhny'j sudov, URL: <https://ras.arbitr.ru>.

[14] Sereda I.M., Sereda A.G. Mexanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij, vznikayushhix v svyazi s privlecheniem kontroliruyushhix dolzhnika licz k otvetstvennosti pri bankrotstve: monografiya // Moskva: Statut, 2020.

[15] Tololaeva N.V. Passivny'e solidarny'e obyazatel'stva: rossijskij podxod i kontinental'no-evropejskaya tradiciya: monografiya // Moskva: Statut, 2020.

[16] Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 3 (2021) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.11.2021) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 2, fevral', 2022 (p. 56 - 68).

[17] Arakelov S.A., Chekmy'shev K.N., Sol-datenkov V.Yu. Institut subsidiarnoj otvetstvennosti kak novy'j faktor e'konomicheskogo razvitiya // Vest-nik e'konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Fed-eracii, 2018, N 4, s. 146 - 158.

ПОГОДИН Михаил Александрович,
Руководитель Юридической компании «Легист»
Индивидуальный предприниматель,
e-mail: mail@pogodin.info

К ВОПРОСУ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ «СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ» И «СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Вопрос исследования судебных ошибок неоднократно поднимался в трудах различных исследователей российского и советского права. При этом, в рамках гражданского процесса подобные исследования можно считать достаточно редкими. Настоящая работа посвящена исследованию различий таких понятий как средства предупреждения судебных ошибок и средства их устранения в гражданском процессе России. Особое внимание уделено вопросам определения момента возникновения судебной ошибки, момента применения указанных средств и их различиям. В работе производится анализ и сравнение взглядов различных исследователей данной категории, рассматривается различие характерных свойств данных средств, их схожесть с иными правовыми категориями и определениями.

Ключевые слова: судебная ошибка, средства устранения судебных ошибок, средства предупреждения судебных ошибок, дифференциация, различия, средства обеспечения законности, процессуальные средства, пересмотр судебных решений, гражданский процесс.

POGODIN Mikhail Aleksandrovich,
Head of the Law company «Legist»
Individual entrepreneur

ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF «MEANS OF PREVENTING A JUDICIAL ERROR» AND «MEANS OF ELIMINATING A JUDICIAL ERROR» IN CIVIL LITIGATION

Annotation. The issue of researching judicial errors has been repeatedly raised in the writings of various researchers of Russian and Soviet law. At the same time, such studies can be considered quite rare in the framework of the civil procedure. The present work is devoted to the study of the differences between such concepts as the means of preventing judicial errors and the means of eliminating them in the Russian civil process. Special attention is paid to the issues of determining the moment of occurrence of a judicial error, the moment of application of these means and their differences. The paper analyzes and compares the views of various researchers in this category, examines the difference in the characteristic properties of these funds, their similarity to other legal categories and definitions.

Key words: judicial error, means of eliminating judicial errors, means of preventing judicial errors, differentiation, differences, means of ensuring legality, procedural means, judicial review, civil procedure.

Тема судебных ошибок традиционно исследуется в юридической литературе с позиции пересмотров судебных решений. Отчасти указанное можно считать верным, ведь пересмотр судебных актов вышестоящим судом, безусловно, главный способ получить судебную защиту своего права, однако, остаются слабо

исследованными вопросы предупреждения и устранения судебных ошибок до вынесения судом финального судебного акта.

При этом, необходимо определить основную дифференциацию указанных определений. Существенным является определение момента применения данных категорий. Так, слово «преду-

преждение», согласно словарю С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, включает в себя два значения. Во-первых, это отсылка на слово «предупредить», обозначающее предварительное извещение, уведомление или заранее принятую меру. Вторым значением указанного слова выступает предостережение.

Любое из значений предусматривает обязательный предварительный характер действия (события, явления), а, следовательно, необходимо определить момент его возникновения. Так, в науке нет единого подхода к определению момента возникновения судебной ошибки. Одними исследователями определяется, что она может возникать только в момент вынесения судебного решения, например, И.В. Блазмирская считает под судебной ошибкой вынесение неправильного по сути решения [1, с. 220], М.А. Викин допускала, что не все ошибочные действия судьи могут выступать судебной ошибкой при условии незнания им отдельных обстоятельств дела, которые могут быть исследованы судом впоследствии [2, с. 31; 3, с. 31], однако, в данном вопросе мы придерживаемся взгляда Н.А. Батуриной, указавшей, что не все судебные ошибки приводят к вынесению неправильного судебного решения, но они могут ущемлять права участников гражданского судопроизводства [2, с. 48].

Следовательно, момент возникновения судебной ошибки наступает при совершении любого неверного процессуального действия. До его наступления применяются средства предупреждения судебных ошибок, фактически, влияющие на избежание данной ошибки, а после её допущения применяются средства устранения судебной ошибки, позволяющие тем или иным способом привести рассмотрение гражданского дела в такое состояние, в котором оно бы было при верном совершении ошибочного деяния.

При этом, согласимся с позицией И.В. Блазмирской, указывающей на сложность определения наличия судебной ошибки [4, с. 222], а, следовательно, меры устранения судебной ошибки могут как применяться сразу после её допущения, так и в последствии, как в разрыве во времени (после фактического её обнаружения), так и в иных инстанциях (при пересмотре дела), а могут быть и не применены вовсе. Например, при допущении судом такой ошибки как принятие подложного доказательства, оно может быть исключено по истечении нескольких заседаний путем подачи стороной заявления о фальсификации доказательств, так и может быть исключено в апелляционном, кассационном, надзорном производстве.

Н.А. Батурина отмечает, что средства предупреждения судебных ошибок дифференцируются на два вида: процессуальные и не процессу-

альные [2, с. 108]. Последние выступают специфической разновидностью процессуально-правовых средств [2, с. 109].

Согласимся с мнением, предложенным в рамках уголовного процесса С.О. Колмаковой, поскольку, думается, что оно применимо к любому виду судопроизводства. Так, указанный исследователь предлагает считать не процессуальными средствами устранения судебных ошибок: совершенствование законодательства, расширение судебного корпуса, повышение квалификации судей, строгий отбор кандидатов в судейский корпус, улучшение технического оснащения судов [5, с. 304].

Кроме того, не процессуальными средствами предупреждения могут выступать психологические факторы, в частности, инстанционность, коллегиальность [6, с. 202], общественное внимание и др.

Фактически, средство предупреждения судебных ошибок – это абсолютно любое средство, которое может исключить или снизить вероятность судебной ошибки, возникающей впоследствии, после применения данного механизма.

В свою очередь, процессуальные средства предупреждения судебных ошибок прямо регулируются процессуальным законодательством. Следует обратить внимание, что процессуальные средства предупреждения судебных ошибок выступают частью общей категории средств предупреждения судебных ошибок.

Возвращаясь к определению процессуальных средств предупреждения судебных ошибок, согласимся с Н.А. Батуриной, отметившей, «процессуальные средства предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве – это отдельные положения гражданского процессуального закона, реализация которых существенно препятствует возникновению судебных ошибок при рассмотрении и разрешении гражданских дел» [7, с. 8].

При этом, в науке встречается такая категория как «средство обеспечения законности», фактически совмещающая в себе процессуальные средства предупреждения судебных ошибок (например, отводы судьи), средства толкования законодательства (например, применение законодательства при коллизии права) [8, с. 208-211]. Думается, что указанная категория является слишком широкой и в связи с данным фактом не может включаться ни в одну из исследуемых в настоящей работе категорий. При этом, вероятно, средства предупреждения судебных ошибок могут полностью или в части становиться средствами обеспечения законности.

Переходя к рассмотрению средств устранения судебных ошибок, следует согласиться с И.М.

Зайцевым, указывающим, что они всегда выступают процессуальным средством, поскольку производятся по правилам, регулируемым процессуальным законодательством и не существует ни одного законного не процессуального способа исправить судебную ошибку [9, с. 78; 10, с. 152]. Следовательно, такие понятия как «средства устранения судебной ошибки» и «процессуальные средства устранения судебной ошибки» являются синонимами.

Отметим, что И.М. Зайцевым выделялись неправовые средства устранения судебных ошибок, которые в рамках настоящей работы классифицируются как не процессуальные средства предупреждения судебных ошибок [9, с. 78; 10, с. 151].

По данной причине мы вынуждены не разделить позицию И.М. Зайцева и согласиться с позицией Б.В. Красильникова, указывающего на то, что средства предупреждения судебной ошибки не могут входить в средства её устранения по своей правовой природе [10, с. 152-153].

Согласимся также с позицией Б.В. Красильникова, указывающего, что часть средств исправления судебной ошибки может применяться не только в рамках последующего пересмотра гражданского дела, но и на стадии, где была допущена соответствующая судебная ошибка [10, с. 153-154]. Аналогичного мнения придерживается и Н.И. Ткачева, указывающая, что исправление судебных ошибок путем пересмотра судебного акта должно выступать не обычным, а ненормальным явлением, «крайней мерой» для акта правосудия [11, с. 27; 2, с. 107].

В связи с вышеизложенным, предлагается дифференцировать процессуальные средства устранения судебных ошибок на осуществляемые судом, допустившим ошибку (например, проведение повторных экспертиз, повторный допрос свидетеля); осуществляемые в связи с пересмотром гражданского дела и (или) отменой судебного решения (например, повторное исследование и доказательств вышестоящим судом, заключение сторонами мирового соглашения, приводящее к отмене судебного решения).

В заключении работы следует отметить, что средства предупреждения и устранения судебных ошибок являются одними из важнейших категорий гражданского процесса, поскольку они прямо влияют на законность и обоснованность судебных решений. Грамотное развитие и реализация первых позволяет избежать многих возможных судебных ошибок, а грамотное развитие и реализация средств их устранения позволит исправить уже допущенные ошибки, что безусловно повысит качество гражданского правосудия в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Блазомирская И.В. Исправление судебной ошибки в гражданском процессе как составная часть права на судебную защиту // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6-2. С. 220-223.

[2] Батурина Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. М.: Юрлитинформ, 2012. 176 с.

[3] Викиут М.А. Стороны – основные лица искового производства // М.А. Викиут – 60 лет научно-педагогической деятельности. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 5-74.

[4] Даровских С.М. Процессуальные средства и способы выявления и устранения ошибок, допущенных в ходе уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. №1. С. 106-109.

[5] Колмакова С.О. К вопросу о причинах возникновения судебных ошибок // МНСК-2019. Государство и право : Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14–19 апреля 2019 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2019. С. 303-304.

[6] Сергеева В.М. К вопросу о процессуальных средствах предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Проблемы защиты прав: история и современность : Материалы XII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2017 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 201-203.

[7] Батурина Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 23 с.

[8] Пеленицына М.В., Васильев Д.В. Процессуальные средства обеспечения законности судебного решения // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 4. С. 207-214.

[9] Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе : дис. докт. юрид. наук. Саратов, 1986. 388 с.

[10] Красильников Б.В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 236 с.

[11] Ткачев Н.И. Качество процессуальной деятельности как результат реализации права на

судебную защиту. Проблемы и соотношение // Теория и практика права на судебную защиту и ее реализация в гражданском процессе: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. С. 23-31.

Spisok literatury:

[1] Blazomirskaya I.V. Ispravlenie sudebnoj oshibki v grazhdanskom processe kak sostavnaya chast' prava na sudebnuyu zashchitu // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. № 6-2. S. 220-223.

[2] Baturina N.A. Prichiny sudebnyh oshibok i processual'nye sredstva ih preduprezhdeniya v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya / pod red. dokt. yurid. nauk, prof. O.V. Isaenkovoj. M.: YUritinform, 2012. 176 s.

[3] Vikut M.A. Storony – osnovnye lica iskovogo proizvodstva // M.A. Vikut – 60 let nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2007. S. 5-74.

[4] Darovskih S.M. Processual'nye sredstva i sposoby vyyavleniya i ustraneniya oshibok, dopushchennyh v hode ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2018. №1. S. 106-109.

[5] Kolmakova S.O. K voprosu o prichinakh vozniknoveniya sudebnyh oshibok // MNSK-2019. Gosudarstvo i pravo : Materialy 57-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studenche-skoj konferencii, Novosibirsk, 14–19 aprelya 2019 goda. Novosibirsk: Novo-

sibirskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 303-304.

[6] Sergeeva V.M. K voprosu o processual'nyh sredstvakh preduprezhdeniya sudebnyh oshibok v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii // Problemy zashchity prav: istoriya i sovremenost' : Materialy XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2017 goda. Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A.S. Pushkina, 2018. S. 201-203.

[7] Baturina N.A. Prichiny sudebnyh oshibok i processual'nye sredstva ih preduprezhdeniya v grazhdanskom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sara-tov, 2010. 23 s.

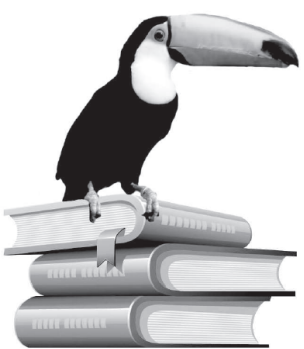
[8] Pelenicyna M.V., Vasil'ev D.V. Processual'nye sredstva obespecheniya zakonnosti sudebnogo resheniya // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2025. № 4. S. 207-214.

[9] Zajcev I.M. Teoreticheskie voprosy ustraneniya sudebnyh oshibok v grazhdanskom processe : dis. dokt. yurid. nauk. Saratov, 1986. 388 s.

[10] Krasil'nikov B.V. Sudebnaya oshibka po grayazdaiskomu delu kak sledstvie nesovershenstva material'nogo i processual'nogo zakonodatel'stva // dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002. 236 s.

[11] Tkachev N.I. Kachestvo processual'noj deyatel'nosti kak rezul'tat realizacii prava na sudebnuyu zashchitu. Problemy i sootnoshenie // Teoriya i praktika prava na sudebnuyu zashchitu i ee realizaciya v grazhdanskom processe: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov, 1991. S. 23-31.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРИМАК Василий Геннадьевич,
судья в отставке, старший преподаватель
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: pvg1972.primak@yandex.ru

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: sherlen.new@gmail.com

К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРИНЦИПА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы исследования электронных доказательств, возникновение которых обусловлено специфической правовой природой последних. Автором проанализированы существующие подходы к определению источников электронных доказательств и способы исследования такого рода доказательств в свете реализации принципа непосредственности. Выдвинуты предположения о возможности разработки специальных программных средств, интегрированных в систему электронного правосудия и сформулирован вывод о необходимости правового закрепления статуса электронных доказательств в процессуальном законе и перспективах правового регулирования электронного доказывания в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: принцип непосредственности, электронные доказательства, источник электронного доказательства, процедуры доказывания.

PRIMAK Vasily Gennadievich,
retired judge, senior lecturer at the Institute
of Cybersecurity and Digital Technologies
Russian Technological University "MIREA"

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
retired judge, senior lecturer at the Institute
of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technological University "MIREA"

ON THE ISSUE OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF IMMEDIACY IN THE STUDY OF ELECTRONIC EVIDENCE

Annotation. The article discusses the current problems of the study of electronic evidence, the emergence of which is due to the specific legal nature of the latter. The author analyzes the existing approaches to determining the source of electronic evidence and methods of investigating this kind of evidence in the light of the implementation of the principle of immediacy. The author suggests the possibility of developing special software tools integrated into the electronic justice system and concludes that it is necessary to legally consolidate the status of electronic evidence in the procedural law and the prospects for legal regulation of electronic evidence in civil proceedings.

Key words: principle of immediacy, electronic evidence, source of electronic evidence, proof procedures.

Одним из основополагающих принципов судебного процесса в целом и гражданского процесса в частности является принцип непосредственности, который предполагает обязательность при установлении фактических обстоятельств дела личного исследования составом суда оригиналов доказательств. Таким образом, гарантируется получение судом информации не опосредованно через каких-либо иных лиц, а напрямую из первоисточника. Реализация данного принципа повышает достоверность доказательств, снижает риск искажения информации, позволяет суду учесть эмоционально-психологические особенности личности – источника информации либо специфические свойства средства доказывания – предмета, что способствует формированию непредвзятого внутреннего убеждения судей.

Данный принцип нашел свое закрепление в части 1 статьи 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу, а часть 2 указанной статьи устанавливает, что разбирательство по делу происходит устно и при неизменном составе судей. В свою очередь согласно части 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

При этом доказательства воспринимаются в процессе личного общения с человеком либо осматривая, изучая и иным образом воспринимая сведения о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела и зафиксированных на предметах неживой природы [1].

Казалось бы, научный подход к пониманию того, что такое непосредственность применительно к процедуре гражданского судопроизводства окончательно сформировался много лет назад.

Однако, технический прогресс и вхождение человечества в эпоху всеобщей цифровизации внесли свои коррективы в подавляющее большинство сфер общественной жизни. Не стал исключением и судебный процесс. Повсеместное внедрение новых систем передачи данных и способов фиксации юридических фактов, появление виртуальных объектов собственности, перемещение значительной части деловой активности в интернет-пространство, внедрение в судах всех уровней элементов системы электронного правосудия влечет за собой потребность в применении неклассических средств и способов исследова-

ния доказательств. А это в свою очередь требует дальнейшего развития и переосмысления содержания указанного принципа.

На сегодняшний день наряду с направлением судом судебных поручений нормативное закрепление нашли частичные отступления от принципа непосредственности, допускаемые при рассмотрении дел с применением систем видеоконференц-связи и веб-конференции. Однако, правовая регламентация перечисленных процессуальных действий не исчерпала всех возникающих в правоприменительной практике вопросов, связанных с непосредственностью исследования доказательств судом.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на сохранение такой потребности, является появление в доказательственной сфере нового вида доказательств: электронных. Необходимо отметить, что несмотря на активное обсуждение в научных кругах понятие «электронные доказательства» не нашло закрепления в действующем процессуальном законодательстве РФ.

ГПК РФ и КАС РФ определен исчерпывающий перечень средств доказывания, к которым отнесены объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта (ст. 55 ГПК РФ, ст. 59 КАС РФ). АПК РФ регламентирован открытый перечень источников доказательств, в который включены, помимо вышеперечисленных, консультации специалистов и иные документы и материалы (ч. 2 ст. 64 АПК РФ), что представляется более обоснованным, поскольку позволяет процессуальному законодательству быть максимально адаптивным при исследовании новых форм цифровых технологий. На наш взгляд невозможно не согласиться с утверждением, что в настоящее время существует такое огромное количество электронных документов во «всемирной паутине», что уже назрела необходимость признания электронных доказательств самостоятельными средствами доказывания и регламентации критериев отнесения их к таковым [2].

При этом следует отметить, что речь идет не о появлении доказательств особого рода, отличающихся от традиционных доказательств своей доказательственной силой в ту или иную сторону. Характерными свойствами, требующими обособления электронных доказательств, является их нематериальная форма и специфические способы их исследования.

Как верно отмечает Эрзин А.Д. в современных условиях подход, основанный на возможности отнесения новых источников информации

для их легализации к одному либо нескольким из традиционных средств доказывания представляется устаревшим. Этот подход не позволяет учесть все особенности исследования и оценки таких доказательств, а также разработать эффективный порядок для осуществления данных этапов доказывания [3].

Несмотря на то, что отдельные ученые выражают несогласие с необходимостью выделения новых доказательственных сущностей либо считают его преждевременным, отнесение электронных доказательств к одной из закрепленных в ГПК РФ категорий не представляется возможным.

Как нами уже отмечалось ранее, электронные доказательства имеют специфическую правовую природу, собственные признаки и характерные особенности, которые отличают электронное доказательство, как от письменных, так и от вещественных доказательств. Отсутствие материальной формы, неразрывная связь с программно-техническими средствами, специфические источники доказательной информации обуславливают необходимость выделения электронных доказательств в качестве самостоятельного и равноценного средства доказывания как в теории цивилистического процесса, так и в соответствующем процессуальном законодательстве [4].

Несмотря на то, что до настоящего времени в российском процессуальном законодательстве подобная норма закрепления не нашла, общие положения относительно порядка собирания и исследования подобных доказательств уже выработаны судебной практикой.

Так, если в предмет доказывания по делу входят такие с правовой точки зрения нематериальные доказательства, то сторонами и другими лицами, участвующими в деле, в обоснование своей правовой позиции собираются и представляются в суд распечатки и скриншоты (снимки изображений экрана) страниц сайтов из сети Интернет, электронных сообщений, передаваемых посредством электронной почты, мессенджеров (мобильных приложений, например, Telegram, WhatsApp, Viber), сотовой связи (SMS- и MMS-сообщений), социальных сетей, распечатки уведомлений о доставке и прочтении электронных писем, различные виды документов, подписанные электронной подписью, соглашения с условием о ведении переписки по указанным в них адресам электронной почты, лог-файлы серверов (информация о времени и продолжительности доступа к серверу), метаданные (информация о «цифровых следах», т.е. датах создания и изменения файлов, о совершении действий определенными авторами в отношении файлов) и др.

Однако, исследование доказательств такого рода до настоящего времени предсказуемо вызывает у правоприменителей определенные сложности, связанные в том числе и с пределами возможности реализации принципа непосредственности и отступления от него. Условно данные проблемы можно разделить на две категории. Во-первых, это проблемы, связанные с установлением первоисточника электронных доказательств, который должен являться предметом исследования. Во-вторых, проблемы, обусловленные технической невозможностью полноценного исследования такого рода доказательств без применения специальных технических и программных средств или привлечения лиц, обладающих специальными познаниями, которые будут являться посредником между судьей и исследуемым доказательством.

Обращаясь к первой из поставленных проблем, необходимо отметить, что до настоящего времени как на законодательном уровне, так и в научной среде отсутствует однозначная трактовка дефиниции «источник электронного доказательства». Существуют две наиболее распространенные позиции по данному вопросу.

В соответствии с одной из них, которой придерживается такой исследователь электронных доказательств, как К. Тран, источником электронного доказательства следует считать любое цифровое устройство, содержащее информацию, имеющую значение для рассматриваемого судом дела, а также сети, содержащие электронные доказательства. Подобный взгляд представляется спорным, хотя бы по той причине, что уничтожение носителя совершенно не обязательно влечет утрату содержащейся на нем информации.

Другие исследователи (и таких большинство) в качестве источников электронных доказательств рассматривают файлы, содержащие юридически значимую информацию, независимо от их размещения на материальном носителе или в сети.

Мы полагаем, верным является данный подход, поскольку информация, по сути, и являющаяся доказательством, может быть представлена на разных носителях, каждый из которых будет содержать абсолютно идентичный объем данных, что исключает возможность рассмотрения самих носителей в качестве оригинала и копии. В тоже время содержащий имеющую значение для рассмотрения дела информацию файл в любом доступном формате, будь то текстовый документ, фото-, аудио- и видеозапись, веб-страница или сообщение в мессенджере, в неизменном состоянии и будет являться источником электронного доказательства, который должен непо-

средственно исследоваться и оцениваться судом, независимо от того, на каком носителе этот файл находится. Только при таком понимании сути вопроса мы можем говорить о соблюдении принципа непосредственности.

Как показывает изучение сложившейся судебной практики, в подавляющем большинстве случаев правоприменители также придерживаются аналогичных взглядов. Однако для формирования единого подхода данное положение на наш взгляд должно найти закрепление в гражданско-процессуальном законе.

Второй проблемный аспект реализации принципа непосредственности связан с особенностями исследования электронных доказательств, а именно: их идентификации и верификации. Процесс исследования доказательств представляет собой деятельность суда, направленную на извлечение из доказательств информации, подтверждающей или опровергающей обстоятельства, на которые ссылаются стороны в обоснование своих требований и возражений. Не вызывает сомнений, что, допрашивая свидетеля или изучая письменные документы, судья для восприятия и оценки таких доказательств не нуждается в каких-либо иных инструментах, кроме собственных органов чувств. Далеко не всегда также обстоит дело с электронными доказательствами, для полного и всестороннего исследования которых наряду с информацией об их непосредственном содержании необходимо изучить и информацию об этой информации, так называемые метаданные. Однако профессиональная подготовка судьи не предполагает по умолчанию знания технической стороны исследования электронной информации. Например, для расшифровки и проверки достоверности сведений об авторстве, дате создания и времени передачи по сети текстового файла суду, скорее всего, придется прибегнуть к помощи специалиста, поскольку эти данные по характеру происхождения относятся к опосредованным данным и их понимание требует наличия специальных познаний. Аналогичные сложности могут возникнуть при получении от оператора почтового сервиса или провайдера, требующих расшифровки данных по входящим и исходящим электронным сообщениям.

Формами привлечения специалиста может являться его непосредственное участие в судебном заседании для оказания содействия суду в расшифровке, верификации и изучении подлежащих исследованию данных либо назначение для этих целей соответствующей судебной экспертизы. Однако и здесь усматривается проблема, которая заключается в том, что хотя консультации и пояснения специалиста и не относятся к

числу предусмотренных ГПК РФ доказательств, часть 1 статьи 157 ГПК РФ предписывает суду при рассмотрении дела непосредственно исследовать доказательства: а именно среди прочего заслушать консультации и пояснения специалиста [5].

Не углубляясь в дискуссионные вопросы процессуального статуса консультаций и пояснений специалиста в гражданском процессе, следует отметить, что с точки зрения реализации принципа непосредственности и тот и другой способ безупречен, поскольку решение о достоверности исследуемых доказательств и в том, и в другом случае суд будет принимать, основываясь в первую очередь на мнении указанного специалиста либо эксперта.

Еще одним способом исследования электронных доказательств может являться использование непосредственно судом специальных программных продуктов, предназначенных для сбора, анализа и хранения данных, и реализующих функции, востребованные в цифровой криминалистике. Однако, существующие на сегодняшний день программные продукты, такие как Autopsy - платформа с открытым исходным кодом для криминалистического анализа цифровых данных, в том числе электронных писем, Forensic OSINT - браузерное расширение для криминалистической фиксации и анализа содержимого веб-сайтов, социальных сетей и цифровых объектов в онлайн-среде и многие другие, с точки зрения применимости в гражданском судопроизводстве имеют один существенный недостаток: для работы с ними требуются специальные познания и навыки, которые, как отмечалось ранее, как правило, отсутствуют у правоприменителя. Поскольку вряд ли представляется возможным и целесообразным включать наличие подобных навыков в число обязательных требований к кандидату на должности судьи, для повсеместного и полноценного применения данного способа требуется разработка специализированного программного комплекса, позволяющего получить ответы на интересующие суд вопросы относительно того или иного электронного доказательства в виде понятном для неспециалиста, а также повсеместное внедрение такого комплекса во всех судах судебной системы Российской Федерации.

Данный подход также имеет свои недостатки, поскольку и в этом случае, судья, оценивая доказательство, будет вынужден рассматривать его через призму созданного иным лицом сложного инструментария, способного интерпретировать полученные результаты по заложенному в него разработчиком алгоритму.

Таким образом, в большинстве случаев для исследования электронных доказательств является необходимым использование посредника: человека или специальной программы, что неизбежно влечет частичное отступление от принципа непосредственности.

В виду этого небезынтесным представляется мнение М.А. Митрофановой, которая предлагает введение в судопроизводство понятия электронной непосредственности, согласно которому существующая реальность рассматривается участниками процесса через призму технических устройств в процессе исследования и оценки доказательств [6].

Учитывая, что при решении вопроса о необходимости применения специальных способов и средств, а также выбор способа исследования доказательств данного вида остается на усмотрение суд, представляется необходимым введение в судопроизводство регламентов и процедур электронного доказывания, которые позволят установить допустимые формы предоставления сторонами тех или иных видов электронных доказательств, а также структурировать способы и порядок их исследования, установить критерии оценки их достоверности.

Представляется, что данные критерии, должны быть не только «общими», но и специфическими, в зависимости от вида юридического электронного документа. Общие критерии допустимости данных доказательств, думается, следует перечислить в гражданском процессуальном законе, а специфические критерии, в зависимости от вида электронного документа, - в соответствующих технико - юридических актах, т.е. в нормах материального права [7].

Безусловно, введение в гражданское судопроизводство электронных доказательств требует дальнейшего осмысления, как содержания данного вида доказательств, так и особенностей правил их получения, проверки и оценки.

Научная мысль должна быть направлена и на изучение объективно изменившейся гражданско-процессуальной формы, существенные метаморфозы которой вызвана появлением не только ранее неизвестных российскому правопорядку доказательств, но и внедрением информационных технологий в саму процедуру гражданского судопроизводства.

Проведенное исследование позволило прийти к ряду выводов относительно возможных путей усовершенствования гражданско-процессуального законодательства в сфере реализации принципа непосредственности при исследовании электронных доказательств.

1. Специфика электронных доказательств, обусловленная их нематериальной формой и нетрадиционными способами исследования, свидетельствует о необходимости выделения их в ГПК РФ в качестве самостоятельного вида доказательств.
2. В гражданско-процессуальном законе должно найти закрепление положение о том, что в качестве источников электронных доказательств следует рассматривать файлы, содержащие юридически значимую информацию, независимо от их размещения на материальном носителе или в сети.
3. В целях установления допустимых форм предоставления сторонами электронных доказательств, а также структурирования способов и порядка их исследования представляется необходимым введение в гражданское судопроизводство регламентов и процедур электронного доказывания.

Список литературы:

- [1] Рыжков, К.С. Пределы применения принципа непосредственности в гражданском процессе // Юридические исследования. — 2020. — № 1. — С. 2–7.
- [2] Котлярова, В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 6. — С. 37–42.
- [3] Эрзин, А.Д. Принцип непосредственности и источник электронных доказательств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2025. — №2 (126). — С. 174–179.
- [4] Бегичева, Е.В., Примаков, В.Г. К вопросу об определении места электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Образование и право. — 2022. — № 10. — С. 143–148.
- [5] Галлямова, К.Р. Эксперт и специалист в гражданском судопроизводстве: проблемы разграничения процессуального статуса // Вопросы российской юстиции. — 2020. — №7. — С. 606–617.
- [6] Митрофанова, М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.15 / Митрофанова Маргарита Алексеевна. - Саратов, 2013. - 16 с.
- [7] Соколова, Н.В., Суханов, Д.А. Доказательства в гражданском и арбитражном процессах: некоторые проблемные аспекты использования новых средств доказывания и определения их правового статуса // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2015. — №1 (25). — С. 92–97.

Spisok literatury:

[1] Ryzhkov, K.S. Predely primeneniya principa neposredstvennosti v grazhdanskom processe // YUridicheskie issledovaniya. — 2020. — № 1. — S. 2–7.

[2] Kotlyarova, V.V. O problemah pravovogo regulirovaniya elektronnyh dokazatel'stv v civilistich-eskom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2019. — № 6. — S. 37–42.

[3] Erzin, A.D. Princip neposredstvennosti i istochnik elektronnyh dokazatel'stv // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. — 2025. — №2 (126). — S. 174-179.

[4] Begicheva, E.V., Primak, V.G. K voprosu ob opredelenii mesta elektronnyh dokazatel'stv v sisteme sredstv dokazyvaniya v grazhdanskom i arbi-

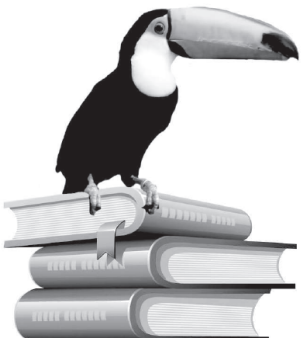
trazhnom processe // Obrazovanie i pravo. — 2022. — № 10. — S. 143-148.

[5] Gallyamova, K.R. Ekspert i specialist v grazhdanskom sudoproizvodstve: problemy razgrani-cheniya processual'nogo statusa // Voprosy rossijskoj yusticii. — 2020. — №7. — S. 606-617.

[6] Mitrofanova, M.A. Elektronnye dokaza-tel'stva i princip neposredstvennosti v arbitrazhnom processe: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk: 12.00.15 / Mitrofanova Margarita Alekseevna. - Saratov, 2013. - 16 s.

[7] Sokolova, N.V., Suhanov, D.A. Dokaza-tel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom processah: nekotorye problemnye aspekty ispol'zovaniya novyh sredstv dokazyvaniya i opredeleniya ih pravovogo statusa // Vestnik SHadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. —2015. —№1 (25). — S. 92-97.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГИЛЯНДИКОВА Елена Владимировна,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕНАДЛЕЖАЩЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье автор изучает на примере некоторых судебных дел и с учетом доктринальных основ земельного и природоресурсного права вопросы о ненадлежаще используемых земельных участках сельскохозяйственного назначения, а также многогранный характер земельных правоотношений, который выражается в том, что земельный участок сам по себе является предметом регулирования многих отраслей права.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, земельный участок, Земельный кодекс, государственная собственность, частная собственность.

GILYANDIKOVA Elena Vladimirovna

JUDICIAL PRACTICE IN RESPECT OF IMPROPERLY USED AGRICULTURAL LAND PLOTS

Annotation. In the article, the author studies, using the example of some court cases and taking into account the doctrinal foundations of land and natural resource law, questions about improperly used agricultural land plots, as well as the multifaceted nature of land legal relations, which is expressed in the fact that the land plot itself is the subject of regulation of many branches of law.

Key words: agricultural land, land plot, Land code, state property, private property.

Земельные отношения являются основополагающим звеном экономической системы общества, от эффективности нормативно-правового регулирования которой зависит дальнейшее экономическое развитие государства. Однако существующие в современной правовой системе России недостатки в сфере земельно-правового регулирования, а также регулирования в сфере кадастрового учета земельных участков порождают необходимость в детальном изучении способов защиты прав собственников земельных участков с целью выбора оптимального и надлежащего способа защиты нарушенного права. Термин «земля» является исходным и основополагающим для предмета правового регулирования таких отраслей права, как природоресурсное право, экологическое право, гражданское право, земельное право. Такой статус указанного термина, в соответствии с положениями ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее - ЗК РФ), определяется его сущностью как природного объекта и природного ресурса, в результате чего земля выступает как основа жизни и деятельности человека. Кроме того, земля в гражданском обороте фигурирует в каче-

стве земельного участка, который представляет собой недвижимую вещь, согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ), ввиду чего он является объектом права собственности и иных прав, а также является основой любой осуществляемой экономической деятельности [6].

При действующем правовом регулировании для совершения сделки по распоряжению ранее учтенным земельным участком требуется четкое определение их основных характеристик: местоположение границ и площадь. Без определения указанных характеристик регистрация перехода права не будет осуществлена до их установления. Исходя из правил определения границ земельных участков можно сделать вывод о том, что земельный участок представляет собой геометрическую фигуру, что также отражено в понятии площади земельного участка, закреплённого в п. 9 ст. 22 Закона № 218-ФЗ, однако правовой режим указанного объекта недвижимого имущества не исчерпывается только горизонтальными величинами. В соответствии со ст. 261 ГК РФ, правомочия собственника земельного участка распространяются на поверхностный (почвенный) слой,

воздушный столб, водные объекты, объекты растительного происхождения, которые расположены в пределах границ указанного объекта недвижимого имущества.

Согласно ст. 19 Закона РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах», (далее - Закон РФ «О недрах») собственник земельного участка правомочен использовать поверхностный (почвенный) слой на глубину не более 5 метров в пределах границ земельного участка. Пределы использования воздушного столба над земельным участком определяются его видом разрешённого использования, в зависимости от которого устанавливается предел такого использования, поскольку в соответствии со ст. 1 Воздушного кодекса РФ (далее - ВК РФ), государство обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства в пределах государственных границ.

По действующему законодательству земельный участок является исходной вещью для определения всех остальных объектов недвижимого имущества в силу природного фактора, поскольку остальное недвижимое имущество признается таковым в результате неразрывной связи с земельным участком (ст. 130 ГК РФ). Из данного законодательного определения понятия недвижимого имущества вытекает правовая конструкция двойственности недвижимости, где земельный участок и строения на нем являются отдельными объектами недвижимого имущества, поскольку возведенное строение следует судьбе земельного участка (принцип *superficies solo cedit*). Однако в законодательстве не содержится четких критериев, позволяющих определить является то или иное строение на земельном участке отдельным объектом недвижимого имущества или же является частью земельного участка. Согласно требованиям градостроительного законодательства, для возведения объекта капитального строительства требуется представление проектной документации органу местного самоуправления, которая должна соответствовать Правилам землепользования и застройки на территории конкретного муниципального образования.

Таким образом, на современном этапе градостроительное и гражданское законодательство нуждаются в едином понимании строений, сооружений как объектов капитального строительства и объектов недвижимого имущества с установлением четких критериев, которые бы исключали судебные споры по этому поводу [1]. Из данных теоретических размышлений прослеживается мысль о том, что земельный участок как объект недвижимого имущества включает в себя не только собственно часть земной поверх-

ности, но и все естественные объекты (например, растительные насаждения), а также искусственные объекты (например, некапитальные строения, возведенные трудом человека). В теории, а также на законодательном уровне [8] предлагается объединить земельный участок и объект капитального строительства (здание, сооружение), возведенный на данном земельном участке и квалифицировать в качестве объекта недвижимости только земельный участок. Данный подход в науке гражданского права получил название: концепция «единого объекта» недвижимости [9]. Многогранный характер земельных правоотношений, который выражается в том, что земельный участок сам по себе является предметом регулирования многих отраслей права, предполагает наличие у собственников земельных участков существенных затруднений при выборе надлежащего и оптимального способа защиты своего нарушенного материального права. Субъективное право на защиту является частью охранительных гражданских правоотношений, которые возникают вследствие предполагаемого нарушения материального гражданского права конкретного субъекта. Представляется возможным классифицировать возможные нарушения субъективного права в земельных правоотношениях на следующие группы: прямые нарушения, то есть такие нарушения, при котором правонарушитель воздействует или бездействует в отношении имущества потерпевшего противоправным образом, нарушая его законодательно установленное право; действия в обход закона (ст. 10 ГК РФ), злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Под злоупотреблением правом понимается такое законное использование принадлежащего субъекту объёма правомочий, при котором такое лицо намеренно недобросовестно противопоставляет своему контрагенту или процессуальному оппоненту в реализации его законных прав и интересов. Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ, в гражданском обороте существует презумпция добросовестности его участников. Перечень способов защиты нарушенного материального права отражён в ст. 12 ГК РФ. Перечень способов защиты нарушенного права, отраженных в указанной статье, является открытым и детализируется отдельными положениями ГК РФ, например, ст. 328, 334, 359, 368, 381, 381.1, 397, 475, 486, 487).

Исходя из приведённых положений закона, способы защиты прав собственников земельных участков - это совокупность законодательно закреплённых гражданско-правовых норм, которые предоставляют собственнику земельного

участка различные возможности для принудительного воздействия на правонарушителя, в частности по предотвращению правонарушения; по восстановлению имущественного положения, которое было до совершения правонарушения; а также для привлечения виновного лица к гражданской ответственности, реализуемых и применяемых в соответствующей форме защиты, установленной законом.

Исходя из этого, земельные споры представляют собой «обсуждение и доказывание своих прав на землю с соблюдением установленной процессуальной процедуры и равноправия перед законом всех участников земельных отношений».

Наравне со способами защиты нарушенного материального права существуют и предусмотренные законом формы его защиты [4]. В целях организации публичной власти и управления государством была создана система органов исполнительной власти по принципу разделения компетенции и полномочий, а также система обжалования решений в административном порядке.

В соответствии со ст. 3.1 Закона № 218-ФЗ, Управлению Росреестра подведомственна организация с наименованием ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Росреестра» (далее - ФГБУ «ФКП Росреестра»). Данное учреждение реализует отдельные полномочия в сфере государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав и оказание отдельных государственных услуг, перечень которых отражен в п. п. 2, 3, 4 ст. 3. 1 Закона № 218-ФЗ. В части государственного контроля (надзора) в сфере земельных правоотношений Управление Росреестра, согласно ст. 57 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее Закон № 248-ФЗ), п. 37 Постановления Правительства РФ № 1001, уполномочено проводить контрольно-надзорные мероприятия, по результатам которых принимаются решения о привлечении правонарушителя к административной ответственности или об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, что является предметом регулирования административно деликтного права.

В гражданско-правовых отношениях возможность привлечения правонарушителя к административной ответственности в сфере земельных отношений нельзя расценивать как способ защиты нарушенного права, поскольку при этом не происходит восстановления нарушенного гражданского права. Тем не менее при рассмотрении земельного спора через наличие факта привлечения к административной ответственно-

сти у процессуального оппонента в сфере земельных отношений суд может установить существенные обстоятельства для разрешения конкретного дела.

В соответствии с п.п. 66-68, 72 Постановления Правительства РФ № 1001, жалобы, поданные в административном порядке, рассматриваются в срок не позднее 20 рабочих дней со дня их регистрации, который может быть продлён еще на 20 рабочих дней в установленных законом случаях. О вынесенном решении заявитель должен быть уведомлен не позднее 1 рабочего дня путём размещения текста решения в личном кабинете контролируемого лица на портале «Госуслуг». Для утверждения более детального порядка обжалования решений, действий (бездействия) должностных лиц Приказами Росреестра утверждены соответствующие административные регламенты [10].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что при использовании административного порядка обжалования решения, действия (бездействия) государственного регистратора, государственного инспектора возможно добиться отмены неправомерного решения в течении 20 рабочих дней, что существенно меньше чем при использовании судебной формы защиты. При этом жалоба подаётся в тот же орган, в котором было вынесено оспариваемое решение или же было допущено оспариваемое действие (бездействие), что не требует от заявителя соблюдения правил подачи иска по подведомственности и подсудности в надлежащий суд. Данное обстоятельство существенно упрощает процедуру реализации конституционного права на обжалование неправомерных актов органов государственной власти. В том случае, если жалоба заявителя осталась без удовлетворения, то он не лишён права в соответствии с ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, ст. 11 ГК РФ, оспорить решение, принятое в административном порядке, в суде в порядке административного судопроизводства (КАС РФ, АПК РФ). Кроме того, при наличии различного рода решений, принятых в административном порядке, а также материалов проведённых проверок суд сможет принять наиболее взвешенное решение на данной основе [5]. Исходя из приведённых соображений, самозащита гражданских прав - это форма защиты нарушенных прав, осуществляемая на законной основе потерпевшим лицом лично в своих материальных интересах, направленная на действия правонарушителя с целью восстановления нарушенного права без обращения в правоохранительные государственные органы с целью применения мер принудительного характера.

В связи с тем, что земельный участок хоть и является индивидуальноопределённой вещью, он

также является и объектом недвижимости и подлежит государственному кадастровому учету, а также учету зарегистрированных прав, ввиду чего физически удержать у себя данную недвижимость не представляется возможным. Однако, если по договору купли-продажи земельного участка, переход права собственности на который в силу положений ст. 551 ГК РФ подлежит государственной регистрации, покупатель не исполнил обязательство по оплате стоимости продаваемого объекта недвижимости, то продавец вправе в соответствии с положениями ст. 30 Закона № 218-ФЗ, направить в Управление Росреестра заявление о приостановлении собственности государственной регистрации перехода права.

Несмотря на то, что такой способ защиты своего нарушенного права осуществляется с помощью компетентного государственного органа, представляется возможным отнести такое удержание перехода права собственности к разновидностям самозащиты гражданского права, так как указанное приостановление государственной регистрации перехода права носит исключительно заявительный характер и представляет собой возможность потерпевшему лицу управлять своим правом собственности даже на стадии регистрации перехода права [3]. Также представляется возможным включить в разновидности самозащиты права в сфере земельных правоотношений законопослушное и осмотрительное поведение самого собственника земельного участка. Также фактическое использование земельного участка должно совпадать с его границами, зафиксированными в ЕГРН, чтобы исключить возможность земельных споров со смежными землепользователями, а также с органами публичной власти в случае самозахвата земель государственной неразграниченной собственности. Таким образом, действующая правовая система позволяет собственнику земельного участка использовать не только юрисдикционные методы защиты своего нарушенного права, но и лично защищать свои интересы как предусмотренными законом способами, так и не противоречащими ему, что остаётся на свободный выбор управомоченного лица, которое должно действовать разумно и добросовестно (п. 5 ст. 10 ГК РФ) при реализации принадлежащих ему прав и обязанностей.

Традиционно понятие абсолютного гражданского права раскрывается во взаимосвязи с относительными (обязательственными) гражданскими правоотношениями. Право собственности как абсолютное вещное право позволяет субъекту гражданских правоотношений требовать от

всех других участников гражданского оборота соблюдения его права, а в случае его нарушения предъявить вещный иск к любому лицу, нарушающему его право собственности. В отличие от вещных правоотношений в обязательственных правоотношениях кредитор может предъявить иск только к должнику в рамках конкретного обязательства [2].

Нарушения прав собственника земельного участка могут быть самыми разнообразными и не обязательно могут быть связаны с непосредственным нарушением права владения земельным участком в установленных границах. Так, в качестве примера Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ (до 2014 г.) в своих разъяснениях приводят ситуацию с возведением ответчиком здания, строения, сооружения. В указанной ситуации обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела, заключаются в исследовании вопроса о соблюдении ответчиком градостроительных норм и строительных правил при возведении указанных объектов. Как указывают высшие судебные инстанции, если судом будет установлен факт пускай даже незначительного нарушения указанных норм права, то данное обстоятельство является основанием для удовлетворения заявленных исковых требований, если истец при этом докажет, чем именно нарушаются его права как собственника земельного участка возведением спорных объектов.

Рассмотрим пример [7]. Предоставление земельного участка для сельскохозяйственного производства на основании п. 8 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения без проведения торгов допускается только в отсутствие заявлений о предоставлении этого участка от других крестьянских (фермерских) хозяйств или сельскохозяйственных организаций, имеющих право на предоставление участка по данному основанию. В целях установления названных лиц уполномоченный орган публикует извещение о предоставлении земельного участка в порядке, предусмотренном ст. 39.18 ЗК РФ.

Глава крестьянского (фермерского) хозяйства (далее - КФХ) обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения органа местного самоуправления об отказе в предоставлении земельного участка в аренду сроком до пяти лет в целях расширения сельскохозяйственного производства и обязанности заключить с ним соответствующий договор. Оспариваемый отказ уполномоченный орган мотивировал наличием иных КФХ, претендующих на получение участка, что исключает его предоставление без проведения торгов. Руководствуясь подп. 12 п. 2

ст. 39.6 ЗК РФ и п. 8 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения, суд первой инстанции пришел к выводу о несоответствии оспоренного отказа указанным правовым нормам и о нарушении прав заявителя, поскольку последний имеет право на заключение договора аренды земельного участка без торгов как сельскохозяйственный производитель, участвующий в программах государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд апелляционной инстанции, с которым согласился суд кассационной инстанции, исходил из следующего. Согласно п. 8 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются в аренду на срок до пяти лет крестьянским (фермерским) хозяйствам, сельскохозяйственным организациям, участвующим в программах государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства, для ведения сельского хозяйства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности, без проведения торгов.

Поскольку в настоящем деле уполномоченным органом представлены доказательства обращения за заключением договора аренды спорного участка иных предпринимателей, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность и участвующих в программах государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства, то оснований для заключения договора аренды с главой КФХ без процедуры торгов не имелось.

Список литературы:

- [1] Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электронное издание]. - М.: М-Логос, 2017. - С. 13.
- [2] Бородинов В.В. Осуществление вещных прав при возникновении конфликта интересов: автореф. канд. юр. наук. - М.: 2020. С. 16.
- [3] Дождев Д. В. Римское частное право. Учебник для вузов/ Под редакцией члена-корр. РАН профессора В.С. Нерсисянца - М.: ИНФРА-М, 1996. С. 350.
- [4] Кузнецова О.А. Административный порядок защиты гражданских прав/ Кузнецова О.А. Право. Журнал Высшей школы экономики -2017. -№ 1. - С. 45.
- [5] Кутина П.В., Рыбкина М.В., Сарателан С.А., Тихонравов Л.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав субъектов граждан-

ских правоотношений: монография / под ред. В.П. Кутиной. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. С. 18.

[6] Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер (утв. Минэкономразвития России) // СПС Консультант Плюс.

[7] Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020).

[8] Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СПС «Гарант».

[9] Чаплин Н.Ю. Гражданско-правовой режим земельных участков: автореф. канд. юр. наук. -М.: 2020. С. 22

[10] Приказ Росреестра от 18.06.2019 N П/0240 «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.11.2019 N 56420); Приказ Росреестра от 18.06.2019 N П/0240 «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.11.2019 N 56420).

Spisok literatury:

- [1] Bevzenko R.S. Zemel'nyj uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti [E'lektronnoe izdanie]. - M.: M-Logos, 2017. - S. 13.
- [2] Borodinov V.V. Osushhestvlenie veshnyh prav pri vzniknovenii konflikta interesov: avtoref. kand. yur. nauk. - M.: 2020. S. 16.
- [3] Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov/ Pod redakciej chlena-korr. RAN professora V.S. Nersesyancza - M.: INFRA-M, 1996. S. 350.
- [4] Kuzneczova O.A. Administrativnyj porjadok zashhity grazhdanskix prav/ Kuzneczova O.A. Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly e'konomiki -2017. -№ 1. - S. 45.
- [5] Kutina P.V., Ry'bkina M.V., Saratelyan S.A., Tixonravov L.V. Grazhdansko-pravovaya zashhita

imushhestvenny`x prav sub`ektov grazhdanskix pravootnoshenij: monografiya / pod red. V.P. Kutinoj. - SPb.: Izdatel'stvo Sankt Peterburgskogo universiteta upravleniya i e`konomiki, 2014. S. 18.

[6] Obzor voprosov, soderzhashhixsya v obrashheniyax grazhdan, predstavitelej organizacij (yuridicheskix licz), obshhestvenny`x ob`edinenij, postupivshix v Mine`konomrazvitiya Rossii, i prini-maemy`x mer (utv. Mine`konomrazvitiya Rossii) // SPS Konsul'tant Plyus.

[7] Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazan-ny`m s predostavleniem zemel'ny`x uchastkov sel'skoxozyajstvenny`m organizaciyam i krest'yan-skim (fermerskim) xozyajstvam dlya vedeniya sel'skoxozyajstvennogo proizvodstva (utv. Prezidiu-mom Verxovnogo Suda RF 23.12.2020).

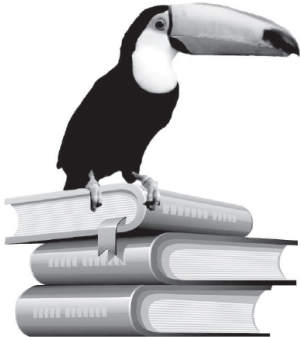
[8] Proekt Federal'nogo zakona N 47538-6 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i

chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe v otdel'ny`e zakonodatel'ny`e akty` Rossijskoj Federacii»// SPS «Garant».

[9] Chaplin N.Yu. Grazhdansko-pravovoj rezhim zemel'ny`x uchastkov: avtoref. kand. yur. nauk. -M.: 2020. S. 22

[10] Prikaz Rosreestra ot 18.06.2019 N P/0240 «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta osu-shhestvleniya Federal'noj sluzhboj gosudarstvennoj registracii, kadastra i kartografii gosudarstvennogo zemel'nogo nadzora» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 06.11.2019 N 56420); Prikaz Rosreestra ot 18.06.2019 N P/0240 «Ob utverzhdenii Administra-tivnogo reglamenta osushhestvleniya Federal'noj sluzhboj gosudarstvennoj registracii, kadastra i kar-tografii gosudarstvennogo zemel'nogo nadzora» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 06.11.2019 N 56420).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-101-104

ДУМНОВ Сергей Николаевич,
начальник кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: serg-dum@rambler.ru

К ВОПРОСУ ПРАВОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЫПОЛНЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В настоящей научной статье отображаются результаты исследования применения юридических и тактических особенностей сотрудниками органов внутренних дел привлекаемых к выполнению служебных задач по охране общественного порядка в особых условиях. Предметом исследования выступает методика применения различных тактических приемов при несении службы по охране общественного порядка в особых условиях. Результаты работы могут быть использованы в процессе обучения сотрудников органов внутренних дел привлекаемых к выполнению служебных задач по охране общественного порядка в особых условиях, а также непосредственно в процессе выполнения служебно-боевых задач.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, терроризм, служебные задачи, особые условия, сотрудник, полиция, право, свобода.

DUMNOV Sergey Nikolaevich,
Head of the Department of Professional preparation
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE QUESTION OF LEGAL FEATURES OF THE PERFORMANCE OF OFFICIAL TASKS BY POLICE OFFICERS

Annotation. This scientific article displays the results of a study of the use of legal and tactical features by employees of internal affairs bodies involved in performing official tasks to protect public order in special conditions. The subject of the study is the methodology for using various tactics when performing public order protection services in special conditions. The results of the work can be used in the process of training employees of internal affairs bodies involved in performing official tasks to protect public order in special conditions, as well as directly in the process of performing service and combat tasks.

Key words: Constitution of the Russian Federation, terrorism, official tasks, special conditions, employee, police, law, freedom.

Конституцией Российской Федерации (ст. 2) высшей ценностью провозглашен человек, его права и свободы, а на государство возлагается обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы. Права и свободы человека и гражданина перечислены во второй главе и как там указано (ст. 18) «Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [1].

Приходится заметить, что разделение понятий «свобода» и «право» на законодательном

уровне отсутствует. Имеются лишь попытки развести данные понятия. Большинство юристов признает, что права и свободы – понятия если не идентичные, то очень близкие, обладающие лишь незначительными отличиями. Эти отличия сводятся к тому, что право предполагает наличие возможностей и механизма их реализации, а свобода – только отсутствие ограничений. При этом возможность реализации права должно обеспечить государство. Таким образом, свобода обеспечивает автономность личности и должна предоставлять более широкий простор для деятельности в целом и принятия решений в частности.

Однако, несмотря на единичные попытки разделить понятия свобода и право, нет ни четких определений, ни самостоятельного перечня свобод или прав.

Необходимо заметить, что употребление в тексте современных законов слов «право»/«права» и «свобода»/«свободы» не связано с тем смыслом который формулируемая норма имеет, является ли она правом или свободой, а связано со сложившейся языковой и культурной традицией. Далее по тексту, в пределах первой главы, для удобства, понятия свобода и право употребляемые в рассматриваемом контексте будут выделены курсивом, а слова «свобода» и «право» останутся без выделения.

Важнейшей ценностью является человек и его жизнь. Следовательно, право на жизнь является свободой. Свободный римский гражданин не мог не быть членом общины. С другой стороны, свобода одного человека ограничиваются свободой другого. Как в античные времена, так и в средние века жизнь человека принадлежала не только ему самому, но и общине. Вне общины выживание было фактически невозможным. Самым суровым наказанием являлся ostracism. Невыполнение своих обязанностей членом общины, противопоставление себя другим, влекло за собой изгнание, то есть обозначало неминуемую гибель.

Современное развитие технологий и общественных отношений делает индивида более самостоятельным, независимым от других. Даже полное противопоставление себя обществу, не только не выполнение обязанностей, а даже грубое попрание прав и свобод других людей в соответствии с современным европейским законодательством не позволяет лишить преступника жизни (ч. 2 ст. 2 Европейской Хартии). Следовательно, жизнь в современном мире является свободой, так как жить можно вне общества, что не порождает обязанностей.

Отличительной особенностью свободы по сравнению с правом является отсутствие необходимости выполнения обязанностей при ее реализации. Реализация права неминуемо влечет за собой необходимость выполнения обязанностей, обеспечивающих его реализацию. Например: реализация права на образование вынуждает человека учиться, осваивая академическую программу. Желание получить медицинское обеспечение обязывает пациента соблюдать предписанный ему больничный режим.

Исходя из рассмотренного критерия, становится возможным разделить, перечисленные в главе второй Конституции Российской Федерации, нормы на свободы и права. Суть критерия, позволяющего отличить право от свободы,

заключается в том, что реализация права неминуемо влечет за собой необходимость выполнения обязанностей. Без выполнения этих обязанностей осуществление права становится невозможным. Реализация свободы необходимость выполнения новых обязанностей не порождает.

Проведенный, с помощью указанного критерия анализ, позволяет говорить, что в действующей Конституции Российской Федерации перечислены пятнадцать свобод. Само понятие свобода претерпело трансформацию от «отсутствия зависимости от кого-либо» до «наличия возможности совершения деяния, не обязывающего к чему-либо».

Анализ норм по указанному критерию приводит к выводу, что политические, экономические, социальные и культурные права и свободы являются только правами, а большинство личных прав являются свободами.

На основе проведенного сравнительного анализа мер и временных ограничений, применяемых при введении правовых режимов, необходим еще один сравнительный анализ. В ходе, которого следует выяснить какие дополнительные правовые полномочия имеются у сотрудников полиции по их реализации. С этой целью следует обратиться к тексту закона «О полиции», где разъясняются права и обязанности, определиться с понятиями «общественный порядок» и «общественная безопасность», а также вычленили способы охраны общественного порядка. Особое внимание следует обратить на те способы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, которые являются возможными для всех сотрудников полиции. Нельзя забывать о самых универсальных правах полиции, предусмотренных п.1., п.2. ст.13 закона «О полиции» [2].

Общественный порядок и общественная безопасность - суть два понятия. В теории административного права понятие общественного порядка принято рассматривать в широком и узком смыслах. Общественный порядок в широком смысле понимается как все связи и отношения в обществе, весь строй то есть совокупность всех социальных связей и отношений, складывающихся под воздействием всех социальных форм, в отличие от правопорядка, включающего лишь отношения, регулируемые нормами права. Из этого следует, что общественный порядок, как более широкая категория, включает в себя и правопорядок. В общей теории права общественный порядок рассматривается как социальная категория, охватывающая систему (состояние) волевых, идеологических общественных отношений, предопределяемых экономическим базисом и характеризующихся соответствием поведения их

участников господствующим в обществе социальным нормам (правовым и не правовым). Сюда входят только социально значимые общественные отношения.

Общественный порядок в узком смысле включает не всю систему общественных отношений, а лишь определенные их совокупности, складывающиеся в различных областях социально-политической жизни и быта, но, прежде всего, в общественных местах. Определение понятия общественного порядка в узком смысле имеет практическое значение в работе органов внутренних дел, участвующих в охране общественного порядка, акцентирует их внимание на предупреждении и пресечении конкретных преступлений и административных правонарушений, которые посягают на общественные отношения, складывающиеся в этой сфере.

К понятию общественного порядка тесно примыкает понятие общественной безопасности, которое рассматривается как система общественных отношений, складывающихся в соответствии с правовыми, техническими, строительными и другими нормами при использовании объектов и предметов, представляющих повышенную опасность для людей и общества в целом, или при наступлении особых условий в связи со стихийными бедствиями либо другими чрезвычайными обстоятельствами социального или техногенного характера.

Основные понятия, употребляемые в сфере обеспечения безопасности, определены Законом Российской Федерации «О безопасности». Так, безопасность - это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

К основным объектам безопасности относятся: личность - ее права и свободы; общество - его материальные и духовные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Наиболее опасным посягательством на общественную безопасность является террористическая деятельность. Федеральным законом Российской Федерации «О противодействии терроризму» определен перечень преступлений террористической направленности (ст.24). Учитывая положения ст.151 УПК РФ ряд из них могут расследоваться следователями и дознавателями органов внутренних дел. К их числу относятся: террористический акт (ст.205); захват заложника (ст.206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ст. 208); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактив-

ными веществами (ст.220); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст.221) [3].

Терроризм, в свою очередь является одним из проявлений экстремизма. Но если определение терроризма является достаточно лаконичным: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (п.1 ст.3. закона) [3], то о способе формулировки экстремизма этого сказать нельзя. Это определение состоит из тринадцати подпунктов. На основе анализа перечисленных видов террористической деятельности, возможно наиболее целесообразным будет предложить следующее определение. Экстремизм – это внутригосударственная незаконная политическая деятельность, направленная на компрометацию действующей власти и ставящая конечной целью нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации экстремистские угрозы разделены на внешние и внутренние.

Полиция может быть задействована в противодействии внутренним угрозам экстремизму. Об этом свидетельствуют обязанности полиции, указанные в п.17 и п.29 ч.1 ст.12 закона «О полиции» [2].

Важнейшим правом полиции, делающим ее вооруженным формированием, является право применения специальных мер принуждения: физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В условиях военного положения вероятность применения оружия сотрудниками полиции, как самостоятельно, так и в составе подразделения резко возрастает. В соответствии с п.6 ст.15 закона «О противодействии терроризму» указано «Участвующие в контртеррористической операции подразделения федеральных органов исполнительной власти ... применяют боевую технику, оружие и специальные средства в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации». Следовательно, сотрудники полиции применяют огнестрельное оружие в соответствии с законом «О полиции». То же самое касается оснований применения оружия при введении военного положения или чрезвычайного положения. Так, в соответствии с федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» «... порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат» [4].

Очевидно, что сотрудники правоохранительных органов имеют больше возможностей для применения законного насилия для пресечения противоправного поведения, чем обычные граждане. Отсюда следует вывод, что если сотрудник применяет оружие в условиях возникновения обстоятельств исключающих преступность деяния, то такое применение является правомерным.

К обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в соответствии с уголовным кодексом Российской Федерации относятся: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения [5].

Сравнивая эти основания с обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Необходимость в этом существует ввиду того, что полицейское законодательство по сравнению с уголовным является чрезвычайно «молодым», а потому далеко несовершенным.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022).

[2] О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Государственной Думой 28 января 2011 г.: одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. (последняя редакция).

[3] О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят

Государственной Думой 26 февраля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 г. (последняя редакция).

[4] О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ: одобрен Государственной Думой 26 апреля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. (ред. от 2 ноября 2023 г.).

[5] Коновалов В.А. Общественный порядок и общественная безопасность. Электронный ресурс <https://post@oimsla.edu.ru>

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny'x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ, ot 06.10.2022).

[2] O policii: federal'ny'j zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 28 yanvarya 2011 g.: odobren Sovetom Federacii 2 fevralya 2011 g. (poslednyaya redakciya).

[3] O protivodejstvii terrorizmu: federal'ny'j zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ: prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 26 fevralya 2006 g.: odobren Sovetom Federacii 1 marta 2006 g. (poslednyaya redakciya).

[4] O chrezvy'chajnom polozhenii: federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ: odobren Gosudarstvennoj Dumoj 26 aprelya 2001 g.: odobren Sovetom Federacii 16 maya 2001 g. (red. ot 2 noyabrya 2023 g.).

[5] Konovalov V.A. Obshhestvenny'j poryadok i obshhestvennaya bezopasnost'. E'lektronny'j resurs <https://post@oimsla.edu.ru>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СЛЕПЕНКО Евгений Алексеевич,
канд. техн. наук, заведующий кафедрой
машиностроения и транспорта ФГБОУ ВО
«Братский государственный университет»,
г. Братск,
e-mail: sea1975@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Аннотация. В статье рассматривается важность правового регулирования для обеспечения безопасности дорожного движения в России. Установление причинно-следственной связи между нарушениями норм и дорожно-транспортными происшествиями является ключевым элементом для расследования и возмещения ущерба. Предлагается алгоритм, который поможет улучшить эффективность судебных разбирательств и защиту прав граждан.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, причинно-следственная связь, дорожно-транспортные происшествия, правовое регулирование, экспертное исследование, возмещение вреда.

SLEPENKO Yevgeny Alekseyevich,
Candidate of Technical Sciences,
Head of the Department of Mechanical Engineering
and Transport Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Bratsk State University",
Bratsk, Russia

ESTABLISHING CAUSAL CONNECTIONS IN THE INVESTIGATION OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS

Annotation. The article discusses the importance of legal regulation for ensuring road safety in Russia. Establishing a causal connection between violations of norms and road traffic accidents is a key element for investigating incidents and compensating for damages. An algorithm is proposed to improve the effectiveness of court proceedings and protect citizens' rights.

Key words: road safety, causal connection, road traffic accidents, legal regulation, expert investigation, compensation for damages.

Общественная значимость обеспечения безопасности дорожного движения заключается в предотвращении огромных масштабов ущерба, вызванного дорожно-транспортными происшествиями. Аварийность на автомобильном транспорте представляет собой одну из наиболее острых социально-экономических проблем. Многолетний анализ статистики и динамики основных показателей аварийности в России демонстрирует явные признаки того, что уровень дорожно-транспортного травматизма остается крайне высоким и даже имеет тенденцию к росту. Каждый год десятки тысяч человек погибают или получают серьезные травмы в результате дорожно-транспортных происшествий. Ущерб эконо-

мике ежегодно составляет более одного триллиона рублей, что сопоставимо с затратами на здравоохранение.

Правовое регулирование организации дорожного движения в Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, международных договорах Российской Федерации, а также актах, составляющих право Евразийского экономического союза из других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных нормативных правовых актов в области организации дорожного движения.

В современных условиях перед органами государственной власти законодателями остро стоит вопрос о правовой защите граждан, являющихся участниками дорожного движения, особенно в части справедливого возмещения вреда потерпевшим при дорожно-транспортных происшествиях. Важная роль в решении данной проблемы также отводится правоохранительным органам, которые занимаются предупреждением и расследованием дорожно-транспортных происшествий.

Так, согласно пункта 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. предусматривает возмещение причиненного вреда лицом, причинившим вред.

В этом случае важно установить причинно-следственную связь (объективную сторону правонарушения) между деянием и наступившим вредом, так как это играет решающую роль в решении вопросов о возмещении вреда от дорожно-транспортных происшествий. Сложность установления этой связи значительно усложняет процесс квалификации правонарушений, а значит судебного или страхового возмещения вреда от дорожно-транспортных происшествий.

Для указания причины в конкретном правонарушении необходимо сформировать точные критерии распознавания причинно-следственной связи в отличие от других связей, которые можно использовать при указании причины в праве с учетом специфики рассматриваемой категории дел, при помощи которых практически возможно вынесение правильных решений.

Задачей нашего исследования является формирование четкого алгоритма установления причинно-следственной связи в нарушениях норм права, связанных с дорожно-транспортными происшествиями и указание критериев, определяющих ее сущность.

Можно выделить три разновидности нарушений приводящих к дорожно-транспортным происшествиям, а также лиц ответственных за их совершение:

- Нарушение правил дорожного движения - лицо управляющее транспортным средством, непосредственно водитель.
- Нарушение правил эксплуатации транспортных средств – лицо, ответственное за эксплуатацию транспортных средств, это непосредственно водитель и лица, ответственные за техническое состояние и выпуск на линию транспортных средств в случае, когда эксплуатантом является юридическое лицо.

- Нарушение правил содержания и эксплуатации дорожной сети - организации, занимающиеся дорожной деятельностью в соответствии с федеральным законом «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации» это деятельность по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, ремонту и содержанию автомобильных дорог.

Нарушение в одной из этих областей должно быть необходимым условием наступления дорожно-транспортного происшествия.

В рамках нарушений правил дорожного движения причинно-следственная связь может быть признана элементом состава правонарушения в том случае, если она развивалась в следующих пределах: от создания опасной дорожно - транспортной ситуации до наступления дорожно-транспортного происшествия.

Например, многие пункты Правил дорожного движения Российской Федерации (далее-Правил) содержат требование «уступить дорогу» («не создавать помех»). Согласно п. 1.2 указанных Правил, эти понятия равнозначны и означают требование к участнику дорожного движения не начинать, не возобновлять или не продолжать движение, не осуществлять какой-либо маневр, если это может вынудить других участников движения, имеющих по отношению к нему преимущество, изменить направление движения или скорость.

Случаи создания помехи и случай создания опасности для движения имеют под собой разную основу. Для различия таких случаев имеет большое значение применение какого именно вида торможения участником, имеющим преимущество, позволило бы предотвратить дорожно-транспортное происшествие, связанное с созданием помехи. Если с момента возможности обнаружения помехи для движения водитель, пользующийся преимуществом для движения, не применяя экстренного, а используя служебное торможение, имел техническую возможность снизить скорость до величины, обеспечивающей предотвращение дорожно-транспортного происшествия, то можно сделать вывод, что, несмотря на создание помехи, опасной ситуации не возникло, т.е. ситуация была штатной.

В рамках нарушения правил эксплуатации транспортных средств причинная связь может быть признана элементом состава правонарушения в том случае, если она развивалась в следующих пределах: от принятия неправомерного решения о эксплуатации транспортного средства с нарушением правил до создания опасной дорожно - транспортной ситуации и наступления дорожно-транспортного происшествия. К таким нарушениям относятся неправомерные решения

о допуске водителя к управлению транспортным средством при наличии медицинских противопоказаний, допуск на линию транспортного средства с неисправностью, указанной в Положении о допуске транспортных средств к эксплуатации. Неправомерное решение о использовании транспортного средства не по назначению и прочие. Для установления причинно-следственной связи между такими нарушениями и совершившимся дорожно-транспортным происшествием необходимо так же провести экспертное исследование.

В рамках нарушения правил содержания и эксплуатации дорожной сети причинная связь может быть признана элементом состава правонарушения в том случае, если она развивалась в следующих пределах: от момента возможного обнаружения отклонения дорожных условий от требований нормативных документов смещенного вперед по времени на срок, установленный нормативной документацией на устранение такого отклонения до создания опасной дорожно-транспортной ситуации и наступления дорожно-транспортного происшествия. К таким нарушениям относятся несвоевременное устранение зимней скользкости, дефектов дорожного полотна, неверная конфигурация дорожного полотна и прочие.

На основании вышеизложенного, с учетом специфических особенностей административных правонарушений в области дорожного движения, эксплуатации и содержания автомобильных дорог, целесообразно выделить следующие критерии значимости причинно-следственной связи в дорожно-транспортных происшествиях.

Для обоснования ответственности в области дорожного движения значимой может быть признана лишь причинно-следственная связь между нарушением правил дорожного движения, эксплуатации транспортных средств или правил содержания дорожной сети и наступившими в результате дорожно-транспортного происшествия вредными последствиями при следующих обязательных условиях:

1. Установленное нарушение нормы должно предшествовать во времени наступлению дорожно-транспортного происшествия.
2. Нарушение нормы должно явиться необходимым условием наступления вредных последствий.
3. Нарушение, выраженное в форме действия, должно обладать признаком активности и являться предпосылкой возникновения опасной дорожно-транспортной ситуации.
4. Нарушение, выраженное в форме бездействия, может находиться в причинно-следственной связи с наступившим при дорожно-транспортном происшествии вредом при совокупности следующих условий:

- если участник дорожного движения в опасной дорожно-транспортной ситуации обязан был в соответствии с требованиями нормы права выполнить определенные действия по предотвращению дорожно-транспортного происшествия;
- если он располагал возможностью выполнить эти действия;
- при условии их выполнения мог бы предотвратить дорожно-транспортное происшествие. [3]

Таким образом определение причинно-следственной связи сводится к обоснованному ответу на следующие вопросы:

1. Имело ли место нарушение нормы права?

Необходимо изучить все условия совершения дорожно-транспортного происшествия на предмет наличия нарушений в области правил дорожного движения, правил эксплуатации транспортных средств и правил эксплуатации и содержания дорог. Так например при соблюдении первых двух пунктов может иметь место нарушение правил содержания дорог в виде нарушения сроков устранения зимней скользкости, при этом зимняя скользкость может привести к потере управления транспортным средством и совершению дорожно-транспортного происшествия.

2. Предшествовало ли нарушение нормы права исследуемому дорожно-транспортному происшествию?

Необходимо провести исследование материалов дела и определить хронологию событий.

3. Является ли данное нарушение необходимой предпосылкой для исследуемого дорожно-транспортного происшествия.

Для определения этого условия необходимо применить мысленное исключение из причинного ряда исследуемого противоправного действия (бездействия). Если при отсутствии нарушения не наступило бы дорожно-транспортное происшествие, то нарушение является его необходимой предпосылкой.

4. При рассмотрении нарушения, выраженного в форме бездействия:

- участник дорожного движения в опасной дорожно-транспортной ситуации обязан был в соответствии с требованиями нормы права выполнить определенные действия по предотвращению дорожно-транспортного происшествия.
- участник дорожного движения располагал возможностью выполнить эти действия;
- участник дорожного движения мог предотвратить дорожно-транспортное происшествие при выполнении требований нормы права.

Ярким примером здесь является требование п. 10.1. Правил, согласно которого водитель обязан снизить скорость движения вплоть до

остановки при возникновении опасности для движения. В данном случае необходимо определить техническую возможность предотвращения дорожно-транспортного происшествия путем сравнения остановочного пути с расстоянием от автомобиля до объекта опасности в момент возможного обнаружения такой опасности, либо остановочного времени автомобиля с временем нахождения объекта опасности в поле зрения водителя.

Несомненно, вопрос определения причинно-следственной связи между нарушением норм права и дорожно-транспортным происшествием находится в области юриспруденции, однако для его решения необходимо применение специальных познаний в области автотехнической экспертизы, в связи с чем, правоохранительные и судебные органы, не имея специальных познаний в области автотехники, поручают нахождение причинно-следственной связи лицам, обладающим такими познаниями – экспертам по расследованию обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, с последующим анализом заключений эксперта по общим правилам исследования доказательств [3, 4].

Предлагаемый алгоритм установления причинно-следственной связи может способствовать проведению расследований дорожно-транспортных происшествий экспертами-автотехниками, а так же последующему анализу результатов исследований правоохранительными и судебными органами, что с нашей точки зрения может повысить объективность правовых решений, а значит и правовую защищенность участников дорожного движения.

Список литературы:

[1] Андрееenko, А.С. Алгоритм установления причинной связи при нарушении правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Актуальные проблемы юриспруденции. - Выпуск 2: Сборник статей адъюнктов и соискателей. - Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2003. - С. 5.

[2] Авдеева, И.М. Классификация действий водителей, повлекших возникновение дорожно-транспортного происшествия (ДТП) и их оценка / И.М. Авдеева, Н.М. Кристи // Сборник научных трудов. Проблемы судебной автотехнической экспертизы. - М.: 1984. - С. 3 -10.

[3] Бакулина Ирина Петровна. Установление причинно-следственной связи при квалификации административных правонарушений в области дорожного движения: Дисс. Канд.юрид.наук: 12.00.14. –Тюмень, 2005.

[4] Соктоев, З.Б. Причинность в дорожно-транспортных преступлениях: уголовно-правовая характеристика / З.Б. Соктоев: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Иркутский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Иркутск - 2001 - С. 43.

Spisok literatury:

[1] Andreenko, A.S. Algoritm ustanovleniya prichinnoj svyazi pri narushenii pravil bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i e'kspluatatsii transportny'x sredstv // Aktual'ny'e problemy` yurisprudencii. - Vy'pusk 2: Sbornik statej ad`yunktov i soiskatelej. - Tyumen`: Tyumenskij yuridicheskij institut MVD RF, 2003. - S. 5.

[2] Avdeeva, I.M. Klassifikaciya dejstvij voditelej, povlekshix vozniknovenie dorozhno-transportnogo proisshhestviya (DTP) i ix ocenka / I.M. Avdeeva, N.M. Kristi // Sbornik nauchny'x trudov. Problemy` sudebnoj avtotexnicheskoj e'kspertizy`. - M.: 1984. - S. 3 -10.

[3] Bakulina Irina Petrovna. Ustanovlenie prichinno-sledstvennoj svyazi pri kvalifikacii administrativny'x pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya: Diss. Kand.yurid.nauk: 12.00.14. –Tyumen`, 2005.

[4] Soktoev, Z.B. Prichinnost` v dorozhno-transportny'x prestupleniyax: ugovlovno-pravovaya xarakteristika / Z.B. Soktoev: diss... kand. yurid. nauk: 12.00.08. / Irkutskij yuridicheskij institut General'noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. - Irkutsk - 2001 - S. 43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-109-112

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

ЛЮЕВ Тембот Хабасович,

Старший преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ КАК ПРЕВЕНТИВНАЯ МЕРА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам противодействия незаконному обороту наркотических средств. Автор указывает на сложность ситуации в данной области, требующей принятия соизмеримых мер. Отмечается, что в последнее время увеличивается вовлеченность в наркотрафик иностранных граждан, зачастую находящихся на территории нашего государства незаконно и необходимость совершенствования законодательства в сфере миграции. Предпосылками этому стали участвовавшие факты совершения мигрантами тяжких и особо тяжких преступлений. Иностранные граждане играют немаловажную роль в обеспечении транспортировки наркотических средств на территорию России. Автор предлагает активизировать противодействие незаконной миграции в качестве превентивной меры борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования законодательных мер, для наделения компетентных органов действенными полномочиями и выработки четкого алгоритма действий, в том числе по вопросам социальной интеграции мигрантов в общество.

Ключевые слова: противодействие, миграция, законодательство, наркотические средства.

LYUEV Tembot Khabasovich,

Senior lecturer at the Department of Internal Affairs Agencies
in Special Conditions North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PREVENTION OF ILLEGAL MIGRATION AS A PREVENTIVE MEASURE IN COUNTERING ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Annotation. The article is devoted to the problems of countering illicit drug trafficking. The author points out the complexity of the situation in this area, which requires commensurate measures. It is noted that recently the involvement of foreign citizens in drug trafficking has been increasing, often illegally staying on the territory of our state and the need to improve legislation in the field of migration. The prerequisites for this were the increased frequency of migrants committing serious and especially serious crimes. Foreign citizens play an important role in ensuring the transportation of narcotic drugs to Russia. The author suggests intensifying the fight against illegal migration as a preventive measure to combat crimes in the field of drug trafficking. Particular attention is paid to the need to improve legislative measures to empower competent authorities and develop a clear algorithm of action, including on issues of social integration of migrants into society.

Key words: counteraction, migration, legislation, terrorism, extremism.

В условиях масштабных трансформаций в геопространстве, когда попытки глобального Запада по сохранению однополярного мира все чаще подвергаются адекватной реакции, к сожалению, наблюдается активизация воо-

руженных конфликтов в разных частях мира, в том числе на межгосударственном уровне. Эти аспекты обусловили повышение уровня миграционного процесса, когда значительное количество гражданского населения меняют страну прожи-

вания в поисках лучших условий жизни. Проблемы миграции оставались актуальными последние десятилетия. Помимо вооруженных конфликтов, первопричиной таких процессов в большей мере являлись социальные и экономические аспекты, обосновывая так называемую трудовую миграцию. В целом в данном процессе обозначались взаимовыгодные отношения, когда граждане мигрировали в соседние государства в поисках лучших условий жизни и работы, а государства их принимающие получали «дешевые» трудовые ресурсы, обеспечивающие стабильный рост экономики. Однако следует отметить, что естественные процессы проходят недостаточно гладко. В настоящее время Российская Федерация столкнулась с проблемой необходимости регулирования миграционных процессов, в том числе из соседних дружественных стран. Чрезмерная лояльность и в некоторой мере беспечность в миграционной политике, создали предпосылки к социальной напряженности в нашем обществе. Отличие в культурном, религиозном и образовательном контексте осложняют процесс интеграции иностранных граждан в наше общество. По этой причине, данная проблема была актуализирована органами власти в последнее время, когда все громче звучали призывы к необходимости ужесточения и совершенствования регламентации нахождения мигрантов на территории нашего государства. Все это предопределило принятие нормативных актов направленных на устранение данных причин. При этом хотелось бы заострить внимание на указанном вопросе в правоохранительной формации. Статистика противоправных деяний совершенных иностранными гражданами на территории нашего государства показывает, что эта проблема не является сугубо общесоциальной. К сожалению, следует признать, что в процентном соотношении, совершение мигрантами тяжких и особо тяжких преступлений не может не вызывать беспокойство [2].

Прежде всего, учитывая постановку указанной проблемы как неконтролируемого риска, необходимо понимать, что выявить истоки возникновения незаконной миграции и до конца ее проконтролировать почти невозможно, в силу ее эпизодичности и стихийности. Вместе с тем эффективные меры противодействия данному фактору еще не вполне ясны.

Мы не будем давать определение фактору незаконной миграции, укажем только на тот момент, что лица, не являющиеся гражданами нашего государства, прибывая в страну и пребывая в ней, зачастую не соблюдают нормы российского законодательства [3].

Ежегодно во всём мире отмечается прямое влияние миграционных процессов на ситуацию с

наркопреступностью, при этом оказывалось, что среди мигрантов большое количество лиц, употребляющих наркотические средства [1].

Наркотические вещества остаются одной из главных угроз для российского общества. При этом ни для кого не будет секретом, что мигранты из стран Средней Азии и Закавказья уже на протяжении десятилетий принимают активное участие в наркобизнесе. Именно Средняя Азия, представляя из себя транзитный коридор для тяжелых наркотиков и прекурсоров из Афганистана, стала одним из основных мест, откуда наркодельцы самого разного уровня и масштаба с удовольствием едут в Россию на «заработки».

Вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средств являются одними из наиболее актуальных в последние десятилетия. Участились факты совершения преступлений данной категории иностранными гражданами, нередко находящимися на территории государства незаконно. Наличие этнических криминальных группировок в разных городах нашей страны уже общепризнано. Систематически в криминальных сводках фигурируют факты осуществления ими преступлений, характеризующимися признаками организованности. Общепризнанная тенденция ухода преступлений в сфере оборота наркотических средств в организованную среду сохраняется и на современном этапе [5]. При этом следует отметить, тот факт, что сама по себе незаконность нахождения лица на территории нашего государства создает благоприятную почву для вовлечения таких лиц в криминальную деятельность.

Приезжая за легкими деньгами в Россию, мигранты даже не задумываются о возможных последствиях, поэтому им в целом без разницы на чем и на ком заработать. Об этом же говорят и цифры статистики преступлений: в каждом 4 уголовном деле против мигрантов фигурируют наркотики. При этом чаще всего они проходят по тяжким составам статьи 228 и 228.1 УК РФ.

К сожалению, необходимо констатировать факт, увеличения случаев совершения иностранными гражданами противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, в том числе в рамках осуществления наркотрафика [4].

В современных условиях развития и распространения цифровых технологий мигранты используют для распространения наркотиков как привычные площадки типа рынков, так и современные интернет-платформы. Международные наркокартели также не преминули воспользоваться возможностями глобальной сети Интернет. Информационно-коммуникативные инструменты, используемые в социальных сетях и

интернет-платформах, в существенной мере поспособствовали расширению преступной сети распространения наркотических средств. Наличие возможности сохранения анонимности и различных способов шифрования мессенджеров достаточно эффективно используются преступными элементами при распространении наркотических средств. Помимо этого, возможности интернет ресурсов позволяют скрыть обстоятельства совершения преступления, в том числе финансовых потоков.

Такая тревожная ситуация – это, на наш взгляд, повод серьезно задуматься о том, стоит ли «дружба народов» и открытые границы со странами Средней Азии и Закавказья рисками жизнями и здоровьем россиян?

По нашему мнению, следует акцентировать внимание правоохранительных органов на усиление мер по противодействию преступлений в сфере оборота наркотических средств, совершаемых в том числе и бесконтактным способом. И особое внимание необходимо уделить профилактике незаконной миграции, как одной из основных превентивных мер в противодействии незаконному обороту наркотических средств.

Хотелось бы выделить, на наш взгляд, основные направления в данной области, а именно:

1. Совершенствование законодательства в миграционной сфере. Появившиеся в последнее время призывы уже имеют реакцию со стороны законодательных органов, которые в настоящее время заняты выработкой эффективной нормативно правовой базы контроля миграционных процессов.
2. Мониторинг миграционных процессов. Систематизация и цифратизация контроля и анализа миграционных потоков для выявления возможных рисков и предотвращения незаконной миграции.
3. Ужесточение законодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств, в том числе совершаемых иностранными гражданами и организованными группировками.
4. Информационно-разъяснительная деятельность. Внедрение эффективных образовательных программ для иностранных граждан, позволяющие выработать у них необходимые установки недопустимости незаконной миграции, пособничества ей, а также совершению противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств.
5. Совершенствование системы взаимодействия органов власти и населения. Необходимо формирование четкой структуры и

алгоритмов обмена информации между всеми институтами гражданского общества, в особенности с правоохранительными органами.

6. Поддержка социальных программ. Деятельность компетентных ведомств, направленная на обеспечение максимально быстрой и комфортной интеграции мигрантов в социум позволит искоренить причины и условия, способствующие последующему их вовлечению в наркотрафик.
7. Межгосударственное сотрудничество. Необходимо выработка четкого алгоритма взаимодействия, в особенности правоохранительных органов государств для максимально быстрого и действенного обмена информацией для пресечения незаконных миграционных процессов.
8. Использование современных технологий. Внедрение и максимальное использование цифровых средств обеспечения контроля миграционных процессов и наркотрафика, в том числе учитывая возможности искусственного интеллекта.

Консолидированная деятельность всех институтов гражданского общества в тесном взаимодействии с правоохранительными органами по указанным направлениям должна обеспечить улучшение ситуации с незаконными миграционными процессами и борьбой с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Список литературы:

- [1] Ростокинский А.В., Аккаева Х.А. Рискованное поведение как фактор становления личности подростка // Право и управление. 2022. № 11. С. 177-181.
- [2] Битов А.А. Сравнительный анализ некоторых средств противодействия раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети интернет // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 38-41.
- [3] Гаужаева В.А., Лифанова Л.Г. К вопросу об административных правонарушениях связанных с хранением, употреблением наркотических средств // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 268-270.
- [4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Некоторые вопросы совершенствования деятельности ОВД в борьбе с терроризмом и захватом заложников // Образование и право. 2022. № 4. С. 317-319.
- [4] Шамаев А.М. Использование современных информационно-коммуникационных технологий для развития культуры социального взаи-

модействия с населением у сотрудников полиции // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2023. № 1 (54). С. 95-104.

Spisok literatury:

[1] Rostokinskij A.V., Akkaeva X.A. Riskovannoe povedenie kak faktor stanovleniya lichnosti podrostka // Pravo i upravlenie. 2022. № 11. С. 177-181.

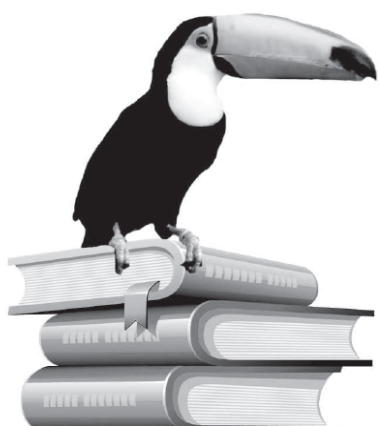
[2] Bitov A.A. Sravnitel'nyj analiz nekotoryx sredstv protivodejstviya raskry'tiyu prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershaemyx s ispol'zovaniem seti internet // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16. № 4. С. 38-41.

[3] Gauzhaeva V.A., Lifanova L.G. K voprosu ob administrativnyx pravonarusheniyax svyazannyx s

xraneniem, upotrebleniem narkoticheskix sredstv // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3 (207). С. 268-270.

[4] Mashekuasheva M.X., Kochesokova Z.X. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti OVD v bor'be s terrorizmom i захватом заложников // Obrazovanie i pravo. 2022. № 4. С. 317-319.

[4] Shamaev A.M. Ispol'zovanie sovremennyx informacionno-kommunikacionnyx texnologij dlya razvitiya kul'tury social'nogo vzaimodejstviya s naseleniem u sotrudnikov policii // Nauchnoe obespechenie sistemy pov'ysheniya kvalifikacii kadrov. 2023. № 1 (54). С. 95-104.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СИНЯВИНА Алёна Олеговна,
Аспирант Казанского инновационного университета
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
Кафедра уголовного права и процесса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
КАБАНОВ Павел Александрович,
профессор, доктор юридических наук,
e-mail: i@alyonabor.ru

ФАКТОРЫ ВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Ежегодно количество несовершеннолетних пользователей социальных сетей и мессенджеров возрастает, это обусловлено быстрым развитием и доступностью информационно-коммуникационных технологий. Однако, в связи с этим и увеличивается риск становления подростками жертвами преступных посягательств, так как они имеют свойственные только им виктимные характеристики, такие как доверчивость, уязвимость и наивность.

Для комплексного изучения данной проблемы был использован метод опроса, а именно анкетирование студентов 1 курса среднего-профессионального образования с целью выявления ими использования сети интернет, а также психологических столкновений и преступного поведения в отношении несовершеннолетних в киберсреде. Целью исследования является изучение представлений о киберпреступности у несовершеннолетних и предложение авторской формулировки факторов риска, способствующих виктимизации несовершеннолетних в киберпространстве, а именно: время, которое подростки ежедневно проводят в сети интернет, использование определенных социальных сетей и мессенджеров, где они чаще подвержены преступным посягательствам, а также основная цель использования подростками интернета.

В заключении подчеркивается необходимость проведения комплексной профилактики в данной области. Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию действующего законодательства в области защиты несовершеннолетних, а также в социальной среде: родителями, учителями и педагогами для оценки факторов влияния социальных сетей на несовершеннолетних и разработки определенных программ помощи для развития у подростков эмоциональной устойчивости и критического мышления для безопасного использования ими интернета.

Ключевые слова: виктимность, ювенальная кибервиктимология, киберпреступность, киберсреда, онлайн-угрозы, несовершеннолетняя жертва, кибержертва, подростки.

SINIYAVINA Alena Olegovna,
Postgraduate Student at Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov (IEUP),
Department of Criminal Law and Procedure

Scientific supervisor:
KABANOV Pavel Aleksandrovich,
Professor, Doctor of Law

VICTIMIZATION FACTORS OF MINORS IN CYBERSPACE

Annotation. The number of underage users of social networks and messengers increases annually, which is driven by the rapid development and accessibility of information and communication technologies.

However, this also increases the risk of adolescents becoming victims of criminal attacks, as they possess victimogenic characteristics specific to them, such as gullibility, vulnerability, and naivety.

To comprehensively study this problem, a survey method was used, specifically a questionnaire administered to first-year students of secondary vocational education. The aim was to identify their internet usage, as well as psychological conflicts and criminal behavior against minors in the online environment. Therefore, the purpose of the study was to examine perceptions of cybercrime among adolescents and to propose an author's formulation of risk factors contributing to the victimization of minors in cyberspace, namely: the amount of time adolescents spend daily on the Internet, the use of certain social networks and messengers where they are more often exposed to criminal attacks, as well as the purpose of adolescents using the Internet. The conclusion emphasizes the need for comprehensive prevention in this area.

The practical significance of this study lies in the fact that its results can be used in legislative activity to improve current legislation in the field of protecting minors, as well as in the social environment: by parents, teachers, and educators to assess the factors influencing social networks on minors and develop assistance programs to develop emotional stability and critical thinking in adolescents for safe Internet use.

Key words: victimization, juvenile cyber victimology, cybercrime, cyberspace, online threats, juvenile victims, cyber-victims, teenagers.

Введение

Несовершеннолетние находятся в особом правовом статусе и требуют повышенного внимания к себе со стороны образовательных учреждений, родителей и опекунов, а также государства. Свободное владение и возможность находиться в киберпространстве, с одной стороны, дает возможность подросткам получать любую информацию для образовательного, социального и личного роста. Но с другой, является местом, в котором несовершеннолетние находятся под угрозой совершения киберпреступлений. Исходя из данного определения объектом настоящего исследования являются непосредственно несовершеннолетние, использующие возможность свободно использовать интернет.

Изучению данной острой проблемы, в частности вопросами виктимности подростков в сети интернет, посвящено новое направление ювенальная кибервиктимология, которое находится на стыке двух криминологических теорий «Кибервиктимология является одной из наиболее молодых частных виктимологических теорий. Она выступает отражением процессов радикальной цифровой трансформации общества и всё возрастающей зависимости человечества от созданных им технологий». [3] Основные положения этого молодого направления нашли свое место в изучениях таких российских ученых как Галушко Д.М., [2] Кабанов П.А., [6] Жмуров Д.В., [4] Бовть О.Б., [1] которые внесли значительный вклад в развитие данного направления.

В продолжение данных теоретических и практических исследований ученых, целью работы стало изучение представлений о киберпреступности у подростков и авторская формулировка факторов риска, способствующих виктимизации несовершеннолетних в киберпространстве.

Материал и методы

Для изучения данной проблемы использовался общенаучный метод, а именно анализ, синтез, обобщение, а также специальный криминологический метод: опрос. В марте-апреле 2025 года нами было проведено социологическое исследование, а именно опрос 118 респондентов несовершеннолетних в возрасте 16-17 лет, учащихся 1 курса образовательного учреждения среднего профессионального образования. Выборка по полу и возрасту не проводилась. Респондентам была предложена анкета «Ваше отношение к Интернету, какое оно?», разработанная авторами статьи.

Результаты исследования

В настоящее время киберпреступность обрела такой уровень распространения, что стать жертвой киберпреступления имеет возможность любой человек, включая детей и подростков. В связи с этим следует согласиться с П.А. Кабановым, который отмечает: «Причины кибервиктимизации несовершеннолетних отличаются от кибервиктимизации иных возрастных категорий». [5] Поэтому необходимо отметить, что несовершеннолетние в силу своих виктимных характеристик, таких как доверчивость, уязвимость и наивность, чаще других становятся жертвами преступлений в интернет-среде.

В криминологической теории изучением виктимности несовершеннолетних занимается ювенальная виктимология. [2] Ювенальная виктимология занимается исследованием причин и особенностей преступлений, в которые в качестве жертв или преступников вовлечены несовершеннолетние. Российскими учеными заявлено, что заниматься проблемами виктимности несовершеннолетних должно новое современное направление – ювенальная кибервиктимоло-

гия, которое находится на стыке двух теорий: ювенальная виктимология и кибервиктимология. [5] Мы считаем целесообразным выделять ювенальную кибервиктимологию в отдельное самостоятельное направление в силу нескольких причин:

- 1) Подростки обладают определенными собственными только им психологическими характеристиками, что сильно отличает их от взрослых;
- 2) Последствия кибервиктимизации для несовершеннолетних прямо отражается на их физическом, эмоциональном и социальном благополучии.

Таким образом, можно сделать вывод, что ювенальная кибервиктимология должна учитывать данные обстоятельства и разрабатывать новую современную модель профилактики и реабилитации для несовершеннолетних.

Вопросы разработанной анкеты были направлены на выявление времени и цели нахождения подростков в сети интернет, на выявление психологических столкновений и преступного

поведения в отношении несовершеннолетних в киберсреде. Далее предоставим ответы несовершеннолетних респондентов.

Выявлено, что (55%) опрошенных проводят в сети интернет более 5 часов сутки, (36%) ответили, что проводят в интернете около 3-5 часов, и оставшиеся (8%) используют интернет 1-3 часа в сутки. (Рис. 1). Взрослые возраста 35-55, по данным Mediascope, проводят в среднем в интернете около 2,5-3 часов. [7] На вопрос «Какие социальные сети и мессенджеры ты используешь больше всего?», (69%) опрошенных ответили – Telegram. (53%) опрошенных используют интернет с целью общения, (28%) с целью развлечься, остальные (19%) для поиска информации. На вопрос: «Сталкивался ли ты с негативным или агрессивным поведением в Интернете? (Травля или оскорбления)», (56%) – да, сталкивались. Последним вопросом стал «Сталкивался ли ты с мошенническими действиями в Интернете? Или другими преступными действиями?», (45%) респондентов ответили – да, сталкивался.

Рисунок 1. Количество часов в сутки, которое проводит подросток в интернете

Проведенное нами социологическое исследование позволяет сделать следующие выводы и выделить 3 фактора виктимности несовершеннолетних в киберсреде:

1. Время, проведенное в интернете. (55%) опрошенных несовершеннолетних проводят в сети интернет более 5 часов сутки, это говорит о том, что именно они чаще других могут быть подвержены преступным пося-

гательствам в силу большого влияния на них сети интернет.

2. Использование определенных социальных сетей и мессенджеров. «Telegram стал главной площадкой для фишинговых атак и других способов мошенничества в России» - определило Angara Security (ведущий российский интегратор и провайдер более 80 услуг по информационной безопасности).[8]

Таким образом, мы приходим к выводу, что мессенджер Telegram сам по себе является ключевым фактором виктимности в киберсреде, в которой чаще остальных совершаются преступления.

3. Основное назначение в использовании социальных сетей. (28%) опрошенных используют интернет с целью развлечься. Это прямо резюмирует то, что в силу своих эмоциональных характеристик, подростки будут чаще подвержены преступленному поведению, поскольку их импульсивность, восприимчивость и возбудимость делают их очень уязвимыми к различным видам киберпреступности.

Проанализировав результаты можно сделать вывод о том, что разработанные нами факторы виктимности несовершеннолетних в киберсреде подчеркивают необходимость проведения комплексной профилактики в данной области, а именно разработки таких программ квалифицированной помощи и поддержки педагогами, сотрудниками правоохранительных органов и родителями, которые будут повышать эмоциональную устойчивость и критическое мышление подростков для безопасного использования ими сети интернет.

Заключение

Таким образом, ювенальная кибервиктимология – это новое направление в области кибервиктимологии и ювенальной виктимологии. Несовершеннолетние в силу своих эмоциональных характеристик, таких как доверчивость, уязвимость и наивность, чаще других становятся жертвами преступлений в интернет-среде. Приведенные нами факторы виктимности подростков требуют разработки новой современной модели профилактики и реабилитации именно для несовершеннолетних.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию действующего законодательства, а также в социальной среде: родителями, учителями и педагогами для оценки факторов влияния социальных сетей на несовершеннолетних.

Полученные результаты могут стать основой для проведения дальнейших исследований, связанных с виктимностью несовершеннолетних в киберсреде.

Список литературы:

- [1] Бовть, О. Б. Кибервиктимология: мультидисциплинарность и перспективы развития / О.

Б. Бовть // Грантовая научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность: цели, технологии, результаты: Коллективная монография. В 9-ти томах / Ответственный редактор О.П. Чигишева. Том 4. – Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество», 2017. – С. 5-32.

[2] Галушко Д.М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 11 - 12.

[3] Жмуров Дмитрий Витальевич основы терминологического аппарата кибервиктимологии // Право и управление. 2024. - №4.

[4] Жмуров, Д. В. Кибервиктимология. Методы и метрика / Д. В. Жмуров // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, - № 1.

[5] Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних от имущественной киберпреступности: анализ статистических показателей и перспективы формирования ювенальной кибервиктимологии // Виктимология. 2024. - №3.

[6] Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних в Российской Федерации: состояние, структура, тенденции (результаты статистического наблюдения) // Виктимология. 2023. - №3.

[7] Media consumption 2022. Mediascope = Mediascope. (In Russ.). Available at: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

[8] <https://iz.ru/1644150/mariia-frolova/ukrast-vse-pochemu-telegram-stal-glavnoi-ploshchadkoi-dlia-moshennikov>

Spisok literatury:

[1] Bovt', O. B. Kiberviktimologiya: mul'tidisciplinarnost' i perspektivy razvitiya / O. B. Bovt' // Grantovaya nauchno-issledovatel'skaya i nauchno-obrazovatel'naya deyatel'nost': celi, tekhnologii, rezul'taty: Kollektivnaya monografiya. V 9-ti tomakh / Otvetstvennyj redaktor O.P. Chigisheva. Tom 4. – Rostov-na-Donu : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Mezhdunarodnyj issledovatel'skij centr Nauchnoe sotrudnichestvo, 2017. – S. 5-32.

[2] Galushko D.M. Yuvenal'naya viktimologiya: kriminologicheskie i social'no-psixologicheskie problemy: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2003. – S. 11 - 12.

[3] Zhmurov Dmitriy Vital'evich OSNOVY TERMINOLOGICHESKOGO APPARATA KIBERVIKTIMOLOGII // Pravo i upravlenie. 2024. - №4.

[4] Zhmurov, D. V. Kiberviktimologiya. Metody i metrika / D. V. Zhmurov // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, - № 1.

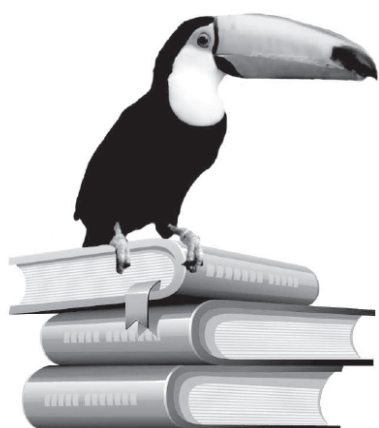
[5] Kabanov P. A. Kriminal'naya viktimnost' nesovershennoletnix ot imushhestvennoj kiberneticheskoy prestupnosti: analiz statisticheskix pokazatelej i perspektivy formirovaniya yuvenal'noj kiberviktimologii // Viktimologiya. 2024. - №3.

[6] Kabanov P. A. Kriminal'naya viktimnost' nesovershennoletnix v Rossijskoj Federacii: sostoy-

anie, struktura, tendencii (rezul'taty statisticheskogo nablyudeniya) // Viktimologiya. 2023. - №3.

[7] Media consumption 2022. Mediaskop = Mediascope. (In Russ.). Available at: https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

[8] <https://iz.ru/1644150/mariia-frolova/ukrast-vse-pochemu-telegram-stal-glavnoi-ploshchadkoi-dlia-moshennikov>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ФИЛАТОВА Надежда Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: filatova_n_u@bk.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ ПУТЕМ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается вопрос об актуальности установления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Отмечается, что объект данного преступления – общественная нравственность является составной частью общественной безопасности и ее охрана в последнее время приобретает особое значение в нашей стране. В статье автор анализирует статистику зарегистрированных преступлений по ст. 245 УК РФ, а также приводит характеристику личности преступника. Лица, совершающие жестокое обращение с животными, могут иметь более высокий риск совершения других насильственных преступлений, а также характеризуются наличием психических заболеваний и психологических отклонений. В статье исследуется дискуссионный вопрос, связанный со снижением возраста привлечения к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. В результате подчеркивается, что механическое снижение возраста уголовной ответственности не сможет способствовать достижению превентивных целей. Автор отмечает важность именно профилактических мер, направленных на формирование нравственных ценностей, в том числе в сфере гуманного обращения с животными.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, общественная безопасность, общественная нравственность, уголовная ответственность.

FILATOVA Nadezhda Yuryevna,
Lecturer at the Department of Criminal Law
of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

ENSURING THE SAFETY OF PUBLIC MORALITY BY ESTABLISHING LIABILITY FOR CRUELTY TO ANIMALS

Annotation. This study examines the relevance of establishing criminal liability for cruelty to animals. It is noted that the object of this crime - public morality is an integral part of public safety and its protection has recently acquired particular importance in our country. In the article, the author analyzes the statistics of registered crimes under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also provides a description of the personality of the offender. Persons who commit cruelty to animals may have a higher risk of committing other violent crimes, and are also characterized by the presence of mental illnesses and psychological deviations. The article examines the controversial issue associated with lowering the age of criminal liability for cruelty to animals. As a result, it is emphasized that a mechanical reduction in the age of criminal liability will not be able to contribute to the achievement of preventive goals. The author notes the importance of preventive measures aimed at forming moral values, including in the field of humane treatment of animals.

Key words: animal cruelty, public safety, public morality, criminal liability.

Ответственность за деяние в виде жестокого обращения с животными закреплена в статье 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ) [6]. Согласно

одной из точек зрения, указанная норма направлена на охрану животных. Стоит, однако, отметить, что она защищает, в первую очередь, общество, поскольку основным объектом является

именно общественная нравственность. Нравственность в данном составе преступления является частью общественной безопасности. В Стратегии национальной безопасности в качестве основы нашего общества, поддерживающей суверенитет, а также позволяющей развиваться обществу и личности, указаны, в том, числе, и нормы нравственности (абз. 90). Высокие нравственные идеалы отнесены к традиционным российским духовно-нравственным ценностям [7]. В Концепции общественной безопасности в качестве одной из задач обеспечения общественной безопасности выделяется превентивная защита материальных и духовных ценностей общества [8].

Тема ответственного обращения с животными в последнее время в нашей стране достаточно актуальна. В 2018 году был принят Федеральный «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], призванный урегулировать отношения, возникающие по поводу взаимодействия человека с животными, а также был внесен ряд изменений в ст. 245 УК РФ. В Государственной Думе РФ на постоянной основе находятся на рассмотрении законопроекты, которые так или иначе затрагивают вопрос взаимодействия человека с животными. Например, относительно недавно в Государственной Думе обсуждался проект законодательной инициативы №8-527 от 16.02.2024 года, подготовленный Законодательным Собранием Санкт-Петербурга. Этим проектом предлагалось ужесточить наказание за жестокое обращение с животными, переведя ч. 1 в категорию средней тяжести, а ч. 2 – в тяжкое. Несмотря на то, что проект был отклонен 22 апреля 2024 года, Комиссия Совета законодателей РФ при ФС РФ по координации законотворческой деятельности и мониторингу законодательства в своем заключении подчеркнула актуальность поднятой темы и важность мер, направленных на укрепление нравственности [10].

Ю.М. Антонян, рассматривая жестокость как отдельное свойство личности, отмечает парадоксальное сочетание распространенности жестокости и ее неодобрение большинством населения: «Мало кто испытывает положительные эмоции по отношению к лицам, чьи профессии и тем более преступные действия персонализируют жестокость» [2, с. 188]. Кроме того, жестокое обращение с животными часто является предвестником более серьезных преступлений, таких как насилие в отношении людей. Исследование, проведенное учеными в Швейцарии, содержит выводы, согласно которым связь между насилием по отношению к людям и животным может быть гораздо более сложной, чем

«просто улица с односторонним движением». В исследовании использовались данные Швейцарского национального опроса о правонарушениях, проведенного в 2006 году (выборка включает более 3600 учащихся 7-х, 8-х и 9-х классов). Распространенность жестокого обращения с животными в течение жизни среди швейцарских подростков составляет 12%. На вопрос о том, что они думают о людях, причиняющих животным боль, 2,4% ответили, что животные этого заслуживают или что это забавно. Жестокое обращение с животными коррелирует с различными формами правонарушений. Молодые люди, которые признаются в жестоким обращении с животными, имеют более высокую вероятность совершения вандализма и серьезных насильственных действий [5].

Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой, лица, жестоко обращающиеся с животными, через привыкание (нейтрализацию) «учатся» проявлять агрессию в отношении людей. Однако, согласно другой теоретической точке зрения, жестокость рассматривается по отношению к животным и людям как две стороны одной медали, а именно, слабого контроля гнева. Причиной жестокого обращения с животными, а также межличностной жестокости является высокий уровень внутриличностной агрессии и слабый контроль гнева. Результаты анализа бытового насилия показывают, что женщина, чей сожитель угрожал или жестоко обращался с животными, в пять раз чаще подвергалась насилию [5].

Проанализировав официальную статистику, можно установить следующую тенденцию: в течение трех лет перед принятием ФЗ «Об ответственном обращении с животными» отмечалось увеличение количества зарегистрированных преступлений. Так, в 2016-2018 годах МВД РФ регистрировало 292, 333 и 494 преступлений соответственно. В первый год действия закона (2019), было зарегистрировано уже 556 преступлений. Рост числа зарегистрированных преступлений сохранялся вплоть до 2023 года (в 2020 – 576, в 2021 – 673, в 2022 – 709) [11]. Последние 2 года отмечается незначительный спад зарегистрированных преступлений (-3,8%), что можно объяснить предпринимаемыми превентивными мерами, в том числе деятельностью общественных организаций по популяризации гуманного обращения с животными. Однако, следует отметить, что некоторые случаи жестокого обращения с животными не попадают в официальную статистику, оставаясь латентными преступлениями, либо не квалифицируются как преступления в силу различных обстоятельств (недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности, невменяемость и т.п.). Особую актуальность

в связи с этим приобретают именно профилактические меры, направленные на недопущение проявления агрессии по отношению к животным.

Для определения профилактических мероприятий важно изучить характеристику личности преступника. Анализ статистики Судебного Департамента при Верховном Суде РФ позволяет прийти к выводу, что в большинстве случаев жестокое обращение с животными совершается лицами мужского пола. Однако, доля осужденных-женщин по данным составам преступления имеет тенденцию к увеличению. Так, в 2022 году всего осуждено 175, из них женщин – 19 (10,86 %), в 2023 году осуждено 158 человек, из которых 25 женщин (15,82 %), а в 2024 году было осуждено 191 лицо, из которых 31 лицо женского пола (16,23%) [12].

В основном, жестокое обращение с животными совершается лицами от 30 до 49 лет (57% - 2022 год, 66% - 2023 год, 63% - 2024 год), криминальную активность проявляют также лица в возрасте от 50 лет и старше. Их доля среди всех осужденных по ст. 245 УК РФ составляла за последние 3 года 24-26 %. Единичные случаи совершения рассматриваемого преступления отмечаются в статистике среди осужденных 16-17 лет [12]. Тем не менее, в настоящее время существует дискуссия о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности по ст. 245 УК РФ. Так, в 2019-2023 годах на рассмотрении в Государственной Думе находился законопроект №750685-7, внесенный Законодательным собранием Санкт-Петербурга. В законопроекте поднимался вопрос об уточнении возраста, с которого наступает уголовная ответственность за жестокое обращение с животными, а именно о снижении его до 14 лет [13]. Законопроект был отклонен 02.03.2023 года с формулировкой, что данное предложение не согласуется с уголовно-правовой политикой Российской Федерации, направленной на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних [13].

Позиция «за» снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление встречается и в научных исследованиях. Например, Р.В. Свиридов в своей диссертации также предлагает привлекать к уголовной ответственности по ст.245 УК РФ с 14 лет. Автор указывает, что его предложение было поддержано 82,16% опрошенными специалистами. Указывается также, что значительное число (25%) преступлений совершается в возрасте до 16 лет [3, с. 138-139]. Похожую статистику приводит А.Ю.Чернигова: «изучение 96 уголовных дел о жестоком обращении с животными позволяет нам сделать вывод о том, что 30% преступлений совершается несовершеннолетними в возрасте

от 14 до 16 лет» [4, с. 68]. Полагаем, что говорить о совершении «преступлений» в виде жестокого обращения с животными подростками в возрасте от 14 до 16 лет вряд ли обосновано. Кроме того, если брать за основу распространенность жестокого обращения с животными среди малолетних лиц, то можно привести примеры таких деяний и лицами еще младшего возраста (6-9 лет). Так, например, в 2019 году 9-летние школьницы на площадке играли котенком вместо мяча, причиняя ему тем самым страдания [14], в 2020 году на видео попал процесс избивание котенка 8-летним мальчиком [15], в 2022 году мальчик 6 лет покрасил живым котенком асфальт, в результате чего животное погибло [16].

Полагаем, во-первых, решение вопроса о понижении возраста уголовной ответственности должно происходить не из-за распространенности того или иного деяния среди подростков, а исходя из признания способности подростка в 14-летнем возрасте осознавать общественную опасность своего деяния, а также понимать смысл уголовной ответственности с учетом эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости. Во-вторых, считаем необходимым учитывать частно-превентивные возможности уголовного наказания в отношении несовершеннолетних. Пока, к сожалению, статистика повторной, в том числе рецидивной, преступности, показывает, что потенциал репрессивных мер весьма слаб.

Безосновательное снижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не может быть признано эффективным средством, позволяющим разрешить проблему преступности в сфере жестокого обращения с животными. Правильным представляется проведение мер профилактического воздействия.

В качестве еще одной особенности личности преступника, совершающего жестокое обращение с животными, в различных исследованиях отмечается наличие психических заболеваний и психологических отклонений, таких как садизм, отсутствие эмпатии и склонность к агрессии. Ю.М. Антонян в монографии «Криминальная патопсихология» раскрывает вопрос: принадлежит ли жестокость к нормальным, то есть неболезненным состояниям психики или является патологией? В большинстве случаев в рамках агрессииологии и вайленсиологии насилие, агрессия и жестокость рассматриваются как синонимы. Подчеркивается, что проявлению жестокости могут способствовать такие факторы:

- эмоциональная или интеллектуальная неспособность к сопереживанию,
- эгоцентризм,
- эмоциональная холодность,
- интеллектуальная тупость и т.д. [2, с. 189].

Согласимся, при этом, что жестокость может быть связана и с законопослушным, и социально санкционированным поведением (например, забой скота).

В настоящее время в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект № 920079-8 «О внесении изменения в статью 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым предлагается закрепить обязательное назначение психиатрической экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 245 УК РФ. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что лица, совершающие жестокое обращение с животными, часто демонстрируют садистские наклонности, что невозможно «исправить» с помощью уголовного наказания и требует дополнительного применения принудительных мер медицинского характера. «Предлагаемая законопроектом мера позволит на ранних этапах выявлять психологические отклонения у подозреваемых в жестокое обращение с животными. Такой комплексный подход будет способствовать снижению уровня рецидивов и обеспечению более эффективной профилактики» [17]. Представляется, в данном законопроекте много неточностей и юридических ошибок, однако исправление осужденного, характеризующегося жестокостью (как личной чертой), невозможно только путем применения мер уголовного наказания, и требует комплексного решения (в том числе, психологической работы, а в некоторых случаях, и принудительных мер медицинского характера).

Анализ более 100 изученных уголовных дел позволяет прийти к выводу, что мотивация к жестокому обращению с животными может быть разной: от желания доминировать и контролировать, держать в страхе других, демонстрируя силу (например, в случае бытового насилия) до получения удовольствия от страдания животных. Нередки случаи совершения этого преступления в состоянии опьянения, чаще всего – алкогольного (около 40-50% преступлений).

Среди социальных факторов, которые могут способствовать формированию личности, склонной к жестокому обращению с животными, следует назвать воспитание в неблагополучной семье или в окружении, где насилие является нормой, а также социальную изоляцию. Ю.М. Антонян связывает возросшую агрессивность и жестокость людей с нарушением эмоциональных коммуникаций в семье: «Семья, включая ребенка в свою эмоциональную структуру, обеспечивает тем самым его первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. «через себя» вводит его в структуру общества» [1, с. 27-28].

На связь между жестокостью по отношению к животным и виктимизацией будущего преступ-

ника указывают и другие исследования. В частности, подростки, признавшиеся в том, что подвергались насилию в течение последних 12 месяцев, впоследствии вдвое более часто жестоко обращались с животными [5].

Таким образом, можно прийти к выводу, что эффективная профилактика жестокого обращения с животными должна включать в себя ранее выявление и коррекцию психологических проблем, поддержку позитивных семейных отношений, популяризацию гуманного отношения к животным. Отметим, что в настоящее время проблема ответственного обращения с животными находится на повестке. Так, в Государственной Думе рассматривается законопроект № 922495-8, предусматривающий возможность использования уже содержащихся в цирках животных до конца их естественной жизни — без замены и пополнения, что, по мнению авторов, позволит России перейти к более этичному обращению с цирковыми животными [18]. Законопроект № 912921-8 от 07.05.2025 содержит предложение о наделении субъектов РФ полномочием по определению предельного количества домашних животных, исходя из возможности владельца обеспечивать животным необходимые условия, то есть рассматривается серьезная проблема, так называемого, «накопительства» животных [19].

Список литературы:

- [1] Антонян Ю.М. Личность преступника. - М.: Юридический центр, 2004. - 212 с.
- [2] Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. - М.: Издательство АСТ, 2024. — 400 с.
- [3] Свиридов Р.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений: Дис. канд. юрид. наук. - М., 2019. - 250 с.
- [4] Чернигова А.Ю. К вопросу о возрасте субъекта жестокого обращения с животными // Научный портал МВД России. - 2020. - №4 (52). - С. 66-70.
- [5] Lucia S., Killias M. Is Animal Cruelty a Marker of Interpersonal Violence and Delinquency? Results of a Swiss National Self-Report Study // Psychology of Violence. - 2011. - Vol. 1. - No. 2. - С. 93-105.
- [6] Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 06 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [7] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
- [8] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ

14.11.2013 N Пр-2685) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154602&dst=1000000001&cacheid=26C79AC01CBD5BE99127965E8613771F&mode=splus&rnd=ahX5w#81ALaqUmhJvQw3b41> (дата обращения: 24.06.2025).

[9] Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53. Ст. 8424.

[10] Проект законодательной инициативы №8-527 от 16.02.2024г. «О внесении изменения в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/8-527> (дата обращения: 24.06.2025).

[11] По данным ГИАЦ МВД РФ

[12] Статистика Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.06.2025).

[13] Проект законодательной инициативы №750685-7 от 10.07.2019г. «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7> (дата обращения: 24.06.2025).

[14] Видео жестокого обращения новгородских школьников с котенком шокировало пользователей сети. URL: <https://novgorod-tv.ru/news/48788-video-zhestokogo-obrashcheniya-novgorodskikh-shkolnits-s-kotenkom-shokirovalo-polzovatelej-seti> (дата обращения: 24.06.2025).

[15] В Ломоносове малолетний живодёр убил котёнка и запустил бутылкой в пенсионера. URL: https://78.ru/news/2020-09-02/v_lomonosove_maloletnij_zhivodr_ubil_kotnka_i_zapustil_butilkoi_v_pensionera_video (дата обращения: 24.06.2025).

[16] В Альметьевске малолетний живодер покрасил котенком асфальт. URL: <https://tatarstan24.tv/news/novosti-tatarstana/v-almetevske-maloletnij-zhivoder-pokrasil-kotenkom-asfalt> (дата обращения: 24.06.2025).

[17] Проект законодательной инициативы №920079-8 «О внесении изменения в статью 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/920079-8> (дата обращения: 24.06.2025).

[18] Проект законодательной инициативы №922495-8 от 21.05.2025г. «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изме-

нений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922495-8> (дата обращения: 24.06.2025).

[19] Проект законодательной инициативы №912921-8 от 07.05.2025 «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/912921-8> (дата обращения: 24.06.2025).

Spisok literatury:

[1] Antonyan Yu.M. Lichnost' prestupnika. - М.: Yuridicheskij centr, 2004. - 212 s.

[2] Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naya patopsixologiya. - М.: Izdatel'stvo AST, 2024. — 400 s.

[3] Sviridov R.V. Zhestokoe obrashhenie s zhivotny'mi: ugovolno-pravovaya kvalifikaciya i otgraniichenie ot iny'x pravonarushenij: Dis. kand. yurid. nauk. - М., 2019. - 250 s.

[4] Chernigova A.Yu. K voprosu o vozraste sub`ekta zhestokogo obrashheniya s zhivotny'mi // Nauchny'j portal MVD Rossii. - 2020. - №4 (52). - S. 66-70.

[5] Lucia S., Killias M. Is Animal Cruelty a Marker of Interpersonal Violence and Delinquency? Results of a Swiss National Self-Report Study // Psychology of Violence. - 2011. - Vol. 1. - No. 2. - C. 93-105.

[6] Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii. Federal'ny'j zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 06 aprelya 2024 g.) // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.

[7] Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // SZ RF. 2021. № 27 (chast' II). St. 5351.

[8] Konceptiya obshhestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 N Пр-2685) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154602&dst=1000000001&cacheid=26C79AC01CBD5BE99127965E8613771F&mode=splus&rnd=ahX5w#81ALaqUmhJvQw3b41> (дата обращения: 24.06.2025).

[9] Federal'ny'j zakon ot 27.12.2018 N 498-FZ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // SZ RF. 2018. № 53. Ст. 8424.

[10] Proekt zakonodatel'noj iniciativy` №8-527 от 16.02.2024г. «О внесении изменения в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/8-527> (дата обращения: 24.06.2025).

[11] Po danny`m GIACz MVD RF

[12] Statistika Sudebnogo Departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj sajт Sudebnogo Departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (data obrashheniya: 15.06.2025).

[13] Proekt zakonodatel'noj iniciativy` №750685-7 ot 10.07.2019g. «O vnesenii izmeneniya v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj sajт Gosudarstvennoj Dumy` RF. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7> (data obrashheniya: 24.06.2025).

[14] Video zhestokogo obrashheniya novgorodskix shkol'nicz s kotenkom shokirovalo pol'zovatelej seti. URL: <https://novgorod-tv.ru/news/48788-video-zhestokogo-obrashcheniya-novgorodskikh-shkolnits-s-kotenkom-shokirovalo-polzovatelej-seti> (data obrashheniya: 24.06.2025).

[15] V Lomonosove maloletnij zhivodyor ubil kotyonka i zapustil buty'lkoj v pensionera. URL: https://78.ru/news/2020-09-02/v_lomonosove_maloletnij_zhivodr_ubil_kotnka_i_zapustil_butilkoi_v_pensionera_video (data obrashheniya: 24.06.2025).

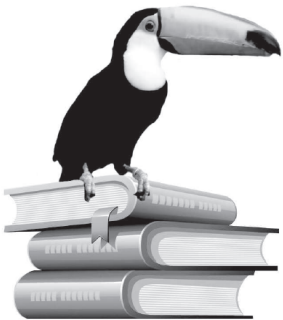
[16] V Al'met'evske maloletnij zhivoder pokrasil kotenkom asfal't. URL: <https://tatarstan24.tv/news/>

novosti-tatarstana/v-almetevske-maloletnij-zhivoder-pokrasil-kotenkom-asfalt (data obrashheniya: 24.06.2025).

[17] Proekt zakonodatel'noj iniciativy` № 920079-8 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 196 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj sajт Gosudarstvennoj Dumy` RF. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/920079-8> (data obrashheniya: 24.06.2025).

[18] Proekt zakonodatel'noj iniciativy` № 922495-8 ot 21.05.2025g. «O vnesenii izmenenij v stat'yu 15 Federal'nogo zakona «Ob otvetstvennom obrashhenii s zhivotny`mi i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj sajт Gosudarstvennoj Dumy` RF. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922495-8> (data obrashheniya: 24.06.2025).

[19] Proekt zakonodatel'noj iniciativy` № 912921-8 ot 07.05.2025 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 13 Federal'nogo zakona «Ob otvetstvennom obrashhenii s zhivotny`mi i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj sajт Gosudarstvennoj Dumy` RF. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/912921-8> (data obrashheniya: 24.06.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ
НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ: СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация. Современные стратегии стимулирования в пенитенциарной системе балансируют между коррекцией и развитием, требуя этической мотивационно обоснованной реализации. Стимулирование позитивного поведения несовершеннолетних осужденных — ключевой элемент их ресоциализации. В статье анализируются методы, направленные на формирование правопослушного поведения, мотивации к саморазвитию и снижение рецидивов. Рассмотрены основные подходы к стимулированию несовершеннолетних осужденных. Рассматриваются системы поощрений, образовательные программы, психолого-педагогические технологии и альтернативные меры воздействия. Данная система методов стимулирования поведения, направленна на коррекцию девиаций, формирование социально одобряемых моделей поведения и социализацию. На основе данных исследований доказывается, что сочетание позитивного подкрепления и гуманистического подхода повышает эффективность коррекции поведения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, воспитательная колония, несовершеннолетний осужденный, ФСИН России, ресоциализация.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

METHODS OF STIMULATING THE BEHAVIOR OF JUVENILE CONVICTS: MODERN STRATEGIES AND EFFECTIVENESS

Annotation. Modern incentive strategies in the penitentiary system balance between correction and development, requiring ethical, motivationally based implementation. Encouraging the positive behavior of juvenile convicts is a key element of their socialization. The article analyzes methods aimed at the formation of law-abiding behavior, motivation for self-development and reduction of relapses. The main approaches to stimulating juvenile convicts are considered. Incentive systems, educational programs, psychological and pedagogical technologies and alternative measures of influence are considered. This system of methods of stimulating behavior is aimed at correcting deviations, forming socially acceptable behaviors and socialization. Based on these studies, it is proved that the combination of positive reinforcement and a humanistic approach increases the effectiveness of behavior correction.

Key words: penal enforcement system, educational colony, juvenile convict, Federal Penitentiary Service of Russia, re-socialization.

Несовершеннолетние осужденные — особая категория, чье поведение обусловлено возрастными, социальными и психологическими факторами. Традиционные карательные меры часто усугубляют девиации, тогда как стимулирование через позитивное подкрепление способствует формированию просоциальных установок. Проблема реабилитации несовершен-

нолетних осужденных является одной из наиболее острых и сложных в современной криминологии и уголовно-исполнительной системе. Несовершеннолетние осужденные представляют собой особую категорию лиц, нуждающихся в специальных мерах воздействия, направленных на коррекцию поведения и предупреждение повторных правонарушений. Стимулирование

является одним из ключевых инструментов, используемых в процессе перевоспитания подростков, совершивших преступления.

Основные подходы к стимулированию несовершеннолетних осужденных являются:

- психолого-педагогические методы, которые включает использование различных форм индивидуальной и групповой психотерапии, тренингов, образовательных программ. Эти методы направлены на развитие эмоциональной устойчивости, повышение самооценки, формирование навыков конструктивного общения и разрешения конфликтов. Примером успешного применения психологического подхода являются программы арт-терапии, позволяющие подросткам выразить свои чувства и переживания через творчество.
- Социально-экономические меры осуществляются путем предоставления социальных услуг, материальной помощи, трудоустройства после освобождения. Это способствует интеграции молодых людей в общество, снижению уровня социальной изоляции и формированию позитивных жизненных перспектив. Особое внимание уделяется работе с семьями осужденных, поскольку семейные отношения играют важную роль в профилактике рецидивов.
- Правовые стимулы стимулирует поведение несовершеннолетних осужденных посредством системы поощрений и взысканий. Положительные изменения в поведении могут привести к смягчению условий содер-

жания, досрочному освобождению или предоставлению права на условно-досрочное освобождение. Важно отметить, что применение правовых мер должно осуществляться строго в рамках закона и учитывать индивидуальные особенности каждого подростка.

Под методами исправления необходимо понимать способы воздействия воспитателей на сознание, чувства и волю несовершеннолетних осужденных с целью преодоления у них отрицательных и формирования положительных взглядов, убеждений, навыков и привычек поведения. В сущности, методы исправления – это методы воспитания, применяемые в специальных условиях деятельности ВК с учетом особенностей личности несовершеннолетних осужденных [1].

Прежде всего стоит сказать, что концепция стимулирования базируется на теориях позитивного подкрепления (Б.Ф. Скиннер) и социального научения (А. Бандура). Эти теории утверждают, что поведение формируется через:

1. Вознаграждение желательных действий (материальное, статусное, эмоциональное).
2. Моделирование просоциальных паттернов через взаимодействие с педагогами, психологами и позитивно настроенными сверстниками.

Для несовершеннолетних осужденных критически важно сочетание внешних стимулов (привилегии) и внутренней мотивации (осознание ценности законопослушания). В таблице представлены методы стимулирования с несовершеннолетними осужденными.

Метод	Описание	Цели	Необходимые материалы	Примечания
Балльно-рейтинговая система	Начисление баллов за соблюдение правил, учебу, труд Баллы обмениваются на привилегии.	Мотивация к право- послушному поведению.	Программное обеспечение для учета баллов. Таблицы критериев оценки.	Важна прозрачность системы, чтобы избежать манипуляций.
Этапное содержание	Постепенное смягчение режима (строгий → облегченный → полуоткрытый).	Снижение стигматизации. Постепенная адаптация к жизни на свободе.	Четкие критерии перехода между режимами. Психологические тесты для оценки готовности.	Требуется индивидуальный подход к оценке поведения.
Профессиональное обучение	Курсы по IT, столлярному делу, кулинарии и другим востребованным специальностям.	Трудоустройство после освобождения. Формирование ответственности.	Оборудованные мастерские Учебные материалы и сертифицированные преподаватели.	Эффективно при сотрудничестве с бизнесом (квоты для выпускников).

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ)	Тренинги для коррекции деструктивных установок, управления гневом.	Снижение агрессии. Формирование навыков решения конфликтов.	Методические пособия по КПТ. Пространство для групповых занятий	Требует регулярности (не менее 12 сессий).
Спортивные программы	Организация турниров, секций (футбол, бокс, йога).	Физическое развитие. Формирование командного духа и дисциплины.	Спортивный инвентарь. Тренеры с педагогическим образованием.	Спорт помогает перенаправить агрессию в конструктивное русло.
Арт-терапия	Занятия творчеством (театр, живопись, музыка) для эмоциональной разрядки.	Снижение тревожности. Развитие эмпатии и самовыражения	Художественные материалы (краски, музыкальные инструменты). Педагоги-арт-терапевты.	Особенно эффективна для подростков с подавленной агрессией.

В условиях ВК в соответствии со ст. 113, 134 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации применяются разнообразные виды стимулирования: благодарность; награждение подарком; денежная премия; предоставление права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами ВК в сопровождении сотрудника; предоставление права выхода за пределы ВК в сопровождении родителей или других близких родственников; досрочный перевод из строгих условий отбывания наказания; перевод в льготные условия отбывания наказания [1].

Особое место в самовоспитании занимает прием самоанализа. Несовершеннолетних осужденных необходимо приучить к самоанализу, самооценке своих действий и поступков. Самооценка деятельности побуждает их к ее совершенствованию. Осужденным рекомендуют вести учет своей деятельности и ежедневно оценивать ее результаты, выставляя соответствующие оценки. Для такого учета можно использовать специальный табель, где выставляются оценки по видам деятельности, которые осужденный ставит под контроль. По данному табелю видно, какие черты личности стабилизировались, над какими еще необходимо поработать [2].

Для повышения эффективности работы с несовершеннолетними осужденными предлагается внедрение комплексных программ, включающих элементы всех трех направлений — психологического — педагогического, социально-экономического и правового. Необходимо создание специализированных центров, где будут сосредоточены ресурсы для реализации реабилитационных

мероприятий. Важным аспектом является подготовка квалифицированных кадров, обладающих знаниями и опытом работы с данной категорией лиц.

Таким образом необходимо внедрение индивидуальных программ реабилитации с участием психологов, педагогов и соцработников. К тому же необходимо расширение альтернативных мер наказания: пробация, общественные работы. Процесс перевоспитания несовершеннолетних осужденных — дело большого количества людей, которые в совместной работе корректируют поведение детей и в результате возвращают в социум полноправных и не маргинальных членов общества. Эффективность работы персонала воспитательной колонии зависит от профессионализма её сотрудников, её материального обеспечения. Работа воспитателя основывается на множестве принципов и методов, которые формулировались специалистами в сфере педагогики в течении многих лет. Нынешняя задача воспитателей — разрабатывать новые методики педагогического воздействия на несовершеннолетних, которые учитывают индивидуальные особенности последних и позволяют осуществлять постоянный мониторинг педагогической активности и прогресса [3].

Список литературы:

[1] Тищенко Ю. Ю. К вопросу о методах стимулирования поведения несовершеннолетних осужденных / Ю. Ю. Тищенко, Р. И. Захряпин // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 5(221). — С. 152-154.

[2] Лесников, Г. Ю. К вопросу о приемах самовоспитания несовершеннолетних осужденных / Г. Ю. Лесников // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 262-264.

[3] Царькова, Е. Г. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных / Е. Г. Царькова, Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 449-450.

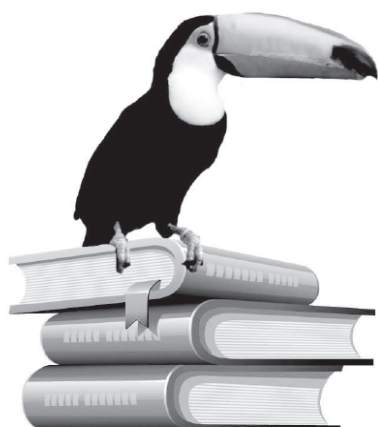
Spisok literatury:

[1] Tishhenko Yu. Yu. K voprosu o metodax stimulirovaniya povedeniya nesovershennoletnix

osuzhdenny`x / Yu. Yu. Tishhenko, R. I. Zaxryapin // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 5(221). – С. 152-154.

[2] Lesnikov, G. Yu. K voprosu o priemax samovospitaniya nesovershennoletnix osuzhdenny`x / G. Yu. Lesnikov // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2024. – № 5(233). – С. 262-264.

[3] Czar`kova, E. G. Principy` i metody` pedagogicheskogo vozdejstviya na nesovershennoletnix osuzhdenny`x / E. G. Czar`kova, N. S. Zorina // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2024. – № 2(189). – С. 449-450.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ТААШЕВ Д.Б.,
капитан полиции, преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ И ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы внедрения нейросетевых и цифровых технологий в деятельность органов внутренних дел. Подчёркивается значимость цифровизации и использования искусственного интеллекта (ИИ) для повышения эффективности правоохранительной деятельности, включая раскрытие преступлений, криминалистическую экспертизу и прогнозирование преступной активности. Приводятся примеры успешного применения систем видеонаблюдения с ИИ, предиктивной аналитики и автоматизации экспертиз. Анализируются основные проблемы внедрения ИИ: качество исходных данных, недостаток квалифицированных специалистов, необходимость нормативно-правового регулирования и обеспечение информационной безопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, цифровизация, правоохранительные органы, предиктивная аналитика.

TAASHEV D.B.,
police captain, teacher of the department
of organization of law enforcement

PERSPECTIVES ON THE IMPLEMENTATION OF NEURAL NETWORKS AND DIGITAL SOLUTIONS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Annotation. The article examines the prospects of implementing neural network and digital technologies in the activities of law enforcement agencies. It emphasizes the importance of digitalization and the use of artificial intelligence (AI) to enhance the efficiency of law enforcement activities, including crime detection, forensic examination, and crime prediction. Examples of successful applications of AI-powered video surveillance systems, predictive analytics, and automation of forensic examinations are provided. The main challenges of AI implementation are analyzed: the quality of source data, the shortage of qualified specialists, the need for regulatory framework, and information security assurance.

Key words: artificial intelligence, neural networks, digitalization, law enforcement agencies, predictive analytics.

Современные реалии требуют от правоохранительных органов использования передовых технологий, чтобы эффективно справляться с возрастающими объёмами информации и усложняющимися схемами преступной деятельности. Искусственный интеллект (ИИ) уже сейчас активно используется в работе полиции, Следственного комитета, ФСБ и других служб, позволяя не только повышать раскрываемость преступлений, но и прогнозировать потенциальные угрозы.

Одним из наиболее ярких примеров является внедрение системы «Безопасный город», которая работает в 74 субъектах Российской Федерации. Эта система интегрирует десятки

тысяч камер видеонаблюдения с модулями искусственного интеллекта, которые в режиме реального времени анализируют видеопоток, распознают лица и фиксируют подозрительную активность.

ИИ широко используется в аналитических центрах МВД и Следственного комитета для обработки больших массивов информации: телефонных биллингов, банковских транзакций, данных социальных сетей, электронной переписки подозреваемых.

Нейросети нового поколения (например, трансформерные архитектуры типа GPT и аналогичные отечественные разработки) способны анализировать сотни гигабайт текстовой инфор-

мации в течение нескольких минут. Это позволяет выявлять связи между участниками преступных групп, прогнозировать маршруты перемещений, а также строить вероятностные модели последующих действий подозреваемых.

Как отмечает доктор юридических наук А.И. Бояринцев, исследователь в области цифровизации права: «Искусственный интеллект перестаёт быть просто вспомогательным инструментом - он становится аналитическим ядром расследования» [2].

В крупных мегаполисах России тестируются системы предиктивного анализа преступности. Эти решения позволяют, на основе исторических данных, прогнозировать вероятность совершения преступления в определённых районах города, а также выявлять потенциальные «горячие точки» для усиления патрулирования.

Например, по данным ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, использование предиктивной аналитики позволило снизить число уличных краж в 2024 году на 11% за счёт своевременного перераспределения нарядов полиции.

Искусственный интеллект активно используется экспертно-криминалистическими центрами для автоматической идентификации отпечатков пальцев и следов обуви, анализа ДНК-профилей, расшифровки плохо различимых аудио- и видеозаписей, сравнительного анализа документов.

В 2024 году Центр криминалистики Следственного комитета РФ зарегистрировал сокращение времени проведения экспертиз в среднем на 27% благодаря применению ИИ-решений.

Несмотря на все преимущества, искусственный интеллект пока не может полностью заменить квалифицированного сотрудника. Главные ограничения связаны с необходимостью проверки исходных данных и интерпретации результатов анализа. ИИ выдаёт вероятностные гипотезы, но окончательное решение принимает следователь или эксперт.

Как подчёркивает кандидат юридических наук Ю.М. Кузнецова: «Ошибки в исходных данных - главный риск при автоматизированном анализе. Ответственность за конечное заключение всегда остаётся за человеком» [5].

Несмотря на активно проводимую цифровизацию правоохранительных органов, процесс внедрения искусственного интеллекта сталкивается с рядом серьёзных сложностей. Во многом это связано с особенностями самой правоприменительной практики, где ошибки в анализе данных могут привести к существенным последствиям, вплоть до судебных ошибок и нарушений прав граждан.

Одной из ключевых проблем является качество исходной информации, поступающей в обработку нейросетям. Данные, собранные на месте происшествия, нередко содержат неточности, пропуски либо оказываются устаревшими. Даже самые совершенные программные комплексы не смогут выдать точного прогноза, если исходный материал недостаточно достоверен. На практике бывают случаи, когда видеозаписи низкого качества дают искажения изображения, вследствие чего программные алгоритмы неверно идентифицируют лицо или событие. Всё это требует обязательной проверки результатов со стороны квалифицированных сотрудников. Искусственный интеллект в его нынешнем состоянии не обладает способностью оценивать контекст происходящего на уровне человеческой логики, что и создаёт основное ограничение в его практическом применении.

Существенной проблемой также остаётся нехватка специалистов, способных грамотно использовать возможности нейросетей в оперативно-розыскной и экспертно-криминалистической деятельности. Для эффективной работы требуется сочетание юридических знаний и понимания принципов работы алгоритмов машинного обучения. На данный момент, по официальным данным МВД, лишь около 35% сотрудников, задействованных в экспертных подразделениях, прошли обучение работе с элементами искусственного интеллекта. Причём эти курсы зачастую носят общий ознакомительный характер и не всегда позволяют выработать навыки работы с конкретными аналитическими инструментами.

Кроме того, несмотря на развитие технологий защиты информации, опасность утечек и внешних кибератак по-прежнему остаётся актуальной. Программы, даже сертифицированные, могут содержать уязвимости, которые становятся мишенью для злоумышленников. Поэтому требуется постоянное сопровождение внедряемых решений профильными ИТ-специалистами. Для примера, в одном из докладов Института проблем правоприменения при Европейском университете отмечалось, что более половины утечек персональных данных в России в 2023 году происходило именно из-за человеческого фактора, а не программных ошибок.

Ещё одним вызовом становится необходимость доработки нормативной базы. На сегодняшний день отсутствуют чёткие регламенты взаимодействия между следователем, экспертом-криминалистом и автоматизированными системами на стадии подготовки доказательной базы. Формально результаты полученные с использованием искусственного интеллекта, признаются вспомогательными материалами, но не

всегда принимаются судами как полноценные доказательства. Это связано с тем, что на законодательном уровне не урегулирован вопрос о юридическом статусе выводов, полученных с помощью нейросетей.

Необходимо учитывать и психологический фактор. Многие сотрудники правоохранительных органов с настороженностью относятся к новым технологиям, опасаясь, что их внедрение может привести к сокращению рабочих мест или нивелированию личного профессионального опыта. Хотя на самом деле искусственный интеллект не предназначен для замены людей, а должен работать как вспомогательный инструмент, повышая эффективность и точность расследований.

Все эти трудности требуют комплексного подхода. Нужно сочетать техническое развитие с юридическим и образовательным обеспечением процесса внедрения новых решений. Только при условии синхронизации всех этих направлений можно рассчитывать на то, что цифровизация и внедрение ИИ действительно станут эффективным инструментом повышения качества работы правоохранительных органов.

Перспективы использования искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов выглядят достаточно многообещающе, но требуют планомерной и продуманной реализации. Уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что развитие нейросетей и автоматизированных аналитических систем способно в ближайшие годы изменить подходы к раскрытию преступлений, экспертизе доказательств и прогнозированию преступной активности.

Одним из ключевых направлений в этом процессе становится развитие систем прогнозной аналитики, которые позволяют выявлять возможные очаги преступности ещё до совершения правонарушений. Такие технологии получили распространение в ряде зарубежных стран. Например, в США и Великобритании системы предиктивного анализа позволили за несколько лет добиться уменьшения некоторых видов уличной преступности на 12-15 процентов. Российские правоохранительные органы тоже активно работают над адаптацией подобных решений. Уже сейчас в крупных городах ведутся пилотные проекты по внедрению аналитических комплексов, которые на основе анализа предыдущих преступлений могут строить прогнозы, где и когда вероятно совершение новых преступлений определённого вида.

Однако для полноценной реализации такого подхода необходимо накопление качественной статистической базы. Именно от объёма и достоверности исходных данных зависит точность прогнозов. Если база неполная или устаревшая, алгоритмы будут строить ложные модели. В этом

направлении потребуется скоординированное взаимодействие между органами внутренних дел, прокуратурой, судами и другими структурами, чтобы создавать единую, актуализируемую систему хранения данных о преступлениях.

Отдельного внимания заслуживает направление автоматизации криминалистических экспертиз. Уже сейчас нейросети активно помогают экспертам при идентификации следов, обработке видеоматериалов, сравнительном анализе различных объектов. В ближайшие годы можно ожидать появления полностью автоматизированных лабораторий, где роль эксперта сведётся к контролю за работой системы и проверке её выводов. Это существенно снизит время проведения экспертиз, особенно по массовым делам, связанным с большим количеством улик.

Ещё одно перспективное направление связано с разработкой интеллектуальных систем помощи следователям. Речь идёт о программных комплексах, которые смогут структурировать материалы уголовных дел, выделять ключевые моменты, формировать логические связи между фигурантами, автоматически находить противоречия в показаниях. Такие инструменты могут значительно сократить время на подготовку обвинительных заключений и повысить их качество. Для следователей это станет серьёзной поддержкой в условиях постоянно возрастающей нагрузки.

Не менее важным остаётся и формирование доверия общества к таким технологиям. Любая цифровая система должна работать прозрачно и быть подконтрольной человеку. Только при соблюдении всех этих условий внедрение искусственного интеллекта действительно сможет стать фактором укрепления законности и правопорядка.

Список литературы:

- [1] Баринов А.В. Искусственный интеллект и прогнозирование преступности. // Российская юстиция. - 2024. - № 2. - С. 41–49.
- [2] Бояринцев А.И. Право и цифровизация правоохранительной деятельности. - М.: Юрлитинформ, 2023. - 256 с.
- [3] ГОСТ Р 34.12-2015. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Национальный стандарт Российской Федерации. - М.: Стандартинформ, 2015. - 25 с.
- [4] Доклад о состоянии и перспективах развития информационных технологий в правоохранительных органах Российской Федерации. - М.: Министерство внутренних дел РФ, 2024. - 78 с.
- [5] Кузнецова Ю.М. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования. // Российский криминологический взгляд. - 2023. - № 4. - С. 75–83.

[6] МВД России. Программа подготовки специалистов по работе с цифровыми технологиями. - URL: <https://mvd.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2025).

[7] Ordokov M.Kh., Shafieva E.T. The main trends in the fight against cyber fraud // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. -2021.- Т. 14. -№ 4. - С. 108.

Spisok literaturey:

[1] Barinov A.V. Iskusstvennyj intellekt i prognozirovaniye prestupnosti. // Rossiyskaya yusticiya. - 2024. - № 2. - С. 41–49.

[2] Boyarincev A.I. Pravo i cifrovizatsiya pravooxranitel'noj deyatel'nosti. - М.: Yurlitinform, 2023. - 256 s.

[3] GOST R 34.12-2015. Informacionnaya texnologiya. Kriptograficheskaya zashhita informacii.

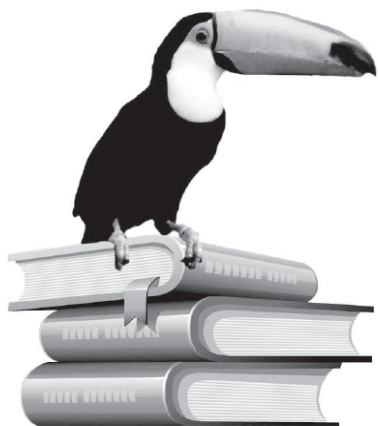
Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. - М.: Standartinform, 2015. - 25 s.

[4] Doklad o sostoyanii i perspektivax razvitiya informacionnyx texnologij v pravooxranitel'nyx organax Rossijskoj Federacii. - М.: Ministerstvo vnutrennix del RF, 2024. - 78 s.

[5] Kuzneczova Yu.M. Iskusstvennyj intellekt v sudebnoj e'kspertize: problemy pravovogo regulirovaniya. // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. - 2023. - № 4. - С. 75–83.

[6] MVD Rossii. Programma podgotovki specialistov po rabote s cifrovymi texnologiyami. - URL: <https://mvd.gov.ru> (data obrashheniya: 18.06.2025).

[7] Ordokov M.Kh., Shafieva E.T. The main trends in the fight against cyber fraud // Biznes v zakone. E'konomiko-yuridicheskij zhurnal. -2021.- Т. 14. -№ 4. - С. 108.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-132-135

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

АРДАВОВ Михаил Мухамединович,
доцент кафедры права, процесса и криминалистики
Института права, экономики и финансов
КБГУ имени Х.М. Бербекова,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемных аспектов применения информационных технологий в расследовании преступлений в цифровом пространстве. Предложены пути решения, включая совершенствование законодательства, модернизацию технической базы, оптимизацию взаимодействия подразделений и повышение квалификации кадров. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода для адаптации системы расследования к реалиям цифровой эпохи. Применение информационных технологий в расследовании преступлений открывает новые возможности для правоохранительных органов: автоматизация процессов, анализ больших данных, использование искусственного интеллекта. Однако этот процесс сопряжен с рядом проблемных аспектов - правовых, технических, организационных и этических. Настоящая статья посвящена анализу этих проблем, основанному на актуальной статистике и практике применения информационных технологий в России, с целью выработки рекомендаций по их преодолению.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные технологии, расследование преступлений, цифровая криминалистика, искусственный интеллект.

ARDAVOV Mikhail Mukhamedinovich,
Associate Professor, Department of Law,
Process and Criminalistics,
Institute of Law, Economics and Finance,
KBSU named after H.M. Berbekova,
Candidate of Law

ON THE PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIME INVESTIGATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of problematic aspects of the use of information technologies in the investigation of crimes in the digital space. Solutions are proposed, including improving legislation, modernizing the technical base, optimizing the interaction of departments and improving the qualifications of personnel. The article emphasizes the need for an integrated approach to adapt the investigation system to the realities of the digital age. The use of information technology in the investigation of crimes opens up new opportunities for law enforcement agencies: automation of processes, analysis of big data, the use of artificial intelligence. However, this process involves a number of problematic aspects - legal, technical, organizational and ethical. This article is devoted to the analysis of these problems, based on current statistics and the practice of using information technologies in Russia, in order to develop recommendations for overcoming them.

Key words: cybercrime, information technology, crime investigation, digital forensics, artificial intelligence.

Для понимания проблем применения информационных технологий в расследовании необходимо рассмотреть масштаб и динамику киберпреступности. По данным МВД России, в январе-феврале 2024 года число преступлений с использованием информационных технологий выросло на 23,5% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. В 2023 году доля киберпреступлений составила 33% от общего числа зарегистрированных уголовных дел, а раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений этой категории достигла 42,3% [1].

Современные информационные технологии радикально изменили подходы к расследованию преступлений, особенно в условиях роста киберпреступности. Их внедрение в правоохранительную практику позволяет не только ускорить процесс раскрытия дел, но и повысить точность анализа доказательств, а также адаптироваться к новым вызовам цифровой эпохи.

Искусственный интеллект играет все более заметную роль в расследовании преступлений. В России технологии искусственный интеллект применяются для распознавания лиц, анализа текстов и прогнозирования криминальных событий.

Кроме того, искусственного интеллекта используется для анализа текстов в переписках, социальных сетях и даркнете. Тем не менее, точность ИИ зависит от качества обучающих данных, а ошибки алгоритмов могут привести к ложным обвинениям, что поднимает этические вопросы [2].

Цифровая криминалистика включает восстановление удаленных данных, анализ логов, трассировку сетевых взаимодействий и экспертизу устройств. В 2023 году в России было проведено более 45 тысяч экспертиз цифровых носителей, что на 20% больше, чем в 2022 году. Например, восстановление удаленных сообщений из мессенджеров, таких как WhatsApp или Telegram, часто становится ключевым доказательством в делах о мошенничестве или экстремизме.

Таким образом, информационные технологии значительно расширяют возможности расследования, но их эффективность зависит от уровня технической оснащенности, квалификации сотрудников и правовой базы.

Одной из ключевых проблем является недостаточная адаптация уголовно-процессуального законодательства (УПК РФ) к реалиям цифрового пространства. Хотя ст. 278.1 УПК РФ предусматривает использование видеоконференцсвязи в

судебных процессах, ее применение на стадии предварительного расследования не регламентировано. Это приводит к тому, что современные информационные технологии, такие как системы удаленного допроса или анализа цифровых следов, используются ограниченно [4].

Смирнов выделяет несколько типов киберпреступников в зависимости от их роли в реализации атаки:

- «Исследователи» – специалисты, занимающиеся поиском уязвимостей в IoT-устройствах и разработкой методов их эксплуатации. Часто они не участвуют непосредственно в атаках, а продают найденные уязвимости на специализированных форумах.
- «Операторы» – технические специалисты, осуществляющие непосредственную компрометацию устройств и внедрение вредоносного кода. Они обладают навыками в области сетевой безопасности, реверс-инжиниринга и программирования.
- «Сборщики» – лица, ответственные за сбор и первичную обработку скомпрометированных данных. Их задача – отфильтровать некачественные или недействительные данные карт и подготовить информацию для дальнейшего использования.
- «Монетизаторы» – преступники, занимающиеся непосредственным извлечением финансовой выгоды из украденных данных. Они могут использовать данные для онлайн-покупок, изготовления физических копий карт или продажи информации другим злоумышленникам [4, с. 119-120].

Кроме того, в УПК РФ отсутствует четкое определение статуса цифровых доказательств. Компьютерная информация, полученная в ходе расследования, может быть признана доказательством только при соблюдении строгих процессуальных норм, однако практика показывает, что суды нередко отклоняют такие материалы из-за недостаточной формализации их сбора для финансовых организаций особенно важно внедрение специализированных мер защиты, учитывающих специфику обработки платежной информации. К таким мерам относятся: шифрование данных на всех этапах обработки; использование технологий обнаружения вторжений, адаптированных для IoT-устройств; внедрение механизмов мониторинга целостности программного обеспечения; и создание изолированных сред для обработки платежной информации [4, с. 2958-2959].

Проведенное исследование показало, что незаконное клонирование платежных карт с

использованием IoT-устройств представляет собой сложную криминологическую и криминалистическую проблему, требующую комплексного подхода к противодействию.

Особенности данного вида преступлений включают высокую латентность, технологическую сложность выявления и расследования, а также трансграничный характер.

Криминологический портрет современного киберпреступника в данной сфере характеризуется высоким уровнем технической подготовки и осведомленностью о методах обхода традиционных систем защиты. Формирование организованных преступных групп с четкой специализацией участников позволяет проводить сложные многоэтапные атаки, включающие компрометацию IoT-устройств, сбор платежных данных и их последующую монетизацию.

Для эффективного противодействия цифровым преступлениям необходим комплексный подход, включающий как технологические, так и социально-психологические меры, направленные как на потенциальных жертв, так и на общество в целом.

Н.А. Петрова предлагает развернутую модель «цифровой гигиены», включающую образовательные программы по безопасному поведению в сети, управлению цифровой идентичностью и защите личных данных [5, с. 146]. Исследователь подчеркивает необходимость внедрения подобных программ в систему образования начиная со школьного возраста, когда формируются базовые паттерны онлайн-поведения. Превентивное образование должно включать не только технические аспекты безопасности, но и этические вопросы цифровых взаимоотношений, понимание концепции согласия и уважения к приватности других людей.

Особое внимание должно уделяться повышению осведомленности о рисках передачи личной информации и интимных материалов третьим лицам. Петрова предлагает концепцию «осознанной приватности», которая предполагает формирование навыков критической оценки цифровых рисков и принятия обоснованных решений относительно того, какой информацией и с кем делиться в цифровой среде. «Важно понимать, что в условиях цифрового мира даже самые доверительные отношения могут завершиться, поэтому любая передача чувствительных данных должна рассматриваться с точки зрения потенциальных долгосрочных рисков», – подчеркивает исследователь [5, с. 149].

Особенно важно отметить, что значительная часть подобных деяний остается вне официальной статистики из-за нежелания жертв обра-

щаться в правоохранительные органы. Причины такого нежелания разнообразны: страх дальнейшей эскалации конфликта, опасения относительно огласки деликатных деталей личной жизни, недоверие к способности правоохранительных органов эффективно решить проблему, а также психологическая травма, препятствующая активным действиям по защите своих прав. По оценкам специалистов, реальный масштаб проблемы может превышать официальные показатели в 3-5 раз, что делает цифровые преступления одной из наиболее скрытых категорий правонарушений современности.

Международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью также осложнено правовыми барьерами [5]. Россия занимает первое место в мире по количеству слитых в даркнет баз данных, что требует взаимодействия с иностранными юрисдикциями. Однако различия в законодательстве и отсутствие унифицированных норм затрудняют экстрадицию подозреваемых и обмен информацией [6].

Применение информационных технологий в расследовании преступлений в цифровом пространстве – это одновременно вызов и возможность для правоохранительной системы России. Несмотря на значительный прогресс в использовании ИТ, проблемы правового регулирования, технического оснащения, организации работы и этических дилемм остаются острыми. Актуальная статистика подчеркивает рост киберпреступности и необходимость адаптации методов расследования к новым реалиям.

Список литературы:

- [1] Ковалев А.П. Современные методы защиты платежных систем // Банковские технологии. 2023. №5. С. 76-84.
- [2] Петров В.В. Уязвимости IoT-устройств в финансовой инфраструктуре // Вопросы кибербезопасности. 2022. №2. С. 150-159.
- [3] Романовский Г.Б. Правовые аспекты противодействия киберпреступности в финансовой сфере // Журнал российского права. 2021. №8. С. 198-206.
- [4] Смирнов Д.Н. Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий // Вестник криминологии. 2022. №1. С. 112-121.
- [5] Машекуашева М.Х. Некоторые аспекты использования в преступных целях искусственного интеллекта. Право и управление. 2024. № 8. С. 376-378.
- [6] Машекуашева М.Х. Масштабах информационных угроз в современных условиях. Право и управление. 2023. № 11. С. 17-19.

Spisok literatury:

[1] Kovalev A.P. Sovremennyye metody zashhity platezhnykh sistem // Bankovskie tekhnologii. 2023. №5. S. 76-84.

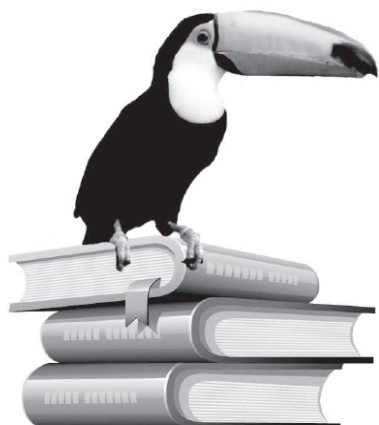
[2] Petrov V.V. Uyazvimosti IoT-ustroystv v finansovoy infrastrukture // Voprosy kiberneticheskoy bezopasnosti. 2022. №2. S. 150-159.

[3] Romanovskiy G.B. Pravovyye aspekty protivodeystviya kiberneticheskoy bezopasnosti v finansovoy sfere // Zhurnal rossiyskogo prava. 2021. №8. S. 198-206.

[4] Smirnov D.N. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupleniy v sfere informatsionnykh tekhnologiy // Vestnik kriminologii. 2022. №1. S. 112-121.

[5] Mashekuasheva M.X. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya v prestupnykh tselyakh iskusstvennogo intellekta. Pravo i upravlenie. 2024. № 8. S. 376-378.

[6] Mashekuasheva M.X.O Masshtabax informatsionnykh ugroz v sovremennykh usloviyakh. Pravo i upravlenie. 2023. № 11. S. 17-19.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович,
студент 2 курса магистратуры Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЛИЧНОСТИ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные угрозы личности, связанные с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Анализируются такие виды кибермошенничества, как фишинг, фарминг, «двойные транзакции» и телефонное мошенничество под видом сотрудников банков и правоохранительных органов. Приводятся конкретные примеры нарушений, включая несанкционированную обработку персональных данных в медицинских учреждениях, банках и СМИ.

Особое внимание уделяется судебной практике и квалификации подобных деяний по статьям УК РФ (ст. 159.6, 272, 273) и КоАП РФ (ст. 13.11). Рассматриваются типовые нарушения в сфере защиты персональных данных, выявляемые регуляторами.

Ключевые слова: киберпреступность, персональные данные, фишинг, телефонное мошенничество, уголовная ответственность, информационная безопасность.

TOLKACHEV Roman Vladimirovich,
2nd year graduate student of the Law School
of the Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE PERSON AGAINST CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TELECOMMUNICATION NETWORKS

Annotation. The article examines current personal threats associated with crimes in the field of information and telecommunication technologies. Types of cyber fraud such as phishing, pharming, “double transactions” and telephone fraud disguised as bank and law enforcement officers are analyzed. Specific examples of violations are given, including unauthorized processing of personal data in medical institutions, banks and the media.

Particular attention is paid to judicial practice and the qualification of such acts under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 159.6, 272, 273) and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Article 13.11). Typical violations in the field of personal data protection identified by regulators are considered.

Key words: cybercrime, personal data, phishing, telephone fraud, criminal liability, information security.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений передача персональных данных гражданами Российской Федерации в информационные системы посредством телекоммуникационных сетей приобрела массовый и повсеместный характер. Данный процесс, обусловленный развитием электронных государственных услуг, коммерческих онлайн-платформ и социальных медиа, формирует новые

вызовы в сфере обеспечения информационной безопасности личности.

При этом расширение цифрового взаимодействия сопровождается ростом количества преступных посягательств, связанных с незаконным сбором, обработкой и распространением персональных данных (ст. 137, 272, 273 УК РФ). Вопросы уголовно-правовой охраны конфиденциальности информации приобретают особую

значимость в контексте защиты фундаментальных прав человека, закрепленных в Конституции РФ (ст. 23–24).

Анализируемая проблема обусловлена системой взаимосвязанных криминогенных факторов, формирующих комплексные детерминанты противоправных деяний в цифровом пространстве. Данные детерминанты обладают полиструктурной природой, сочетая технологические, социально-психологические и правовые аспекты генезиса преступного поведения.

Современные криминологические исследования выявляют устойчивую корреляцию между развитием телекоммуникационных технологий и трансформацией способов совершения противоправных деяний. Особую криминологическую значимость приобретают цифровые каналы коммуникации, создающие новые возможности для противоправных посягательств как на личные неимущественные права граждан, так и на экономическую безопасность государства [1].

Правоприменительная практика свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к анализу криминогенных факторов цифровой среды. Технологическая составляющая проявляется в уязвимости информационных систем и недостаточности защитных механизмов. Социально-психологический аспект характеризуется формированием специфических моделей виктимного поведения в условиях цифровизации. Нормативно-правовой компонент отражает латентное противоречие между динамикой технологического развития и скоростью адаптации законодательного регулирования.

Эффективное противодействие рассматриваемым преступным проявлениям требует комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего уголовно-правовые, криминологические и кибернетические методы исследования. Особое значение приобретает разработка прогностических моделей, позволяющих предвидеть возникающие киберугрозы и своевременно адаптировать правовые механизмы защиты.

Наиболее опасный феномен – это финансовое мошенничество, которое охватывается ст. 159.6 УК РФ. Современные мошенники активно используют такие методы, как фишинг, фарминг, «двойные транзакции» и телефонное мошенничество под видом сотрудников банков или правоохранительных органов.

Один из распространенных способов обмана — массовая рассылка писем со ссылками на поддельные сайты банков, цель которых — похитить логины и пароли пользователей. Только в 2024 году Банк России добился блокировки 12 100 мошеннических сайтов и 42 100 телефонных номеров, используемых злоумышленниками [2].

Преступники звонят гражданам, представляясь сотрудниками банков, и под различными предлогами вынуждают их переводить деньги на «безопасные счета» или устанавливать вредоносное программное обеспечение. В 2022 году на подобные схемы пришлось 40% всех хищений — рекордные 9,3 млрд рублей, украденные через онлайн-банкинг и переводы под психологическим давлением [3].

При расследовании таких преступлений действия злоумышленников часто квалифицируются не только по статье 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), но и дополняются статьями 272 (неправомерный доступ к данным) или 273 (создание и распространение вредоносного ПО). Например, если преступники взламывают электронный кошелек, используя технические уязвимости, их действия рассматриваются по совокупности статей.

Кроме того, одной из актуальных проблем остается несанкционированный сбор, утечка и распространение персональных данных без согласия их владельцев. Подобные действия подпадают под статью 137 Уголовного кодекса РФ, а также статью 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Зафиксирован случай, когда клиентка обратилась в прокуратуру из-за того, что её персональные данные использовались для оформления чужого кредита без её ведома. Суд признал факт нарушения, однако срок давности для привлечения виновных к ответственности уже истёк [4].

Проверки Роскомнадзора нередко выявляют системные проблемы в организациях. Среди них — отсутствие документов, подтверждающих обучение сотрудников работе с персональными данными, нечеткие процедуры их уничтожения, а также обработка данных родственников клиентов без законных оснований.

Современные информационно-телекоммуникационные технологии, при всех их преимуществах, создают новые риски для личности, требуя усиленной уголовно-правовой защиты. Преступления в цифровой сфере, такие как фишинг, телефонное мошенничество и несанкционированное использование персональных данных, становятся всё более изощрёнными, что усложняет их раскрытие и профилактику.

Анализ судебной практики показывает, что действующее законодательство, включая статьи 159.6, 272 и 273 УК РФ, а также ст. 13.11 КоАП РФ, в целом обеспечивает правовые механизмы для борьбы с киберпреступностью. Однако динамичное развитие технологий требует постоянного совершенствования нормативной базы, чтобы закрывать возникающие правовые пробелы.

Особую проблему представляет квалификация подобных преступлений, поскольку они часто

совершаются с использованием сложных технических средств и требуют привлечения экспертов в области цифровой безопасности. Не менее важна и процессуальная сторона: сбор и фиксация электронных доказательств должны соответствовать требованиям законодательства, чтобы не допустить их оспаривания в суде.

Важную роль в противодействии киберпреступлениям играют не только правоохранительные органы, но и регуляторы, такие как Банк России и Роскомнадзор. Их работа по блокировке мошеннических сайтов, пресечению незаконного оборота персональных данных и повышению цифровой грамотности населения способствует снижению уровня киберпреступности.

Вместе с тем необходимо дальнейшее развитие международного сотрудничества в этой сфере, поскольку многие преступления носят трансграничный характер. Обмен опытом, гармонизация законодательств и совместные операции позволяют эффективнее противостоять глобальным киберугрозам.

Не менее значимым направлением является профилактика, включающая информирование граждан о распространённых схемах мошенничества и правилах безопасного поведения в сети. Только комплексный подход, сочетающий правовые, технические и просветительские меры, способен обеспечить надёжную защиту личности в цифровую эпоху.

Таким образом, уголовно-правовая охрана личности от преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных сетей требует постоянного внимания со стороны государства, бизнеса и общества. Совершенствование законодательства, усиление ответственности за нарушения и повышение цифровой грамотности населения — ключевые условия для минимизации киберугроз и защиты прав граждан.

Список литературы:

[1] Костенко Н. С., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 192-196.

[2] Казакова Н. В. Место и роль фишинговых интернет-страниц в механизме телефонных мошенничеств // Правовой альманах. – 2025. – №. 1 (41). – С. 82-86.

[3] Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2022. – №. 1. – С. 138-157.

[4] Коновалова Т. О., Климовских Н. В. Банковское мошенничество в современном мире // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – №. 3. – С. 56-60.

Spisok literatury:

[1] Kostenko N. S., Semenenko G. M., Pshenichkin A. A. Osnovny'e problemy' raskry'tiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy'x s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionny'x texnologij, na sovremennom e'tape // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – №. 4. – S. 192-196.

[2] Kazakova N. V. Mesto i rol' fishingovy'x internet-stranicz v mexanizme telefonny'x moshennichestv // Pravovoj al'manax. – 2025. – №. 1 (41). – S. 82-86.

[3] Meshkova N. V., Kudryavcev V. T., Enikolopov S. N. K psixologicheskomu portretu zhertv telefonnogo moshennichestva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya. – 2022. – №. 1. – S. 138-157.

[4] Konovalova T. O., Klimovskix N. V. Bankovskoe moshennichestvo v sovremennom mire // Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj e'konomiki. – 2020. – №. 3. – S. 56-60.

КАРНАКОВА Ольга Ивановна,
адъюнкт Восточно-Сибирского института
МВД России,
e-mail: koi1304@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовой характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере государственного оборонного заказа. Рассматривается специфика квалификации преступлений по новым составам, введенным в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ, выявляются пробелы и противоречия в законодательстве и практике правоприменения, а также предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, уголовная ответственность, злоупотребление, квалификация, должностное лицо, коррупция.

KARNAKOVA Olga Ivanovna,
adjunct of the East Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY OFFICIALS IN THE FIELD OF STATE DEFENSE PROCUREMENT

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the criminal-legal characteristics of crimes committed by officials in the field of state defense procurement. The article examines the specifics of the qualification of crimes under new elements introduced into the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 365 of September 24, 2022, identifies gaps and contradictions in legislation and law enforcement practice, and suggests areas for improving criminal legislation.

Key words: state defense procurement, criminal liability, abuse, qualification, official, corruption.

Современное состояние сферы государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ) характеризуется высокой степенью криминализации и коррупционной уязвимости. Особый правовой режим, значительные бюджетные ассигнования, ограниченный доступ к информации и сложность процедур делают ГОЗ объектом пристального внимания со стороны как государства, так и лиц, стремящихся к извлечению противоправной выгоды. Введение в 2022 году новых уголовно-правовых норм (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ) стало логичным шагом государства по усилению контроля в данной сфере. Вместе с тем, практика их применения вызывает множество вопросов, прежде всего — квалификационного характера.

ГОЗ представляет собой особую сферу контрактной деятельности, регулируемую Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ. Он

охватывает не только закупку вооружения и техники, но и выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, услуги по техническому обслуживанию и иные обязательства, затрагивающие интересы обороны и безопасности государства.

Особенности правового режима ГОЗ определяют специфическую форму служебных полномочий и ответственности участников оборонных контрактов. Как отмечают Н.В. Бугаевская [1, с. 410] и Д.Р. Пугачева [2, с. 4], недобросовестное исполнение условий ГОЗ связано не только с нарушением договорных обязательств, но и с противоправным использованием должностного положения, что нередко приводит к совершению преступлений коррупционного характера, выражающееся, например, в злоупотреблении служебным полномочием, даче или получении взятки, а также служебном подлоге.

Подобная двойственная природа правонарушений в сфере ГОЗ обуславливает необходимость комплексного правового анализа с позиции как уголовного, так и административного законодательства.

До 2022 года основными статьями, по которым квалифицировались преступления в рассматриваемой сфере, являлись ст. 285, 286, 201 и 292 УК РФ. Однако имеющаяся практика выявила необходимость более точной дифференциации форм и способов посягательств. Этим и было обусловлено появление новых составов: ст. 201.2 УК РФ (Нарушение условий госконтракта по ГОЗ); ст. 201.3 УК РФ (Злоупотребление полномочиями в сфере ГОЗ); ст. 285.5 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении ГОЗ); ст. 285.6 УК РФ (Превышение должностных полномочий при выполнении ГОЗ).

Рассмотрим ключевые элементы состава каждого преступления:

Статья 201.2 УК РФ. Объектом является нормальное функционирование контрактной системы в сфере ГОЗ. Объективной стороной является нарушение условий исполнения госконтракта при отсутствии признаков иных составов преступлений, причинение ущерба. Субъект преступления специальный – должностное лицо организации – исполнителя госконтракта. Субъективная сторона выражается в прямом умысле, наличии корыстного или иного личного мотива. К квалифицирующим признакам относится причинение крупного ущерба, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и др.

Статья 201.3 УК РФ. Объектом являются интересы государственной службы и контрактной дисциплины в сфере ГОЗ. Объективная сторона заключается в использовании полномочий вопреки интересам службы, повлекшее тяжкие последствия. Субъект – лицо, обладающее организационно-распорядительными функциями в рамках ГОЗ. Субъективная сторона выражается в форме прямого умысла. К квалифицирующим признакам относятся тяжкие последствия, корысть, предварительный сговор.

Статья 285.5 УК РФ. Объектом является нормальная деятельность органов государственной власти при выполнении ГОЗ. Объективная сторона заключается в злоупотреблении должностными полномочиями в ущерб интересам службы, связанное с контрактом ГОЗ. Субъект – это должностное лицо. Субъективная сторона выражена в форме прямого умысла, наличии корыстной цели или иной личной заинтересованности. К квалифицирующим признакам относятся тяжкие последствия, использование служебного положения для извлечения выгоды.

Статья 285.6 УК РФ. Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие правомерное исполнение полномочий в сфере ГОЗ. Объективная сторона заключается в превышении должностных полномочий при размещении, заключении или исполнении госконтракта. Субъект преступления должностное лицо. Субъективная сторона выражена в форме прямого умысла. Квалифицирующие признаки те же, что в ст. 285.5, с акцентом на превышение власти и тяжкие последствия.

Как подчёркивают Н.А. Егорова и А.Г. Егоров, выделение этих составов должно было устранить правовую неопределённость и разграничить ответственность между различными субъектами — должностными лицами, государственными служащими и иными работниками, обладающими полномочиями в рамках исполнения ГОЗ. [2, с.18]

Однако анализ показывает, что разграничение между злоупотреблением и превышением полномочий в контексте ГОЗ, особенно при пересечении с коммерческими структурами, остается проблемным. В частности, вопрос вызывает определение субъекта преступления — например, не является ли чрезмерно узкой формулировка «работник заказчика, не являющийся должностным лицом», предложенная Ш.М. Шурпаевым [6, с.101] в своих положениях.

Одной из основных проблем остаётся конкуренция норм. Преступления, совершённые при формировании, размещении и исполнении ГОЗ, могут подпадать как под новые составы, так и под более «старые» статьи УК РФ. Например, квалификация по ст. 285.4 и 285.5 часто вызывает сомнения в случаях, когда деяние не сопровождается прямым извлечением выгоды, но влечёт тяжкие последствия.

И.О. Ткачев справедливо указывает на то, что проблема системной правовой связи норм УК РФ в данной сфере ещё не разрешена: многие составы пересекаются, не содержат чётких разграничительных критериев, что создаёт угрозу как необоснованной дифференциации, так и формального повторения. [5, с.148]

Кроме того, отсутствует достаточная практика применения норм, введённых в 2022 году. Как показывает анализ публикаций и судебной статистики, значительная часть дел продолжает квалифицироваться по «универсальным» статьям, таким как мошенничество, дача взятки и получение взятки, несмотря на наличие специальных норм. Это свидетельствует либо о недостаточном уровне подготовки следователей и прокуроров, либо о необходимости доработки самих норм.

Например, по информации пресс-службы Следственного комитета следователями Главного

военного следственного управления СК России завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего руководителя ЗАО «Ниеншанц» Виктора Ярутова, обвиняемого в мошенничестве при выполнении государственного оборонного заказа (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Как установлено следствием, в ходе выполнения ГОЗ Минобороны России заключило с ЗАО «Ниеншанц» контракты на поставку и установку средств связи на общую сумму свыше 5 млрд рублей. В рамках исполнения указанных контрактов Ярутов в составе организованной преступной группы внес в бухгалтерские документы заведомо ложные сведения о стоимости средств связи, похитив путем обмана у государства более 130 миллионов рублей [6]. В данном случае действия Ярутова можно было квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа.

Также, можно выделить то, что привлечение виновного лица к уголовной ответственности по статьям 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ, возможно лишь при наличии признаков административной преюдиции, в связи с чем, обязательным условием квалификации деяния как уголовно наказуемого является факт привлечения лица к административной ответственности за аналогичное правонарушение. Это обуславливает важность точной квалификации правонарушения и соблюдения процессуальных норм на стадии административного производства, поскольку их нарушение влечет невозможность последующего привлечения к уголовной ответственности.

Во избежание избыточной казуистичности и повышения эффективности правоприменения представляется целесообразным:

- унифицировать понятие субъекта в статьях, касающихся ГОЗ;
- конкретизировать формулировки диспозиций ст. 201.2–285.6 УК РФ;
- ввести квалифицирующие признаки, учитывающие масштаб ущерба, наличие сговора, использование служебной информации.

Поддерживаются предложения Ш.М. Шурпаева о необходимости системной перестройки квалификационного подхода к преступлениям в сфере ГОЗ, в том числе – перераспределения норм по главам Особенной части УК РФ с целью восстановления принципа системности [7, с.102].

Таким образом, преступления, совершаемые должностными лицами в сфере государственного оборонного заказа, требуют не только строгой уголовно-правовой регламентации, но и четкого методического подхода к их квалификации. Новые составы УК РФ – это важный шаг, однако он нуждается в осмыслении и корректировке как на уровне законодательства, так и пра-

воприменительной практики. Комплексный подход, объединяющий криминологический, правовой и организационный аспекты, должен стать основой дальнейшего развития антикоррупционной политики в сфере ГОЗ.

Список литературы:

[1] Бугаевская Н. В. Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по ГОЗ // Закон и право. 2023. С. 408–412.

[2] Егорова Н. А., Егоров А. Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 9–19.

[3] Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 115–135.

[4] Пугачева Д. Р. Ответственность должностных лиц, связанная с государственным контрактом по государственному оборонному заказу / Д. Р. Пугачева // Новеллы права, экономики и управления 2022 : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 2. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – С. 111–113.

[5] Ткачев И. О. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственного оборонного заказа и системные связи уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 146–149.

[6] Направлено в суд уголовное дело о хищении бюджетных денежных средств при выполнении государственного оборонного заказа // [Электронный ресурс] URL: <http://sledcom.ru/news/item/1962728/> (дата обращения 14.07.2025).

[7] Шурпаев Ш. М. Уголовно-правовая характеристика состава злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа и его соотношение с составами других должностных преступлений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 97 – 104.

Spisok literatury:

[1] Bugaevskaya N. V. Narushenie dolzhnostny'm liczom uslovij gosudarstvennogo kontrakta po GOZ // Zakon i pravo. 2023. S. 408–412.

[2] Egorova N. A., Egorov A. G. Novy'e sostavy prestuplenij protiv interesov sluzhby, svyazanny'e s gosudarstvenny'm oboronny'm zakazom (st. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 2 (65). S. 9–19.

[3] Lopashenko N. A. Osnovny'e itogi reformirovaniya ugolovnogogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskij obzor // Lex russica. — 2023. — T. 76. — № 4. — S. 115–135.

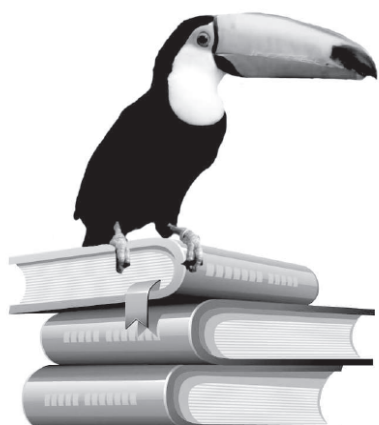
[4] Pugacheva D. R. Otvetstvennost' dolzhnostny'x licz, svyazannaya s gosudarstvenny'm kontraktom po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu / D. R. Pugacheva // Novelly` prava, e'konomiki i upravleniya 2022 : Materialy` VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Gatchina, 25 noyabrya 2022 goda. Tom 2. – Gatchina: Gosudarstvenny'j institut e'konomiki, finansov, prava i tekhnologij, 2023. – S. 111–113.

[5] Tkachev I. O. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere gosudarstvennogo obo-

ronnogo zakaza i sistemny'e svyazi ugolovnogogo prava // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 3 (42). S. 146–149.

[6] Napravleno v sud ugolovnoe delo o xishhenii byudzhety'x denezhny'x sredstv pri vy'polnenii gosudarstvennogo oboronnogogo zakaza // [E'lektronny'j resurs] URL: <http://sledcom.ru/news/item/1962728/> (data obrashheniya 14.07.2025).

[7] Shurpaev Sh. M. Ugolovno-pravovaya xarakteristika sostava zloupotrebleniya dolzhnostny'mi polnomochiyami pri vy'polnenii gosudarstvennogo oboronnogogo zakaza i ego sootnoshenie s sostavami drugix dolzhnostny'x prestuplenij // Vestnik TvGU. Seriya: Pravo. 2020. № 1 (61). S. 97 – 104.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БАТЮКОВА Вера Евгеньевна,
ст. научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН,
к.ю.н., доцент,
e-mail: Batuykova@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА КАК ПРЕДМЕТ И СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В представленной научной статье автор анализирует понятие «электронных средств платежа», которое по-разному интерпретируется в федеральных законах, иных правовых актах, учебной и научной литературе. Автор приходит к выводу о необходимости упорядочения анализируемого понятия, поскольку создаются проблемы в предмете доказывания, учитывая, что электронные средства платежа для отдельных составов преступлений могут выступать как предметом преступления, так и его средством.

Ключевые слова: электронные средства платежа, предмет преступления, средство совершения преступления, состав преступления, предмет доказывания.

BATYUKOVA Vera,
Senior Researcher in the sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law,
Associate Professor

ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT AS THE SUBJECT AND MEANS OF COMMITTING A CRIME

Annotation. In the presented scientific article, the author analyzes the concept of “electronic means of payment”, which is interpreted in different ways in federal laws, other legal acts, educational and scientific literature. The author comes to the conclusion that it is necessary to streamline the concept under analysis, since problems are created in the subject of proof, given that electronic means of payment for certain crimes can act as both the subject of a crime and its means.

Key words: electronic means of payment, subject of a crime, means of committing a crime, elements of a crime, subject of proof.

Информационная среда в современном мире в значительной степени охватила практически все области жизни человека, включая товарно-денежные отношения. На замену привычным средствам платежа в виде наличных денег пришли электронные средства платежа. Так, например, доля безналичного оборота в России с использованием электронных средств платежа установила рекорд. Убедиться в целесообразности суждения позволяет статистика на сайте INTERFAX.RU, где было заявлено о том, что доля безналичных платежей в первом полугодии составила 85% (83,4% по итогам 2024 года). Первый зампред Банка России Ольга Скоробогатова заявила о том, что есть большая вероятность достижения 92%. Безусловно, это свидетель-

ствует о высоком уровне развития безналичных платежей в стране даже с учетом того, что в 2022 году страна была отключена от NFC. На сегодняшний день сделан огромный прорыв в части транзакций, созданы новые методы оплаты, достаточно быстро распространяется биометрия [2].

Однако последствием этой информатизации и цифровизации стало увеличение числа преступлений, совершаемых через удаленный доступ. Особенно с ростом использования безналичных расчетов все чаще происходят кражи средств с банковских счетов и электронных кошельков. Так, например, при изучении обзора операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций, можно отметить, что в

2024 году количество операций, проведенных без согласия клиентов, возросло на 11,48% по сравнению с 2023 годом. Это произошло на фоне увеличения объема денежных переводов с использованием карт, который вырос на 10,54%, достигнув 136,38 трлн рублей. Также, на официальном сайте МВД, опубликован краткий обзор состояния преступности в РФ за январь-март 2025 год, который свидетельствует, что большая часть преступлений совершается с помощью информационно-телекоммуникационных технологий и составляет 23% от общего числа преступлений. Данные показатели выше по показателям, чем за январь-март 2024 года [6].

Из этого следует, что увеличение объемов безналичных операций и распространением электронных платежных систем привело к тому, что мошеннические способы стали намного изощреннее и продуманнее. Постоянное развитие технологий создает различные возможности для мошенников.

Квалификация мошенничества с применением электронных платежных инструментов продолжает оставаться сложной задачей ввиду трудностей в отграничении от схожих преступных деяний, усугубляемых высоким уровнем скрытности таких правонарушений, что негативно сказывается на эффективности мер уголовной ответственности и борьбы с подобными преступлениями.

Проблемным аспектом является высокая латентность преступлений в данной сфере. Мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежей, часто остается незаметным, так как жертвы не сразу осознают факт совершения преступления, что приводит к латентности данного вида преступных действий и сложности раскрытия. Соответственно, это в свою очередь, приводит к подрыву доверия населения к безналичным платежам.

Понятие «электронные платежные инструменты», как и «электронные деньги», «электронные расчеты», в теории однозначно не определено. Вместе с тем можно согласиться с тем, что «сущностная интерпретация электронных денег является определяющей для теоретического осмысления происходящих процессов развития товарно-денежных отношений, обеспечения развития расчетов и платежей в экономике, совершенствования механизмов денежно-кредитного регулирования» [5].

Однако четкого понятия «электронных средств платежа» до настоящего времени не выработано. Так, например, в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О национальной платежной системе» [1] в п. 19 ст. 3 указано, что «электронное средство платежа – это средство и (или) способ, позволяющие кли-

енту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

В Информационном письме от Центрального банка указано, что под электронными средствами понимаются «денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета, перевод которых осуществляется исключительно с использованием электронных средств платежа в соответствии с Федеральным законом № 161-ФЗ» [4].

В различных интернет-источниках указано, что «электронные средства платежа» характеризуют способы перевода денежных средств через операторов по удостоверенным владельцем денег распоряжениям.

Таким образом, электронные средства платежа являются важной составляющей современной финансовой системы, предоставляя пользователям удобство, скорость и безопасность при совершении транзакций. Их широкое распространение обусловлено развитием цифровых технологий и интернета, которые позволяют осуществлять платежи практически мгновенно и без необходимости физического присутствия.

Как правило, при расчетах электронных средств платежа соблюдаются следующие условия:

- отсутствует возможность личного взаимодействия покупателя с представителем продавца (покупка совершается в сети Интернет),
- используются онлайн-устройства, обеспечивающие возможность удаленного взаимодействия покупателя с продавцом или уполномоченным лицом.

Безусловно, электронные средства платежа обладают рядом преимуществ. Так, например, платежи можно проводить в любое время и из любой точки мира, где есть доступ к интернету, что значительно упрощает процесс покупок и транзакций. Нажатие нескольких кнопок для осуществления транзакции позволяет сэкономить огромное количество времени.

Также электронные платежи позволяют избежать необходимости носить наличные деньги или пластиковые карты, что может быть особенно важно в условиях пандемии или для обеспечения личной безопасности.

К ряду преимуществ можно отнести и доступность при использовании электронных

средств платежа, так как электронные платежи открывают доступ к услугам и товарам, которые могут быть недоступны в физическом магазине, особенно при международных покупках.

Важным аспектом при использовании электронных средств платежа является наличие исторических записей – ведение цифровой записи после каждой осуществленной транзакции. Он упрощает способы отслеживания платежей и помогает при анализе отчетов совершенных финансовых операций [9; 366-368].

Однако электронным средствам платежа свойственны и минусы, среди которых можно выделить риск киберпреступности. Электронные деньги подвержены рискам кибератак, таких как фишинг, взломы и прочее, что может привести к потере денежных средств и конфиденциальной информации. И несмотря на расширенные меры безопасности в виде аутентификации и идентификации, которые направлены на обеспечение безопасности, происходят частые обходы мер конфиденциальности.

К минусам можно отнести и зависимость от технологий, потому что для использования электронных средств платежа необходимо иметь прочное интернет-соединение, позволяющее совершить различные платежи. В некоторых регионах России наблюдается отсутствие стабильного интернета, что усложняет возможность пользования электронными средствами платежа. И полная зависимость от электронных средств может быть проблемой в ситуациях, когда невозможно использовать безналичные методы или в случае технических сбоев.

Также некоторые электронные платежные системы взимают комиссии за транзакции или конвертацию валют, что может увеличивать общие затраты и приносить дополнительные неудобства.

Стоит отметить и проблемы с безопасностью данных, которые возникают в случае несанкционированного доступа к учетной записи, приводящие к угрозе потери денежных средств или утечки конфиденциальной информации. А процессы разрешения споров, связанные с возвращением денежных средств, могут быть длительными и сложными.

С учетом преимуществ и недостатков каждый принимает решение с освоением использования электронных денежных средств, но стоит отметить, что в современных реалиях наблюдается тенденция, выражающаяся в предпочтении безналичных средств электронным средствам платежам.

До настоящего времени нет единого понимания термина «электронных средств платежа». Так, например, в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О

национальной платежной системе» в п. 19 ст. 3 указано, что «электронное средство платежа – это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств», а в Информационном письме от Центрального банка указано, что под электронными денежными средствами понимаются «денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета, перевод которых осуществляется исключительно с использованием электронных средств платежа в соответствии с Федеральным законом № 161-ФЗ».

В различных интернет-источниках указано, что «электронные средства платежа» характеризуют способы перевода денежных средств через операторов по удостоверенным владельцем денег распоряжениям. Из этого можно сделать вывод, что нет точного определения понятия «электронные средства платежа», поэтому представляется целесообразным закрепить единого понятия, так как единое юридическое определение позволит устранить разночтения и неопределенности в понимании терминов, используемых в правоприменительной практике. Отсутствие четкого законодательного описания ведёт к возникновению разногласий и затруднений при разрешении судебных споров.

Известно, что любой вид электронных платежных средств может быть использован для оплаты товаров или услуг. Обязательным условием списания средств является подача клиентом поручения на перевод. Плательщиком может быть как физическое, так и юридическое лицо, а также индивидуальный предприниматель.

Так, в соответствии с п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [1] «к электронным средствам платежа относятся средства и (или) способы, позволяющие составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт».

Видами электронных средств платежа являются: [8; 66-81]

- банковская карта – дебетовая или кредитная;

- сервисы дистанционного банковского обслуживания «Клиент–банк» и «Интернет–банкинг»;
- платежные системы – ЮMoney, WebMoney, QIWI.

Так, например, дебетовая карта представляет собой банковский продукт на физическом или виртуальном носителе, которая позволяет получить ее владельцу своевременный доступ к деньгам, которые находятся на банковском счете. Пользователем дебетовой карты может стать каждый, кто пользуется деньгами в повседневной жизни.

Перечень операций, совершаемых с помощью дебетовой карты достаточно обширен – представляется возможность как получить заработную плату от работодателя, так и оплатить коммунальные услуги.

Получение дебетовой карты является достаточно простым процессом, осуществляемым в отделениях банка. Финансовые организации мгновенно выдают дебетовые карты, которые автоматически перевыпускаются и по истечении срока. За пользование картой в некоторых случаях может взиматься плата за пользование, что обычно составляет около 100 рублей в месяц. А за покупку товаров, входящих в определенную категорию, может быть предусмотрено получение кешбэков – частичный возврат денег, потраченных при использовании банковской карты.

Кредитная карта также представляет собой платежный банковский продукт на физическом или виртуальном носителе, с помощью которого владелец получает доступ к определенной сумме денежных средств в рамках установленного лимита. Благодаря льготному периоду можно пользоваться кредитной картой без процентов – в этот период банк не начисляет проценты на использованные средства. В зависимости от условий банка продолжительность беспроцентного периода может варьироваться от 55 дней до одного года.

Существует два типа грейс–периода: честный и нечестный. При честном грейсе каждый расчетный период или новая покупка запускают свой отдельный льготный период. При нечестном – новый беспроцентный период не начнется, пока не будет полностью погашена первая задолженность по карте. Иными словами, с каждым месяцем количество льготных дней у клиента сокращается.

Условия и продолжительность беспроцентного периода различаются в каждом банке, которые уточняются в договоре и мобильном приложении.

Кредитная карта предоставляет возможность совершить необходимую покупку при отсутствии необходимых денежных средств,

позволяющих своевременно приобрести товар. Данная карта выступает неким гарантом стабильности, при котором у клиента есть запас денег при том условии, что потраченную сумму денег удастся вернуть в банк без уплаты процентов.

Стандартная процедура оформления кредитной карты предусматривает предоставление паспорта при лимите до 100 тыс. руб., тогда как получение кредита на большую сумму требует подтверждения дополнительными документами. При активном пользовании кредитной картой и отсутствии просрочек клиент сможет увеличить лимит.

Безусловно, в век цифровизации и информатизации карты стали неотъемлемой частью людей. Практически каждый хоть раз сталкивался с таким электронным средством платежей, как карты. Однако карты используются в зависимости от потребностей клиента. При использовании собственных средств для удовлетворения повседневных нужд в большинстве случаев используется дебетовая карта, а при совершении покупок за счет заемных средств отдается предпочтение кредитной [3; 15–19].

Таким образом, банковские карты обеспечивают удобство и безопасность при безналичных расчетах, позволяя легко и быстро оплачивать товары и услуги как в физических магазинах, так и в интернете. С помощью карты можно избежать необходимости носить с собой наличные деньги, а также иметь доступ к дополнительным функциям, таким как оплата коммунальных услуг, получение заработной платы, перевод средств и использование кредитного лимита [7; 108–110].

Кроме того, многие карты предлагают преимущества в виде кешбэка, бонусных программ и скидок у партнеров, что делает их использование еще более выгодным. Однако с увеличением преимуществ растет и число преступлений, связанных с хищениями денежных средств с пластика.

Таким образом, целесообразно сделать следующий вывод: электронные средства платежа играют значимую роль в современной финансовой системе, обеспечивая удобство, быстроту и надежность транзакций. Распространение цифровых технологий и Интернета привело к значительному росту популярности электронных методов расчета, вытесняя традиционные способы оплаты, такие как бумажные чеки. При этом следует помнить, изучать и предупреждать о том, что электронные средства платежа могут становиться предметом и средством совершения различных преступлений.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от

08.08.2024)// Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г., № 27, ст. 3872.

[2] В Банке России отметили рост доли безналичных платежей в I полугодии на 1,6 п.п. / [Электронный ресурс] // Интерфакс : [сайт]. — URL: В Банке России отметили рост доли безналичных платежей в I полугодии на 1,6 п.п. (дата обращения: 25.01.2025).

[3] Демченко, И. Д. О перспективах развития рынка пластиковых карт / И. Д. Демченко // Экономика и жизнь. — 2012. — № 48. — С. 15–19.

[4] Информационное письмо о предоставлении клиентам – физическим лицам информации об использовании электронных денежных средств клиентами – физическими лицами / [Электронный ресурс] // Банк России : [сайт]. — URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/5731> (дата обращения: 26.01.2025).

[5] Коробейникова О. М., Буркальцева Д. Д., Тюлин А. С. Эволюция электронных денег // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2017. №2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-elektronnyh-deneg> (дата обращения: 05.05.2025).

[6] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/> (дата обращения: 29.04.2025).

[7] Куделина, Т. Ю. Основные тенденции в обращении банковских карт / Т. Ю. Куделина, Е. А. Валикова, А. А. Крюкова, Е. С. Петрянкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 47 (442). — С. 108–110.

[8] Милош Д.В., Каминская В.И. Современные тенденции развития электронных денег в цифровой экономике // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 4. — С. 66–81. — URL: Современные тенденции развития электронных денег в цифровой экономике (дата обращения: 29.04.2025).

[9] Харитонов, А. Д. Преимущества и недостатки электронных денег / А. Д. Харитонов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 44 (491). — С. 366–368. — URL: <https://moluch.ru/archive/491/107308/> (дата обращения: 29.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 27.06.2011 № 161-FZ «O nacional'noj platezhnoj sisteme» (red. ot 08.08.2024)// Sobraenie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2011 g., № 27, st. 3872.

[2] V Banke Rossii otmetili rost doli beznalichny'x platezhej v I polugodii na 1,6 p.p. / [E'lektronnyj resurs] // Interfaks : [sajt]. — URL: V Banke Rossii otmetili rost doli beznalichny'x platezhej v I polugodii na 1,6 p.p. (data obrashheniya: 25.01.2025).

[3] Demchenko, I. D. O perspektivax razvitiya ry'nka plastikovy'x kart / I. D. Demchenko // E'konomika i zhizn'. — 2012. — № 48. — S. 15–19.

[4] Informacionnoe pis'mo o predostavlenii klientam – fizicheskim liczam informacii ob ispol'zovanii e'lektronny'x denezhny'x sredstv klientami – fizicheskimi liczami / [E'lektronnyj resurs] // Bank Rossii : [sajt]. — URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/5731> (data obrashheniya: 26.01.2025).

[5] Korobejnikova O. M., Burkal'ceva D. D., Tyulin A. S. E'voljuciya e'lektronny'x deneg // Nauchnyj vestnik: finansy', banki, investicii. 2017. №2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-elektronnyh-deneg> (data obrashheniya: 05.05.2025).

[6] Kratkaya xarakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - mart 2025 goda [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/> (data obrashheniya: 29.04.2025).

[7] Kudelina, T. Yu. Osnovny'e tendencii v obrashhenii bankovskix kart / T. Yu. Kudelina, E. A. Valikova, A. A. Kryukova, E. S. Petryankina. — Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2022. — № 47 (442). — S. 108–110.

[8] Milosh D.V., Kaminskaya V.I. Sovremennye tendencii razvitiya e'lektronny'x deneg v cifrovoj e'konomike // Nauchny'e zapiski molody'x issledovatelej. — 2018. — № 4. — S. 66–81. — URL: Sovremennye tendencii razvitiya e'lektronny'x deneg v cifrovoj e'konomike (data obrashheniya: 29.04.2025).

[9] Xaritonova, A. D. Preimushhestva i nedostatki e'lektronny'x deneg / A. D. Xaritonova. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2023. — № 44 (491). — S. 366–368. — URL: <https://moluch.ru/archive/491/107308/> (data obrashheniya: 29.04.2025).

КАНУННИКОВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
начальник кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Аннотация. Актуальность проблем, рассматриваемых в статье, определяется стремительной цифровизацией российского общества, что делает информационную безопасность и противодействие киберпреступности насущной проблемой. Широкое использование информационно-коммуникационных технологий, несмотря на все преимущества, создает серьезные риски и уязвимости, требующие немедленного решения. В статье анализируются статистика и динамика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, делается акцент на киберпреступлениях против несовершеннолетних. Констатация факта того, что молодежь является наиболее уязвимой категорией для различных видов киберугроз, автором формулируются ключевые факторы подобной уязвимости, на основании которых делается вывод о необходимости формирования эффективной стратегии обеспечения информационной безопасности в России с долгосрочной перспективой.

Ключевые слова: информация, безопасность, борьба, преступления, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерная информация, динамика, терроризм, экстремизм, порнографические материалы.

KANUNNIKOVA Natalia Gennadievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel
Of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Head of the Department of State and Civil Law Disciplines

CURRENT ISSUES OF INFORMATION SECURITY AND COMBAT AGAINST CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Annotation. The relevance of the problems discussed in the article is determined by the rapid digitalization of Russian society, which makes information security and countering cybercrime a pressing issue. Despite its advantages, the widespread use of information and communication technologies poses serious risks and vulnerabilities that require immediate attention. The article analyzes the statistics and dynamics of crimes committed using information and telecommunication technologies, with a focus on cybercrimes against minors. The author states that young people are the most vulnerable category to various types of cyber threats, and formulates key factors of this vulnerability, based on which he concludes that it is necessary to form an effective strategy for ensuring information security in Russia with a long-term perspective.

Key words: information, security, struggle, crimes, information and telecommunication technologies, computer information, dynamics, terrorism, extremism, and pornographic materials.

Введение

В условиях повсеместного распространения цифровых технологий вопросы защиты информации и борьбы с киберпреступностью становятся критически важными. Информационные технологии глубоко проникли во все аспекты жизни современного общества, предоставляя огромные возможности, но одновременно порождая новые, ранее невиданные угрозы.

Согласно Концепции государственной системы противодействия противоправным действиям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [1], более 130 миллионов человек в России пользуются интернетом, что охватывает примерно 90% населения страны. Активное использование социаль-

ных сетей демонстрируют 106 миллионов человек, что составляет свыше 81% от общего числа российских интернет-пользователей. Электронные СМИ, информационные системы и социальные сети прочно вошли в повседневную жизнь. Кроме того, в стране функционирует система электронного предоставления государственных и муниципальных услуг.

Рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации с 2019 года показывает стойкую динамику в сторону увеличения. За период с 2019 по 2024 год демонстрируется рост данных преступлений в 2,5 раза (см. диаграмму 1).

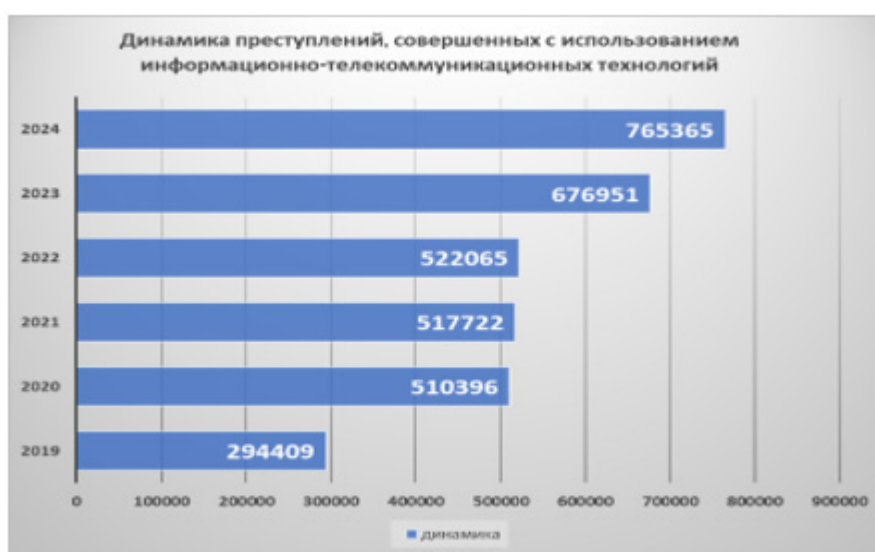

Диаграмма 1. Динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по данным МВД России)

Как видно из диаграммы, в течение 2024 года, с января по декабрь включительно, было задокументировано 765,4 тысячи нарушений закона, связанных с использованием информационных систем и компьютерной информации. Этот показатель на 13,1% выше, чем за аналогичный период 2023 года. Увеличение доли таких правонарушений в общем количестве зарегистрированных преступлений составило 40,0% против 34,8% в предыдущем году. Практически все эти преступления (98,7%) выявляются и регистрируются сотрудниками правоохранительных органов.

Около половины из них (48,2%) составляют тяжкие и особо тяжкие преступления, в количестве 369,3 тысячи. Четыре из пяти случаев (84,8%) связаны с использованием сети «Интернет» (649,1 тысячи). Почти половина (45,2%) совершается посредством мобильных устройств (346,0 тысяч). Более чем две трети таких правонарушений (63,5%) – это кражи или мошеннические действия, зафиксировано 486,3 тысячи случаев. Приблизительно каждое восьмое преступление (12,4%) связано с незаконным оборотом наркотиков (94,6 тысяч). (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2. Видовой состав преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по данным МВД России)

Особую озабоченность вызывает рост числа преступлений, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Динамика преступлений, связанных с призывом к осуществлению террористической и экстремистской деятельности (по данным МВД России)

В частности, с 2019 по 2024 годы диагностируется рост числа публичных призывов к осуществлению:

- террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205.2 УК РФ) в 4,2 раза;
- экстремистской деятельности в 1,7 раза (ст. 280 УК РФ).

Количественному росту совершаемых в исследуемой сфере преступлений не уступает качественная фигурация способов и средств их совершения, что существенно не способствует их качественному расследованию и своевременному выявлению.

Киберпреступления против несовершеннолетних, аналогичным образом, прогрессируют в своем динамизме год от года (см. диаграмму 4):

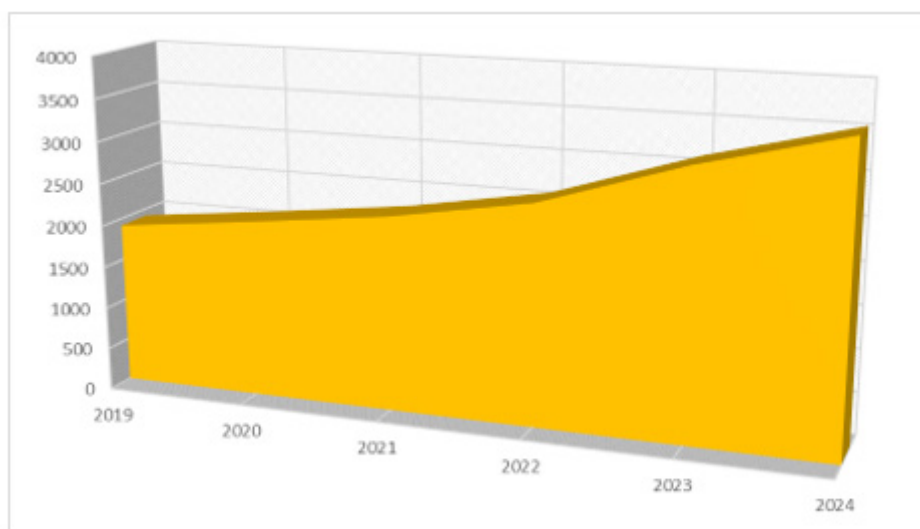

Диаграмма 4. Динамика преступлений против несовершеннолетних, связанных с изготовлением порнографических материалов (ст.242, 242.1, 242.2 УК РФ) (по данным МВД России)

Согласно данным МВД России, российский сегмент интернета производит около 30% мировой детской порнографии. За последнее время количество подобных веб-ресурсов выросло примерно на треть, а объем противоправного контента увеличился в 25 раз. Статистика показывает, что 44% несовершеннолетних пользователей интернета хотя бы раз сталкивались с сексуальными домогательствами в сети [2].

Всё более тревожным является то, что киберпреступность приобретает всё более организованную и транснациональную структуру, порождая настоящую теневую индустрию с четким разделением труда и профессионализмом в сфере преступной деятельности. Развиваются методы социальной инженерии, появляются новые типы вредоносного ПО, а арсенал фишинговых и других мошеннических схем в онлайн-пространстве постоянно пополняется. В глобальном масштабе киберпреступность наносит экономический ущерб, измеряемый миллиардами рублей [3], однако реальная масштабность проблемы скрыта за латентностью многих инцидентов, которые не фиксируются в официальной статистике. Цифровизация важных секторов критической инфраструктуры страны, начиная от энергетики и заканчивая системами государственного управления, создает угрозы не только для отдельных лиц и компаний, но и в целом для национальной безопасности.

Анализ современной научной литературы позволяет выделить ключевые факторы, способствующие уязвимости молодежного сознания.

Во-первых, для подрастающего поколения характерна активная вовлеченность в цифровую среду. Как показывают исследования, россий-

ские дети начинают знакомиться с интернетом уже в 6-7 лет. Согласно данным Фонда Развития Интернет, за последнее десятилетие наблюдается существенное увеличение количества детей, пользующихся интернетом. Если в 2010 году ежедневная доля подростков, использующих интернет, составляла 82%, то к 2020 году этот показатель вырос до 92%. Важно отметить, что примерно 80% детей проводят в сети в среднем три часа в день, при этом каждый седьмой ребенок находится онлайн 8 часов и более [4, с. 33-39]. Для современной молодежи цифровое пространство превратилось не только в средство общения, но и в полноценную среду для социализации, где происходит формирование личности, выстраивание социальных отношений и реализация своего потенциала.

Во-вторых, существует явный разрыв между технической подкованностью молодежи и их осведомленностью о правовых и социальных аспектах информационной безопасности. Несмотря на превосходное владение цифровыми технологиями, молодые люди часто имеют лишь поверхностное представление о юридических последствиях своих онлайн-действий. Согласно исследованию Лаборатории Касперского (2024), 78% молодых пользователей (16-24 года) не знакомы с законодательством в области информационной безопасности, а 63% не осознают потенциальные юридические последствия нарушений кибербезопасности. [5, с. 15-18].

В-третьих, возрастные психологические характеристики создают повышенную уязвимость. Защита персональных данных и понимание способов их обеспечения часто страдают из-за юношеской тяги к риску и желания завое-

вать авторитет среди сверстников. Молодые люди чаще других возрастных групп проявляют рискованное поведение в интернете, что проявляется в несерьезном отношении к безопасности паролей, размещении личных данных, которые не должны быть общедоступными, и недостаточной осторожности в отношении подозрительных предложений в сети.

В-четвертых, к ключевому, весомому фактору незащищенности следует отнести концентрацию финансово-валютных операций в виртуальном пространстве. Не обладая достаточным жизненным опытом, позволяющим своевременно и критически оценить потенциальные угрозы, российские молодые люди являются активными пользователями веб-банкингов, инвестиционных платформ и электронных платежей. Данный фактор подкрепляется статистическими данными, предоставляемыми Центральным Банком РФ, фиксирующими возрастной период 18-24 года как группу риска с наибольшим процентом жертв ставших таковыми благодаря финансовым мошенникам [6, с. 12-14].

Цель и задачи

Целью исследования, охватываемого настоящей статьей, выступает проведение авторского анализа проблем обеспечения информационной безопасности и борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Объектом исследования, проведенного в рамках статьи, выступает совокупность общественных отношений в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений, предметом – статистика, динамика, специфика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также ключевые факторы уязвимости молодежи от угроз в киберсреде.

Методологической основой исследования выступает дефинитив философских, общенаучных, специально-юридических и философских способов и средств восприятия, способствующих максимально объективному изучению исследуемой в статье тематики. Эмпирические методы обобщения, сбора и анализа информации, применяемые автором в процессе исследования, способствовали сбору качественно-правового насущного и всесторонне-обоснованного с прикладной точки зрения изыскательного материала.

Результаты

1. Стабильная динамика роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий,

свидетельствует о существенном проникновении данных деяний во все сферы жизнедеятельности россиян.

2. В свете того, что информационная безопасность является неотделимой и неотчуждаемой частью единой системы национальной защищенности и безопасности страны, назрела необходимость всестороннего, системного и комплексного подхода к ее обеспечению.
3. Стремительные темпы быстро трансформирующихся преступных практик и инновационных технологий, не всегда позволяют законодателю своевременно и оперативно реагировать духом и буквой закона на сферу противодействия киберпреступности. В этой связи целесообразно принимать на законодательном уровне долгосрочные программы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что позволит сформировать упреждающую методику противодействия данным видам преступлений.
4. Правоприменительная практика противодействия киберпреступлениям станет наиболее эффективной в случае организации всесторонних форм и способов обучения сотрудников правоохранительной сферы (на базе реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации), способной преодолевать возникающие трудности технического характера выявления данных преступлений, а также их документирования. данной сфере.
5. Анализ ключевых факторов, способствующих уязвимости молодых людей перед киберпреступниками, проведенный автором в рамках статьи, позволяет разрабатывать профилактические программы сдерживания молодежи, обезопасить ее от последствий киберпреступности.

Заключение

Таким образом, исследование вопросов обеспечения информационной безопасности и борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий охватывает широкий спектр проблем современного общества, включающих в себя: несовершенство законодательства как российского, так и международного уровня; несвоевременность правового реагирования на исследуемые в статье преступления; массовую вовлеченность молодежи в совершение киберпреступлений по причине низкого уровня ее осведомленности о существующих

киберугрозах; отсутствие долгосрочных программ противодействия исследуемым преступлениям, что не позволяет сформировать единую методику их расследования и раскрытия.

Только создание прочной и надежной правоприменительной практики, а также исследование и формулирование наиболее результативных и эффективных механизмов профилактики исследуемых в статье преступлений, позволит создать прочную эмпирическую базу, способствующую не только совершенствованию правового регулирования, но и практических мер, содействующих и гарантирующих информационную безопасность нашей страны.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // СЗ РФ. 2025. Т 2. Ст. 76.

[2] Информационные нормы медиabezопасности для несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: [https:// admmegion.ru/gov/adm/struct_adm/kdn/metrekom/322434/](https://admmegion.ru/gov/adm/struct_adm/kdn/metrekom/322434/) (дата обращения: 17.07.2025).

[3] Экономический ущерб от киберпреступлений исчисляется триллионами рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552645> (дата обращения: 20.07.2025).

[4] Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33-39.

[5] Лаборатория Касперского. Цифровая безопасность и защита персональных данных: восприятие угроз российской молодежью. Исследовательский отчет. М., 2024. С. 15-18.

[6] Центральный банк Российской Федерации. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2023 год. М., 2024. С. 12-14.

Spisok literatury:

[1] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2024 № 4154-r «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj sistemy protivodejstviya protivopravny'm deyanijam, sovershaemy'm s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionny'x tehnologij» // SZ RF. 2025. T 2. St. 76.

[2] Informacionny'e normy mediabezопасnosti dlya nesovershennoletnix [E'lektronny'j resurs]. URL: [https:// admmegion.ru/gov/adm/struct_adm/kdn/metrekom/322434/](https://admmegion.ru/gov/adm/struct_adm/kdn/metrekom/322434/) (data obrashheniya: 17.07.2025).

[3] E'konomicheskij usherb ot kiberprestuplenij ischislyaetsya trillionami rublej. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552645> (data obrashheniya: 20.07.2025).

[4] Kobzeva S.V. Zashhita prav nesovershennoletnix ot ugroz v seti Internet // Informacionnoe pravo. 2017. № 2. S. 33-39.

[5] Laboratoriya Kasperskogo. Cifrovaya bezopasnost' i zashhita personal'ny'x dannyx: vospriyatie ugroz rossijskoj molodezh'y. Issledovatel'skij otchet. M., 2024. S. 15-18.

[6] Central'ny'j bank Rossijskoj Federacii. Obzor operacij, sovershenny'x bez soglasiya klientov finansovy'x organizacij za 2023 god. M., 2024. S. 12-14.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИВАНКОВА Анастасия Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева»,
e-mail: stasy_iva@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию подходов к ответственности за экологические преступления в Российской Федерации и Республике Беларусь. Проводится анализ эффективности правовых механизмов, направленных на защиту природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности в обеих странах. Выявляются сходства и различия в правоприменительной практике, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию экологического законодательства России и Беларуси с учетом международного опыта и возможностей гармонизации правовых норм.

Ключевые слова: экологические правонарушения, окружающая среда, наказание, правоприменение, Российская Федерация, Республика Беларусь.

IVANKOVA Anastasia Yurievna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law
of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE SPHERE OF ENVIRONMENTAL OFFENCES

Annotation. This article examines current issues of theory and practice in the context of approaches to liability for environmental crimes in different countries, in particular the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author examines the effectiveness of legal mechanisms in both countries used to protect natural resources and environmental safety. Conclusions on the similarities and differences in law enforcement in the field of environmental legislation in the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as possible prospects for the development of environmental legislation in the countries, suggest possible ways to harmonize legal norm taking into account international experience.

Key words: environmental violations, Environment, punishment, law enforcement, Russian Federation, Republic of Belarus.

Глобальное изменение климата, истощение природных ресурсов и загрязнение окружающей среды – эти современные вызовы подчеркивают критическую важность ответственности за экологические преступления. Ответом государств должно стать не только усиление природоохранной деятельности, но и совершенствование правовых инструментов для предотвращения нарушений и назначения наказаний. Поэтому сравнительный анализ подходов

разных стран к ответственности за экологические преступления сегодня крайне актуален.

Основу уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в области экологических преступлений составляют принципы охраны окружающей среды, рационального использования ресурсов и недопущения экологического ущерба. И в России, и в Беларуси экологические преступления определяются как общественно опасные деяния, наносящие

вред окружающей среде, человеческому здоровью и экологическим системам. Это в первую очередь обусловлено тем, что истоки экологического законодательства на территории современных России и Беларуси восходят к советскому периоду, когда в 1970-х годах были разработаны первые законодательные акты, направленные на охрану природы. В РСФСР в 1960 году был принят Закон «Об охране природы» [7], который стал основой формирования экологической политики в СССР. Законодательные акты отражали стремление советского государства к сохранению природных ресурсов, что было особенно актуально в условиях индустриализации. Данный закон заложили фундамент для развития более современных и комплексных подходов к охране окружающей среды в постсоветских странах, включая Россию и Беларусь.

После распада СССР Россия и Беларусь начали формировать свои национальные системы экологического законодательства, опираясь на наследие советской правовой базы. В Российской Федерации в 1993 году был принят новый Уголовный кодекс (далее – УК РФ) [8], который включил самостоятельный раздел, посвященный экологическим преступлениям. В Республике Беларусь аналогичные нормы были внедрены в национальный Уголовный кодекс [9], что свидетельствует о схожести подходов обеих стран к охране окружающей среды. При этом каждая страна адаптировала законодательство в соответствии с собственными приоритетами и международными обязательствами, что привело к появлению уникальных черт в регулировании экологических правонарушений.

Так, в Российской Федерации более детализированное регулирование представлено в главе 26 УК РФ, охватывающей широкий спектр противоправных деяний, от загрязнения вод до уничтожения лесов. В Республике Беларусь экологические преступления регулируются менее обширно, но с акцентом на такие ключевые проблемы, как незаконная добыча природных ресурсов и нарушение правил охраны окружающей среды. Полагая, что эти различия обусловлены национальными особенностями правоприменения.

Нельзя не отметить, что в формировании уголовного законодательства России и Республики Беларусь в сфере экологических преступлений помимо советского экологического законодательства важную роль играют также международные стандарты в сфере экологического права. Например, ратификация Россией Парижского соглашения в 2021 году ускорила включение новых экологических стандартов в законы страны. Беларусь же, выполняя положения

Орхусской конвенции [10], обеспечила гражданам право на доступ к экологической информации. Участники Орхусской конвенции обязаны обеспечить общественности доступ к правосудию по делам о нарушении права на экологическую информацию, а также участие в принятии экологически значимых решений. Эти стандарты способствуют унификации природоохранных подходов и усилению ответственности за экологические правонарушения. Однако, несмотря на прогресс в выполнении международных обязательств, в октябре 2021 года Беларусь вышла из Конвенции. Власти страны объяснили этот шаг предвзятым и дискриминационным отношением со стороны руководящих органов конвенции, а также фактами давления на суверенное государство [11].

Что касается уголовного экологического законодательства, то, при наличии общих принципов, в России и Беларуси наблюдаются различия в конкретизации составов преступлений. Так, в России детально прописана ответственность за незаконную охоту и рыболовство, особенно выделяя квалифицирующие признаки (например, использование запрещенных орудий). В Беларуси же акцент сделан на нарушениях правил охраны окружающей среды при разработке и эксплуатации месторождений полезных ископаемых. Эти различия отражают специфические экологические риски и приоритеты каждой страны.

Важно отметить, что для обеих стран характерна высокая латентность экологических преступлений. Это серьезно затрудняет их выявление, расследование и профилактику. Эффективная борьба с такой преступностью требует глубокого анализа причин и условий, способствующих ей: недостатков в экологическом контроле и надзоре, а также экономических стимулов к нарушению природоохранных законов. А также нужно учесть низкий уровень экологической культуры и правосознания граждан и должностных лиц.

В Российской Федерации и Республике Беларусь уголовная ответственность за экологические преступления дифференцируется в зависимости от степени общественной опасности деяния и причиненного им вреда окружающей среде.

Так, согласно УК РФ большинство экологических преступлений квалифицируются как преступления небольшой и средней тяжести. Санкции за их совершение включают штрафы, обязательные работы и, в отдельных случаях, лишение свободы. Лишение свободы как мера наказания наиболее часто применяется за такие серьезные деяния, как уничтожение лесных насаждений или значительное загрязнение водных объектов.

В Республике Беларусь уголовное законодательство также предусматривает ответственность в виде штрафов и лишения свободы за экологические преступления. Однако, в отличие от Российской Федерации, особое внимание уделяется возмещению причиненного экологического ущерба, включая восстановление нарушенных экосистем. Это проявляется в практике применения дополнительных мер, направленных на рекультивацию земель и компенсацию негативного воздействия на природные ресурсы.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на наличие схожих мер уголовного воздействия, правоприменительная практика в России и Беларуси имеет определенные различия. Российская система уголовного экологического права в большей степени ориентирована на применение карательных мер, в то время как в белорусской системе акцент смещен в сторону восстановительных процедур и компенсации экологического ущерба, что отражает различные приоритеты в реализации политики охраны окружающей среды.

Анализ правоприменительной практики в отношении экологических преступлений в России и Беларуси выявляет как схожие тенденции, так и значимые различия. Обе страны демонстрируют активность в выявлении и преследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом природных ресурсов и загрязнением окружающей среды. В Российской Федерации, по данным за 2024 год, судами рассмотрено 7594 уголовных дела, квалифицированных по статьям 246-262 УК РФ (экологические преступления), по которым осуждено 5064 лица [12]. В Республике Беларусь за аналогичный период зарегистрировано около 16000 экологических правонарушений, что свидетельствует о высокой выявляемости подобных деяний [13].

Ключевым отличием является приоритетность различных подходов к охране окружающей среды. В Беларуси отмечается выраженный акцент на превентивных мерах, включающих активный мониторинг и предупреждение правонарушений со стороны государственных органов. В России, напротив, более выражена тенденция к применению карательных мер в отношении лиц, виновных в совершении экологических преступлений.

Необходимость совершенствования правоприменительной практики в области экологических преступлений остается актуальной задачей для обеих стран. Учитывая рост количества экологических правонарушений, возрастает потребность в оптимизации существующих механизмов правоприменения. Одной из ключевых проблем является недостаточная строгость и последова-

тельность применения норм уголовного законодательства, что снижает эффективность наказаний и ослабляет их сдерживающий потенциал. В этой связи, разработка и внедрение мер, направленных на повышение результативности правоприменительной деятельности в данной сфере, представляется крайне важной.

Сравнительный анализ уголовного экологического законодательства России и Беларуси выявил как общие тенденции в стремлении к охране окружающей среды, так и существенные различия в подходах к определению экологических преступлений и применяемым санкциям, обусловленные спецификой правовых систем и социально-экономических условий каждой страны.

В частности, несмотря на наличие отдельных глав или разделов, посвященных экологическим преступлениям в уголовных кодексах обеих стран, конкретные составы преступлений и соответствующие меры наказания значительно разнятся. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей гармонизации законодательства и обмена опытом в сфере правоприменения.

Перспективы развития уголовного экологического права в России и Беларуси напрямую связаны с активизацией международного сотрудничества, изучением и адаптацией передовых зарубежных практик. Ключевым направлением должно стать совершенствование нормативно-правовой базы, предусматривающее разработку более четких и детализированных норм, способствующих эффективной профилактике и пресечению экологических преступлений.

Для повышения эффективности правоприменительной деятельности в данной сфере необходимо усиление контроля за соблюдением природоохранного законодательства посредством внедрения современных технологий мониторинга, таких как системы спутникового наблюдения и автоматизированного анализа данных; четкое разграничение видов юридической ответственности (дисциплинарной, административной и уголовной) за нарушение экологического законодательства в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного, а также рассмотрение возможности ужесточения санкций за наиболее серьезные экологические преступления, включая увеличение размеров штрафов и расширение перечня уголовно наказуемых деяний. Хорошим примером в этом отношении является опыт Беларуси, в частности принятие закона о государственной экологической экспертизе.

Реализация названных мер позволит не только повысить уровень выявляемости и наказа-

емости экологических преступлений, но и создать эффективную систему их предотвращения, способствуя тем самым обеспечению экологической безопасности и устойчивого развития обеих стран.

Список литературы:

[1] Актуальные вопросы противодействия экологическим преступлениям: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18 мая 2022 г.). – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2022. – 104 с.

[2] Балашенко С.А., Демичев Д. М. Экологическое право Республики Беларусь : учеб. пособие. – Минск : Амалфея, 2021. – 432 с.

[3] Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы квалификации и наказания : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 448 с.

[4] Кравцов Д. А., Асташкина Е. В. Некоторые аспекты криминологической характеристики экологической преступности // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2019. — № 4(31). — [Электронный ресурс]. — URL: alley-science.ru.

[5] Коробова А. П., Кавкаева Ю. А. Анализ проблем реализации экологических прав граждан в рамках системы экологического права Российской Федерации // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2019. — № 1(28).

[6] Яжлев И.К. Методическое обеспечение оценки ущерба окружающей среде в России и за рубежом // Экология производства. - 2006. - № 6.

[7] Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 года (утратил силу) // Информационная система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70794304/> (дата обращения: 13.07.2025).

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 06 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[9] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 13.07.2025)

[10] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) от 25 июня 1998 года // Информационная система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2570739/> (дата обращения: 13.07.2025).

[11] Указ Президента Республики Беларусь «О выходе Республики Беларусь из международного договора», №247 от 18 июля 2022 года // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-247-ot-18-iyulya-2022-g> (дата обращения: 13.07.2025).

[12] Статистика Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 13.07.2025)

[13] Статистика Верховного Суда Республики Беларусь // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 13.07.2025)

Spisok literatury:

[1] Aktual'ny'e voprosy` protivodejstviya e`kologicheskim prestupleniyam: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 18 maya 2022 g.). – SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2022. – 104 s.

[2] Balashenko S.A., Demichev D. M. E`kologicheskoe pravo Respubliki Belarus` : ucheb. posobie. – Minsk : Amalfeya, 2021. – 432 s.

[3] Zhevlakov E.N. E`kologicheskie prestupleniya: ponyatie, vidy`, problemy` kvalifikacii i nakazaniya : monografiya. – Moskva : Yurlitinform, 2020. – 448 s.

[4] Kravczov D. A., Astashkina E. V. Nekotory`e aspekty` kriminologicheskoy karakteristiki e`kologicheskoy prestupnosti // Nauchno-prakticheskij e`lektronny`j zhurnal Alleya Nauki. — 2019. — № 4(31). — [E`lektronny`j resurs]. — URL: alley-science.ru.

[5] Korobova A. P., Kavkaeva Yu. A. Analiz problem realizacii e`kologicheskix prav grazhdan v ramkax sistemy` e`kologicheskogo prava Rossijskoj Federacii // Nauchno-prakticheskij e`lektronny`j zhurnal Alleya Nauki. — 2019. — № 1(28).

[6] Yazhlev I.K. Metodicheskoe obespechenie ocenki ushherba okružhayushhej srede v Rossii i za rubezhom // E`kologiya proizvodstva. - 2006. - № 6.

[7] Zakon RSFSR «Ob oxrane prirody` v RSFSR» ot 27 oktyabrya 1960 goda (utratil silu) // Informacionnaya sistema «Garant». URL: <https://base.garant.ru/70794304/> (data obrashheniya: 13.07.2025).

[8] Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii. Federal'ny`j zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 06 aprelya 2024 g.) // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.

[9] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-Z (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025 г.) // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 13.07.2025)

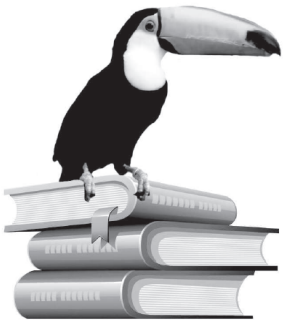
[10] Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) от 25 июня 1998 года // Информационная система «Garant». URL: <https://base.garant.ru/2570739/> (дата обращения: 13.07.2025).

[11] Указ Президента Республики Беларусь «О выезде Республики Беларусь из междunarодного

договора», №247 от 18 июля 2022 года // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-247-ot-18-iyulya-2022-g> (дата обращения: 13.07.2025).

[12] Статистика Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 13.07.2025)

[13] Статистика Верховного Суда Республики Беларусь // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 13.07.2025)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КАНГЕЗОВ Марат Русланович,
начальник кафедры специальных
дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОЛЯНДИН Николай Петрович,
профессор кафедры специальных
дисциплин СКИ(ф) КрУ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ

Аннотация. В статье на основе анализа деятельности органов внутренних дел по установлению личности неопознанных трупов выделен ряд проблемных вопросов и внесены предложения по совершенствованию правовых, организационных и тактических аспектов органов внутренних дел по данному направлению розыскной работы.

Ключевые слова: органы внутренних дел, розыск, непознанные трупы, правовое обеспечение, организация, учет.

KANGEZOV Marat Ruslanovich,
head of the department of special disciplines
North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., docent. Police Colonel

GOLYANDIN Nikolay Petrovich,
professor of the department of special disciplines
North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D., docent

PROBLEMATIC ISSUES OF SEARCH WORK ON IDENTIFICATION OF UNIDENTIFIED CORPSES

Annotation. The article, based on an analysis of the activities of internal affairs bodies to establish the identity of unidentified corpses, identified a number of problematic issues and made proposals for improving the legal, organizational and tactical aspects of the internal affairs bodies in this area of search work.

Key words: internal affairs bodies, search, unknown corpses, legal support, organization, accounting.

Анализ открытой статистической информации, проведенный на основании данных, опубликованных на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) в разделе 3.11. «Информация о розыске лиц, скрывшихся от дознания, суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших, а так же об установлении лич-

ности граждан и неопознанных трупов» [1], свидетельствует о снижении количества дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам, находившихся на учете, на протяжении последних пяти лет. При этом как следует из приведенных ниже статистических данных также отмечается сокращение числа прекращенных дел в связи с установлением личности.

Год	Всего дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам, находившихся на учете	Всего прекращено дел в связи с установлением личности	Соотношение прекращенных дел к числу находящихся на учете (%)
2020	15 061	2 580	17,1
2021	14 688	2 293	15,6
2022	14 163	1 855	13,1
2023	13 904	1 600	11,5
2024	13 205	1 230	9,3
2025 6 месяцев	11 049	203	-

Порядок организации и тактики работы в рамках сообщения об обнаружении неустановленных трупов урегулированы Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] и рядом ведомственных и межведомственных приказов. Например, действия при поступлении сообщения о подобных фактах регламентируются приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [3] и совместным приказом МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» [4].

Согласно действующему законодательству, после регистрации сообщения о обнаружении неопознанного тела в дежурной части на место происшествия выезжает следственно-оперативная группа. Ее задачей является проведение комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление причин смерти и идентификацию личности погибшего. В случае, если в течение суток личность не установлена, предусматривается проведение дополнительных специализированных оперативно-розыскных мероприятий.

Базовыми следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями на первоначальном этапе установления личности неопознанного трупа выступают: осмотр места происшествия, эксгумация и осмотр трупа, проведение ДНК-экспертизы, опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности. Кроме того, в арсенале экспертно-криминалистических центров имеется возможность осуществления экспертных исследований по идентификации лица путем совмещения прижизненной фотографии человека и изображения черепа, но чаще она дает вероятностное совпадение, поскольку категоричные отрицательные или положительные выводы возможны только при наличии медицинских документов и детального описания идентифицируемого. Данные мероприятия достаточно эффективны в большинстве случаев при обнаружении трупа с давностью смерти от суток (часов) до нескольких лет.

Однако имеются трудности при обнаружении мумифицированного, скелетированного, сгнившего или обгоревшего трупа без видимых опознавательных признаков. В таких случаях категоричное заключение об идентификации в настоящее время дает только проведение генетической экспертизы. При этом как показывает практика провести подобные исследования затруднительны в двух случаях. В первом случае - они связаны со сложностью выделения ДНК-формулы в связи с деградацией ДНК в останках из-за длительного пребывания в грунте или иных агрессивных условиях местности.

Во-втором случае сложность возникает в связи с человеческим фактором - невозможностью установления официального места захоронения останков в виду ненадлежащего ухода за ним (отсутствие номерных знаков и табличек о захоронения, зарастание местности захоронения и т.п.).

При этом, согласно ведомственным инструкциям информация о ранее разыскиваемых лицах, розыск которых был прекращен, в том числе по причинам, не связанным с установлением местонахождения или задержанием, хранится не более 20 лет, после чего она изымается и уничтожается. Таким образом осуществить сверку по возможным приметам и особенностям обнаруженных останков с давностью смерти свыше 20 лет с лицами, находящимися в розыске, не представляется возможным из-за отсутствия необходимого массива информации.

Кроме того, при первоначальном осмотре обнаруженного трупа установить давность смерти без специальных познаний и проведения судебно-медицинской экспертизы практически невозможно. При этом сроки исполнения судебной медицинской экспертизы согласно нормативным актам не должны превышать одного месяца, а при высокой загруженности экспертной деятельности и системы обработки костных останков срок исполнения в своем массиве как правило превышает 10 дней, что предусматривает необходимость заведения дела оперативного учета по факту обнаружения неустановленного трупа, а вопросы прекращения дел данной категории до настоящего времени не урегулированы в достаточной степени.

Например, в п. 4 ст. 10 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливается, что «...Дело оперативного учета прекращается в случаях решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных статьей 2 настоящего Федерального закона, а также установления обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности решения этих задач» [2]. При этом порядок прекращения дел оперативного учета в связи с нецелесообразностью ведения дела ни в законодательных, ни в ведомственных нормативно-правовых актах не определен.

Также остается открытым вопрос об идентификации трупов, которые были захоронены, но место их захоронения установить не представляется возможным в связи с ненадлежащим уходом за местом захоронения. В связи с этим отсутствует физическая возможность определения генетического профиля костных останков крими-

нальных трупов по делам, сроки ведения которых не установлены или возобновленных спустя длительный период времени.

Следует также отметить случаи обнаружения трупа, чья личность формально была установлена при наличии совпадающие идентификационных признаков, но которых недостаточно для юридического оформления установления личности, в связи с чем имеется формальный подход к заведению дела оперативного учета с целью соблюдения сроков разрешения материалов, что влияет на статистические сведения и создает дополнительную нагрузку на розыскные подразделения.

Обобщая вышеизложенное возникает обьективная необходимость по совершенствованию нормативно-правовой базы законодательства по вопросам дополнения новелл о порядке заведения, ведения и прекращения дел оперативного учета по факту обнаружений неопознанных трупов.

В частности:

- 1) ввести в содержание оснований прекращения дела оперативного учета по идентификации трупов - «наличие обстоятельств объективной невозможности решения задач ОРД»;
- 2) при обнаружении трупов, личность которых предварительно установлена, но результаты экспертизы на момент истечения сроков для принятия решения по материалу проверки еще не готовы, предусмотреть возможность продления сроков рассмотрения материала до 30 суток с целью получения заключения экспертов по геномной или сравнительной экспертизам на основании акта отождествления личности трупа, составленного сотрудником оперативного подразделения.

Список литературы:

- [1] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Текст: электронный - URL://www.fedstat.ru/indicator/36190. (Дата обращения 07.07.2025)
- [2] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями). Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. - URL: <https://base.garant.ru/10104229>. (Дата обращения 07.07.2025)
- [3] Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о

преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». – Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976> (дата обращения 07.07.2025)

[4] Приказ МВД России № 38, Генеральной прокуратуры РФ № 14, Следственного комитета РФ № 5 от 16 января 2015 г. «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц». Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70804152> (дата обращения 07.07.2025)

Spisok literatury:

[1] Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema (EMISS). Текст: электронный - URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/36190>. (Data obrashheniya 07.07.2025)

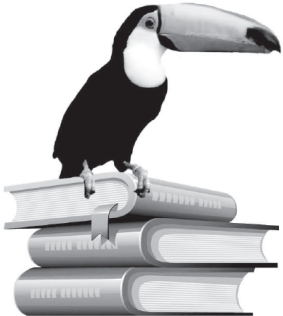
[2] Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» (s izmeneniyami i dopolneniyami). Текст: электронный //

Informacionno-pravovoj portal Garant.ru. - URL: <https://base.garant.ru/10104229>. (Data obrashheniya 07.07.2025)

[3] Prikaz MVD Rossii ot 29 avgusta 2014 g. № 736 «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke priema, registracii razresheniya v territorial'nyx organax Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii zayavlenij i soobshhenij o prestupleniyax, ob administrativnyx pravonarusheniyax, o proisshestviyax». – Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976> (data obrashheniya 07.07.2025)

[4] Prikaz MVD Rossii № 38, General'noj prokuratury RF № 14, Sledstvennogo komiteta RF № 5 ot 16 yanvarya 2015 g. «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke rassmotreniya zayavlenij, soobshhenij o prestupleniyax i inoj informacii o proisshestviyax, svyazannyx s bezvestny'm ischeznoveniem licz». Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70804152> (data obrashheniya 07.07.2025)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

НЕФЕДЬЕВА Дарья Михайловна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: nefedeva.dm@dvfu.ru

Научный руководитель:
КВАСНИКОВА Татьяна Владимировна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА КИБЕРБУЛЛИНГА В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема кибербуллинга как нового вида преступления в современном обществе. Актуальность рассматриваемой темы обуславливается отсутствием четкого определения кибербуллинга как самостоятельного уголовно наказуемого преступления. Данное обстоятельство порождает пробелы в правоприменительной практике, затрудняя привлечение виновных лиц к ответственности. Исследованы возможности применения действующего российского законодательства для противодействия кибербуллингу. Приводятся статистические данные, а также мнения других авторов в отношении киберагрессии и ее последствий. На основании проведенного анализа обоснована необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия кибербуллингу, включая возможность выделения кибербуллинга в отдельный состав преступления или усиления ответственности за уже существующие составы, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: кибербуллинг, киберагрессия, Интернет, социальные сети, анонимность, отягчающие обстоятельства, жертвы кибербуллинга, Интернет-преступления.

NEFEDIEVA Daria Mikhailovna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KVASNIKOVA Tatiana Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor
of Criminal Law and Criminology of the Law School
of the Far Eastern Federal University

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF CYBERBULLYING IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The article examines the issue of cyberbullying as a new type of crime in modern society. The relevance of the topic is due to the lack of a clear definition of cyberbullying as an independent, criminally punishable offense. This circumstance creates gaps in law enforcement practice, hindering the prosecution of perpetrators. The possibilities of applying existing Russian legislation to combat cyberbullying are investigated. Statistical data, as well as the opinions of other authors regarding cyberaggression and its consequences, are presented. Based on the analysis conducted, the necessity of improving criminal legislation in the field of combating cyberbullying is substantiated, including the possibility of identifying cyberbullying as a separate corpus delicti or increasing liability for existing offenses committed using information and telecommunication networks.

Key words: cyberbullying, cyberaggression, Internet, social networks, anonymity, aggravating circumstances, victims of cyberbullying, Internet crimes.

В эпоху стремительного развития информационных технологий и широкого распространения Интернета, общество сталкивается с новыми формами девиантного поведения, требующими адекватной правовой оценки. Одной из наиболее распространенных и опасных форм является кибербуллинг, представляющий собой целенаправленное, повторяющееся агрессивное поведение, осуществляемое с использованием электронных средств коммуникации. Кибербуллинг, оказывая разрушительное воздействие на психическое и физическое здоровье жертв, может приводить к серьезным последствиям, включая депрессию, социальную изоляцию и даже самоубийства. В связи с этим, актуальность изучения кибербуллинга с точки зрения права представляется очевидной.

По мнению Е. Лариной, пандемия коронавируса COVID-19 способствовала еще большему переходу повседневной жизни в виртуальное пространство, существенно увеличив среднее время нахождения в сети, а значит, и распространение проявлений кибербуллинга: агрессивных комментариев, психологического давления, запугивания, намеренной изоляции от общения и др [1]. С этим трудно не согласиться. Действительно, за период пандемии общество сделало целый шаг к использованию виртуального пространства в самых разных сферах. К сожалению, это также повлекло за собой увеличение числа случаев кибербуллинга. Необходимость в социальном дистанцировании и ограничениях на офлайн-активность привели к тому, что общество стало более уязвимо для онлайн-агрессии. Растет потребность в эффективных мерах защиты от киберагрессии и формирования культуры безопасного поведения в цифровом пространстве.

Кибербуллинг является важной проблемой в современном обществе, так как с появлением Интернета уровень преступности в данной сфере растет. Однако, несмотря на рост преступности, законодательство до сих пор в полной мере не урегулировало ответственность за такие деяния.

Волкова Е. Н., Волкова И. В., Голубовская А. С., проанализировав это явление в зарубежных источниках, выделяют различные формы кибербуллинга:

1. Перепалки (flaming) - обмен короткими эмоциональными репликами между двумя и более людьми, которые разворачиваются обычно в публичных местах Сети [2]. Не совсем понятно, что подразумевается под «публичными местами Сети» в контексте определения. Мы предполагаем, что под ними понимаются онлайн-платформы и пространства (форумы, разделы комментариев

к статьям и новостям, публикации в социальных сетях, онлайн-игры, открытые каналы в мессенджерах и т.д.).

2. Нападки (harassment) - повторяющиеся оскорбительные сообщения с перегрузкой персональных каналов коммуникации. Нападки чаще всего встречаются также в чатах и на форумах. В онлайн-играх эту технологию чаще всего используют грифферы (grieffers) - группа игроков, имеющих целью не победу, а разрушение игрового опыта других участников [2]. Неясно, что тут имели в виду авторы. Как мы понимаем, здесь подразумевается создание ситуации, когда жертва подвергается настолько интенсивному потоку оскорбительных сообщений, что нормальное функционирование её личных каналов связи становится невозможным. Это приводит к ощущению преследования, беспомощности и изоляции.
3. Клевета (denigration) - распространение оскорбительной и лживой информации [2]. Согласно статье 128.1 УК РФ, данное деяние само по себе является уголовно наказуемым. Однако, если клевета совершается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, ответственность за данное преступление возрастает. В этом случае, способ совершения уголовного деяния является квалифицирующим признаком, то есть признаком, отягчающим наказание по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, что влечет более строгое наказание.
4. Самозванство (impersonation) - способ травли, при котором преследователь позиционирует себя как жертву, используя ее пароль доступа к аккаунту в социальных сетях, в блоге, почте, системе мгновенных сообщений. Также преследователь может создать свой аккаунт с аналогичным никнеймом и осуществлять от имени жертвы негативную коммуникацию [2]. По мнению авторов, преследователь позиционирует себя только как жертву. Однако, мы считаем, что цель самозванства заключается не просто в представлении себя жертвой, но и в том, чтобы ввести в заблуждение окружающих, нанести ущерб репутации жертвы, выманить конфиденциальную информацию у её контактов или совершить иные противоправные действия от её имени, где преступник выступает уже не в роли жертвы, а в роли агрессора.
5. Надувательство (outing & trickery) - получение персональной информации и ее публи-

кация в Интернете и/или передача информации тем, кому она не предназначена [2]. Термин «надувательство» акцентирует внимание только на несанкционированной передаче информации. Однако, на наш взгляд, под надувательством может пониматься не только передача информации лицу, которому она не предназначена, но также под данным понятием следует понимать использование обмана с применением различных манипулятивных техник, преступных схем и иных нечестных методов для получения доступа к персональной информации.

6. Отчуждение (isolation) - способ травли, при котором жертва не может получить доступ к своей собственной информации в результате утраты контроля над ней. Данное явление возможно в любых средах, где используется защита паролем, формируется список нежелательной почты или список друзей. Может проявляться также в отсутствии ответа на мгновенные сообщения или электронные письма [2]. С данным утверждением авторов можно согласиться. Представленное описание отчуждения как способа травли, лишаящего жертву доступа к своей информации, является исчерпывающим и точным.
7. Киберпреследование (cyber stalking) - скрытое выслеживание жертвы с целью организации нападения, избиения, изнасилования офлайн [2]. Данная форма киберпреступности представляет особую угрозу, так как виртуальное преследование перерастает в реальные преступления, предусмотренные УК РФ (ст.ст. 116, 131 УК РФ).
8. Хеппислеппинг (happy slapping) - публикации видео с записями реальных сцен насилия на мобильные телефоны или камеры [2]. В 2024 году публичная демонстрация преступлений, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), была признанаотягчающим обстоятельством. Соответствующие поправки внесены в п. «о» ч. 2 ст. 105 и п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ, а также в п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Также сюда можно отнести и другие статьи Особенной части УК РФ, а именно ст.ст. 137, 242, 242.1, 274 УК РФ.
9. Секстинг (sexting) - рассылка или публикации фото и видео с обнаженными и полуобнаженными людьми [2]. Секстинг может подпадать под действие УК РФ как нарушение конституционных прав и свобод чело-

века (глава 19 УК РФ). Данное деяние может быть квалифицировано как преступление, что влечет за собой уголовную ответственность за совершение данной формы кибербуллинга.

Таким образом, мы видим, что существует множество разных форм кибербуллинга. Все представленные формы, безусловно, неправомерны. Однако, в то время как некоторые из них ограничиваются виртуальным пространством и не представляют непосредственной угрозы для общества, другие (пункты 3, 7, 8) могут перерасти в реальные преступления, представляя серьезную опасность.

Согласно проведенному исследованию, нами была выведена еще одна форма кибербуллинга – троллинг. Троллинг — размещение в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать негативную эмоциональную реакцию или конфликты между участниками Интернет-общения [3].

Согласно исследованиям VK, «каждый третий пользователь (33%) становился жертвой травли в Сети. Кибербуллинг становится всё более серьезной проблемой, и вопрос защиты от агрессивного поведения в Интернете встает особенно остро. По данным исследований, троллинг является наиболее распространенной формой Интернет-травли, затронувшей 65% жертв кибербуллинга. Другие распространенные формы включают разжигание ненависти (48%), распространение клеветы (43%) и киберсталкинг (22%).

В современном мире всё острее стоит проблема обеспечения кибербезопасности и защиты от агрессии в Интернете. Для оценки текущей обстановки и определения онлайн-платформ, где кибербуллинг наиболее выражен, обратимся к исследованию ВЦИОМ, изучавшему восприятие кибертравли в различных социальных сетях и мессенджерах.

Согласно последним данным исследования ВЦИОМ, всё больше пользователей (13%) считают, что оскорбления и агрессивное поведение в сети встречаются одинаково часто на всех онлайн-платформах. За последние три года эта точка зрения стала значительно популярнее: в 2021 году так думали лишь 5%. Однако, если рассматривать конкретные платформы, то наибольшее число пользователей (27%) считает, что именно в социальной сети ВКонтакте чаще всего можно столкнуться с кибертравлей. Этот показатель вырос на 5 процентных пунктов с 2021 года. Telegram, который ранее не фигурировал в данном рейтинге, занял второе место, заняв 16% и сместив Instagram (Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 г. деятель-

ность Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) запрещена на территории РФ). Это изменение, вероятно, связано с блокировкой последнего в России, в результате чего аудитория перешла на другие доступные платформы. Каждый десятый пользователь считает, что деструктивное поведение наиболее характерно для YouTube. Одноклассники сохранили свою позицию (8%), в то время как показатель Instagram (Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 г деятельность Facebook и Instagram (принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) снизился на 10 процентных пунктов за три года, 6% респондентов отметили TikTok. Реже всего, по мнению россиян, кибербуллингу подвержены пользователи WhatsApp (2%), Facebook, Twitter и Дзен (по 1%). При этом около четверти опрошенных (28%) затруднились назвать наиболее опасные для ментального здоровья социальные сети и мессенджеры.

Кибербуллинг - это не просто виртуальная травля. Она оказывает комплексное влияние на жертву. Согласно исследованию VK, эмоциональное состояние жертв кибербуллинга характеризуется негативными чувствами, такими как раздражение, обида, подавленность, тревога и страх. Негативное влияние кибербуллинга проявляется не только в эмоциональной сфере, но и на физическом уровне. Примечательно, что около 70% пострадавших также сообщают о физических симптомах, включая головные боли и нарушения сна. Сочетание физических недомоганий и эмоциональных страданий, возникающих в результате кибербуллинга, серьезно ухудшает качество жизни, снижает работоспособность, успеваемость и общую эффективность функционирования в повседневной жизни.

Обобщая представленные данные, можно констатировать, что кибербуллинг является распространенным и многогранным явлением, принимающим различные формы, от онлайн-агрессии до реальных преступлений. Рост числа случаев кибербуллинга подчеркивает необходимость постоянного мониторинга ситуации и разработки эффективных мер противодействия этому негативному социальному явлению.

Российское законодательство на данный момент не имеет прямого регулирования в отношении кибербуллинга. Это не означает, что подобные действия остаются безнаказанными, поскольку они могут содержать признаки иных составов преступлений. Помимо того, что было указано выше, кибербуллинг может вести и к иным преступлениям: ст.ст. 110, 110.2, 119, 138, 272.1, 282 УК РФ.

Действующее законодательство, хоть и предусматривает ответственность за отдельные действия, совершаемые в рамках кибербуллинга, но при этом оно не в полной мере учитывает его специфику. В частности, отсутствует четкое понимание того, какие действия следует квалифицировать как кибербуллинг.

Ситуацию усугубляет анонимность правонарушителей, так как невозможно установить личность преступника, использующего поддельные аккаунты, что делает привлечение к ответственности крайне сложным. Анонимность агрессора усиливает страх и усугубляет ситуацию. В отличие от физического насилия, долгосрочные психологические последствия кибербуллинга значительно вредят психическому здоровью. Распознать жертву эмоционального насилия не всегда легко, но знание эмоций и психологических признаков может помочь в своевременном реагировании и оказании помощи [4], - отмечают Е. В. Колесникова и В. В. Баруткина. Анонимность в Интернете позволяет агрессорам скрывать свою личность, что снижает чувство ответственности и страх перед последствиями. Доступность Интернета 24/7 и широкая аудитория создают среду, в которой буллинг может распространяться с огромной скоростью, достигая множества людей и причиняя жертве максимальный вред.

Отсутствие в УК РФ специальной статьи, предусматривающей ответственность за использование анонимности в сети Интернет, создает ощущение безнаказанности у лиц, совершающих противоправные деяния, в том числе кибербуллинг. Для эффективного противодействия Интернет-травле необходимо внести изменения в уголовное законодательство, направленные на криминализацию кибербуллинга, а именно:

- рассматривать использование анонимных аккаунтов или иных средств сокрытия личности при совершении кибербуллинга как обстоятельство, отягчающее вину и, соответственно, влекущее за собой более строгое наказание. Данная мера послужит фактором, сдерживающим потенциальных правонарушителей;
- предусмотреть ответственность для лиц, оказывающих содействие в сокрытии личности агрессоров или распространении контента, содержащего признаки травли.

Проведенное исследование подтверждает, что кибербуллинг представляет собой серьезную социальную проблему, требующую надлежащей правовой оценки квалификации. Разрушительное влияние Интернет-травли на психическое и физическое здоровье пострадавших, особенности распространения в виртуальной среде, а также трудности, возникающие при доказывании факта агрессии, указывают на недостаточность дей-

ствующих правовых норм для эффективной защиты прав и свобод граждан. Эволюционируя вместе с развитием технологий, кибербуллинг обретает новые формы и масштабы, оказывая разрушительное воздействие на благополучие жертв, а также провоцируя долгосрочные социальные последствия. Анализ существующего законодательства и профилактических мер выявил необходимость в более четком правовом определении кибербуллинга, а также в ужесточении ответственности за его совершение. Первостепенное значение приобретает разработка эффективных инструментов для выявления, пресечения и предотвращения кибербуллинга. Безусловно, разработка и принятие отдельного федерального закона, направленного на противодействие кибербуллингу, является актуальной необходимостью. Такой законодательный акт должен содержать четкое определение понятия «кибербуллинг», перечень его разновидностей и форм, а также устанавливать ответственность в отношении лиц, виновных в совершении подобных действий. Это обеспечит юридическую защиту участников общественных отношений от проявлений онлайн-агрессии и позволит более эффективно бороться с этим негативным явлением.

Список литературы:

[1] Ларина Е. В. О Современном Состоянии Проблемы Кибербуллинга // Социология и право. 2022. №3.

[2] Волкова Е. Н., Волкова И. В., Голубовская А. С. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. №2.

[3] Михайлова А. Д. Феномен интернет-троллинга: определение понятия и его возникновение // Вестник магистратуры. 2023. №4-1 (139).

[4] Колесникова, Е. В. Кибербуллинг как новая форма воздействия на несовершеннолетних / Е. В. Колесникова, В. В. Баруткина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 15 (566). — С. 251-253.

Spisok literatury:

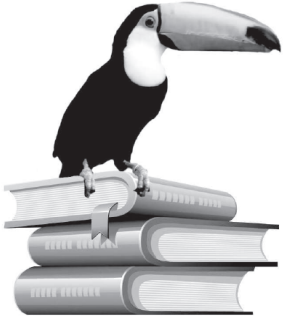
[1] Larina E. V. O Sovremennom Sostoyanii Problemy` Kiberbullinga // Sociologiya i pravo. 2022. №3.

[2] Volkova E. N., Volkova I. V., Golubovskaya A. S. Obzor zarubezhny`x issledovanij po probleme kiberbullinga sredi podrostkov i molodezhi // Teoreticheskaya i e`ksperimental'naya psixologiya. 2019. №2.

[3] Mixajlova A. D. Fenomen internet-trollinga: opredelenie ponyatiya i ego vzniknovenie // Vestnik magistratury`. 2023. №4-1 (139).

[4] Kolesnikova, E. V. Kiberbulling kak novaya forma vozdeystviya na nesovershennoletnix / E. V. Kolesnikova, V. V. Barutkina. — Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. — 2025. — № 15 (566). — S. 251-253.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы
центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

РЯБЫХ Сергей Борисович,
начальник кафедры организации режима, охраны
и конвоирования Воронежского института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: sergey_687@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ И ПОДДЕРЖКИ ЛИЦ ОСВОБОЖДЁННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье исследуются правовые механизмы административного надзора и пробации как инструментов обеспечения общественной безопасности и социальной адаптации лиц, освобождённых из мест лишения свободы. Автор рассматривает особенности применения этих мер, их правовую природу и задачи, а также проблемы взаимодействия между органами, осуществляющими надзор и пробацию. Особое внимание уделяется различиям в подходах: пробация предполагает помощь и поддержку, тогда как административный надзор устанавливает ограничения и контроль. В работе подчёркивается необходимость совершенствования механизмов применения данных мер с учётом индивидуальных особенностей каждого поднадзорного лица.

Ключевые слова: административный надзор, пробация, постпенитенциарный контроль, социальная адаптация, правовая помощь, ограничения прав, индивидуальная реабилитация, взаимодействие органов, профилактика рецидивов, обеспечение безопасности.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Leading Researcher of the Department for Improving
the Regulatory Regulation of the Penitentiary System
of the Center for the Study of Management Problems and
the Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System
of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences

RYABYKH Sergey Borisovich,
Head of the Department of Organization of Regime, Security and Escort
of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

MECHANISMS FOR MONITORING AND SUPPORTING PERSONS RELEASED FROM PRISONS

Annotation. The article examines legal mechanisms of administrative supervision and probation as instruments for ensuring public safety and social adaptation of individuals released from places of imprisonment. The author considers the specifics of applying these measures, their legal nature, and objectives, as well as the problems of interaction between the bodies implementing supervision and probation. Special attention is paid to the differences in approaches: probation involves assistance and support, while administrative supervision imposes restrictions and control. The paper emphasizes the need to improve the mechanisms for applying these measures, taking into account the individual characteristics of each supervised person.

Key words: *administrative supervision, probation, post-penitentiary control, social adaptation, legal aid, restrictions on rights, individual rehabilitation, interaction of bodies, prevention, social rehabilitation. rights, individual rehabilitation, cooperation of bodies, prevention of recidivism, security. recidivism prevention, security.*

В современной уголовно-исполнительной политике государства особое внимание уделяется мерам, направленным на ресоциализацию и адаптацию лиц, освобождённых из мест лишения свободы. Среди таких мер выделяются пробация и административный надзор, которые имеют общие цели, но различаются по своей правовой природе, механизмам реализации и задачам.

Пробация — это комплекс мер, направленных на помощь лицам, освобождённым из мест лишения свободы, в их социальной адаптации и ресоциализации. Она включает в себя психологическую, социальную и юридическую помощь, содействие в трудоустройстве, обучении и получении образования, а также контроль за поведением освобождённых лиц. Пробация регулируется Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации», который определяет её цели, принципы, порядок применения и основные направления деятельности.

Административный надзор — это мера, направленная на обеспечение общественной безопасности и предотвращение совершения новых преступлений со стороны лиц, имеющих криминальное прошлое. Он предусматривает установление определённых ограничений и обязанностей для поднадзорных лиц, что способствует их социальной адаптации и снижению вероятности рецидива. Административный надзор регулируется Федеральным законом от 06.04.2011 N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» и детализирован в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 15 (ред. от 22.12.2022) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы».

Пробация направлена на помощь и поддержку лиц, освобождённых из мест лишения свободы, в их социальной адаптации, тогда как административный надзор — на контроль за их поведением и предотвращение совершения новых преступлений. Пробация предполагает индивидуальный подход к каждому лицу, освобождённому из мест лишения свободы, и включает в себя широкий спектр мер помощи и поддержки. Административный надзор, напротив, предусматривает установление стандартных ограничений и обязанностей, которые могут быть применены к широкому кругу лиц.

Несмотря на то, что система административного надзора действует в нашей стране уже

более 13 лет, результаты её деятельности, в связи с приведенными выше статистическими данными, нельзя признать удовлетворительными, так как уровень рецидивной преступности в Российской Федерации остается высоким. Необходимо отметить, что это в том числе связано с тем, что вышеуказанный нормативно-правовой акт предназначен в первую очередь для пресечения преступлений и правонарушений и в целом, несмотря на наличие указания на необходимость индивидуального профилактического воздействия на рецидивиста, указанный нормативно-правовой акт является сборником императивных нормативно-правовых норм, предназначенных в первую очередь для профилактики преступности и не включает в себя таких важных мер как ресоциализация преступников-рецидивистов. [1] Вместе с тем, пробация не влечёт за собой ограничений прав и свобод лиц, освобождённых из мест лишения свободы, а направлена на их восстановление и развитие. Административный надзор, напротив, предполагает установление ограничений, которые могут влиять на права и свободы поднадзорных лиц.

Пробацию осуществляют специализированные органы и учреждения, которые имеют соответствующую квалификацию и опыт работы с лицами, освобождёнными из мест лишения свободы. Административный надзор осуществляется органами внутренних дел. По мнению Старостина С.А. и Анискиной Н.В., наличие развернутой системы исправительных центров на территории России может стать существенным аргументом при назначении судами альтернативных видов наказаний, исполнение которых позволит не отрывать осужденных от социума [2]. Однако несмотря на создание системы ресоциализации осужденных, остается ещё много проблем. Одной из таких проблем, по мнению автора требующих незамедлительного решения, кроется в отсутствии взаимодействия МВД России и ФСИН России в борьбе с рецидивной преступностью. Так, ни в одном из перечисленных нормативно-правовых актов этот механизм не прописан, несмотря на парадоксальное упоминание в них необходимости взаимодействия.

Пробация может быть применена на различных этапах социальной адаптации лиц, освобождённых из мест лишения свободы, в зависимости от их индивидуальных потребностей и обстоятельств. Административный надзор устанавливается на определённый срок, который определяется судом.

Несмотря на различия, пробация и административный надзор имеют общие цели — обеспечение безопасности общества и помощь лицам, освобождённым из мест лишения свободы, в их социальной адаптации. Поэтому важно обеспечить взаимодействие и координацию между органами, осуществляющими пробацию и административный надзор, чтобы максимально эффективно использовать потенциал каждой меры.

Для достижения максимальной эффективности пробации и административного надзора необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого лица, освобождённого из мест лишения свободы. Это предполагает разработку индивидуальных планов реабилитации и социальной адаптации, учитывающих личные качества, криминальное прошлое и другие факторы. Такой подход позволит более точно определить необходимые меры помощи и контроля, а также разработать меры по содействию социальной адаптации освобождённых лиц.

Анализ научной литературы показывает, что вопрос о соотношении пробации и административного надзора является предметом дискуссий. Некоторые исследователи считают, что пробация и административный надзор являются взаимодополняющими мерами, которые могут эффективно использоваться в комплексе для достижения общих целей. Другие же высказывают опасения относительно возможных противоречий между этими мерами и необходимости чёткого разграничения их применения. [3]

Тем не менее практика применения пробации и административного надзора свидетельствует о их определённой эффективности в предотвращении рецидивов и обеспечении безопасности общества. Установление ограничений и обязанностей позволяет контролировать поведение поднадзорных лиц, предотвращать их контакты с криминальной средой и способствовать их социальной адаптации. Однако для повышения эффективности пробации и административного надзора необходимо совершенствовать механизмы их применения, учитывая индивидуальные особенности поднадзорных лиц и разрабатывая индивидуальные планы реабилитации и социальной адаптации.

Таким образом, пробация и административный надзор представляют собой важные меры, направленные на обеспечение безопасности общества и помощь лицам, освобождённым из мест лишения свободы, в их социальной адаптации. Для достижения максимальной эффективности необходимо обеспечить взаимодействие и координацию между органами, осуществляющими пробацию и административный надзор, а также учитывать индивидуальные особенности каждого поднадзорного лица.

Таким образом, и пробация и административный надзор являются важными инструментами в системе мер по борьбе с рецидивом преступлений и обеспечению безопасности общества. Они имеют общие цели, но различаются по своей правовой природе, механизмам реализации и задачам. Для достижения максимальной эффективности необходимо обеспечить взаимодействие и координацию между органами, осуществляющими пробацию и административный надзор, а также разрабатывать индивидуальные планы реабилитации и социальной адаптации для каждого поднадзорного лица. Это потребует дальнейшего совершенствования законодательства и практики применения пробации и административного надзора, а также проведения научных исследований в этой области.

Список литературы:

[1] Трифонов, А. Ю. Административный надзор и пробация, грани взаимодействия в борьбе с рецидивной преступностью / А. Ю. Трифонов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 4. – С. 29-31. – EDN EIZKHX.

[2] Старостин, С. А. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития / С. А. Старостин, Н. В. Анискина // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 2(58). – С. 204-212. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010. – EDN LEWAPX.

[3] Репьев, А. Г. Специальные принципы осуществления административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: сущность, содержание и виды / А. Г. Репьев, Е. В. Кашкина // Административное право и процесс. – 2019. – № 2. – С. 61-65. – EDN YUGPET.

Spisok literatury:

[1] Trifonov, A. Yu. Administrativnyj nadzor i probaciya, grani vzaimodejstviya v bor'be s recidivnoj prestupnost'yu / A. Yu. Trifonov // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2024. – № 4. – С. 29-31. – EDN EIZKHX.

[2] Starostin, S. A. Sluzhba probacii v Rossii: vybor politiki i perspektivy razvitiya / S. A. Starostin, N. V. Aniskina // Penitenciarnaya nauka. – 2022. – Т. 16, № 2(58). – С. 204-212. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010. – EDN LEWAPX.

[3] Rep'ev, A. G. Special'ny'e principy osushchestvleniya administrativnogo nadzora za liczami, osvobozhdenny'mi iz mest lisheniya svobody: sushhnost', sodержание i vidy / A. G. Rep'ev, E. V. Kashkina // Administrativnoe pravo i process. – 2019. – № 2. – С. 61-65. – EDN YUGPET.

БЕТРОЗОВ Анзор Олегович,
заместитель начальника отдела дознания –
начальник отделения УМВД России «Нальчик»,
майор полиции,
e-mail: betrozik85@mail.ru

МАМБЕТОВА Карина Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х.М. Бербекова»,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Процедура выделения уголовного дела в отдельное производство в рамках предварительного расследования является важным элементом уголовного процесса. Этот институт позволяет оптимизировать работу органов предварительное расследования и обеспечить эффективное и оперативное расследование преступлений. Однако на практике возникают сложности, связанные с правоммерностью и целесообразностью применения данной процедуры. В настоящей статье рассматриваются основные аспекты выделения уголовного дела в отдельное производство, анализируются применяемые нормы российского уголовно-процессуального законодательства и предлагаются рекомендации по улучшению рассматриваемой процедуры.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, уголовное дело, следствие, дознание, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, преступление, квалификация, выделение уголовного дела.

BETROZOV Anzor Olegovich,
Deputy Chief of the Investigation Department –
Chief of the Department of the UMVD of Russia “Nalchik”,
police Major

MAMBETOVA Karina Mikhailovna,
candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of Constitutional and
of Administrative Law of the Institute of Law of Economics and Finance
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov”

ON THE QUESTION OF SEPARATING A CRIMINAL CASE INTO A SEPARATE PROCEEDING WITHIN THE FRAMEWORK OF A PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The procedure for separating a criminal case into a separate proceeding within the framework of a preliminary investigation is an important element of criminal proceedings. This institution allows optimizing the work of preliminary investigation bodies and ensuring effective and prompt investigation of crimes. However, in practice, difficulties arise related to the legality and appropriateness of applying this pro-

cedure. This article examines the main aspects of separating a criminal case into a separate proceeding, analyzes the applicable norms of Russian criminal procedure legislation, and offers recommendations for improving the procedure in question.

Key words: criminal process, preliminary investigation, criminal case, investigation, inquiry, Criminal Procedure code of the Russian Federation, crime, qualification, separating a criminal case.

Правовые основания выделения уголовного дела в отдельное производство регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ). Согласно ст. 154 УПК РФ [1], выделение уголовного дела в отдельное производство применяется в тех случаях, когда в ходе предварительного расследования возникает необходимость выделения части дела из-за невозможности производства следственных и процессуальных действий по всему объему уголовного дела.

Основания для выделения могут быть связаны с:

- 1) установлением новых эпизодов преступной деятельности;
- 2) выявлением новых участников, вовлеченных в совершённые преступления;
- 3) особым порядком проведения расследования по отношению к отдельным категориям соучастников [3,4,5,6];
- 4) необходимостью ускорения расследования отдельных эпизодов или действий отдельных лиц.

Процедура выделения начинается с вынесения постановления следователем или дознавателем, которое оформляется в рамках уголовного дела. В постановлении должны быть четко указаны основания для выделения и обоснование такого решения [2]. После утверждения постановления, выделенная часть дела получает новый регистрационный номер и становится самостоятельным уголовным делом.

Однако выделение уголовного дела в отдельное производство сталкивается с рядом проблем, связанных с:

- 1) обоснованием решения о выделении дела, что может повлечь за собой признание действий следователя незаконными и нарушение прав участников процесса;
- 2) ошибки при квалификации выделенных эпизодов, что затрудняет дальнейшее расследование.
- 3) влияние выделения на сроки расследования, особенно если выделенная часть дела требует значительных временных затрат.

Судебная практика по вопросам выделения уголовного дела в отдельное производство демонстрирует разнообразие решений и подходов. Некоторые судебные решения отменяют выделение дела из-за недостаточного обоснования или нарушения процессуальных норм, в то

время как другие поддерживают следователей и дознавателей в их действиях.

Совершенствование процедуры выделения уголовного дела в отдельное производство предлагается проводить по следующим направлениям:

- 1) уточнение законодательных норм, что предполагает детализацию законодательных норм, регулирующих основание и процесс выделения уголовного дела в отдельное производство, что позволит повысить прозрачность процесса и минимизировать процедурные ошибки.
- 2) повышение квалификации следственных органов, систематическое обучение следователей и дознавателей по вопросам правильного применения процедуры выделения уголовного дела в отдельное производство и общих норм уголовного процесса может улучшить качество принятия решений и повысить эффективность расследований.
- 3) введение дополнительных критериев для выделения, рекомендаций для выделения уголовных дел, учитывающих сложность дел, степень участия обвиняемых и другие важные факторы.

Выделение уголовного дела в отдельное производство является важным инструментом в уголовном процессе, позволяющим сделать расследование более эффективным и быстрым. Для оптимизации этого процесса необходимо:

- уточнение и детализация правовых норм, регулирующих процедуру выделения.
- улучшение обучения и повышения квалификации сотрудников следственных органов.
- создание четких рекомендаций для выделения дел, основанных на практике и анализе ошибок.

Только посредством комплексного подхода можно добиться справедливого, эффективного предварительного расследования, соблюдения прав всех его участников.

Список литературы:

[1] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

[2] Рязанцев В.А. Процессуальный порядок выделения уголовного дела и материалов в стадии предварительного расследования // Научный портал МВД. 2014. № 3. С. 24-28.

[3] Меджидов М.М., Дациева Х.Г. Порядок выделения уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Закон и право. 2022. № 2. С. 167-169.

[4] Плошкина Я.М. Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2024. № 3 (56). С. 58-65.

[5] Тетюев С.В. Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего: история нормативной регламентации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 78-82.

[6] Шигурова Е.И. Выделение уголовного дела при наличии оснований для приостановления производства по уголовному делу в отношении отдельных подозреваемых, обвиняемых // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 4 (11). С. 67-73.

Spisok literatury:

[1] «Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ // SZ RF. 2001. № 52. St. 4921.

[2] Ryazancev V.A. Processual'nyj poryadok vy'deleniya ugovnogo dela i materialov v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Nauchnyj portal MVD. 2014. № 3. S. 24-28.

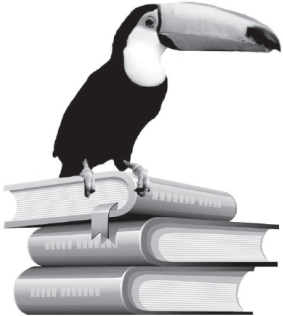
[3] Medzhidov M.M., Dacueva X.G. Poryadok vy'deleniya ugovnyx del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Zakon i pravo. 2022. № 2. S. 167-169.

[4] Ploshkina Ya.M. Vy'delenie ugovnogo dela v otdel'noe proizvodstvo v otnoshenii licza, zaklyuchivshego dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // Teoriya i praktika pravooxranitel'noj deyatel'nosti. 2024. № 3 (56). S. 58-65.

[5] Tetyuev S.V. Vy'delenie v otdel'noe proizvodstvo ugovnogo dela v otnoshenii nesovershennoletnego: istoriya normativnoj reglamentacii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2008. № 2. S. 78-82.

[6] Shigurova E.I. Vy'delenie ugovnogo dela pri nalichii osnovanij dlya priostanovleniya proizvodstva po ugovnomu delu v otnoshenii otdel'nyx podozrevaemyx, obvinyaemyx // Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. 2020. № 4 (11). S. 67-73.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ХАКИМОВА Эльмира Робертовна,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАРИФУЛЛИНА Разиля Файзуллиновна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы квалификации преступлений в сфере оборота контрафактной продукции, а также отличие и квалификация ст.ст. 1711 и 1713 УК РФ. Приводятся примеры правоприменительной практики по вопросам, связанным с пресечением распространения контрафактной продукции.

Ключевые слова: квалификация, оборот контрафактной продукции, товары и продукция без маркировки, без лицензии, алкогольная, спиртосодержащая, табачная продукция.

KHAKIMOVA Elmira Robertovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

GARIFULLINA Razilya Fayzullinovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

SOME ISSUES RELATED TO THE QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL CIRCULATION OF COUNTERFEIT PRODUCTS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article discusses certain issues related to the qualification of crimes in the field of counterfeit products, as well as the differences and qualifications of Articles 1711 and 1713 of the Criminal code of the Russian Federation. Examples of law enforcement practice on issues related to the suppression of the spread of counterfeit products are given.

Key words: qualifications, circulation of counterfeit products, goods and products without labels, without a license, alcoholic, alcohol-containing, and tobacco products.

Оборот контрафактной продукции в Российской Федерации - одно из наиболее прибыльных направлений деятельности преступных объединений. О значимости проблемы

борьбы с оборотом контрафактной продукции свидетельствует значительное внимание со стороны Президента Российской Федерации. Так, В.В. Путин в своих выступлениях неоднократно

подчеркивал важность борьбы с нелегальным товарооборотом, необходимость улучшения конкурентной среды для бизнеса [1] и усиления ответственности за оборот контрафактных товаров [2].

Сфера оборота подакцизных товаров, таких как алкогольная, спиртосодержащая, табачная и никотинсодержащая продукция, а также сырья для их производства, является объектом строго государственного регулирования в Российской Федерации. Уголовный закон предусматривает ответственность за наиболее опасные нарушения установленного порядка, используя для этого две смежные, но различные по своей природе нормы: ст. 1711 УК РФ и ст. 1713 УК РФ.

Статья 1711 УК РФ устанавливает ответственность за оборот товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации. В ст. 1713 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна.

Отметим, что внесенные изменения и дополнения, в ст. 1711 УК РФ и ст. 1713 УК РФ в последние годы, установление уголовной ответственности за незаконное производство и оборот табачной продукции, ужесточение наказаний за оборот контрафактной продукции так и не смогли в достаточной мере улучшить ситуацию с противодействием обороту контрафакта.

Эти нормы имеют схожие признаки предмета и объективной стороны, но имеют существенные различия с точки зрения квалификации деяний. Актуальность исследования проблем разграничения указанных составов преступлений определяется также необходимостью обеспечения единообразия судебной практики и защиты от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Несмотря на кажущуюся ясность объектов правовой охраны, на практике возникают существенные сложности при квалификации деяний, связанных с незаконным производством и оборотом указанной продукции, что обусловлено частым одновременным нарушением как лицензионно-разрешительных требований (объект ст. 1713 УК РФ), так и требований маркировки (объект ст. 1711 УК РФ).

Различие указанных составов преступлений состоит также в том, что, если предметом преступления выступает продукция, качественный состав которой не соответствует требованиям, установленным в Федеральном законе от

22.11.1995 № 171 о регулировании производства и оборота алкогольной продукции, то признаки ст. 1711 УК РФ отсутствуют. Такой вывод основан на том, что, исходя из требований указанного Федерального закона, маркироваться акцизными марками или федеральными специальными марками должна только продукция, отвечающая установленным государственным стандартам качества и соответствия.

Важно отметить, что судебно-следственная практика по вопросам квалификации таких деяний неединообразна. Так, суд апелляционной инстанции, отменяя приговор, указал, что предметом ст. 1711 УК РФ, может быть только алкогольная или спиртосодержащая продукция, изготовленная на конкретном предприятии и соответствующая установленным стандартам качества [3]. В то же время, Президиум Белгородского областного суда отменил апелляционный приговор в отношении Л. и Д., указав, что «предметом преступления, предусмотренного ст. 1711 УК РФ, является в первую очередь алкогольная продукция, произведенная нелегально, независимо от того, кем она произведена и соответствует ли требованиям стандартов» [4].

Проанализировав уголовные дела, признаки анализируемых составов преступлений, отметим, что ключевое отличие состоит в предмете преступлений и сути общественно-опасного нарушения. При производстве, приобретении, хранении, перевозке или сбыте товаров без маркировки (ст. 1711 УК РФ) суть нарушения состоит в отсутствии маркировки или обязательных сведений, даже если товар произведен легально. В частности, речь идет о ситуациях при реализации сигарет и алкоголя без акцизных марок.

При незаконном производстве (обороте) этилового спирта, алкоголя, табака, никотинсодержащей продукции (ст. 1713 УК РФ) предметом выступают строго подакцизные товары (спирт, алкоголь, табак, никотиновые изделия).

Суть противоправного деяния при квалификации по ст. 1713 УК РФ состоит в обороте без лицензии или с нарушением её условий, наличие маркировки в данном случае не повлияет на квалификацию по данной статье. В частности, речь идет о ситуациях по розливу водки в подпольном цеху, нелегальном импорте сигарет. То есть, если товар качественный, но без маркировки, необходимо вменять только ст. 1711 УК РФ, а если товар нелегальный (без лицензии) - ст. 1713 УК РФ.

Мы поддерживаем мнение М.Г. Жилкина, который отмечает, что один из указанных составов необходимо вменять, если «легальный» предприниматель осуществляет оборот немаркированной алкогольной продукции либо, наоборот, «нелегальный» предприниматель осуществляет

оборот маркированной алкогольной продукции [5, с. 29]. Поэтому, полагаем целесообразно дополнить диспозиции ст. 1711 УК РФ и 1713 УК РФ, уточнив, предмет преступных посягательств.

Еще одним из проблемных вопросов разграничения и квалификации ст. 1711 УК РФ и ст. 1713 УК РФ является ситуация, когда незаконная деятельность одновременно нарушает требования и лицензионного законодательства, и законодательства о маркировке. В частности, наиболее распространенная коллизия случается при производстве немаркированной водки в подпольном цеху без лицензии. В таком случае необходимо квалифицировать деяние по совокупности ст. 1713 УК РФ и ст. 1711 УК РФ или квалификация наступает только по одной из них?

Как отмечалось ранее, ст. 1713 УК РФ охраняет порядок лицензирования деятельности, а ст. 1711 УК РФ - порядок маркировки товаров. Квалификация зависит от того, какое конкретное требование закона нарушено и является ли это нарушение конструктивным для данного состава преступления. Квалификация по совокупности ст. 1713 УК РФ и ст. 1711 УК РФ возможна и необходима, если лицо осуществляет деятельность без лицензии (ст. 1713 УК РФ), и при этом осуществляется оборот конкретных единиц товара, на которых отсутствует обязательная маркировка (ст. 1711 УК РФ).

Объясняется это тем, что в данном случае совершаются два разных деяния, посягающие на разные непосредственные объекты: сам факт занятия лицензируемой деятельностью без разрешения и оборот конкретных немаркированных товаров. Эти деяния образуют реальную совокупность преступлений.

Приведем пример, когда необходимо вменить одну из рассматриваемых статей УК РФ. В частности, в своем апелляционном постановлении Московский областной суд указал, что индивидуальный предприниматель с лицензией на розничную продажу алкоголя приобрел крупную партию «оригинального» виски у ненадлежащего поставщика (без акцизных марок Российской Федерации) и реализовывал ее в своем магазине. Суд первой инстанции квалифицировал деяние по ст. 1713 УК РФ за незаконный оборот алкогольной продукции без лицензии.

Суд апелляционной инстанции указал, что лицензия у предпринимателя была и, значит, ст. 1713 УК РФ не должна вменяться. Поскольку были нарушены требования к маркировке, а не к лицензированию деятельности, действия виновного были переквалифицированы на ч. 5 ст. 1711 УК РФ за сбыт алкогольной продукции без обязательных акцизных марок Российской Федерации, совершенный в крупном размере [6].

Проблемы разграничения ст. 1711 УК РФ и ст. 1713 УК РФ в сфере оборота алкогольной, табачной и никотинсодержащей продукции носят системный характер и обусловлены спецификой государственного регулирования этого сектора экономики. При этом, по справедливому утверждению Б.З. Маликова, познание общественной опасности преступления, невозможно без осмысления природы человека и сущности социального бытия [7, с. 89]. Основным критерием разграничения является установление объекта уголовно-правовой охраны, на который было направлено посягательство: порядок лицензирования деятельности (ст. 1713 УК РФ) или порядок маркировки товаров (ст. 1711 УК РФ). Позиция судов исходит из возможности и необходимости квалификации по совокупности статей 1711 УК РФ и 1713 УК РФ в случаях, когда незаконная лицензируемая деятельность сопровождается оборотом конкретных единиц немаркированной готовой продукции. Квалификация только по одной из статей применяется, когда нарушено лишь одно из охраняемых законом требований: либо отсутствует лицензия при наличии маркировки (ст. 1713 УК РФ), либо отсутствует маркировка при наличии лицензии (ст. 1711 УК РФ). Строгое соблюдение этих критериев позволит обеспечить законность и обоснованность уголовного преследования в сфере оборота контрафактной продукции.

Список литературы:

- [1] Заседание Высшего Евразийского экономического совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64643> (дата обращения: 09.02.2025).
- [2] Встреча с представителями предпринимательского сообщества. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63069> (дата обращения: 09.02.2025).
- [3] Апелляционное определение Ульяновского областного суда по делу № № 22-1138/2022 // URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=100049&ysclid=mclut17igs859483991> (дата обращения: 10.01.2025).
- [4] Приговор Белгородского городского суда от 10 апреля 2013 г. по делу № 22-567/2013 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/-70BIW30MQR51> (дата обращения: 10.01.2025).
- [5] Жилкин М. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 29-37.
- [6] Апелляционное постановление Московского областного суда по делу № 22-3567/2023.

URL: https://судебные_решения.рф/78960429?ysclid=mcmw82h1ai296877139 (дата обращения: 10.03.2025).

[7] Маликов, Б. З. Онтология социальной опасности: ее значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осужденного / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 88-94. – EDN PJQWAB.

Spisok literatury:

[1] Zasedanie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64643> (data obrashcheniya: 09.02.2025).

[2] Vstrecha s predstavitelyami predprinimatel'skogo soobshchestva. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63069> (data obrashcheniya: 09.02.2025).

[3] Apellyacionnoe opredelenie Ul'yanovskogo oblastnogo suda po delu № № 22-1138/2022 // URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?-op->

tion=3&id=90&idCard=100049&ysclid=m-clut17igs859483991 (data obrashcheniya: 10.01.2025).

[4] Prigovor Belgorodskogo gorodskogo suda ot 10 aprelya 2013 g. po delu

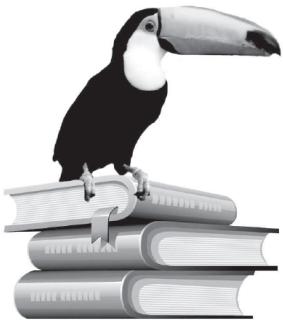
№ 22-567/2013 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/-70BIW30MQR51> (data obrashcheniya: 10.01.2025).

[5] ZHilkin M. Voprosy kvalifikacii prestuplenij v sfere proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkohol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii // Ugolovnoe pravo. – 2019. – № 1. – С. 29-37.

[6] Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo oblastnogo suda po delu № 22-3567/2023. URL: <https://sudebnyeresheniya.rf/78960429?ysclid=mcmw82h1ai296877139> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

[7] Malikov, B. Z. Ontologiya social'noj opasnosti: ee znachenie v ocenke prestupnogo povedeniya i v realizacii celi ispravleniya osuzhdenного / B. Z. Malikov // Pravo i gosudarstvennost'. – 2024. – № 1(2). – С. 88-94. – EDN PJQWAB.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: shamil.1503@mail.ru

МАГОМЕДХАНОВА Лейла Штибеговна,
магистрант Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПО СТ. 125 УПК РФ В СИСТЕМЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы судебного контроля за решениями и действиями органов предварительного расследования, предусмотренного статьей 125 УПК РФ. Автор анализирует критерии допустимости жалоб, круг подлежащих обжалованию решений и действий, ограничения судебного контроля, а также особенности процедуры рассмотрения жалоб судом. Отдельное внимание уделено изменениям сроков судебного разбирательства и позиции Верховного Суда РФ по толкованию отдельных положений статьи. Подчеркивается роль данного механизма как важнейшей гарантии конституционных прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: судебный контроль, статья 125 УПК РФ, обжалование решений следствия, досудебное производство, защита прав участников процесса, предварительное расследование, допустимость жалобы, полномочия суда, процессуальные решения, Верховный Суд РФ.

RADZHABOV Shamil Rajabovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Institute (Branch) of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDKHANOVA Leila Shtibegovna,
Master's Student, North Caucasus Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE INSTITUTE OF JUDICIAL CONTROL UNDER ARTICLE 125 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS: A PROCEDURAL ANALYSIS

Annotation. The article examines theoretical and practical issues of judicial control over decisions and actions of pre-trial investigation authorities established by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF). The author analyzes criteria for the admissibility of complaints, the scope of appealable decisions and actions, the limits of judicial review, and particularities of the judicial complaint procedure. Special attention is given to changes in deadlines for judicial review and the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the interpretation of certain provisions of this article. The role of this mechanism as an essential guarantee of constitutional rights of criminal procedure participants is emphasized.

Key words: *judicial control, Article 125 of the CPC RF, appeal of investigative decisions, pre-trial proceedings, protection of rights of participants, preliminary investigation, admissibility of complaint, powers of the court, procedural decisions, Supreme Court of the Russian Federation.*

Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) устанавливает механизм судебного контроля за действиями и решениями должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса. Право на судебное обжалование таких решений служит гарантией защиты прав и свобод граждан, основанной на статье 46 Конституции РФ [1]. Данный институт появился в современном уголовно-процессуальном законодательстве как расширение контрольных полномочий суда по сравнению с УПК РСФСР и стал важной новеллой, призванной обеспечить каждому право на обращение в суд за защитой при нарушениях со стороны следствия и дознания.

В соответствии с частью 1 статьи 125 УПК РФ в суд могут быть обжалованы постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса либо затруднить доступ граждан к правосудию [2]. Таким образом, критерий допустимости судебного обжалования – потенциальная возможность нанести ущерб правам и свободам или создание препятствий правосудию. Закон прямо называет решения, которые подлежат обжалованию (отказ в возбуждении дела, прекращение дела) и открытой формулировкой охватывает другие существенные процессуальные решения следственных органов.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъясняет, что к «иным» обжалуемым решениям относятся, например, постановления о возбуждении уголовного дела, о применении к подозреваемому или обвиняемому мер процессуального принуждения (которые не требуют санкции суда), об объявлении розыска, об отводе защитника [3]. Также могут быть обжалованы решения об отказе в удовлетворении ходатайств участников – например, об отказе в допуске защитника или законного представителя, об отказе отменить меру пресечения в виде залога или вернуть изъятые имущество, о возмещении процессуальных издержек потерпевшему, либо бездействие, выразившееся в непринятии решения по таким ходатайствам. Отдельно указано, что подлежит обжалованию бездействие, связан-

ное с нерассмотрением заявления о преступлении. Действия, затрудняющие доступ к правосудию, тоже могут быть предметом жалобы – к ним Пленум относит отказ в принятии сообщения о преступлении, отказ признать лицо потерпевшим, непредоставление материалов проверки по сообщению о преступлении, постановление о приостановлении предварительного расследования, отказ возбудить дело по новым обстоятельствам и т.д. Таким образом, спектр решений, охватываемых судебным контролем по ст.125, достаточно широк и направлен на защиту прав как подозреваемых/обвиняемых, так и потерпевших и иных лиц на стадии дознания и следствия.

В то же время, закон и разъяснения ВС РФ устанавливают определенные ограничения по предмету жалобы. Не подлежат рассмотрению судом жалобы на действия лиц, чьи полномочия не связаны с осуществлением уголовного преследования – например, на акты прокурора, осуществляющего надзор (но не процессуальные решения по делу) или начальника СИЗО. Нельзя в порядке ст.125 обжаловать решения и действия, для которых УПК предусмотрен особый порядок обжалования или которые отнесены к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу. Пленум ВС РФ прямо указал, что не рассматриваются судом жалобы на такие решения следователя, как отказ выполнить следственное действие по сбору доказательств, отказ внести ходатайство в суд о прекращении дела и назначении судебного штрафа, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы и др., то есть вопросы, которые должны оцениваться в ходе самого предварительного расследования или судебного разбирательства. Не подлежит обжалованию по ст.125 и отказ прокурора заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, возвращение дела прокурором следователю для дополнительного расследования или изменения обвинения, иные решения, для которых законом установлен иной порядок пересмотра [6]. Таким образом, суд не вступает в компетенцию органов следствия по вопросам, которые либо могут быть разрешены при рассмотрении уголовного дела по существу, либо обжалуются особым образом (например, через прокурора по ст.124 УПК или вышестоящему начальству).

Право подать жалобу в порядке ст.125 принадлежит широкому кругу лиц. Согласно ч.2 данной статьи, жалоба может быть подана самим заявителем (то есть лицом, чьи права нарушены

действием следователя или дознавателя), его защитником или представителем, законным представителем, – непосредственно в суд или через следственные органы. Пленум ВС уточняет, что любой участник уголовного судопроизводства либо иное лицо, чьи права касаются обжалуемое действие, вправе подать такую жалобу. К числу иных лиц, наделенных правом обращения в суд, отнесены, например, поручитель (который внес залог за обвиняемого), лицо, которому передан на попечение несовершеннолетний, залогодатель, а также лицо, чье заявление о преступлении осталось без удовлетворения (отказано в возбуждении дела), или чье имущество изъято в ходе расследования [9].

Стоит отметить, что сами следователи и дознаватели не имеют права обжаловать в суд процессуальные решения, за исключением тех случаев, которые прямо предусмотрены УПК (например, отдельные решения прокурора) – этот механизм предназначен именно для контроля за органами расследования, а не для их служебных споров.

Жалоба подается в районный суд. Подсудность определена местом совершения деяния, содержащего признаки преступления (либо по месту органа, ведущего расследование, если территориальная подследственность изменена в порядке ст.152 УПК). Законодатель особое внимание уделяет срокам и порядку рассмотрения таких жалоб, поскольку оперативность судебного контроля критически важна. До конца 2022 года УПК требовал, чтобы судья проверил законность и обоснованность действий следователя не позднее 5 суток со дня поступления жалобы. Однако Федеральным законом № 608-ФЗ от 29.12.2022 этот срок был увеличен до 14 суток (за исключением жалоб при производстве дознания в сокращенной форме, которые продолжают рассматриваться в прежний пятилетний срок) [5]. Увеличение срока до 14 дней призвано обеспечить более качественную подготовку к рассмотрению жалобы и полное исследование материалов.

Рассмотрение жалобы по ст.125 происходит в судебном заседании с участием заявителя и (при их желании) его представителя или защитника, а также с обязательным участием прокурора и уведомлением следователя или дознавателя, решение которых обжалуется. Заседание проводится открыто, соблюдая состязательные начала процесса. Отсутствие надлежаще извещенных лиц не препятствует разбирательству – суд может рассмотреть жалобу и в отсутствие заявителя или следователя, если они были извещены и не настаивают на личном участии [4]. При этом судья обязан обеспечить права заявителя: например, заключенный под стражей заявитель

по ходатайству должен быть доставлен в суд (либо обеспечено его участие иначе). В начале заседания судья объявляет суть жалобы, затем предоставляет слово заявителю для обоснования своих доводов, после чего заслушиваются объяснения других лиц, и заявителю дается право реплики [7]. Такой порядок призван реализовать принцип состязательности и равенства сторон даже в рамках досудебной жалобы. Судебное разбирательство по жалобе протоколируется, и по его итогам судья выносит мотивированное постановление.

Закон устанавливает исчерпывающий перечень итоговых судебных решений по жалобе: либо постановление о признании действия (бездействия) или решения незаконным или необоснованным с возложением на соответствующее должностное лицо обязанности устранить допущенное нарушение, либо постановление об оставлении жалобы без удовлетворения. Иными словами, суд либо находит нарушение прав и предписывает его исправить, либо отказывает заявителю, признавая оспоренное решение законным и обоснованным. Копии постановления судьи направляются заявителю, прокурору и руководителю следственного органа. Важно, что принесение жалобы не приостанавливает исполнение обжалуемого действия или решения (ч.7 ст.125 УПК). Следствие продолжается, если только сам следователь, прокурор либо судья не сочтут необходимым приостановить соответствующие действия. Например, подача жалобы на постановление о прекращении дела не отменяет автоматически прекращение – однако, если суд затем признает его незаконным, дело возобновляется [8]. Такая норма продиктована тем, чтобы жалоба не использовалась злоупотребляюще для затягивания следствия, но одновременно она означает, что к моменту рассмотрения жалобы спорное действие может уже повлечь последствия.

Если жалоба не соответствует требованиям (не указаны обжалуемые действия, не подписана, не подтверждены полномочия представителя, содержит нецензурные выражения и т.п.), судья возвращает её заявителю без рассмотрения по существу, указав причины и разъяснив право подать вновь после устранения недостатков [10]. При этом в разъяснениях ВС РФ отмечено, что в случае возвращения жалобы по формальным причинам течение установленного срока рассмотрения (14 дней) начинается заново со дня повторного поступления исправленной жалобы. Данное правило введено для соблюдения баланса между требованием оперативности и необходимостью предоставить заявителю возможность исправить ошибки, не опасаясь пропуска срока.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. : (с изм. и доп., одобр. 01 июл. 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020. — 4 июл. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.07.2025).
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07 июн. 2025 г.) // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242 (22 дек.).
- [3] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2009 г. № 1 (в ред. от 28 июн. 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 4.
- [4] Бравилова Е. А. Предмет и пределы рассмотрения судом жалоб на постановления о прекращении и об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке статьи 125 УПК РФ // Администратор суда. — 2021. — № 2. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zhaloba_v_sud_na_reshenie_sledovatelya (дата обращения: 02.07.2025).
- [5] Васильев К. В. Новеллы правового регулирования судебного порядка рассмотрения жалоб (статья 125 УПК РФ) // StudArctic Forum. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 50–58.
- [6] Верзунова В. С. Судебный контроль за жалобами, поданными в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ / В. С. Верзунова // Молодой учёный. — 2017. — № 21 (155). — С. 292–294. — URL: <https://moluch.ru/archive/155/43892> (дата обращения: 02.07.2025).
- [7] Григорьев Я. Е. Доказывание при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Аллея науки. — 2024. — № 12 (99). — С. 33–41.
- [8] Лукьянов С. С. К вопросу определения компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2023. — № 4 (53). — С. 63–70. — DOI: 10.51980/2542-1735_2023_4_63.
- [9] Печегин Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : комментарий к новейшей действующей редакции / Д. А. Печегин. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.
- [10] Шагиева В. В. Процессуальный порядок разрешения судами жалоб на досудебной стадии уголовного процесса // Вестник магистратуры. — 2023. — № 4-1 (139). — С. 22–27.

Spisok literatury:

- [1] Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarod. golosovaniem 12 dek. 1993 g. : (s izm. i dop., odobr. 01 iyul. 2020 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. — 2020. — 4 iyul. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 02.07.2025).
- [2] Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18 dek. 2001 g. № 174-FZ (v red. ot 07 iyun. 2025 g.) // Parlamentskaya gazeta. — 2001. — № 241–242 (22 dek.).
- [3] O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10 fevr. 2009 g. № 1 (v red. ot 28 iyun. 2022 g.) // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. — 2009. — № 4.
- [4] Bravilova E. A. Predmet i predely rassmotreniya sudom zhalob na postanovleniya o prekrashhenii i ob otkaze v vozbuzhdenii ugolovnogo dela v poryadke stat'i 125 UPK RF // Administrator suda. — 2021. — № 2. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zhaloba_v_sud_na_reshenie_sledovatelya (data obrashheniya: 02.07.2025).
- [5] Vasil'ev K. V. Novelly pravovogo regulirovaniya sudebnogo poryadka rassmotreniya zhalob (stat'ya 125 UPK RF) // StudArctic Forum. — 2023. — T. 8, № 3. — S. 50–58.
- [6] Verzunova V. S. Sudebnyj kontrol' za zhalobami, podanny'mi v poryadke, predusmotrennom st. 125 UPK RF / V. S. Verzunova // Molodoj uchyonyj. — 2017. — № 21 (155). — S. 292–294. — URL: <https://moluch.ru/archive/155/43892> (data obrashheniya: 02.07.2025).
- [7] Grigor'ev Ya. E. Dokazyvanie pri rassmotrenii zhalob v poryadke st. 125 UPK RF // Alleya nauki. — 2024. — № 12 (99). — S. 33–41.
- [8] Luk'yanov S. S. K voprosu opredeleniya kompetencii suda po obespecheniyu nadlezhashhej procedury sudebnogo kontrolya na dosudebnyx stadiyax ugolovnogo processa // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 4 (53). — S. 63–70. — DOI: 10.51980/2542-1735_2023_4_63.
- [9] Pechegin D. A. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : kommentarij k novjshej dejstvuyushhej redakcii / D. A. Pechegin. — Moskva : E'ksmo, 2023. — 480 s.
- [10] Shagieva V. V. Processual'nyj poryadok razresheniya sudami zhalob na dosudebnoj stadii ugolovnogo processa // Vestnik magistratury. — 2023. — № 4-1 (139). — S. 22–27.

ЧЕРКЕСОВ Султан Хангериевич,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
кандидат экономических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ УСЛОВИЙ ПРОТИВОБОРСТВА ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ МАСШТАБНОСТЬЮ ТЕРРИТОРИИ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫМ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНЫМ СОСТАВОМ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается влияние социально-экономических факторов на процессы радикализации, роль информационных технологий в современном терроризме и экстремизме. Анализируется система государственного противодействия данным угрозам, оценивается эффективность применяемых мер. Формулируются выводы о необходимости совершенствования комплексного подхода к профилактике террористической и экстремистской деятельности с учетом современных вызовов и угроз.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, национальная безопасность, противодействие терроризму, радикализация, сепаратизм, религиозный экстремизм, Российская Федерация, Северный Кавказ, профилактика.

CHERKESOV Sultan Hangerievich,
Senior Lecturer Department of Firearms Training,
Candidate of Economic Sciences

SPECIFICITY OF RUSSIAN CONDITIONS FOR COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM DUE TO THE SCALE OF THE TERRITORY, MULTINATIONAL AND MULTI-CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION

Annotation. The article examines the influence of socio-economic factors on radicalization processes, the role of information technology in modern terrorism and extremism. The system of state counteraction to these threats is analyzed, the effectiveness of the measures taken is assessed. Conclusions are formulated on the need to improve the integrated approach to the prevention of terrorist and extremist activities, taking into account modern challenges and threats.

Key words: terrorism, extremism, national security, counteraction to terrorism, radicalization, separatism, religious extremism, Russian Federation, North Caucasus, prevention.

Террористическая и экстремистская деятельность представляют одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности современной России. Специфика российских условий, обусловленная масштабностью территории, многонациональным и многоконфессиональным составом населения [1], сложными процессами социально-экономической трансформации, создает особую среду для возникновения и развития различных форм экстремизма и терроризма.

Научное осмысление данной проблематики приобретает особую актуальность в контексте глобальных изменений характера террористических угроз, появления новых форм радикализации, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также трансформации идеологических оснований экстремистской деятельности [2]. Изучение российского опыта противостояния терроризму и экстремизму имеет не только теоретическое, но и

практическое значение для совершенствования системы обеспечения национальной безопасности.

Экстремистская деятельность в современной России характеризуется значительным разнообразием идеологических направлений и организационных форм [3]. Системный анализ данного явления позволяет выделить несколько основных типов экстремизма [4], каждый из которых имеет свои специфические особенности проявления.

Националистический экстремизм остается одной из наиболее распространенных форм радикальной деятельности в России. Его идеологическую основу составляют концепции этнического и расового превосходства, ксенофобия, антимиграционные настроения [5]. Особую опасность представляют молодежные экстремистские группировки неонацистской направленности, активность которых наблюдается в крупных городах центральной России.

Характерными чертами националистического экстремизма в России являются: использование символики и атрибутики Третьего рейха, пропаганда идей расового превосходства славянского населения, организация нападения на представителей этнических меньшинств, иностранных граждан и лиц «неславянской внешности» [6].

Социальной базой данного типа экстремизма выступает преимущественно молодежь из социально неблагополучных семей, а также маргинальные слои населения, испытывающие фрустрацию от социально-экономических проблем.

Территориальное распределение террористической и экстремистской активности в России имеет выраженную неравномерность, обусловленную комплексом географических, этнических, социально-экономических и исторических факторов. Данная неравномерность требует дифференцированного подхода к анализу угроз и разработке мер противодействия.

Северо-Кавказский федеральный округ остается регионом с наиболее высоким уровнем террористической угрозы. Специфика данного региона определяется сложным этническим составом населения, наличием нерешенных этнополитических проблем, слабостью социально-экономического развития отдельных территорий, влиянием традиционных форм социальной организации.

Республики Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария продолжают оставаться зонами повышенного внимания правоохранительных органов. Здесь сохраняется деятельность подпольных вооруженных групп, осуществляются попытки создания конспиративных

сетей, ведется вербовочная работа среди молодежи. Особенностью современного этапа является снижение интенсивности открытого вооруженного противостояния при сохранении латентных форм экстремистской деятельности.

Анализ социально-экономических предпосылок террористической и экстремистской деятельности в России выявляет комплекс факторов, способствующих процессам радикализации различных социальных групп. Понимание данных факторов имеет принципиальное значение для разработки эффективной системы профилактики экстремизма [7].

Миграционные процессы, связанные с притоком населения из стран Центральной Азии и Закавказья, создают новые вызовы для обеспечения межэтнической стабильности. Конкуренция на рынке труда, культурные различия, языковые барьеры могут провоцировать рост ксенофобских настроений и межэтнической напряженности.

Особую опасность представляет феномен «самоучек терроризма» - лиц, самостоятельно радикализировавшихся под влиянием экстремистского контента в интернете.

Доступность инструкций по изготовлению взрывчатых веществ, планированию терактов, способам конспирации в сети создает условия для появления «одиночек-террористов», действующих без прямой связи с террористическими организациями.

Профилактическое направление деятельности включает мероприятия по предупреждению террористической и экстремистской деятельности, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов [7].

Особое внимание уделяется работе с молодежью, противодействию распространению экстремистской идеологии, формированию толерантного общественного сознания.

Транснациональный характер современных террористических угроз обуславливает необходимость развития международного сотрудничества в данной сфере. Россия активно участвует в многосторонних инициативах по борьбе с терроризмом в рамках ООН, ШОС, ОДКБ, БРИКС и других международных организаций.

Двустороннее сотрудничество с зарубежными партнерами включает обмен оперативной информацией, совместные операции по задержанию террористов, экстрадицию разыскиваемых лиц, техническое сотрудничество в сфере обеспечения безопасности. Особое значение имеет сотрудничество со странами Центральной Азии, откуда исходят значительные миграционные потоки.

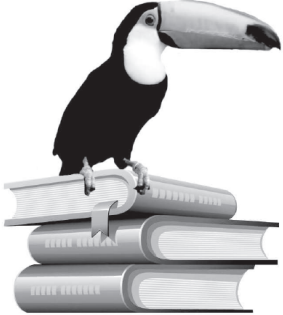
Список литературы:

- [1] Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 2001. 306 с.
- [2] Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
- [3] Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учебное пособие. М.: Академический проект, 2018. 412 с.
- [4] Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2005. 272 с.
- [5] Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. М.: Наука, 2004. 289 с.
- [6] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.
- [7] Машекуашева М.Х. О действующих механизмах предупреждения противоправных деяний среди несовершеннолетних. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 33-35.

Spisok literatury:

- [1] Antonyan Yu.M. Terrorism. Kriminologicheskoe i ugovovno-pravovoe issledovanie. M.: Shhit-M, 2001. 306 s.
- [2] Ol'shanskij D.V. Psixologiya terrorizma. SPb.: Piter, 2002. 288 s.
- [3] Kaftan V.V. Protivodejstvie terrorizmu: uchebnoe posobie. M.: Akademicheskij proekt, 2018. 412 s.
- [4] Burkovskaya V.A. Kriminal'nyj religioznyj e'kstremizm v sovremennoj Rossii. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2005. 272 s.
- [5] Dobaev I.P. Radikalizaciya islama v sovremennoj Rossii. M.: Nauka, 2004. 289 s.
- [6] Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyj e'kstremizm. Sushhnost' i osobennosti proyavleniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 5. S. 37-47.
- [7] Mashekuasheva M.X. O dejstvuyushhix mexanizmax preduprezhdeniya protivopravny'x deyanij sredi nesovershennoletnix. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik. 2024. № 12. S. 33-35.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЯВЛЕНИЯ РОЗЫСКА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Целью исследования выбраны организационно-правовые и вопросы объявления розыска и осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Изучались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие содержание порядка объявления розыска и осуществления ОРД в отношении осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества. Установлено, что организационно-правовые вопросы розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний без изоляции от общества, осуществления в отношении них и их окружения оперативно-розыскной деятельности, проведении оперативно-розыскных мероприятий явились предметом изучения современной уголовно-правовой науки и таких ее направлений как ОРД и уголовно-исполнительное право. Ученые в области оперативно-розыскного права и процесса обращались к проблемам правового регулирования реализации ОРД при исполнении наказаний без изоляции от общества. Его закреплению в оперативно-розыском и уголовно-исполнительном законодательстве. Учитывая современное состояние и перспективы применения наказаний без изоляции осужденных от общества, законодатель 07.12.2011 г. Федеральным законом № 420-ФЗ ввел в УИК РФ специальную статью 18. 1, регламентирующую порядок и процедуру объявления розыска и осуществления ОРД при исполнении указанных наказаний. Данная норма определяет, что первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций, осуществляется оперативными подразделениями УИС. Законодатель наделил оперативные подразделения УИС правом осуществлять ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных ФЗ 1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» в пределах их компетенции и оперативными подразделениями иных государственных органов. В процессе теоретико-эмпирического исследования предложены перспективные направления изучения и модернизации уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства при осуществлении розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества, осуществления ОРД.

Ключевые слова: розыск осужденных, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, наказания без изоляции от общества, сотрудники оперативных подразделений УИС, уголовно-исполнительные инспекции, ведомственный контроль, прокурорский надзор за ОРД.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FPU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ISSUES OF DECLARING A WANTED LIST AND CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN THE EXECUTION OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO THE ISOLATION OF CONVICTS FROM SOCIETY

Annotation. *The purpose of the study is the organizational, legal and issues of declaring a wanted list and carrying out operational search activities in the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the contents of the search and search procedure for convicted persons serving sentences without isolation from society were studied. It has been established that the organizational and legal issues of the search for convicts who evade serving sentences without isolation from society, the implementation of operational search activities against them and their environment, and the conduct of operational search activities have been the subject of study of modern criminal law science and its areas such as the ORDO and penal enforcement law. Scientists in the field of operational search law and the process addressed the problems of legal regulation of the implementation of gangs in the execution of punishments without isolation from society. Its consolidation in the operational-search and penal enforcement legislation. Considering the current state and prospects of applying punishments without isolating convicts from society, the legislator 07.12.2011 Federal Law No. 420-FZ introduced a special article 18.1 into the Criminal Code of the Russian Federation, regulating the procedure and procedure for declaring a search and carrying out an ARD in the execution of these punishments. This norm defines that the initial search measures for those sentenced to compulsory labor, correctional labor, restriction of liberty, as well as probationers, those convicted with suspended sentences, who evade the control of penal enforcement inspections, are carried out by the operational units of the Criminal Justice System. The legislator gave the operational units of the Criminal Justice System the right to carry out the ORDO in the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society. In cooperation with operational units of other state bodies defined by Federal Law No. 144 of 1995 "On Operational Investigative Activities" within their competence and operational units of other state bodies. In the process of theoretical and empirical research, promising areas of study and modernization of penal enforcement and operational investigative legislation are proposed in the search for convicts who evade serving sentences related to the isolation of convicts from society, the implementation of gangs.*

Key words: *search for convicts, operational search activities, operational search measures, punishments without isolation from society, employees of the operational units of the penitentiary system, penal enforcement inspections, departmental control, prosecutorial supervision of the ORDO.*

Введение. Организационно-правовые вопросы розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний без изоляции от общества, осуществления в отношении них и их окружения оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий явились предметом изучения современной уголовно-правовой науки и таких ее направлений как ОРД и уголовно-исполнительное право. Ученые в области оперативно-розыскного права и процесса обращались к проблемам правового регулирования реализации ОРД при исполнении наказаний без изоляции от общества [1]. Его закреплении в оперативно-розыском и уголовно-исполнительном законодательстве [2, с. 183-192]. В своих исследованиях справедливо делали особый акцент на соблюдении прав осужденных к наказаниям без изоляции от общества [3]. Подчеркивали влияние правового положения и статуса осужденных, отбывающих различные виды наказания на особенности

организации розыскной работы и осуществления ОРД в ИУ, СИЗО, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [4, с. 81-83].

Таким образом, в настоящее время усилиями ученых и практических работников создана и эффективно функционирует правовая база, позволяющая успешно осуществлять розыскные мероприятия, проводить ОРД при исполнении наказаний без изоляции от общества, на долю которых, по статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации приходится около 70 % обвинительных приговоров и решений судов. Данная ситуация, безусловно, свидетельствует о гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики, а также требует активизации оперативно-розыскного обеспечения указанных наказаний в контексте реализации оперативно-розыскной политики в уголовно-исполнительной системе (далее УИС).

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых вопросов объявления розыска и осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие содержание порядка объявления розыска и осуществления ОРД в отношении осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества.

Основные результаты. Теоретико-правовое исследование темы показало, что законодатель в ст. 84 УИК РФ определил, что ОРД в ИУ осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативными аппаратами ИУ и другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции. Подобный подход, базирующийся на Федеральном законе 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», историческом опыте и традициях профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС доказал целесообразность и необходимость дальнейшего совершенствования правовой и организационной структур ОРД в УИС. Использование ОРД, проведения ОРМ не только в отношении осужденных к лишению свободы, содержащихся в ИУ. Отбывающих принудительные работы и находящиеся в исправительных центрах (далее ИЦ), участках, функционирующих как исправительные центры (далее УФИЦ) [5, с. 2-6]. Но и в отношении которых применяются другие наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (например, обязательные и исправительные работы), предусмотренные уголовным законом Российской Федерации [6].

Учитывая современное состояние и перспективы применения наказаний без изоляции осужденных от общества, законодатель 07.12.2011 г. Федеральным законом № 420-ФЗ ввел в УИК РФ специальную статью 18. 1, регламентирующую порядок и процедуру объявления розыска и осуществления ОРД при исполнении указанных наказаний. Данная норма определяет, что первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций (далее УИИ), осуществляется оперативными подразделениями УИС [7].

Таким образом, в соответствии с ч. 3 указанной нормы законодатель наделил оператив-

ные подразделения УИС правом осуществлять ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов, определенных ФЗ 1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» в пределах их компетенции и оперативными подразделениями иных государственных органов [8, с. 517-520]. Так же в процессе взаимодействия правоохранительных органов при противодействии пенитенциарной преступности [9, с. 48-52].

Отметим, что в ранее действовавшей редакции УИК РФ подобная правовая норма отсутствовало, что безусловно негативно сказывалось на предупреждении противоправного поведения осужденных, оперативно-розыскной профилактики [10]. Раскрываемости и расследовании совершаемых ими преступлений при отбывании наказаний без изоляции от общества [11].

В рассматриваемом контексте, в целях устранения некоторых организационных и законодательных пробелов, профессиональная деятельность сотрудников оперативных подразделений УИС накапливает положительный опыт применения форм, средств и методов профилактики преступлений различных категорий осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, которые, в последствии, могут использоваться для модернизации оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законов [12, с. 50-52].

Гарантом дальнейшего развития и совершенствования организационно-правового обеспечения розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества, проведения ОРД, соблюдения при этом прав и законных интересов лиц, служит ведомственный контроль со стороны территориальных органов управления УИС (ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации). Надзор, осуществляемый органами прокуратуры Российской Федерации [13].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- Научно-практическом семинаре «Актуальные вопросы информационно-технического обеспечения деятельности территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России», состоявшемся в Вологодском институте права и управления ФСИН России 23.03.2023 г. Доклад на тему: «Теоретико-правовые аспекты использования информационных технологий при обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и

- практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
 - Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» проведенном в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
 - Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;
 - Круглом столе «Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты», памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В., состоявшемся в Академии ФСИН России 9 февраля 2024 года. Доклад на тему «К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России»;
 - Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминологика: традиции и современные векторы», состоявшейся в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29 февраля 2024 года. Доклад на пленарном заседании на тему: «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности»;
 - V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, состоявшемся в Академии ФСИН России 11 - 12 апреля 2024 г. Доклад на тему «Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития»;
 - XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 4 апреля 2024 г., на секции «Уголовный процесс, криминологика и оперативно-розыскная деятельность: наука, обучение, практика». Доклад на тему «Современные проблемы психологического обеспечения деятельности оперативных подразделений учреждений УИС»;
 - Межведомственной научно-практической конференции «Оперативно-розыскное обеспечение исполнения уголовных наказаний: теория и практика», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.03.2025 г. Доклад на тему «Психологическое портретирование в профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений УИС».
- Заключение.** Комплексное теоретико-эмпирическое изучение темы позволило прийти к выводу, что в настоящее время, в условиях реализации уголовно-исполнительной и оперативно-розыскной политики, важным направлением является розыск осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, проведении в отношении них и других лиц ОРД, совместно с другими субъектами ОРД – различных ОРМ.
- Представляется целесообразным сконцентрировать профессиональную деятельность сотрудников оперативных подразделений, а также законодателя на следующих перспективных направлениях:
- конкретизации порядка осуществления ОРД в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, содержащихся в ИЦ и УФИЦ, закрепления его в ч.2. ст. 18. 1 УИК РФ. Либо, учитывая его значение и продолжение геометриче-

ского роста числа осужденных к принудительным работам в среднесрочной перспективе, закрепить порядок осуществления ОРД при исполнении указанного вида наказания в отдельной части рассматриваемой статьи [14, с. 392-397];

- детализации в законодательстве и ведомственных и совместных правовых актах Минюста, МВД и ФСИН России правовых основ организации розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества, модели совместной розыскной работы на данном направлении [15, с. 259-263];
- дальнейшего развития оперативно-розыскной психологии УИС в сфере реализации ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [16, с. 130-133];
- применения современных информационных технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества [17, с. 335-339];
- совершенствования розыска указанной категории осужденных и осуществления ОРД при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества в процессе обеспечения безопасности УИИ, личной безопасности их должностных лиц [18];
- повышении эффективности прокурорского надзора при реализации норм Федерального закона 1992 г. № 2022-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Приказа Генеральной прокуратуры РФ 2017 г. № 33 «Об организации контроля за оперативно-розыскной деятельностью» [19].

Список литературы:

- [1] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.
- [2] Ковалев О.Г., Семенова Н.В., Скипидаров А.А. Современные организационно-правовые проблемы реализации модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в учреждениях УИС и пути их решения // Эпомен. 2021. № 59. С. 183-192.
- [3] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.
- [4] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.
- [5] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний современной России: правовая природа и актуальные вопросы исполнения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 2-6.
- [6] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [8] Ковалев О.Г. Организационные и правовые аспекты взаимодействия подразделений ФСИН и МВД России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарных учреждениях // В сборнике: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов 11 Международной научно-практической конференции. Могилев, 2023. С. 517-520.
- [9] Ковалев О.Г. Современные проблемы взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности // Мир криминалистики. 2023. № 2. С. 48-52.
- [10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008 448 с.
- [11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[12] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Средства предупреждения противоправного поведения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 113-3. С. 50-52.

[13] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бес-сарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будаев С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[14] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Организационно-правовые аспекты оказания психологической помощи осужденным к принудительным работам при реализации пенитенциарной probation // Образование и право. 2024. № 7. С. 392-397.

[15] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Правовые основы организации розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества // Право и управление. 2024. № 8. С. 259-263.

[16] Ковалев О.Г. Ковалев О.Г. Современные проблемы психологического обеспечения деятельности оперативных подразделений учреждений УИС // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов 11 Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024. С. 130-133.

[17] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Правовые и организационные особенности применения современных информационных технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества // Право и управление. 2024. № 7. С. 335-339.

[18] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития / Монография. Псков 2024. 199 с.

[19] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, на современном этапе реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 5. С. 10-14.

Spisok literatury:

[1] Teoriya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti / Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Kli-

mov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinskij V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. Kratkij uchebnyj kurs / Ser. Kratie uchebny'e kursy' yuridicheskix nauk. (2-e izdanie, pererabotannoe). Moskva, 2006. 385 s.

[2] Kovalev O.G., Semenova N.V., Skipidarov A.A. Sovremennyye organizacionno-pravovy'e problemy realizacii model'nogo zakona «Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti» v uchrezhdeniyax UIS i puti ix resheniya // Epomen. 2021. № 59. С. 183-192.

[3] Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti». S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo suda po pravam cheloveka / Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilo B.Ya., Goryainov K.K., Kikot' V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinskij V.S., Chernikov V.V. Moskva, 2006. 426 s.

[4] Kovalev O.G., Zajceva S.I. Pravovoj status osuzhdenny'x i ego vliyanie na organizaciyu operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax UIS // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[5] Kovalev O.G., Mel'nikova O.V. Prinuditel'ny'e raboty v sisteme ugovolny'x nakazaniy sovremennoj Rossii: pravovaya priroda i aktual'ny'e voprosy ispolneniya // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2025. № 1. С. 2-6.

[6] Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': Uchebnik // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moskva, 2007. 374 s.

[7] Kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubroviczki L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Ly'syagin O.B., Lyadov E.V., Mixlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moskva, 2011.

[8] Kovalev O.G. Organizacionny'e i pravovy'e aspekty vzaimodejstviya podrazdelenij FSIN i MVD Rossii pri osushhestvlenii operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti v penitenciar'ny'x uchrezhdeniyax // V sbornike: Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Tezisy dokladov 11 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Mogilev, 2023. С. 517-520.

[9] Kovalev O.G. Sovremennyye problemy vzaimodejstviya pravooxranitel'ny'x organov v protivodejstvii penitenciar'noj prestupnosti // Mir kriminalistiki. 2023. № 2. С. 48-52.

[10] Kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubroviczki L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Ly'syagin O.B., Lyadov E.V., Mixlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (postatejnyj) / Moskva, 2008 448 s.

[11] Kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Trunov I.L., Filimonov

O.V., Ajvar L.K., Mixlin A.S., Grishko A.Ya., Gejxman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truncevskij Yu.V., Lobov Ya.V., Samojlov A.S., Shabanov G.X., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Moskva, 2006. 148 s.

[12] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. Sredstva preduprezhdeniya protivopravnogo povedeniya nesovershennoletnix osuzhdennyx, otbyvayushhix nakazaniya bez izolyacii ot obshhestva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 113-3. S. 50-52.

[13] Nastol'naya kniga prokurora v 2 ch. Chast' 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kexlerov S.G., Aberxaev E.R., Aleksandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarxov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budaj S.N., Bulanova N.V., But N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. i dr. Prakticheskoe posobie / Ser. 9 Professional'naya praktika, (5-e izd., per. i dop.) Moskva 2018. 481 s.

[14] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Organizacionno-pravovy'e aspekty okazaniya psixologicheskoy pomoshhi osuzhdenny'm k prinuditel'ny'm rabotam pri realizacii penitenciarnoj probacii // Obrazovanie i pravo. 2024. № 7. S. 392-397.

[15] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Pravovy'e osnovy organizacii rozy'ska osuzhdennyx, uklon-

yayushhixsya ot otbyvaniya nakazaniya bez izolyacii ot obshhestva // Pravo i upravlenie. 2024. № 8. S. 259-263.

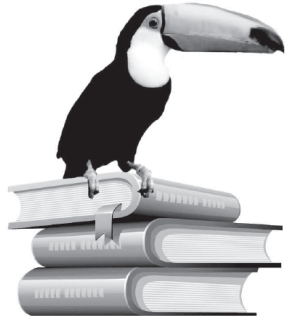
[16] Kovalev O.G. Kovalev O.G. Sovremennyye problemy psixologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti operativnyx podrazdelenij uchrezhdenij UIS // V sbornike: Penitenciarная система i obshchestvo: opyt vzaimodejstviya. Sbornik materialov 11 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 145-letiyu ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii. Perm', 2024. S. 130-133.

[17] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. Pravovy'e i organizacionny'e osobennosti primeneniya sovremennyx informacionnyx texnologij i poiskovyx sistem rozy'ska osuzhdennyx, uklonyayushhixsya ot otbyvaniya nakazaniya bez izolyacii ot obshhestva // Pravo i upravlenie. 2024. № 7. S. 335-339.

[18] Kovalev O.G., Shherbakov A.V. Osnovy kompleksnogo obespecheniya bezopasnosti uchrezhdenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom etape ee razvitiya / Monografiya. Pskov 2024. 199 s.

[19] Kovalev O.G., Semenova N.V. Prokurorskiy nadzor za zakonnost'yu ispolneniya nakazanij, ne svyazannyx s izolyaciej ot obshhestva, na sovremennom etape reformirovaniya UIS // Ugovovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, e'konomika, upravlenie. 2021. № 5. S. 10-14.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДАЦКО Наталья Игоревна,
аспирант 3-го года обучения очной формы ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РАЙОНАХ МОРСКОГО ПРОМЫСЛА

Аннотация. Статья посвящена разработке и обоснованию тактики производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, совершённых в районах морского промысла. В статье раскрываются специфические условия водной среды, влияющие на выбор и последовательность процессуальных приёмов. Автор выделяет комплекс первоочередных действий: неотложный осмотр промыслового судна и акватории с применением беспилотных летательных аппаратов и гидролокационных средств; оперативное изъятие и консервирование биологического материала для ихтиологической экспертизы; фиксация координат судна средствами ГНСС для последующей атрибуции места лова. Рассматриваются особенности допроса членов экипажа и капитана с учётом международного характера промысла и возможности двойной юрисдикции, а также тактические приёмы очной ставки при установлении роли организаторов. Предлагается алгоритм назначения комплексных экспертиз (ихтиологической, экологической, технической) ещё на стадии доследственной проверки для документирования крупного ущерба и запрещённых орудий лова.

Ключевые слова: незаконная добыча водных биоресурсов; экологические преступления; ст. 256 УК РФ; тактика расследования; осмотр места происшествия; браконьерство; судебная экспертиза; ихтиологическая экспертиза; допрос; водная среда.

DATSKO Nataliya Igorevna,
Third-year full-time postgraduate student
Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

TACTICS FOR CONDUCTING PARTICULAR INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES INVOLVING THE ILLEGAL HARVESTING (FISHING) OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES IN MARINE FISHERY AREAS

Annotation. The article develops and substantiates tactics for conducting specific investigative actions when examining crimes envisaged by Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation that are committed in marine fishery areas. It highlights the distinctive features of the aquatic environment that determine the choice and sequence of procedural techniques. A set of priority measures is outlined: urgent inspection of the fishing vessel and surrounding water area with the use of unmanned aerial vehicles and hydro-locating devices; prompt seizure and preservation of biological material for ichthyological expertise; and fixation of the vessel's coordinates via GNSS equipment for subsequent attribution of the fishing grounds. The study examines the particularities of questioning crew members and the captain in view of the international nature of fishing activities and possible dual jurisdiction, as well as tactical approaches to confrontations aimed at establishing the role of organisers. An algorithm is proposed for appointing comprehensive expert examinations (ichthyological, ecological, and technical) already at the pre-investigation stage in order to document significant damage and the use of prohibited fishing gear.

Key words: illegal harvesting of aquatic biological resources; environmental crimes; Article 256 CC RF; investigative tactics; crime-scene inspection; poaching; forensic examination; ichthyological expertise; interrogation; aquatic environment.

Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов является одним из наиболее распространённых экологических преступлений в России. По судебной статистике примерно треть всех регистрируемых экологических преступлений приходится именно на такие деяния. Динамика привлечения к ответственности свидетельствует о росте числа случаев: в 2022 г. осуждено 2609 лиц, в 2023 г. – 2471, а за первое полугодие 2024 г. – уже 1953 лиц за преступления данной категории [7]. Эти преступления наносят значительный ущерб окружающей среде – приводят к сокращению рыбных запасов и деградации мест обитания водных организмов. Кроме экологического вреда, браконьерский промысел подрывает экономические интересы государства, причиняя материальный ущерб рыбному хозяйству. Масштабность проблемы обуславливает приоритетное внимание правоохранительных органов к охране водных биоресурсов. В частности, законом предусмотрена уголовная ответственность по ст. 256 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) за незаконный вылов приотягчающих обстоятельствах [1].

Учитывая изложенные обстоятельства, особое значение приобретает правильная тактика проведения следственных действий. Первостепенным выступает осмотр места происшествия, поскольку именно это процессуальное действие обеспечивает первоначальную фиксацию обстановки, предметов преступного посягательства, орудий и средств добычи, а также координат совершения деяния, что требуется для последующего проведения судебных экспертиз и определения размера причинённого ущерба.

Тактика осмотра при расследовании незаконной добычи водных биоресурсов существенно отличается от «сухопутных» случаев ввиду специфики водной среды. Место происшествия зачастую представляет собой палубу морского или речного судна, на котором осуществлялся вылов. Реже осмотр производится непосредственно на воде или береговой линии – например, в месте установки сетей или выемки улова из воды. В любой ситуации следователь сталкивается с опасностью утраты доказательственной информации: следы преступления могут быть смыты водой, уничтожены самими браконьерами (нередко при приближении инспекторов улов выбрасывают за борт, сети спешно перерезают и топят). Поэтому тактический принцип – незамедлительность и планомерность осмотра. Следственные действия часто проводятся в экстремальных условиях: на качающейся палубе, ночью, при низкой температуре (например, подлёдный лов зимой) [4]. Следователь должен заранее подготовиться, привлекая к осмотру достаточное

количество помощников, специалистов и необходимых технических средств (освещение, водолазное снаряжение, фотоаппаратура, GPS-навигатор для фиксации координат и т.д.).

Перед началом ОМП важно очертить границы места происшествия. Если это судно – осмотру подлежат все его помещения, трюм, палуба, палубные надстройки, где могут находиться следы. Тактика советует разбить осмотр на сектора и продвигаться от общего к частному, чтобы ничего не упустить. Полезен фронтальный метод прочёсывания территории, особенно если место обширное (например, береговая линия): параллельный просмотр местности несколькими участниками позволяет найти спрятанные снасти, тайники с рыбой и пр.

Петрова А. С. отмечает, что расширение площади осмотра в подобных случаях помогает выявлять следы действий организованных групп и места вероятного хранения или перегрузки добычи. Тактика «прочёсывания» пригодна и на самом судне – команда специалистов и оперативников параллельно обследует, к примеру, машинное отделение (где могут быть тайники), жилые каюты (для поиска документов, радиопереговор), рыбные трюмы и холодильники [6].

При осмотре внимательно фиксируются все обнаруженные следы преступления. Криминалистически значимыми считаются: остатки рыбы (чешуя, кровь, внутренности) на палубе и оборудовании; кусочки сетей или снастей; следы на механизмах (потёртости на лебёдках, роликах, направляющих рельсах – свидетельства недавнего подъёма сетей), состояние двигателя и навигационных приборов (например, по остыванию двигателя можно приблизительно оценить, как давно судно пришло из зоны лова). Важную информацию даёт проверка судовых документов: журнал рыболовства (если таковой есть), навигационный журнал, разрешительные квоты и лицензии (чаще их нет – это подтверждает незаконность промысла). Все документы изымаются для последующего исследования. Если судно оснащено системой спутникового слежения (ГЛОНАСС), данные маршрута запрашиваются через компетентные органы.

Тактика осмотра в водной среде включает и мероприятия под водой: при необходимости привлекаются водолазы для извлечения утопленных орудий лова или брошенной добычи. Например, в практике озера Байкал инспекторы нередко обнаруживают брошенные сети с уже погибшей рыбой на дне – их поднятие служит вещдоком. Однако погружения связаны с риском и проводятся в исключительных случаях. Более широко применяются технические средства дистанционного наблюдения – подводные камеры, эхолоты,

сонары для сканирования дна на наличие сетей. Использование беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) также стало ценным тактическим приёмом: дроны с видеокамерами высокой чёткости могут обследовать большие площади акватории и береговой черты, выявляя с высоты скопления лодок или сети, выставленные близ береговой линии. Такие технологии существенно повышают результативность поиска улик.

Переходя к следующему следственному действию, отметим, что тактика допроса лиц, уличённых в незаконном вылове, строится с учётом характера доказательств и линии защиты. Во многих случаях браконьеры задерживаются с поличным, при наличии очевидных следов (изъяты улов, сети и пр.), поэтому нередко полные признания вины. Однако даже признав сам факт добычи рыбы, задержанные могут не соглашаться с квалификацией своих действий. Распространённая защитная позиция – утверждать, что улов предназначался для личного потребления, не преследовалась цель сбыта, улов невелик и ущерб небольшой, то есть пытаться переqualифицировать дело в административное правонарушение. Также подозреваемые зачастую скрывают организованный характер промысла, отрицая наличие соучастников или покровителей. Задача следователя – тактически грамотно построить допрос, чтобы выявить противоречия и получить максимум информации о преступной группе, каналах сбыта, предварительной подготовке. С этой целью используются приёмы предъявления доказательств: например, если один из соучастников дал признательные показания, поочерёдный допрос всех членов группы и столкновение их показаний могут вывести на истину. Существенную помощь оказывают данные оперативных разработок – результаты прослушивания телефонных переговоров, наблюдения – которые следователь может огласить на допросе для оказания психологического давления.

При допросе необходимо выяснить мотивацию и умысел: знал ли допрашиваемый о запрете лова в данном месте или времени, осознавал ли, что наносит ущерб (обычно да, поскольку такие действия совершались умышленно). Даже если незнание правил не освобождает от ответственности, фиксирование ответов важно для характеристики субъективной стороны. Также подробно выясняется роль каждого участника: кто организовал выезд, кто предоставил сети или лодку, кто занимался сбытом улова. Эти детали позволяют, во-первых, установить организаторов и пособников, а во-вторых, пригодятся суду при индивидуализации наказания. Особую тактику требует

допрос должностных лиц, если они привлекаются по ч.3 ст.256 (например, инспектор, покрывавший браконьеров) – такие лица обычно отрицают вину, и следователю важно предъявить им доказательства злоупотребления (например, показания очевидцев, что инспектор предупреждал браконьеров о рейдах, или метки на изъятых сетях, указывающие на принадлежность ведомству).

Допросы свидетелей включают опрос членов экипажа (если кто-то из команды решит дать показания против организаторов), очевидцев с берега (местные жители могли видеть подозрительные лодки ночью), специалистов, участвующих в осмотре (они впоследствии допрашиваются для приобщения их разъяснений как свидетельских показаний о найденных следах). Допрашиваются также эксперты после выдачи заключений – для разъяснения сложных терминов суду, хотя их письменные заключения имеют самостоятельное значение доказательств. В целом тактика допросов при данных расследованиях направлена на максимальное раскрытие всей цепочки преступной деятельности от вылова до конечной реализации, чтобы пресечь деятельность группы полностью, а не ограничиться исполнителями на низовом уровне.

Вопросы назначения судебной экспертизы приобретают актуальность как на первоначальном, так и на последующем этапе расследования указанных преступлений. Однако, особенности конструкции нормы (необходимость крупного ущерба или иных условий) обуславливают необходимость установления всех обстоятельств – вида и количества добытых биоресурсов, места и способа ловли, наличия лицензий и пр. – ещё до возбуждения дела. Для этого следователь (дознатель) вправе назначать экспертные исследования даже в рамках проверки сообщения о преступлении, не дожидаясь возбуждения дела. Например, сразу после изъятия улова может проводиться ихтиологическая экспертиза для определения видового состава и количества рыбы, а также расчёта нанесённого ущерба по установленным таксам [2]. Если экспертиза подтверждает причинение крупного ущерба либо выявляет другие отягчающие признаки (нерест, запрещённые орудия лова и т.д.), выносится постановление о возбуждении уголовного дела. В противном случае материалы передаются для привлечения виновных к административной ответственности. После возбуждения дела круг экспертиз расширяется. К числу ключевых относятся: ихтиологическая экспертиза – для точного определения видового состава, количества изъятой рыбы, ее размеров, пола, наличия икры (что свидетельствует о нерестовом периоде), жизнеспособно-

сти и состояния (например, давность вылова по состоянию жабр и т.п.; биологическая экспертиза – для установления принадлежности образцов (чешуи, частиц) конкретным видам, идентификации редких или охраняемых видов; экологическая экспертиза – для оценки ущерба, причинённого водным биоресурсам, расчёта потерь экосистемы и подтверждения крупного/особо крупного размера ущерба; техническая экспертиза орудий лова – исследует конфискованные снасти на предмет того, являются ли они запрещёнными (например, параметры сетей – размер ячеи, материал; принцип действия электроудочек; химический состав обнаруженных веществ в воде и т.п.) [3]. По сложным делам может назначаться комплексная судебная экспертиза, объединяющая выводы ихтиолога, эколога и товароведа (для оценки стоимости ущерба). Экспертные заключения отвечают на ключевые вопросы для доказывания: факт незаконного вылова и кто его осуществил; время и место (например, по наличию локальных видов водорослей на снастях можно установить регион ловли); способ и орудия добычи; видовой состав и состояние выловленных биоресурсов (например, имеются ли среди улова молодняк или особо ценные виды); размер причинённого ущерба и др. [5].

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июня. 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] Бордюгов, Г. Л. Проблемы использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений // Донецкий национальный университет. — 2019. — № 4.
- [3] Бумагина, А. О. Особенности участия специалистов при расследовании преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов // Молодой учёный. — 2024. — № 11 (510). — С. 72–74.
- [4] Кулаков, Е. А. Проблематика первоначальных следственных действий при реагировании на сообщение о незаконном вылове водно-биологических ресурсов // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 6.

[5] Мишин, А. В., Шалимов, А. Н. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании рыбного браконьерства // ВЭПС. — 2017. — № 1.

[6] Петрова, А. С. Проблемы при расследовании преступлений по незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов // Научный лидер. — 2023. — № 47 (145).

[7] Рудов, Д. Н. Некоторые криминалистические аспекты расследования незаконного вылова водных биологических ресурсов / Д. Н. Рудов, А. Е. Антонов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2020. — № 4. — С. 31–34.

Spisok literatury:

- [1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 13 iyun. 1996 g. № 63-FZ (red. ot 24 iyun. 2025 g.) // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.
- [2] Bordyugov, G. L. Problemy` ispol'zovaniya special'ny`x znaniy pri rassledovanii e`kologicheskix prestuplenij // Doneczkij nacional'nyj universitet. — 2019. — № 4.
- [3] Bumagina, A. O. Osobennosti uchastiya specialistov pri rassledovanii prestuplenij, svyazanny`x s nezakonnoj doby`chej vodny`x biologicheskix resursov // Molodoj uchyonyj. — 2024. — № 11 (510). — S. 72–74.
- [4] Kulakov, E. A. Problematika pervonachal'ny`x sledstvenny`x dejstvij pri reagirovanii na soobshhenie o nezakonnom vy`love vodno-biologicheskix resursov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2018. — № 6.
- [5] Mishin, A. V., Shalimov, A. N. Osobennosti naznacheniya sudebny`x e`kspertiz pri rassledovanii ry`bnogo brakon`erstva // VE`PS. — 2017. — № 1.
- [6] Petrova, A. S. Problemy` pri rassledovanii prestuplenij po nezakonnoj doby`che (vy`lovu) vodny`x biologicheskix resursov // Nauchnyj lider. — 2023. — № 47 (145).
- [7] Rudov, D. N. Nekotory`e kriminalisticheskie aspekty` rassledovaniya nezakonnogo vy`lova vodny`x biologicheskix resursov / D. N. Rudov, A. E. Antonov // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. — 2020. — № 4. — S. 31–34.

АСМАНДИЯРОВА Наиля Римовна,
доцент кафедры конституционного и административного права
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАРИФУЛЛИНА Разиля Файзуллиновна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупредительного воздействия на мошенничество, а также современные виды мошенничества. С учетом данных о количестве мошенничеств, совершаемых на территории Российской Федерации, а также основных детерминант, авторы приходят к выводу, что мошенничество на сегодняшний день является одним из самых распространенных деяний. Проведен анализ теоретического материала, который позволил сделать ряд выводов относительно предупреждения мошенничества.

Ключевые слова: предупреждение, мошенничество, детерминанты мошенничества, особенности предупреждения современного мошенничества.

ASMANDIYAROVA Naila Rimovna,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law
of the State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Bashkir Academy of Public Administration
and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan,
Candidate of Law, Associate Professor

GARIFULLINA Razilya Fayzullinovna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel

FEATURES OF PREVENTION OF MODERN FRAUD

Annotation. The article discusses issues of preventive impact on fraud, as well as modern types of fraud. Taking into account the data on the number of frauds committed on the territory of the Russian Federation, as well as the main determinants, the authors conclude that fraud is one of the most common acts today. An analysis of theoretical material was carried out, which made it possible to draw a number of conclusions regarding the prevention of fraud.

Key words: prevention, fraud, determinants of fraud, features of prevention of modern fraud.

Говоря о предупредительном воздействии на основные детерминанты мошенничества, важно учитывать специфику исследуемой группы преступных действий. Необходимо реализовывать различные алгоритмы предупредительного воздействия с привлечением к данному про-

цессу разных специалистов в области противодействия преступности. Подчеркнем, что решение теоретических вопросов и практических задач в области современного мошенничества в основном зависит от выяснения содержания, взаимосвязи и взаимозависимости уголовной,

криминологической политики государства, процедуры ее формирования на основе научных положений, являющихся ключевыми как для процесса познания, так и практической составляющей данного действия. Процессы и явления политического, экономического, идеологического, культурно-воспитательного, демографического, социально-психологического характера, происходящие в обществе, главным образом и детерминируют поведение человека, определяют сущность и характер этого поведения. Названные процессы, определяя в самой общей форме условия жизни в обществе, придают своеобразие деятельности по обучению и воспитанию детей и подростков, формированию их личности, существенно влияют на характер межличностного общения граждан в семье и обществе.

С учетом данных о количестве мошенничеств, совершаемых на территории нашей страны, а также основных детерминант, мы приходим к выводу, что мошенничество на сегодняшний день является одним из самых распространенных деяний. Анализ теоретического материала позволяет сделать ряд следующих выводов.

На сегодняшний день в правовом пространстве складывается ситуация, при которой корыстная преступность представляет собой множество преступных деяний, направленных на экономическую сферу, а также тех индивидов, которые ставят своей целью их реализацию в нарушение действующих законов. При этом, в процессе реализации корыстных преступлений отчетливо прослеживается явное стремление нарушителей закона к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды.

Предупреждение современного мошенничества рассматривается современной криминологией не только как широкий комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными органами и общественностью в целях борьбы с преступностью и устранения причин, ее порождающих, но и как особая область социального регулирования, управления социальными процессами, связанными с реализацией задачи сокращения преступности. Предупреждение является составной частью общего предупреждения преступности в целом. В криминологической науке под предупреждением преступности понимается сложная, многоаспектная деятельность, самостоятельная сфера социального управления, включающая общую организацию борьбы с преступностью (анализ, прогноз, программирование, правовое регулирование, кадровое и иное обеспечение), предупреждение преступности, правоохранительную деятельность (карающую и право-восстановительную).

Предупреждение современного мошенничества должно производиться, на наш взгляд, в

следующих формах: профилактические мероприятия, заключающиеся в устранении причин и условий исследуемых преступлений, виктимологическая профилактика.

Осуществляя специальное предупреждение, мы прежде всего говорим о деятельности правоохранительных органов в этом направлении, более того, с учетом специализации обучения, конечно, будем подчеркивать активное участие в данном вопросе именно органов полиции. Чтобы превентивная деятельность осуществлялась эффективно, подразделениями органов внутренних дел собирается и анализируется информация о состоянии, динамике, структуре корыстной преступности. Очень важным направлением в деле предупреждения корыстной преступности является информационное обеспечение. Помимо различного рода сведений о количественных и качественных параметрах корыстной преступности, на органы внутренних дел возлагается также задача составления различного рода программ, планов, операций, направленных на реализацию профилактических мероприятий [3, с. 308-309]. Сложность противодействия современному мошенничеству в настоящее время состоит в том, что появляются новые виды мошенничества, а также формы и способы их совершения. Сотрудники полиции должны уметь противостоять новым проявлениям данного деяния. Стоит указать еще и на то, что превентивную деятельность в отношении корыстных преступлений подразделения и службы органов внутренних дел должны осуществлять в рамках тесного взаимодействия. Другим аспектом предупредительной работы будет являться своевременное доведение информации до заинтересованных лиц о тех сферах экономической деятельности, где вероятнее всего возможно совершение преступных действий.

Таким образом, главным аспектом современных тенденций в области предупреждения и противодействия современному мошенничеству является огромный шаг навстречу лицам, принимающим активное участие в правоотношениях, при этом важен сам факт регулирования предупредительно-профилактического воздействия. Таким регулятором могут выступать как меры уголовно-правового воздействия, так и меры предупредительные, направленные на тех, кто всячески старается нарушить закон в области реализации преступного замысла корыстного характера, тем самым обеспечивая криминологическую безопасность определенного уровня.

Помимо этого, основное внимание в вопросах предупреждения мошенничества следует уделять тем направлениям, которые на сегодняшний день наиболее востребованы у преступников.

Это активное использование населением различных средств коммуникации и возможность доступа с их помощью к современным средствам платежа.

Так, например, используя размещенные в Интернете объявления о продаже каких-либо товаров, преступник связывается с предполагаемой жертвой по указанному номеру мобильного телефона и говорит, «я хочу отправить деньги вам на карту за товар на Avito, предоплату за аренду, у вас карта привязана к мобильному банку, если нет, идите к банкомату я вас проинструктирую, как подключить мобильный банк». Важно учитывать, что в целях предупреждения данных преступлений при получении сообщения не нужно перезванивать на указанные номера. Мошенники могут потребовать передать деньги курьеру, перечислить их на карту, номер мобильного телефона, попытаются получить от вас сведения о банковской карте, предложить пройти к банкомату и совершить какие-либо операции у банкомата, попросят сообщить коды, которые приходят жертве на телефон.

Важно учитывать, что в случае получения входящего звонка необходимо прекратить разговор, даже если собеседник вселяет уверенность в своей правдивости. Мошенники обладают психологическими приемами введения в заблуждение либо обладают информацией о потерпевшем и его близких. Аналогичные случаи мошенничества встречаются и в сети Интернет, но сообщение о помощи передается посредством сообщения в социальной сети с ложной страницы родственника.

В целях предупреждения мошеннических действий следует учитывать, что банк никогда не запрашивает по телефону сведения о карте клиента, ее номер, код на обратной стороне, Ф.И.О. владельца карты и срок ее действия, а тем более пин-код, если собеседник пытается получить такую информацию либо просит сообщить коды, которые пришли на телефон от банка, следует сразу прекратить с ним разговор [4, с. 17]. Гражданам, имеющим престарелых родственников, соседей, знакомых, необходимо разъяснить, какие способы мошенничества существуют, как вести себя при получении звонков и сообщений мошеннического характера, а именно, не вести диалоги с мошенниками, прекратить разговор и позвонить родственникам. Если пожилой человек получает пенсию на банковскую карту, то необходимо оказать ему помощь в снятии с карты денежных средств либо предложить ему передать свою карту кому-либо из родственников. Во многих случаях в ходе общения с престарелыми людьми сообщники мошенников находятся в районе проживания пожилого человека либо у его дома, подъезда.

Более того, говоря об особенностях предупреждения мошенничества, важно понимать, что, если при мошенничестве в ходе телефонного разговора преступником была получена информация о банковской карте, то необходимо позвонить по телефону, указанному на карте, и заблокировать ее. В день совершения мошенничества необходимо обратиться в банк с заявлением о возврате денежных средств на карту, т. к. банк обязан вернуть денежные средства, если операция была оспорена владельцем карты в день операции.

Для предупреждения мошенничеств также рекомендуется не распространять в сети Интернет сведения о мобильных номерах с их привязкой к анкетным данным, не указывать мобильные номера на социальных страницах, в подаваемых в сети объявлениях, не указывать рядом с номером сотового телефона Ф.И.О., адрес жительства и другую личную информацию. Не использовать в сети Интернет номера своих мобильных телефонов, к которым привязаны банковские карты, и номера мобильных телефонов, которые используются для работы в «Мобильном банке».

Важно учитывать, что в последнее время получают распространение мошенничества, совершенные в отношении пользователей сети Интернет, продающих товары на сайтах бесплатных объявлений. Продавцу поступает звонок от, якобы покупателя. Мошенник под видом покупателя сообщает, что желает приобрести товар, но проживает в другом городе и предлагает оплатить товар путем перечисления денежных средств на карту продавца. Для этого он просит продавца назвать номер карты, владельца карты, срок действия карты, код на обратной стороне, а также сотовый номер, привязанный к карте, либо по умолчанию использует номер, указанный в объявлении. После получения этих сведений мошенник использует данные о карте для оплаты покупки в сети Интернет. Другой вариант, когда на телефон продавца поступают коды от банка, и мошенник просит сообщать их якобы для перевода денег, в этот момент мошенник подключает к телефону потерпевшего либо к своему телефону услугу «Мобильный банк» и похищает деньги с карты. Третий вариант, когда мошенник, выступающий в роли «покупателя», предлагает продавцу пройти к банкомату и якобы, произведя некоторые операции, получить деньги. В трех указанных случаях мошенник похищает денежные средства продавца.

При получении сообщения не нужно перезванивать на указанные номера. Мошенники могут потребовать передать деньги курьеру, перечислить их на карту, номер мобильного телефона, попытаются получить от вас сведения о Вашей банковской карте, предложить пройти к

банкомату и совершить какие-либо операции у банкомата, попросят сообщить коды, которые приходят к Вам на телефон. В случае получения входящего звонка необходимо прекратить разговор, даже если собеседник вселяет уверенность в своей правдивости. Мошенники обладают психологическими приемами введения в заблуждение либо информацией о потерпевшем и его близких. Аналогичные случаи мошенничества встречаются и в сети Интернет, но сообщение о помощи передается посредством сообщения в социальной сети с ложной страницы родственника.

При сомнении в правдивости полученной информации следует перезвонить близким, позвонить в банк по указанному на карте либо в договоре телефону, посетить ближайшее отделение банка.

Зараженное мобильное устройство также является источником распространения вредоносной информации по контактам, содержащимся в телефоне. Для предотвращения рассылки необходимо уведомить максимальное количество знакомых о вашей проблеме и о возможно приходящих от вашего имени вредоносных сообщениях.

В случае, если с телефона, банковской карты похитили денежные средства необходимо в день совершения хищения обратиться в банк с требованием вернуть денежные средства, заблокировать ваш счет, запретить перевод денежных средств с вашего счета на другие счета, приостановить обслуживание счетов, на которые были перечислены денежные средства. После получения ответа от банка с выпиской по счету обратиться в полицию.

Развитие многих видов мошенничества обусловлено человеческими факторами: желание сэкономить, отсутствие близко расположенных магазинов с таким товаром, полное отсутствие предложений на рынке. Основными приобретаемыми товарами являются предметы роскоши – дорогая цифровая техника, автомобили, шубы, брендовые вещи. Исключены полностью факты приобретения товаров первой необходимости. Желание сэкономить приводит зачастую к потере всех денежных средств, в связи с чем первая и основная рекомендация – приобретать вещи за их реальную стоимость и не искать предложений с 30–50 % выгодой, т. к. это противоречит в целом принципам рынка, либо присланный товар окажется подделкой, неисправным, либо не удовлетворяющим запросы покупателя. Актуализируются инновационные финансовые решения, требующие создания новых механизмов защиты прав потребителей [6, с. 43].

Поэтому, говоря об особенностях предупреждения современного мошенничества, необ-

ходимо учитывать, что совершение различными индивидами с криминальной направленностью преступный деяний мошеннического характера, является распространенным явлением, что требует особого внимания, как со стороны всего современного общества, так и со стороны органов правоохранительной системы.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

[2] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. – Текст электронный. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Старков О.В. Криминология. Теория и практика: учебник для вузов. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2019.

[4] Архипов А.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5.

[5] Кочои С.М. Мошенничество: теория и практика квалификации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9.

[6] Мышакова, С. П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют / С. П. Мышакова // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 43-46. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007. – EDN QTRZNR.

Spisok literatury:

[1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ. – Tekst : neposredstvennyj // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – 17 iyunya. – № 25. – St. 2954.

[2] O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48. – Tekst elektronnyj. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[3] Starkov O.V. Kriminologiya. Teoriya i praktika: uchebnik dlya vuzov. 2-oe izd., pererab. i dop. M., 2019.

[4] Arhipov A.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha (st. 159.3 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2019. № 5.

[5] Kochoi S.M. Moshennichestvo: teoriya i praktika kvalifikacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 9.

[6] Myshakova, S. P. Pravovoe regulirovanie cifrovyyh finansovyh aktivov i cifrovyyh valyut / S. P. Myshakova // Pravo i gosudarstvennost'. – 2025. – № 1(6). – S. 43-46. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007. – EDN QTRZNR.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-200-203

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: shamil.1503@mail.ru

НАКУЧИЕВА Сиянат Османовна,

магистрант Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современной деятельности Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ). Рассматриваются конституционно закреплённые полномочия ВС РФ как высшей инстанции судов общей юрисдикции, его функции по обеспечению законности и единообразия судебной практики. Особое внимание уделяется специфике апелляционного рассмотрения дел, изначально подсудных Верховному Суду, а также введённой в 2018–2019 гг. двухуровневой системе кассационного пересмотра, разграничивающей «сплошную» и «выборочную» кассации. Приводятся статистические данные, демонстрирующие селективный характер кассационной деятельности: менее 1 % жалоб принимаются к рассмотрению, но около 95 % из них удовлетворяются, что подтверждает роль ВС РФ как механизма коррекции принципиальных судебных ошибок. Отдельно анализируются постановления Пленума Верховного Суда, которые, хотя формально не являются источником права, фактически задают стандарты правоприменения для всех судов общей юрисдикции. Автор приходит к выводу, что реформы последних лет повысили эффективность судебного надзора и усилили влияние ВС РФ на развитие уголовно-процессуальной практики.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ; уголовное судопроизводство; апелляция; кассация; сплошная кассация; выборочная кассация; судебная реформа 2018–2019; Пленум ВС РФ; единообразие судебной практики; судебный надзор.

RADZHABOV Shamil Rajabovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Institute
(Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

NAKUCHIEVA Siyanat Osmanovna,

Master's Student, North Caucasus Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PECULIARITIES OF THE CRIMINAL-PROCEDURE ACTIVITIES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyses the present-day activity of the Supreme Court of the Russian Federation (SC RF). It examines the constitutionally enshrined powers of the SC RF as the highest court of general jurisdiction and its functions in safeguarding legality and ensuring the uniform application of law. Special attention is given to the specifics of appellate review of cases originally tried by the Supreme Court itself and to the two-tier cassation system introduced in 2018–2019, which distinguishes between “continuous” (automatic) and “selective” cassation. Statistical data highlight the selective nature of cassation: fewer than 1 percent of complaints are accepted for consideration, yet roughly 95 percent of those are granted, underscoring the Court’s role in correcting fundamental judicial errors. The article also analyses the Plenum’s resolutions, which, while not formal sources of law, in practice set binding enforcement standards for all courts of general jurisdiction. The author concludes that recent reforms have increased the efficiency of judicial supervision and strengthened the Supreme Court’s influence on the development of criminal procedure.*

Key words: *Supreme Court of the Russian Federation; criminal proceedings; appeal; cassation; continuous cassation; selective cassation; 2018–2019 judicial reform; Plenum of the Supreme Court; uniform court practice; judicial supervision.*

Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) выступает в качестве высшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции, наделённого конституционным статусом осуществлять судебный надзор за деятельностью нижестоящих судов и обеспечивать единообразие судебной практики [1]. Согласно Конституции РФ и федеральному законодательству, ВС РФ рассматривает наиболее сложные и значимые уголовные дела, пересматривает вступившие в законную силу судебные акты в предусмотренных процессуальных формах и даёт разъяснения по вопросам судебной практики для ориентирования всех судов общей юрисдикции.

На современном этапе, характеризующемся реформированием судебной системы и обновлением уголовно-процессуального законодательства, роль Верховного Суда как высшей инстанции существенно возросла в сфере обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства. В связи с этим, считается целесообразным рассмотреть основные направления деятельности Верховного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке входит в компетенцию ВС РФ, и носит специфический характер. Как высший суд, Верховный Суд напрямую рассматривает апелляции на те уголовные дела, которые были изначально подсудны ему в качестве суда первой инстанции (например, дела особой государственной важности или преступления, рассмотрение которых законодатель прямо относит к компетенции ВС РФ). Для этого в структуре Верховного Суда создана Апелляционная коллегия. Кроме того, после судебной реформы 2018–2019 годов были учреждены обособленные апелляционные суды общей юрисдикции, которые пересматривают дела, рассмотренные по первой инстанции верховными судами республик, краевыми и областными судами [7]. Таким образом, нагрузка по апелляционному

пересмотру распределена между несколькими уровнями, и Верховный Суд напрямую занимается апелляцией лишь в относительно узком круге случаев. Тем не менее, статистические данные свидетельствуют, что количество уголовных дел, рассмотренных в апелляционном порядке, в последнее время не сокращается.

Кассационная деятельность Верховного Суда заслуживает особого внимания, поскольку именно на этом уровне реализуется функция надзора за единообразием судебной практики в масштабах всей страны. В данном случае следует отметить, что в результате судебной реформы последних лет введена двухуровневая кассационная система, которая заменила прежний институт надзора. Теперь пересмотр судебных актов после апелляции осуществляется в порядке кассационного производства – сначала в кассационных судах общей юрисдикции (новое звено судебной системы, созданное с октября 2019 года), а затем – при необходимости – в самой Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [9]. Такой порядок был закреплён Федеральным законом № 361-ФЗ (2018) и разъяснён Пленумом ВС РФ от 25 июня 2019 г. [3], который указал на существование двух видов кассации: “сплошной” (непосредственной) – когда дело после апелляции автоматически передаётся на рассмотрение кассационного суда без предварительного отбора, и “выборочной” – когда пересмотр в вышестоящей инстанции возможен только после специального решения судьи о передаче жалобы на рассмотрение. Сплошная кассация предусмотрена для итоговых судебных решений (приговоров, определений) нижестоящих судов, тогда как выборочная кассация применяется для промежуточных решений и случаев повторного обжалования уже пересмотренных дел. После введения двухуровневой кассации значительная часть жалоб, ранее напрямую направлявшихся в ВС РФ, теперь рассматривается кассационными судами общей юрисдикции

(их девять по федеральным округам) [4]. Эти новые кассационные суды, начавшие работу с 1 октября 2019 г., заметно разгрузили Верховный Суд и улучшили качество правосудия, устраняя многие нарушения ещё на стадии первой кассации.

Статистические показатели работы Верховного Суда в порядке кассации наглядно отражают его роль как сито, пропускающее только обоснованные жалобы. Доля жалоб, которые передаются на рассмотрение Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ, весьма мала – порядка 1% от общего количества поступающих кассационных обращений. Однако такие низкие шансы компенсируются тем, что если Верховный Суд принимает дело к производству, то в подавляющем большинстве случаев выявляет нарушения и отменяет либо изменяет судебные решения. По данным за последние годы, из жалоб, рассмотренных в судебном заседании кассационной инстанции ВС, удовлетворяются около 95–96%. Это означает, что Верховный Суд, отбирая к рассмотрению лишь каждую сотую жалобу, концентрируется именно на тех делах, где, по его мнению, допущены наиболее серьезные ошибки применения закона [8]. Такой подход соответствует одной из основополагающих функций Верховного Суда является формирование правовых позиций, служащих ориентиром для нижестоящих судов. Иными словами, кассационная коллегия ВС РФ работает не ради перепроверки всех дел подряд, а ради исправления принципиальных судебных ошибок и выработки разъяснений по спорным правовым вопросам [5].

Одним из важнейших инструментов обеспечения единства судебной практики, наряду с пересмотром конкретных дел, выступают Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Пленум ВС – коллегиальный орган, куда входят все судьи Верховного Суда, – уполномочен давать судам разъяснения по применению законодательства. Такие разъяснения не являются источником права в формальном смысле, однако фактически имеют обязательный характер для судов общей юрисдикции, поскольку основаны на авторитете высшей судебной инстанции и прямо направлены на корректное и единообразное толкование норм [6]. В современных условиях Пленум ВС регулярно издает постановления, обобщающие судебную практику и реагирующие на изменения законодательства. Ярким примером служит уже упомянутое Постановление Пленума от 25.06.2019 № 19, подробно разъяснившее порядок кассационного обжалования по главе 47.1 УПК РФ [2] в связи с запуском новых кассационных и апелляционных судов. В этом акте были изложены принципы разграничения сплошной и выборочной кассации, перечислены субъекты, имеющие

право обращения в кассационную инстанцию, и акцентировано, что указания суда кассационной инстанции обязательны для нижестоящих судов при новом рассмотрении дела. Таким образом, Верховный Суд через пленарные разъяснения фактически устанавливает стандарты правоприменения.

Список литературы:

- [1] О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 16 апр. 2022 г.; с изм. и доп.; вступ. в силу с 01 янв. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07 июн. 2025 г.) // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242 (22 дек.).
- [3] О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июн. 2019 г. № 19 (в ред. от 29 июн. 2021 г.) // Российская газета. — 2019. — 3 июл. — № 142.
- [4] Борисов Н. В. Особенности производства в суде кассационной инстанции на современном этапе уголовно-процессуального законодательства // Российский юрист. — 2024. — № 3. — С. 349–356.
- [5] Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19, № 12. — С. 132–141.
- [6] Воробьева В. А., Разумовская Н. П. Роль Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при вынесении судебных актов // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2024. — Т. 10, № 3 (27). — С. 49–55.
- [7] Назаров А. Д., Трофимик А. Г. Перспективы модернизации апелляционного производства в уголовном процессе России: анализ зарубежного опыта // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — Т. 9, № 1. — С. 28–36.
- [8] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vsr.ru/documents/statistics/?year=2024> (дата обращения: 01.07.2025).
- [9] Рубан А. Д., Грибунов А. О. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Феде-

рации как источник формирования правоприменительной практики // Искусство правоведения = The Art of Law. — 2023. — № 2 (6). — С. 6–12.

Spisok literary:

[1] O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii: feder. konst. zakon ot 31 dek. 1996 g. № 1-FKZ (v red. ot 16 apr. 2022 g.; s izm. i dop.; vstup. v silu s 01 yanv. 2023 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 1997. — № 1. — St. 1.

[2] Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 18 dek. 2001 g. № 174-FZ (v red. ot 07 iyun. 2025 g.) // Parlamentskaya gazeta. — 2001. — № 241–242 (22 dek.).

[3] O primenenii norm glavy 47.1 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reguliruyushhix proizvodstvo v sude kassacionnoj instancii: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25 iyun. 2019 g. № 19 (v red. ot 29 iyun. 2021 g.) // Rossijskaya gazeta. — 2019. — 3 iyl. — № 142.

[4] Borisov N. V. Osobennosti proizvodstva v sude kassacionnoj instancii na sovremennom etape ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Rossijskij yurist. — 2024. — № 3. — S. 349–356.

[5] Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A. Perspektivy razvitiya ugolovnogo

sudoproizvodstva v usloviyax cifrovizacii obshhestva i gosudarstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — T. 19, № 12. — S. 132–141.

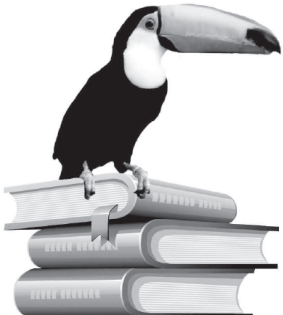
[6] Vorob'yova V. A., Razumovskaya N. P. Rol' Postanovlenij Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii pri vy'nesenii sudebny'x aktov // Novizna. Eksperiment. Tradicii. — 2024. — T. 10, № 3 (27). — S. 49–55.

[7] Nazarov A. D., Trofimik A. G. Perspektivy modernizacii apellyacionnogo proizvodstva v ugolovnom processe Rossii: analiz zarubezhnogo opyta // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2023. — T. 9, № 1. — S. 28–36.

[8] Obzor statisticheskix dannyx o rassmotrenii v Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii v 2023 g. administrativny'x, grazhdanskix del, del po razresheniyu ekonomicheskix sporov, del ob administrativny'x pravonarusheniyax i ugolovny'x del [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/?year=2024> (data obrashheniya: 01.07.2025).

[9] Ruban A. D., Gribunov A. O. Postanovleniya Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii kak istochnik formirovaniya pravoprimenitel'noj praktiki // Iskusstvo pravovedeniya = The Art of Law. — 2023. — № 2 (6). — S. 6–12.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВДОВЦЕВ Павел Викторович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного
права, криминологии и уголовного процесса
Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
e-mail: 0135790@mail.ru

ЧАРЫКОВ Александр Викторович,
Соискатель кафедры Судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета
адвокат Адвокатской палаты Свердловской области.
e-mail: ekb@advokat66.su

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В доктрине уголовного процесса вопросам участия представителя уделяется достаточно скромное внимание; во многом это объясняется тем, что центральным конфликтом, развивающимся в уголовно-процессуальной плоскости, является конфликт уголовно-правовой, материальный; соответственно, его основным участникам традиционно и посвящены труды специалистов в области уголовного процесса; одним из таких участников выступает защитник, в тени которого и затерялся представитель, причем настолько, что зачастую высказываются соображения о полном его отождествлении с защитником, поглощении последним; настоящая статья призвана внести некоторые коррективы в вопрос о соотношении правового положения названных участников; опираясь на исследования ученых-цивилистов, авторы делают вывод о том, что представитель является фигурой, обладающей в уголовном судопроизводстве правовым статусом куда более самостоятельным, чем об этом принято думать.

Ключевые слова: представитель, защитник, представительство, правозаступничество, доверитель, полномочие, юридическая помощь.

VDOVTSEV Pavel Viktorovich
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure
of the Yekaterinburg Branch of the Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

CHARYKOV Alexander Viktorovich,
Candidate of the Department of Judicial
Activity and Criminal Procedure Ural State Law University
lawyer of the Sverdlovsk Region Bar Association

ON THE LEGAL STATUS OF A REPRESENTATIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In the doctrine of criminal procedure, rather modest attention is paid to the issues of representative participation; this is largely due to the fact that the central conflict developing in the criminal procedural plane is a criminal-legal, material conflict; accordingly, the works of specialists in the field of criminal

procedure are traditionally devoted to its main participants; one of these participants is the defender in the shadow of which the representative was lost, and so much so that it is often suggested that he was completely identified with the defender, absorbed by the latter; This article is intended to make some adjustments to the question of the relationship between the legal status of these participants; based on the research of civil scientists, the authors conclude that the representative is a figure with a much more independent legal status in criminal proceedings than is commonly thought.

Key words: *representative, defender, representation, legal representation, principal, authority, legal assistance.*

В русском языке «представительствовать» – значит действовать по чьему-нибудь поручению. Другими словами, это действия по опосредованному выражению интересов одного субъекта другим субъектом. Считается, что процессуальное представительство (лат. *repraesentatio*, англ. *representation*) зародилось еще в римском частном праве.

В Риме допускалось выступление представителей *pro populo* – за народ, *pro libertate* – за свободу и *pro tutela* – по опеке. Первоначально процессуальное представительство допускалось только постольку, поскольку выступление соответствующих субъектов в процессе было принципиально невозможно. В данном случае особый интерес вызывает пример представительства конкретного живого человека, то есть опека. С развитием общественных отношений в Древнем Риме, и, как следствие, развитием римского частного права, опека претерпела значительные изменения. Если сначала она понималась как власть опекуна над имуществом и личностью подопечного, то с течением времени права опекуна стали пониматься как «средства для осуществления его обязанностей» [13,15].

При таком положении вещей специалисты в области гражданского процесса, занимающиеся проблемами представительства довольно давно, подчеркивают, что его центральным звеном становится полномочие, исходящее от представляемого. Как пишет С.А. Халатов, объединение прав и обязанностей представителя имеет огромное значение для правильного понимания места представителя и понятия полномочия в современном гражданском процессе [21, с. 18].

Согласно данному подходу субъект представительства (представитель) воспринимается как лицо, не имеющее собственных прав и обязанностей. Его правовой статус – следствие или «тень» правового статуса представляемого, а сам он не субъект правоотношений и от своего имени не действует.

Таким образом, такое представительство суть полномочие, то есть выступление представителя от имени и в интересах лица, располагающего соответствующим полномочием и передающего (делегирующего) его представителю.

Помимо представительства в римском частном праве выделяли правозаступничество. По мере усложнения общественных отношений «появляется потребность в лицах, которые специально занимаются изучением законов и могут оказывать юридическую помощь, - правозаступниках» [2, с. 15]. Именно в Древнем Риме деятельность людей, обладающих специальными познаниями в области права, а также полномочиями по правозаступничеству, впервые стала официально признанной профессией. Правозаступничество, существовавшее в Древнем Риме, можно считать прообразом современной адвокатуры [7, с. 54-56].

В дореволюционной России под правозаступничеством в гражданском процессе понимали юридическую помощь лиц, чьи действия выражались в помощи тяжущемуся в его деле, поддержании его с юридической стороны, без замены правозаступником тяжущегося лица в процессе [8, с. 205].

Иногда такого правозаступника именовали представителем. В 1878 г. классик отечественной цивилистики профессор Н.О. Нерсесов указал на отличия посланника (нунция) от представителя. Посланник не имеет собственной воли и выражает лишь волю посылающего (принципала), тогда как представитель всегда выражает собственную волю. Представитель в отношениях с третьими лицами выступает в качестве самостоятельного лица. Нунций не изъясляет собственную волю, а лишь передает проявление воли принципала, а потому, в частности, не может быть признан лицом, вступающим в правовые отношения [10, с. 32-39].

Таким образом, под правовой помощью понимают выступление лица в интересах тяжущегося от своего имени и в границах тех полномочий, которыми он обладает не в связи с передачей таковых от тяжущегося, а как правозаступник (правозащитник) в соответствии с законом.

На сегодняшний день развитие идей представительства и правозаступничества, то есть «полномочия» и «правовой помощи», привело к формированию нескольких направлений в понимании представительства.

Первый подход является междисциплинарным и заключается в понимании представительства как всеобъемлющего явления, универсального для всех отраслей права.

Как указано в большом юридическом словаре под редакцией А.Я. Сухарева, в уголовном, гражданском и арбитражном процессе под представителями понимаются не только лица, выражающие чьи-либо интересы, но и оказывающие представляемому юридическую помощь, действуя при этом от собственного имени и в интересах представляемого [1].

По мнению Т.А. Федотовой, «судебное представительство является самостоятельным видом процессуально-правовой деятельности. Относясь к межотраслевым процессуальным институтам, судебное представительство исполняет роль интегрирующего фактора правосудия, требующего системного правового регулирования» [20, с. 14]. В своей диссертации

Е.В. Колоколова пишет: «Представительство в гражданском процессе представляет собой межотраслевой цивилистический институт и самостоятельный, определенный законом вид процессуально-правовой деятельности, направленной на защиту жизненных прав и интересов граждан и организаций путем оказания им квалифицированной юридической помощи, имеющей публичное значение» [5, с. 10].

Е.Г. Тарло предлагает единое определение представительства для всех видов судопроизводства (уголовного, гражданского, арбитражного, административного, конституционного): судебное представительство определяется как межотраслевой институт, «вид деятельности лица, участвующего в процессуальных правоотношениях с целью оказания юридической помощи представляемому участнику процесса, защиты его прав и законных интересов в пределах полномочий, предоставленных ему соответствующей отраслью процессуального законодательства или процессуальных правил, включенных в отрасли материального права, согласуемых в необходимых случаях с представляемым» [19, с. 6].

По мнению М.С. Строговича, «вывод о том, что защитник не является представителем обвиняемого, сделать нельзя, ибо защита в уголовном судопроизводстве - это вид более широкого понятия процессуального представительства» [17, с. 255]. При этом процессуальное положение защитника как представителя автор определял через характер его взаимоотношений с обвиняемым. Это означает, что защитник участвует в деле в интересах обвиняемого, по его поручению или с его согласия и в любой момент может быть уstra-

нен, если обвиняемый откажется от него [6, с.64-68]. Такие взгляды автора были связаны прежде всего с отстаиваемой им концепцией судебного права, в систему которого ученый включал судопроизводство, уголовное, гражданское и административное судопроизводство, а также криминалистику [12, 18].

Отметим, что суть данной точки зрения состоит в именовании любого лица, выступающего в чужих интересах, располагающего ли делегированным полномочием или оказывающего юридическую помощь, термином «представитель». Думается, такой подход является чрезмерно широким, и не затрагивает существо исследуемого в настоящей статье вопроса.

Согласно второму подходу, распространенному в цивилистике, представитель рассматривается как лицо, обладающее процессуальной правосубъектностью, и выступающее в интересах доверителя как от своего имени, так и от имени доверителя, и располагающее как самостоятельными полномочиями, так и теми, что делегированы ему доверителем [14, с. 99-124, 22, с. 108]. Так, например, Р.А. Сидоров пишет, что судебный представитель - самостоятельный участник гражданского судопроизводства. Его процессуальное положение является сложным: представитель одновременно выступает и как лицо, реализующее данные ему полномочия, и как носитель самостоятельных процессуальных прав и обязанностей ... при этом судебное представительство призвано гарантировать конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи [16, с. 8].

Далее необходимо рассмотреть позиции, высказываемые по поводу представительства в науке уголовного процесса.

По мнению А.В. Кожевникова: «Во-первых, представители действуют от имени и в интересах доверителей. Во-вторых, они действуют в рамках полученных полномочий. И, наконец, в-третьих, правовые последствия в результате деятельности представителя возникают непосредственно у представляемого» [4, с. 9]. По мнению С.А. Мельникова, «представителями в уголовном процессе являются такие его участники, которые действуют при производстве по уголовному делу от имени и в интересах представляемого участника уголовного процесса, пользуясь при этом предоставленными им законом правомочиями (соответствующими процессуальными правами и обязанностями)» [9, с. 8]. В.Н. Новиков пишет: «Представительство следует рассматривать как процессуальную деятельность определенных субъектов уголовного судопроизводства, которые в пределах предоставленных им уголов-

но-процессуальным законом полномочий действуют от имени представляемого лица (потерпевшего, заявителя, гражданского истца и частного обвинителя) в целях обеспечения его прав и законных интересов» [11, с. 157].

Приведенные высказывания ученых, занимающихся проблемами уголовного процесса, как нетрудно заметить, раскрывают понятие представителя через полномочие. Совершение от имени и по поручению доверителя процессуальных действий представителем (суть «полномочие») есть неотъемлемая часть института представительства, сложившаяся исторически. Такая передача полномочий даже получила еще один отдельный термин – делегирование. В этом случае представитель – любой субъект, действующий в интересах и от лица представляемого. При этом все юридические последствия действий представителя переносятся на доверителя.

Согласиться в полной мере с приведенными позициями относительно природы представительства, распространенными в уголовном процессе, сложно. На наш взгляд, они нуждаются в уточнении, корректировке.

Думается, рассмотрение представительства только как «полномочия» является недостаточным для полноценного понимания данного явления. Как показывает история развития представительства и правовой помощи [3, с. 56-63], тенденцией является дополнение представительских полномочий правозащитными. В этой связи целесообразным видится обращение к доводам ученых-цивилистов, отстаивающих одну из приведенных точек зрения на представительство и представителя.

Так, С.А. Халатов разделяет полномочия представителя на производные и непроизводные. Непроизводными полномочиями, составляющими публично-правовую сторону деятельности процессуального представителя, являются такие, которыми он наделяется как часть системы по защите прав граждан. Они даны представителю законом. Производными полномочиями следует считать такие, которыми представитель наделяется представляемым. Они являются отражением частно-правовой стороны процессуального представительства [21].

Действительно, публично-правовой основой деятельности представителя является ст. 48 Конституции РФ, в соответствии с которой «каждому гарантируется оказание квалифицированной юридической помощи». Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Одним из таких прав и является предусмотренное ст. 48 Конституции право на квалифицированную юридическую помощь.

Отказать гражданину в его реализации государство не может. Каждый вправе обратиться за получением именно квалифицированной помощи, то есть помощи правозащитника, лица, специализирующегося на защите прав и свобод граждан и сделавшего данную деятельность своей профессией.

Так, в гражданском судопроизводстве представитель вправе реализовывать «полномочие», то есть действовать от имени представляемого (замещать собой представляемого) и в границах полномочий представляемого, получив от него доверенность на производство юридических действий по осуществлению процессуальных прав или выполнению процессуальных обязанностей доверителя.

Аналогичным образом доверитель не лишен права на получение «правовой помощи» (квалифицированной юридической помощи), когда представитель вправе совершать фактические действия от своего имени и в границах полномочий, данных ему законом.

Как представляется, рационально оправданным способом развития идей об институте представительства в уголовном процессе является заимствование, перенесение из цивилистических наук синтезированного понимания представительства и как «правовой помощи», и как «полномочия». В таком случае основным составляющим представительства стоит признать «полномочие», а факультативным «правовую помощь».

Выделение в уголовном процессе института, субъекты которого подпадали бы под два ключевых составляющих такого представительства (полномочие и правовую помощь) необходимо и закономерно. Очевидной является объективная потребность в работе лиц, действующих в интересах доверителя в судопроизводстве. Знания, коими располагают данные лица, жизненно важны, знаменательны для участников судопроизводства ввиду необходимости преодоления проблемной ситуации «правового бедствия», в которой они оказались.

Список литературы:

- [1] Большой юридический словарь. М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, 2003.
- [2] Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1893. Ч. 1: Очерк всеобщей истории адвокатуры. С. 15.
- [3] Ивакин В.Н. О совмещении правозащитничества и судебного представительства: уроки истории // Адвокат. 2010. № 6. С. 56-63.
- [4] Кожевников А. В. Адвокат - представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск. 1974. С. 9.

[5] Колоколова Е.В. Адвокат-представитель в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2005. С. 10.

[6] Кудрявцев В.Л. Процессуальное положение адвоката в российском уголовном судопроизводстве // Современное право. 2005. № 4. С. 64-68

[7] Кузьмина В.М. Правовая природа институтов правозаступничества и судебного представительства в историческом измерении // История государства и права. 2013. № 12. С. 54-56.

[8] Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. Т. 1. С. 205.

[9] Мельников С.А. Представительство в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 8.

[10] Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. С. 32-39.

[11] Новиков В.Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 157.

[12] Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права / Под ред. В.М. Савицкого. М.: Наука, 1983.

[13] Римское частное право: Учебник / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1996. С. 9, 56, 107;

[14] Розенберг Я.А. Развитие института процессуального представительства // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. С. 99-124;

[15] Салогубова Е. Процессуальное представительство в римском праве // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1995. № 3.

[16] Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 8.

[17] Строгович М.С. Деятельность адвокатов в качестве защитников обвиняемых // Избр. тр.: В 3 т. Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. С. 255.

[18] Строгович М.С. О системе науки судебного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 55-70;

[19] Тарло Е.Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

[20] Федотова Т.А. Адвокатская деятельность и проблемы судебного представительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2009. С. 14.

[21] Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002.

[22] Ярков В.В. Гражданский процесс: Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. профессор В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 108.

Spisok literatury:

[1] Bol'shoj yuridicheskij slovar'. M.: Infra-M. A. Ya. Suxarev, V. E. Krutskix, 2003.

[2] Vas'kovskij E.V. Organizaciya advokatury'. SPb.: Tip. P.P. Sojkina, 1893. Ch. 1: Ocherk vseobshhej istorii advokatury'. S. 15.

[3] Ivakin V.N. O sovmeshhenii pravozastupnichestva i sudebnogo predstavitel'stva: uroki istorii // Advokat. 2010. № 6. S. 56-63.

[4] Kozhevnikov A. V. Advokat - predstavitel' poterpevshego, grazhdanskogo istca, grazhdanskogo otvetchika v sovetskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk. 1974. S. 9.

[5] Kolokolova E.V. Advokat-predstavitel' v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2005. S. 10.

[6] Kudryavcev V.L. Processual'noe polozhenie advokata v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve // Sovremennoe pravo. 2005. № 4. S. 64-68

[7] Kuz'mina V.M. Pravovaya priroda institutov pravozastupnichestva i sudebnogo predstavitel'stva v istoricheskom izmerenii // Istoriya gosudarstva i prava. 2013. № 12. S. 54-56.

[8] Maly'shev K. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1874. T. 1. S. 205.

[9] Mel'nikov S.A. Predstavitel'stvo v sovremennom rossijskom ugovnom processe: avtref. dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2002. S. 8.

[10] Nersesov N. O. Ponyatie dobrovol'nogo predstavitel'stva v grazhdanskom prave. S. 32-39.

[11] Novikov V.N. Professional'noe (advokat-skoe) predstavitel'stvo zayavitelya i poterpevshego na dosudebny'x stadiyax ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2004. S. 157.

[12] Polyanskij N.N., Strogovich M.S., Saviczkiy V.M., Mel'nikov A.A. Problemy' sudebnogo prava / Pod red. V.M. Saviczko. M.: Nauka, 1983.

[13] Rimское chastnoe pravo: Uchebnik / Pod red. I. B. Noviczko, I. S. Peretersko. M., 1996. S. 9, 56, 107;

[14] Rozenberg Ya.A. Razvitie instituta processual'nogo predstavitel'stva // Aktual'ny'e problemy' teorii i praktiki grazhdanskogo processa. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1979. S. 99-124;

[15] Salogubova E. Processual'noe predstavitel'stvo v rimskom prave // Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo. 1995. № 3.

[16] Sidorov R.A. Predstavitel'stvo v grazhdanskom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tver', 2003. S. 8.

[17] Strogovich M.S. Deyatel'nost' advokатов v kachestve zashhitnikov obvinyaemy'x // Izbr. tr.: V 3 t. T. 2: Garantii prav lichnosti v ugodovnom sudoproizvodstve. M., 1992. S. 255.

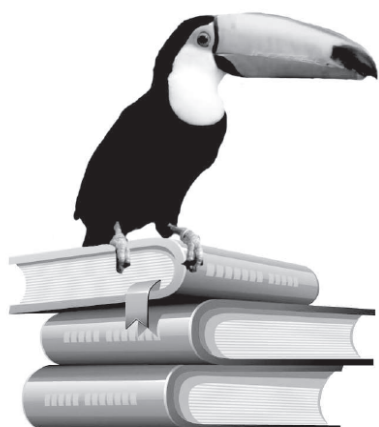
[18] Strogovich M.S. O sisteme nauki sudebnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1939. № 3. S. 55–70;

[19] Tarlo E.G. Problemy` professional'nogo predstavitel'stva v sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2004. S. 12.

[20] Fedotova T.A. Advokatskaya deyatel'nost' i problemy` sudebnogo predstavitel'stva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva. 2009. S. 14.

[21] Xalatov S. A. Predstavitel'stvo v grazhdanskom i arbitrazhnom processe. M.: NORMA, 2002.

[22] Yarkov V.V. Grazhdanskij process: Uchebnik. 8-e izd., pererab. i dop. / Otv. red. professor V.V. Yarkov. M.: Infotropik Media, 2012. S. 108.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗОЛОЕВ Александр Георгиевич,
адвокат Адвокатской конторы № 22 «Магнат»
Свердловской областной коллегии адвокатов,
e-mail: zoloev42@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕО- КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ФРАНЦИИ В ПЕРИОД КОВИД-19

Аннотация. В статье исследуется эволюция применения видео-конференц-связи (ВКС) в уголовном процессе Франции. Критический анализ посвящен отмене во Франции практики применения ВКС без согласия обвиняемого/подозреваемого, разрешенной временно в период пандемии КО-ВИД-19. Решениями Конституционного и Государственного советов Франции такая практика признана неконституционной в связи с тем, что физическое присутствие обвиняемого – фундаментальная гарантия справедливого судопроизводства (ст. 6 ЕКПЧ). Изучены не только научные статьи французских ученых, но и нормативные правовые документы, регулирующие ВКС во французском уголовном судопроизводстве. Автор выявляет три группы причин отмены:

- нарушение базовых прав: невозможность полноценной защиты, конфиденциальности адвокатских консультаций, риски утечки данных;
- психологический фактор: исследования подтверждают, что внешность подсудимого (одежда, татуировки, расовые черты) неосознанно влияет на судей при заочном рассмотрении, усиливая стереотипы;
- процессуальные риски: технические сбои, ограничение невербальной коммуникации.

Особое внимание уделено эмпирическим данным:

- анализ 1200 дел (Университет Panthéon-Assas) выявил смягчение приговоров на 15–20% для «привлекательных» обвиняемых;
- расовая и гендерная предвзятость подтверждена в делах средней тяжести (исследования 2016–2019 гг.).

В заключении отмечается, что Франция сделала приоритетом защиту личного участия обвиняемого уголовном судопроизводстве, внедряя компенсаторные меры (тренинги судей по когнитивным искажениям, анонимизация дел). Отказ от проведения ВКС без согласия обвиняемого/подозреваемого стал триумфом процессуальных гарантий над административной целесообразностью.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, уголовный процесс Франции, внешность подсудимого, судейское убеждение, процессуальные гарантии.

ZOLOEV Alexander Georgieveh,
Attorney at Law Office No. 22 “Magnate” of the Sverdlovsk Regional Bar Association

FEATURES OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING SYSTEMS IN FRENCH CRIMINAL PROCEEDINGS DURING THE COVID-19 PERIOD

Annotation. The article examines the evolution of the use of video conferencing (VCS) in the French criminal process. The critical analysis is devoted to the abolition in France of the practice of using VCS without the consent of the accused/suspect, which was temporarily allowed during the COVID-19 pandemic. By the decisions of the Constitutional and State Councils of France, this practice was declared unconstitutional due to the fact that the physical presence of the accused is a fundamental guarantee of a fair trial (art. 6 ECHR). We have studied not only scientific articles by French scientists, but also regulatory legal documents regulating the VCS in French criminal proceedings. The author identifies three groups of reasons for cancellation:

- violation of basic rights: impossibility of full protection, confidentiality of legal advice, risks of data leakage;

- *psychological factor: studies confirm that the appearance of the defendant (clothes, tattoos, racial traits) unconsciously influences the judges in absentia, reinforcing stereotypes;*
- *procedural risks: technical failures, limitation of non-verbal communication.*
- Particular attention is paid to empirical data:*
 - *an analysis of 1,200 cases (University of Panthéon-Assas) revealed a reduction in sentences by 15-20% for “attractive” defendants;*
 - *Racial and gender bias has been confirmed in moderate cases (2016-2019 studies).*

In conclusion, it is noted that France has made it a priority to protect the personal participation of the accused in criminal proceedings by introducing compensatory measures (training judges on cognitive distortions, anonymization of cases). The refusal to conduct a VKS without the consent of the accused/suspect was a triumph of procedural guarantees over administrative expediency.

Key words: video conferencing, French criminal procedure, appearance of the defendant, judicial conviction, procedural guarantees.

В российском уголовном процессе использование систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) получило дальнейшее распространение после вспышки коронавирусной инфекции. Так, в 2021 г. в УПК РФ появилась статья 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», через год претерпела изменения ч. 4 ст. 240 УПК РФ, допустившая производство судебных действий судом путем ВКС.

Во Франции, напротив, ВКС активно внедрялась в течение последних 20 лет, в различные сферы уголовного судопроизводства и, в период вспышки коронавирусной инфекции, достигла апогея в виде разрешения ее применения без учета мнения обвиняемого. Однако, позднее, разрешение судам применять ВКС без согласия подсудимого было отменено.

Представляет интерес причина отмены использования ВКС без согласия лица, подозреваемого или привлекаемого к уголовной ответственности.

Первоначально ВКС была включена в Закон о повседневной безопасности в 2001 году как элемент безопасной работы при антитеррористических процедурах, а также в целях возможности допросов людей на расстоянии.

Следует обратить внимание, что во французском законодательстве уголовно-процессуальные нормы содержатся в различных законах. Соответственно положения о ВКС распространялись постепенно от общих принципов всех видов уголовных производств, закрепленных в статье 35 Закона № 2002-1138 от 09.09.2002 «О руководящих принципах и программах отправления правосудия» до конкретных случаев, например, ВКС для обеспечения явки с целью продления срока содержания под стражей в полиции, рассмотрения ходатайств об освобождении следственной палатой или судебным органом, для допроса свидетелей и экспертов, для допроса лица, которое содержится под стражей по другому делу.

Франция, кстати, как и Канада, с осторожностью подходила к ВКС, делая ее использование не правилом, а скорее исключением [1]. Более того, отдельные авторы указывали на то, что участие в судебном процессе через ВКС не эквивалентно физическому присутствию [2].

Однако некоторые французские правоприменители все же посчитали, что можно пренебречь желанием обвиняемого относительно личной явки в судебный орган или полицию для прохождения необходимых процедур.

Подтверждением данного довода служат следующие решения Конституционного совета Франции. Так, в марте 2019 года Конституционный совет подвергает критике практику использования судами ВКС без согласия лица, содержащегося под стражей до суда, в ходе процедуры продления меры предварительного заключения. При этом в обоснование решения указано на важность гарантии, которую придает физическое присутствие обвиняемого в соответствующем магистрате или суде.

20 сентября 2019 года Конституционный совет объявил противоречащим Конституции третий абзац статьи 706-71 Уголовно-процессуального кодекса Франции, в той части, в которой допускалась процедура обжалования ареста в Палате общин по ВКС без согласия лица, ходатайствующего об освобождении. И, как и в мартовском решении, Конституционный совет указал, что оспариваемые положения представляют собой чрезмерное нарушение прав человека, учитывая важность гарантии, которая подразумевает физическое участие заинтересованного лица в суде, компетентном рассматривать дело о предварительном заключении.

В 2020 году мир охватывает пандемия вируса covid-19 и президент Франции издает Постановление № 2020-303 от 25.03.2020 «Об адаптации уголовно-процессуальных норм на основе Закона № 2020-290 от 23.03.2020 «О чрезвычайных ситуациях в связи со вспышкой covid-19», в статье 5 которого предусмотрено: «... в

отступление от статьи 706-71 Уголовно-процессуального кодекса, аудиовизуальные телекоммуникационные средства могут быть использованы во всех уголовных судах (*des juridictions pénales*), кроме криминальных (*les juridictions criminelles*), без необходимости получения согласия сторон».

Оговорка «...могут быть использованы во всех уголовных судах, кроме криминальных» использовалась и в вышеприведенных французских нормативных правовых актах, при этом термины «*juridictions pénales*» и «*juridictions criminelles*» на русский язык могут быть переведены одинаково – уголовные суды. В этой связи необходимо дать краткое пояснение относительно терминов «уголовных судах (*des juridictions pénales*)» и «криминальных судах (*les juridictions criminelles*)».

Французское уголовное право разделяет все уголовно наказуемые деяния на три вида [3]:

- нарушения (или проступки) (*contravention*) – те правонарушения, за которые установлено максимальное наказание в виде штрафа до 3000 евро, они разделяются на пять классов;
- деликты (*delites*) – те правонарушения, за которые установлено максимальное наказание до 10 лет лишения свободы;
- преступления (*crimes*) – те правонарушения, за которые установлено наказание в 10 и более лет лишения свободы вплоть до пожизненного заключения.

Соответственно: суды ассизов, рассматривают преступления (*crimes*); коррекционные трибуналы (*le tribunal correctionnel*), рассматривают деликты; полицейские трибуналы – проступки пятого класса; мировые судьи рассматривают нарушения (проступки), за исключением проступков пятого класса [3].

Таким образом, когда французскими законодателями и правоприменителями делается оговорка в отношении применения ВКС – во всех уголовных судах (*des juridictions pénales*), кроме криминальных (*les juridictions criminelles*), подразумеваются коррекционные трибуналы, полицейские трибуналы и мировые судьи.

Ограничение применения ВКС, без необходимости получения согласия сторон, в криминальных судах (*les juridictions criminelles*) фактически снято статьей 2 Постановления от 18 ноября 2020 г. «Об адаптации правил, применимых к юрисдикциям судебной системы, выносящей решения по уголовным делам». В указанной правовой норме предусмотрена возможность использования видео-конференц-связи, без необходимости получения согласия сторон, перед всеми уголовными судами. Однако, в отношении использования в криминальных судах имеется оговорка, о возможности использования

только после завершения судебного следствия, упомянутого в статье 346 Уголовно-процессуального кодекса Франции, то есть на стадии судебных прений.

В адвокатской среде, возможность использования в уголовных судах ВКС без согласия сторон, была воспринята негативно. Так, решением № 2020-872 QPC от 15 января 2021 г., по запросу адвоката Кшиштофа Б., Конституционный совет признал противоречащим Конституции Французской республики первый абзац статьи 5 Постановления № 2020-303 от 25 марта 2020 г. «Об адаптации уголовно-процессуальных норм на основании Закона № 2020-290 от 23 марта 2020 г. о чрезвычайном положении в связи со вспышкой covid-19».

Точку, в вопросе незаконности применения видео-конференц-связи в уголовно-процессуальных процедурах, без согласия сторон, поставил Государственный совет Франции, в постановлении № 440037 05.03.2021, которым признана незаконной статья 5 Постановления № 2020-303 от 25 марта 2020 г. «Об адаптации уголовно-процессуальных норм на основании Закона № 2020-290 от 23 марта 2020 г. о чрезвычайном положении в связи со вспышкой covid-19». Постановление мотивировано важностью гарантии, которую придает физическая явка заинтересованного лица в уголовный суд. Оспариваемые положения представляют собой посягательство на право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, что не может быть оправдано борьбой со вспышкой covid-19.

Таким образом, видно, что на всем протяжении развития вопроса использования во французском правосудии ВКС в уголовном процессе без согласия сторон, критика строилась на важности гарантии физического присутствия заинтересованного лица в уголовном суде.

Критики и защитники применения во французском уголовном правосудии ВКС без согласия сторон имеют общие точки соприкосновения. Так, общепризнанными являются выводы о смягчении проблемы удаленности, когда речь идет о заслушивании участников процесса, находящихся в разных регионах, ВКС позволяет заслушивать обвиняемого, находящегося под стражей или когда существует серьезная опасность нарушения общественного порядка и вообще призвана упростить отправдение правосудия [4, 5, 6, 7, 8].

Однако, для целей настоящей статьи нас интересуют мотивы противников, так сказать суть гарантии соблюдения права на справедливое правосудие, которая обеспечивается физической явкой заинтересованного лица в уголовный суд.

Л. Санчес приводит практику Европейского суда по правам человека (дело М. Виола против Италии от 05.01.2007 г. и дело Аскиутто против Италии от 27.11.2007 № 35795/02), где суд постановил, что видеоконференцсвязь сама по себе не противоречит статье 6 Декларации прав человека, если используется в законных целях, таких как защита лиц и свидетелей. Одновременно Санчес вскрывает проблему присутствия адвоката, который должен сделать выбор: присутствовать с обвиняемым или в другом помещении с судьями [1].

Проблема места нахождения адвоката при использовании ВКС является достаточно серьезной, по мнению многих французских ученых [5, 9, 10]. Потому как, с одной стороны, встает вопрос о соблюдении конфиденциальности в беседе обвиняемого и адвоката, находящихся в разных местах. С другой стороны – проблема правильного понимания доводов адвоката судьями, в случае нахождения в разных местах.

Кроме того, высказываются мнения об уязвимости конфиденциальных данных и нарушении законности в связи с тем, что использование видеоконференций предполагает использование программного обеспечения, разработанного частными фирмами США.

Однако, основной довод критики ВКС сводится к нарушению права на справедливое правосудие в связи с невозможностью личного присутствия обвиняемого перед судом [11, 12].

В отличие от американской научной школы, где уже с 80-х годов 20-го века считается аксиомой зависимость приговора от внешности подсудимого [13], во Франции аналогичные вопросы изучаются с начала 2000-х годов. Так, еще в 2003 году сформулированы вводы о том, что татуировки, агрессивный стиль одежды, неопрятность, следы злоупотребления психоактивными веществами могут неосознанно активировать у судьи стереотипы об «опасном рецидивисте», напротив, аккуратная, «респектабельная» внешность (костюм, опрятность) подсознательно сигнализирует о «благополучии» и «социальной интегрированности», работая в пользу подсудимого [14].

В одном из исследований парижского Университета Panthéon-Assas (Paris 2) проанализировано более 1200 уголовных дел. Анализ показал, что подсудимые, оцененные как «привлекательные» по фотографиям, получали приговоры в среднем на 15-20% мягче (в частности, меньше сроки тюремного заключения и ниже штрафы) по сравнению с менее привлекательными подсудимыми при прочих равных факторах (тяжесть преступления, прошлая судимость, пол, возраст и т.д.) [15].

В 2016 и 2019 года опубликованы результаты исследований по наиболее чувствительным

и сложным темам для Европы – существование расовых предрассудков при назначении уголовных наказаний. Эти работы основаны на анализе реальных судебных дел и опросах профессионалов, и показали статистически значимые различия в приговорах в зависимости от происхождения подсудимого, особенно в делах о преступлениях средней тяжести [16, 17].

Кроме того, изучен гендерный аспект – как гендерные стереотипы, в том числе внешность женщин-преступниц, влияют на судебные решения [18].

Авторы, опубликовавшие работы по данной тематике в последние годы, уже однозначно заявляют, что внешний вид может влиять на убеждение судьи [19]. Более того, сообщают о малом количестве исследований по вопросу уменьшения влияния предвзятости судей на приговоры [20].

Стоит отметить, что во Франции осознают проблему влияния внешнего вида и иных факторов подсудимого на процесс вынесения приговора судом. В этой связи предпринимаются различные меры. Например, включение модулей по психологии восприятия, когнитивным искажениям и бессознательным предрассудкам в программы подготовки судей – Высший совет магистратуры (CSM) в опубликованном на его сайте (<https://www.conseil-superieur-magistrature.fr>) Годовом отчете за 2021 год упоминает обязательные тренинги по «нейтральности и деконструкции предрассудков» для судей; Национальная школа магистратуры (ENM): в каталоге тренингов за 2023 год, опубликованном в сети Интернет (<https://www.enm.justice.fr>), имеется модуль «Когнитивная психология и принятие судебных решений», в котором подробно разбираются когнитивные искажения, включая «эффект ореола».

Среди прочих мер Министерство юстиции Франции выпустило Циркуляр от 15 марта 2022 года об анонимизации судебных досье, который рекомендует анонимизацию дел в апелляционных судах (особенно по трудовым спорам и иммиграции).

Основные причины отказа, в уголовном процессе Франции, от использования ВКС без согласия сторон можно разделить на три группы:

1. Нарушение фундаментальных прав: и Конституционный совет, и Государственный совет, признавая незаконной практику проведения ВКС без согласия сторон, исходили из того, что физическое присутствие обвиняемого перед судом является важной гарантией права на справедливое судебное разбирательство, установленное ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека.
2. Проблемы практического использования ВКС: сложности с соблюдением приватно-

сти при обсуждении стратегии защиты во время заседания, если адвокат и подзащитный находятся в разных местах; риски сбоев связи, уязвимость конфиденциальных данных при использовании коммерческого программного обеспечения; сложности невербальной коммуникации у участников процесса.

3. Потенциальное усиление негативного отношения к обвиняемому: личное присутствие затрудняет «обезличивание» обвиняемого и способствует более взвешенной оценке его личности и обстоятельств дела судьей. Напротив, отсутствие полноценного личного контакта, затрудняет судье формирование положительного впечатления о личности подсудимого.

Таким образом, французские правоприменители пришли к однозначному выводу о том, что гарантия физического присутствия лица перед судом является ключевым элементом права на справедливое судебное разбирательство. И эта гарантия признана настолько важной, что даже чрезвычайные обстоятельства пандемии COVID-19 не стали достаточным основанием для продолжения использования ВКС в уголовном процессе без согласия обвиняемого/подозреваемого.

Отказ от практики применения ВКС без согласия сторон стал следствием защиты базовых принципов правового государства и верховенства права.

Список литературы:

- [1] Sanchez, L. Pandémie: l'utilisation de la vidéoconférence lors des procès. Cyberjustice. 06.11.2020. <https://droitdu.net/2020/11/pandemie-l'utilisation-de-la-videoconference-lors-des-proces/> (дата обращения 08.01.2025).
- [2] Danet, A. La présence en droit processuel, thèse, Bordeaux, 2016, n° 73 s.
- [3] Мелешко А.В. «Уголовный процесс Франции: краткий очерк. Часть 1. О разделении форм судопроизводства в зависимости от вида совершенного правонарушения и об участниках судопроизводства» // Адвокатская газета, 23.05.2017 - [Электронный ресурс] - <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ugolovnyy-protsess-frantsii-kratkiy-ocherk-chast-1/> (дата обращения 16.01.2025).
- [4] Aussedat, F. Les témoignages par vidéoconférence : comparaison des systèmes canadien et français. 19.04.2011. MBDE / Droit du procès et de la preuve judiciaire. <https://blogs.parisnanterre.fr/content/les-temoignages-par-videoconference-comparaison-des-systemes-canadien-et-francais-par-fann-0> (дата обращения – 12.06.2025).
- [5] Leborne, J. La vidéojustice: la justice pénale à l'ère de la video / Les concepts à l'épreuve des terrains. 2021. № 13. p. 93-109.
- [6] Koenig, S.S. Autre expérience d'utilisation de la visioconférence: les procédures pénales. 2021. fffal-03516279. <https://hal.parisnanterre.fr/hal-03516279v1/document> (дата обращения – 12.06.2025).
- [7] Dumoulin, L. (2018). «La visioconférence dans le procès pénal : une solution pragmatique devenue le vecteur d'une politique managériale de la Justice », Dr. pénal, n° 6, entretien 5.
- [8] Dumoulin, L., Licoppe, C. (2011). « La visioconférence dans la justice pénale: retour sur la fabrique d'une politique publique à la fin des années 1990-2010 », Les Cahiers de la justice n° 2, p. 29.
- [9] Bossan, J. (2011). La visioconférence dans le procès pénal: un outil à maîtriser / Revue de science criminelle et de droit pénal compare. № 4. P. 801-816.
- [10] Janin, M. (2011). La visioconférence à l'épreuve du procès équitable //Les cahiers de la justice. №. 2. P. 13-27.
- [11] Kobeissi, M. (2024). L'aménagement de la peine à l'aune de la visioconférence. La Justice pénale numérique en France et au Royaume-Uni. P. 231-249.
- [12] Dagon J. (2024). La généralisation de l'usage de la visioconférence à l'ère de la numérisation de la justice pénale française. La Justice pénale numérique en France et au Royaume-Uni. P. 157-177.
- [13] Stewart J. E. (1980). Defendant's attractiveness as a factor in the outcome of criminal trials: An observational study. Journal of Applied Social Psychology, 10: 348 – 361.
- [14] Abric, J.-C. (2003). Pratiques sociales et représentations. Presses Universitaires de France.
- [15] Cachucho, O. (2011). L'influence de l'apparence physique du prévenu sur les décisions des magistrats. Une étude économétrique sur données réelles. Thèse de doctorat, Université Panthéon-Assas - Paris II.
- [16] Desprez, V., et al. (2016). Juger en temps de diversité: Enquête sur les discriminations dans les décisions judiciaires. Revue française de sociologie. 57(3). P. 437-467.
- [17] D'Hautcourt, O., & Vanhamme, J. (2019). Ethnic Discrimination in the French Criminal Justice System. Journal of Ethnicity in Criminal Justice. 17(4). P. 313-338.
- [18] Demange, E. (2018). La figure de la femme délinquante: représentations et traitement pénal. Champ pénal/ Penal field. Vol. XV.
- [19] El Amine Z. (2023). La vraisemblance de la preuve scientifique et la formation de la conviction du juge: cas des agressions sexuelles. Droit et Société, 5(13), 22-31.
- [20] Philippe A. (2021/3). La déformation des juges. Pouvoirs. № 178. P. 63-73.

Spisok literatury:

- [1] Sanchez, L. Pandémie: l'utilisation de la vidéoconférence lors des procès. Cyberjustice. 06.11.2020. <https://droitdu.net/2020/11/pandemie-l'utilisation-de-la-videoconference-lors-des-proces/> (data obrashheniya 08.01.2025).
- [2] Danet, A. La présence en droit processuel, thèse, Bordeaux, 2016, n° 73 s.
- [3] Meleshko A.V. «Ugolovny`j process Francii: kratkij ocherk. Chast` 1. O razdelenii form sudoproizvodstva v zavisimosti ot vida sovershennogo pravonarusheniya i ob uchastnikax sudoproizvodstva» // Advokatskaya gazeta, 23.05.2017 - [E`lektronny`j resurs] - <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ugolovnyy-protsess-frantsii-kratkiy-ocherk-chast-1/> (data obrashheniya 16.01.2025).
- [4] Aussedat, F. Les témoignages par vidéoconférence : comparaison des systèmes canadien et français. 19.04.2011. MBDE / Droit du procès et de la preuve judiciaire. <https://blogs.parisnanterre.fr/content/les-t%C3%A9moignages-par-v%C3%A9doconf%C3%A9rence-comparaison-des-syst%C3%A8mes-canadien-et-fran%C3%A7ais-par-fann-0> (data obrashheniya – 12.06.2025).
- [5] Leborne, J. La vidéojustice: la justice pénale à l'ère de la video / Les concepts à l'épreuve des terrains. 2021. № 13. p. 93-109.
- [6] Koenig, S.S. Autre expérience d'utilisation de la visioconférence: les procédures pénales. 2021. ffhal-03516279. <https://hal.parisnanterre.fr/hal-03516279v1/document> (data obrashheniya – 12.06.2025).
- [7] Dumoulin, L. (2018). «La visioconférence dans le procès pénal : une solution pragmatique devenue le vecteur d'une politique managériale de la Justice », Dr. pénal, n° 6, entretien 5.
- [8] Dumoulin, L., Licoppe, C. (2011). « La visioconférence dans la justice pénale: retour sur la fabrique d'une politique publique à la fin des années 1990-2010 », Les Cahiers de la justice n° 2, p. 29.
- [9] Bossan, J. (2011). La visioconférence dans le procès pénal: un outil à maîtriser / Revue de science criminelle et de droit pénal compare. № 4. P. 801-816.
- [10] Janin, M. (2011). La visioconférence à l'épreuve du procès équitable //Les cahiers de la justice. № 2. P. 13-27.
- [11] Kobeissi, M. (2024). L'aménagement de la peine à l'aune de la visioconférence. La Justice pénale numérique en France et au Royaume-Uni. P. 231-249.
- [12] Dagon J. (2024). La généralisation de l'usage de la visioconférence à l'ère de la numérisation de la justice pénale française. La Justice pénale numérique en France et au Royaume-Uni. P. 157-177.
- [13] Stewart J. E. (1980). Defendants attractiveness as a factor in the outcome of criminal trials: An observational study. Journal of Applied Social Psychology, 10: 348 – 361.
- [14] Abric, J.-C. (2003). Pratiques sociales et représentations. Presses Universitaires de France.
- [15] Cachucho, O. (2011). L'influence de l'apparence physique du prévenu sur les décisions des magistrats. Une étude économétrique sur données réelles. Thèse de doctorat, Université Panthéon-Assas - Paris II.
- [16] Desprez, V., et al. (2016). Juger en temps de diversité: Enquête sur les discriminations dans les décisions judiciaires. Revue française de sociologie. 57(3). P. 437-467.
- [17] D'Hautcourt, O., & Vanhamme, J. (2019). Ethnic Discrimination in the French Criminal Justice System. Journal of Ethnicity in Criminal Justice. 17(4). P. 313-338.
- [18] Demange, E. (2018). La figure de la femme délinquante: représentations et traitement pénal. Champ pénal/Penal field. Vol. XV.
- [19] El Amine Z. (2023). La vraisemblance de la preuve scientifique et la formation de la conviction du juge: cas des agressions sexuelles. Droit et Société, 5(13), 22-31.
- [20] Philippe A. (2021/3). La déformation des juges. Pouvoirs. № 178. P. 63-73.

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института
ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ УЧРЕЖДЕНИЯМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТРЕБОВАНИЙ ПО ЗАЩИТЕ НЕКОТОРЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УЧРЕДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Аннотация. Проведенный анализ учредительных документов ряда учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – учреждения) показал, что на них учредителем возлагается ряд обязанностей, среди которых, в том числе и защита имущественных прав учреждения в случае причинения им материального ущерба. К подобному материальному ущербу положения действующего законодательства Российской Федерации относят и понесенные учреждением судебные издержки. При благоприятном исходе судебного разбирательства учреждение вправе взыскать понесенные затраты с других участников судебного процесса, в том числе и с третьих лиц. В настоящей статье представлен краткий анализ законодательства Российской Федерации, решений высших судов Российской Федерации, судебной практики и ведомственных руководящих документов по теме исследования.

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы, судебные издержки, порядок взыскания, анализ законодательства и судебной практики.

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE QUESTION OF THE FULFILMENT BY INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE REQUIREMENTS FOR THE PROTECTION OF CERTAIN PROPERTY RIGHTS ENSHRINED IN CONSTITUENT DOCUMENTS

Annotation. The analysis of constituent documents of a number of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation (hereinafter referred to as institutions) has shown that the founder imposes a number of duties on them, including the protection of property rights of the institution in case of material damage. The provisions of the current legislation of the Russian Federation also include legal costs incurred by the institution. In case of a favourable outcome of the court proceedings, the institution is entitled to recover the incurred costs from other participants in the court proceedings, including third parties. This article presents a brief analysis of the legislation of the Russian Federation, decisions of the highest courts of the Russian Federation, judicial practice and departmental guidance documents on the topic of research.

Key words: institutions of the penal and correctional system, court costs, recovery procedure, analysis of legislation and judicial practice.

Прежде всего следует отметить, что основания и порядок взыскания с истцов, ответчиков и иных участников судебного разбирательства, понесенных учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) расходов, регламентируются положениями Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Предлагаемая для рассмотрения проблема имеет важное значение не только для обеспечения интересов учреждений и органов УИС, но и государства в целом. Однако вернемся в деятельности учреждений и органов УИС, которые наделены законодательством Российской Федерации процессуальными правами, соответствующими их целям деятельности, закреплённым в учредительных документах. Помимо прав, законодательство возлагает на учреждения и органы УИС определенные обязанности, которые также закреплены в учредительных документах. Таким образом, учреждения и органы УИС, впрочем как и любые другие субъекты гражданских правоотношений, имеют право на защиту своих имущественных прав в случае причинения им материального ущерба[1].

Рассмотрим основания для возмещения расходов учреждений и органов УИС, связанных со служебными командировками подчиненных сотрудников для участия в судебных разбирательствах.

Так, в соответствии с «буквой закона» возмещение судебных издержек осуществляется той стороне, в пользу которой вынесено судебное решение, и на основании того судебного акта, которым спор разрешен по существу.

Критерием присуждения расходов, связанных со служебными командировками, является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования. Данный вывод, в свою очередь, непосредственно связан с содержащимся в резолютивной части судебного решения выводом о том, подлежит ли иск удовлетворению.

Помимо этого, могут быть возмещены расходы, связанные со служебными командировками, понесенные третьими лицами в случае признания учреждений и органов УИС третьим лицом по делу (статьи 42, 43 ГПК РФ, статьи 50, 51 АПК РФ), заинтересованными лицами (ст. 47 КАС РФ), участвовавшими в деле на стороне, в пользу которой принят итоговый судебный акт по делу. Обязательным условием удовлетворения такого заявления является тот факт, что фактическое процессуальное поведение этих лиц способствовало принятию судебного акта (пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1[2]).

Согласно разъяснениям Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.12.2007 № 121 не препятствует возмещению расходов, связанных со служебными командировками, наличие у участника процесса собственной юридической службы[3].

В соответствии с абзацем вторым пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 судебные

расходы возмещаются за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу[2].

Рассмотрим более подробно перечень лиц, о которых говорится в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В частности, к числу таких лиц могут относиться не только истец (ответчик), но и лица, имеющие другой процессуальный статус. Если действия третьего лица привели к увеличению судебных расходов других лиц, участвующих в деле, на нем также лежит обязанность их возмещения в соответствующей части (п. 5 разд. III Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015))[4].

Кроме того, в случае, если третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, реализовало право на обжалование судебного акта и его жалоба была оставлена без удовлетворения, то судебные издержки, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением данной жалобы, могут быть взысканы с этого третьего лица.

В целях более полного изучения и анализа представленного материала предлагаем разбирать состав расходов на служебные командировки сотрудников УИС, представляющих интересы учреждений и органов ведомства в различных судах судебной системы Российской Федерации.

Во-первых, в состав рассматриваемых расходов включается стоимость проездных документов (транспортные расходы), во-вторых, стоимость проживания сотрудника УИС в гостинице или ином съемном жилище, в-третьих, суточные.

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 100 ГПК РФ, ст. 112 КАС РФ и ч. 2 ст. 110 АПК РФ расходы на служебные командировки, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

В случае, если суд удовлетворил требования сторон в частичном или неполном размере, то согласно статей 98, 100 ГПК РФ, статей 111, 112 КАС РФ, статьи 110 АПК РФ, абзаца второго пункта 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 расходы на служебные командировки присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов.

Разберемся каким образом определяются разумные пределы расходов на служебные командировки. Так, в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.08.2004 № 82 и пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 судам

рекомендуется при определении разумных пределов расходов на служебные командировки принимать во внимание нормы расходов на служебные командировки, установленные правовыми актами и стоимость экономных транспортных услуг[5].

Заключительным этапом рассматриваемой процедуры реализации прав и обязанностей учреждений и органов УИС, предписанных в уставных документах, является взыскание расходов для чего в соответствии с правилами, установленными статьей 166 ГПК РФ, статьей 154 КАС РФ, статьей 159 АПК РФ и разъяснением постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 (пункт 28), сотрудник УИС, представляющий интересы учреждения или органа УИС в суде, обращается с соответствующим заявлением как в ходе судебного разбирательства, так и по его завершении. Однако следует помнить, что законом установлен предельный срок для подобного обращения – 3 месяца с момента вынесения итогового судебного решения. Также нельзя забывать, что пропущенный по уважительной причине срок подачи такого заявления может быть восстановлен судом.

Список литературы:

[1] Методические рекомендации о порядке взыскания расходов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, связанных со служебными командировками сотрудников в целях представления интересов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в судах судебной системы Российской Федерации. Письмо ПУ ФСИН России от 10.07.2024 № исх-13-53564.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». Российская газета, № 43, 01.03.2016.

[3] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных

судах». «Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ», № 1, 2008 (Обзор судебной практики).

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 (в ред. от 28.03.2018). Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 1, 2016 (извлечение).

[5] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». «Хозяйство и право», № 10, 2004.

Spisok literatury:

[1] Metodicheskie rekomendacii o poryadke vzyiskaniya raskhodov uchrezhdenij i organov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii, svyazannyh so sluzhebnyimi komandirovkami sotrudnikov v celyah predstavleniya interesov uchrezhdenij i organov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii v sudah sudebnoj sistemy Rossijskoj Federacii. Pis'mo PU FSIN Rossii ot 10.07.2024 № iskh-13-53564.

[2] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.01.2016 № 1 «O nekotoryh voprosah primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii izderzhok, svyazannyh s rassmotreniem dela». Rossijskaya gazeta, № 43, 01.03.2016.

[3] Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 05.12.2007 № 121 «Obzor sudebnoj praktiki po voprosam, svyazannym s raspredeleniem mezhd storonami sudebnyh raskhodov na oplatu uslug advokotov i inyh lic, vystupayushchih v kachestve predstavitelej v arbitrazhnyh sudah». «Vestnik Federal'noj palaty advokатов RF», № 1, 2008 (Obzor sudebnoj praktiki).

[4] Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 3 (2015), utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 25.11.2015 (v red. ot 28.03.2018). Vestnik Federal'noj palaty advokатов RF, № 1, 2016 (izvlechenie).

[5] Informacionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.08.2004 № 82 «O nekotoryh voprosah primeneniya Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii». «Hozyajstvo i pravo», № 10, 2004.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: shamil.1503@mail.ru

ИБРАГИМХАЛИЛОВ Аслан Рашидович,
магистрант Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ И В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуются правовые особенности и практическая реализация механизма гражданского иска в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, его соотношение с возможностью подачи самостоятельного гражданского иска в рамках гражданского процесса. Автор анализирует преимущества и недостатки обоих механизмов защиты прав потерпевших, обращая внимание на процессуальные ограничения и риски, связанные с каждым вариантом. Отмечается важность правильного выбора потерпевшим формы предъявления требований, обусловленного характером дела, сложностью доказывания, рамками предъявленного обвинения и спецификой процессуальных возможностей уголовного и гражданского судопроизводства. Рассмотрены вопросы преюдиции, альтернативного и последовательного предъявления требований, а также специфика рассмотрения гражданского иска судом в рамках уголовного дела.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, компенсация вреда, моральный вред, уголовный процесс, гражданский процесс, потерпевший, преюдиция, процессуальные ограничения, самостоятельный гражданский иск, судебная практика, возмещение ущерба.

RADZHABOV Shamil Rajabovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Institute
(Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

IBRAGIMKHALILOV Aslan Rashidovich,
Master's Student, North Caucasus Institute
(Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

CIVIL CLAIM IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article explores the legal peculiarities and practical implementation of civil claims within criminal proceedings in the Russian Federation, as well as their relationship with the possibility of filing separate civil lawsuits within civil proceedings. The author analyzes the advantages and disadvantages of both mechanisms in terms of protecting the rights of victims, emphasizing procedural constraints and risks associated with each option. The importance of the victim's appropriate choice in formulating their claims is highlighted, determined by the nature of the case, complexity of proof, scope of charges, and the specifics of procedural opportunities within criminal and civil court proceedings. Issues such as *res judicata*, alternative and consecutive claim submissions, and the specifics of civil claim consideration within criminal cases are examined.

Key words: *civil claim, criminal proceedings, compensation for harm, moral harm, criminal process, civil process, victim, res judicata, procedural constraints, independent civil claim, judicial practice, damage compensation.*

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве – это предусмотренный уголовно-процессуальным законом механизм, позволяющий потерпевшему от преступления заявить требование о возмещении причинённого преступлением вреда непосредственно в рамках уголовного дела. Согласно части 1 статьи 44 УПК РФ, такое требование может предъявить как физическое, так и юридическое лицо, если имеются основания полагать, что вред причинён непосредственно преступлением; при этом физическое лицо вправе требовать не только возмещения имущественного вреда, но и денежной компенсации причинённого преступлением морального вреда [1]. Тем самым уголовно-процессуальный закон прямо признаёт допустимость иска о компенсации морального вреда в рамках уголовного дела наряду с требованиями имущественного характера.

В свою очередь, право потерпевшего предъявить требования о возмещении вреда в гражданском процессе вытекает из общих норм гражданского процессуального законодательства. Пункт 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ устанавливает подведомственность судам общей юрисдикции дел по спорам о защите нарушенных прав, в том числе связанных с возмещением вреда [2]. Таким образом, даже при наличии уголовного дела, ничто не исключает возможности обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с иском о компенсации ущерба, причинённого преступлением. Потерпевший сам решает, воспользоваться ли ему механизмом гражданского иска в уголовном деле или сразу (либо дополнительно) идти в «гражданский» суд.

Однако эти две процедуры не функционируют параллельно независимо друг от друга: напротив, между ними существует определённое распределение и правила приоритета, выработанные законом и судебной практикой.

Прежде всего, подав гражданский иск в уголовном деле, потерпевший фактически выбирает путь защиты в рамках уголовного судопроизводства, и дублирование иска в гражданском суде по тем же основаниям обычно не допускается. Если одно и то же требование будет одновременно рассматриваться в уголовном и гражданском процессах, это создало бы риск противоречивых решений. Поэтому на практике параллельное рассмотрение практически не встречается: либо иск заявляется в уголовном деле, либо отдельно [9]. Если же потерпевший, не дожидаясь исхода уголовного дела, подаст иск в гражданский суд,

то гражданское производство будет приостановлено до разрешения уголовного дела (ст. 215 ГПК РФ) как дело, исход которого зависит от результатов другого дела. Российское право традиционно исходит из целесообразности того, чтобы сначала решился вопрос о виновности лица в уголовном порядке, и лишь затем – при необходимости – запускался самостоятельный гражданско-правовой механизм возмещения.

Вместе с тем законодатель прямо сохраняет за потерпевшим право на гражданский иск и вне уголовного дела, причём как альтернативно, так и последовательно. Альтернативность означает, что потерпевший вовсе может не пользоваться возможностью заявлять иск в уголовном процессе, а сразу после причинения вреда (или после окончания расследования) обратиться в «гражданский» суд с самостоятельным иском к причинителю вреда. Такое происходит, например, если ущерб был причинён деянием, состав преступления которого не очевиден или дело длительно не возбуждается. Уголовный процесс ограничен рамками предъявленного обвинения, и иск, выходящий за эти рамки, может быть оставлен судом без рассмотрения в уголовном деле. Так, Пленум ВС РФ разъяснил: если гражданский истец заявляет в уголовном деле требования, выходящие за рамки предъявленного обвинения, то он должен будет самостоятельно доказывать размер такого дополнительного ущерба [3]. На практике это означает, что суд, скорее всего, выделит подобные требования в отдельное производство или предложит рассмотреть их уже в гражданском суде. Поэтому потерпевший может сразу предпочесть подать отдельный иск, чтобы объединить в нём все свои требования, в том числе те, что не охвачены обвинением.

Последовательное предъявление требований обычно имеет место в случаях, когда уголовное производство не привело к удовлетворению гражданского иска, но и не лишило потерпевшего такого права. Типичный пример – прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (смерть обвиняемого, амнистия, несменяемость срока давности). Как было упомянуто, в этих ситуациях суд или следователь разъясняет потерпевшему, что он вправе обратиться в «гражданский» суд. Другая ситуация – оправдательный приговор по основанию, не исключающему наличия вреда (например, установлено, что деяние имело место, но не содержало состава преступления). Если при этом иск был оставлен без рассмотрения, потерпевший также может подать его

в гражданский суд. Таким образом, последовательность “сначала уголовное дело – потом гражданский иск” допускается, но исключительно по остаточному принципу, когда суд в уголовном судопроизводстве не решил вопрос компенсации окончательно. Причём здесь играет роль правило преюдиции: вступившие в силу выводы суда по уголовному делу об обстоятельствах дела обязательны для «гражданского» суда (ст. 61 ГПК РФ) [8]. Например, если уголовное дело прекращено за отсутствием события преступления (реабилитирующее основание) и суд отказал в иске, то повторно доказывать наличие этого события в гражданском суде нельзя – иск будет отклонён автоматически. А если уголовное дело прекращено за смертью обвиняемого, констатировав его причастность к деянию, то суд обязан исходить из того, что вред причинён именно этим лицом. В таком случае потерпевший предъявляет иск к наследникам умершего виновника.

Рассмотрение требований о возмещении вреда непосредственно в уголовном деле имеет ряд несомненных плюсов с точки зрения защиты прав потерпевшего.

Во-первых, потерпевший фактически решает две задачи в одном процессе: достигает осуждения виновного и получает решение по компенсации ущерба. Ему не нужно участвовать в отдельном деле, готовить отдельный иск по правилам ГПК, собирать доказательства заново и дважды ходить в суд. Это избавляет от дополнительных издержек времени и сил, устраняет дублирование судебного разбирательства. Более того, совместное рассмотрение выгодно и для свидетелей, экспертов – им не придётся повторно давать показания в другом процессе по тем же фактам.

Во-вторых, отсутствие расходов на госпошлину и сниженные судебные издержки. В уголовном процессе истец освобождён от уплаты госпошлины, тогда как при отдельном иске по ГПК ему пришлось бы оплатить эту пошлину (в дальнейшем, возможно, взыскать её с ответчика при выигрыше дела). Также нет риска понести расходы на оплату услуг адвоката ответчика: в гражданском производстве проигравшая сторона обычно должна компенсировать оппоненту расходы на представителя (ст. 98, 100 ГПК РФ), тогда как в уголовном деле при оправдании обвиняемого потерпевший не несёт обязанности возмещать ему расходы на защиту [7]. Государство фактически берёт на себя значительную часть организационных и финансовых затрат по обеспечению рассмотрения требований потерпевшего.

В третьих, содействие органов следствия и суда в сборе доказательств. В уголовном деле, как упоминалось, потерпевший не одинок –

органы предварительного расследования собирают доказательства преступления, проводят следственные действия, что одновременно позволяет собрать доказательства и по гражданско-правовым аспектам (размер вреда, тяжесть последствий для потерпевшего и т.д.). Фактически государство помогает потерпевшему доказать его иск. В самостоятельном же гражданском иске истец должен сам инициировать все эти доказательственные мероприятия (что без властных полномочий затруднительно),

Однако имеются и определённые минусы и риски обращения за защитой в рамках уголовного судопроизводства, которые делают в ряде случаев более предпочтительным отдельный гражданский иск:

Так, гражданский иск целиком “привязан” к судьбе обвинения. Если доказательств виновности окажется недостаточно, и подсудимый будет оправдан, потерпевший не получит компенсации в уголовном процессе (иск будет отклонён или оставлен без рассмотрения). Более того, оправдательный приговор по определённым основаниям закрывает путь и к гражданскому иску (преюдиция невиновности, как отмечалось). В самостоятельном гражданском процессе (особенно против иных ответчиков, например, страховщиков или работодателей) шанс на удовлетворение требований может существовать даже при недоказанности умысла или состава преступления у конкретного лица [6]. Например, если уголовное дело прекращено “за отсутствием состава” (то есть деяние признаётся правомерным с точки зрения УК, либо виновник невменяем), потерпевший всё же может претендовать на возмещение вреда на началах гражданской ответственности (деликтной, безотносительно наличия преступления). В уголовном процессе же суд не будет присуждать компенсацию при отсутствии состава преступления – это вне его юрисдикции. Таким образом, гибкость гражданского процесса выше: он позволяет учесть случаи, когда вред причинён не преступлением, а, например, правонарушением или случайным действием, не подпадающим под УК, но всё же влекущим гражданско-правовую ответственность (например, причинение вреда в состоянии невменяемости).

Следующий недостаток – ограниченность рамками предъявленного обвинения. Суд в уголовном судопроизводстве связан квалификацией и объемом обвинения, поддержанного прокурором. Если какой-то аспект вреда выпал из обвинения, суд не всегда имеет процессуальную возможность выйти за его пределы. В то время как в гражданском производстве суд вправе рассмотреть любое требование в пределах заявленного иска, в уголовном судопроизводстве суд не станет обсуждать ущерб, который не был инкрими-

нирован подсудимому. Например, если в обвинении указано хищение 100 000 руб., а потерпевший считает, что на самом деле похищено 150 000 руб., то без изменения обвинения удовлетворить иск на 150 000 руб. суд не сможет. Либо другой пример: помимо материального ущерба потерпевший желает взыскать упущенную выгоду или моральный вред (который не был заявлен вовремя как гражданский иск). Суд не выйдет за пределы предъявленного иска. Придётся либо изменить обвинение (что не всегда возможно и зависит от доказательств), либо затем идти с дополнительными требованиями в суд, в порядке гражданского судопроизводства [10]. В этом смысле гражданское судопроизводство предоставляет более широкие возможности для формулирования требований и привлечения к ответственности всех причастных лиц.

Следующая проблема - риск менее тщательного рассмотрения гражданско-правовых вопросов. Судьи, рассматривающие уголовные дела, в первую очередь ориентированы на уголовно-правовые аспекты – доказательство вины, применение уголовного закона, назначение наказания. Вопросы определения размера ущерба, особенно если они сложны (например, расчет упущенной выгоды, определение степени моральных страданий в денежном выражении, оценка рыночной стоимости имущества), могут отойти для них на второй план. Существует опасение, что в стремлении ускорить уголовный процесс суд может несколько поверхностно подойти к расчету сумм возмещения, довольствуясь минимально доказанным размером. Ранее нередкой была практика направлять спор о размере в «гражданский» суд во избежание затягивания дела. Теперь, после разъяснений Пленума ВС РФ 2020 г., суды, вероятно, станут чаще сами определять сумму ущерба, но возникает риск, что некоторые решения по гражданским искам будут менее обоснованными и детально проработанными [4]. В целом, профессиональный «гражданский» судья может более уверенно применять нормы гражданского законодательства (о возмещении морального вреда, о методиках оценки убытков, о взыскании процентов и т.д.) и выносить по этим вопросам более мотивированные решения.

В качестве одной из проблем также можем выделить длительность уголовного процесса. Хотя объединение процессов экономит время в целом, существует и обратная сторона: сложный гражданско-правовой спор внутри уголовного дела способен затянуть вынесение приговора. Если, например, требуется проведение строительной, бухгалтерской или медицинской экспертизы для определения суммы ущерба, суд вынужден объявлять перерыв, ждать заключения экс-

перта, заслушивать дополнительных свидетелей – а всё это время уголовное дело не может быть надлежаще рассмотрено [5]. В гражданском процессе такие задержки влияют только на сроки имущественного спора; в уголовном же – затрагивают право подсудимого на своевременное правосудие.

В качестве следующей проблемы следует рассмотреть процессуальные ограничения. В уголовном деле у потерпевшего несколько меньше контроль над процессом. Например, потерпевший не может сам выбрать юридически значимые основания иска: они следуют из обвинения. Он не может в уголовном суде заключить мировое соглашение с ответчиком (такой институт попросту не предусмотрен в УПК, в отличие от медиации в гражданском процессе). Если потерпевший пожелает отказаться от иска, он вправе это сделать (ч. 5 ст. 44 УПК РФ) – тогда производство по иску прекращается, но это не тождественно мировому соглашению и не всегда выгодно, поскольку повторно заявить такой же иск уже нельзя будет в уголовном процессе. В гражданском же суде стороны вправе заключить мировое соглашение на любых приемлемых условиях, гибко урегулировав спор, и суд утвердит его (если не нарушает закон). Элемент диспозитивности гораздо выше в гражданском судопроизводстве. Для некоторых потерпевших – например, для юридических лиц, заинтересованных в восстановлении деловых отношений – возможность урегулировать дело без приговора о преступлении может оказаться привлекательной (хотя по делам о преступлениях против государства или личности мировое соглашение малоуместно, но по хозяйственным преступлениям – возможно).

Обобщая сравнительный анализ, можно заключить, что гражданский иск в уголовном судопроизводстве и самостоятельное гражданское судопроизводство представляют собой два юридических инструмента, каждый со своими особенностями. Гражданский иск внутри уголовного дела – более быстрый, экономичный и выгодный для потерпевшего путь, при условии, что факт преступления и виновность лица не вызывают сомнений и охватывают весь причинённый вред. Этот путь поддерживается государством как приоритетный, о чём свидетельствует и позиция Верховного Суда о максимальном охвате гражданских исков рамками уголовного процесса. Однако отдельное гражданское судопроизводство остаётся важной альтернативой и дополнением – своего рода резервным механизмом, обеспечивающим возмещение вреда, когда уголовно-процессуальный путь невозможен, затруднён или недостаточен по охвату.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 дек. — № 249.
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Российская газета. — 2002. — 20 нояб. — № 220.
- [3] О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 окт. 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 12.
- [4] Гражданский иск в уголовном деле: разъяснения Пленума ВС РФ // КонсультантПлюс: справ. правовая система [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/14208> (дата обращения: 01.07.2025).
- [5] Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10-3 (97). — С. 127–129.
- [6] Матейкович М. С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. — 2020. — № 3. — С. 103–118.
- [7] Никурадзе Н. О. Гражданский иск в уголовном процессе: актуальные вопросы практической реализации // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 5 (185). — С. 174–177.
- [8] О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_51/activity/legal-education/explain?item=57000216 (дата обращения: 01.07.2025).
- [9] Поволоцкая Е. Р. Гражданский иск в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Молодой учёный. Конференции. — URL: <https://articles.moluch.ru/conf/law/archive/224/11538> (дата обращения: 01.07.2025).
- [10] Уголовный процесс: учебник для среднего профессионального образования / под ред. А. А. Усачева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 468 с.

Spisok literatury:

- [1] Uголовno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii: federal'ny'j zakon ot 18 dek. 2001 g. № 174-FZ (red. ot 07.06.2025) // Rossijskaya gazeta. — 2001. — 22 dek. — № 249.
- [2] Grazhdanskij processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii: federal'ny'j zakon ot 14 noyab. 2002 g. № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Rossijskaya gazeta. — 2002. — 20 noyab. — № 220.
- [3] O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugovnomu delu: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 13 okt. 2020 g. № 23 // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. — 2020. — № 12.
- [4] Grazhdanskij isk v ugovnom dele: raz'yasneniya Plenuma VS RF // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema [E'lektronny'j resurs]. — URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/14208> (data obrashheniya: 01.07.2025).
- [5] Kornelyuk O. V., Lifanova M. V. Aktual'ny'e voprosy' grazhdanskogo iska v ugovnom processe // Mezhdunarodny'j zhurnal humanitarny'x i estestvenny'x nauk. — 2024. — № 10-3 (97). — S. 127–129.
- [6] Matejkovich M. S. Grazhdanskij isk v ugovnom sudoproizvodstve: zakon, doktrina, sudebnaya praktika // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 3. — S. 103–118.
- [7] Nikuradze N. O. Grazhdanskij isk v ugovnom processe: aktual'ny'e voprosy' prakticheskoy realizacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2020. — № 5 (185). — S. 174–177.
- [8] O Postanovlenii Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.10.2020 № 23 «O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugovnomu delu» // General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii: ofic. sajт [E'lektronny'j resurs]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_51/activity/legal-education/explain?item=57000216 (data obrashheniya: 01.07.2025).
- [9] Povoloczkaya E. R. Grazhdanskij isk v ugovnom processe [E'lektronny'j resurs] // Molodoj uchyony'j. Konferencii. — URL: <https://articles.moluch.ru/conf/law/archive/224/11538> (data obrashheniya: 01.07.2025).
- [10] Ugovny'j process: uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / pod red. A. A. Usacheva. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurajt, 2023. — 468 s.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ПРИМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ применения когнитивно-поведенческой терапии в реабилитации лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях и страдающих расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Рассматриваются теоретические основы когнитивно-поведенческой терапии, адаптированные к специфическим условиям исправительных учреждений, включая работу с коморбидными психическими расстройствами, антисоциальным мышлением и низкой мотивацией. Приводятся данные эмпирических исследований, подтверждающие значимую эффективность когнитивно-поведенческой терапии в снижении депрессивной симптоматики, аддиктивных установок, криминального рецидивизма и формировании просоциальных паттернов поведения. Особый акцент сделан на интеграции когнитивно-поведенческих стратегий с программами ресоциализации. Результаты свидетельствуют, что когнитивно-поведенческая терапия способствует повышению уровня субъективного контроля, структурированию смысловых ориентаций и снижению риска рецидива как аддиктивного, так и криминального поведения. Обсуждаются практические аспекты внедрения, ограничения и перспективы развития программ когнитивно-поведенческой терапии в пенитенциарной системе.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческая терапия; химическая зависимость; пенитенциарная система; ресоциализация; рецидив; коморбидные расстройства; когнитивные искажения.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

APPLICATION OF COGNITIVE-BEHAVIORAL THERAPY IN THE RESOCIALIZATION OF CHEMICALLY ADDICTED PRISONERS

Annotation. The article presents a comprehensive analysis of the use of cognitive-behavioral therapy in the rehabilitation of individuals serving sentences in penitentiary institutions and suffering from disorders associated with the use of psychoactive substances. The theoretical foundations of cognitive-behavioral therapy adapted to the specific conditions of correctional institutions, including work with comorbid mental disorders, antisocial thinking and low motivation are considered. The data of empirical studies confirming the significant effectiveness of cognitive-behavioral therapy in reducing depressive symptoms, addictive attitudes, criminal recidivism and the formation of prosocial patterns of behavior are presented. Particular emphasis is placed on the integration of cognitive-behavioral strategies with resocialization programs. The results indicate that cognitive behavioral therapy helps to increase the level of subjective control, structure life-meaning orientations and reduce the risk of relapse of both addictive and criminal behavior. Practical aspects of implementation, limitations and prospects for the development of cognitive behavioral therapy programs in the penitentiary system are discussed.

Key words: cognitive behavioral therapy; chemical dependence; penitentiary system; resocialization; relapse; comorbid disorders; cognitive distortions.

Введение. Расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), представляют собой одну из наиболее острых проблем в пенитенциарных системах мира, оказывая глубокое влияние на здоровье осужденных, их реабилитационный потенциал и риск рецидивизма после освобождения. Эпидемиологические исследования свидетельствуют, что доля осужденных с диагностируемыми наркологическими расстройствами варьирует от 50% до 70% от общей популяции пенитенциарных учреждений, подчеркивая масштабность проблемы и настоятельную потребность в научно обоснованных и эффективных реабилитационных подходах [1]. Реабилитация данной категории осужденных требует комплексного воздействия, направленного не только на преодоление физиологической и психологической зависимости, но и на коррекцию криминогенных установок, улучшение психического здоровья и восстановление социально-адаптивных навыков. В этом контексте когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) зарекомендовала себя как один из наиболее эмпирически подтвержденных и широко применимых методов в работе с зависимостями, включая специфическую популяцию лиц, находящихся в местах лишения свободы [2-4].

КПТ базируется на фундаментальном постулате о том, что дисфункциональные когнитивные схемы (убеждения, автоматические мысли) и вытекающие из них дезадаптивные поведенческие паттерны играют ключевую роль в формировании и поддержании зависимости. Соответственно, целенаправленная коррекция этих когнитивных и моделей поведения способна привести к устойчивым позитивным изменениям [5]. Накопленный за последние десятилетия значительный массив научных данных убедительно демонстрирует эффективность КПТ в реабилитации лиц с расстройствами, связанными с употреблением ПАВ, в том числе в условиях жестких ограничений пенитенциарных учреждений [6; 7]. Однако успешное применение данного метода в среде осужденных сопряжено с необходимостью учета ряда специфических факторов, таких как ограниченность ресурсов (временных, кадровых, материальных), высокий уровень коморбидных психических патологий (депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), тревожные расстройства), особенности тюремной субкультуры и изначально низкая внутренняя мотивация многих заключенных к изменениям.

Целью настоящей работы является обзор и критический анализ роли и эффективности КПТ в реабилитационном процессе осужденных с диагнозами расстройств, связанных с употреблением ПАВ. В статье рассматриваются теоретико-методологические основания КПТ примени-

тельно к данной проблематике, анализируются результаты релевантных эмпирических исследований, обсуждаются практические аспекты адаптации и внедрения КПТ-программ в условиях пенитенциарных учреждений, а также проводится сравнение с альтернативными терапевтическими подходами.

Теоретические основания КПТ в работе с химической зависимостью у осужденных: мультифакторная природа расстройства. Понимание эффективности КПТ в реабилитации осужденных с зависимостью от ПАВ требует учета мультифакторной природы расстройства, включающей биологические, психологические и социальные детерминанты, которые часто взаимно усиливаются в условиях лишения свободы.

- Биологические аспекты и КПТ. Зависимость от ПАВ имеет выраженную биологическую основу, связанную с нейроадаптационными изменениями, прежде всего в дофаминергической системе мозга, регулирующей вознаграждение и мотивацию. Хроническое употребление веществ, таких как опиоиды или стимуляторы, приводит к стойким изменениям плотности рецепторов в ключевых структурах (например, nucleus accumbens), формируя устойчивую тягу даже после длительной абстиненции [8]. Хотя КПТ не оказывает прямого воздействия на эти нейробиологические механизмы, она эффективно модулирует связанные с ними поведенческие реакции. Обучение стратегиям совладания со стрессом и триггерами (например, специфические запахи, воспоминания, ситуации) позволяет снижать активацию системы вознаграждения, опосредованную внешними стимулами. Техники когнитивной реструктуризации и релаксации помогают осужденным управлять физиологическим дискомфортом абстиненции и снижать импульсивность, тем самым уменьшая вероятность рецидива [6]. Важным аспектом является синергия КПТ с фармакотерапией (например, применение налтрексона при опиоидной зависимости или антидепрессантов СИОЗС при коморбидной депрессии), где психологическая работа над поведением и когнициями потенцирует эффект биологической стабилизации [9].
- Коморбидность психических расстройств. Для осужденных с зависимостью от ПАВ характерен высокий уровень коморбидных психических расстройств, таких как депрессия, генерализованное тревожное расстройство и, особенно, ПТСР, часто связанное с пережитым насилием или травмой [10]. Генетическая предрасположенность к этим состояниям может усиливать уязви-

мость к зависимости, а хронический стресс тюремной среды, характеризуемый повышенным уровнем кортизола, усугубляет симптоматику. Употребление ПАВ нередко выступает дезадаптивной формой самолечения. Структурированный и директивный характер КПТ делает ее высокоэффективной в работе с коморбидностью. Специфические техники, такие как экспозиционная терапия (включая пролонгированную экспозицию или когнитивную переработку травмы), целенаправленно снижают интенсивность флэшбеков, избегания и гипервозбуждения у лиц с ПТСР. Когнитивная реструктуризация активно применяется для коррекции депрессивных автоматических мыслей (например, «я никчем», «у меня нет будущего»), способствуя улучшению аффективного состояния [10; 11]. Комбинированный подход, интегрирующий КПТ с адекватной фармакотерапией, демонстрирует значительное превосходство в снижении рецидивов и улучшении общего психического статуса по сравнению с монотерапией [12].

- Психологические мишени КПТ. Ключевой фокус КПТ в работе с осужденными, страдающими зависимостью, направлен на коррекцию психологических факторов, поддерживающих расстройство:
- Когнитивные искажения. У данной категории лиц широко распространены дисфункциональные убеждения и автоматические мысли: катастрофизация («без наркотика я не переживу этот стресс»), свехобобщение («все вокруг враждебно, доверять нельзя»), дихотомическое мышление («либо полный контроль, либо полный хаос»), персонализация и внешний локус контроля («это тюрьма/охранники/сокамерники виноваты в моем состоянии»). Тюремная среда, с ее хроническим стрессом, ограничением выбора и неопределенностью, способствует закреплению этих искажений. КПТ использует техники сократовского диалога (постановка вопросов, стимулирующих критическое переосмысление убеждений), поведенческих экспериментов (проверка реалистичности негативных предсказаний на практике) и ведения дневников мыслей для выявления, анализа и замены дезадаптивных когниций на более рациональные и адаптивные [13; 14].
- Дефицит эмоциональной регуляции. Осужденные часто используют ПАВ как основной (и дезадаптивный) механизм совладания с интенсивными негативными эмоциями (гнев, страх, стыд, тоска). КПТ целенаправ-

ленно развивает навыки эмоциональной регуляции через обучение осознанности – способности наблюдать эмоции без немедленной импульсивной реакции; техникам релаксации (прогрессивная мысленная релаксация, диафрагмальное дыхание) для снижения физиологического возбуждения; и когнитивной переоценке для изменения эмоциональной значимости ситуаций (например, переформулировка «это невыносимо» в «это сложно, но временно и управляемо») [15; 16]. Эмпирические данные подтверждают, что тренинг эмоциональной регуляции в рамках КПТ не только снижает тягу к ПАВ, но и уменьшает уровень агрессии и конфликтность среди заключенных [17].

- Низкая мотивация и внешний локус контроля. Принудительный характер нахождения в учреждении и часто формальный статус терапии создают серьезные препятствия для формирования внутренней мотивации к изменениям. Для преодоления этого КПТ успешно интегрируется с принципами мотивационного интервьюирования (МИ). Техники МИ, такие как «развитие расхождения» (помощь в осознании несоответствия между текущим поведением и значимыми жизненными целями – свободой, семьей, работой), эмпатическое слушание и поддержка самооэффективности, позволяют усиливать собственную мотивацию осужденного, делая терапию более вовлекающей и эффективной [18].
- Негативная идентичность и низкая самооценка. Длительная зависимость и криминальный опыт формируют у осужденных стойкую негативную самоидентификацию («наркоман», «преступник»), подкрепляемую стигматизацией в обществе и часто внутри тюремной субкультуры. КПТ способствует переструктурированию самовосприятия через поведенческую активацию – вовлечение в значимую и социально одобряемую деятельность (образование, творчество, помощь другим заключенным), что укрепляет чувство компетентности и ценности. Работа с негативными автоматическими мыслями о себе и поиск доказательств позитивных качеств и достижений постепенно формируют более адаптивную идентичность («человек, преодолевающий трудности», «ученик», «будущий специалист»), что является ключевым фактором устойчивой ремиссии и успешной ресоциализации [19; 20].
- Влияние тюремной среды. Условия лишения свободы – ограничения, перенаселенность,

потенциальная угроза насилия, социальная изоляция – создают хронический высокий уровень стресса, который сам по себе является мощным триггером как для обострения психической симптоматики (депрессии, тревоги, ПТСР), так и для рецидивов аддиктивного поведения. Групповая форма КПТ, наиболее распространенная в пенитенциарных учреждениях, обладает двойственным потенциалом: с одной стороны, она позволяет создать поддерживающую среду, обмен опытом и моделирование просоциального поведения; с другой – существует риск негативного влияния групповой динамики, давления тюремной субкультуры или саботажа терапии отдельными участниками. Это требует от ведущего высокого уровня профессионализма, навыков управления группой и адаптации программ с учетом местных культурных и субкультурных особенностей [21; 22].

- Философские и теоретические корни. КПТ имеет глубокие философские истоки, восходящие к стоицизму с его акцентом на рациональном переосмыслении событий и управлении собственными реакциями. Теоретической основой КПТ служат принципы бихевиоризма (роль научения и подкрепления в формировании поведения) и, особенно, социально-когнитивная теория Альберта Бандуры [23]. Ключевым в контексте работы с осужденными является понятие научения через наблюдение, имитацию и подкрепление, а также центральная роль когнитивных процессов (убеждений, ожиданий, самооффективности) в регуляции поведения. КПТ использует эти принципы для целенаправленного формирования просоциальных навыков и моделей поведения, замещающих дезадаптивные криминальные и аддиктивные паттерны.

Эффективность КПТ в условиях пенитенциарной системы: эмпирические данные. Многочисленные исследования, проведенные в различных пенитенциарных системах мира, подтверждают клиническую и социальную эффективность КПТ в реабилитации осужденных с расстройствами, связанными с употреблением ПАВ.

1. Снижение аддиктивной симптоматики и рецидивов употребления ПАВ. Мета-анализы и рандомизированные контролируемые испытания последовательно демонстрируют, что участие в структурированных КПТ-программах приводит к статистически значимому снижению частоты рецидивов употребления ПАВ среди заключенных по сравнению с контрольными группами (получавшими обычный уход, минимальную под-

держку или иные формы терапии). Эффект сохраняется и после освобождения, хотя и требует поддержки в виде постпенитенциарных программ [7; 12]. Механизм этого эффекта связывают с развитием у участников навыков распознавания триггеров (внешних и внутренних), управления тягой, отказа от предложений употребить, решения проблем и преодоления стресса без обращения к ПАВ. Программы, фокусирующиеся на предотвращении рецидивов, являются ядром многих КПТ-интервенций в тюрьмах.

2. Улучшение психического здоровья. КПТ доказала свою высокую эффективность в снижении выраженности симптомов коморбидных психических расстройств, широко распространенных среди осужденных с зависимостью. Значимые улучшения отмечаются в отношении симптомов депрессии, тревоги (особенно генерализованной и социальной), посттравматического стресса и нарушений сна [10; 11; 24]. Коррекция дезадаптивных когниций (например, чувства безнадежности, катастрофизации будущего, гиперболизации угроз) и обучение навыкам эмоциональной регуляции напрямую способствуют улучшению психического самочувствия и повышению устойчивости к стрессу тюремной среды.
3. Коррекция антисоциального мышления и снижение криминального рецидивизма. Одним из ключевых достижений КПТ в пенитенциарной сфере является ее способность влиять на глубинные когнитивные схемы, поддерживающие криминальное поведение. Специализированные программы, такие как «Reasoning and Rehabilitation» или «Thinking for a Change», направлены на выявление и коррекцию характерных для осужденных когнитивных искажений: установки на правонарушение как допустимый способ решения проблем, экстернальный локус контроля (обвинение других в своих проблемах), минимизацию последствий своих действий для жертв, неспособность к эмпатии и импульсивность. Исследования показывают, что участие в таких программах приводит к значимому снижению уровня антисоциальных установок, развитию навыков просоциального решения проблем, морального рассуждения и самоконтроля, что в долгосрочной перспективе ассоциируется со снижением уровня рецидивизма после освобождения [13; 21].
4. Формирование просоциальных навыков и повышение самооффективности. КПТ

активно способствует развитию конкретных навыков, необходимых для адаптации как в тюремной среде, так и после освобождения. Тренинг социальных навыков улучшает способность к эффективной коммуникации, разрешению конфликтов ненасильственными способами, асертивному поведению и построению здоровых отношений. Развитие навыков саморегуляции (управление гневом, импульсивностью, стрессом) снижает риск вовлечения в деструктивные инциденты внутри учреждения. Поведенческая активация и работа над позитивной идентичностью повышают уровень самоэффективности осужденных – веру в свою способность достигать целей и управлять своей жизнью, что является критическим фактором успешной реинтеграции [19; 25].

5. Повышение мотивации и приверженности лечению. Интеграция принципов мотивационного интервьюирования в КППТ-программы позволяет преодолевать изначальное сопротивление и апатию, характерные для многих осужденных. Помощь в осознании личных целей, несовместимых с употреблением ПАВ и криминальным поведением, и укрепление веры в возможность изменений повышают вовлеченность участников в терапевтический процесс и их готовность к длительной работе над собой [18].

Интеграция КППТ в программы ресоциализации: от терапии к реинтеграции. Успешная реабилитация осужденных с зависимостью от ПАВ не может ограничиваться лишь преодолением симптомов расстройства; она неразрывно связана с процессом ресоциализации – восстановлением и развитием способности жить в обществе в соответствии с социальными нормами. КППТ играет центральную роль в этом процессе, обеспечивая необходимую психологическую базу.

- Формирование просоциальной идентичности и ценностей. Как отмечалось ранее, КППТ способствует разрушению негативной идентичности («наркоман», «преступник») и формированию новой, основанной на осознании своих сильных сторон, достижениях в терапии и постановке просоциальных жизненных целей (семья, работа, образование, общественное признание). Работа над моральным рассуждением помогает осознать последствия своих действий для других людей, развить эмпатию и усвоить общечеловеческие ценности, что является основой законопослушного поведения.
- Развитие критически важных компетенций. Навыки, целенаправленно формируемые в КППТ – саморегуляция (контроль импульсов, управление эмоциями и стрессом), решение

проблем, эффективная коммуникация, асертивность, поиск работы, управление финансами – являются непосредственными компонентами успешной ресоциализации. Эти навыки позволяют осужденному адекватно реагировать на вызовы и стрессоры свободной жизни, не прибегая к дезадаптивным стратегиям (употребление ПАВ, криминал).

- Планирование жизни после освобождения. КППТ-программы включают компонент, посвященный конкретному планированию жизни после выхода на свободу. Это включает: идентификацию потенциальных триггеров рецидива (люди, места, ситуации, эмоции) и разработку индивидуальных стратегий их преодоления; построение карты социальной поддержки (семья, друзья, группы самопомощи, социальные службы); постановку реалистичных краткосрочных и долгосрочных целей в различных сферах (трудовая занятость, образование, жилье, отношения); отработку навыков поиска работы и прохождения собеседований. Такой план становится практическим руководством к действию после освобождения.
- Взаимодействие с социальными службами и семьями. Наиболее эффективные программы ресоциализации предполагают координацию усилий психологов пенитенциарного учреждения с внешними социальными службами, центрами занятости, наркологическими диспансерами и группами самопомощи (типа «Анонимных Наркоманов»). КППТ может включать элементы семейной терапии (если доступен контакт с семьей) для улучшения коммуникации, разрешения конфликтов и мобилизации поддержки близких, что является мощным фактором предотвращения рецидива. Подготовка семьи к особенностям реинтеграции также важна.

Практические аспекты внедрения и реализации КППТ в пенитенциарных учреждениях. Несмотря на доказанную эффективность, внедрение и качественная реализация КППТ-программ в условиях пенитенциарных учреждений сталкивается с рядом специфических вызовов.

1. Адаптация программ. Универсальные протоколы КППТ требуют обязательной адаптации к контексту лишения свободы. Это включает: учет уровня образования и когнитивных способностей участников (упрощение языка, использование визуальных материалов, больше практических упражнений); адаптацию примеров и кейсов к реалиям тюремной жизни и криминального опыта; учет культурных особенностей и норм; раз-

работку стратегий работы с высоким уровнем сопротивления и низкой мотивацией; интеграцию тем, специфичных для заключенных (взаимодействие с администрацией, сокамерниками, подготовка к освобождению, стигма).

2. Квалификация персонала. Ведущие КПП-групп (часто это психологи учреждений) должны обладать не только глубокими знаниями и навыками в области КПП и аддиктологии, но и пониманием специфики пенитенциарной среды, тюремной субкультуры и особенностей личности осужденных. Обязательны специализированное обучение, регулярный супервизорский контроль и повышение квалификации. Недостаток квалифицированных кадров – одно из основных ограничений для широкого внедрения.
3. Организационные барьеры. Реализации программ могут мешать: переполненность учреждений и нестабильность контингента (переводы между отрядами, следственными изоляторами, этапирование); ограниченность временных ресурсов у персонала и осужденных; сложности с выделением адекватных помещений для проведения групп; приоритет режимных требований над реабилитационными задачами; недостаток финансирования. Требуется поддержка программы на уровне администрации учреждения и вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы.
4. Работа с коморбидностью и тяжелыми случаями. Высокая распространенность тяжелых форм зависимости, сопутствующих психических расстройств (ПТСР, тяжелая депрессия, психотические эпизоды в анамнезе) и личностных расстройств (особенно диссоциального, пограничного) требует от терапевтов умения дифференцировать подход, интегрировать КПП с другими методами (фармакотерапия, ДПТ при выраженной эмоциональной дисрегуляции) и работать в междисциплинарной команде (психиатр, нарколог, социальный работник). Не все осужденные подходят для стандартной групповой КПП, необходимы индивидуальные форматы или специализированные группы.
5. Обеспечение преемственности помощи. Риск рецидива максимально высок в первые месяцы после освобождения. Критически важно обеспечить преемственность между КПП-программами внутри учреждения и реабилитационными/поддерживающими услугами на свободе (амбулаторные программы КПП, группы поддержки, сопровождение куратора случая, помощь в трудо-

устройстве и жилье). Отсутствие такой преемственности сводит на нет многие достижения внутри тюрьмы. Развитие механизмов взаимодействия УИС с общественными и государственными социальными и наркологическими службами – ключевая задача.

Заключение. КПП представляет собой мощный, научно обоснованный инструмент в комплексной реабилитации осужденных, страдающих расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ. Ее сила заключается в способности воздействовать на ключевые мишени, поддерживающие как аддиктивное, так и криминальное поведение: дисфункциональные убеждения и когнитивные искажения, дефицит навыков эмоциональной регуляции и саморегуляции, антисоциальные установки, низкую самооценку и мотивацию. Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о значимом вкладе КПП в снижение рецидивов употребления ПАВ, улучшение психического здоровья (особенно при коморбидной депрессии, тревоге, ПТСР), коррекцию криминогенного мышления и формирование просоциальных поведенческих паттернов.

Успешная реализация КПП в специфических условиях пенитенциарных учреждений требует целенаправленной адаптации программ, инвестиций в подготовку и супервизию квалифицированных специалистов, преодоления организационных барьеров и, что крайне важно, интеграции терапевтических усилий в более широкий контекст программ ресоциализации. Последнее подразумевает фокус на формировании новой, просоциальной идентичности, развитии жизненно важных навыков для жизни на свободе, детальном планировании постпенитенциарного этапа и обеспечении преемственности помощи через взаимодействие с социальными службами и общественными организациями после освобождения.

Перспективными направлениями развития являются дальнейшая разработка и валидация стандартизированных, но гибких протоколов КПП, адаптированных к разным категориям осужденных (по тяжести зависимости, коморбидности, сроку наказания); исследование долгосрочных эффектов терапии (после 3, 5, 10 лет после освобождения); изучение эффективности интеграции КПП с другими доказательными подходами (диалектическая поведенческая терапия, терапия принятия и ответственности, мотивационное интервьюирование); а также развитие технологий дистанционной поддержки (теле- и онлайн-консультирование) для усиления преемственности помощи после освобождения. Государственная поддержка, межведомственное сотрудничество и привлечение ресурсов научного сообщества являются необходимыми усло-

виями для масштабирования успешного опыта применения КПТ, что в конечном итоге будет способствовать снижению рецидивизма, повышению общественной безопасности и успешной реинтеграции лиц, преодолевающих химическую зависимость в условиях пенитенциарной системы.

Список литературы:

- [1] Yoon I., Slade K., Fazel S. Outcomes of psychological therapies for prisoners with mental health problems: a systematic review and meta-analysis // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 2017. – Vol. 85. – P. 783–802. DOI: 10.1037/csp0000214.
- [2] Фастовцов Г.А., Искандаров Р.Р. Наркологические расстройства в пенитенциарных условиях и феномен «двойной несвободы» // *Вопросы наркологии*. – 2025. – Т. 37, № 2. – С. 55–71. – EDN ZUHNIU.
- [3] Искандаров Р.Р. Модель терапевтического сообщества в реабилитации зависимых от психоактивных веществ в местах лишения свободы: предпосылки создания и анализ эффективности // *Наркоконтроль*. – 2025. – № 1. – С. 7–10. – DOI: 10.18572/2572-2072-4160-2025-1-7-10. – EDN XEDVJQ.
- [4] Искандаров Р.Р. Зависимость от психоактивных веществ в структуре дисфункциональных и психопатологических личностных характеристик осужденных (на примере «темной триады личности») // *Наркология*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN DXOLIV.
- [5] Granillo M., Perron B., Jarman C., Gutowski S. Cognitive Behavioral Therapy with Substance Use Disorders: Theory, Evidence, and Practice. – 2012. – DOI: 10.1007/978-1-4614-5357-4_7.
- [6] Dombrowski F., Durham T., Dombrowski F., Presenter W. Cognitive behavioral therapy for substance use disorders // *Psychiatric Clinics of North America*. – 2010. – Vol. 33, No. 3. – P. 511–525. – DOI: 10.1016/j.psc.2010.04.012
- [7] McHugh R.K., Hearon B.A., Otto M.W. Cognitive behavioral therapy for substance use disorders // *Psychiatric Clinics of North America*. – 2010. – Vol. 33, No. 3. – P. 511–525. – DOI: 10.1016/j.psc.2010.04.012.
- [8] Antón-Galindo E., Cabana-Domínguez J., Torrico B., Corominas R., Cormand B., Fernández-Castillo N. The pleiotropic contribution of genes in dopaminergic and serotonergic pathways to addiction and related behavioral traits // *Frontiers in Psychiatry*. – 2023. – Vol. 14. – P. 1293663. – DOI: 10.3389/fpsy.2023.1293663.
- [9] Richmond R., Indig D., Butler T., Wilhelm K., Archer V., Wodak A. A randomized controlled trial of a smoking cessation intervention conducted among prisoners // *Addiction*. – 2013. – Vol. 108. – P. 966–974. – DOI: 10.1111/add.12084.
- [10] Wolff N., Frueh B., Shi J., Schumann B. Effectiveness of cognitive-behavioral trauma treatment for incarcerated women with mental illnesses and substance abuse disorders // *Journal of Anxiety Disorders*. – 2012. – Vol. 26, No. 7. – P. 703–710. – DOI: 10.1016/j.janxdis.2012.06.001.
- [11] Zlotnick C., Najavits L.M., Rohsenow D.J., Johnson D.M. A cognitive-behavioral treatment for incarcerated women with substance abuse disorder and posttraumatic stress disorder: findings from a pilot study // *Journal of Substance Abuse Treatment*. – 2003. – Vol. 25, No. 2. – P. 99–105. – DOI: 10.1016/S0740-5472(03)00106-5
- [12] Dutra L., Stathopoulou G., Basden S.L., Leyro T.M., Powers M.B., Otto M.W. A meta-analytic review of psychosocial interventions for substance use disorders // *American Journal of Psychiatry*. – 2008. – Vol. 165, No. 2. – P. 179–187. – DOI: 10.1176/appi.ajp.2007.06111851.
- [13] Boness C., Votaw V., Schwebel F., Moniz-Lewis D., McHugh R., Witkiewitz K. An Evaluation of Cognitive Behavioral Therapy for Substance Use Disorder: A Systematic Review and Application of the Society of Clinical Psychology Criteria for Empirically Supported Treatments // *Clinical Psychology: Science and Practice*. – 2023. – Vol. 30, No. 2. – P. 129–142. – DOI: 10.1037/cps0000131.
- [14] Dobson K.S. A Meta-Analysis of the Efficacy of Cognitive Therapy for Depression // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – P. 414–419. – DOI: 10.1037/0022-006X.57.3.414.
- [15] Hofmann S.G., Asnaani A., Vonk I.J., Sawyer A.T., Fang A. The Efficacy of Cognitive Behavioral Therapy: A Review of Meta-analyses // *Cognitive Therapy and Research*. – 2012. – Vol. 36, No. 5. – P. 427–440. – DOI: 10.1007/s10608-012-9476-1.
- [16] Xiao X. The Impact of Mindfulness Apps and Cognitive Behavioral Therapy on Prisoners' Mental Health // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. – 2024. – DOI: 10.54254/2753-7048/57/20240102.
- [17] Bahrami E., Mazaheri M.A., Hasanzadeh A. Effect of anger management education on mental health and aggression of prisoner women // *Journal of Education and Health Promotion*. – 2016. – Vol. 5. – P. 5. – DOI: 10.4103/2277-9531.184563.
- [18] Amoke C., Ede M., Nwokeoma B. et al. Effects of group cognitive-behavioral therapy on psychological distress of awaiting-trial prison inmates // *Medicine*. – 2020. – Vol. 99, No. 17. – P. e18034. – DOI: 10.1097/MD.00000000000018034.
- [19] Hamzah I. The Role of Rational Emotive Behavior Therapy (REBT) in Increasing the Self-Esteem of Female Prisoners // *Community Medicine and Education Journal*. – 2022. – DOI: 10.37275/cmej.v3i2.339.

[20] Lanza P., García P., Lamelas F., González-Menéndez A. Acceptance and commitment therapy versus cognitive behavioral therapy in the treatment of substance use disorder with incarcerated women // *Journal of Clinical Psychology*. – 2014. – Vol. 70, No. 7. – P. 644–657. – DOI: 10.1002/jclp.22060.

[21] Khodayarifard M., Shokoohi-Yekta M., Hamot G. Effects of Individual and Group Cognitive-Behavioral Therapy for Male Prisoners in Iran // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2010. – Vol. 54. – P. 743–755. – DOI: 10.1177/0306624X09344840.

[22] Tomar., Tyagi., Rajkumar., Manikandaprabu. Cognitive Behaviour Therapy in Forensic Setting: An Overview // *International Journal of Indian Psychology*. – 2019. – Vol. 7, No. 3. – DOI: 10.25215/0302.160.

[23] Bandura A. *Social Learning Theory*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977.

[24] Randall C., Nowakowski S., Ellis J. Managing Acute Insomnia in Prison: Evaluation of a «One-Shot» Cognitive Behavioral Therapy for Insomnia (CBT-I) Intervention // *Behavioral Sleep Medicine*. – 2018. – Vol. 17. – P. 827–836. – DOI: 10.1080/15402002.2018.1518227.

[25] Budiyo A., Sugiharto D., Sutoyo A., Rachman M. Empirical Study: Cognitive Behavior Therapy (CBT) And Resilience of Prisoners before Being Released // *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. – 2020. – Vol. 5, No. 7. – DOI: 10.38124/ijisrt20jul572.

Spisok literary:

[1] Yoon I., Slade K., Fazel S. Outcomes of psychological therapies for prisoners with mental health problems: a systematic review and meta-analysis // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 2017. – Vol. 85. – P. 783–802. DOI: 10.1037/ccp0000214.

[2] Fastovtsov G.A., Iskandarov R.R. Narkologicheskie rasstrojstva v penitencijarnyh usloviyah i fenomen «dvojnoj nesvobody» // *Voprosy narkologii*. – 2025. – T. 37, № 2. – S. 55–71. – EDN ZUHNIU.

[3] Iskandarov R.R. Model' terapevricheskogo soobshchestva v reabilitacii zavisimyh ot psihoaktivnyh veshchestv v mestah lisheniya svobody: predposylki sozdaniya i analiz effektivnosti // *Narkokontrol'*. – 2025. – № 1. – S. 7–10. – DOI: 10.18572/2572-2072-4160-2025-1-7-10. – EDN XEDVJQ.

[4] Iskandarov R.R. Zavisimost' ot psihoaktivnyh veshchestv v strukture disfunkcional'nyh i psihopatologicheskikh lichnostnyh harakteristik osuzhdennyh (na primere «temnoj triady lichnosti») // *Narkologiya*. – 2025. – T. 24, № 1. – S. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN DXOLIV.

[5] Granillo M., Perron B., Jarman C., Gutowski S. Cognitive Behavioral Therapy with Substance Use Disorders: Theory, Evidence, and Practice. – 2012. – DOI: 10.1007/978-1-4614-5357-4_7.

[6] Dombrowski F., Durham T., Dombrowski F., Presenter W. Cognitive behavioral therapy for substance use disorders // *Psychiatric Clinics of North America*. – 2010. – Vol. 33, No. 3. – P. 511–525. – DOI: 10.1016/j.psc.2010.04.012

[7] McHugh R.K., Hearon B.A., Otto M.W. Cognitive behavioral therapy for substance use disorders // *Psychiatric Clinics of North America*. – 2010. – Vol. 33, No. 3. – P. 511–525. – DOI: 10.1016/j.psc.2010.04.012.

[8] Antón-Galindo E., Cabana-Domínguez J., Torrico B., Corominas R., Cormand B., Fernández-Castillo N. The pleiotropic contribution of genes in dopaminergic and serotonergic pathways to addiction and related behavioral traits // *Frontiers in Psychiatry*. – 2023. – Vol. 14. – P. 1293663. – DOI: 10.3389/fpsy.2023.1293663.

[9] Richmond R., Indig D., Butler T., Wilhelm K., Archer V., Wodak A. A randomized controlled trial of a smoking cessation intervention conducted among prisoners // *Addiction*. – 2013. – Vol. 108. – P. 966–974. – DOI: 10.1111/add.12084.

[10] Wolff N., Frueh B., Shi J., Schumann B. Effectiveness of cognitive-behavioral trauma treatment for incarcerated women with mental illnesses and substance abuse disorders // *Journal of Anxiety Disorders*. – 2012. – Vol. 26, No. 7. – P. 703–710. – DOI: 10.1016/j.janxdis.2012.06.001.

[11] Zlotnick C., Najavits L.M., Rohsenow D.J., Johnson D.M. A cognitive-behavioral treatment for incarcerated women with substance abuse disorder and posttraumatic stress disorder: findings from a pilot study // *Journal of Substance Abuse Treatment*. – 2003. – Vol. 25, No. 2. – P. 99–105. – DOI: 10.1016/S0740-5472(03)00106-5

[12] Dutra L., Stathopoulou G., Basden S.L., Leyro T.M., Powers M.B., Otto M.W. A meta-analytic review of psychosocial interventions for substance use disorders // *American Journal of Psychiatry*. – 2008. – Vol. 165, No. 2. – P. 179–187. – DOI: 10.1176/appi.ajp.2007.06111851.

[13] Boness C., Votaw V., Schwebel F., Moniz-Lewis D., McHugh R., Witkiewitz K. An Evaluation of Cognitive Behavioral Therapy for Substance Use Disorder: A Systematic Review and Application of the Society of Clinical Psychology Criteria for Empirically Supported Treatments // *Clinical Psychology: Science and Practice*. – 2023. – Vol. 30, No. 2. – P. 129–142. – DOI: 10.1037/cps0000131.

[14] Dobson K.S. A Meta-Analysis of the Efficacy of Cognitive Therapy for Depression // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – P. 414–419. – DOI: 10.1037/0022-006X.57.3.414.

[15] Hofmann S.G., Asnaani A., Vonk I.J., Sawyer A.T., Fang A. The Efficacy of Cognitive Behavioral Therapy: A Review of Meta-analyses // *Cognitive Therapy and Research*. – 2012. – Vol. 36, No. 5. – P. 427–440. – DOI: 10.1007/s10608-012-9476-1.

[16] Xiao X. The Impact of Mindfulness Apps and Cognitive Behavioral Therapy on Prisoners' Mental Health // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. – 2024. – DOI: 10.54254/2753-7048/57/20240102.

[17] Bahrami E., Mazaheri M.A., Hasanzadeh A. Effect of anger management education on mental health and aggression of prisoner women // *Journal of Education and Health Promotion*. – 2016. – Vol. 5. – P. 5. – DOI:10.4103/2277-9531.184563.

[18] Amoke C., Ede M., Nwokeoma B. et al. Effects of group cognitive-behavioral therapy on psychological distress of awaiting-trial prison inmates // *Medicine*. – 2020. – Vol. 99, No. 17. – P. e18034. – DOI: 10.1097/MD.00000000000018034.

[19] Hamzah I. The Role of Rational Emotive Behavior Therapy (REBT) in Increasing the Self-Esteem of Female Prisoners // *Community Medicine and Education Journal*. – 2022. – DOI: 10.37275/cmej.v3i2.339.

[20] Lanza P., García P., Lamelas F., González-Menéndez A. Acceptance and commitment therapy versus cognitive behavioral therapy in the treatment of substance use disorder with incarcerated women // *Journal of Clinical Psychology*. – 2014. – Vol. 70, No. 7. – P. 644–657. – DOI: 10.1002/jclp.22060.

[21] Khodayarifard M., Shokoohi-Yekta M., Hamot G. Effects of Individual and Group Cognitive-Behavioral Therapy for Male Prisoners in Iran // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2010. – Vol. 54. – P. 743–755. – DOI: 10.1177/0306624X09344840.

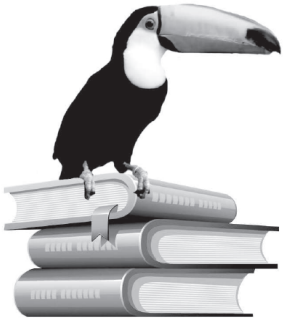
[22] Tomar., Tyagi., Rajkumar., Manikandaprabu. Cognitive Behaviour Therapy in Forensic Setting: An Overview // *International Journal of Indian Psychology*. – 2019. – Vol. 7, No. 3. – DOI: 10.25215/0302.160.

[23] Bandura A. *Social Learning Theory*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977.

[24] Randall C., Nowakowski S., Ellis J. Managing Acute Insomnia in Prison: Evaluation of a «One-Shot» Cognitive Behavioral Therapy for Insomnia (CBT-I) Intervention // *Behavioral Sleep Medicine*. – 2018. – Vol. 17. – P. 827–836. – DOI: 10.1080/15402002.2018.1518227.

[25] Budiyono A., Sugiharto D., Sutoyo A., Rachman M. Empirical Study: Cognitive Behavior Therapy (CBT) And Resilience of Prisoners before Being Released // *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. – 2020. – Vol. 5, No. 7. – DOI: 10.38124/ijisrt20jul572.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования патриотического сознания у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (ВК). Рассматриваются специфические условия и задачи патриотического воспитания в пенитенциарной среде. Анализируются ключевые направления (историко-краеведческое, культурно-нравственное, гражданско-правовое, военно-патриотическое, трудовое) и основополагающие принципы (гуманизма, системности, дифференциации, социальной ориентированности, позитивной активности, интеграции) данной работы. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего традиционные и инновационные методы, с учетом психолого-педагогических особенностей контингента, для успешной ресоциализации и формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, традиционные методы, уголовно-исполнительная система, воспитательная колония, несовершеннолетний осужденный, ФСИН России, ресоциализация.

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

DIRECTIONS AND PRINCIPLES OF PATRIOTIC EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS IN EDUCATIONAL COLONIES

Annotation. The article is devoted to the urgent problem of the formation of patriotic consciousness among juvenile convicts serving sentences in educational colonies (VC). The specific conditions and tasks of patriotic education in the penitentiary environment are considered. The key directions (historical and local history, cultural and moral, civil law, military-patriotic, labor) and the fundamental principles (humanism, consistency, differentiation, social orientation, positive activity, integration) of this work are analyzed. The necessity of an integrated approach combining traditional and innovative methods, taking into account the psychological and pedagogical characteristics of the contingent, for successful resocialization and the formation of civic identity is substantiated.

Key words: patriotic education, traditional methods, penal enforcement system, educational colony, juvenile convict, Federal Penitentiary Service of Russia, re-socialization.

Патриотическое воспитание, понимаемое как целенаправленный процесс формирования ценностного отношения к Родине, ее истории, культуре, традициям и готовности к созидательному труду и защите ее интересов, является неотъемлемой частью воспитательной работы с молодежью. Особую значимость и специфику эта деятельность приобретает в отношении несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Данная категория подростков, как правило, характеризуется деформацией нравственных ориен-

тиров, ослаблением социальных связей, в том числе и чувства принадлежности к обществу и государству. Формирование у них основ патриотизма выступает не только воспитательной, но и важнейшей коррекционной и ресоциализирующей задачей, способствующей преодолению социальной отчужденности, формированию позитивной гражданской идентичности и законопослушного поведения [1].

В соответствии с разделом III распоряжения Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголов-

но-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» исправление осужденных предполагает совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития [2].

В исправительном учреждении, где основной целью является реабилитация, воспитание чувства национальной гордости и долга может послужить мощным стимулом для изменения поведения. Это дает несовершеннолетним возможность восстановить связь с общественными нормами и ценностями, обеспечивая альтернативу зачастую разрушительному влиянию тюремной среды. Через призму патриотизма несовершеннолетние осужденные могут узнать о своих обязанностях перед своей страной, своими семь-

ями и самими собой, что дает им возможность разорвать порочный круг преступности и реабилитироваться.

Этот подход подчёркивает необходимость сосредоточиться на позитивных мероприятиях и инициативах по формированию идентичности, делая патриотическое воспитание не просто теоретической концепцией, а реальным инструментом для воспитания уважения, дисциплины и социальной реинтеграции [3].

Однозначно стоит выделить основные направления патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных, требуется эффективная работа системного подхода, реализуемого через взаимосвязанные направления.

В таблице представлены основные направления патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.

Направление	Основная цель	Ключевые методы и формы работы	Воспитательный потенциал
Историко-краеведческое. Формирование чувства сопричастности к истории России и "малой Родины", понимания единства судьбы личности и Отечества.	Формирование чувства сопричастности к истории России и "малой Родины", понимания единства судьбы личности и Отечества.	Изучение истории России, родного края. Встречи с ветеранами, историками, краеведами. Виртуальные экскурсии по музеям/историческим местам. Просмотр/обсуждение исторических фильмов. Исследовательские проекты (история семьи в контексте страны). Празднование Дней воинской славы	Формирование исторической памяти, гордости за страну, преодоление чувства отчужденности, связь поколений.
Культурно-нравственное	Приобщение к национальной культуре, языку, традициям, духовным ценностям; воспитание уважения к культурному наследию и многонациональному составу России.	Изучение русской/мировой классической литературы. Знакомство с фольклором, народными ремеслами. Организация театральных постановок, литературных вечеров. Фестивали культур народов России. Дискуссии на темы морали, нравственности, толерантности. Занятия декоративно-прикладным искусством.	Развитие духовности, нравственных ориентиров, толерантности, эстетического вкуса, уважения к культурному многообразию.
Гражданско-правовое	Формирование правовой культуры, понимания прав и обязанностей гражданина РФ, уважения к гос. символам и институтам; осознание личной ответственности перед обществом.	Изучение Конституции РФ, основ законодательства. Беседы о гос. устройстве, правах человека. Церемонии с гос. символикой (флаг, гимн). Встречи с представителями власти/правоохранительных органов (позитивные примеры). Моделирование гражданских процедур (выборы советов отрядов). Проекты социальной направленности (помощь ветеранам в колонии, заочное волонтерство).	Формирование правосознания, законопослушания, гражданской ответственности, уважения к государству, преодоление неправовагонизма.
Военно-патриотическое	Воспитание уважения к защитникам Отечества, готовности к выполнению гражданского долга; формирование волевых качеств, дисциплины	Уроки мужества. Изучение истории Вооруженных Сил РФ. Занятия по основам военной подготовки (в рамках ОБЖ/досуг). Спортивные соревнования, военно-патриотические игры. Вахты памяти.	Развитие патриотических чувств (защита Родины), формирование дисциплины, волевых качеств, физической выносливости, уважения к подвигу.

Трудовое	Формирование уважения к труду как основе благосостояния личности и страны; развитие профессиональных навыков для будущей жизни.	Организация общественно-полезного труда (благоустройство территории, ремонт). Профессиональное обучение. Мотивация к качественному труду. Связь трудовой деятельности с идеей созидания и пользы для коллектива/общества.	Воспитание трудолюбия, ответственности, уважения к труду, формирование профессиональных компетенций, осознание роли труда в развитии страны.

Таким образом в таблице показано, что направления не изолированы, а тесно переплетены и реализуются комплексно. Например, трудовое направление связано с гражданским (ответственность перед обществом), а историко-краеведческое – с культурно-нравственным. Все направления реализуются с опорой на принципы: гуманизма (уважение личности), системности (непрерывность, интеграция в жизнь колонии), дифференциации (учет индивидуальных особенностей), социальной ориентированности (связь с жизнью за пределами колонии), позитивной активности (вовлечение осужденных), интеграции (связь с другими видами воспитания и обучением). Все методы подбираются и адаптируются с учетом:

- ограниченности среды (использование виртуальных форм, приглашение гостей);
- психолого-педагогических особенностей и прошлого опыта несовершеннолетних осужденных;
- необходимости противостояния криминальной субкультуре;
- акцентируется внимание на практическую направленность и будущую ресоциализацию.

Патриотическое воспитание несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях представляет собой сложную, но социально значимую задачу. Оно является важнейшим инструментом коррекции личности, преодоления социальной дезадаптации и формирования основ для будущей успешной реинтеграции в общество [4].

Реализация комплексного подхода через выделенные направления (историко-краеведческое, культурно-нравственное, гражданско-правовое, военно-патриотическое, трудовое) с неукоснительным соблюдением принципов гуманизма, системности, дифференциации, социальной ориентированности, позитивной активности и интеграции позволяет сформировать у несовершеннолетних осужденных не абстрактное, а осознанное чувство патриотизма, базирующееся на уважении к истории, культуре, закону и труду, а также на позитивном видении своего будущего как гражданина России. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку и апробацию конкретных методик, оценку их эффективности и оптимизацию ресурсного обе-

спечения этого направления воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних.

Список литературы:

- [1] Зубкова Л.Г. Педагогические основы патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных: Дис. ... канд. пед. наук. - Рязань, 2005.
- [2] Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс».
- [3] Зорина Н.С. Значимость патриотического воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / Н. С. Зорина, Е. Г. Царькова // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2(201). – С. 465-466.
- [4] Соколова, Е. А. Финансовое просвещение как перспективное направление воспитательной работы с осужденными / Е. А. Соколова, Л. В. Павлова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. – Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», 2023. – С. 109-114.

Spisok literatury:

- [1] Zubkova L.G. Pedagogicheskie osnovy` patrioticheskogo vospitaniya nesovershennoletnix osuzhdenny`x: Dis. ... kand. ped. nauk. - Ryazan`, 2005.
- [2] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2021 g. № 1138-r «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy` RF na period do 2030 goda» // SPS «Konsul'tant Plyus».
- [3] Zorina N.S. Znachimost` patrioticheskogo vospitaniya nesovershennoletnix osuzhdenny`x v vospitatel'ny`x koloniyax / N. S. Zorina, E. G. Czar'kova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2025. – № 2(201). – S. 465-466.
- [4] Sokolova, E. A. Finansovoe prosveshhenie kak perspektivnoe napravlenie vospitatel'noj raboty` s osuzhdenny`mi / E. A. Sokolova, L. V. Pavlova // Nauchny`e trudy` FКУ NIИ FSIN Rossii: nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. – Moskva: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skij institut Federal'noj sluzhby` ispolneniya nakazaniy Rossijskoj Federacii, 2023. – S. 109-114.

СЕРГЕЕВ Вадим Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры огневой подготовки
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: sergeevvadim78@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДЖОГОВ РЕЛЕЙНЫХ ШКАФОВ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме раскрытия и расследования преступлений, связанных с поджогом релейных шкафов на железных дорогах России. Автором проанализированы отдельные элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида поджогов, включая типичные способы поджога (в том числе с использованием легковоспламеняющихся веществ), время совершения поджога, личность преступника, мотивы его действий и криминалистически значимые обстоятельства: время совершения поджога, способы маскировки, наличие видеозаписи, а также установление свидетелей и очевидцев преступления.

Автором уделено внимание особенностям проведения осмотра места происшествия, фиксации очага возгорания, изъятию образцов для сравнительного исследования с пепелища, поиску следов преступника, установлению расположения видеокамер и выемки видеозаписи.

В статье рассмотрены основные направления расследования на первоначальном этапе, а именно особенности осмотра места происшествия, назначения судебных экспертиз, в частности: пожарно-технических, экспертиз тканей и выделений человека (включающих в себя исследования ДНК, волос, запаховых следов), экспертиз материалов, веществ и изделий) и компьютерных экспертиз.

Ключевые слова: Поджог, релейные шкафы, железнодорожный транспорт, криминалистическая характеристика, методика расследования, пожарно-техническая экспертиза.

SERGEEV Vadim Viktorovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
deputy head of the department of fire training
of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin

PECULIARITIES OF THE INVESTIGATION OF ARSON ATTACKS ON RELAY CABINETS COMMITTED AT RAILWAY TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

Annotation. The article is devoted to the current problem of solving and investigating crimes related to the arson of relay cabinets on Russian railways. The author analyzed individual elements of the forensic characteristics of the type of arson in question, including typical methods of arson (including the use of flammable substances), the time of the arson, the identity of the offender, the motives for his actions and forensically significant circumstances: the time of the arson, methods of disguise, the presence of video recording, as well as the identification of witnesses and eyewitnesses of the crime.

The author pays attention to the peculiarities of conducting an inspection of the scene of the incident, recording the source of the fire, taking samples for comparative study from the ashes, searching for traces of the criminal, establishing the location of video cameras and removing video recordings.

The article examines the main areas of investigation at the initial stage, namely the features of the inspection of the scene of the incident, the appointment of forensic examinations, in particular: fire-technical, examination of human tissues and secretions (including DNA, hair, odor traces), examination of materials, substances and products) and computer examinations.

Key words: Arson, relay cabinets, railway transport, forensic characteristics, investigation methods, fire-technical examination.

В последнее время, с момента начала специальной военной операции, на территории Российской Федерации, участились случаи попыток и поджогов релейных шкафов на объектах железнодорожного транспорта.

К сожалению, сегодня реалии таковы, что недружественные страны помимо прямого вмешательства в конфликт предпринимают всяческие попытки для разрушения транспортной инфраструктуры государства, при этом стремятся изменить баланс мирной жизни россиян. Тем самым можно констатировать, что необъявленная «рельсовая война» только набирает обороты [1, с. 64].

Данный вид преступления представляет собой большую общественную опасность, так как может стать причиной крушения поездов, гибели людей и причинить материальный ущерб, как частным компаниям, так и государству.

В зависимости целей и мотивов совершения рассматриваемого вида преступлений, данные деяния могут квалифицироваться по ряду статей особенной части Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ).

В соответствии со статьёй 267 УК РФ, совершенное деяние можно квалифицировать как «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения». Релейный шкаф можно отнести к объекту, составляющему часть транспортной инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Если в результате данного деяния по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью человека, то действия преступника необходимо квалифицировать по части 4 статьи 267 УК РФ.

В случае причинения по неосторожности смерти человеку, действия преступника необходимо квалифицировать по части 5 статьи 267 УК РФ, если данные действия повлекли по неосторожности смерть двух и более лиц, по части 6 статьи 267 УК РФ.

В ходе расследования данного вида преступлений, в качестве обстоятельств подлежащих установлению выступают цели и мотивы содеянного. В этой связи может измениться квалификация преступления.

Если целью поджога релейного шкафа на железной дороге являлось подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны, данное деяние должно быть квалифицировано по статье 281 УК РФ – Диверсия.

Если целью поджога являлась дестабилизация деятельности органов государственной власти, либо воздействие на принятие ими каких-либо решений, то данные действия могут быть

квалифицированы по статье 205 УК РФ – террористический акт.

Одним из элементов криминалистической характеристики любого преступления является предмет преступного посягательства. В рассматриваемом нами преступлении таковым является релейный шкаф.

Релейный шкаф представляет из себя железный короб, который имеет две одностворчатые двери, содержит внутри большое количество различной аппаратуры, размещенной на амортизированном стативе и необходимой для безопасной работы железнодорожного транспорта. Несмотря на наличие запирающих устройств, релейный шкаф уязвим при поджоге, так как огнем легко повреждается находящаяся внутри аппаратура, что может вызвать неправильное функционирование реле и как следствие остановку поездов, возможные аварии, гибель людей и сбой в графике движения поездов на определенном участке железной дороги.

Рассмотрим отдельные элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений.

Способы совершения поджога. Поджог релейных шкафов, как правило, совершается с использованием легковоспламеняющихся веществ (например, бензин, спирт, жидкости для розжига и т.д.).

Как указывает автор, использование сложных смесевых композиций для совершения поджога косвенно указывает на осознанную предварительную подготовку к преступлению, а также ставят под сомнение нахождение лица, совершившего поджог, в состоянии психической неустойчивости [2, с. 398].

В качестве типичного места возникновения очага возгорания, обозначим сам релейный шкаф, который на момент поджога может иметь механические повреждения, сделанные с целью открытия запирающих устройств и нанесения по возможности больших повреждений аппаратуре, находящейся внутри.

По времени совершения. Рассматриваемый вид преступлений в 60 % случаях совершались в ночное и вечернее время (характерно для соучастия несовершеннолетних со взрослыми), в 40 % случаях – в дневное время [3, с. 64].

Обусловлено это режимом работы работников объекта транспортной железной инфраструктуры, их отсутствием поблизости, а также иных лиц, которые могут быть свидетелями и очевидцами данного преступления.

Личность поджигателя и мотивы. В качестве поджигателей могут выступать различные

категории граждан. Это могут быть граждане, совершающие поджоги за вознаграждение, либо лица которые были завербованы с использованием компрометирующей информации. Как правило, данные лица подбираются сотрудниками специальных служб иностранных государств с использованием сети интернет. При этом используются различные мессенджеры и популярные в молодежной среде платформы.

Преступниками с этой целью активно используются новейшие достижения научно-технического прогресса, технологии передачи информации и коммуникации, приемы социальной инженерии и иного психологического воздействия [4, с. 26].

Стоит согласиться с мнением автора в части того, что сотрудники специальных служб иностранных государств обращают особое внимание на своих бывших граждан, ныне проживающих на территории Российской Федерации, поскольку их легче склонить к совершению преступлений, в том числе посягающих на транспортную безопасность [5, с. 8].

Информация, необходимая для совершения преступления также предоставляется сотрудниками специальных служб иностранных государств, например: местонахождение релейных шкафов, режим работы железной дороги и работников транспортной инфраструктуры, графики обхода железнодорожных путей, пути подхода и отхода к месту происшествия и т.д.

Кроме того, поджоги могут совершать лица, которые руководствовались политическими мотивами, не согласные с проводимой в России политикой, а также иностранные граждане, прибывшие в Россию под различными предлогами.

К криминалистически значимым обстоятельствам совершения поджогов релейных шкафов на железнодорожном транспорте необходимо отнести:

- Время поджога. Как указывалось нами выше, поджоги совершаются преимущественно в ночное время, когда отсутствуют свидетели и очевидцы.
- Способы маскировки. Необходимо установить пытался ли преступник скрыть свою внешность, отвлечь внимание, уничтожить следы преступления и т.д.
- Наличие видеозаписи, а также установление свидетелей и очевидцев преступления.

На первоначальном этапе расследования огромное значение имеет осмотр места поджога релейного шкафа. Различного рода следы, обнаруженные, зафиксированные и изъятые с места происшествия составляют основу доказательственной базы по расследуемому преступлению и определяют дальнейшее направление расследования.

При осмотре места происшествия следователю необходимо уделять внимание:

- фиксации очага возгорания (как правило, это сам релейный шкаф);
- изъятию образцов для сравнительного исследования с пепелища (отбор проб для химического анализа);
- поиску следов преступника (следов рук, обуви, ДНК);
- установлению расположения видеокамер и выемки видеозаписи.

При задержании лица, совершившего поджог необходимо произвести выемку его телефона или компьютера с целью получения информации о его контактах с сотрудниками западных специальных служб, мотивах содеянного и о полученном вознаграждении за совершенное преступление. Данные, так называемые «электронные (цифровые) следы преступления остаются на запоминающих устройствах телефона и компьютера лица, подозреваемого в совершении преступления. В этой связи огромное внимание необходимо уделять следователю на правильность изъятия и направления на исследование упомянутых выше устройств.

Таким образом, знание криминалистической характеристики поджогов позволяет следователю составить детальный план расследования, с учетом способа его совершения и личности преступника. Особое значение имеют данные, полученные при проведении различных видов судебных экспертиз, таких как: пожарно-технических, экспертиз тканей и выделений человека (включающих в себя исследования ДНК, волос, запаховых следов), экспертиз материалов, веществ и изделий) и компьютерных экспертиз.

Список литературы:

- [1] Мангасаров, Р.А., Бурцев А.О. Современное состояние противодействия противоправным деяниям, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Самарского юридического института. - 2025. - №2 (63). - С.63-69.
- [2] Александрой В.И., Беляк А.Л., Удилов Т.В. Исследование смесевых композиций как инициаторов горения при расследовании криминальных пожаров // Аграрное и земельное право. - 2025. - №4. - С. 397-400.
- [3] Милованова М.М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. - 2024. - №2. - С.60-67.
- [4] Головин А.Ю., Акиев А.Р., Головина Е.В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних

в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. - 2024. - №2 (76). - С.24-30.

[5] Безручко Е.В. Диверсии в отношении железнодорожной транспортной инфраструктуры как посягательства на государственную безопасность Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2024. № 3. - С. 5-13.

[6] Балашов Д.Н. Криминалистика : учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : ИНФРА-М, - 2025. - 449 с.

Spisok literatury:

[1] Mangasarov, R.A., Burcev A.O. Sovremennoe sostojanie protivodejstvija protivopravnym dejanijam, svjazannym s povrezhdeniem ustrojstv signalizacii, centralizacii i blokirovki na ob#ektah zheleznodorozhnogo transporta/ // Vestnik Samar-skogo juridicheskogo instituta. - 2025. - №2 (63). - S.63-69.

[2] Aleksandroj V.I., Beljak A.L., Udilov T.V. Issledovanie smesevyh kompozicij kak iniciatorov

gorenija pri rassledovanii kriminal'nyh pozharov // Agrarnoe i zemel'noe pravo.- 2025. - №4. - S. 397-400.

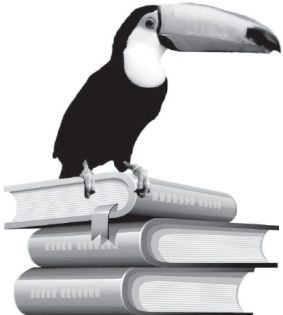
[3] Milovanova M.M. Osobennosti ustanovlenija obstojatel'stv, podlezhashhih dokazyvaniju v processe rassledovanija diversij na zheleznodorozhnyh ob#ektah, sovershennyh nesovershennoletnimi // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. - 2024. - №2. - S.60-67.

[4] Golovin A.Ju., Akiev A.R., Golovina E.V. Distancionnoe vovlechenie nesovershennoletnih v prestupnuju dejatel'nost' kak ob#ekt kriminalisticheskogo issledovanija // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. - 2024. - №2 (76). - S.24-30.

[5] Bezruchko E.V. Diversii v otnoshenii zheleznodorozhnoj transportnoj infrastruktury kak posjagatel'stva na gosudarstvennuju bezopasnost' Rossijskoj Federacii // Sibirske ugovovno-proces-sual'nye i kriminalisticheskie chtenija. - 2024. - № 3.- S. 5-13.

[6] Balashov D.N. Kriminalistika : uchebnik / D.N. Balashov, N.M. Balashov, S.V. Malikov. - 3-e izd., pererab. i dop. - Moskva : INFRA-M, - 2025. - 449 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: student26042004@mail.ru

МАГОМЕДОВА Аминат Арзулумовна,
магистрант Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОГРАНИЧЕНИЕМ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ некоторых следственных действий, связанных с ограничением в той или иной степени конституционных прав и свобод личности. В статье обосновывается необходимость урегулирования порядка судебного санкционирования в целях обеспечения надлежащего процесса доказывания при соблюдении прав и свобод личности.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, конституционное право, следственное действие, обязанность государства, доказательства, санкционирование.

RADZHABOV Shamil Radzhabovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law and Procedure North Caucasus Institute (branch)
All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice)

MAGOMEDOVA Aminat Arzulumovna,
Master's student of the North Caucasus Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

SOME FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO THE RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL

Annotation. This article analyzes some investigative actions related to the restriction of individual constitutional rights and freedoms to varying degrees. The article substantiates the need to regulate the procedure for judicial authorization in order to ensure a proper evidentiary process while respecting individual rights and freedoms.

Key words: investigator, inquirer, constitutional law, investigative action, duty of the state, evidence, authorization.

Ключевое место в ходе расследования уголовного дела занимают следственные действия. В настоящее время следственные действия являются наиболее приоритетным и распространенным способом собирания и проверки доказательств. Особенность следственных

действий заключаются не только в процессуальной регламентации оснований, условий, правил их производства, а также фиксации результатов следственного действия в протоколах, но и предполагают активную организующую роль следователя или дознавателя [1, с.47].

Охрана законных прав и свобод человека и гражданина – прямая обязанность Российского государства. Между тем, в уголовном судопроизводстве данная обязанность возложена на государственные органы и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

В действующей Конституции Российской Федерации прямо и неукоснительно закреплено положение, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это прямая обязанность государства.

Следственные мероприятия влекут за собой временное ограничение конституционных прав и свобод отдельных граждан, что подчеркивает важность надлежащего порядка и тактики их проведения. Эти аспекты могут находиться под бдительным контролем со стороны прокуроров и судебной системы. Впрочем, по мнению законодателя, наиболее значительные ограничения прав и свобод возникают только в ходе осуществления определенных следственных действий [3].

Но в то же время важно отметить, что особенность ограничения конституционных прав и свобод любого гражданина всегда должно быть соразмерна другим существующим конституционным ценностям и прежде всего отвечать целям, предусмотренным в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. И только после этого можно говорить о реальном функционировании института гарантии соблюдения и защиты прав и свобод каждого гражданина на территории Российской Федерации.

Законодатель определил перечень следственных действий, которые должны проводиться только с согласия суда, установив время для рассмотрения ходатайства следователя.

Как утверждают Смирнова А. О., Фалько О. Р., «отличие судебной проверки от судебного санкционирования состоит в перечне процессуальных действий, в отношении которых они производятся. Так, судебный контроль осуществляется за осмотром жилища, обыском и выемкой в жилище, личным обыском, а также выемкой вещи, сданной в ломбард. В сферу судебной проверки, кроме вышеуказанных действий, входят также наложение ареста на имущество» [6].

В этом контексте статья 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выделяет конкретные полномочия суда, касающиеся принятия решений по следующим вопросам:

- проведение осмотра жилья без согласия зарегистрированных в нем лиц;
- осуществление обыска и изъятия предметов в рамках жилого помещения;
- изъятие заложенных или переданных на хранение в ломбард вещей;

- проведение личного обыска, за исключением некоторых сценариев;
- изъятие материалов и документов, содержащих государственную тайну или иную информацию, охраняемую законом;
- изъятие документов и предметов, содержащих данные о банковских вкладах и счетах граждан;
- наложение ареста на корреспонденцию с разрешением на ее проверку и изъятие в учреждениях связи;
- осуществление контроля за телефонными переговорами и их запись;
- получение информации о соединениях абонентов и анализ их устройств.

Таким образом, эти прецеденты подчеркивают важность соблюдения законности в ходе следственных действий, что позволяет гарантировать защиту прав граждан.

Обращаясь к порядку производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, сопряженному с необходимостью получения судебного решения, считаем необходимым выделить следующие его элементы (этапы):

1. Принятие субъектом расследования решения о производстве следственного действия.

Основанием для принятия такого решения, по мнению законодателя, должны быть достаточные данные, указывающие на необходимость и целесообразность производства конкретного следственного действия.

Разделяя точку зрения Л.И. Герасимовой, отметим, что «наличие достаточных данных свидетельствует скорее о мотивировке, чем об обоснованности принятия процессуального решения о проведении конкретного следственного действия» [4]. Противоположный взгляд на данную категорию вступил бы в противоречие с природой доказательств как информации, определяющей возможность принятия важных решений.

В частности, при обосновании необходимости ограничения конституционных прав граждан следует учитывать принцип соразмерности, который предполагает, что вмешательство в права и свободы должно быть оправданным и пропорциональным преследуемой цели. Это означает, что процессуальное действие должно быть наименее обременительным для личности при достижении необходимого результата в расследовании уголовного дела.

Обоснование должно содержать анализ имеющихся в деле доказательств, указывающих на связь между лицом, в отношении которого планируется проведение процессуального действия, и совершением преступления. Необходимо четко установить, каким образом данное лицо

может располагать информацией, имеющей значение для дела, или иметь доступ к предметам и документам, которые могут служить доказательствами.

Следует также учитывать возможные последствия проведения процессуального действия для лица, в отношении которого оно осуществляется, и для других лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты. В обосновании необходимо отразить, какие меры будут приняты для минимизации негативных последствий и обеспечения соблюдения прав всех заинтересованных сторон. Наконец, обоснование должно быть представлено в письменной форме и содержать ссылки на конкретные материалы уголовного дела, подтверждающие изложенные доводы. Это позволит суду или иному уполномоченному органу оценить законность и обоснованность проведения процессуального действия и принять взвешенное решение. Отсутствие детализированного и убедительного обоснования может повлечь за собой признание процессуального действия незаконным и недопустимостью полученных в результате его проведения доказательств.

2. Вынесение следователем, дознавателем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве следственного действия, которое может повлечь ограничение конституционных прав граждан.

Действующая редакция УПК РФ не определяет в полной мере содержание данного постановления. В связи с этим мы считаем, что содержание и структуру постановления должны определять общие требования уголовно процессуального закона к указанному виду процессуальных документов, с обязательным указанием данных о личности, процессуальном положении лиц, права которых будут затронуты, а также иных участников производства следственного действия.

Кроме того, в постановлении требуется детально описывать порядок проведения следственного действия, включая указание на применяемые технические средства, методы и приемы, а также временные рамки и место проведения. Важно обеспечить соответствие планируемых действий требованиям законности, обоснованности и пропорциональности, чтобы избежать необоснованного нарушения прав и свобод граждан.

В целях обеспечения прозрачности и доступности информации для участников уголовного судопроизводства постановление о производстве следственного действия должно быть составлено ясным и понятным языком, исключая двусмысленность и возможность произвольного толкования. Следует избегать использования сложных юридических терминов и формулировок, а при необходимости давать им пояснения.

3. Получение согласия руководителя следственного органа (прокурора).

Действующее законодательство не содержит четких инструкций относительно процедуры и сроков получения одобрения от руководителя следственного органа или прокурора перед направлением в суд запроса на проведение следственного действия. Не определен и перечень документов, а также форма их представления для предварительной оценки обоснованности и законности принятого решения.

Имеющиеся по данному вопросу мнения касаются преимущественно порядка представления постановления и материалов уголовного дела непосредственно в суд, а не руководителю следственного органа или прокурору. Например, Д.О. Серебров, изучив практику поступления подобных ходатайств в районные суды, установил, что вместе с постановлением о возбуждении ходатайства предоставляются материалы, подтверждающие необходимость проведения следственного действия. Эти материалы включают копии соответствующих документов из уголовного дела, аргументирующие законность и обоснованность проведения конкретного следственного действия[5].

Имеющиеся по данному вопросу мнения касаются преимущественно порядка представления

Однако автор ограничивается лишь указанием на 24-часовой срок рассмотрения судом поступившего ходатайства и прилагаемых материалов. С нашей точки зрения, необходимо внести дополнения, предусматривающие немедленное рассмотрение ходатайства о проведении следственного действия, а также копий материалов уголовного дела, обосновывающих его, руководителем следственного органа или прокурором.

4. Направление материалов в суд.

Местом рассмотрения ходатайства следователя о проведении следственного действия, по общему правилу, является суд того района, где осуществляется производство расследования по уголовному делу (ч. 2 ст. 165 УПК РФ). Иными словами, руководствуясь правилами территориальной подсудности, следователю надлежит обратиться в районный суд по месту производства предварительного расследования, а при необходимости производства следственного действия на территории другого района закон допускает возможность обращения в суд по месту планируемого производства следственного действия. Обращение в суд другого района целесообразно в тех случаях, когда необходимо быстрое принятие решения о производстве следственного действия.

5. Судебное заседание.

При рассмотрении запроса следователя или дознавателя о проведении следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, судья обязан тщательно проанализировать предоставленные материалы. Необходимо оценить законность принятого решения о проведении следственного действия, релевантность и достоверность доказательств, представленных в обоснование запроса, а также убедительность аргументов, выдвинутых лицом, осуществляющим расследование [2].

Особое внимание уделяется оценке достаточности и допустимости представленных доказательств, обосновывающих необходимость проведения испрашиваемого следственного действия. Судья должен тщательно изучить материалы дела, чтобы убедиться в наличии разумных оснований полагать, что в результате проведения данного действия будут получены сведения, имеющие существенное значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

При этом необходимо учитывать, что следственное действие не должно быть направлено на получение информации, которая уже имеется в распоряжении следствия в достаточном объеме, либо на необоснованное вторжение в частную жизнь граждан. Судья должен убедиться, что испрашиваемое следственное действие является соразмерным преследуемой цели и не нарушает конституционные права и свободы человека и гражданина.

В случае, если ходатайство содержит просьбу о проведении следственного действия, связанного с ограничением конституционных прав граждан, таких как неприкосновенность жилища, тайна переписки или телефонных переговоров, судья обязан проверить наличие исключительных обстоятельств, оправдывающих такое ограничение. В частности, необходимо установить, что иными способами невозможно получить необходимые сведения, имеющие значение для расследования уголовного дела.

При рассмотрении ходатайства судья также учитывает мнение сторон, участвующих в судебном заседании. Следователь или дознаватель обосновывает необходимость проведения следственного действия, а подозреваемый, обвиняемый, их защитники, а также иные заинтересованные лица вправе представить свои возражения и доводы относительно обоснованности ходатайства. Судья обязан всесторонне и объективно оценить представленные аргументы и принять законное и обоснованное решение.

6. Вынесение судебного решения.

Рассмотрев ходатайство следователя о проведении следственного мероприятия, судья

принимает одно из двух решений: разрешает проведение следственного действия или отказывает в удовлетворении ходатайства, обосновывая причины отказа в мотивировочной части постановления (ч. 4 ст. 165 УПК РФ). Важно отметить, что в отличие от процедуры судебного контроля при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, статья 165 УПК РФ не предусматривает возможности апелляционного или кассационного обжалования данного решения судьи стороной обвинения, что делает его окончательным. Повторное обращение в суд с аналогичным ходатайством возможно лишь при возникновении новых обстоятельств, подтверждающих необходимость проведения следственного действия.

После вынесения судом постановления о разрешении проведения следственного действия следователь или дознаватель незамедлительно приступают к его исполнению. Особого внимания требует проведение следственных действий в ситуациях, не допускающих отлагательств. В исключительных случаях, когда промедление может привести к утрате доказательств или иным негативным последствиям, отдельные следственные действия, предусмотренные законом, могут быть проведены на основании решения следователя или дознавателя без предварительного судебного разрешения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон не содержит определения понятия «исключительный случай». В юридической литературе предлагается понимать под ним «исключительную ситуацию», которая характеризуется как процессуальная обстановка, допускающая отступление от общего порядка проведения процессуальных, включая следственные, действий в случаях и условиях, предусмотренных нормами УПК РФ, с целью обеспечения реализации задач уголовного судопроизводства.

В подобных ситуациях после проведения следственного действия, следователь обязан в установленный законом срок уведомить судью и прокурора о его проведении, приложив копии постановления о проведении следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств, и протокол следственного действия. Судья, изучив представленные документы, выносит постановление о законности или незаконности проведенного следственного действия. В отличие от общего порядка, при рассмотрении сообщения следователя или дознавателя о проведении следственного действия без судебного решения, в судебном заседании могут участвовать лица, чьи конституционные права были ограничены в результате данного следственного действия, а также их представители и защитники.

Принятие судом решений о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан способно оказать эффективную и гарантированную помощь правоприменителям при реализации превентивного предварительного и статутного последующего судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и граждан.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне недостаточно урегулирован вопрос порядка и производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Необходимо также закрепить четкую тактику и процедуру разрешения ходатайства следователя перед судом о производстве следственных действий, сопряженных с ограничением конституционной свободы личности. Давая непосредственно разрешение на производство и проведение указанных выше следственных действий, суд препятствует возможным злоупотреблениям и нарушениям конституционных прав и свобод личности в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Также полагаем, что судебное санкционирование производства следственных и процессуальных действий должно проводиться с участием следователя или дознавателя, возможно также участие и прокурора, но ходатайство следует согласовывать с прокурором.

Список литературы:

[1] Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): науч.- практ. пособие. М., 2003.

[2] Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Н. Новгород, 2005.

[3] Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: Автореф. дисс.: канд. юрид. наук./ Г.З. Адигамова / - Челябинск, 2004. – 56 с.

[4] Герасимова Л.И. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий // Адвокат. № 1. 2005.

[5] Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Н. Новгород, 2005.

[6] Смирнова А.О., Фалько О.Р. Некоторые проблемные аспекты судебной проверки законности следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 1 (52). С. 331–334.

Spisok literatury:

[1] Solov'ev A.B. Dokazyvanie po Ugolovno processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (dosudebny'e stadii): nauch.- prakt. posobie. M., 2003.

[2] Serebrov D.O. Sudebny'j kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu proizvodstva sledstvenny'x dejstvij, ogranichivayushhix konstitucionny'e prava i svobody` lichnosti. N. Novgorod, 2005.

[3] Sledstvenny'e dejstviya, provodimy'e po sudebnomu resheniyu i s sankcii prokurora: Avtoref. diss.: kand. yurid. nauk./ G.Z. Adigamova / - Chelyabinsk, 2004. – 56 s.

[4] Gerasimova L.I. Realizaciya principa neprikosновенности zhilishha pri proizvodstve sledstvenny'x dejstvij // Advokat. № 1. 2005.

[5] Serebrov D.O. Sudebny'j kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu proizvodstva sledstvenny'x dejstvij, ogranichivayushhix konstitucionny'e prava i svobody` lichnosti. N. Novgorod, 2005.

[6] Smirnova A.O., Fal'ko O.R. Nekotory'e problemny'e aspekty` sudebnoj proverki zakonnosti sledstvenny'x dejstvij, svyazanny'x s ogranicheniem konstitucionny'x prav grazhdan // Alleya nauki. 2021. Т. 1. № 1 (52). С. 331–334.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ В ВОПРОСАХ ОБУЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕТОДОВ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Аннотация. Материалы публикации посвящены актуальному для всего общества и для пенитенциарной системы, в частности, вопросу компетентности пенитенциарных психологов в направлении обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции.

Содержание статьи направлено на определение основных содержательных характеристик компетентности пенитенциарных психологов в вопросах обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции. Очевидно, что неспособность и невозможность в условиях принудительной изоляции противостоять материальным лишениям, ограничениям в удовлетворении сексуальных и других жизненно важных потребностей, разрыву устоявшихся социальных связей, постоянным и сильным воздействиям на индивида со стороны асоциально настроенных лиц, часто занимающих ведущее положение в условиях лишения свободы, вызывает у человека высокое психическое напряжение, которое в дальнейшем приводит к изменениям во всех структурах личности.

Указанное выше, а также то, что в такой ситуации, когда осужденному практически невозможно одновременно находиться в гневе и быть спокойным, в качестве одной из первых форм психологического вмешательства рекомендуется сосредоточение на снижении уровня физического возбуждения. Тем не менее, для сосредоточения на снижении уровня физического возбуждения осужденные должны владеть методами психической саморегуляции, что обуславливает необходимость их обучения этому.

Прежде всего, пенитенциарные психологи должны быть компетентны в таком направлении обучения осужденных способам (методам) психической саморегуляции как дыхательные техники и техники мышечного расслабления. Дыхание и состояние мышц, – это, своего рода, «мостик» из сознания в подсознание, связка между произвольным и непроизвольным. Все системы в организме взаимосвязаны, и если мы контролируем дыхание, то с его помощью можем расслаблять мышцы (релаксация). Расслабляем мышцы – значит расслабляем нервную систему, то есть, реализуем процесс торможения в периферической нервной системе. Процесс торможения передается (индуцируется) в головной мозг, охватывает кору головного мозга, и она тормозится.

В материалах публикации определяется, что применение методов психической саморегуляции, в рамках используемой рационально-эмотивной терапии, показало, что осужденные – участники группы, активны при проведении обучающих встреч в дискуссионной форме. Такая практика работы позволяет осужденным приобрести практический и теоретический навык решения конфликтных и иных жизненных ситуаций, которые провоцируют негативные переживания.

Основные содержательные аспекты компетентности пенитенциарных психологов в направлении обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции в местах лишения свободы раскрываются в материалах этой статьи.

Ключевые слова: организация, обучение осужденных, компетентность, пенитенциарные психологи, психическая саморегуляция, методы саморегуляции, психотехники, методики.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FКУ Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of psychological sciences

COMPETENCE OF PENITENTIARY PSYCHOLOGISTS IN MATTERS OF TEACHING CONVICTS TO USE METHODS OF MENTAL SELF-REGULATION

Annotation. *The publication materials are devoted to the issue of competence of penitentiary psychologists in the direction of teaching convicts to use methods of mental self-regulation, which is relevant for the whole society and for the penitentiary system in particular.*

The content of the article is aimed at defining the main substantive characteristics of the competence of penitentiary psychologists in matters of teaching convicts to use methods of mental self-regulation. It is obvious that the inability and impossibility in conditions of forced isolation to resist material deprivations, restrictions in satisfying sexual and other vital needs, the rupture of established social ties, constant and strong influences on the individual from antisocially minded persons who often occupy a leading position in conditions of deprivation of liberty, causes high mental stress in a person, which subsequently leads to changes in all personality structures.

The above, as well as the fact that in such a situation, when it is almost impossible for a convict to be angry and calm at the same time, focusing on reducing the level of physical arousal is recommended as one of the first forms of psychological intervention. However, in order to focus on reducing the level of physical arousal, convicts must master the methods of mental self-regulation, which necessitates their training in this.

First of all, penitentiary psychologists must be competent in such a direction of training convicts in the methods (techniques) of mental self-regulation as breathing techniques and muscle relaxation techniques. Breathing and muscle condition are a kind of "bridge" from consciousness to the subconscious, a link between the voluntary and involuntary. All systems in the body are interconnected, and if we control breathing, then with its help we can relax muscles (relaxation). We relax muscles - it means we relax the nervous system, that is, we implement the process of inhibition in the peripheral nervous system. The process of inhibition is transmitted (induced) to the brain, covers the cerebral cortex, and it is inhibited. The publication materials determine that the use of methods of mental self-regulation, within the framework of the rational-emotive therapy used, showed that the convicts - group members, are active during educational meetings in a discussion form. Such work practice allows convicts to acquire practical and theoretical skills in resolving conflict and other life situations that provoke negative experiences. The main substantive aspects of the competence of penitentiary psychologists in the direction of teaching convicts to use methods of mental self-regulation in places of deprivation of liberty are disclosed in the materials of this article.

Key words: *organization, training of convicts, competence, penitentiary psychologists, mental self-regulation, methods of self-regulation, psychotechnics, techniques.*

Введение. Очевидно, что в условиях социальной депривации, когда человек лишен свободы, он находится под постоянным воздействием стрессогенных факторов: материальные лишения, ограничения в удовлетворении сексуальных и других жизненно важных потребностей, разрыв устоявшихся социальных связей, постоянные и сильные воздействия на индивида со стороны асоциально настроенных лиц, часто занимающих ведущее положение в условиях лишения свободы и т.д. [5, с. 103]. Неспособность и невозможность в условиях принудительной изоляции противостоять данным факторам вызывает у человека высокое психическое напряжение, которое в дальнейшем приводит к изменениям во всех структурах личности [3, с. 30].

В этой ситуации, учитывая, что практически невозможно одновременно находиться в гневе и быть спокойным, в качестве одной из первых

форм психологического вмешательства рекомендуется сосредоточение на снижении уровня физического возбуждения.

Цель статьи – определение содержательных характеристик компетентности пенитенциарных психологов в вопросах обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции.

Использованные в исследовании методы: на момент определения и раскрытия основных характеристик компетентности пенитенциарных психологов в вопросах обучения осужденных использованию методов психической саморегуляции в местах лишения свободы применялись такие методы, как: метод анализа литературных источников, посвященных организации обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции; метод изучения теоретико-методических источников, рас-

крывающих проблемный вопрос организации обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции.

Результаты исследования. Категория «психическая саморегуляция» (от лат. *regulare* – порядок, приводить в порядок) определяется как «самостоятельное целенаправленное и сознательное изменение субъектом регуляторных механизмов своей психики, на основе использования ресурсов бессознательного уровня» [6, с. 110].

Одним из основных способов (методов) психической саморегуляции являются различные дыхательные техники [4, с. 63]. Известно, что дыхание и состояние мышц, – это, своего рода, «мостик» из сознания в подсознание, связка между произвольным и непроизвольным. Все системы в организме взаимосвязаны, и если мы контролируем дыхание, то с его помощью можем расслаблять мышцы (релаксация). Расслабляем мышцы – значит расслабляем нервную систему, то есть, реализуем процесс торможения в периферической нервной системе. Процесс торможения передается (индуцируется) в головной мозг, охватывает кору головного мозга, и она тормозится.

Еще одним из известных и эффективных способов (методов) психической саморегуляции является терапия притчей. Общеизвестно, что притча обуславливает проявление не директивного и активное формирование у клиента изменений в системе ценностей, динамичных стереотипов, поведенческих установок [1, с. 123].

В этом плане можно говорить, что сказка несет в себе «сообщение», «послание», аналогичное не директивному постгипнотическому внушению. Людям свойственно обмениваться историями. Обмен историями, как и обмен, жизненным опытом, естественная форма взаимодействия между людьми. Поэтому работа с притчей – естественная форма общения и передачи опыта, органическая система воспитания новых поколений, ведь знание испокон веков передавалось через притчи, истории, сказки, легенды, мифы.

Когда начинаешь рассматривать притчи с различных точек, на разных уровнях, оказывается, что подобные истории содержат информацию о динамике жизненных процессов.

Известно также, что содержание притчи более информативно, чем содержание обычной речи. Она применяется, чтобы наглядно, в образах и метафорах продемонстрировать осужденному возможные вариации разрешения различных проблемных жизненных ситуаций.

Притча не выдает свои положения за что-то более серьезное, чем символы, метафоры и ана-

логии. В этом плане притчи и сказки, которые сочиняют сами осужденные, дают и материал для анализа, и названия для индивидуально значимых понятий.

Работая с притчей необходимо делать акцент на: осознанности (понимании осужденным всего происходящего), множественности (возможность воспринимать одну и ту же ситуацию со множества сторон), связи этого материала с реальностью, то есть, проработать сказочный материал с позиции того, как эта информация будет использована в реальной жизни и в каких конкретно ситуациях.

Обсуждение. Схема размышления клиента над притчами и их обсуждение сводятся к следующему:

- понимание основных идей притчи (какой смысл, какой опыт хотел передать автор, о чем предупредить). Через это понимание передаются нравственные ценности, стили и взаимодействия с окружающими.
- приобретение знания о возможностях разрешения трудностей.

Отношение осужденного к себе и к миру вокруг. Важно при обсуждении развивать гибкий подход к созидательным и разрушительным тенденциям [2, с. 56]. Проявление базовой тенденции во многом зависит от конкретной ситуации в жизни, осознание того, какую эмоциональную реакцию вызывает у героя определенная ситуация и почему. Именно эта идея составляет ядро рационально-эмотивной терапии.

Поскольку притчи способствуют еще и активизации взгляда осужденного на сложную ситуацию, то перед обучением формуле рационально-эмотивной терапии необходимо провести работу с притчами. Притчи в программе «Управления гневом» должны быть подобраны в едином ключе, касающемся решаемой на группе проблематики.

Рассматриваемая в статье проблематика предполагает обучение контролю над гневом, а гнев является врожденной эмоцией, поэтому испытывают его абсолютно все, и осужденные отбывающие наказание за кражу, и за убийство. Сама ситуация социальной изоляции человека является фрустрирующей, поэтому вероятность возникновения гневных реакций возрастает практически у всех категорий осужденных.

Изучение нами различных направлений в исследовании феномена агрессии, позволило нам сделать ряд выводов. Так, гнев является фундаментальной эмоцией, эволюционной целью которой является мобилизация энергии человека. Одной из моделей поведения в гневе является агрессивная модель, выражающаяся в стремлении нанести вред и причинить ущерб другому.

Согласно различным психологическим теориям гневная агрессия – это явление инстинктивное, имеющее врожденные механизмы, выработанные в процессе эволюции человека. Формы, частота и сила проявления агрессивных тенденций не подвластны человеческой воле. Развитие агрессивности зависит от уровня социализации личности, усвоения социокультурных норм, воспитания.

Искусственное подавление агрессивных паттернов может привести к глубоким личностным нарушениям, выражающимся в депрессии, суицидальных настроениях, психосоматическим проявлениям.

Рационально-эмотивная терапия обучает, прежде всего, технологии профилактики агрессии, то есть используется подход через формирование терпимости, принятия людей, как несовершенных и склонных совершать ошибки, усиление стрессоустойчивости. Предпочтительным является такая форма работы психолога с осужденными, как групповая психокоррекция, которая оправдывает себя по ряду оснований. Действительно происходит больший охват нуждающихся в психокоррекции, в групповой работе выявляются многие личностные проблемы участников, что в дальнейшем позволяет психологу параллельно с работой в группе вести участников в индивидуальном консультировании. Именно в этом режиме работы у осужденных формируются навыки рефлексии, самоанализа, развивается понятийный аппарат мышления, увеличивается словарный запас, навыки логического рассуждения.

С нашей точки зрения, для определения особенностей личности осужденных необходимо изучать их личные дела, собрать данные по их социально-психологическому и криминологическому анамнезу. Данные мероприятия необходимо выполнять при проведении психодиагностического исследования, при апробации психокоррекционных технологий, чтобы оценивать эффективность проведенной работы по групповой динамике, активности участия, остаточных знаниях и навыках после тренинга, тем более, что до сих пор в мире нет разработанных и научно обоснованных критериев оценки эффективности психокоррекции и психотерапии, а имеющиеся, носят обобщенный характер и подвергаются сомнениям.

При проведении тренинговых занятий и индивидуальных консультаций психологи должны учитывать собранный социально-демографический анамнез, состав и жестокость преступления, показатели психодиагностической методики СМОЛ, а также выявленные акцентуации характера (гипертимную, демонстративную, возбужденную и застревающую).

Очень эффективны в использовании различные методы релаксации (медитация, дыхательные упражнения, мышечная релаксация, техники направленной визуализации). Психокоррекционные мероприятия показали, что их применение воспринимается осужденными с удовольствием. То же можно сказать и о внедрении в работу элементов сказкотерапии (притчетерапия).

Являясь ресурсом, притча, положительно влияет на:

- эмоциональный настрой каждого участника группы, на общую групповую динамику (данная форма работы приятна осужденным, они с удовольствием включаются в работу и выполняют все инструкции психолога);
- когнитивный компонент, поскольку влияет на мировоззрение, особенности мышления, включает рефлекссию, анализ, способность видеть необычные варианты решений различных жизненных ситуаций.

Заключение. В качестве выводов укажем ряд положений, определенных по итогам публикации. Так, применение рационально-эмотивной терапии показало, что осужденные – участники группы активны при проведении обучающих встреч в дискуссионной форме. Самая предпочтительная форма работы – это чередование групповой работы с информационными блоками по выбранному направлению, проведение самостоятельных работ. Это позволяет осужденным приобрести практический и теоретический навык решения конфликтных и иных жизненных ситуаций, которые провоцируют негативные переживания.

Применение тренинга «Управление гневом», возможно при работе с любой категорией осужденных как самостоятельно, так и в совокупности с другими тренинговыми программами, направленными на развитие адекватных навыков общения, не конфликтного поведения, личностного роста и т.д.

С нашей точки зрения наибольшую эффективность возможно получить при работе с характеризующимися положительно осужденными, которым свойственен больший самоконтроль, умение контролировать свои гневные реакции и адекватно общаться, что приведет к уменьшению конфликтов в среде осужденных.

Список литературы:

- [1] Дорожкин Е.М. Социально-педагогические тенденции непрерывного профессионального образования как контекста дополнительного профессионального образования взрослых [Текст] // Научные исследования в образовании. 2006. № 3. 73-81.

[2] Киселев С.Г. Государственная гражданская служба: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2017. – С.118.

[3] Кулакова С.В. Формирование профессиональных компетенций у сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоящих в резерве кадров на руководящую должность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2020-2-29-33.

[4] Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности. История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С 62-78.

[5] Реан А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. 416 с.

[6] Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ.- Ростов - на - Дону: Феникс, 2002.

Spisok literatury:

[1] Dorozhkin, E.M. Social'no-pedagogicheskie tendencii nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya kak konteksta dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya vzroslykh [Tekst] [Social and pedagogical trends in continuing professional education as a context additional professional education for adults] // Nauchnye issledovaniya v obrazovanii. [Scientific research in education] 2006. № 3. Pp. 73-81. [in Russ].

[2] Kiselev S.G. Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba: ucheb. posobie. [State civil service:

textbook. manual] - Moscow.:TK Velbi, Izd-vo Prospekt [TK Velby, Prospekt Publishing House,], 2017.- 118 p. [in Russ].

[3] Kulakova S.V. Formirovanie professional'nykh kompetenciy u sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii, sostoyashchih v rezerve kadrov na rukovodyashchuyu dolzhnost' [Formation of professional competencies among employees of the penitentiary system of the Russian Federation who are in the personnel reserve for leadership positions] // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie.[Penal system: law, economics, management.] – 2020. – № 2. – Pp. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2020-2-29-33. [in Russ].

[4] Morosanova V.I. Osoznannaya samoregulatsiya kak metaresurs preodoleniya razlichnykh situatsiy neopredelennosti. Istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya psikhologii v sisteme Rossijskoj Akademii nauk [Conscious self-regulation as a meta-resource for overcoming various situations of uncertainty. History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences]: Materialy Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu sozdaniya Instituta psikhologii RAN, 16–18 noyabrya 2022 g. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN» [Materials of the International Anniversary Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the creation of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 2022. P. 62-78. [in Russ].

[5] Rean A.A. Social'naya pedagogicheskaya psikhologiya [Social pedagogical psychology] /A.A. Rean, YA.L. Kolominskij. – SPb.: ZAO «Izdatel'stvo «Piter», [ZAO Publishing House “Peter”] 1999. 416 p. [in Russ].

[6] Shibutani T. Social'naya psikhologiya [Social psychology]: Per. s angl.- Rostov - na - Donu: Feniks [Rostov-on-Don: Phoenix], 2002. [in Russ].

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье представлен анализ современных исследований, посвященных формированию химических зависимостей в пенитенциарной среде. Рассматриваются ключевые биопсихосоциальные механизмы, включая нейробиологические аспекты (роль дофаминовой системы, эндогенных опиоидов, стрессовых реакций и генетической предрасположенности), психологические факторы (влияние когнитивных искажений, личностных черт, дефицита саморегуляции) и социокультурные детерминанты (тюремная субкультура, социально-экономическая уязвимость, семейные дисфункции и стигматизация). Особое внимание уделяется влиянию стресса, изоляции и ограниченного доступа к медицинской помощи в поддержании аддикций. Обосновывается актуальность биопсихосоциальной модели реабилитации, включающей медикаментозное лечение, когнитивно-поведенческую терапию и программы ресоциализации, а также необходимость постпенитенциарного сопровождения для снижения рецидивов. Полученные выводы имеют практическое значение для разработки эффективных профилактических стратегий и оптимизации работы пенитенциарных учреждений в контексте борьбы с зависимостями.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, пенитенциарная система, стресс, нейропластичность, когнитивные искажения, субкультура, реабилитация.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

BIOPSYCHOSOCIAL MECHANISMS OF ADDICTIVE BEHAVIOR DEVELOPMENT IN CONVICTS

Annotation. The article presents an analysis of modern studies devoted to the development of chemical dependencies in the penitentiary system. Key biopsychosocial mechanisms are considered, including neurobiological aspects (the role of the dopamine system, endogenous opioids, stress reactions and genetic predisposition), psychological factors (the influence of cognitive distortions, personality traits, self-regulation deficit) and sociocultural determinants (prison subculture, socioeconomic vulnerability, family dysfunction and stigmatization). Particular attention is paid to the influence of stress, isolation and limited access to medical care in maintaining addictions. The relevance of the biopsychosocial rehabilitation model, including drug treatment, cognitive-behavioral therapy and resocialization programs, as well as the need for post-penitentiary support to reduce relapses, is substantiated. The findings are of practical importance for the development of effective preventive strategies and optimization of the work of penitentiary institutions in the context of combating addictions.

Key words: addictive behavior, penitentiary system, stress, neuroplasticity, cognitive distortions, subculture, rehabilitation.

Введение. Химические зависимости представляют собой одну из наиболее острых и многогранных проблем, с которыми сталкивается пенитенциарная система, оказывая значительное

влияние как на индивидуальное здоровье осужденных, так и на эффективность их последующей ресоциализации. Международные исследования показывают, что доля осужденных, имею-

щих опыт употребления наркотиков до или во время заключения, варьируется от 40 до 70%, при этом до 80% освобожденных возвращаются к употреблению психоактивных веществ (ПАВ) в течение первого года после выхода из мест лишения свободы (МЛС) [1]. Согласно данным российских исследователей, около 18% лиц, отбывающих наказание, имеют диагностированные расстройства, связанные с употреблением ПАВ, что в 3-4 раза превышает показатели в общей популяции [2]. Такая тревожная динамика обусловлена сложным комплексом взаимосвязанных факторов, начиная от генетической предрасположенности и заканчивая специфическими особенностями пенитенциарной среды, что требует междисциплинарного анализа для разработки эффективных стратегий профилактики и лечения.

Целью данной статьи является синтез современных научных подходов к изучению химических зависимостей, охватывающий нейробиологические, психологические и социокультурные аспекты, и их применение в контексте пенитенциарной практики. Актуальность исследования определяется насущной необходимостью преодоления ограничений традиционных методов реабилитации, которые зачастую игнорируют комплексную биопсихосоциальную природу аддикций. Например, существующие программы редко учитывают значимость генетических факторов (наследуемость алкоголизма составляет 45-65%, никотиновой зависимости – 50-75%) или влияние стрессовых триггеров, таких как изоляция и насилие в МЛС [3].

Нейробиологические исследования убедительно показывают, что хроническое употребление ПАВ вызывает нейроадаптацию мозга, формируя устойчивые паттерны зависимости, которые значительно усугубляются в условиях тюремного заключения [4]. Психологические теории, включая бихевиоризм и концепцию рационального выбора, объясняют, почему осужденные продолжают употреблять вещества даже при осознании негативных последствий, указывая на ключевую роль когнитивной близорукости и отсутствие долгосрочных перспектив. Социокультурный подход, в свою очередь, раскрывает влияние антисоциального окружения, относительной доступности наркотиков в учреждениях и разрушения семейных связей, что фактически превращает МЛС в своеобразный «инкубатор» рецидивов [5].

Практическая значимость статьи заключается в обосновании необходимости внедрения биопсихосоциальной модели в пенитенциарную систему. Такой комплексный подход предполагает интеграцию медикаментозной терапии, когнитивно-поведенческих методов и программ

ресоциализации, направленных на восстановление социальных связей и трудовой интеграции. Реализация этих мер способна не только снизить уровень рецидивов, но и сократить экономические затраты государства на содержание осужденных. Таким образом, данная статья предлагает междисциплинарный взгляд на проблему зависимостей в пенитенциарной системе, объединяя теоретические концепции с практическими рекомендациями, что открывает новые возможности для реформирования уголовно-исполнительной политики.

Нейробиологические основы химических зависимостей в пенитенциарной среде. Хроническое употребление психоактивных веществ вызывает глубокие и устойчивые изменения в структуре и функциях мозга, что приобретает особую актуальность в условиях пенитенциарной системы, где доступ к адекватным реабилитационным ресурсам значительно ограничен. Нейробиологические механизмы зависимости формируются через сложное взаимодействие ПАВ с ключевыми нейрохимическими системами, в первую очередь, с дофаминовой системой вознаграждения и эндогенной опиоидной системой. ПАВ, включая опиаты, алкоголь и стимуляторы, прямо или косвенно усиливают высвобождение дофамина в вентральной тегментальной области (VTA) и прилежащем ядре (NAc), что создает ощущение эйфории и закрепляет поведение, направленное на повторное употребление [6]. В условиях МЛС, где стресс и депривация являются хроническими состояниями, гиперстимуляция этой системы приводит к ускоренному и более интенсивному формированию аддиктивных паттернов.

Эндогенные опиоиды, такие как эндорфины и энкефалины, а также экзогенные вещества, например, героин или фентанил, воздействуют на мю-рецепторы (μ), связанные с чувством удовольствия и снижением боли. Активация каппа-рецепторов (κ), напротив, вызывает дисфорию, что объясняет тяжесть абстинентного синдрома. У осужденных, многие из которых имеют в анамнезе полинаркоманию, дисбаланс в работе этих рецепторов усугубляет физическую зависимость и значительно повышает риск рецидивов [7].

Нейроадаптация и хронический стресс. В пенитенциарных условиях стресс становится одним из важнейших факторов, усиливающих зависимость. Постоянная изоляция, риск насилия и ощущение утраты контроля активируют гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось (HPA-axis), что приводит к повышенной секреции кортизола [8]. Кортизол, в свою очередь, увеличивает проницаемость гематоэнцефалического барьера, облегчая проникновение ПАВ в мозг.

Хронический стресс также снижает активность префронтальной коры, ответственной за самоконтроль и принятие решений, что ведет к импульсивному поведению. Повышенная активность миндалевидного тела, связанного с тревогой и страхом, делает употребление ПАВ способом «самолечения» и избегания негативных эмоциональных состояний [9].

Генетическая предрасположенность и эпигенетические изменения. Генетические факторы вносят существенный вклад в предрасположенность к зависимостям, объясняя 45-65% случаев алкоголизма и 50-75% никотиновой зависимости [3]. Исследования, в частности E. Nestler et al., показали, что полиморфизмы гена DRD2 (рецептор D2) и ANKK1 связаны со сниженной плотностью дофаминовых рецепторов, что увеличивает потребность в стимуляции. Ген OPRM1, кодирующий опиоидные рецепторы, влияет на восприимчивость к героину и алкоголю. Более того, эпигенетические изменения, такие как метилирование ДНК и модификации гистонов, происходящие под воздействием хронического стресса, могут изменять активность генов, регулирующих зависимость, тем самым усиливая уязвимость к ПАВ [10].

Влияние пенитенциарной среды на нейропластичность. Пенитенциарные условия значительно усиливают патологическую перестройку мозга. Сенсорная депривация, характерная для заключения, приводит к атрофии префронтальной коры, которая критически важна для самоконтроля и когнитивных функций. Например, одиночное заключение может вызывать снижение уровня окситоцина, что увеличивает тревожность и потребность в стимуляции. Социальная изоляция, распространенная в пенитенциарной среде, приводит к усилению чувствительности миндалевидного тела, делая употребление веществ формой эмоционального «бегства» и снижения дистресса [11].

Таким образом, химические зависимости у осужденных формируются под комплексным влиянием нейробиологических механизмов, включающих дисфункцию дофаминовой и опиоидной систем, активацию стрессовых осей и нейроадаптацию. В сочетании с генетической и эпигенетической предрасположенностью, а также деструктивным воздействием пенитенциарной среды (изоляция, депривация, насилие), эти факторы создают устойчивую физиологическую основу для развития и поддержания аддиктивного поведения.

Психологические механизмы химических зависимостей. Психологические аспекты химических зависимостей в условиях пенитенциарных учреждений представляют собой сложный ком-

плекс поведенческих, когнитивных и эмоциональных процессов, которые формируются и закрепляются под влиянием изоляции, хронического стресса и ограниченных возможностей для адаптации. Эти механизмы не только объясняют устойчивость аддикций, но и подчеркивают острую необходимость персонализированных и многомерных подходов к реабилитации.

Бихевиоризм: обусловленность и подкрепление. Опираясь на принципы классической и оперантной обусловленности, бихевиоризм раскрывает, как пенитенциарная среда активно способствует закреплению зависимого поведения. Классическая обусловленность формирует устойчивые ассоциации между нейтральными стимулами и употреблением ПАВ. Например, рутинные звуки, такие как закрывающиеся двери камеры, или определенное время суток, связанное с распределением пищи, могут стать сильными триггерами, провоцирующими тягу к веществам. Исследование Russell & Mehrabian показало, что у значительной части осужденных с зависимостью физиологические реакции (учащенное сердцебиение, потливость) возникают именно в ответ на такие «тюремные» стимулы [12].

Оперантное научение, в свою очередь, объясняет, как положительное и отрицательное подкрепление поддерживают аддиктивное поведение. Положительное подкрепление связано с эйфорией и временным облегчением стресса, тогда как отрицательное — с избеганием мучительного абстинентного синдрома. В условиях МЛС, где альтернативные источники удовлетворения (позитивное социальное взаимодействие, творчество, образование) крайне ограничены, ПАВ часто становятся единственным доступным способом получения немедленного вознаграждения. Это создает порочный цикл, где каждое употребление закрепляется как «решение» эмоциональных и физических страданий.

Теория личности: невротизм и психотизм. Личностные черты играют значительную роль в предрасположенности к зависимостям. Согласно модели Ганса Айзенка, два ключевых фактора значительно повышают риск аддиктивного поведения: высокий уровень невротизма, проявляющийся в эмоциональной нестабильности, тревожности и депрессии, и высокий психотизм, характеризующийся импульсивностью, агрессией и низкой эмпатией [13]. Эти черты усугубляются в условиях МЛС. Невротизм, проявляющийся в тревожности и эмоциональной лабильности, усиливается из-за хронического стресса, связанного с изоляцией и угрозой насилия. Психотизм, характеризующийся импульсивностью и склонностью к риску, приводит к частым конфликтам с

администрацией и сокамерниками, что, в свою очередь, увеличивает потребность в ПАВ как способе «снятия напряжения» или демонстрации статуса.

Теория рационального выбора: когнитивная близорукость. Теория рационального выбора предлагает альтернативный взгляд на зависимость, рассматривая употребление ПАВ как своего рода осознанный выбор в условиях ограниченных альтернатив. Ключевым понятием здесь является «когнитивная близорукость» — тенденция предпочитать краткосрочные выгоды долгосрочным последствиям [14]. В пенитенциарной системе этот феномен проявляется особенно ярко: осужденные, зачастую лишённые перспектив трудоустройства, восстановления семьи или социальной поддержки, фокусируются на сиюминутном облегчении страданий. Исследования показали, что значительная часть осуждённых воспринимают наркотики как единственный способ «пережить день», игнорируя долгосрочные риски, такие как продление срока или ухудшение здоровья. Этот выбор подкрепляется дисбалансом в оценке рисков: в условиях неопределённости (например, отсутствие четких планов после освобождения) ценность будущего снижается, а немедленное вознаграждение становится приоритетным.

Дефицит саморегуляции и когнитивные искажения. Современные когнитивные теории акцентируют внимание на нарушениях саморегуляции и иррациональных убеждениях, которые лежат в основе зависимого поведения. Саморегуляция, определяемая как способность управлять своими эмоциями, мыслями и действиями для достижения долгосрочных целей, у осуждённых часто оказывается ослабленной [15]. Это связано как с личностными особенностями (например, импульсивность при СДВГ), так и с деструктивными условиями среды: отсутствие распорядка, постоянная угроза насилия, ограничение доступа к образованию и развитию. Когнитивные искажения, такие как катастрофизация («я не выдержу без наркотиков») или сверхобобщение («все равно моя жизнь разрушена»), усиливают чувство безысходности и беспомощности. Эти паттерны мышления закрепляются в пенитенциарной среде, где негативный опыт значительно преобладает над позитивным.

Мотивационные факторы и внутренние конфликты. Мотивация к отказу от ПАВ у осуждённых часто сталкивается с серьёзными внутренними конфликтами. С одной стороны, страх перед последствиями употребления (новые наказания, ухудшение здоровья) может стимулировать желание измениться. С другой — отсутствие веры в собственные силы, стигматизация и давление со стороны среды подрывают эту мотивацию. Тео-

рия самодетерминации подчеркивает, что для устойчивых изменений необходимы три ключевых компонента: автономия (чувство контроля над своей жизнью), компетентность (уверенность в своих силах) и связанность (поддержка социума) [16]. В МЛС эти условия часто отсутствуют: осуждённые лишены автономии из-за жесткого распорядка, чувствуют себя некомпетентными из-за ограниченного доступа к образованию и навыкам, а социальные связи разрушаются из-за изоляции.

Таким образом, закрепление зависимого поведения в МЛС происходит через механизмы обусловленности и подкрепления, где невротизм и психотизм делают осуждённых более уязвимыми к употреблению ПАВ. Когнитивная близорукость приводит к принятию решений, основанных на краткосрочных выгодах, дефицит саморегуляции и когнитивные искажения способствуют устойчивости зависимости, а внутренние конфликты и неблагоприятные социальные факторы создают значительные барьеры для отказа от наркотиков.

Социокультурные аспекты химических зависимостей в пенитенциарной системе. Химические зависимости в условиях пенитенциарных учреждений невозможно полноценно понять вне широкого социокультурного контекста, который формирует уникальную среду для их возникновения, поддержания и воспроизводства. МЛС представляют собой своеобразный микрокосм, где пересекаются социальное неравенство, специфические субкультурные нормы, семейные дисфункции и системные пробелы, создавая идеальные условия для укоренения аддикций. Эти факторы не только усиливают индивидуальную уязвимость, но и формируют коллективные паттерны поведения, превращая употребление ПАВ в часть повседневной реальности осуждённых.

Тюремная субкультура: нормализация зависимостей. Тюремная субкультура, со своими негласными правилами, иерархиями и кодексом поведения, играет ключевую роль в распространении и нормализации употребления ПАВ. В условиях изоляции, депривации и жесткой стратификации употребление наркотиков или алкоголя часто становится способом интеграции в определенные группы, демонстрации лояльности, снижения социальной напряженности или даже средством получения статуса. В некоторых регионах до 70% осуждённых впервые пробуют наркотики именно в МЛС, что свидетельствует о глубокой укорененности употребления веществ в тюремной повседневности [1]. Наркотики могут служить валютой, способом снятия стресса или средством поддержания определенной иерархии внутри групп, что делает их неотъемлемой частью тюремного взаимодействия.

Социально-экономические факторы: бедность как катализатор. Значительная часть осужденных, страдающих зависимостями, происходит из маргинализированных слоев общества. Согласно исследованию Galea et al., большинство осужденных с наркоманией выросли в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, и многие не закончили среднюю школу. Бедность не только ограничивает доступ к образованию, легальным способам заработка и медицинским услугам, но и формирует установку на краткосрочное планирование, где выживание преобладает над долгосрочными целями [17]. В МЛС эта установка усиливается: отсутствие перспектив трудоустройства после освобождения, хроническая стигматизация и ограниченные возможности для самореализации подталкивают к поиску мгновенного облегчения через ПАВ [18]. Отсутствие надежды на лучшее будущее способствует укоренению пассивной позиции и поиску быстрых, но деструктивных решений.

Семья и межпоколенческая передача. Семейный анамнез зависимостей является одним из ключевых факторов риска. Дети, выросшие в семьях, где употребление ПАВ было нормой, в несколько раз чаще становятся зависимыми во взрослом возрасте [19]. В МЛС эти паттерны зачастую воспроизводятся: осужденные, чьи родители страдали алкоголизмом или наркоманией, чаще вовлекаются в тюремный оборот наркотиков. Межпоколенческая передача усугубляется распадом социальных связей. Изоляция от семьи и друзей лишает осужденных эмоциональной поддержки и стабильности, а ограниченные возможности для посещения и переписки усиливают чувство одиночества и отчуждения. Это провоцирует поиск «суррогатной» семьи в лице сокамерников, где употребление ПАВ становится ритуалом сплочения и принадлежности. Например, в некоторых МЛС групповое употребление наркотиков используется для укрепления доверия внутри неформальных объединений.

Культурные различия и глобальные тенденции. Социокультурные факторы зависимости могут варьироваться в зависимости от региональных особенностей. В странах СНГ, где традиционно высок уровень потребления крепкого алкоголя, в МЛС доминирует самогонование, тогда как в латиноамериканских странах — оборот кокаина и синтетических наркотиков. Однако глобализация тюремной субкультуры постепенно стирает эти различия. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, значительная часть тюрем мира сталкивается с распространением синтетических каннабиноидов («спайсов»), которые отличаются дешевизной, простотой транспортировки и трудностью обнаружения [20].

Роль государства и общественного восприятия. Государственная политика играет двойственную роль в контексте химических зависимостей в пенитенциарной системе. С одной стороны, ужесточение контроля за оборотом наркотиков и активная борьба с их проникновением в учреждения могут сократить их доступность. С другой — криминализация самого употребления ПАВ усиливает стигму, заставляя осужденных скрывать проблему и избегать обращения за помощью. Например, «Война с наркотиками» в США привела к массовым осуждениям, но не снизила общего уровня зависимостей [21]. Данные показывают, что значительная часть освобожденных с наркотической зависимостью возвращаются к употреблению в первый год после выхода, что подчеркивает неэффективность исключительно репрессивных мер [22].

Общественное восприятие также оказывает существенное влияние на процесс реабилитации. Осужденные с зависимостями часто сталкиваются с двойной стигмой: как «преступники» и «наркоманы». Это значительно ограничивает их шансы на трудоустройство, восстановление социальных связей и полноценную реинтеграцию в общество [23]. Исследования показывают, что значительная часть общества не готова принять бывшего осужденного с зависимостью в свой круг общения, что дополнительно подталкивает к рецидивам и маргинализации [24].

Заключение. Химические зависимости в пенитенциарной системе представляют собой многофакторный и глубоко укорененный феномен, чьи корни лежат в сложном взаимодействии биологических, психологических и социальных факторов. Нейробиологические исследования убедительно демонстрируют, что генетическая предрасположенность в сочетании с хроническим стрессом и патологической нейроадаптацией мозга формирует устойчивую физиологическую основу для аддикций. Тюремная среда, характеризующаяся изоляцией, насилием, сенсорной депривацией и, зачастую, доступностью ПАВ, усугубляет эти процессы, превращая зависимость в своего рода механизм выживания или адаптации к невыносимым условиям.

Психологические механизмы, такие как обусловленность и подкрепление, дефицит саморегуляции, когнитивные искажения и определенные личностные черты (невротизм, психотизм), способствуют закреплению аддиктивного поведения, побуждая осужденных к поиску немедленного облегчения вместо долгосрочных решений. Социокультурные факторы, включая тюремную субкультуру с ее негласными правилами, социально-экономическую уязвимость, дисфункциональные семейные паттерны и стигматизацию,

создают благоприятную почву для распространения зависимостей и препятствуют эффективной ресоциализации.

Для решения проблемы зависимостей в пенитенциарных условиях требуется кардинальный сдвиг в подходах, признающий их системный характер, а не просто проявление индивидуальной слабости осужденного [25]. Зачастую пенитенциарное учреждение, вместо того чтобы быть местом исправления, усиливает социальное неравенство и стигму, становясь своего рода «инкубатором» рецидивов. Преодоление этого кризиса возможно только через пересмотр уголовно-исполнительной политики в сторону научно обоснованных подходов, базирующихся на глубоком понимании биопсихосоциальной природы зависимостей.

Практические шаги к решению проблемы зависимостей в пенитенциарных условиях включают активное внедрение биопсихосоциальной модели в терапию, что подразумевает интеграцию генетического скрининга, когнитивно-поведенческой терапии и комплексных программ ресоциализации. Необходима гуманизация пенитенциарной среды, достигаемая за счет сокращения перенаселенности МЛС, создания «зон безопасности», эффективной борьбы с внутритюремным насилием и контрабандой ПАВ. Важное значение имеет внедрение образовательных программ и трудотерапии для восстановления навыков саморегуляции, формирования новых жизненных компетенций и повышения самооценки. Кроме того, крайне важны поддержка семей и полноценное постпенитенциарное сопровождение, включающее вовлечение родственников в процесс реабилитации через совместные тренинги, помощь в трудоустройстве и социальной адаптации после освобождения [26-28]. Применение международного опыта, такого как норвежская модель «открытых» тюрем, может предложить ценные уроки для реформирования российской пенитенциарной системы, делая акцент на реабилитации и ресоциализации как ключевых факторах снижения рецидивов.

Список литературы:

- [1] Fazel S., Bains P., Doll H. Substance abuse and dependence in prisoners: a systematic review // *Addiction*. – 2006. – Vol. 101, No. 2. – P. 181–191. – DOI: 10.1111/j.1360-0443.2006.01316.x.
- [2] Кононец А.С. Состояние здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях: история и современность // *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. – 2021. – № 3-4. – С. 32–39. – DOI: 10.26347/1607-2502202103-04032-039. – EDN: DILJLO.
- [3] Sullivan P.F., Daly M.J., O'Donovan M. Genetic architectures of psychiatric disorders: the emerging picture and its implications // *Nat Rev Genet*. – 2012. – Vol. 13, No. 8. – P. 537–551. – DOI: 10.1038/nrg3240.
- [4] Koob G.F., Volkow N.D. Neurocircuitry of addiction // *Neuropsychopharmacology*. – 2010. – Vol. 35, No. 1. – P. 217–238. – DOI: 10.1038/npp.2009.110.
- [5] Crewe B. *The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199577965.001.0001.
- [6] Blum K., Chen A.L., Giordano J. et al. The addictive brain: all roads lead to dopamine // *J Psychoactive Drugs*. – 2012. – Vol. 44, No. 2. – P. 134–143. – DOI: 10.1080/02791072.2012.685407.
- [7] Volkow N.D., Blanco C. Substance use disorders: a comprehensive update of classification, epidemiology, neurobiology, clinical aspects, treatment and prevention // *World Psychiatry*. – 2023. – Vol. 22, No. 2. – P. 203–229. – DOI: 10.1002/wps.21073.
- [8] Sinha R. Chronic stress, drug use, and vulnerability to addiction // *Ann N Y Acad Sci*. – 2008. – Vol. 1141. – P. 105–130. – DOI: 10.1196/annals.1441.03.
- [9] Strang J., Deac A.A., Skipper H. Changing addiction problems and care responses during and after a major crisis: emergence of a 'new normal' // *Front Public Health*. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 1451141. – DOI: 10.3389/fpubh.2024.1451141.
- [10] Nestler E.J. Epigenetic mechanisms of drug addiction // *Neuropharmacology*. – 2014. – Vol. 76, Pt B. – P. 259–268. – DOI: 10.1016/j.neuropharm.2013.04.004.
- [11] Haney C. «Madness» and penal confinement: Some observations on mental illness and prison pain // *Punishment & Society*. – 2017. – Vol. 19, No. 3. – P. 146–165. – DOI: 10.1177/1462474517705389.
- [12] Russell J.A., Mehrabian A. Evidence for a three-factor theory of emotions // *Journal of Research in Personality*. – 1975. – Vol. 9, No. 2. – P. 121–137. – DOI: 10.1016/0092-6566(75)90026-X.
- [13] Eysenck H.J. *A Model for Personality*. – Berlin: Springer-Verlag, 1981.
- [14] Smith D.M., Levin I.P. Need for cognition and choice framing effects // *Journal of Behavioral Decision Making*. – 1996. – Vol. 9, No. 4. – P. 283–290. – DOI: 10.1002/(SICI)1099-0771(199612)9:4<283::AID-BDM234>3.0.CO;2-7.
- [15] Baumeister R.F., Heatherton T.F., Tice D.M. *Losing control: How and why people fail at self-regulation*. – San Diego: Academic Press, 1994.
- [16] Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determi-

nation of behavior // *Psychological Inquiry*. – 2000. – Vol. 11, No. 4. – P. 227–268. – DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.

[17] Galea S., Nandi A., Vlahov D. The social epidemiology of substance use // *Epidemiol Rev.* – 2004. – Vol. 26. – P. 36–52. – DOI: 10.1093/epirev/mxh007.

[18] Pager D. The Mark of a Criminal Record // *American Journal of Sociology*. – 2003. – Vol. 108, No. 5. – P. 937–975. – DOI: 10.1086/374403.

[19] Huebner B.M., Gustafson R. The effect of maternal incarceration on adult offspring involvement in the criminal justice system // *Journal of Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 35, No. 3. – P. 283–296. – DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2007.03.005.

[20] United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). World Drug Report 2020. – 2020. – DOI: 10.18356/9789210048585.

[21] Johann H. Chasing the Scream: The First and Last Days of the War on Drugs. – London: Bloomsbury, 2015.

[22] Binswanger I.A., Blatchford P.J., Lindsay R.G., Stern M.F. Risk factors for all-cause, overdose and early deaths after release from prison in Washington state // *Drug Alcohol Depend.* – 2011. – Vol. 117, No. 1. – P. 1–6. – DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2010.11.029.

[23] Seiter R.P., Kadela K.R. Prisoner reentry: What works, what does not, and what is promising // *Crime & Delinquency*. – 2003. – Vol. 49, No. 3. – P. 360–388. – DOI: 10.1177/0011128703253761.

[24] ВЦИОМ. Наркотическая зависимость: мониторинг, 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring> (дата обращения: 12.06.2025).

[25] Пономарев С.Б. Основные направления научных исследований в пенитенциарной медицине // *Вестник уголовно-исполнительной системы*. – 2023. – № 5. – С. 69–80. – DOI: 10.51522/2307-0382-2023-252-5-69-80.

[26] Пронина М.Ю., Масагутов Р.М., Искандаров Р.Р. Распространённость алкогольной и наркотической зависимости у осуждённых мужчин с историей СДВГ // *Наркология*. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 23–27. – EDN: PIYAZR.

[27] Фастовцов Г.А., Искандаров Р.Р. Наркологические расстройства в пенитенциарных условиях и феномен «двойной несвободы» // *Вопросы наркологии*. – 2025. – Т. 37, № 2. – С. 55–71. – EDN: ZUHNIU.

[28] Искандаров Р.Р. Зависимость от психоактивных веществ в структуре дисфункциональных и психопатологических личностных характеристик осуждённых (на примере «темной триады личности») // *Наркология*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN: DXOLIV.

Spisok literatury:

[1] Fazel S., Bains P., Doll H. Substance abuse and dependence in prisoners: a systematic review // *Addiction*. – 2006. – Vol. 101, No. 2. – P. 181–191. – DOI: 10.1111/j.1360-0443.2006.01316.x.

[2] Kononec A.S. Sostoyanie zdorov'ya lic, nahodyashchihsya v penitenciarnyh uchrezhdeniyah: istoriya i sovremennost' // *Problemy standartizacii v zdavoohranenii*. – 2021. – № 3-4. – С. 32–39. – DOI: 10.26347/1607-2502202103-04032-039. – EDN: DILJLO.

[3] Sullivan P.F., Daly M.J., O'Donovan M. Genetic architectures of psychiatric disorders: the emerging picture and its implications // *Nat Rev Genet*. – 2012. – Vol. 13, No. 8. – P. 537–551. – DOI: 10.1038/nrg3240.

[4] Koob G.F., Volkow N.D. Neurocircuitry of addiction // *Neuropsychopharmacology*. – 2010. – Vol. 35, No. 1. – P. 217–238. – DOI: 10.1038/npp.2009.110.

[5] Crewe B. The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199577965.001.0001.

[6] Blum K., Chen A.L., Giordano J. et al. The addictive brain: all roads lead to dopamine // *J Psychoactive Drugs*. – 2012. – Vol. 44, No. 2. – P. 134–143. – DOI: 10.1080/02791072.2012.685407.

[7] Volkow N.D., Blanco C. Substance use disorders: a comprehensive update of classification, epidemiology, neurobiology, clinical aspects, treatment and prevention // *World Psychiatry*. – 2023. – Vol. 22, No. 2. – P. 203–229. – DOI: 10.1002/wps.21073.

[8] Sinha R. Chronic stress, drug use, and vulnerability to addiction // *Ann N Y Acad Sci*. – 2008. – Vol. 1141. – P. 105–130. – DOI: 10.1196/annals.1441.03.

[9] Strang J., Deac A.A., Skipper H. Changing addiction problems and care responses during and after a major crisis: emergence of a 'new normal' // *Front Public Health*. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 1451141. – DOI: 10.3389/fpubh.2024.1451141.

[10] Nestler E.J. Epigenetic mechanisms of drug addiction // *Neuropharmacology*. – 2014. – Vol. 76, Pt B. – P. 259–268. – DOI: 10.1016/j.neuropharm.2013.04.004.

[11] Haney C. «Madness» and penal confinement: Some observations on mental illness and prison pain // *Punishment & Society*. – 2017. – Vol. 19, No. 3. – P. 146–165. – DOI: 10.1177/1462474517705389.

[12] Russell J.A., Mehrabian A. Evidence for a three-factor theory of emotions // *Journal of Research in Personality*. – 1975. – Vol. 9, No. 2. – P. 121–137. – DOI: 10.1016/0092-6566(75)90026-X.

- [13] Eysenck H.J. A Model for Personality. – Berlin: Springer-Verlag, 1981.
- [14] Smith D.M., Levin I.P. Need for cognition and choice framing effects // Journal of Behavioral Decision Making. – 1996. – Vol. 9, No. 4. – P. 283–290. – DOI: 10.1002/(SICI)1099-0771(199612)9:4<283::AID-BDM234>3.0.CO;2-7.
- [15] Baumeister R.F., Heatherton T.F., Tice D.M. Losing control: How and why people fail at self-regulation. – San Diego: Academic Press, 1994.
- [16] Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – Vol. 11, No. 4. – P. 227–268. – DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
- [17] Galea S., Nandi A., Vlahov D. The social epidemiology of substance use // Epidemiol Rev. – 2004. – Vol. 26. – P. 36–52. – DOI: 10.1093/epirev/mxh007.
- [18] Pager D. The Mark of a Criminal Record // American Journal of Sociology. – 2003. – Vol. 108, No. 5. – P. 937–975. – DOI: 10.1086/374403.
- [19] Huebner B.M., Gustafson R. The effect of maternal incarceration on adult offspring involvement in the criminal justice system // Journal of Criminal Justice. – 2007. – Vol. 35, No. 3. – P. 283–296. – DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2007.03.005.
- [20] United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). World Drug Report 2020. – 2020. – DOI: 10.18356/9789210048585.
- [21] Johann H. Chasing the Scream: The First and Last Days of the War on Drugs. – London: Bloomsbury, 2015.
- [22] Binswanger I.A., Blatchford P.J., Lindsay R.G., Stern M.F. Risk factors for all-cause, overdose and early deaths after release from prison in Washington state // Drug Alcohol Depend. – 2011. – Vol. 117, No. 1. – P. 1–6. – DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2010.11.029.
- [23] Seiter R.P., Kadela K.R. Prisoner reentry: What works, what does not, and what is promising // Crime & Delinquency. – 2003. – Vol. 49, No. 3. – P. 360–388. – DOI: 10.1177/0011128703253761.
- [24] VCIOM. Narkoticheskaya zavisimost': monitoring, 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring> (data obrashcheniya: 12.06.2025).
- [25] Ponomarev S.B. Osnovnye napravleniya nauchnyh issledovanij v penitenciarnej medicine // Vedomosti ugovorno-ispolnitel'noj sistemy. – 2023. – № 5. – S. 69–80. – DOI: 10.51522/2307-0382-2023-252-5-69-80.
- [26] Pronina M.Yu., Masagutov R.M., Iskandarov R.R. Rasprostranennost' alkohol'noj i narkoticheskoy zavisimosti u osuzhdyonnyh muzhchin s istoriej SDVG // Narkologiya. – 2012. – T. 11, № 1. – S. 23–27. – EDN: PIYAZR.
- [27] Fastovtsov G.A., Iskandarov R.R. Narkologicheskie rasstrojstva v penitenciar'nyh usloviyah i fenomen «dvojnoj nesvobody» // Voprosy narkologii. – 2025. – T. 37, № 2. – S. 55–71. – EDN: ZUHNIU.
- [28] Iskandarov R.R. Zavisimost' ot psihoaktivnyh veshchestv v strukture disfunkcional'nyh i psihopatologicheskikh lichnostnyh harakteristik osuzhdennyh (na primere «temnoj triady lichnosti») // Narkologiya. – 2025. – T. 24, № 1. – S. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN: DXOLIV.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-258-261

ГОЛОВАЧ Наталья Николаевна,
магистрант,
Южно-Уральский государственный университет,
e-mail: Nataliagl00@mail.ru

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. Антимонопольное законодательство играет ключевую роль в поддержании конкурентоспособности, способствуя созданию равных условий для всех участников рынка. В данной статье рассматривается влияние антимонопольного законодательства на развитие конкуренции в различных отраслях экономики. Анализируется, как меры, принимаемые государственными органами для предотвращения монополизации и недобросовестной конкуренции, способствуют созданию более конкурентной среды. Особое внимание уделяется примерам успешного применения антимонопольных норм в разных странах, а также последствиям недостаточной регуляции рынка. В статье рассматриваются ключевые аспекты антимонопольной политики, включая контроль за слияниями и поглощениями, борьбу с ценовыми сговорами и защиту прав потребителей. На основе проведенного анализа делаются выводы о том, что эффективное антимонопольное законодательство является важным инструментом для стимулирования инноваций, повышения качества услуг и товаров, а также для обеспечения справедливых условий ведения бизнеса.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, антимонопольное регулирование, конкуренция, регулирование рынка, экономическая политика, государственное регулирование, антимонопольные органы, эффективность рынка.

GOLOVACH Natalia Nikolaevna,
Master's student,
South Ural State University

ANTIMONOPOLY LEGISLATION AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF COMPETITION

Annotation. Antimonopoly legislation plays a key role in maintaining competitiveness, contributing to the creation of equal conditions for all market participants. This article examines the impact of antimonopoly legislation on the development of competition in various sectors of the economy. It analyzes how measures taken by government agencies to prevent monopolization and unfair competition contribute to creating a more competitive environment. Special attention is paid to examples of successful application of antimonopoly regulations in different countries, as well as the consequences of insufficient market regulation. The article examines key aspects of antimonopoly policy, including the control of mergers and acquisitions, the fight against price collusion and consumer protection. Based on the analysis, it is concluded that effective antimonopoly legislation is an important tool for stimulating innovation, improving the quality of services and goods, and ensuring fair business conditions.

Key words: antimonopoly legislation, antimonopoly regulation, competition, market regulation, economic policy, government regulation, antimonopoly authorities, market efficiency.

Переход Российской Федерации к рыночной модели экономической деятельности, состоявшийся с принятием в 1993 г. действующей Конституции РФ, в сочетании с продолжа-

ящимся по настоящее время процессом реформирования важнейших сфер государственной и общественной деятельности, развитием рынков, обусловили возрастание роли антимонопольной деятельности, поскольку работа в данном направлении выступает в качестве одного из важнейших инструментов развития конкуренции.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что главный двигатель рыночной экономики – это конкуренция, в условиях которой участники рынка способствуют развитию экономики, используя такой действенный механизм, как закон стоимости, механизм ценообразования. В связи с этим государство, заинтересованное в эффективном рынке, обеспечивает почву для развития конкуренции, к числу которых относится создание условий, в которых борьба производителей за потребителей будет равной. Важнейшая роль в данной работе отводится Федеральному закону от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ), в рамках которого осуществляется защита конкуренции посредством пресечения и предупреждения:

- монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции;
- недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации (ст. 15 Закона № 135-ФЗ).

Для формирования оптимальной конкуренции в рыночных структурах государством используется антимонопольная политика.

В экономической литературе термин «государственная антимонопольная политика» используется для обозначения действий любого государства по борьбе с монопольными субъектами и защите нормальной конкуренции. Его часто считают синонимом или приравнивают к контролю над антимонопольным законодательством.

Антимонопольная политика – это «деятельность государства по созданию условий наиболее эффективного сочетания и использования механизмов конкурентного и монопольного рынка с целью максимизации удовлетворения потребностей общества и оптимизации использования имеющихся ресурсов» [1].

Исторически сложилось так, что именно в условиях рыночной экономики важно защитить нормальную конкуренцию с помощью антимоно-

польной политики. Политика в области конкуренции помогает демократизировать экономику, часто вынуждая независимых покупателей и продавцов конкурировать друг с другом [2].

Антимонопольная политика базируется на нескольких положениях:

1. Конкуренция максимизирует благосостояние потребителей, способствуя рациональному распределению и использованию ресурсов, поощряя развитие производства и ноу-хау.
2. Конкуренция, стремясь максимизировать благосостояние общества, не приводит к справедливому распределению доходов. Она способствует получению высокой прибыли тем хозяйствующим субъектам, которые эффективно производят и являются наиболее конкурентоспособными.
3. Неограниченная конкуренция имеет негативные социально-экономические последствия. Экономические интересы предпринимателей часто направлены на монополизацию рынка под своим началом. Это, в свою очередь, позволило бы им повышать цены и снижать выпуск товаров и тем самым поощрять неэффективность производства и сдерживать его развитие [3].

Таким образом, антимонопольное законодательство включает в себя набор норм и правил, регулирующих конкурентные отношения на рынке. Его основными задачами являются:

- предотвращение злоупотреблений монопольным положением;
- запрет антиконкурентных соглашений между участниками рынка;
- контроль над слияниями и поглощениями компаний.

Меры антимонопольного воздействия в основном направлены на прекращение нарушений, восстановление или компенсацию ранее существовавшего положения и запрещение действий, ограничивающих конкуренцию. Эти меры отражены в предписаниях антимонопольных органов.

В настоящее время антимонопольное регулирование имеет уникальную организацию, которую формирует государство с целью создания конкурентных отношений в экономической системе общества страны. Для достижения каждой конкретной антимонопольной цели государство отдает предпочтение тому регулирующему механизму, который позволяет ему эффективно выполнить функцию защиты конкуренции, не нарушая социальную стабильность и свой авторитет.

Очевидно, что построенная в настоящее время система антимонопольного регулирования

играет важнейшую роль в обеспечении конкуренции, под которой понимается «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» (ст. 3 Закона № 135-ФЗ).

Охарактеризуем влияние антимонопольного законодательства на экономическую конкурентоспособность

1. Защита конкуренции: антимонопольное законодательство способствует созданию конкурентной среды, что в свою очередь положительно сказывается на экономической конкурентоспособности. Защита конкуренции позволяет предотвратить возникновение монополий и олигополий, что создает условия для появления новых игроков на рынке.
2. Стимулирование инноваций: конкуренция, поддерживаемая антимонопольным регулированием, стимулирует компании к внедрению инновационных технологий и улучшению качества продукции. Компании, находящиеся под давлением со стороны конкурентов, имеют больше стимулов инвестировать в исследования и разработки.
3. Снижение цен и улучшение качества: антимонопольное законодательство способствует снижению цен на товары и услуги, так как конкуренция заставляет компании предлагать более выгодные условия для потребителей. Это также приводит к повышению качества товаров и услуг, поскольку компании стремятся привлечь клиентов.

Таким образом, очевидно, что влияние антимонопольных мер проявляется в создании условий для равных возможностей участников рынка, стимулировании инноваций и повышения эффективности бизнеса. Законодательство регулирует слияния и поглощения компаний, запрещает картельные соглашения и ценовые сговоры, а также пресекает практики недобросовестной конкуренции. Эти меры способствуют устранению барьеров для входа новых участников, что увеличивает конкуренцию и способствует снижению цен для потребителей.

Стоит отметить, что во многих странах мира антимонопольное законодательство является одним из ключевых факторов развитой конкуренции. Например, в Соединенных Штатах Америки антимонопольное законодательство имеет долгую историю, начиная с Закона Шермана 1890 г. Комиссия по торговле США (FTC) и Министер-

ство юстиции активно применяют антимонопольные нормы для контроля над слияниями и предотвращения антиконкурентных практик. В Европейском Союзе антимонопольное законодательство также играет важную роль. Европейская комиссия осуществляет контроль над слияниями и расследует случаи злоупотребления доминирующим положением [3]. Примеры успешной антимонопольной практики в ЕС включают дела против Microsoft и Google, которые способствовали улучшению конкурентной среды на рынках технологий.

В Германии «Закон о конкурентоспособности» (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen) регулирует антимонопольную политику и активно применяется для предотвращения монополизации. Примером является дело против компании Facebook, в котором были рассмотрены вопросы о сборе и использовании данных пользователей. В Японии действует «Закон о предотвращении монополий», который регулирует антимонопольную практику в Японии и активно применяется для проверки слияний и поглощений. Примером является блокировка слияния между компаниями, которые могли бы существенно сократить конкуренцию в определенной отрасли. В Австралии «Закон о конкуренции и потребительских правах» (Competition and Consumer Act 2010) регулирует антимонопольные практики и защиту прав потребителей. Примером является дело против компании Australian Competition and Consumer Commission (ACCC), которая успешно оспаривала недобросовестные практики в области ценообразования. В Бразилии «Закон о конкуренции» (Lei de Defesa da Concorrência) регулирует антимонопольные практики и контролирует слияния и поглощения. Примером является дело против крупных компаний в области телекоммуникаций, которые пытались создать монополию на рынке [4].

Таким образом, антимонопольное законодательство является важным инструментом для обеспечения экономической конкурентоспособности. Оно способствует созданию здоровой конкурентной среды, стимулирует инновации и улучшает качество товаров и услуг. Однако чрезмерное или неправомерное применение антимонопольных правил может привести к ограничению инициативности бизнеса или созданию излишних административных барьеров. Поэтому важно находить баланс между защитой конкуренции и стимулированием предпринимательской деятельности. Эффективное антимонопольное регулирование может стать основой для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния общества.

Список литературы:

[1] Авдеев Э.Ю. Социальные детерминанты антимонопольной политики государства: дис. ... канд. экон. наук / Э.Ю. Авдеев. – Ростов н/Д., 2006. – 170 с.

[2] Бурба В.В. Основы антимонопольной деятельности: учебное пособие / В.В. Бурба, О.А. Ломовцева. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 115 с.

[3] Загораева Р.Р. Возможности применения зарубежного антимонопольного опыта в условиях российской экономики / Р.Р. Загораева, С.Г. Васин // Молодой ученый. – 2021. – № 22 (364). – С. 186-187.

[4] Таланцев В.И. Антимонопольное законодательство и регулирование: учебное пособие / В.И. Таланцев. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 220 с.

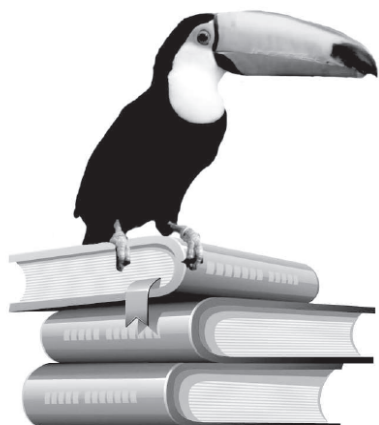
Spisok literatury:

[1] Avdeev E.YU. Social'nye determinanty anti-monopol'noj politiki gosudarstva: dis. ... kand. ekon. nauk / E.YU. Avdeev. – Rostov n/D., 2006. – 170 s.

[2] Burba V.V. Osnovy antimonopol'noj deyatel'nosti: uchebnoe posobie / V.V. Burba, O.A. Lomovceva. – Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 2001. – 115

[3] Zagoraeva R.R. Vozmozhnosti primeni-niya zarubezhnogo antimonopol'nogo opyta v usloviyah rossijskoj ekonomiki / R.R. Zagoraeva, S.G. Vasin // Molodoj uchenyj. – 2021. – № 22 (364). – S. 186-187.

[4] Talancev V.I. Antimonopol'noe zakonodatel'stvo i regulirova-nie: uchebnoe posobie / V.I. Talancev. – Vladivostok: Dal'nevost. fede-ral. un-t, 2017. – 220 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СИГБАТУЛИН Д.Д.,
магистр юриспруденции, выпускник ФГБОУ ВО
«Государственный университет по землеустройству»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ И ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ В СВЯЗИ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

Аннотация. В статье проанализированы основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с ненадлежащим использованием. Автором предлагается уточнить и конкретизировать основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком, исключив двусмысленность и субъективность в оценке фактов ненадлежащего использования. Также следует установить четкие критерии оценки снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения и ухудшения экологической обстановки, которые основаны на объективных данных и экспертных заключениях.

Ключевые слова: принудительное прекращение права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, ненадлежащее использование, пожизненное наследуемое владение земельным участком, заявление об отказе от права на земельный участок.

SIGBATULIN D.D.,
Master of Law, graduate of FSBEI HE
“State University for Land Management”

GROUND FOR COMPULSORY TERMINATION OF THE RIGHT OF PERMANENT (PERPETUAL) USE AND LIFETIME INHERITED OWNERSHIP OF THE LAND PLOT DUE TO IMPROPER USE

Annotation. The article analyzes the forced termination of the right of permanent (indefinite) use and lifelong inherited ownership of a land plot due to improper use. The author proposes to clarify and specify the grounds for the compulsory termination of the right of permanent (indefinite) use and lifelong inherited ownership of the land plot, eliminating ambiguity and subjectivity in assessing the facts of improper use. It is also necessary to establish clear criteria for assessing the decline in agricultural land fertility and environmental degradation, which are based on objective data and expert opinions.

Key words: forced termination of the right of permanent (indefinite) use of the land plot, improper use, lifelong inherited ownership of the land plot, application for refusal of the right to the land plot.

Основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с ненадлежащим использованием регулируются ЗК РФ. В статье 45 ЗК РФ закреплен перечень оснований, при которых право на земельный участок может быть прекращено в принудительном порядке, включая случаи ненадлежащего использования земли [1]. Смысл в том, что государство, являясь собственником земли, заинтересовано в ее эффективном и целевом использовании. В сфере оформления

земельно-правовой документации на участки, которые расположены в границах садоводческих товариществ, граждане сталкиваются с определенными сложностями, обусловленными наличием ранее зарегистрированных прав пожизненного наследуемого владения [2].

Также нередко возникают ситуации, когда гражданин по тем или иным причинам фактически не использует свой садовый участок – в силу утраты интереса, кончины владельца, отсутствия наследников и прочих обстоятельств. В случае прекращения права пожизненного наследуемого

владения земельный участок возвращается в собственность государства или муниципалитета и может быть предоставлен другим заинтересованным лицам. Современное законодательство предусматривает механизмы добровольного отказа от земельных участков, включая право пожизненного наследуемого владения, а также возможность прекращения данного права в судебном порядке.

Согласно положениям части 1 статьи 45 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) «право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, право пожизненного наследуемого владения земельным участком прекращаются при отказе землепользователя, землевладельца от принадлежащего им права на земельный участок на условиях и в порядке, которые предусмотрены статьей 53 настоящего Кодекса и по иным основаниям, установленным гражданским и земельным законодательством» [3]. Для реализации данного права, согласно части 3 статьи 53 ЗК РФ «при отказе от права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком или права пожизненного наследуемого владения земельным участком заявление об отказе от права на земельный участок подается в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные статьей 39.2 настоящего Кодекса» [3].

Альтернативным путем решения проблемы является принудительное прекращение права пожизненного наследуемого владения земельным участком в случае его ненадлежащего использования, что закреплено в части 2 статьи 45 ЗК РФ. Основаниями для такого прекращения, согласно части 2 статьи 54 ЗК РФ, служат нарушения требований законодательства, включая использование участка не по целевому назначению, причинение вреда окружающей среде или снижение плодородия земель, невыполнение обязанностей по рекультивации, отсутствие использования участка в течение трех лет (если он предназначен для сельскохозяйственного производства или строительства), а также возведение самовольных построек.

Резюмируя, в случае выявления фактов нецелевого использования земельных участков, невыполнения обязанностей по рекультивации или проведению мероприятий по улучшению земель и охране почв, уполномоченные органы вправе инициировать процедуру принудительного прекращения права пожизненного наследуемого владения земельными участками (на основании статьи 54 ЗК РФ). Процедура прекращения права начинается с выявления факта ненадлежащего использования уполномоченным органом государственного земельного надзора. В случае

обнаружения нарушений землепользователю выдается предписание об их устранении в установленный срок. Если предписание не исполняется, уполномоченный орган обращается в суд с иском о прекращении права постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения земельным участком.

Судебное разбирательство является ключевым этапом, где землепользователь вправе представить свои аргументы и доказательства. Суд оценивает все обстоятельства дела, включая характер нарушений, их последствия, а также действия землепользователя по устранению нарушений [4]. Решение суда о прекращении права является основанием для изъятия земельного участка и передачи его в собственность государства или муниципального образования.

Также следует отметить, что прекращение права является крайней мерой, которая применяется в тех случаях, когда другие меры воздействия (штрафы и предписания) не привели к устранению нарушений. Государство стремится обеспечить рациональное использование земель, но при этом учитывает права и законные интересы землепользователей. В связи с этим, землепользователям рекомендуется внимательно соблюдать требования земельного законодательства и правил землепользования и застройки, а также своевременно реагировать на предписания контролирующих органов.

Как отмечалось выше, основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком закреплены в земельном законодательстве Российской Федерации. Легальный перечень данных оснований содержится в статье 45 ЗК РФ. Данный перечень, с одной стороны, обеспечивает защиту публичных интересов, которые связаны с рациональным использованием земли, но с другой порождает определенные вопросы и дискуссии в правоприменительной практике.

Среди наиболее частых оснований являются использование земельного участка не по целевому назначению, существенное ухудшение состояния окружающей среды, неиспользование земельного участка в течение установленного срока. Оценка «удачности» существующего перечня является достаточно сложным вопросом. С одной стороны, он достаточно широкий, позволяя реагировать на различные случаи ненадлежащего использования земли. С другой – размытость некоторых формулировок (например, «существенное ухудшение состояния окружающей среды») порождает споры о степени такого ухудшения и его влиянии на экологическую обстановку [5].

Считаем, что необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в действующие нормы все же существует. В первую очередь, требуется более четко определить критерии «ненадлежащего использования» применительно к каждому из перечисленных оснований. Предлагается установить конкретные показатели, которые бы свидетельствовали о нарушении земельного законодательства, чтобы избежать субъективной оценки со стороны контролирующих органов и судов. Это касается, например, установления четких сроков и критериев для определения факта неиспользования земельного участка.

На наш взгляд, целесообразно внести изменения в статью 45 ЗК РФ, а также в подзаконные нормативные акты, которые регулируют порядок осуществления государственного земельного надзора. Целью таковых изменений предполагается повышение прозрачности и предсказуемости процедур прекращения прав на землю, а также обеспечение баланса между защитой публичных интересов и правами землепользователей. Также предлагается усилить механизмы предварительного предупреждения и устранения нарушений, чтобы принудительное прекращение права оставалось крайней мерой, которая применяется только в случаях злостного и систематического нарушения норм земельного законодательства.

Основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с ненадлежащим использованием, будучи инструментами земельного надзора, на практике вызывают ряд проблем, которые связаны с неоднозначностью трактовки норм и сложностью доказывания фактов ненадлежащего использования [6]. В частности, расплывчатость формулировок, которые касаются «использования земельного участка не в соответствии с его целевым назначением» или «использования, которое приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения или значительному ухудшению экологической обстановки», создает предпосылки для субъективного толкования и, как следствие, злоупотреблений со стороны контролирующих органов.

Также проблемой является сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями пользователя земельного участка и негативными последствиями (снижение плодородия или ухудшение экологической обстановки). Как правило, на практике весьма затруднительно установить, что именно деятельность конкретного пользователя явилась причиной определенных изменений, а не совокупность факторов, включая и не зависящие от его воли. Кроме того,

процедура изъятия земельного участка, особенно в случаях, когда он является единственным источником дохода для семьи, может приводить к социальным последствиям и вызывать общественный резонанс.

Для решения названных выше проблем предлагается, прежде всего, уточнить и конкретизировать основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком, исключив двусмысленность и субъективность в оценке фактов ненадлежащего использования. Также следует установить четкие критерии оценки снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения и ухудшения экологической обстановки, которые основаны на объективных данных и экспертных заключениях. Более того, стоит предусмотреть возможность предоставления пользователю земельного участка разумного срока для устранения выявленных нарушений, прежде чем приступить к процедуре изъятия.

В связи с вышеизложенным предлагается сформулировать и закрепить норму (которая бы уточнила основания принудительного прекращения права) в положениях ЗК РФ в следующей редакции:

«Право постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком может быть прекращено в принудительном порядке в случае, если использование земельного участка осуществляется с грубым нарушением установленных градостроительных регламентов, санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, экологических требований, что подтверждается вступившим в законную силу решением суда и привело к реальному и документально подтвержденному существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения или значительному ухудшению экологической обстановки, которое выражается в превышении предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в почве, воде или воздухе».

Для реализации предложенных рекомендаций предполагается внести соответствующие поправки как в ЗК РФ, так и в другие нормативные правовые акты, которые регулируют земельные отношения. Целесообразность таких изменений, на наш взгляд, заключается в обеспечении баланса между защитой интересов государства и общества в сфере землепользования и защитой прав и законных интересов пользователей земельных участков, создании предсказуемой и прозрачной правовой среды, которая бы способствовала рациональному и эффективному использованию земель.

Таким образом, можно сделать вывод, что основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с ненадлежащим использованием представляют собой комплекс юридически значимых факторов, которые свидетельствуют о пренебрежении владельцем или пользователем своими обязанностями по рациональному и бережному использованию земли. Основным аспектом является нарушение установленных земельным законодательством требований и правил, которые направлены на сохранение плодородия почв, предотвращение деградации земель и обеспечение экологической безопасности. Основания принудительного прекращения прав на землю в связи с ненадлежащим использованием призваны обеспечить рациональное и бережное отношение к земле как к природному ресурсу и средству производства, а также защиту экологических прав граждан и интересов общества в целом.

Список литературы:

- [1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
- [2] Мезенина О.Б. Рассуждения о праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком / О.Б. Мезенина, Д.А. Лукин // Московский экономический журнал. – 2020. – № 1. – С. 3.
- [3] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
- [4] Гусельникова Е.Н. Понятие и классификация оснований прекращения права собственности на земельные участки / Е.Н. Гусельникова, Н.Н. Симачкова // Социально-гуманитарные

науки: современные проблемы : сборник статей. – Екатеринбург : Уральский государственный аграрный университет, 2022. – С. 117.

- [5] Степанян Г.С. Развитие законодательства в области сделок с земельными участками / Г.С. Степанян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 9. – С. 184.

- [6] Остапенко А.Г. Анализ проблемных аспектов, возникающих в процессе защиты прав пользователей земельных участков / А.Г. Остапенко, В.В. Курочкин // StudNet. – 2021. – № 4. – С. 116.

Spisok literatury:

- [1] Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 20.03.2025) // Sobra-nie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 44. – St. 4147.
- [2] Mezenina O.B. Rassuzhdeniya o prave pos-toyannogo (bessrochnogo) pol'zovaniya zemel'ny'm uchastkom / O.B. Mezenina, D.A. Lukin // Moskovskij e'konomicheskij zhurnal. – 2020. – № 1. – S. 3.
- [3] Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 20.03.2025) // Sobra-nie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 44. – St. 4147.
- [4] Gusel'nikova E.N. Ponyatie i klassifikaciya osnovanij prekrashheniya prava sobstvennosti na zemel'ny'e uchastki / E.N. Gusel'nikova, N.N. Simachkova // Social'no-gumanitarnye nauki: sovremennye problemy : sbornik statej. – Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. – S. 117.
- [5] Stepanyan G.S. Razvitie zakonodatel'stva v oblasti sdelok s zemel'ny'mi uchastkami / G.S. Stepanyan // Gumanitarnye, social'no-e'konomich-eskie i obshhestvennye nauki. – 2022. – № 9. – S. 184.
- [6] Ostapenko A.G. Analiz problemny'x aspek-tov, vznikayushix v processe zashchity prav pol'zo-vatelej zemel'ny'x uchastkov / A.G. Ostapenko, V.V. Kurochkin // StudNet. – 2021. – № 4. – S. 116.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-266-271

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

КАРТАМЫШЕВА Ольга Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Азовский государственный педагогический университет,
РФ, г. Бердянск, Запорожская область,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В современных условиях проблема реализации правового статуса сотрудника органов внутренних дел сохраняет свою актуальность. Динамика этого статуса зависит от направленности Российской Федерации на идеи правового государства и свободного гражданского общества. Построение системы территориальных органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации обостряет эти проблемы. Целью статьи является анализ актуальных проблем правового статуса сотрудников органов внутренних дел. Для достижения поставленных целей ставились и решались следующие задачи исследования: 1) систематизировать актуальные проблемы правового статуса сотрудника органов внутренних дел; 2) определить пути их решения. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы, формально-юридическим методом, анализом практики. На основе мнений ученых были систематизированы актуальные проблемы реализации правового статуса сотрудников органов внутренних дел. Предложенные пути решения проблем направлены на устранение правовой неопределенности.

Ключевые слова: правовое государство, правовой статус, полиция, досмотр.

KARTAMYSHEVA Olga Evgenievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Azov State Pedagogical University of the Russian Federation,
Berdyansk, Zaporizhia region

ACTUAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE LEGAL STATUS OF AN INTERNAL AFFAIRS OFFICER AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. In modern conditions, the problem of implementing the legal status of an employee of the internal affairs bodies remains relevant. The dynamics of this status depends on the orientation of the Russian Federation towards the ideas of a rule-of-law state and a free civil society. The establishment of a system of territorial internal affairs bodies in the constituent entities of the Russian Federation exacerbates these problems. The purpose of the article is to analyze the current problems of the legal status of law enforcement officers. To achieve these goals, the following research objectives were set and solved: 1) to systematize the actual problems of the legal status of an employee of the internal affairs bodies; 2) to identify ways to solve them. The reliability and validity of the research results obtained is ensured by the theoretical analysis of scientific literature, the formal legal method, and the analysis of practice. Based on the opinions of scientists, the current problems of implementing the legal status of law enforcement officers were systematized. The proposed solutions to the problems are aimed at eliminating legal uncertainty.

Key words: rule of law, legal status, police, search.

Актуальность. Внедрение идей правового государства повышает актуальность проблем определения правового статуса личности, ее взаимодействия с государством и обществом. Кон-

ституция Российской Федерации в качестве высшей ценности провозглашает человека, устанавливает содержание прав и свобод человека и гражданина.

Обращение к действующему на современном этапе российскому законодательству, к юридической практике реализации прав, свобод и обязанностей личности показывает, что они сохраняют черты административно-командной системы. Поэтому актуальную повестку государственной политики должны составлять вопросы переориентации правового сознания общества на принцип первичности прав человека, уважения к ним. Именно должный уровень правового сознания и правовой культуры личности оказывает влияние на реализацию социальных возможностей, закрепленных в ее правовом статусе, который характеризует многочисленные связи между правом и личностью и отражает ключевые аспекты правовой жизни индивида (интересы, потребности, притязания, взаимоотношения с государством). Таким образом, правовой статус выступает в качестве собирательной и аккумулирующей категории.

С определением правового статуса личности тесно связана проблема установления правового статуса сотрудника органов внутренних дел (его закрепления в правовой системе), динамика которого зависит от стратегического направления развития Российской Федерации. В настоящее время ведущими стратегическими ориентирами развития страны выступают идеи правового государства и свободного гражданского общества.

Проведение в 2010-х гг. реформы органов внутренних дел изменило правовой статус служащих, детерминировала проблемные дискуссии, обострила проблемы в регулировании их правового статуса. Игнорирование насущных потребностей этой социально-профессиональной группы на фоне меняющегося ее правового статуса оказывает воздействие на отток профессиональных кадров, снижает эффективность работы органов МВД. Поэтому насущной потребностью является совершенствование правового статуса этой профессиональной группы на основе реалий общественной жизни. Данная проблема является объектом внимания непосредственно сотрудников органов внутренних дел, законодателей, исследователей и гражданское общество. Основываясь на мнениях ученых и экспертов, приходится констатировать, что эффективный механизм защиты сотрудников органов внутренних дел и их семей не наработан в достаточной степени. То есть реформы не достигли своих целей.

Усугубляет эти проблемы оптимальное построение системы территориальных органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации. Большой охват территорий снижает эффективность решения служебных задач. Не меньше проблем проведение реформы детерминировало

в руководстве территориальными органами внутренних дел и полиции. Наличие двойной ответственности руководящих кадров негативно влияет на разграничение компетенции, размывание персональной ответственности и конфликт интересов.

Целью статьи является анализ актуальных проблем правового статуса сотрудников органов внутренних дел.

Для достижения поставленных целей ставились и решались следующие задачи исследования: 1) систематизировать актуальные проблемы правового статуса сотрудника органов внутренних дел; 2) определить пути их решения.

Материалы и методы исследования. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы, формально-юридическим методом, анализом практики.

Результаты и обсуждение. Несмотря на значительное число исследований по вопросу правового статуса сотрудников органов внутренних дел, эта проблема не получила должного концептуального освещения. Следует признать, исследованы лишь отдельные аспекты данной проблемы. Отсутствие системного исследования негативно сказывается на развитии правовых средств, позволяющих сотрудникам органов внутренних дел реализовать свои права и свободы, и на системе прав и свобод человека и гражданина.

При выполнении своих служебных обязанностей сотрудникам полиции предоставлены права, перечень которых закреплен в статье 13 Закона о полиции. Одним из таких правомочий выступает доставление физических лиц в служебное помещение территориального органа МВД России. Помимо этого они осуществляют и принудительное препровождение таких лиц.

Доставление как мера принуждения достаточно подробно урегулировано нормами Закона о полиции и законодательством об административных правонарушениях РФ.

В.В. Ткаченко и А.И. Никулин отмечают, что при принудительном доставлении сотрудники полиции нередко сталкиваются с проблемами в виде не только пассивного противодействия законной деятельности полиции (к примеру, в виде неповиновения законным требованиям сотрудника полиции), но и в активном противодействии [4].

В последние годы участились случаи нападения на сотрудников ППС в ходе осуществления ими своей деятельности. Нередко нападения осуществляются при помощи оружия.

В правоприменительной практике имеют место быть случаи, когда лица подчинялись законным требованиям сотрудников ППС, но при

доставлении в подразделение полиции оказывали активное противодействие и создавали предпосылки угрозы жизни и здоровью сотрудников полиции.

На современном этапе проблемным выступает вопрос соотношения понятий «наружный досмотр» и «наружный осмотр». Более того, в законодательстве отсутствуют правовые нормы, которые регулировали бы вопросы проведения наружного осмотра либо досмотра лиц перед их доставлением подразделение полиции.

Также в законодательстве отсутствует указание на гарантии личной безопасности сотрудников полиции при производстве наружного досмотра физических лиц, что также не способствует укреплению законности в этой сфере.

На основании п. 16 ст. 13 Закона о полиции в целях обнаружения орудий либо предметов совершения административного правонарушения полицейские имеют право в порядке ст. 27.7 КоАП РФ [2] осуществлять личный досмотр физических лиц в присутствии двух понятых. Личный досмотр является мерой административного обеспечения, цель которого обнаружить орудия или предметы совершения административного правонарушения, впоследствии приобщаемые к делу в качестве доказательств.

Проведение личного досмотра возможно и при отсутствии понятых в случае, если имеются достаточные основания полагать о наличии у досматриваемого лица оружия или иных предметов, которые могут использоваться в качестве оружия. Это основание имеет исключительный характер.

Но эти действия проводятся в целях обнаружения орудий совершения административного правонарушения или даже уголовного преступления. В Законе о полиции нет положений о проведении наружного досмотра как о мере личной безопасности сотрудников полиции.

В соответствии с п. 18 ст. 13 Закона о полиции сотрудники полиции имеют право осуществлять «в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру – не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места» [7]. В таком случае у граждан есть право выбора: подвергаться личному осмотру или нет, но тогда будет отсутствовать право прохода в конкретное общественное место. И граж-

дане подвергаются личному осмотру добровольно, а ведь они не совершали никаких правонарушений.

Обеспечивая безопасность и антитеррористическую защищенность зданий ОВД, сотрудники полиции имеют право «требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах, осуществлять досмотр и (или) осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей» [7]. И в таких случаях граждане, не совершившие правонарушения, также добровольно подвергаются личному досмотру и (или) осмотру.

Отметим, что пробелом законодательства является отсутствие правовых основ для изъятия предметов, которые были обнаружены при досмотре и обладающие признаками опасности для жизни и здоровья сотрудников полиции.

В п. 266 Устава патрульно-постовой службы полиции говорится о проведении досмотра как о мере, направленной на обеспечение безопасности сотрудников полиции: «...в зависимости от обстоятельств наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан. Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются» [5].

Это положение закреплено в ведомственном приказе МВД России, который регламентирует деятельность сотрудников полиции, но граждане зачастую не знают, да и не обязаны знать, содержание ведомственных приказов правоохранительных органов.

Однако и для сотрудников полиции данное положение представляется размытым. В Уставе ППСП само определение понятия наружного досмотра отсутствует, а также не прописаны условия его проведения. Сотрудникам полиции предлагается проводить наружный досмотр путем похлопывания, прощупывания элементов одежды физических лиц. Но в ходе такого наружного досмотра, во-первых, не всегда возможно обнаружить предметы, которые могут быть использованы досматриваемым лицом в качестве оружия, а во-вторых, часто возникают вопросы со стороны досматриваемых лиц по поводу законности и обоснованности действий сотрудников полиции. Гражданам незнакомо само понятие «наружный досмотр», они понимают его как «личный досмотр» и требуют соблюдения законности со стороны сотрудников полиции, обязательного присутствия понятых и составления протокола. Зачастую и сами сотрудники полиции путаются в понятиях «наружный

досмотр», «наружный осмотр», «личный досмотр», «личный обыск». Не совсем понятен порядок проведения наружного досмотра физического лица, при котором будут обнаружены предметы, подлежащие изъятию [1].

Вызывает сомнение правомерность положения Устава ППСП о немедленном изъятии оружия и предметов при проведении досмотра без понятых: «...обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются» [5].

В п. 4 ст. 27.7 КоАП РФ есть упоминание об исключительных случаях проведения личного досмотра без понятых: «...при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых» [6]. Не совсем ясна процедура приобщения к материалам дела оружия, которое изымается при наружном досмотре. Ни в одном нормативном правовом акте не регламентирована процедура перехода наружного досмотра в личный досмотр.

Также непонятна процедура оформления веществ, обнаруженных в ходе проведения наружного досмотра, которые на первый взгляд не являются запрещенными, но впоследствии таковыми могут оказаться, например: обнаружение вещества растительного происхождения зеленого цвета, которое впоследствии эксперт может признать наркотическим средством.

В таких случаях необходимо привлекать понятых и проводить личный досмотр физического лица, но возникает вопрос, как потом это все оформлять процессуально и доказывать законность действий сотрудников полиции, если это досмотренное физическое лицо будет обжаловать все происшедшее в органах прокуратуры. Иногда проведение наружного досмотра физических лиц помогает оперативно установить личность, своевременно оказать помощь пострадавшим лицам, но правовых оснований проведения наружного досмотра этих лиц в Законе о полиции нет. Например: физическое лицо оказалось в состоянии, при котором не способно сообщить о себе сведения, а его необходимо отправить в медицинскую организацию для оказания медицинской помощи, установить адрес проживания, сообщить близким лицам. Сотрудники полиции проводят наружный досмотр лица, находящегося в бессознательном состоянии, с целью обнаружения документов, удостоверяющих личность. А иногда проведение наружного досмотра позволяет обнаружить и изъять предметы, которые могут быть использованы во вред медицинским работникам.

С.В. Белов и М.Ю. Водяная предлагают законодательно закрепить право сотрудников полиции на проведение наружного досмотра, проводимого в целях обеспечения личной безопасности сотрудника полиции, без понятых, дополнив ч. 1 ст. 13 Закон о полиции п. 15.1 следующего содержания: «...осуществлять наружный досмотр граждан, а также досмотр находящихся при них вещей, при наличии оснований для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение, в медицинские организации, в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, в целях обеспечения личной безопасности сотрудника полиции, обнаружения и изъятия предметов, которые могут быть использованы для причинения вреда окружающим или себе» [1].

На наш взгляд, дополнение в ч. 1 ст. 13 в такой формулировке дает широкое поле деятельности для злоупотреблений при изъятии предметов, поскольку непонятно, каким образом оформлять изъятые предметы и как потом приобщать эти предметы к делу об административном правонарушении или к уголовному делу.

Интерес представляет точка зрения А.В. Равнюшкина, который предлагает внести изменения в ст. 24 Закона о полиции, изложив ее в следующей редакции: «В целях личной безопасности и безопасности окружающих сотрудник полиции имеет право осуществить наружный досмотр задерживаемого им лица. Наружный досмотр – мера принуждения, связанная с обеспечением безопасности окружающих лиц и сотрудника полиции, уполномоченного на осуществление доставления, административного задержания, личного досмотра, а также задержания лица, совершившего преступление, проводимых, соответственно, в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, выражающаяся в наружном обследовании одежды и вещей без нарушения их конструктивной целостности, а в случае необходимости – с применением специальных технических средств» [3].

Внесение изменений в ст. 24 Закона о полиции менее целесообразно, поскольку в данной статье прописаны гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции, а мы рассматриваем правовые основания наружного досмотра физического лица. Также А.В. Равнюшкин предлагает внести дополнения в п. 266 Устава ППСП, изложив его в следующей редакции:

«Патрульный (постовой) при пресечении административного правонарушения и преступления, доставлении задержанного обязан предусмотреть меры предосторожности на случай попытки со стороны задержанного оказать сопротивление и (или) совершить нападение путем проведения наружного досмотра. Наружный досмотр осуществляется на основании статьи 24 Федерального закона «О полиции» [3].

По мнению А.И. Никулина и В.В. Ткаченко, необходимо дополнить п. 13 ст. 13 Закона о полиции, изложив его в следующей редакции: «... доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом с составлением протокола в порядке, установленном частями 14 и 15 статьи 14 настоящего Федерального закона; перед доставлением проводить наружный досмотр граждан в целях обеспечения личной безопасности сотрудников полиции. При обнаружении орудий совершения либо предметов правонарушения (опасных веществ) проводить изъятие обнаруженного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 27.7 КоАП РФ)» [4].

Выводы. Подводя итог статье, предлагается закрепить понятие наружного досмотра путем дополнения пункта 266 Устава ППСП следующей нормой: «...наружный досмотр является мерой принуждения, применяемой для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции и обеспечения защищенности объектов ОВД, при доставлении физических лиц в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение. Изъятие обнаруженного проводится в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях».

Предложенные изменения позволят устранить правовую неопределенность при производстве процедуры наружного досмотра, а также

позволит определить понятийный аппарат наружного досмотра, обозначить его цели. Более того, эти изменения помогут в повышении личной безопасности сотрудников полиции.

Список литературы:

[1] Белов, С.В., Водяная, М.Ю. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции / С.В. Белов, М.Ю. Водяная // Актуальные проблемы административной деятельности полиции: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2015. – С. 338-343.

[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СПС Консультант. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.07.2025).

[3] Равнюшкин, А.В. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции / А.В. Равнюшкин // Юрид. наука и правоохранит. практика. – 2017. – №3. – С. 137-141.

[4] Ткаченко, В.В., Никулин, А.И. Правовые основания проведения наружного досмотра сотрудниками полиции / В.В. Ткаченко, А.И. Никулин // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – №2. – С. 230-237.

[5] Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 05.02.2024) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 10.07.2025).

[6] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 22.07.2010 N 155-ФЗ // СПС Консультант. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102845/ (дата обращения: 10.07.2025).

[7] Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 N 342-ФЗ // СПС Консультант. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.07.2025).

Spisok literatury:

[1] Belov, S.V., Vodyanaya, M.Yu. Naruzhnyj dosmotr kak mera lichnoj bezopasnosti sotrudnika policii / S.V. Belov, M.Yu. Vodyanaya // Aktual'ny'e problemy administrativnoj deyatel'nosti policii: Sb.

materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. – Krasnodar: Krasnodar. un-t MVD Rossii, 2015. – S. 338-343.

[2] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 30.11.2024) // SPS Konsul'tant. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (data obrashheniya: 10.07.2025).

[3] Ravnyushkin, A.V. Naruzhnyj dosmotr kak mera lichnoj bezopasnosti sotrudnika policii / A.V. Ravnyushkin // Yurid. nauka i pravooxranit. praktika. – 2017. – №3. – S. 137-141.

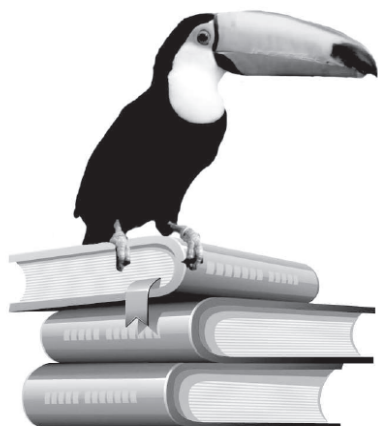
[4] Tkachenko, V.V., Nikulin, A.I. Pravovy'e osnovaniya provedeniya naruzhnogo dosmotra sotrudnikami policii / V.V. Tkachenko, A.I. Nikulin // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2018. – №2. – S. 230-237.

[5] Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 N 699 (red. ot 05.02.2024) Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennix del Rossijskoj Federacii i

Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii po sub`ektu Rossijskoj Federacii // SPS Konsul'tant. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (data obrashheniya: 10.07.2025).

[6] Federal'nyj zakon O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 22.07.2010 N 155-FZ // SPS Konsul'tant. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102845/ (data obrashheniya: 10.07.2025).

[7] Federal'nyj zakon «O sluzhbe v organax vnutrennix del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii» ot 30.11.2011 N 342-FZ // SPS Konsul'tant. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashheniya: 10.07.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ГАЛИЕВ Рустам Салимжанович,
начальник научно-исследовательского и
редакционно-издательского отдела
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: galievrs@buimvd.ru

ОГРАНИЧЕНИЯ, НАЛАГАЕМЫЕ НА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, ПРИЗНАННЫХ ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных аспектов законодательства Российской Федерации, регулирующего ограничения прав физических лиц, признанных иностранными агентами. Проанализированы основные предпосылки развития правового регулирования контроля за лицами находящимися под иностранным влиянием. В статье отмечаются существующие недостатки законодательства в части статуса физических лиц, аффилированных с иностранным агентом, а также ограничений педагогической и просветительской деятельности иностранных агентов. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение суверенитета и безопасности Российской Федерации, сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей и в целом достижения целей правового регулирования контроля за физическими лицами, находящимися под иностранным влиянием.

Ключевые слова: иностранный агент, ограничение прав, традиционные ценности, право на педагогическую деятельность, национальная безопасность.

GALIEV Rustam Salimzhanovich,
is the head of the research and editorial
and publishing department of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of legal sciences, associate professor

RESTRICTIONS IMPOSED ON INDIVIDUALS RECOGNIZED AS FOREIGN AGENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING LEGISLATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of certain aspects of the legislation of the Russian Federation regulating restrictions on the rights of individuals recognized as foreign agents, the main prerequisites for the development of legislative regulation of control over individuals under foreign influence are established. The article notes the existing shortcomings of the legislation in terms of the status of individuals affiliated with a foreign agent, as well as restrictions on the pedagogical and educational activities of foreign agents. Based on the conducted research, proposals are formulated to improve the legislation aimed at ensuring the sovereignty and security of the Russian Federation, preserving traditional Russian spiritual and moral values and, in general, achieving the goals of legal regulation of control over individuals under foreign influence.

Key words: foreign agent, restriction of rights, traditional values, right to pedagogical activity, national security.

В эпоху стремительного развития информационных технологий государство сталкивается с необходимостью осуществления превентивного надзора за распространением деструктивной информации. Российская Федерация, испытывающая давление со стороны запад-

ных стран, становится уязвимой перед распространением ложных сведений, материалов, направленных на пропаганду запрещенных идеологий и навязывание чуждых национальным традициям культурных установок. Подобная информационная экспансия представляет угрозу

моральным устоям общества, здоровью граждан, их правам и интересам, а также подрывает основы государственного устройства и национальной безопасности.

Для защиты конституционных принципов и традиционных духовных ценностей российского общества, обеспечения безопасности индивида, социума и государства в целом, с 2012 года в России формируется правовая база, регламентирующая надзор за субъектами, действующими в интересах иностранных государств. Первоначально данное регулирование распространялось исключительно на некоммерческие структуры, получавшие зарубежное финансирование и вовлеченные в политические процессы. Появление законодательства об иностранном влиянии обусловлено усилением попыток проникновения западной идеологии в социокультурную сферу российского государства.

С середины 1990-х годов зарубежно финансируемые некоммерческие организации под прикрытием благопристойной деятельности занимались демонстрацией западной системы ценностей, возвеличивая ее как образцовую модель. Применяя не откровенно враждебные методы, а тонкие формы идеализации, эти структуры, прикрываясь конституционным правом на идеологическое разнообразие, стремились выработать у населения чувство национальной неполноценности и восхищения навязываемыми ориентирами, подрывая устоявшиеся основы и мировосприятие российских граждан. Участвовавшие попытки организации общественно-политических выступлений, направленных против конституционных основ государства, включая массовые нарушения общественного порядка, например 6 мая 2012 года на Болотной площади в столице, окончательно определили необходимость введения ограничений и контроля над зарубежно финансируемыми НКО, участвующими в политической активности.

Антироссийская позиция западных стран по поводу воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 года включала не только односторонние экономические санкции, но и продолжение гибридного противостояния, где воздействие на духовные ценности и культуру, включая политическую, оставалось ключевым инструментом. Начало специальной военной операции на Украине и реакция Запада на решительные шаги Российской Федерации по защите национальных интересов, окончательно подтвердили, что попытки враждебного воздействия направлены исключительно на внутреннее ослабление российского государства. Функция инструмента идеологического противостояния постепенно переходила от НКО к частным лицам, активно распространяющим недостоверные сведения политиче-

ского характера через сетевые платформы и СМИ, что потребовало модернизации законодательства в сфере контроля за зарубежно финансируемыми лицами, вовлеченными в политическую деятельность.

После принятия Федерального закона от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее – ФЗ № 255-ФЗ)[1], в соответствующий реестр начали включать физических лиц. Рассматриваемый нормативный акт устанавливает, что статус иностранного агента может быть присвоен любому физическому лицу вне зависимости от его гражданства. Ключевыми критериями для этого являются:

1. Получение иностранной поддержки (в любой форме) или нахождение под внешним влиянием;
2. Одновременное осуществление одного из следующих видов деятельности:
 - участие в политической деятельности на территории РФ;
 - систематический сбор сведений в области обороны и военно-технического развития страны;
 - создание или распространение информационных материалов, имеющих общественный резонанс.

Примечательно, что законодатель не ограничивается формальными признаками, а учитывает фактическое содержание деятельности лица, что позволяет более гибко применять данные нормы на практике.

Иностранное влияние охватывает не только прямое финансирование лица из-за рубежа, но и поддержку через предоставление имущества, а также оказание организационно-методической, научно-технической и иной помощи.

На 1 мая 2025 года в Реестре иностранных агентов Минюста РФ числится 477 действующих записей о физических лицах [2].

Рассматриваемый федеральный закон в статье 11 определяет ограничения, связанные со статусом иностранного агента. К ним относятся запреты на занятие должностей в органах публичной власти (что включает ограничение активного избирательного права), участие в работе комиссий, комитетов, консультативных, совещательных, экспертных и других органов при органах публичной власти, в органах общественного контроля; исключение возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных актов и их проектов, государственной или общественной экологической экспертизы; запрет участия в избирательных кампаниях и поддержки политических партий; невозможность организации публичных мероприятий; отказ в допуске к государственной тайне; запрет

участия в государственных и муниципальных закупках; исключение государственной поддержки творческой деятельности; запреты на применение упрощенных налоговых систем и упрощенного бухгалтерского учета; ограничения деятельности в сфере критической информационной инфраструктуры. Отдельная группа запретов направлена на защиту несовершеннолетних от деструктивного воздействия, включая запрет просветительской деятельности в отношении несовершеннолетних и педагогической деятельности в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, запрет производства информационной продукции для несовершеннолетних, исключение участия в профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Кроме того, Федеральным законом от 21.04.2025 № 100-ФЗ [3] (действует с 1 сентября 2025 года) из части 9 статьи 11 ФЗ № 255-ФЗ, ограничивающей право иностранного агента на просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях, удалены слова «в отношении несовершеннолетних». Соответствующие изменения внесены в связанные нормы Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Далее – ФЗ № 273-ФЗ) [4]. Таким образом, законодатель установил еще более строгие ограничения просветительской деятельности для лиц со статусом иностранного агента.

Совокупность запретов, закрепленных в законе, наглядно демонстрирует установление всеобъемлющего контроля за деятельностью, непосредственно связанной с обеспечением различных направлений национальной безопасности государства. Анализ установленных ограничений позволяет заключить, что объектом защиты федерального закона выступают национальные интересы Российской Федерации, которые хотя и не указаны в законе напрямую, но раскрываются в политико-доктринальных документах (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») [5], включающих: поддержание общественного согласия, укрепление правопорядка, защиту конституционного строя, суверенитета, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и прочие аспекты.

Нормативные акты, регулирующие деятельность иностранных агентов, неоднократно становились объектом изучения Конституционного Суда. Ключевым судебным актом, на который впоследствии многократно опирался Конституционный Суд при вынесении определений об отклонении жалоб, стало Постановление Консти-

туционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П [6]. Хотя детальное исследование данного Постановления Конституционного Суда выходит за рамки настоящего рассмотрения (учитывая его широкое освещение в научной литературе [7,8]), важно подчеркнуть его ключевую идею. Суд в очередной раз подтвердил устоявшийся подход к регулированию гражданских прав, которые, будучи относительными, могут подвергаться законодательным ограничениям.

Подобные меры направлены на реализацию конституционно значимых целей и требуют баланса между частными интересами граждан и публичными интересами общества.

Не вызывает никаких вопросов деструктивный характер воздействия деятельности лиц со статусом иностранного агента и обоснованность ограничения их прав в целях, определенных Конституцией и Постановлением Конституционного Суда РФ. Вместе с тем представляется, что несмотря на эволюцию законодательства в рассматриваемой области, анализируемый федеральный закон содержит определенные пробелы.

Прежде всего следует обратить внимание на правовое положение физических лиц, связанных с иностранными агентами. Согласно ст. 6 ФЗ № 255-ФЗ, к таковым относится физическое лицо, состоящее (состоявшее) в органах юридического лица – иностранного агента и (или) выступающее (выступавшее) его учредителем, членом, участником, руководителем либо сотрудником; входящее (входившее) в органы незарегистрированного общественного объединения, иного объединения лиц, зарубежной структуры без образования юридического лица – иностранных агентов и (или) являющееся (являвшееся) их учредителем, членом, участником, руководителем; реализующее (реализовавшее) политическую деятельность и получающее (получавшее) финансовые средства и (или) иное имущество от иностранных агентов, включая посредников, для осуществления политической деятельности.

Минюст России ведет отдельный реестр физических лиц, связанных с иностранными агентами, однако на данную категорию не распространяются требования и ограничения, установленные для иностранных агентов, что, по нашему убеждению, не соответствует задачам повышения результативности регулирования института иностранных агентов с учетом современных угроз безопасности и суверенитету РФ. Считаем, что признаки связанного физического лица в целом свидетельствуют об их прямом участии в деятельности, относящейся к функционированию иностранного агента.

Несмотря на принятые в 2025 году изменения в ФЗ № 255-ФЗ, сохраняется их частичное

несоответствие ключевым принципам образовательной политики России. В частности, положения обновленного законодательства не в полной мере согласуются с ценностными ориентирами, закрепленными в ФЗ № 273-ФЗ.

Так, базовые принципы российской образовательной системы — включая гуманизм, опору на традиционные духовно-нравственные ценности, воспитание гражданственности и патриотизма — требуют более четкого отражения в механизмах контроля над иностранным влиянием. Закон «Об образовании» акцентирует важность формирования у обучающихся уважения к закону, экологической ответственности и рационального отношения к природным ресурсам, что пока не нашло системного воплощения в обновленных нормах 2022 года.

Считаем, что допустимость осуществления педагогической и (или) просветительской деятельности в частных образовательных учреждениях формирует условия для деструктивной активности иностранных агентов. В этой связи ограничение педагогической и (или) просветительской деятельности иностранных агентов должно иметь безусловный характер.

В целом в России функционирует свыше трехсот частных образовательных учреждений высшего образования, в которых получает образование около 450 тыс. студентов [9]. Необходимо учитывать, что помимо вузов существуют также общеобразовательные и иные профессиональные частные образовательные учреждения. Например, по информации, предоставленной Минобрнауки России в 2023 году, исключительно в Московском финансово-промышленном университете «Синергия» по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры обучалось свыше 43 тыс. студентов, преподавать которым теоретически могут и лица, получившие статус иностранного агента, следовательно, воздействовать на формирование ценностных установок, нравственных ориентиров, определяющих мировоззрение обучающихся [10].

На основе изложенного предлагается внести коррективы в ФЗ № 255-ФЗ в части приравнивания правового статуса иностранного агента и физического лица, связанного с иностранным агентом, путем распространения на связанных лиц аналогичных иностранным агентам ограничений. При этом для предоставления физическим лицам возможности утратить связанность предлагается установление определенной «амнистии связанных лиц», предусматривающей двухлетнюю отсрочку введения в действие предлагаемых законодательных изменений.

Что касается ограничения педагогической и просветительской деятельности иностранных

агентов в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, предлагается внести изменения в ФЗ № 255-ФЗ и соответствующие нормы ФЗ № 273-ФЗ, исключив формулировку «государственных и муниципальных», тем самым установив безусловный запрет на педагогическую и (или) просветительскую деятельность иностранного агента во всех типах образовательных учреждений.

С учетом формирующейся геополитической обстановки защита интересов и суверенитета РФ, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, прав и свобод человека представляет собой одно из приоритетных направлений внутренней политики государства. Предлагаемые законодательные изменения, касающиеся ограничений, накладываемых на физических лиц, получивших статус иностранного агента, по нашему мнению, будут содействовать достижению целей правового регулирования надзора за деятельностью лиц, находящихся под зарубежным влиянием.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения 29.04.2025).

[3] Федеральный закон от 21.04.2025 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статьи 9 и 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки

общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» // СПС КонсультантПлюс.

[7] Петрова-Ядреева Я.А., Назарова Н.Н.. Статус иностранного агента в Российской Федерации: проблемы трансформации // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5 (221), С. 148–150.

[8] Долгиев М.М., Долгиева М.М. Физическое лицо – иностранный агент: правовое регулирование // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 8. – С. 67–76.

[9] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, 2024 год [Электронный ресурс] URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения 29.04.2025).

[10] Российская газета, Проекты России [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2023/12/07/v-trojku-liderov-rossijskih-vuzov-po-kolichestvu-studentov-voshli-mfpu-sinergia-mgu-i-urfu.html> (дата обращения 29.04.2025).

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 goda № 255-FZ «O kontrole za deyatel'nost'yu licz, naxodyashixsya pod inostranny'm vliyaniem» // SPS Konsul'tantPlyus.

[2] Reestr inostranny'x agentov Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs] URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostnyannykh-agentov/> (data obrashheniya 29.04.2025).

[3] Federal'nyj zakon ot 21.04.2025 № 100-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii i stat'i 9 i 11 Federal'nogo zakona O kontrole za deyatel'nost'yu licz, naxodyashixsya pod inostranny'm vliyaniem» // SPS Konsul'tantPlyus.

[4] Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPlyus.

[5] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPlyus.

[6] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.04.2014 № 10-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 6 stat'i 2 i punkta 7 stat'i 32 Federal'nogo zakona O nekommercheskix organizacijax, chasti shestoj stat'i 29 Federal'nogo zakona Ob obshhestvenny'x ob`edineniyax i chasti 1 stat'i 19.34 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny'x pravonarusheniyax v svyazi s zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii, fonda Kostromskoj centr podderzhki obshhestvenny'x iniciativ, grazhdan L.G. Kuz'minoj, S.M. Smirenskogo i V.P. Yukecheva» // SPS Konsul'tantPlyus.

[7] Petrova-Yadreeva Ya.A., Nazarova N.N.. Status inostrannogo agenta v Rossijskoj Federacii: problemy transformacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 5 (221), S. 148–150.

[8] Dolgiev M.M., Dolgieva M.M. Fizicheskoe liczo – inostrannyj agent: pravovoe regulirovanie // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 8. – С. 67–76.

[9] Informacionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa deyatel'nosti obrazovatel'ny'x organizacij vy'sshego obrazovaniya, 2024 god [E'lektronnyj resurs] URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (data obrashheniya 29.04.2025).

[10] Rossijskaya gazeta, Proekty` Rossii [E'lektronnyj resurs] URL: <https://rg.ru/2023/12/07/v-trojku-liderov-rossijskih-vuzov-po-kolichestvu-studentov-voshli-mfpu-sinergia-mgu-i-urfu.html> (data obrashheniya 29.04.2025).

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЛАПИН Антон Витальевич,
Аспирант Московского института современного
академического образования (МИСАО),
e-mail: skr-lapin@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ, ИНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ И ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены различные виды юридической ответственности за правонарушения, совершенные несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних; дана их классификация. Выявлены факторы, способствующие данным деяниям и круг субъектов, привлекаемых к ответственности. В статье представлены общие суждения о механизме реального возмещения морального, физического вреда потерпевшим несовершеннолетним, в том числе, расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и т.п.

Ключевые слова: несовершеннолетние, права и интересы. правонарушение, субъекты, ответственность, возмещение вреда.

LAPIN Anton Vitalyevich,
Postgraduate student of the Moscow Institute
of Modern Academic Education (MISAO)

RESPONSIBILITY OF PARENTS, OTHER OFFICIALS AND ORGANIZATIONS FOR OFFENSES COMMITTED BY MINORS AGAINST MINORS

Annotation. This article examines various types of legal liability for offenses committed by minors against minors; their classification is given. The factors contributing to these acts and the range of subjects brought to justice are identified. The article presents general judgments on the mechanism of real compensation for moral and physical harm to minor victims, including expenses for treatment, additional nutrition, purchase of medicines, prosthetics, outside care, spa treatment, etc.

Key words: minors, rights and interests. offense, subjects, liability compensation.

В п. 1.4 Приказа Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» «заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным и транспортным прокурорам, прокурорам городов и районов, а также другим территориальным, военным и иным специализированным прокурорам (за исключением природоохранных), прокурору комплекса «Байконур» (в пределах компетенции), предписано, в частности, оперативно принимать меры к восстановлению нарушенных прав несо-

вершеннолетних, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда».

Мы выделили категории лиц, которые могут понести ответственность за противоправные деяния несовершеннолетних лиц, достигших возраста 14 лет, но не достигших возраста 18 лет (специальные субъекты ряда преступлений) против несовершеннолетних помимо самих несовершеннолетних:

- их родители, усыновители или опекуны, если они не докажут, что вред возник не по их вине;
- организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, был помещен под надзор в такую организацию;

- образовательная организация (например, в детском саду, общеобразовательной школе, гимназии, лицее),
- медицинская организация (например, в больнице, санатории),
- иная организация, осуществлявшая в этот период надзор,
- лица, осуществлявшего надзор над ним на основании договора. Указанная организация либо это лицо отвечает за причиненный малолетним во время нахождения под их надзором вред.
- лица, осуществлявшие надзор за ним на основании договора.

Остановимся на ответственности родителей за противоправные деяния несовершеннолетних.

Ч. 2 ст. 88 УК РФ предусматривает, что штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев.

Хотелось бы отметить несущественность размера штрафа в современный период.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» предусмотрено, что «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с законных представителей, например с родителей, усыновителей с их согласия. Такое решение может быть принято и по их ходатайству после вступления приговора в законную силу в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ. В любом случае суду следует удостовериться в добровольности согласия и платежеспособности таких лиц, а также разъяснить последствия неисполнения судебного решения о взыскании штрафа».

В науке уголовного права отмечается, что применение наказания в виде штрафа к родителям или законным представителям несовершеннолетнего нарушает принцип личной ответственности за совершенное преступление и противоречит части 1 ст. 43 УК РФ [22]. В.С. Комиссаров полагал, что это – «неудачное законодательное решение, которое противоречит основным принципам уголовного права, и прежде всего принципу личной ответственности» [25].

То же можно сказать и в отношении взыскания административного штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ).

Разделяем мнение Е.Е. Чередниченко, что «необходимо исключить из ч. 2 ст. 88 УК РФ положение о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия» [21].

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указано, что в случае злостного уклонения несовершеннолетнего осужденного от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он в соответствии с частью 5 статьи 46 УК РФ заменяется другим видом наказания с учетом положений статьи 88 УК РФ. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с законных представителей, например с родителей, усыновителей с их согласия. Такое решение может быть принято и по их ходатайству после вступления приговора в законную силу в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ. В любом случае суду следует удостовериться в добровольности согласия и платежеспособности таких лиц, а также разъяснить последствия неисполнения судебного решения о взыскании штрафа. Считаем, что в случае причинения вреда несовершеннолетним лица несовершеннолетнего возраста необходимо исключить согласие родителей и взыскивать штраф с них в безусловном порядке.

По п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в соответствии со статьей 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный моральный и материальный вред на общих основаниях. В случаях, когда у несовершеннолетнего осужденного, не достигшего возраста 18 лет, нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, он должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

В силу положений статей 21 и 27 ГК РФ и статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации самостоятельную ответственность за причиненный вред несут несовершеннолетние, которые в момент причинения вреда, а также в момент рассмотрения судом вопроса о возмещении вреда обладали полной дееспособностью.

При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований статьи 151 ГК РФ, принципов разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела.

Рассмотрим возмещение морального вреда, причиненного несовершеннолетним сверстнику противоправными деяниями.

Согласно п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» «в соответствии со статьей 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный моральный и материальный вред на общих основаниях. В случаях, когда у несовершеннолетнего осужденного, не достигшего возраста 18 лет, нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, он должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

В силу положений статей 21 и 27 ГК РФ и статьи 13 Семейного кодекса Российской Федерации самостоятельную ответственность за причиненный вред несут несовершеннолетние, которые в момент причинения вреда, а также в момент рассмотрения судом вопроса о возмещении вреда обладали полной дееспособностью.

При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований статьи 151 ГК РФ, принципов разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела».

Взыскать компенсацию морального вреда за вред, причиненный малолетним, не достигшим 14 лет, можно (п. п. 1 - 3 ст. 1073 ГК РФ; ст. 155.1 СК РФ; п. 9 Обзора судебной практики ВС РФ N 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 33): с его родителей (усыновителей) или опекунов, если они не докажут, что вред возник не по их вине; с организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, был помещен под надзор в такую организацию и если такая организация не докажет, что вред возник не по ее вине; с образовательной организации, медицин-

ской организации или иной организации, обязанных осуществлять за малолетним надзор, либо с лица, осуществлявшего надзор над ним на основании договора. Указанная организация либо это лицо отвечает за причиненный малолетним во время нахождения под их надзором вред, если не докажет, что вред возник не по их вине при осуществлении надзора [8].

По общему правилу, ответственность за причинение морального вреда возлагается на лицо, причинившее вред (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

В случаях, предусмотренных законом, обязанность компенсировать моральный вред может быть возложена судом на лиц, не являющихся причинителями вреда (например, на Российскую Федерацию, субъект РФ, муниципальное образование - за моральный вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ), на родителей (усыновителей), опекунов несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет (малолетнего), организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую был помещен под надзор малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, образовательную организацию, медицинскую организацию или иную организацию, обязанную осуществлять надзор за малолетним гражданином, под надзором которых он временно находился, либо на лицо, осуществлявшее надзор над малолетним гражданином на основании договора, - за моральный вред, причиненный малолетним (п. п. 1 - 3 ст. 1073 ГК РФ), и др.).

Ответственность за моральный вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, определяется в соответствии с правилами ст. 1074 ГК РФ (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33) [16].

«Вред, в том числе моральный вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, подлежит возмещению в полном объеме на общих основаниях самим несовершеннолетним (п. 1 ст. 1074 ГК РФ; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 33).

В Письме ФНС РФ от 23.11.2005 N 04-1-02/888@ «О налогообложении компенсаций» указано, что «объем и характер компенсации вреда, причиненного повреждением здоровья несовершеннолетнему, определяются в соответствии со ст. 1087 Гражданского кодекса, согласно которой в случае увечья или иного повреждения здоровья несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет (малолетнего) и не имеющего заработка (дохода), лицо, ответственное за причиненный вред, обязано возместить расходы, вызванные повреждением здоровья. А ст. 1085 Гражданского

кодекса конкретизирует, что к этим расходам в том числе относятся расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение.

Помимо возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, возмещению может подлежать также и моральный вред. Компенсация морального вреда по гражданскому законодательству возмещается в двух случаях: согласно ст. 151 Гражданского кодекса, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага; согласно ст. 1099 Гражданского кодекса моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в случаях, предусмотренных законом.

В ст. 1101 Гражданского кодекса содержится норма, по которой размер морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего».

Однако, несовершеннолетие, особенно не подлежащее уголовной ответственности в силу недостижения возраста, не всегда могут выплатить назначенный штраф, а, главное, возместить причиненный ущерб, в том числе несовершеннолетним.

Не решенной на законодательном уровне следует признать проблему полного возмещения вреда, причиненного преступлением (правонарушением), в том числе несовершеннолетним сверстнику или лицу моложе.

К сожалению, законодателем не разработан размер возмещения при причинении морального, физического вреда.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам» указано, что на «правоотношения, возникающие вследствие причинения морального вреда, полностью распространяются общие правила параграфа 1 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе и правила возмещения вреда несовершенно-

летними лицами в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, не имеющими самостоятельного источника дохода для полной компенсации морального вреда, установленные ст. 1074 ГК РФ.

При рассмотрении дела суд первой инстанции установил, что несовершеннолетние Х. и П. в результате разбойного нападения причинили потерпевшему физические и нравственные страдания и обязаны возместить причиненный ими моральный вред. Самостоятельных источников дохода для компенсации причиненного истцу морального вреда ответчики не имели, поэтому суд правильно применил ст. 1074 ГК РФ и возложил ответственность на их родителей».

Ценность представляют разъяснения, ранее сформулированные Судебной коллегией Верховного Суда РФ по следующему делу: «П., в возрасте 17 лет, управляя мотоциклом, совершил наезд на Д., также следовавшего на мотоцикле. В результате столкновения Д. были причинены телесные повреждения, его мотоцикл был разбит и восстановлению не подлежал. Вина П. в данном дорожно-транспортном происшествии была установлена. Д. предъявил в суд иск к матери виновного К. о возмещении ущерба и компенсации морального вреда.

Суд первой инстанции удовлетворил требование потерпевшего о компенсации причиненного ему морального вреда, а суд надзорной инстанции отменил данное решение, мотивируя это тем, что закон не предусматривает обязанность родителей по компенсации морального вреда, причиненного действиями их несовершеннолетних детей. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменившая решение в этой части, указала, что «такое толкование ст. 1074 ГК РФ ошибочно, так как эта норма расположена в параграфе 1 гл. 59 ГК РФ, регулирующем общие положения о возмещении вреда, и, следовательно, она регулирует правоотношения, возникающие при причинении всякого вреда, как имущественного, так и морального».

Эта позиция была подтверждена при рассмотрении еще одного гражданско-правового спора, возникшего в результате нападения несовершеннолетних П. и Х. на подростка Б., повлекшего причинение ему тяжких телесных повреждений. Отец потерпевшего в интересах своего сына обратился в суд с иском к П. и Х. о компенсации морального вреда. Дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, которая указала: «Поскольку судом было установлено, что несовершеннолетние П. и Х. причинили потерпевшему физические и нравственные страдания, они обязаны возместить причиненный ему моральный вред. Самостоятельных источников дохода ответчики не

имели, поэтому суд правильно возложил ответственность за причиненный вред на их родителей» [26].

В другом случае родители были освобождены от ответственности при недоказанности факта наличия вины в поведении родителей [9]: «Шатурским городским судом Московской области было рассмотрено дело по иску Гусевой к Лебедевой, в котором истица просила возместить убытки, нанесенные ее сыну дочерью ответчицы в школе. Как следует из материалов дела, в школе одноклассница толкнула мальчика, и тот ударился о стенной косяк, в связи с чем у него был сломан зуб и разбита губа. Понадобилось лечение. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 26 января 2010 года N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» родители или иные законные представители отвечают за вред, причиненный несовершеннолетним, в случае если с их стороны имело место безответственное отношение к воспитанию ребенка и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т.д.). Суд не находит оснований полагать, что родителями причинителя вреда было допущено безответственное отношение к воспитанию ребенка, неосуществление должного надзора и контроля и т.п. Родители интересуются процессом учебы ребенка, осуществляют должный уход за ним, находятся в тесном контакте с ребенком. В связи с этим суд не находит вины в поведении родителей. Так, суд решил отказать в удовлетворении требований истицы» [27].

А.В. Афанасьевская считает, что отдельно законодательством Российской Федерации урегулированы возможные правовые последствия деяний, которые в ряде случаев могут быть следствием буллинга (травли). Потерпевший (жертва буллинга) под воздействием агрессора также получает травмы психологического характера - неуверенность в себе, стыд и т.п. То есть последствия буллинга выражаются в нанесении морального вреда, который тоже надлежит компенсировать. Представляется логичным привлекать к возмещению морального вреда за подобные действия, совершаемые детьми, не достигшими возраста четырнадцати лет или от четырнадцати до восемнадцати лет, не имеющими дохода, родителей и других лиц, осуществляющих воспитательную деятельность на законных основаниях, компенсируя моральный вред, причиненный их детьми [2].

В случае посягательства на принадлежащие потерпевшему нематериальные блага, к которым

относятся в том числе честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация, жизнь и здоровье, в судебном порядке (в рамках гражданского дела) можно требовать компенсации морального вреда, причиненного виновными независимо от факта его привлечения к административной или уголовной ответственности (ст. 150 - 152 ГК РФ) [28].

И.В. Корнев считает, что «при причинении вреда малолетними вина родителей - это их ненадлежащие действия или бездействие по воспитанию и надзору за детьми, указывается и в научной литературе: «под виной родителей, опекунов и попечителей (пп. 1, 2 ст. 1073 ГК, пп. 1, 2 ст. 1074 ГК) следует понимать неосуществление обязанностей по воспитанию, содержанию несовершеннолетних, а также неосуществление должной заботы о несовершеннолетних и (или) безответственное отношение к указанным обязанностям, либо неправомерное использование своих прав по отношению к детям, либо несоблюдение предусмотренных прав ребенка, если указанные действия/бездействие выражаются, в частности, в неосуществлении необходимого надзора за несовершеннолетними, в результате чего наблюдалось неправомерное поведение детей, повлекшее причинение вреда (например, попустительство или поощрение озорства, хулиганских действий, безнадзорность детей, отсутствие к ним внимания и т.п.)» [10].

Н.М. Хромова указывает, что в «общей является возможность применения субсидиарной ответственности к родителям или законным представителям несовершеннолетнего. Кроме того, правило о субсидиарной ответственности указанных лиц основано на конституционной обязанности родителей по воспитанию несовершеннолетних (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ). Исходя из этого при причинении вреда, совершении несовершеннолетним преступления или административного правонарушения будет иметь место также вина родителей (безответственное отношение к воспитанию и надзору), что согласуется с положениями пункта 2 ст. 1074 ГК РФ. В связи с этим корреляцию положений гражданского, уголовного и административного права следует признать обоснованной» [20].

«В суд обратилась женщина, которая заявила, что в одной из групп появился пост с оскорблением её дочери. В посту был указан телефон и адрес дочери заявительницы. Проверка показала, что пост разместила бывшая подруга пострадавшей. Экспертиза показала, что текст содержит заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство пострадавшей. На момент совершения преступления оставившая пост школьница не достигла возраста уголовной ответственности. Иркутский областной суд иск

рассмотрел и постановил, что семья школьницы должна заплатить бывшей подруге 60 тысяч рублей» [29].

Обязанность по возмещению вреда может быть субсидиарно возложена на его родителей (усыновителей), попечителей полностью или частично, если они не докажут, что вред возник не по их вине, - в случае отсутствия у такого несовершеннолетнего дохода или имущества, достаточного для возмещения вреда (п. 2 ст. 1074 ГК РФ; п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 1)» [30].

Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»: при рассмотрении дел по искам о возмещении вреда, причиненного малолетними и несовершеннолетними, необходимо учитывать следующее: родители (усыновители), опекуны, попечители, а также организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор (статья 155.1 СК РФ), отвечают в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 1073, пунктом 2 статьи 1074 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетним, если с их стороны имело место безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т.п.). Обязанность по воспитанию на указанных лиц возложена статьями 63, 148.1 и 155.2 СК РФ» [31].

Так, в одном деле суд, взыскивая денежную компенсацию на лечение от телесных повреждений и компенсацию морального вреда, причиненные малолетним своему однокласснику, пришел к выводу о том, что «со стороны родителей несовершеннолетнего имело место ненадлежащее исполнение своих родительских обязанностей, родители не смогли повлиять на поведение своего ребенка и привить ему правила поведения в общественных местах, не воспитали в сыне уважение к сверстникам, что привело к девиантному поведению и сознательному причинению им телесных повреждений» [32].

Ненадлежащее исполнение своих родительских обязанностей, не возможность повлиять на поведение своего ребенка и привить ему правила поведения в общественных местах, не воспитание в сыне уважения к сверстникам, это, по сути, бездействие, совершаемое с неосторожной формой вины.

В научной литературе сложилось два подхода к основанию ответственности родителей за вред, причиненный малолетними гражданами.

Одни ученые считают, что родители отвечают независимо от своей вины [15], другие обосновывали виновную природу их ответственности, в том числе за ненадлежащее поведение по воспитанию ребенка и/или за вредоносное поведение самого ребенка [1].

Считаем важным подчеркнуть тот факт, что потерпевшему (жертве) не важно, имело ли место безответственное отношение родителей к воспитанию насильника и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т.п.). Здесь сталкиваются интересы и права виновных и жертв. Как общество стремится к исключению безнаказанности виновного, так и общество должно стремиться защитить права жертвы-несовершеннолетнего в любом случае. Если родители обязаны надлежаще воспитывать и осуществлять контроль за своим ребенком, так они обязаны возмещать причиненный им ущерб в безусловном порядке.

Абсолютно согласны с Ю.А. Голубцовой, что «родители (усыновители), опекуны должны нести ответственность за вред, причиненный малолетним ребенком, независимо от своей вины. При этом им необходимо предоставить возможность доказывания объективных обстоятельств, препятствующих воспитанию ребенка и осуществлению надзора за ним, что будет являться основанием для освобождения их от ответственности» [6].

Ю.В. Николаева права, что в ряде случаев «пассивное поведение взрослых лиц, являющихся воспитателями или родителями, а также иных лиц, на которых законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетних, не препятствующих преступной деятельности несовершеннолетних, представляет не меньшую общественную опасность, чем активные действия. В науке предлагалось проблему привлечения к ответственности за бездействие, приведшее к преступлению несовершеннолетнего, решать с позиций учения о попустительстве преступления. В этой связи высказывалась мысль о конструировании самостоятельного состава попустительства преступления несовершеннолетних [23], с чем следует согласиться. Указанный состав целесообразно предусмотреть в самостоятельной статье при следующей редакции: «Попустительство общественно опасному поведению несовершеннолетних со стороны родителей или иных лиц, ответственных за их воспитание, повлекшее совершение несовершеннолетним предусмотренного настоящим Кодексом деяния, покушения на его совершение либо приготовление его к предусмотренным настоящим Кодексом тяжким или особо тяжким преступлениям...» [13].

Приведем пример, «в апреле 2025 года в столичной школе № 2120 двое несовершеннолетних мигрантов накинулись со спины на восьмиклассника, им не понравились его бледный цвет кожи и окрашенные чёрные волосы. Жертву кинули на пол, а затем начали избивать ногами по голове. В итоге пострадавший потерял сознание, и у него начались судороги, врачи зафиксировали сотрясение мозга и перелом челюсти. Подростков пообещали поставить на внутренний школьный учёт, а с их родителями провести воспитательную беседу» [33]. Считаю такую ответственность недостаточной, а факт выплаты компенсации не указан.

Помимо имущественной, считаем необходимым рассмотреть вопрос об административной ответственности родителей за совершенные подрастающими преступления, тем самым усилить их понимание ответственности за воспитание детей и осознание ответственности за причиненный ребенком вред другим лицам, в том числе несовершеннолетним.

Ю. Терешко и Е. Иванова предлагают «для искоренения причин хулиганства, установить административную ответственность родителей (или иных законных представителей) недорослей-правонарушителей. По нынешним нормам Кодекса мелкое хулиганство («нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества») «тянет» на административный штраф - от 500 до 1000 рублей или на административный арест на срок до 15 суток. Причем только для самого нарушителя общественного спокойствия.

Целесообразным в воспитательных целях ударить по карману родителей (или иных законных представителей) хулиганов соответствующим штрафом - в размере от 300 до 500 рублей [17].

В практике есть случаи привлечения к ответственности образовательное учреждение, где подростки причиняли вред сверстникам. Так, в апреле 2025 года в г. Санкт-Петербурге «привлекли к административной ответственности школу и оштрафовали за сломанный сверстником нос ученика и сотрясение мозга. Административное дело возбудили по ч. 2 статьи 5.57 КоАП РФ (нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций). Установлено, что 14 января 2025 года во время перемены семиклассник в коридоре школы на глазах у других ребят ударил ученика восьмого класса. Представитель школы вину не признала. Суд назначил учебному заведению штраф в 50 тысяч рублей» [34].

Рассмотрим другой пример, «Октябрьский районный суд Омска обязал детский сад выплатить 100 тысяч рублей компенсации родителям трехлетней девочки, пострадавшей от укусов другой воспитанницы. Девочка кусала ровесницу, когда обе оказались без присмотра. Потерпевшая получила не менее 16 кровоподтеков от укусов. В момент происшествия старший воспитатель находилась вне группы с несколькими детьми для фотосъемки, а младший воспитатель – в буфетной, где помогала ребенку наливать воду. Заведующую детским садом привлекли по административной статье о нарушении прав и свобод обучающихся. Прокуратура также добилась взыскания с учреждения 100 тысяч рублей в пользу родителей в качестве компенсации морального вреда» [35].

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 был рассмотрен случай, когда «1 ноября 2016 г. у здания школы несовершеннолетний К. в ходе борьбы с несовершеннолетним сыном истца И. упал на него, причинив вред его здоровью.

По данному факту на основании заявления Е. сотрудниками органа внутренних дел проведена проверка, по результатам которой вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего К. в связи с отсутствием в деянии состава преступления, поскольку причинитель вреда на момент совершения деяния не достиг возраста, с которого допускается привлечение к уголовной ответственности.

Из акта судебно-медицинского исследования следует, что при обследовании И. в стационарных условиях у него выявлено повреждение, которое исходя из характера, вида, расположения причинено в результате травматического воздействия (удара, сдавливания) тупого твердого предмета, вероятно, 1 ноября 2016 г., повлекло значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на 1/3 и по этому признаку расценивается как тяжкий вред здоровью.

Исходя из подлежащих применению норм материального права, регулирующих спорные отношения, суду первой инстанции надлежало поставить на обсуждение сторон вопрос о привлечении к участию в деле в качестве соответчика образовательного учреждения, которое в соответствии с п. 3 ст. 1073 ГК РФ отвечает за причиненный вред малолетнему гражданину во время, когда он временно находился под надзором образовательного учреждения.

Однако суд в нарушение приведенных выше норм процессуального законодательства рассмотрел данное дело по иску Е. в интересах несо-

вершеннолетнего сына И. к М. и А. о компенсации морального вреда без привлечения к участию в деле в качестве соответчика школы» [36].

В приведенном примере достаточно подробно, обстоятельно рассмотрены случаи привлечение к моральной ответственности образовательное учреждение, на наш взгляд, если посяательства несовершеннолетних осуществлялись на территории такового взыскание компенсации должно проводиться в обязательном, безусловном порядке.

Однако, по мнению В.А. Курбенкова и А.Ю. Новосельцева «в настоящее время исходя из предоставленных законодательством полномочий школа объективно не может быть субъектом профилактики правонарушений несовершеннолетних. Учебные учреждения не располагают реальными возможностями по поддержанию дисциплины, не могут отчислить правонарушителя, не определен порядок их взаимодействия с ОВД. Лишь после решения этих проблем можно будет поставить вопрос об ответственности работников образования за факты буллинга в школе и возникновение хулиганских группировок» [11].

В этой связи заслуживает внимания опыт зарубежных стран, так Закон № 71/2017 Италии требует от школ определить педагога-референта с задачей координации инициатив по предотвращению и борьбе с буллингом. В случае, если случай буллинга не является преступлением, директор школы, которому становится известно о нем, должен незамедлительно уведомить об этом родителей (опекунов) несовершеннолетних и принять воспитательные меры.

Во исполнение законов были приняты судебные решения, например приговор № 633/2020 суда г. Болоньи постановил, что дисциплинарное взыскание в отношении учителя, который не предотвратил издевательства, было законным; и приговор № 1087/2020 суда г. Реджо-ди-Калабрия, в котором указаны критерии оценки ущерба, причиненного в результате издевательства. «Отсутствие оперативного решения проблемы и непринятие положений Закона № 71/2017 и вышеупомянутых Руководящих принципов, а также недостатки в области надзора налагают на школу обязанность выплатить компенсацию за ущерб на основании положений ст. 28 Конституции, а также ст. 1218 и 2048 Гражданского кодекса Италии.

Но возмещение ущерба, помимо любого регресса, влечет за собой дисциплинарную ответственность, предусмотренную § 1 ст. 55, Законодательного декрета № 165/2001: «1. Нарушение обязанностей, связанных с выполнением работ, которое повлекло за собой предписание администрации возместить ущерб, в любом случае влечет за собой в отношении виновного

работника применение временного отстранения от службы с лишением содержания от службы на срок от трех дней до трех месяцев пропорционально размеру компенсации, если не выполнены условия для применения более серьезного наказания дисциплинарное взыскание». Таким образом, в Италии предприняты все меры, чтобы учащийся мог «хорошо себя чувствовать в школе», и действующее законодательство справедливо требует не только принятия предусмотренных мер, но и существенной административной, дисциплинарной, управленческой, гражданской, уголовной ответственности» [37].

В Италии, кибербуллинг, в том числе совершаемый несовершеннолетними, подпадает под признаки ряда преступлений: статья 595 «Диффамация»: кто общаясь более чем с одним лицом, оскорбляет репутацию других лиц, наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом в размере до десяти тысяч лир. Если правонарушение заключается в установлении конкретного факта, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, либо штрафа в размере до двадцати тысяч лир. Если преступление совершено посредством печати или иным способом публичного освещения или публичным актом, то наказанием является лишение свободы на срок от шести месяцев до трех лет или штраф в размере не менее пяти тысяч лир.

Статья 596-бис «Клевета через прессу»: если преступление диффамации совершено с помощью прессы, то положения предыдущей статьи распространяются также на главного редактора или заместителя главного редактора, на издателя и на издателя» [38].

Таким образом, ответственность за клевету (буллинг часть клеветы) могут нести и редакторы, и издатели СМИ.

Издевательства и/или кибербуллинг часто представляют собой поведение против субъекта «травли» с уголовным уклоном, которое может преследоваться по жалобе оскорбленной стороны или «ex officio», так директора школ и учителя являются государственными должностными лицами, или им становится известно о кибербуллинге обязаны сообщить об этом в прокуратуру или в полицию, а инертность в этом отношении представляет собой преступление, указанное в статье 361 Уголовно-процессуального кодекса: «Государственное должностное лицо, которое не сообщает или задерживает сообщение в судебный орган или в другой орган, обязанный сообщать ему о преступлении, о котором ему стало известно при исполнении или в связи с выполнением своих функций наказывается штрафом в размере от 30 до 516 евро». Также важно положение статьи 316 УПК Италии, что «Если есть

веские основания полагать, что гарантии уплаты денежного штрафа, судебных издержек и любой другой суммы, причитающейся Государственной казне, отсутствуют или утеряны, государствен- ный обвинитель на каждой стадии и уровне судеб- ного разбирательства по существу дела ходатай- ствует о предупредительном аресте движимого или недвижимого имущества ответчика или сумм или вещей, причитающихся ему, в той мере, в какой закон допускает их арест. Если есть веские основания полагать, что гарантии гражданских обязательств, вытекающих из преступления, отсутствуют или утеряны, гражданский истец может ходатайствовать о предупредительном аресте активов ответчика или лица, ответствен- ного за гражданский ущерб» [39].

Таким образом, имущество виновных смо- жет быть арестовано. Такую меру следовало бы распространить как обязательную после уста- новления обязательной компенсации вреда потерпевшему несовершеннолетнему. Это, в пер- вую, очередь будет касаться родителей под- ростака.

Во Франции уже принят ряд законов о про- тиводействии буллингу. Важно, что в УК Франции есть статья 222-33-2-2, предусматривающая ответственность за «акт причинения вреда како- му-либо лицу путем неоднократных слов или дей- ствий, имеющих своей целью или следствием ухудшение условий его жизни, повлекший за собой ухудшение его физического или психиче- ского здоровья, наказываются лишением сво- боды на срок до двух лет и штрафом в размере 30 000 евро когда они совершены в отношении несовершеннолетнего, либо когда они были совершены с использованием онлайн-службы связи общего пользования или с помощью циф- ровых или электронных средств; либо когда несовершеннолетний присутствовал» [40].

Крайней и не совсем справедливой мерой считаем привлечение к уголовной ответствен- ности сотрудников органов профилактики, напри- мер в СМИ прошла информация, что «возбуж- дено уголовное дело по факту гибели двух под- ростков в селе Садовое в Республике Калмыкия. В начале марта в селе Сарпинского района был найден повешенным подросток. В ночь с 8 на 9 марта мальчик подвергся избиению и унижению группой сверстников. Происходящее подростки снимали на видео, после чего распространили его среди школьников. Это и стало, по версии следствия, самой вероятной причиной смерти ребенка.

Как только стало известно о трагедии, в том же селе бесследно пропал другой 14-летний мальчик, который участвовал в травле погибшего мальчика. 20 марта пропавший ребенок также

был найден повешенным. Не позднее 10 марта 2025 года должностные лица системы профилак- тики безнадзорности и правонарушений несо- вершеннолетних Сарпинского района ненадле- жащим образом исполняли свои должностные обязанности по проведению профилактической работы, обеспечению соблюдения прав и закон- ных интересов несовершеннолетних, осущест- влению их защите от всех форм дискриминации, физического и психического насилия, оскорбле- ния и грубого обращения, что повлекло суще- ственное нарушение прав и законных интересов двух несовершеннолетних» [41].

Переходя к выводам, следует указать сле- дующее:

1. Потерпевшему (жертве) не важно, имело ли место безответственное отношение родите- лей к воспитанию насильника и неосущест- вление должного надзора за ним (попусти- тельство или поощрение озорства, хулиган- ских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т.п. Здесь сталкиваются интересы и права виновных и жертв. Как общество стремится к исключе- нию безнаказанности виновного, так и общество должно стремиться защитить права жертвы-несовершеннолетнего в любом случае. Если родители обязаны над- лежаще воспитывать и осуществлять кон- троль за своим ребенком, так они обязаны возмещать причиненный им ущерб в безус- ловном порядке. Абсолютно согласны с Ю.А. Голубцовой, что «родители (усынови- тели), опекуны должны нести ответствен- ность за вред, причиненный малолетним ребенком, независимо от своей вины. При этом им необходимо предоставить возмож- ность доказывания объективных обстоя- тельств, препятствующих воспитанию ребенка и осуществлению надзора за ним, что будет являться основанием для освобо- ждения их от ответственности» [6].
2. При применении штрафа или возмещения ущерба, причиненного несовершеннолет- ним сверстнику следует вводить арест на имущество виновных или его родителей.
3. Целесообразно разработать нормативы по реальному возмещению морального, физи- ческого вреда потерпевшим несовершен- нолетним, в том числе, расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и т.п.

Список литературы:

- [1] Агарков М. М. Обязательства из причи- нения вреда // Проблемы социалистического права. – 1939. – N 3. – С. 61.

- [2] Афанасьевская А.В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – N 3. – С. 245–252.
- [3] Брагинский М. И. К вопросу об ответственности за чужие действия по советскому гражданскому праву // Труды ВЮЗИ. – 1961. – Т. 1. – С. 71.
- [4] Бриллиантов А.В. Новые особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Российский судья. – 2004. – N 2. – С. 13.
- [5] В каких случаях и в каком размере родители должны возместить вред, причиненный их детьми? // Азбука права: электрон. журн. – 2025.
- [6] Голубцова Ю. А. Вина родителей (усыновителей) и опекунов при причинении вреда несовершеннолетними, не достигшими четырнадцати лет // Цивилист. – 2024. – N 5. С. 52–57.
- [7] Звенигородская Н. Ф. Проблема разграничения договорной семейно-правовой ответственности и гражданско-правовой ответственности приемных родителей // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – N 3.
- [8] Когда и в каком размере можно требовать компенсации морального вреда? // Азбука права: электрон. журн. – 2025.
- [9] Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. – М.: Юстицинформ, 2023. – 672 с.
- [10] Корнев И.В. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними, в зарубежном и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9–10.
- [11] Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. – 2020. – N 3. – С. 95–102.
- [12] Маркосян С. В. Несовершеннолетний должник и его законные представители // Налоги. – 2008. – N 25.
- [13] Николаева Ю. В. Уголовно-правовая охрана физического и психического развития несовершеннолетних от преступных посягательств // Право и политика. – 2008. – N 2. – С. 404–412.
- [14] Петрова О.Н. Роль наказания в превенции преступности несовершеннолетних в свете изменений Уголовного кодекса Российской Федерации // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / под ред. А.И. Долговой. – М., 2004. – С. 155–160.
- [15] Свердлов Г. М. Охрана интересов детей в советском семейном гражданском праве. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – С. 142.
- [16] Спор о компенсации морального вреда (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. – 2025.
- [17] Терешко Ю., Иванова Е. Родители за детей отвечают // ЭЖ-Юрист. – 2007. – N 35.
- [18] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: «Статут», 2012.
- [19] Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 105–106.
- [20] Хромова Н.М. Правовой статус несовершеннолетних: частный и публичный аспекты // Российская юстиция. – 2024. – N 8. – С. 23–34.
- [21] Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.
- [22] Черненко И.В. Особенности лишения свободы на определенный срок для несовершеннолетних // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2006. – N 1. – С. 17.
- [23] Шевченко Н. П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 23.
- [24] Яичков К. К. Ответственность родителей за причиненный детьми вред // Социалистическая законность. – 1950. – N 6. – С. 38.
- [25] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: «Статут», 2012.
- [26] Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. N 1. С. 24.
- [27] Решение Шатурского городского суда Московской области от 6 мая 2013 года по делу N 2-521/13. URL: [Электронный ресурс]. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/3oZRXgrMOg5X/7regular-txt> (дата обращения: 29.03.2023).
- [28] О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие») : Письмо Минобрнауки России от 13.12.2022 № МН-6/1873 // Вестник образования России. 2023. N 4.
- [29] Семья подростка из Приангарья заплатит за оскорбление девочкой знакомой [Электронный ресурс]. URL : <https://dzen.ru/a/aDIW2EGxbUfLOHO7>.

[30] В каких случаях и в каком размере родители должны возместить вред, причиненный их детьми? // *Азбука права: электрон. журн.* 2025.

[31] О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2010. N 3.

[32] Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июня 2022 г. по делу N 33-21470/2022№; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2015 г. по делу N 33-31054/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из системы «Консультант-Плюс».

[33] Детей били «кавказцы», а задержали защитников ребят: Делягин требует [Электронный ресурс]. URL : <https://dzen.ru/a/aBDWds0DSRxcsmGpc>.

[34] Петербургскую школу оштрафовали за сломанный сверстником нос ученика [Электронный ресурс]. URL : https://dzen.ru/a/Z_77Hp9Jd3kRpngn.

[35] Суд в Омске взыскал 100 тысяч рублей компенсации за укусы ребенка в детском саду [Электронный ресурс]. URL : <https://dzen.ru/a/aA9Fy80DSRxcORCi>.

[36] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2020. N 4.

[37] Буллинг в школе: правовые аспекты [Электронный ресурс]. URL : <https://www.dirittoscolastico.it/il-bullismo-a-scuola-aspetti-giuridici>.

[38] Уголовный кодекс Италии: Преступления против личности [Электронный ресурс]. URL : <https://www.studiocataldi.it/codicepenale/delitti-persona.asp>.

[39] Codice di procedura penale 2023 [Электронный ресурс]. URL : <https://www.brocardi.it/codice-di-procedura-penale>.

[40] Раздел 5: Психологическое преследование (статьи 222-33-2 - 222-33-2-3) [Электронный ресурс]. URL : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165282/#LEGISCTA000047052746.

[41] Григорьев В. На сотрудников органов профилактики возбуждено дело после гибели подростков в Калмыкии [Электронный ресурс]. URL : <https://dzen.ru/a/aBXWcnrDiSdK8Fn>.

Spisok literatury:

[1] Agarkov M. M. Obyazatel'stva iz prichineniya vreda // *Problemy` socilisticheskogo prava.* – 1939. – N 3. – S. 61.

[2] Afanas`evskaya A.V. K voprosu o grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti nesovershennoletnix // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie.* – 2022. – N 3. – S. 245–252.

[3] Braginskij M. I. K voprosu ob otvetstvennosti za chuzhie dejstviya po sovetskomu grazhdanskomu pravu // *Trudy` VYuZl.* – 1961. – T. 1. – S. 71.

[4] Brilliantov A.V. Novy`e osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnix // *Rossiiskij sud`ya.* – 2004. – N 2. – S. 13.

[5] V kakix sluchayax i v kakom razmere roditeli dolzhny` vozместиť vred, prichinenny` ix det'mi? // *Azbuka prava: e`lektron. zhurn.* – 2025.

[6] Golubczova Yu. A. Vina roditel'ej (usy`novitelej) i opekunov pri prichinenii vreda nesovershennoletnimi, ne dostigshimi chety`rnadczati let // *Civilist.* – 2024. – N 5. S. 52–57.

[7] Zvenigorodskaya N. F. Problema razgranicheniya dogovornoj semejno-pravovoj otvetstvennosti i grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti priemny`x roditel'ej // *Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie.* – 2011. – N 3.

[8] Kogda i v kakom razmere možno trebovat` kompensacii moral'nogo vreda? // *Azbuka prava: e`lektron. zhurn.* – 2025.

[9] Konvergenciya chastnopravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij skvoz` prizmu e`ffektivnosti prava: monografiya / K.A. Abdullaev, A.V. Abramova, E.A. Aby`zova i dr.; otv. red. A.N. Levushkin, E.X. Nady`seva. – M.: Yusticinform, 2023. – 672 s.

[10] Kornev I.V. Vozmeshhenie vreda, prichinnogo nesovershennoletnimi, v zarubezhnom i rossijskom prave: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 9–10.

[11] Kurbenkov V. A., Novosel`cev A. Yu. Bulling v rossijskix shkolax: pravovy`e problemy` profilaktiki // *Zhurnal rossijskogo prava.* – 2020. – N 3. – S. 95–102.

[12] Markosyan S. V. Nesovershennoletnij dolzhnik i ego zakonny`e predstaviteli // *Nalogi.* – 2008. – N 25.

[13] Nikolaeva Yu. V. Ugolovno-pravovaya ohrana fizicheskogo i psicheskogo razvitiya nesovershennoletnix ot prestupny`x posyagatel'stv // *Pravo i politika.* – 2008. – N 2. – S. 404–412.

[14] Petrova O.N. Rol` nakazaniya v prevencii prestupnosti nesovershennoletnix v svete izmenenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Prestupnost` kak ona est` i napravleniya antikriminal`noj politiki / pod red. A.I. Dolgovoij.* – M., 2004. – S. 155–160.

[15] Sverdlov G. M. Ohrana interesov detej v sovetskom semejnom grazhdanskom prave. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. – S. 142.

[16] Spor o kompensacii moral'nogo vreda (na osnovanii sudebnoj praktiki Moskovskogo gorodskogo suda) // *Pomoshchnik advokata: e`lektron. zhurn.* – 2025.

[17] Tereshko Yu., Ivanova E. Roditeli za detej otvechayut // EZh-Yurist. – 2007. – N 35.

[18] Uголовное право Rossijskoj Federacii. Obshhaya chast': Uchebnik dlya vuzov / pod red. V.S. Komissarova, N.E. Kry'lovoj, I.M. Tyazhkovoj. – M.: Statut, 2012.

[19] Flejshicz E. A. Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashheniya. – M.: Gosyurizdat, 1951. – S. 105–106.

[20] Xromova N.M. Pravovoj status nesovershennoletnix: chastnyj i publicznyj aspekty // Rossijskaya yusticiya. – 2024. – N 8. – S. 23–34.

[21] Cherednichenko E.E. Principy ugovnogo zakonodatel'stva: ponyatie, sistema, problemy zakonodatel'noj reglamentacii. – M.: Volters Kluver, 2007. – 192 s.

[22] Chernenko I.V. Osobennosti lisheniya svobody na opredelennyj rok dlya nesovershennoletnix // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – N 1. – S. 17.

[23] Shevchenko N. P. Uголовnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Stavropol', 2003. – S. 23.

[24] Yaichkov K. K. Otvetstvennost' roditel'ej za prichinennyj det'mi vred // Socialisticheskaya zakonost'. – 1950. – N 6. – S. 38.

[25] Uголовное право Rossijskoj Federacii. Obshhaya chast': Uchebnik dlya vuzov / pod red. V.S. Komissarova, N.E. Kry'lovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Statut, 2012.

[26] Nekotory'e voprosy sudebnoj praktiki po grazhdanskim delam // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2001. N 1. S. 24.

[27] Reshenie Shaturskogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 6 maya 2013 goda po delu N 2-521/13. URL: [Elektronnyj resurs]. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/3oZRXgrMOg5X/7regular-txt> (data obrashheniya: 29.03.2023).

[28] O napravlenii metodicheskix rekomendacij (vmeste s Metodicheskimi rekomendacijami dlya sotrudnikov obrazovatel'nyx organizacij vy'sshego obrazovaniya, kuriruyushhix vospitatel'nuyu rabotu s molodezh'yu, po profilaktike bullinga (travli) sredi obuchayushhixsya. Metodicheskoe posobie) : Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 13.12.2022 № MN-6/1873 // Vestnik obrazovaniya Rossii. 2023. N 4.

[29] Sem'ya podrostka iz Priangar'ya zaplatit za oskorblenie devochkoj znakomoj [Elektronnyj resurs]. URL : <https://dzen.ru/a/aDIW2EGxbU-FLHO7>.

[30] V kakix sluchayax i v kakom razmere roditeli dolzhny vozместit' vred, prichinennyj ix det'mi? // Azbuka prava: e'lektron. zhurn. 2025.

[31] O primenenii sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushhego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 26.01.2010 N 1 // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2010. N 3.

[32] Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16 iyunya 2022 g. po delu N 33-21470/2022№; Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 avgusta 2015 g. po delu N 33-31054/2015 // Dokument opublikovan ne by'l. Dostup iz sistemy «Konsul'tant-Plyus».

[33] Detej bili kavkazcy, a zaderzhali zashhitnikov rebyat: Delyagin trebuet [Elektronnyj resurs]. URL : <https://dzen.ru/a/aBDWds0DSRxcMgpc>.

[34] Peterburgskuyu shkolu oshtrafovali za slo-mannyj sverstnikom nos uchenika [Elektronnyj resurs]. URL : https://dzen.ru/a/Z_Z7Hp9Jd3kRp-ngn.

[35] Sud v Omske vzy'skal 100 ty'syach rublej kompensacii za ukusy rebenka v detskom sadu [Elektronnyj resurs]. URL : <https://dzen.ru/a/aA9Fy80DSRxcORCi>.

[36] Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 3 (2019), utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2020. N 4.

[37] Bulling v shkole: pravovy'e aspekty [Elektronnyj resurs]. URL : <https://www.dirittoscolastico.it/il-bullismo-a-scuola-aspetti-giuridici>.

[38] Uголовnyj kodeks Italii: Prestupleniya protiv lichnosti [Elektronnyj resurs]. URL : <https://www.studiocataldi.it/codicepenale/delitti-persona.asp>.

[39] Codice di procedura penale 2023 [Elektronnyj resurs]. URL : <https://www.brocardi.it/codice-di-procedura-penale>.

[40] Razdel 5: Psixologicheskoe presledovanie (stat'i 222-33-2 - 222-33-2-3) [Elektronnyj resurs]. URL : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165282/#LEGISCTA0000047052746.

[41] Grigor'ev V. Na sotrudnikov organov profilaktiki vozbuzhdeno delo posle gibeli podrostkov v Kalmykii [Elektronnyj resurs]. URL : <https://dzen.ru/a/aBXWcncrDiSdK8Fn>.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-289-294

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

БЕРЕЗИНА Юлия Петровна,
аспирант IV курса кафедры
гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Хакасского государственного университета им.Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Российская Федерация,
заместитель генерального директора
по правовым вопросам ООО «Разрез Аршановский»,
e-mail: y.p.berezina@yandex.ru

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Аннотация. В России медиация является относительно новым способом разрешения спора. Основное ее преимущество – разрешение спора самими сторонами конфликта, при котором между ними сохраняются добропорядочные отношения. Несмотря на значительное достоинство этой альтернативной процедуры, медиация до настоящего времени широкого распространения в нашей стране не получила. Одной из причин такого положения дел, наряду с отсутствием в обществе информации о преимуществах этого способа разрешения спора, является недоверие спорящих сторон к медиатору, который не всегда имеет специальные познания в сфере, в которой имеется спор. Касается это прежде всего профессиональной деятельности и деловых споров. В связи с указанным особую значимость приобретает вопрос компетентных знаний о предмете спора для повышения эффективности медиативного процесса. Данная работа посвящена анализу использования специальных познаний (на уровне экспертных) в процессе профессиональной медиации.

Ключевые слова: медиация, медиатор, эксперт, эксперт-маркшейдер.

BEREZINA Y.P.,
4th year post-graduate student of the Department
of Civil Law and Criminal Law Disciplines,
Khakass State University, Deputy General Director
for Legal Affairs of Razrez Arshanovskiy, LLC

EXPERT OPINION IN THE MEDIATION PROCEDURE

Annotation. In Russia, mediation is a relatively new way of resolving a dispute. Its main advantage is that the parties to the conflict resolve the dispute themselves, while maintaining good relations between them. Despite the significant merits of this alternative procedure, mediation has not yet become widespread in our country. One of the reasons for this state of affairs, along with the lack of information in society about the advantages of this method of dispute resolution, is the distrust of the disputing parties to the mediator, who does not always have special knowledge in the area in which the dispute is taking place. This applies primarily to professional activities and business disputes. In connection with the above, the issue of competent knowledge about the subject of the dispute is of particular importance in order to increase the effectiveness of the mediation process. This work is devoted to the analysis of the use of special knowledge (at the expert level) in the process of professional mediation.

Key words: mediation, mediator, expert, expert mine surveyor.

Введение

01.01.2011 вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее по тексту – Закон о медиации).

В последующем Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Федеральные

законы «О третейских судах в Российской Федерации» и «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» дополнены статьями, предоставляющими право сторонам урегулировать спор с помощью процедуры медиации.

Медиативный процесс представляет собой процедуру урегулирования споров при содействии нейтрального посредника — медиатора.

Основная цель медиации состоит в достижении соглашения, удовлетворяющего интересы всех участников конфликта.

Традиционно считается, что в медиации одновременно присутствуют два аспекта: юридический и психологический. К первому относится законодательство, регулирующее общественные отношения по спорным вопросам. Вторым составляющим является коммуникация и личностные особенности отношений конфликтующих сторон.

Как и в судебном процессе в медиации имеется своя процессуальная структура и последовательность действий. Однако в отличие от судебного спора, в котором осуществляется правоприменение, в медиации спор разрешается волей и убеждением сторон спора. Судебный акт, которым заканчивается рассмотрение дела, как правило, выносится в пользу одной из сторон. В то время как качественно проведенная процедура медиации заканчивается соглашением сторон, удовлетворяющим все стороны конфликта. Именно этот нюанс и является ценным в рассматриваемой альтернативной процедуре.

Результативность медиации во многом зависит от профессионализма медиатора, которого стороны уполномочивают на посредничество в переговорах. Как указывает Киндеркнехт А.С. «медиатор организует контролируемое взаимодействие сторон в форме структурированного процесса – процедуры медиации»[6]. Медиатор, сохраняя свою нейтральность, помогает конфликтующим лицам выработать решение, которое будет приемлемо для каждой из сторон. Снижение накала эмоций и приведение сторон в конструктивное состояние, обеспечивает диалог и результативность процесса медиации.

Статья 1 Закона о медиации предусматривает возможность применения медиации в гражданских, трудовых и административных спорах, включая основанных на предпринимательских и иных экономических отношениях. Законодатель не выделяет требований к процедуре медиации и квалификации (в том числе специализации) медиатора в зависимости от вида спорных отношений.

Вместе с тем в деловых (профессиональных) спорах оценка исполнимости достигнутого в

процессе медиации соглашения должна осуществляться с учетом специальных познаний о предмете спора. Для примера обратимся к ст. 2 Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», согласно которой целью лицензирования является недопущение и предотвращение ущерба физическим лицам, государству, окружающей среде, объектам исторического и культурного наследия от осуществления отдельных видов деятельности.

Суть лицензирования сводится к установлению государством контроля за деятельностью, реализующей наиболее важные публичные интересы. Перечень таких видов деятельности содержится в ст. 12 Закона о лицензировании.

Очевидно, что с учетом значимости лицензируемых отраслей медиативное соглашение сторон должно учитывать требования, предъявляемые к лицензируемому виду деятельности.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу проведенного исследования составляют общенаучный диалектический метод, методы и приемы формальной логики. Для оценки экспертного мнения в медиативных процессах исследовались материалы открытых медиаций, нормативные акты, стандарты проведения медиаций.

Результаты исследования

Статья 16 Закона о медиации требует от медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе, наличия высшего образования и дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации. Возрастной ценз – 25 лет.

Важно понимать, что медиатор должен обладать определенными знаниями и навыками, позволяющими эффективно управлять процессом переговоров и способствовать достижению взаимоприемлемого решения. Наличие глубоких знаний законодательства не является предопределяющим, более важным является логика мышления медиатора и его навыки по организации переговорного процесса.

Полагаем, что для эффективного осуществления своей деятельности медиатор должен соответствовать следующим основным критериям:

1. Наличие знаний в области права, психологии и этики. Это требование включает понимание юридических норм, регулирующих процесс медиации, умение анализировать ситуации и предлагать конструктивные пути выхода из конфликта.

2. Обладать навыками коммуникации в части ведения переговоров, слушать и слышать стороны, правильно формулировать вопросы и подводить итоги обсуждений.
3. Эмоциональная устойчивость. В общественно значимых спорах указанное требование можно было бы подтверждать соответствующими медицинскими документами. Этические принципы, присущие медиатору, будут способствовать проведению медиации на принципах справедливости, беспристрастности и конфиденциальности.

Закон о медиации не предъявляет к медиаторам требования по уровню знаний, опыту и образованию по определенной специальности (кроме высшего образования и обучения по медиации). Имеются проекты, уточняющие наличие опыта работы в юриспруденции, психологии или педагогики.[19]

Как мы подчеркнули ранее квалификация медиатора играет ключевую роль в успешном разрешении спора. Известно, что в основе любого конфликта лежит интерес, причем, как правило, этот интерес профессиональный.

В связи с вышеуказанным ставится вопрос – может ли медиатор, не обладающий специальными познаниями в отношениях, по поводу которых возник профессиональный спор, эффективно координировать процедуру медиации в спорах, в основе которых лежат профессиональные знания.

Лепешкина В.С. к числу проблем в медиации выделяет отсутствие детального регулирования медиации, учитывающее специфику предпринимательства.[12] Исследователь указывает на отсутствие необходимого количества профессионалов, специализирующихся на правоотношениях, в которых возник спор. Отсутствие квалификации и понимания в сфере, в которой спорят стороны, приводит к некому недоверию сторон к медиатору.

Раджабова Г.Н. подчеркивает, что без необходимой квалификации медиатор не будет эффективно справляться со своей функцией. [16] Многие специалисты подчеркивают, что введение требований к опыту работы и наличию квалификации медиатора позволит повысить доверие к альтернативной процедуре урегулирования спора с участием посредника.

Пайгунова Ю.В., исследуя спортивную медиацию, выделяет специальные компетенции, которыми должен владеть медиатор. [15] К числу специальных компетенций автор относит знания, умения и навыки.

Как правило профессиональные медиаторы четко определяют границы своей компетенции и,

используя профессиональные навыки, сосредоточены на процессуальной стороне переговоров. Именно эта особенность позволяет переговорщикам организовывать результативные деловые медиации. При этом безусловным преимуществом медиатора является его специализация на определенных конфликтах. Знание, как минимум, терминологии сферы интересов спорящих сторон дает возможность продвинуть стороны к выработке совместного решения. Эффективность процедуры медиации напрямую связана с уровнем профессионализма медиатора, его способностью учитывать особенности конкретного вида спора и применять соответствующие методы и подходы.

Медиатор в ходе проведения переговоров не оценивает правильности принимаемого сторонами решения с точки зрения специальных познаний.

В медиативно-переговорной технологии посредник создает условия для достижения соглашения, к числу которых относится и предложение сторонам получить консультацию специалистов.

Медиатор не дает профессиональной оценки принимаемому сторонами соглашению. Проверая исполнимость проекта соглашения, посредник помогает сторонам определить, необходимо ли им исследование каких либо данных, фактов с целью поиска ответов на практические вопросы, решение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства и т.п., другими словами, требуется ли им экспертное мнение. [9]

Романова Н. М., рассматривая вопросы привлечения других лиц к участию в процедуре медиации, полагает возможным назначить экспертизу в медиативных процедурах. [17] Вместе с тем такая позиция исходя из норм действующего законодательства является спорной.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об экспертизе) государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства. [2] На основании ст. 2 Закона об экспертизе задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Экспертиза назначается вышеуказанными органами и должностными лицами. Принять решение о ее назначении может также нотариус в порядке обеспечения доказательств по административным и судебным делам, что следует из главы XX Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [4]. Действующее законодательство содержит требование о проведении экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, историко-культурной экспертизы, экспертизы в рамках налогового контроля, а также в иных случаях, не связанных со спорами.

Закон о медиации не предусматривает проведение экспертизы в процессе медиации. Следовательно, с учетом положений Закона об экспертизе при разрешении медиативного спора речь может идти исключительно о привлечении обладающего специальными познаниями специалиста.

Инициатива в выборе специалиста должна принадлежать сторонам конфликта. Медиатор может лишь предложить подумать о необходимости проведения консультаций с таким специалистом (экспертом).

Предполагаем, что процедура привлечения специалиста должна включать следующие этапы:

- Определение необходимости экспертного заключения. На этом же этапе следует помочь сторонам выработать вопросы, для разрешения которых должен быть приглашен эксперт.
- Выбор специалиста соответствующей квалификации и согласование условий привлечения эксперта,
- Получение, анализ и использование результатов экспертного заключения сторонами.

Задача специалиста - установить те или иные обстоятельства и выдать заключение по профессиональным вопросам. Мнение специалиста не является обязательным, но при его наличии задача медиатора обратить внимание сторон на независимое профессиональное мнение.

Получение в процесс медиации экспертного мнения является важным инструментом повышения эффективности урегулирования конфликтов.

К числу преимуществ, на наш взгляд, относятся:

- Получение объективной информации по спорным вопросам;
- Помощь в оценке возможных последствий принимаемых решений;
- Содействие в поиске взаимовыгодных решений.

Привлечение специалиста наряду с явными преимуществами приведет к некому затягиванию

переговорного процесса. В этой связи медиатор со специальными познаниями будет иметь ряд преимуществ, а возможно и исключит необходимость привлечения в процесс специалиста.

Выводы

Эффективность процедуры медиации напрямую связана с уровнем профессионализма медиатора, его способностью учитывать особенности конкретного вида спора и применять соответствующие методы и подходы. Безусловным преимуществом медиатора является его специализация на определенных конфликтах. Знание, как минимум, терминологии сферы интересов спорящих сторон дает возможность продвинуть стороны к выработке совместного решения.

Проведенное исследование показало, что специальные познания играют важную роль в повышении качества решений, принимаемых сторонами в ходе медиации.

Вместе с тем существует ряд проблем, препятствующих эффективному использованию экспертиз. Для устранения недостатков необходимы комплексные меры, направленные на развитие правовой базы и повышение уровня профессионализма экспертов.

Привлечение специалистов в процедуру медиации является эффективным инструментом повышения качества урегулирования споров. Грамотное использование экспертного мнения способствует достижению взаимовыгодных решений и укреплению доверия сторон к процессу медиации. Дальнейшее развитие института привлечения специалистов в процесс медиации требует совершенствования нормативно-правовой базы и разработки методических рекомендаций и стандартов медиации.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс»
- [2] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
- [3] Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»
- [4] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // СПС «КонсультантПлюс»
- [5] Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре меди-

ации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 5. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/58108825/> (дата обращения: 27.05.2024).

[6] Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Москва – 2025 языковая личность медиатора: дискурсивные аспекты, ценностные ориентиры, речевая практика Киндеркнехт Анна Сергеевна

[7] Шатихина Н. С. Институт медиации в российском уголовном праве //Дисс.... канд. юрид. наук. СПб. – 2004. – С. 66.

[8] Березина Ю.П. Некоторые аспекты эффективности лицензионных требований при осуществлении маркшейдерских работ // Междисциплинарные исследования и открытия: неопределенность и новые вызовы: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Саратов: НОП «Цифровая наука. 2023. С. 23- 26

[9] Большой толковый словарь русского языка Под ред. С. А. Кузнецова СПб.: Норинт, 2000. - 1536 с. rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/18938

[10] Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – Инфотропик Медиа, 2011

[11] Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2023. 672 с.

[12] Лепешкина В.С. Проблемные вопросы развития медиации по спорам в сфере предпринимательской деятельности в современной России // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 56. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_56_1_56

[13] Микляева А. В., Румянцева П. В., Туманова Е. Н. Школьная медиация: теоретические и методические основы. – 2016.

[14] Михайлова Е.В. К вопросу о процессуальной форме рассмотрения трудовых споров // Администратор суда. 2022. N 3. С. 20 - 24.

[15] Пайгунова Ю. В., Сиразеева Д. А. Личностно-компетентностная модель спортивного медиатора //Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – №. 87-3. – С. 394-397.

[16] Раджабова Г.Н. О некоторых проблемах, возникающих при использовании медиации в процессе разрешения жилищных споров // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 187-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_187

[17] Романова Н. М. Основы медиации. – 2017. С. 29

[18] Челгова И. А. Теория и практика медиации //Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2012. – №. 1. – С. 12-12.

[18] Шестерин А.В. Актуальные вопросы применения трансграничной семейной медиации с участием службы судебных приставов // Вестник исполнительного производства. 2022. N 3. С. 62 - 77.

Spisok literatury:

[1] Federal'ny'j zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii) // SPS «Konsul'tantPlyus»

[2] Federal'ny'j zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-e'kspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus»

[3] Federal'ny'j zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ «O licenzirovanii otdel'ny'x vidov deyatel'nosti» // SPS «Konsul'tantPlyus»

[4] Osnovy` zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate // SPS «Konsul'tantPlyus»

[5] Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. М.: Infotropik Media, 2012. С. 5. [E'lektronny'j resurs] URL: <https://base.garant.ru/58108825/> (data obrashheniya: 27.05.2024).

[6] Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk Moskva – 2025 yazy'kovaya lichnost' mediatora: diskursivny'e aspekty`, cennostny'e orientiry`, rechevaya praktika Kinderknext Anna Sergeevna

[7] Shatixina N. S. Institut mediacii v rossijskom ugodovnom prave //Diss.... kand. jurid. nauk. SPb. – 2004. – С. 66.

[8] Berезина Yu.P. Nekotory'e aspekty` e'ffektivnosti licenzionny'x trebovanij pri osushhestvlenii markshejderskix rabot // Mezhdisciplinarny'e issledovaniya i otkry'tiya: neopredelennost` i novy'e vy'zovy`: sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Saratov: NOP «Cifrovaya nauka. 2023. С. 23- 26

[9] Bol'shoj tolkovy'j slovar` russkogo yazy'ka Pod red. S. A. Kuzneczova SPb.: Norint, 2000. - 1536 s. rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/18938

[10] Kalashnikova S. I. Mediaciya v sfere grazhdanskoj yurisdikcii. – Infotropik Media, 2011

[11] Konvergenciya chastnopravovogo regulirovaniya obshhestvenny'x otnoshenij skvoz` prizmu e'ffektivnosti prava: monografiya / K.A. Abdul-

laev, A.V. Abramova, E.A. Aby`zova i dr.; otv. red. A.N. Levushkin, E.X. Nady`seva. M.: Yusticinform, 2023. 672 s.

[12] Lepeshkina V.S. Problemny`e voprosy` razvitiya mediacii po sporam v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii // Evrazijskaya advokatura. 2022. № 1 (56). S. 56. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_56_1_56

[13] Miklyaeva A. V., Rumyanceva P. V., Tumanova E. N. Shkol'naya mediatsiya: teoreticheskie i metodicheskie osnovy`. – 2016.

[14] Mixajlova E.V. K voprosu o processual'noj forme rassmotreniya trudovy`x sporov // Administrator suda. 2022. N 3. S. 20 - 24.

[15] Pajgunova Yu. V., Sirazeeva D. A. Lichnostno-kompetentnostnaya model' sportivnogo media-

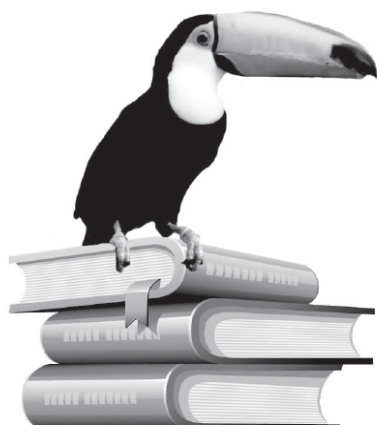
tora //Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2025. – №. 87-3. – S. 394-397.

[16] Radzhabova G.N. O nekotory`x problemax, vznikayushhix pri ispol'zovanii mediacii v processe razresheniya zhilishhny`x sporov // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 11(239). S. 187-189. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_11_187

[17] Romanova N. M. Osnovy` mediacii. – 2017. S. 29

[18] Cheglova I. A. Teoriya i praktika mediacii // Vestnik Vostochno-Sibirskoj otkry`toj akademii. – 2012. – №. 1. – S. 12-12.

[18] Shesterin A.V. Aktual'ny`e voprosy` primeneniya transgranichnoj semejnoy mediacii s uchastiem sluzhby` sudebny`x pristavov // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. 2022. N 3. S. 62 - 77.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТХАЗЕПЛОВ Тимур Мухамедович,
доцент кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК КАЧЕСТВЕННО НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье особое внимание уделено институционально-правовым механизмам противодействия экстремизму в Российской Федерации, компаративному анализу зарубежного опыта. Обоснована необходимость парадигмального сдвига от реактивной к превентивной модели противодействия экстремизму. Сформулированы теоретические положения и практические рекомендации по оптимизации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, национальная безопасность, деструктивная деятельность, радикализация сознания, превентивная безопасность, антиэкстремистская политика, социальная стабильность.

TKHAZEPOV Timur Mukhamedovich,
Associate Professor of the Department
of Fire Training of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Police Colonel

DIGITALIZATION OF SOCIAL SPACE AS A QUALITY A NEW OPPORTUNITY TO SPREAD EXTREMIST IDEOLOGY

Annotation. The article presents a comprehensive theoretical and methodological analysis of the phenomenon of extremism in the context of ensuring national security of a modern state. Based on a systems approach, the ontological foundations of extremism, its genesis and evolution in the context of globalization are studied. Conceptual approaches to determining the essential characteristics of extremist activity are analyzed, and the determinants of its reproduction in the socio-political space are identified.

Key words: extremism, national security, destructive activity, radicalization of consciousness, securitization, preventive security, anti-extremist policy, social stability.

Цифровизация социального пространства создала качественно новые возможности для распространения экстремистской идеологии. Виртуальная среда характеризуется анонимностью, отсутствием географических барьеров и высокой скоростью распространения информации, что делает ее идеальной платформой для радикализации.

Механизмы онлайн-радикализации включают создание «эхо-камер», где индивиды подвергаются воздействию исключительно однородного контента, усиливающего их предубеждения

[2]. Алгоритмы социальных сетей, оптимизированные для максимизации вовлеченности, непреднамеренно способствуют радикализации, предлагая все более экстремальный контент.

Онлайн-радикализация – реальность, сформировавшаяся в последние 10–15 лет в связи с бурным развитием онлайн-социальных сетей. Ее можно понимать, как формирование тех же крайних взглядов, но преимущественно путем взаимодействия с различными типами интернет-контента, нежели прямого личностного общения или письменного изучения агитационных материалов.

И опять-таки в онлайн-случае следует говорить о когнитивной и поведенческой онлайн-радикализации [2].

Феноменологический анализ экстремизма выявляет его многоуровневую структуру, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. На когнитивном уровне экстремизм проявляется в форме радикальной идеологии, основанной на дихотомическом мышлении и манихейской картине мира. Аффективный компонент характеризуется высокой эмоциональной вовлеченностью, фанатизмом и готовностью к самопожертвованию. Поведенческий уровень реализуется в конкретных актах насилия и деструктивной деятельности.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, деятельность экстремистских организаций представляет собой одну из основных угроз государственной и общественной безопасности, что актуализирует необходимость глубокого научного осмысления данной проблематики [1].

Типологизация форм экстремизма позволяет выделить несколько основных разновидностей данного феномена.

Политический экстремизм направлен на насильственную трансформацию политической системы и может проявляться как в ультраправой, так и в ультралевой формах.

Религиозный экстремизм инструментализирует сакральные тексты и символы для легитимации насилия.

Политическая радикализация – эффект как многофакторный процесс кардинальных изменений в обществе, которые обусловили исторический контекст, наблюдаемыми социально-экономическими проблемами и возникающими вызовами. Политическая радикализация общества способствует распространению электронных электронных коммуникаций, которые изначально сформировали неконтролируемое онлайн-пространство взаимодействия граждан и распространения контента.

Этнонациональными экстремизм эксплуатирует примордиалистские представления о превосходстве определенных этнических групп [3, с. 78-82].

Применение теории секьюритизации к анализу экстремизма позволяет понять механизмы его конструирования как экзистенциальной угрозы национальной безопасности. Процесс секьюритизации экстремизма включает дискурсивное конструирование угрозы [4], ее институционализацию и легитимацию чрезвычайных мер противодействия.

Радикализм представляет собой социальное явление, в которое втягивается молодёжь.

Крайности в суждениях, мнениях, взглядах и выполняемых на их основе действий характеризуют радикализм.

Молодость — это период становления личности, её адаптации к социальной среде, для которого свойственен максимализм и тяга ко всевозможным крайностям. Это делает молодых людей в наибольшей мере подверженными радикализации.

Но сама радикализация в отдельных случаях является лишь шагом молодёжи по направлению к экстремистским идеям. Радикально настроенные молодые люди особенно податливы информационному экстремизму, который прививает ему идеи, основанные на лжи.

Международный опыт противодействия экстремизму демонстрирует разнообразие подходов, обусловленных национальными особенностями правовых систем и политических культур. Европейская модель характеризуется акцентом на превентивные меры, социальную интеграцию и дерадикализацию. Американский подход отличается приоритетом силовых методов и широким применением современных технологий.

Анализ эффективности различных моделей показывает, что наибольших результатов достигают страны, сочетающие репрессивные и превентивные меры, уделяющие внимание устранению коренных причин радикализации [5].

Важную роль играет международное сотрудничество в области обмена информацией и координации действий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением новых форм экстремизма в условиях технологической трансформации общества, разработкой методологии оценки эффективности антиэкстремистских мер и созданием прогностических моделей развития экстремистских угроз.

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
- [2] Красиков В.И. Онлайн-радикализация молодежи: предпосылки и механизмы // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2024. №80.
- [3] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. – М.: Логос, 2021. – 288 с.
- [4] Верховский А.М. Политический экстремизм в России. – М.: Центр «Панорама», 2019. – 224 с.
- [5] Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Наука, 2022. – 312 с.

[6] Машекуашева М.Х. О действующих механизмах предупреждения противоправных деяний среди несовершеннолетних. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 33-35.

Spisok literatury:

[1] Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // SPS Konsul'tantPlyus.

[2] Krasikov V.I. Onlajn-radikalizaciya molodezhi: predposylki i mexanizmy // Vestn. Tom. gos.

un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2024. №80.

[3] Antonyan Yu.M. E'kstremizm i ego prichiny. – M.: Logos, 2021. – 288 s.

[4] Verxovskij A.M. Politicheskij e'kstremizm v Rossii. – M.: Centr Panorama, 2019. – 224 s.

[5] Kudryavcev V.N. Strategii bor'by s prestupnost'yu. – M.: Nauka, 2022. – 312 s.

[6] Mashekuasheva M.X. O dejstvuyushhix mexanizmax preduprezhdeniya protivopravny'x deyanij sredi nesovershennoletnix. Mezhdunarodny'j nauchny'j vestnik. 2024. № 12. S. 33-35.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАНУННИКОВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
начальник кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Тематика статьи представляется достаточно актуальной, поскольку масштабы террористической войны, объявленной нашей стране спецслужбами различных государств (в первую очередь, Украиной), приобрели поистине глобальный охват, усугубляющийся пагубным фактором вовлечения в эту борьбу российской молодежи. В силу ряда психологических и физиологических факторов молодые люди наиболее подвержены деструктивному влиянию, несущему на своем пути разрушение как самому молодому человеку, так и его окружению, поскольку охотно слушают «дурные» советы, отвергая устоявшиеся ценности. Объектом исследования, проведенного в рамках статьи, выступает совокупность общественных отношений в области противодействия экстремизму и терроризму. Субъектом исследования является организация профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи. Проведя анализ направленности профилактических мер и подходов к предотвращению правонарушений, автор приходит к выводу о том, что профилактика терроризма и экстремизма среди молодежи требует особого подхода, поскольку молодые люди наиболее уязвимы для пропаганды и вербовки со стороны террористических и экстремистских групп. Поэтому именно молодежь должна быть в приоритете для государственных органов и других организаций, занимающихся профилактикой правонарушений.

Ключевые слова: организация, профилактика, экстремизм, терроризм, молодежь, правонарушения, преступления, меры, предупреждение, воспитание, разъяснение, государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения.

KANUNNIKOVA Natalia Gennadievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Police Colonel Of the North Caucasus Institute of Advanced Training
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Head of the Department of State and Civil Law Disciplines

ON THE ISSUE OF PREVENTING EXTREMISM AND TERRORISM AMONG YOUTH

Annotation. The topic of this article is quite relevant, as the scale of the terrorist war waged against our country by the intelligence services of various states (primarily Ukraine) has acquired a truly global scope, exacerbated by the detrimental factor of Russian youth's involvement in this struggle. Due to a combination of psychological and physiological factors, young people are particularly susceptible to destructive influences that can lead to the destruction of both the individual and their surroundings, as they are more likely to listen to "bad" advice and reject established values. The object of the research conducted within the framework of this article is the set of social relations in the field of countering extremism and terrorism. The subject of the research is the organization of prevention of extremism and terrorism among young people. After analyzing the focus of preventive measures and approaches to preventing offenses, the author concludes that the prevention of terrorism and extremism among young people.

Key words: organization, prevention, extremism, terrorism, youth, offenses, crimes, measures, prevention, education, explanation, state bodies, local government bodies, public associations.

Введение

Проблемам профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде посвящено значительное количество научных изысканий. Вместе с тем к ней приходится возвращаться снова и снова, поскольку масштабы террористической войны, которую ведут против российского государства украинские спецслужбы под руководством западно-европейских «кукловодов» приобрели поистине глобальный охват, усугубляющийся пагубным фактором вовлечения в эту борьбу российской молодежи. В силу ряда психологических и физиологических факторов молодые люди наиболее подвержены деструктивному влиянию, несущему на своем пути разрушение как самому молодому человеку, так и его окружению, поскольку охотно слушают «дурные» советы, отвергая устоявшиеся ценности.

Тотальная вербовка российской молодежи включает в себя не только классический терроризм, но и разведывательную деятельность, направленную на снижение обороноспособности России. В результате осуществляемых украинцами преступлений террористического и разведывательного характера гибнут ни в чем не повинные мирные граждане РФ, наносится ущерб их благосостоянию, страдает транспортно-промышленная инфраструктура нашей страны, наносится вред российским государственным учреждениям.

Социальные сети, на просторах которых молодые люди «проживают» большую часть своей жизни, становятся «кузницей» кадров, пополняющей смертоносные ряды террористов юношами и девушками, лишенных достаточного «багажа» жизненного опыта, находящихся в подростковом кризисе, проявляющих вероятную готовность действовать в ущерб интересам своего государства, в том числе и из идеологических соображений. Именно поэтому Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал молодежь наиболее уязвимой категорией, могущей попасть под влияние экстремистов: «Разумеется, должна быть продолжена работа по выявлению и пресечению действий тех, кто использует интернет и социальные сети для пропаганды и идеологии терроризма и экстремизма, кто пытается вовлечь в террористические группировки наших граждан. Конечно, мы с вами хорошо знаем, наиболее уязвимая категория здесь – это молодежь» [1].

В этой связи вопросы организации профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде являются актуальными как никогда прежде в свете максимальной активизации спецслужбами различных недружественных государств (в особенности, Украиной) работы по вовлечению российских молодых людей в диверсионную деятельность.

Теоретическая составляющая понятия профилактики правонарушений не будет всеобъемлющей без анализа ее законодательных основ, определяющих базово-первостепенную трактовку, на которую впоследствии накладываются научные изыскания. Федеральное законодательство в ст. 2 [2] определяет профилактику правонарушений как спектр комплексных действий социальной, правовой, организационной, информационной и иной направленности, применяемых в целях выявления и ликвидации факторов, провоцирующих совершение правонарушений, а также в целях проведения воспитательной работы с индивидами, способствующей предотвращению противоправного или иного антиобщественного поведения.

Анализ правовой базы и научных изысканий по исследуемой проблеме [3-5] позволяют автору сформулировать основные критерии направленности профилактических мер, которые вероятнее всего возможно представить следующими дефинициями:

- минимизацией способствующих совершению преступлений внешних условий, определяемых как объективные факторы, побуждающие к совершению преступлений экстремистско-террористической направленности и действиями, имеющими своей целью их нейтрализовать, устранить или ослабить;
- снижением криминальной мотивации, посредством подавления субъективных факторов, характеризующихся преступными намерениями, психологической готовностью к совершению преступления, поиском сообщников и планированием преступления;
- разрушением способствующей срыву подготовительного к преступлению процесса корреляции между внешними условиями и личными намерениями путем подавления взаимодействия между вышеозначенными факторами [6, с. 321].

Институт профилактики деяний экстремистско-террористической направленности целесообразно рассматривать сквозь призму двустороннего ракурса – общего и индивидуального. Обще-профилактическая работа имеет в качестве главной цели устранение доминирующих причин и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, а также повышение правовой ментальности и сознательности граждан. Индивидуально-профилактическая работа имеет своей целью воздействие на конкретных индивидов, уже совершивших противоправные деяния или находящихся в группе риска по причине имеющих склонностей к их совершению. Она включает в себя воспитательные меры, устранение

негативных факторов, влияющих на их поведение, и оказание помощи жертвам преступлений или тем, кто может ими стать. В рамках индивидуальной профилактики могут применяться специальные меры.

В российском законодательстве, например, в законе «О противодействии терроризму» [7], предупреждение терроризма рассматривается как одно из ключевых направлений борьбы с ним. Это предупреждение включает в себя выявление и устранение причин и условий, благоприятствующих совершению терактов. Модельный закон СНГ «О борьбе с терроризмом» [8] дает более широкое определение профилактики терроризма, рассматривая ее как комплексную деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и общественных объединений, направленную на:

- Предупреждение терроризма путем выявления, локализации и устранения причин и условий, способствующих его возникновению и распространению.
- Защиту потенциальных целей террористических атак.
- Создание препятствий для совершения терактов и минимизацию их последствий.
- Воздействие на лиц, вовлеченных или потенциально вовлекаемых в террористическую деятельность.

В образовательных учреждениях:

- Воспитание: Организация уроков и мероприятий, направленных на формирование патриотизма, культуры мира, уважения к разным национальностям и религиям, навыков общения без конфликтов, умения выражать свою точку зрения, а также противостоять опасному поведению, включая вовлечение в экстремизм, используя все законные способы.
- Учебные материалы: Добавление в учебные программы, книги и пособия тем, которые учат традиционным российским ценностям.

Подготовка педагогов: Повышение квалификации учителей и преподавателей, разработка новых образовательных стандартов и методов обучения, которые помогают бороться с экстремизмом.

- Участие в управлении: Активное вовлечение советов и комитетов образовательных учреждений в предотвращение экстремизма среди учеников и студентов.
- Изучение ситуации: Проведение опросов и исследований для оценки обстановки в учебных заведениях, отслеживание отклоняющегося поведения молодежи, анализ молодежных субкультур для выявления признаков распространения экстремистских идей.

В сфере образования и религии:

- Поддержка религиозного образования: Повышение привлекательности образования, полученного в российских религиозных учебных заведениях, и государственная поддержка контроля за выездом россиян на учебу в иностранные религиозные организации.

В сфере информации и СМИ:

- Обучение журналистов: Включение в программу обучения журналистов тем, связанных с освещением вопросов противодействия экстремизму.
- сфере общественной деятельности:
- Роль общественных советов: Усиление роли общественных советов при органах власти в воспитании патриотизма и гражданственности у молодежи.
- Работа с молодежью: Сотрудничество с молодежными организациями и футбольными болельщиками для предотвращения экстремистских проявлений на массовых мероприятиях.

В целом, все эти меры направлены на формирование у молодежи правильных ценностей, умения критически мыслить и противостоять экстремистским идеям, а также на создание безопасной и гармоничной среды в образовательных учреждениях и обществе в целом.

Цель и задачи

Целью исследования, охватываемого настоящей статьей, выступает проведение авторского анализа вопросов организации профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде. Объектом исследования, проведенного в рамках статьи, выступает совокупность общественных отношений в области противодействия экстремизму и терроризму. Субъектом исследования является организация профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи.

Методологической основой исследования выступает дефинитив философских, общенаучных, специально-юридических и философских способов и средств восприятия, способствующих максимально объективному изучению исследуемой в статье тематики. Эмпирические методы обобщения, сбора и анализа информации, применяемые автором в процессе исследования, способствовали сбору качественно-правового насущного и всесторонне-обоснованного с прикладной точки зрения изыскательного материала.

Результаты

1. Сформулированы основные критерии правовых мер, способствующих минимизации совершению преступлений экстремистско-террористической направленности среди молодежи.

2. Сформулированы классификационные элементы профилактических мер, образующие в своей совокупности комплексную деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и общественных объединений в образовательных учреждениях, в сфере образования и религии, в сфере информации и СМИ и в сфере общественной деятельности.

Заключение

Таким образом, проанализировав наиболее актуальные вопросы организации профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде, следует сделать вывод о том, что профилактика терроризма и экстремизма среди молодежи требует особого подхода, поскольку молодые люди наиболее уязвимы для пропаганды и вербовки со стороны террористических и экстремистских групп. Поэтому именно молодежь должна быть в приоритете для государственных органов и других организаций, занимающихся профилактикой правонарушений.

Хотя к молодежи можно применять общие профилактические меры, предусмотренные законом, такие как:

- Разъяснение правовых норм и информирование о них;
- Проведение профилактических бесед;
- Вынесение официальных предостережений о недопустимости действий, способствующих правонарушениям;
- Постановка на профилактический учет;
- Внесение предложений по устранению причин и условий, способствующих правонарушениям;
- Осуществление профилактического надзора;
- Социальная адаптация, ресоциализация и реабилитация;
- Оказание помощи пострадавшим от правонарушений или находящимся в группе риска, необходимо разрабатывать и использовать специальные методы и инструменты, учитывающие особенности молодежной среды.

Список литературы:

- [1] Сайт: <https://ria.ru/20230228/ekstremizm-1854871062.html> Путин назвал молодежь наиболее уязвимой категорией для экстремистов (дата обращения: 30.06.2025)
- [2] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 08.08.2024 г.) / СЗ РФ. 2016. № 26. (Часть I) ст. 3851.
- [3] Буркина О.А. Детерминанты экстремистской преступности в подростковой среде / Вест-

ник ПГГПУ. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. С. 183-190.

[4] Важенина И.В., Ефимова О.И. Профилактика молодежного экстремизма и терроризма / Сетевое издание «Академическая мысль» № 2(19) 2022. С. 112-117.

[5] Терроризм в современном мире : монография // [В. Л. Шульц и др. ; науч. ред.: Ю. М. Антонян, В. Л. Шульц ; Российская акад. наук, Центр исслед. проблем безопасности, Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом. Москва : Наука, 2008. - 358 с.

[6] Петрищев В. Е. Профилактика терроризма // Терроризм в современном мире. 2-е изд. / под ред. В.Л. Шульца; Центр исслед. проблем безопасности РАН. М.: Наука, 2011.

[7] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. и доп. от 28.02.2025 г.) / СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[8] Модельный закон от 17 апреля 2004 г. № 23-5 «О борьбе с терроризмом» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ) .

Spisok literatury:

[1] Sajt: <https://ria.ru/20230228/ekstremizm-1854871062.html> Putin nazval molodezh' naibolee uyazvimoj kategoriej dlya e'kstremistov (data obrashheniya: 30.06.2025)

[2] Federal'ny'j zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ «Ob osnovax sistemy` profilaktiki pravnarusenij v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop. ot 08.08.2024 g.) / SZ RF. 2016. № 26. (Chast' I) st. 3851.

[3] Burkina O.A. Determinanty` e'kstremistskoj prestupnosti v podrostkovoj srede / Vestnik PGGPU. Ser. № 3. Gumanitarny'e i obshhestvenny'e nauki. S. 183-190.

[4] Vazhenina I.V., Efimova O.I. Profilaktika molodezhnogo e'kstremizma i terrorizma / Setevoe izdanie «Akademicheskaya my'sl'» № 2(19) 2022. S. 112-117.

[5] Terrorizm v sovremennom mire : monografiya // [V. L. Shul'cz i dr. ; nauch. red.: Yu. M. Antonyan, V. L. Shul'cz ; Rossijskaya akad. nauk, Centr issled. problem bezopasnosti, Obshhestvenno-konsul'tativny'j sovet po problemam bor'by` s mezhdunarodny'm terrorizmom. Moskva : Nauka, 2008. - 358 s.

[6] Petrishhev V. E. Profilaktika terrorizma // Terrorizm v sovremennom mire. 2-e izd. / pod red. V.L. Shul'cza; Centr issled. problem bezopasnosti RAN. M.: Nauka, 2011.

[7] Federal'ny'j zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» (s izm. i dop. ot 28.02.2025 g.) / SZ RF. 2006. № 11. St. 1146.

[8] Model'ny'j zakon ot 17 aprelya 2004 g. № 23-5 «O bor'be s terrorizmom» (prinyat postanovleniem Mezhpapamentskoj Assamblei gosudarstv - uchastnikov SNG) .

ГОЛЯНДИН Николай Петрович,
профессор кафедры специальных дисциплин
СКИ(ф) КрУ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Современное информационное пространство предлагает читателям, много информации о визуальной диагностике, а именно, как на основе особенностей внешнего облика человека сделать умозаключение об особенностях его личности, предвидеть его поведенческие реакции. В статье предпринята попытка систематизации особенностей визуального портретирования личности.

Ключевые слова: визуальная диагностика, портретирование, сотрудники органов внутренних дел, внешний облик, восприятие собеседника.

GOLYANDIN Nikolay Petrovich,
Professor of the Department of Special Disciplines
SKI(f) Kru MIA of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

PROBLEMS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONALITY TRAITS AND HUMAN APPEARANCE

Annotation. The modern information space offers readers a lot of information about visual diagnostics, namely, how to draw a conclusion about the features of a person's personality based on the features of his appearance, to predict his behavioral reactions. The article attempts to systematize the features of visual portraiture of a person.

Key words: visual diagnostics, portraiture, employees of internal affairs bodies, appearance, perception of the interlocutor.

Последние два века исследования восприятия внешнего облика человека проводились на стыке различных наук – физиогномики, биологии, медицины, криминалистики, психофизиологии, социальной психологии и общей психологии.

Для специалистов по изготовлению субъективных изображений это тем более важно, так как они должны грамотно построить работу с очевидцем, решив при этом ряд задач основными из которых являются: установление психологического контакта, актуализация мысленного образа и непосредственное изготовление портрета разыскиваемого лица.

Предлагаемая сегодня книжная продукция на тему «как распознать человека по внешнему облику» часто сбивает с толку специалиста по изготовлению субъективных изображений, дает упрощенные схемы понимания сути вопроса, если он не имеет специальных психологических

знаний, и, как следствие, не может адекватно оценить такого рода рекомендации и уберечься от слепого следования им.

Проблемы взаимосвязи особенностей личности и внешности человека отражены в работах таких зарубежных ученых как З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Э. Кречмер, У. Шелдон, Э. Фромм, Г. Олпорт, А. Адлер, Г. Айзенк, Э. Шостром и др., а в отечественной психологии в трудах А.Ф. Лазурского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева, А.Г. Ковалева, В.С. Мерлина, Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, А.А. Бодалева и др.

Психологами установлено, что мнение о человеке складывается в первые 15-20 секунд общения. Такой короткий промежуток времени важно использовать специалисту, как для подачи себя, так и для объективизации личности очевидца. Это относится к теории первого впечатления[1].

Однако первое впечатление о другом лице далеко не всегда гарантирует объективный результат. Бывает, что результат первого впечатления может полностью разойтись с последующим представлением об очевидце.

В данном случае восприятие человека человеком строится на основе фиксирования чисто внешних характеристик воспринимаемого (его лицо, одежда, манера вести себя и т.д.), вместе с тем оно должно послужить основой для того, чтобы опыт воспринимающего осуществил реконструкцию внутреннего мира впервые увиденного человека, которая предполагает оценку его характера, духовного потенциала, его отношения к миру и т. д. [2].

Однако такого рода оценки сильно зависят от субъекта восприятия, его личного жизненного опыта. Необходимо отметить, что умение типизировать и классифицировать формируется в процессе повседневного взаимодействия с различными людьми. Действительно, применительно к процессу изготовления субъективных изображений, например, по лицу многое можно сказать о человеке: его духовном мире, интеллекте и настроении.

По лицу определяют пол, возраст, расовую и этническую принадлежность. По цвету кожи, морщинам, лицевой мускулатуре, цвету и густоте волос, выражению лица, глаз и т.д. можно судить не только о состоянии человека, но и его настроении. Сегодня, пожалуй, можно сказать, что по лицу хорошо диагностируется психическое (эмоциональное) состояние человека [3].

Спортивная психология и психиатрия доказывают нам взаимосвязь типа телосложения и некоторых особенностей (характеристик) личности. Так доказано, что эндоморфный тип (толстый, круглый) по натуре, чаще всего, разговорчивый, доброжелательный, уживчивый; мезоморфный (атлетический, мускульный) – склонен к риску, лидерству, самостоятельный; эктоморфный (высокий, худой) – нервный, напряженный [4].

Поза человека позволяет сделать некоторые выводы об усталости, самоуверенности, жизненной силе, эмоциональном отношении и намерениях человека. Часто через позу происходит эмоциональное «заражение» собеседника.

Особенности походки зависят как от телосложения человека, так и от его эмоционального состояния. Уверенный в себе человек демонстрирует уверенное движение: активно размахивает руками, спину держит прямо, подбородок высоко и т.д.

Человек в подавленном состоянии, как правило, сутулится, втягивает голову, смотрит вниз и пр. О переживаниях, эмоциях, интеллекте, эруди-

ции, культуре, профессии и индивидуально-психологических особенностях дают нам информацию о другом человеке голос и речь.

Так, например, в голосе властного человека слышится «металлические» нотки, подавленность характеризуется слабым резонансом голоса (сиплость, шипение, рокот, раскаты), а легкость речевого продуцирования является индикатором развитого интеллекта.

Психологами установлено, что связь внешних признаков и психологических качеств личности замыкается в практическом предметном взаимодействии людей, поскольку через эмпирическое установление этих связей осуществляется процесс познания людьми друг друга [5].

И хотя мера адекватности здесь остается очень неопределенной, люди используют эталоны внешнего облика и стереотипы их понимания точно так же, как они пользуются языком; посредством этого достигается практически необходимая мера взаимопонимания и согласия при взаимодействии.

Связь признаков внешности с психологическим содержанием личности образуется благодаря общению людей в сферах совместного проживания и деятельности, что предполагает ее конкретно-историческую, национальную, социально-демографическую и другие формы общественной обусловленности.

Благодаря взаимоотношениям, в которые вплетены реакции на внешнее проявление личности, происходит вторичное закрепление связей субъектных и объектных свойств человека в качества его характера.

Ответ на вопрос о взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека нужно искать не только и не столько по линии связи психологических качеств личности с конституциональными особенностями организма, сколько в рамках отношения «причинно-следственные взаимосвязи человека с миром вещей и людей – психологические качества личности».

Предметные действия и отношения с людьми формируют соответствующую экспрессию внешнего облика, ассимилируясь в его эталонах как признаки психологических качеств личности. Эти признаки в процессах общения функционируют как знаковая система психологического содержания личности в абстрагированных и обобщенных формах познания на уровне социальной перцепции.

Таков, если опираться на факты, диалектико-материалистический путь объяснения познаваемых в процессе общения взаимосвязей внешности и личности человека.

Постановка вопроса о взаимосвязи признаков внешности с психологическим содержанием

личности очевидца для повышения эффективности работы по изготовлению субъективных изображений является важным весьма аспектом, однако без специальной подготовки специалист может прийти к ошибочным заключениям и неправильным действиям.

В заключение отметим что, представляется целесообразным внести в тематические планы образовательных организаций МВД России проработку данного вопроса, так как показывает практика, психологические знания приобретают все большую значимость в профессиональной работе специалиста по изготовлению субъективных изображений, что в конечном итоге влияет на качество создаваемых портретов и эффективность поиска по ним.

Список литературы:

[1] Костина Л. Н. Визуальная психодиагностика как метод познания и предварительной оценки личности в профессиональной деятельности психолога // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №6.

[2] Григорьева М.В. Развитие коммуникативных умений // Начальная школа. 2003. № 10. С. 103.

[3] Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб., 2010.

[4] Беркович О.Е. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Н. Новгород, 2013. 179 с.

[5] Машекуашева М.Х. Глава 2. Психология общения сотрудников ОВД. В книге: Современные тенденции в науке и образовании как основа

инновационного развития России. Заречнева Е.И., Новосёлов С.В., Машекуашева М.Х., Бородин П.В., Тютюков В.Г., Моор Т.В., Моисеенко С.А., Соколова А.В., Захаров А.В., Наumenко Ю.В., Дроздов А.М., Прозорова М.Н., Косенкова И.А., Коваленко Е.В., Корбут Е.Я., Галстян М.Н., Дичина Н.Ю., Старкова А.П., Никулина Т.И., Каспаров И.В. и др. монография. Санкт-Петербург, 2024. С. 8-21.

Spisok literatury:

[1] Kostina L. N. Vizual'naya psixodiagnostika kak metod poznaniya i predvaritel'noj ocenki lichnosti v professional'noj deyatel'nosti psixologa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. №6.

[2] Grigor'eva M.V. Razvitie kommunikativny'x umenij // Nachal'naya shkola. 2003. № 10. S. 103.

[3] E'kman P. Psixologiya lzhi. Obmani menya, esli smozhesh'. SPb., 2010.

[4] Berkovich O.E. Psixologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennix del: ucheb. posobie. N. Novgorod, 2013. 179 s.

[5] Mashekuasheva M.X. Glava 2. Psixologiya obshheniya sotrudnikov OVD. V knige: Sovremennye tendencii v nauke i obrazovanii kak osnova innovacionnogo razvitiya Rossii. Zarechneva E.I., Novosyolov S.V., Mashekuasheva M.X., Borodin P.V., Tyutyukov V.G., Moor T.V., Moiseenko S.A., Sokolova A.V., Zaxarov A.V., Naumenko Yu.V., Drozdov A.M., Prozorova M.N., Kosenkova I.A., Kovalenko E.V., Korbut E.Ya., Galstyan M.N., Dichina N.Yu., Starkova A.P., Nikulina T.I., Kasparov I.V. i dr. monografiya. Sankt-Peterburg, 2024. S. 8-21.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

АСПЕКТЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ В ОБУЧЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ПРИЕМАМ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Аннотация. В материалах данной статьи рассматривается крайне актуальный для реалий сегодняшнего дня пенитенциарной системы проблемный вопрос необходимости и возможностей (аспект компетентности) организации и реализации обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции. Периодически в средствах массовой информации появляются сообщения о деструктивных проступках осужденных, продиктованных проявлением объективно чрезмерных агрессивных способов поведения лицами, осужденными к уголовному наказанию. Эта ситуация определяет значимость и актуальность проблемного вопроса организации и реализации обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции, а соответственно и вопросов в отношении компетентности пенитенциарных психологов в данном направлении работы.

Исследователи проявления пенитенциарного стресса у осужденных отмечают, что лица, отбывающие уголовное наказание в исправительных учреждениях достаточно часто испытывают такие негативные психические состояния как высокая тревожность и депрессия, которые стимулируют проявление агрессивных способов поведения. Сфера эмоциональных проявлений осужденных, может быть представлена в виде накопительного заряда отрицательных эмоций и негативных психических состояний, которые нередко приобретают неуправляемый характер и оказывают существенное влияние на способы поведения осужденного в условиях социальной депривации.

Компетентность пенитенциарного психолога должна быть представлена, в рамках рассматриваемого проблемного вопроса, прежде всего, в сфере психодиагностической работы. Пенитенциарные психологи, приступая к работе по организации обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции, реализуют психодиагностический этап работы, используя в роли психодиагностического инструментария методики, позволяющие выявлять наличие проблем в сфере эмоциональной саморегуляции клиента.

Пожалуй, основным направлением обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции, является обучение их релаксационным техникам. Перед началом занятий психолог информирует осужденных для чего они должны освоить техники саморегуляции. Управление своим эмоциональным состоянием через изменение поведения наглядно демонстрируется через применение релаксационных техник.

Все основные содержательные аспекты компетентности пенитенциарных психологов по организации и управлению обучением осужденных приемам эмоциональной саморегуляции в местах лишения свободы раскрываются в материалах этой статьи.

Ключевые слова: управление, организация, компетентность, обучение осужденных, эмоциональная саморегуляция, приемы саморегуляции, психотехники, уголовное наказание, психодиагностика, методики.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FКУ Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of psychological sciences

ASPECTS OF COMPETENCE OF PENITENTIARY PSYCHOLOGISTS IN TEACHING CONVICTS TECHNIQUES OF EMOTIONAL SELF- REGULATION

Annotation. *The materials of this article consider the problematic issue of necessity and possibilities (competence aspect) of organization and implementation of training of convicts in methods of emotional self-regulation, which is extremely relevant for the realities of today's penitentiary system. Periodically, the media publish reports on destructive misconduct of convicts, dictated by the Manifestation of objectively excessive aggressive behavior patterns by persons sentenced to criminal punishment. This situation determines the significance and relevance of the problematic issue of organization and implementation of training of convicts in methods of emotional self-regulation, and, accordingly, questions regarding the competence of penitentiary psychologists in this area of work. Researchers of manifestation of penitentiary stress in convicts note that persons serving a criminal sentence in correctional institutions quite often experience such negative mental states as high anxiety and depression, which stimulate the manifestation of aggressive behavior patterns. The sphere of emotional manifestations of convicts can be presented in the form of a cumulative charge of negative emotions and negative mental states, which often acquire an uncontrollable character and have a significant impact on the behavior of the convict in conditions of social deprivation.*

The competence of a penitentiary psychologist should be presented, within the framework of the problematic issue under consideration, primarily in the sphere of psychodiagnostic work. Penitentiary psychologists, starting work on organizing the training of convicts in methods of emotional self-regulation, implement the psychodiagnostic stage of work, using as a psychodiagnostic toolkit methods that allow identifying the presence of problems in the sphere of emotional self-regulation of the client.

Perhaps, the main direction of training convicts in methods of emotional self-regulation by penitentiary psychologists is teaching them relaxation techniques. Before the start of classes, the psychologist informs the convicts why they should master self-regulation techniques. Managing their emotional state through behavioral changes is clearly demonstrated through the use of relaxation techniques.

All the main substantive aspects of the competence of penitentiary psychologists in organizing and managing the training of convicts in emotional self-regulation techniques in places of deprivation of liberty are disclosed in the materials of this article.

Key words: *management, organization, competence, training of convicts, emotional self-regulation, self-regulation techniques, psychotechnics, criminal punishment, psychodiagnostics, methods.*

Введение. Проявление объективно чрезмерных агрессивных способов поведения лицами, осужденными к уголовному наказанию, является актуальным проблемным вопросом, о чем свидетельствуют информационные сообщения в средствах массовой информации, сообщающие о деструктивных проступках осужденных [2, с. 83].

Уже достаточно давно исследователями проявления пенитенциарного стресса установлено, что у лиц, отбывающих уголовное наказания, чаще всего наблюдаются такие негативные психические состояния как высокая тревожность и депрессия, которые стимулируют проявление агрессивных способов поведения. Эмоциональная сфера осужденного представляет собой некий накопительный заряд отрицательных эмоций и негативных психических состояний, которые нередко приобретают неуправляемый характер и оказывают существенное влияние на способы поведения осужденного в условиях социальной депривации (изоляции) [5, с. 187].

Цель статьи – выявление и раскрытие основных характеристик компетентности пенитенциарных психологов в направлении обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции в местах лишения свободы.

Использованные в исследовании методы: в период выявления и раскрытия основных характеристик компетентности пенитенциарных психологов в направлении обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции в местах лишения свободы применялись такие методы, как: метод анализа литературных источников, посвященных организации обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции; метод изучения теоретико-методических источников, раскрывающих проблемный вопрос организации обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции.

Результаты исследования. Приступая к работе по организации обучения осужденных приемам эмоциональной саморегуляции пенитенциарные психологи, в любом случае, предпринимают в виде первого элемента работы – реализацию психодиагностического этапа работы. При этом, в роли психодиагностического инструментария, как правило, используются достаточно известные и распространенные методики, позволяющие выявлять наличие проблем в сфере эмоциональной саморегуляции клиента:

- опросник «мини-мульт», в виде сокращенного варианта его адаптации (Березин Ф.Б.);

- методика диагностики показателей и форм агрессии Басса–Дарки (в версии адаптации Осницкого А.К.);
- методика определения акцентуаций характера (Леонгард К.) [1, с. 201].

Одним из основных направлений обучения пенитенциарными психологами осужденных приемам эмоциональной саморегуляции – это обучение их релаксационным техникам. Для организации обучения осужденных важно, чтобы перед началом занятий психолог проинформировал осужденных, для чего они должны освоить техники саморегуляции. Управление своим эмоциональным состоянием через изменение поведения наглядно демонстрируется через применение релаксационных техник. Неспособность человека справиться с эмоционально насыщенной (негативной) ситуацией возникает в результате отсутствия специфических умений – релаксации, когнитивных самоубеждений, а также отсутствия опыта столкновения со стрессовыми воздействиями [4, с. 64].

Знание и практическое применение навыков релаксации полезны для людей и абсолютно безопасны. Управление возбуждением эффективнее помогает решать возникающие проблемы. Когда релаксация приводится в действие, нейросекреты, выделяемые мозгом, тормозят реакцию «Борись или спасайся бегством»: люди начинают медленнее дышать, снижается потребность в кислороде, кровяное давление, частота сердечных сокращений и тонус центральной нервной системы.

Обсуждение. Релаксация аналогична многим другим физиологическим реакциям. Существует множество способов ее вызова. Релаксация помогает стать менее импульсивным и реактивным в отношении проблем, инициирует способность делать более позитивный выбор относительно собственной жизни. Овладение техниками релаксации поможет человеку оставаться спокойным перед провокациями, что важно для прерывания гневной реакции. Для проведения релаксационных мероприятий можно использовать элементы прогрессивной мышечной релаксации, медитации визуализации, обращение к собственному позитивному опыту [3, с. 31].

Необходимо объяснить осужденным, что существует ряд альтернатив прогрессивной мышечной релаксации.

Так, некоторые люди считают полезным выбрать и проговаривать успокаивающее слово («спокойный», «расслабленный») или думать о нем во время таких повторяющихся упражнений как ходьба, плавание или бег. Слово проговаривается в темпе шагов или единичных движений. Считается, что это приводит к снятию напряжения.

Рекомендуется также использовать глубокое диафрагмальное дыхание. Поскольку дыхание во время гнева обычно учащается и становится неглубоким, тренируется реакция обратная той, что возникает в момент гнева. Все формы повторяющихся слов, звуков или фраз вызывают реакцию релаксации, уменьшая напряжение и телесное возбуждение [6, с. 1637].

Медитативная техника «полноты внимания»: обучение тому, как просто «наблюдать» или «обращать внимание», не реагируя при этом на земное окружение. «Я встаю, я иду, я вижу вокруг себя людей, люди двигаются, мне прохладно, с дерева упал лист». Цель состоит в том, чтобы просто наблюдать за своими действиями и переживаниями и обозначать или описывать их, но не оценивать. Не выносятся никаких суждений с использованием категорий «хорошо», «плохо», «правильно», «неправильно», «слабый», «сильный», «добрый», «отвратительный». Ключевой момент в «полноте внимания» – простое наблюдение за внешним миром и нашими внутренними состояниями.

Идет простая констатация, распознавание и обозначение событий, предшествующих и текущих ощущений. В монологе нет оценочных суждений. Релаксация, таким образом, ослабляет реакцию на гневные раздражители и, следовательно, повышает порог гнева.

Далее, после проведения каждого релаксационного мероприятия, рекомендуется поручать осужденным повторных домашних заданий самостоятельно. В последствии выполнения задания проводится шерринг, то есть обсуждение домашнего задания, выполнение медитаций-визуализаций подготовленных осужденными.

В частности, проверяется овладение осужденными техникой «Систематическая десенсилизация». Цель техники «Систематическая десенсилизация» – это овладение осужденными навыком замещения негативного состояния на позитивное. Используются следующие материалы: ватман, маркер.

Овладев навыками саморегуляции, с целью предупреждения агрессивного поведения, осужденные могут успешно освоить технику систематической десенсилизации. Данная техника позволяет негативное поведение замещать позитивно окрашенной реакцией, тем самым, снимая его интенсивность. Работу можно проводить как в индивидуальном режиме, так и в групповом.

Собственно, десенсилизация – это третий этап методики. Осужденные закрывают глаза и погружаются в состояние релаксации (без музыкального сопровождения), когда они достигнут достаточного расслабления, психолог дает команду вспомнить неприятную ситуацию (для каждого она своя, реально пережитая), в которой

осужденный испытывал гнев, необходимо задействовать все анализаторы по принципу вижу-слышу-ощущаю. Психолог внимательно наблюдает за состоянием осужденных, отмечая появляющиеся телесные маркеры напряжения. Когда большинство участников находятся в таком состоянии, психолог дает команду вспомнить сцену из прошлого наполненную позитивом, состоянием глубокого покоя и расслабления, также по принципу вижу-слышу-ощущаю.

Далее, целесообразно обучение осужденных технике «Принятие философии рационально-эмотивной терапии (РЭПТ)». Цель техники «Принятие философии РЭПТ» – это доведение до осужденных основной идеи РЭПТ, не события, а наши мысли по поводу событий определяют эмоции. Материалы: ватман, маркер. Методика: убеждения, философия человека может вызывать сильнейшие эмоции и обуславливать поступки. Чтобы изменить или ослабить негативное поведение человек должен изменить свои мысли.

В основе данного направления самопомощи лежит убеждение, что мысли, поведение, эмоции находятся в прямой взаимосвязи и оказывают друг на друга непосредственное влияние. Однако особое внимание в РЭПТ уделяется когнитивным (мыслительными) процессам, во всех эмоциональных нарушениях и конфликтах имеются оценочные мысли, приводящие к этим конфликтам.

Эти абсолютистские требования могут осуществляться в трех направлениях: 1. к себе; 2. к другим; 3. к миру вокруг нас.

Рациональные мысли: я желаю ..., я предпочитаю..., я стремлюсь ...

Иррациональные мысли: я обязан ..., мне необходимо ..., я должен...

Рациональные эмоции (здоровые эмоции): неприязнь, раздражение.

Иррациональные эмоции (нездоровые эмоции): депрессия, вина, гнев.

Гневливый человек в ситуации гнева говорит себе: «Я должен сразу устранять все трудности и несправедливости в своей жизни и вовсе не затрудняться ими». Но в реальности взбешенный человек не способен устранить все фрустрационные факторы и беззаботно жить с ними. Он требует невозможного и, следовательно, без необходимости расстраивает себя. Человек на самом деле приходит в бешенство не из-за фрустрации или несправедливости, а из-за своих собственных нереалистичных, незрелых позиций по отношению к этим стимулам.

Фразы типа: «Он не должен быть настолько нечестным или несправедливым! Как он может вести себя так отвратительно? Я должен наказать его!», являются иррациональными.

Во-первых, он намерен покарать другого человека, который просто случайно оказался более подверженным ошибкам, и, следовательно, достойным сожаления.

Во-вторых, убеждая себя в подобных чувствах, человек создает у себя сильные чувства ярости, ужаса и мстительности. С этими чувствами он вряд ли может сохранить рассудительность и адекватность.

В-третьих, это могут быть собственные человеческие установки относительно поведения людей, в которые он преданно верит.

Заключение. Отметим в заключение основные тезисы выводов по материалам публикации. Крайне актуальным теоретическим и прикладным проблемным вопросом является Проявление объективно чрезмерных агрессивных способов поведения лицами, осужденными к уголовному наказанию. Исследователями проявления пенитенциарного стресса установлено, что у лиц, отбывающих уголовное наказания, чаще всего наблюдаются такие негативные психические состояния как высокая тревожность и депрессия, которые стимулируют проявление агрессивных способов поведения. Их эмоциональная сфера представляет собой некий накопительный заряд отрицательных эмоций и негативных психических состояний, которые нередко приобретают неуправляемый характер и оказывают существенное влияние на способы поведения осужденного в условиях социальной депривации.

Соответственно, пенитенциарные психологи, организуя и реализовывая обучение осужденных приемам эмоциональной саморегуляции в местах лишения свободы, должны обладать определенной компетентностью, чтобы успешно проводить эту работу. Основные характеристики этой компетентности раскрыты в материалах данной публикации.

Список литературы:

- [1] Байстер М., Люберг К. Быстрый ум. Как забывать лишнее и помнить нужное. / пер с англ. М.: Альпина нонфикшн. 2014. 326 с.
- [2] Киселев С.Г. Государственная гражданская служба: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2017. – С.118.
- [3] Кулакова С.В. Формирование профессиональных компетенций у сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоящих в резерве кадров на руководящую должность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2020-2-29-33.
- [4] Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности. История, современ-

ность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С 62-78.

[5] Реан А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. 416 с.

[6] Den Hartog D.N., Boon C., Verbarg R.M., Croon M.A. HRM, Communication, Satisfaction, and Perceived Performance: A Cross-Level Test // Journal of Management. 2013. Vol. 39. N 6. P. 1637-1665.

Spisok literaturey:

[1] Bajster M., Lyuberg K. Bystryj um. Kak zabyvat' lishnee i pomnit' nuzhnoe. [Fast mind. How to forget what is unnecessary and remember what is necessary] / per s angl. M.: Al'pina nonfikshn. [Alpina nonfiction] 2014. 326 p. [in Engl].

[2] Kiselev S.G. Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba: ucheb. posobie. [State civil service: textbook. manual] - Mockov.:TK Velbi, Izd-vo Prospekt [TK Velby, Prospekt Publishing House,], 2017.- 118 p. [in Russ].

[3] Kulakova S.V. Formirovanie professional'nyh kompetencij u sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii, sostoyashchih v rezerve kadrov na rukovodyashchuyu dolzhnost' [Formation of professional competencies among employees of the penitentiary system of the Russian

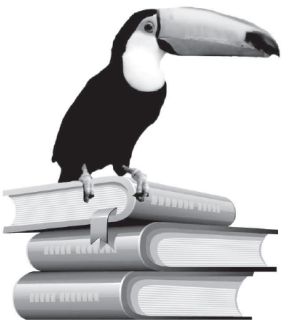
Federation who are in the personnel reserve for leadership positions] // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie.[Penal system: law, economics, management.] – 2020. – № 2. – Pp. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2020-2-29-33. [in Russ].

[4] Morosanova V.I. Osoznannaya samoregulyaciya kak metaresurs preodoleniya razlichnyh situacij neopredelennosti. Istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya psihologii v sisteme Rossijskoj Akademii nauk [Conscious self-regulation as a meta-resource for overcoming various situations of uncertainty. History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences]: Materialy Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu sozdaniya Instituta psihologii RAN, 16–18 noyabrya 2022 g. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Materials of the International Anniversary Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the creation of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 2022. P. 62-78. [in Russ].

[5] Rean A.A. Social'naya pedagogicheskaya psihologiya [Social pedagogical psychology] /A.A. Rean, YA.L. Kolominskij. – SPb.: ЗАО «Izdatel'stvo «Piter», [ZAO Publishing House “Peter”] 1999. 416 p. [in Russ].

[6] Den Hartog D.N., Boon C., Verbarg R.M., Croon M.A. HRM, Communication, Satisfaction, and Perceived Performance: A Cross-Level Test // Journal of Management. 2013. Vol. 39. N 6. P. 1637-1665.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЖДАНОВА Нина Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Алтайский государственный
педагогический университет» (г. Барнаул)
кафедры правоведения и методики преподавания
социально-экономических дисциплин,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНОМАРЕВА Ольга Михайловна,
кандидат педагогических наук,
Ставропольский филиал федерального государственного
казенного образовательного учреждения высшего образования
«Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», (г. Ставрополь),
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОМ КУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Основной проблемой исследования является отсутствие целостного понимания обучающимися отраслей российского права. Цель исследования – сформировать понимание необходимости обучения праву на основе педагогического потенциала русских национальных правовых традиций, обогащая знания обучающихся пониманием фундаментальных основ развития права в русской среде. В статье исследуются особенности обучения гражданскому праву через обращение к историческим аспектам российской правовой системы. Теоретико-правовое отраслевое содержание выступает как узловое, связующее вопросов метапредметного обществоведческого образования. Обучение гражданскому праву на базе обращения к специфике русской хозяйственной традиции становится фундаментальным в силу видения обучающимися не только принципов функционирования права, но и их «духа» в конкретных взаимоотношениях.

Ключевые слова: отечественный консерватизм, право как часть культуры России, русская хозяйственная традиция, правовое обучение, народное правосознание, гражданские правоотношения.

ZHDANOVA Nina Sergeevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Altai State Pedagogical University" (Barnaul),
Department of Law and Teaching Methods of Socio-Economic Disciplines

PONOMAREVA Olga Mikhailovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Stavropol Branch of the Federal State State Educational Institution
of Higher Education "Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation," (Stavropol)

FORMATION OF KNOWLEDGE ON CIVIL LEGAL RELATIONS IN THE SOCIAL STUDIES COURSE OF A MODERN COMPREHENSIVE SCHOOL

Annotation. The main problem of the study is the lack of a comprehensive understanding of the branches of Russian law by students. The purpose of the study is to form an understanding of the need to teach law based on the pedagogical potential of Russian national legal traditions, enriching the knowledge of students

with an understanding of the fundamental principles of legal development in the Russian environment. The article examines the features of teaching civil law through reference to historical aspects of the Russian legal system. The theoretical and legal sectoral content acts as a key, connecting issues of meta-subject social science education. Teaching civil law based on the specifics of the Russian economic tradition becomes fundamental due to the students' vision of not only the principles of the functioning of law, but also their "spirit" in specific relationships.

Key words: domestic conservatism, law as part of Russian culture, Russian economic tradition, legal education, national legal consciousness, civil legal relations.

Введение. В современной России эффективным становится такое правовое образование, которое основывается на исторических традициях, воспитании славянского самосознания, чувства принадлежности к славянскому миру. Опора на собственные отечественные культурные достижения и на свой способ мышления должно способствовать развитию образования и государственных институтов. Правовое образование предполагает акцент на работу с внутренним миром субъектов обучения, когда правомерное поведение оказывается следствием соответствующего духовно-нравственного состояния человека. Смысл правового обучения неотделим от смысла жизни человека, который внекультурно неопределим. Изучение основ гражданского права является частью обществоведческой подготовки в общеобразовательной школе. Насыщенный теорией гуманитарных наук обществоведческий материал в условиях углубления метапредметности содержания позволяет осмыслить гражданско-правовую тематику в контексте основных обществоведческих подходов. Обращение к гражданскому праву становится актуальным с целью показать школьникам изначально формирующееся своеобразие русских гражданских правоотношений, устойчивые традиции на основе включения в содержание правового материала исторических сюжетов и образных примеров. Поэтому целесообразно изучить специфику теории гражданского права на основе обращения к русским правовым традициям, сформировавшимся как в официальном праве, так и в среде крестьянского обычного права. Соответственно, задачами является определение базовых идей русских гражданско-правовых отношений и создание образных представлений при рассмотрении содержания вопросов гражданского права в составе обществоведческого курса. Реализация данных задач будет способствовать ясному представлению работы с историческим материалом в рамках правового обучения обществоведческого курса.

Сегодня исторический контекст многих аспектов гражданского права является малоизученным и даже обзорно не включенным в учебный процесс. Научной новизной исследования является взгляд на явления гражданского права

как части культуры, имеющие самобытный педагогический смысл, наделенные целостным видением реальности.

Материалы исследования имеют теоретическую значимость при обучении гражданскому праву в курсе обществознания общеобразовательной школы. Опора на педагогические идеи отечественных консерваторов, работавших в XVIII – начале XX вв. (И.А. Ильин, И.Л. Солоневич) об учете в обучении русских национальных обычаев и традиций способствует формированию целостного понимания школьниками отраслевого права при обращении к историческим основам изучаемого вопроса.

Основная часть статьи.

В условиях опоры на общенациональные интересы России идет интенсивный процесс осмысления и переосмысления отечественного исторического опыта в развитии общественных явлений на основе научных теорий и педагогической практики. Достижения юридической науки, прежде всего теории государства и права, сегодня позволяет ответить на общественно-педагогический запрос по обновлению теории предметного содержания правового блока обществоведческого курса и ее последовательной реализации в практике обществоведческого образования. Опираясь на культурологический подход и отечественную консервативную правовую доктрину, исследователи ставят акценты на соответствии правопонимания национальной правовой культуре, национальному правосознанию, стилю юридического мышления народа [1, с. 33-67; 2, с. 208-210], характеризуют педагогические основы взаимоотношений в русском обществе [3, с. 127-139; 4, с. 225-226], решают задачу выбора методического обеспечения правового обучения и воспитания в современной системе образования [5, с. 45; 6, с. 75-79]. Результаты данных исследований являются основой для развития теории и методики обучения отраслям российского права.

Религиозно-духовный код русской цивилизации предопределил особенности организации жизни общества во всех сферах (культуре, политике, государстве, экономике), а также на всех уровнях общества – индивидуальном (личност-

ном), семейном, корпоративном, региональном, общенациональном. Духовно-нравственные законы в форме этических норм исконно являлись определяющими хозяйственную жизнь русского человека. Хозяйственная этика является частью общей христианской (православной) этики. Идеальной моделью для христиан являлась экономика благодати, создания, творчества, а не материалистическое мировосприятие. Русский ум постоянно задавался вопросами хозяйственной жизни, очень глубоко проникал в сущность экономических процессов и явлений. Считалось, что экономическая деятельность должна удовлетворять жизненно необходимые потребности народа, кормить и одевать как можно дешевле [7, с. 67].

Образ влияния церкви на сферы гражданской и семейной жизни предопределил распространение полномочий церкви на многие вопросы гражданского и семейного права, в том числе и на судебную власть. Церковь как субъект отправления правосудия в составе русской судебной системы создала этическую и духовную базу для развития гражданских и семейных правоотношений. Вечевой (общинный) северо-запад, где служители церкви имели большое значение в решении государственных дел, отличался широкой компетенцией церковного суда. В частности, споры, вытекавшие из земельных отношений, порядка распределения вотчин находились в ведомстве церкви, которая также утверждала сделки по купле-продаже земли [8, с. 122-123]. Монархическим центральным и южным частям русского государства была больше свойственна тенденция ограничения церковной юрисдикции. Особенности влияния церкви и роль в осуществлении правосудия определили степень включения гражданских правоотношений в духовную культуру русского народа.

Образ семейственности имущественных отношений в русской среде предопределил их личностный неэкономический характер. Гражданско-правовые отношения в России изначально имели достаточно развитый гражданский оборот и гражданское законодательство, чем отличались от аналогичных законов Западной Европы. Система имущественных отношений русского населения, как производная от хозяйственных, основывалась на семейном правопорядке, поэтому семейные правоотношения предопределили облик гражданского права. Ключевым институтом русской народной жизни являлась общинная земля, приложение личных трудовых затрат на которой являлось исходным для оценки результата труда в качестве объекта гражданских правоотношений. Именно труд определял отношение человека к земле и иным объектам гражданских прав. Держание земли

при общинной собственности на землю налагало нравственную социальную обязанность работы на земле и вложений в ее обустройство, а также соблюдения договоров. Гражданско-правовое значение имел именно труд, вложенный в землю.

Правовая культура XIX – начала XX вв. не воспринимала право частной собственности в качестве «священного и неприкосновенного», а потому иные ценности (семьи, рода, родовой чести) перевешивали. В русском праве понятие собственности возникло не раньше XVIII в., а до этого оно заменялось словами «владение», «вотчина», поэтому изначально в русском праве личности не приписывалась безусловная сила присвоения. Образ частного земельного владения как части общественной и государственной земли составлял основу понимания взаимосвязи частного и публичного интереса в русской гражданско-правовой культуре. Пространственная организация категорий земельного владения включала пересекающиеся, логически не исключающие,

а вытекающие друг из друга понятия – «казенной», «нашей» и «моей» земли. Правомочия частного собственника, в том числе продажа и передача по наследству, осуществлялась при согласовании с публичным интересом, представленным, например, в виде общинного самоуправления. Кроме того, наличие собственности способствовало не индивидуализации человека, а, напротив, вхождению его в общество [1, с. 135]. Особую социальную роль имела фамильная земля как обустроенная и составлявшая особую духовную и имущественную ценность для рода. Ценился именно труд, вложенный в землю по обустройству территории, что представляло определенный недостаток для благополучия большой семьи.

Приоритет реализации частного интереса для частного лица всегда оставался базисным для гражданско-правовых отношений, но, при этом, не смешивался с сугубо индивидуалистическими интересами отдельных лиц и их групп. Гражданско-правовые отношения призваны были удовлетворять потребности большинства. Исторически менялось соотношение между коллективным и частным секторами внутриобщинных отношений, но всегда оптимально сочетался и поддерживался гармоничный порядок, «ряд» в общинной среде, обеспечивался устойчивый и справедливый режим регулирования имущественных отношений. Образ использования общественных прав как части индивидуальных характеризовало народное гражданское право как право индивидуалистически-вотчинное. Общинные права человека позволяли осуществлять владение и пользование землей с учетом индивидуальных особенностей ситуации в силу несения ответственности за семью и саму общину.

В итоге выстраивалась система частно-правовых отношений, которая в сочетании с государственным порядком составляла цельный соборный строй народной жизни. Внутренне неколлективистский характер русского социума сочетался с государственным соучастием в имущественных и хозяйственных отношениях, обеспечивая государственное единство.

Образ сочетания форм собственности являлся для русского человека фундаментальной социальной ценностью. Как правило, значимость частной собственности признавалась в русской культуре только в системе общественно-частного и государственно-частного хозяйства. Утверждалось, что чем разноразностнее субъекты собственности (государство, частные лица, кооперативы), тем больше у хозяйства шансов на успешное развитие. Частная собственность допускалась лишь наряду с другими формами и никогда в качестве доминирующей. Для русской традиции характерно отсутствие самостоятельной идеи частной собственности, собственности признавалась лишь в качестве социального служения. Кроме того, именно образы гражданских общностей (кооперативы, товарищества, союзы) воплощали ценности самоорганизации, социальной защищенности, общего управления, вовлекали личность в соучастие и сопереживание единства.

Возникновение собственности всегда связывалось с вступлением в договорные отношения. Деловая экономическая культура выстраивалась на основе взаимосвязи гражданско-правовых институтов (договора, купли-продажи, мены, дарения), встроенности их в хозяйственный оборот и систему духовной жизни общества. Образ гражданско-правового диалога определял решение правовых вопросов в русской среде. Договорные правоотношения в области гражданского права исходили из принципа вторичности формы как правовой категории и первичности содержания. Акцент на содержании предполагал преимущественное внимание на сути правоотношения и не восприятие формы. Преобладание эмоционально-чувственной природы русского человека над рациональной отражалось на заключении договоров, когда большое значение имело устное слово и эмоциональная связь, устанавливаемая между сторонами договора. Достигнутая договоренность скреплялась совместной молитвой, застольем, передачей личной вещи «из полы в полу». Недобросовестное поведение контрагента навлекало на человека нравственную ответственность за «поруху» договора. В итоге смысл и организация договорных отношений не отделялись от личности субъекта, подчеркивали индивидуальные характеристики и мир человека. В случаях нарушений договорных

обязательств при отсутствии однозначной вины одной из сторон или наступления непредвиденных обстоятельств предусматривалась равная разверстка ответственности и негативных последствий, дела решались по принципу «грех пополам», когда все теряют, но никто не разоряется, что отражало своеобразие русского правосознания. Подобные правоотношения отражают понимание экономической взаимозависимости всех членов общества, привычку к совместному, артельному действию. Артельный взгляд русского человека на систему гражданских правоотношений означал стремление к сохранению хозяйственной состоятельности каждого члена общества как основы всеобщего благополучия.

Русские гражданско-правовые отношения исторически были направлены на удовлетворение производственных потребностей населения. Предпринимательская деятельность понималась как вид производственной деятельности, которая способствовала развитию социальных отношений. При этом, государство выступало как активный организатор производства и торговли, регулятор экономических отношений и рынка в интересах всего общества, что обеспечивало динамизм всей общественной жизни. Образ дворянских (вотчинных) фабрик выступает историческим подтверждением создания сельской производственной основы для переработки собственного российского сырья. Расположение вотчинных фабрик в провинции давало преимущества для переработки местной продукции, соединяло производственный потенциал промышленности и сельского хозяйства, поддерживало свободу крестьянских промыслов и крестьянское предпринимательство, не отрывающееся от земледелия.

Одним из существенных видов имущественных прав предпринимателей являлось посессионное право. Образ посессионных земель как один из видов владения собственностью представлял собой основу для развития фабричного производства предпринимателями недворянского происхождения. Посессионное владение признавалось вещным правом на чужую вещь – правом условного и зависимого владения казенной землей и лесами, которые были отведены горнозаводчикам (приписаны к заводам) под условием постоянного действия горных заводов [9, с. 253]. Кроме того, посессионному владельцу (содержателю или заводчику) принадлежало не только право пользования казенной землей и лесами для постоянного действия горного завода, но и отчуждения их на посессионном праве. Поэтому земли и леса, приписанные к горным заводам, возвращались в прежнее положение лишь с прекращением действия горных заводов, тогда казна становилась полным их собственником.

Различные виды гражданско-правовых отношений, в том числе вещные и обязательственные, самобытно складывались в русской народной среде. Образ ипольного землепользования как договора об отдаче половины урожая «на корню» подчеркивал специфику русских гражданско-правовых обычаев. Ипольный договор предполагал, что крестьянин, взявшийся обработать чужую землю, вступал в товарищество со снимающим землю: один давал землю, другой – труд [1, с. 218-219]. В результате вырастающий в поле хлеб представлял общее имущество обоих, в котором крестьянину оставалась половина урожая. Ипольный договор отличался от западноевропейской практики заключения договора аренды и договора личного найма.

Образ передачи недвижимости кредитору в пользование как форма залогового обеспечения кредита была выработана отечественной практикой самостоятельно и являлась распространенной в старом русском праве [10, с. 8, 96-97]. Владение предметом обеспечения – недвижимостью передавалось кредитору и пользование им засчитывалось в счет процентов или даже погашения основного долга. Возможность пользования заложенным имуществом должника в счет процентов существовала до просрочки, когда стороны зачастую исходили из молчаливого согласия. При просрочке по умолчанию следовало присвоение как наиболее распространенный способ обращения взыскания.

Образ застройки земельного участка кредитором как форма обеспечения кредитования была разработана в отечественной практике. Предоставление земельного участка кредитору в пользование с разрешением строить на нем здания, но при условии по окончании срока пользования зданием разобрать отличало самобытную отечественную правовую практику от аналогичной римской [10, с. 9, 40-41]. Существовали различные варианты реализации данного временного владения землей «из строения». Так, получив участок пустой земли или владение с расстроенным хозяйством, держатель принимал обязательство завести полное хозяйство, призвать крестьян, поставить дворы, распахать пашню, расчистить сенокосы. После смерти держателя владение возвращалось собственнику со всеми «примыслами». Например, получив пожизненно «на строение» пустошь от монастыря, после смерти земля со всеми постройками и населением по договору отходила монастырю.

Развивались в русской среде и гражданские правоотношения, исходящие из труда. В целом, существовало понимание, что регулирование труда затрагивает не только процессуальную сторону самих трудовых отношений, но и является объектом имущественных обязательств.

Образ наследника как правопреемника предполагал держание имущества и продолжение дела. Наследодатель делил наследство между готовыми обязательными наследниками. Наследник являлся целостной «имущественной личностью» наследодателя и в правопонимании русского человека включал даже не имущество (актив и пассив), а универсальное наследование всей совокупности имущественных прав. Суть наследования – не в обогащении потомка за счет предка, а в универсальном правопреемстве имущественной личности наследодателя и поддержании ее существования.

Образ наследования незаконнорожденными и усыновленными детьми также являлся основой гражданских прав, исходящих из труда. Именно труд и его количество определяли отношение человека к земле и иным объектам гражданских прав. Право русского крестьянства допускало к наследованию лиц, не состоявших в родстве с наследодателем, но прилагавших свой труд к земле [1, с. 136]. Нетрудовой доход крестьянами не признавался. Основанием наследования являлось состояние в родстве, причем, не только биологическое родство, но и иные виды состояния в семье, признаваемые в крестьянском быту за родственные (зять, пасынок, падчерица, воспитанники). Основой народного наследственного права была общность семейной собственности и трудовое, а не родственное начало. Наследником нужно было не просто быть, им нужно было стать. Наследодатель не мог своевольно устранить от наследования трудившегося домочадца. При этом, лица мужского пола пользовались преимуществом перед лицами женского пола (по фискальным причинам, как держатели общесемейного имущества).

Образ хозяйской (работодательской) власти как личной власти над человеком, имеющей алиментный характер, представлял собой в русской культуре частный правовой порядок предприятия, в котором трудовой договор признавался самостоятельной группой договоров о труде. Утверждалось, что личное подчинение работника является зависимым социальным взаимоотношением, при котором тратится человеческая энергия, проявляется рабочая сила, неразрывно связанная с человеческой личностью, частично или полностью поглощается целями других лиц. Гражданско-правовая нормировка трудовых отношений должна устанавливать пределы власти и подчинения и ограждать личность от превращения в пассивное средство для чужих целей.

Сущность трудового договора заключается в частичном подчинении личности работника хозяйской власти работодателя, что радикально противоположно договору о найме труда. В связи с личным подчинением, и заработная плата, и

ответственность работодателя за всякий ущерб несамостоятельного работника (исключая случаи доказанной вины рабочего) приобретает алиментный характер и относится к обязательственному праву. Алиментный характер заработной платы и ответственность работодателя естественны в силу того, что рабочий ставит себя в зависимое, несамостоятельное положение, обязуясь часто всю свою рабочую силу отдавать в распоряжение своего хозяина, от которого получает средства для жизни. При этом, трудовым договором устанавливается не только обязательственное отношение в обычном смысле как право на исполнение определенных действий, а бланкетное обязательство, конкретное содержание которого определяется уже впоследствии односторонней волей работодателя или потребностями и интересами обслуживаемого дела. Трудовым договором создается не только связанность воли контрагентов как при любом обязательстве, но и связанность самой личности через отношения власти и подчинения. В русской среде главенство в деле всегда связывалось с ответственностью не только за хозяйственный успех деятельности, но и за благополучие трудящихся в нем работников. При этом, согласие работника на подчинение хозяйской власти связывалось с пониманием социального служения общественному делу.

Спецификой гражданских правоотношений исторически является осуществление охраны и защиты субъективных прав физических и юридических лиц судебными и несудебными органами. При этом, деятельность суда обусловлена необходимостью защиты нарушенных прав и восстановления справедливости, а нотариат действует в сфере бесспорной юрисдикции, и его деятельность связана с юридическим закреплением гражданских прав физических и юридических лиц. Образ нотариата как несудебной формы защиты гражданских прав в системе русских правозащитных институтов исторически складывался посредством деятельности нотариусов, уполномоченных государством [11, с. 343]. Социально-правовое назначение института нотариата в России определено исторически и обусловлено стремительным развитием гражданского оборота, особенно в области наследственных прав, что, в свою очередь, порождало необходимость охраны и защиты права собственности. Становление нотариата происходило от примитивных действий – разработки письменной формы документов и регулирования элементарных видов правоотношений до серьезного комплексного функционала – осуществления правозащитной функции путем законного закрепления подлинных волеизъявлений сторон. В результате исто-

рической трансформации нотариат, будучи наделенным государственными полномочиями на совершение нотариальных действий, стал правовым институтом, действующим в области превентивного правосудия. Уникальность нотариата и его основное отличие от иных правовых институтов заключается в том, что он функционирует на границе частных и публичных правовых сфер, что порождает двойственную правовую природу нотариата. С одной стороны, нотариат действует от лица государства и выполняет блок публично-правовых функций, а с другой – нотариус является беспристрастным и независимым профессиональным субъектом, обеспечивая защиту прав и свобод человека и гражданина. Нотариальные правоотношения следует рассматривать как самостоятельный вид общественных отношений, обеспечивающий баланс частных и публичных интересов.

Выводы. Специфика рассмотрения теории гражданско-правовых отношений заключается в освещении своеобразия русских традиций хозяйствования, отражающих глубину национального правосознания, акцент на содержание правоотношений, а не форму. Идеи соборности и правообязанности являлись основополагающими в осмыслении правовых явлений эмоционально-чувственной природой русского человека. Педагогические идеи отечественных консерваторов о необходимости опоры на национальное правосознание для успешности правового обучения требуют обращения к истории русского права, традиционным правовым ценностям, правовой психологии народа, а также понимание национальных представлений об экономике как социальном явлении, развивающимся на принципах социальной ответственности и призванном содействовать благополучию общества. Русская общественная жизнь основана на социальном начале через выстраивание правильных этических отношений с другими людьми, совместную деятельность и моральные стимулы. Нравственные начала права собственности являются необходимой основой экономической и социальной безопасности государства и иных субъектов права. Возрастание статуса собственности, обретение ею необходимых моральных функций и полномочий – это необходимое условие свободы личности и ее политико-правовой ответственности. Лицо, владеющее собственностью, не способно на экстремизм в политике и праве. Способность всех участников гражданского оборота обеспечить «соборное» функционирование хозяйственной системы способствует повышению общественной морали, росту национального самосознания. Мировоззренческой проблемой является поиск способов совмещения предпри-

нимательской деятельности с соблюдением этических и нравственных норм. Опыт хозяйственной жизни и предпринимательства в России с ее традициями общины, артельного труда, кооперации дает много примеров для осмысления. Совершенствование экономики возможно лишь через более глубокое познание законов природы и нравственное совершенствование людей. Правовое обучение с опорой на русские национальные правовые традиции имеет значительный педагогический потенциал, обогащая знания обучающихся пониманием фундаментальных основ развития права в русской среде. Образное воспроизведение базовых идей русских гражданско-правовых отношений на основе лаконично сформулированных и позитивно ориентированных образов позволяет наглядно представить и надолго запомнить содержание вопросов гражданского права.

Список литературы:

- [1] Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX вв.). – М.: Юрлитинформ, 2019. – 326 с.
- [2] Концепция правового воспитания российского общества: коллективная монография / Под ред. В.В. Сорокина, А.А. Васильева. – Барнаул: Азбука, 2014. – 270 с.
- [3] Овчинников А.И. Традиционные ценности в правовой политике современной России // Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного. Межвузовский сборник статей / под ред. В.В. Сорокина. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2013. – 260 с.
- [4] Сорокин В.В. Правовая культура и правовое воспитание: вопросы теории: монография / В. В. Сорокин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. – 269 с.
- [5] Калущая Е.К. Методология правового воспитания в современной школе и воспитательный потенциал права // Преподавание истории и обществознания в школе. – № 3. – 2015.
- [6] Морозова С.А. Правовое образование школьников в современной России // Преподавание истории и обществознания в школе. – № 3. – 2014.
- [7] Катасонов В.Ю. Православное понимание экономики. – М.: Институт русской цивилизации, Издательский дом «Кислород», 2019. – 608 с.
- [8] Ступникова Н.Н. Формирование публично-правовых институтов в период становления государства Древней Руси: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 144 с.
- [9] Синайский В. И. Русское гражданское право: научное издание / В. И. Синайский. – М.: Статут, 2002. – 636 с.
- [10] Рыбалов А.О. О залоге в русском праве XV – XVII веков / А.О. Рыбалов. – М.: Статут, 2022. – 160 с.
- [11] Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. IX. Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.А. Демичева, докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 512 с.

Spisok literatury:

- [1] Vasev I.N., Sinkin K.A., Vasil'ev A.A. Oby'chnoe pravo russkoj krest'yanskoj obshhiny` (XIX – nachalo XX vv.). – M.: Yurilitinform, 2019. – 326 s.
- [2] Konceptsiya pravovogo vospitaniya rossijskogo obshhestva: kollektivnaya monografiya / Pod red. V.V. Sorokina, A.A. Vasil'eva. – Barnaul: Azbuka, 2014. – 270 s.
- [3] Ovchinnikov A.I. Tradicionny'e cennosti v pravovoj politike sovremennoj Rossii // Gosudarstvenno-pravovoj opyt' Rossii: sootnoshenie samoby'tnogo i zaimstvovannogo. Mezhhuzovskij sbornik statej / pod red. V.V. Sorokina. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2013. – 260 s.
- [4] Sorokin V.V. Pravovaya kul'tura i pravovoe vospitanie: voprosy` teorii: monografiya / V. V. Sorokin. – Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2023. – 269 s.
- [5] Kaluczkaya E.K. Metodologiya pravovogo vospitaniya v sovremennoj shkole i vospitatel'nyj potencial prava // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole. – № 3. – 2015.
- [6] Morozova S.A. Pravovoe obrazovanie shkol'nikov v sovremennoj Rossii // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole. – № 3. – 2014.
- [7] Katasonov V.Yu. Pravoslavnoe ponimanie e'konomiki. – M.: Institut russkoj civilizacii, Izdatel'skij dom «Kislород», 2019. – 608 s.
- [8] Stupnikova N.N. Formirovanie publichno-pravovy'x institutov v period stanovleniya gosudarstva Drevnej Rusi: monografiya. – M.: Yurilitinform, 2014. – 144 s.
- [9] Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: nauchnoe izdanie / V. I. Sinajskij. – M.: Statut, 2002. – 636 s.
- [10] Ry'balov A.O. O zaloge v russkom prave XV – XVII vekov / A.O. Ry'balov. – M.: Statut, 2022. – 160 s.
- [11] Formirovanie i razvitie otraslej prava v istoricheskoy i sovremennoj pravovoj real'nosti Rossii. V 12 t. T. IX. Grazhdanskoe processual'noe pravo v sisteme otraslej rossijskogo prava: monografiya / pod red. dokt. yurid. nauk, prof. A.A. Demicheva, dokt. yurid. nauk, prof. R.L. Xachaturova. – M.: Yurilitinform, 2022. – 512 s.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ТЕОРИЯ ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ КАК ПАТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЕПРЕССИВНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: РОЛЬ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА И ДЕПРИВАЦИИ КОНТРОЛЯ

Аннотация. Представлен анализ феномена дезадаптации лиц, находящихся в условиях лишения свободы, через призму теории выученной беспомощности (М. Селигман). Обосновывается положение о том, что пенитенциарная среда, характеризующаяся хроническим непредсказуемым стрессом, жестким ограничением личного контроля и возможностей выбора, создает идеальные условия для формирования выученной беспомощности. Последняя рассматривается как ключевой психопатологический механизм развития депрессивных состояний, апатии, когнитивных нарушений и социальной дезадаптации среди заключенных. Детально исследуются нейробиологические корреляты хронического стресса (дисфункция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, нейротрофические факторы) и их связь с депрессивной симптоматикой. Подчеркивается роль деприкации контроля как центрального фактора в генезе беспомощности. Анализируются особенности проявления выученной беспомощности в специфических условиях изоляции, ее влияние на резистентность к терапии и высокий риск рецидивизма. Статья аргументирует необходимость разработки и внедрения в пенитенциарных учреждениях программ, направленных на восстановление чувства контроля и агентности, как важнейшего компонента профилактики и коррекции депрессивной дезадаптации и психосоциальной реабилитации.

Ключевые слова: выученная беспомощность, дезадаптация, хронический стресс, депрификация контроля, депрессивные расстройства, пенитенциарная система.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE THEORY OF LEARNED HELPLESSNESS AS A PATHOGENETIC BASIS OF DEPRESSIVE MALADAPTATION OF CONVICTS: THE ROLE OF CHRONIC STRESS AND DEPRIVATION OF CONTROL

Annotation. The article presents an analysis of the phenomenon of maladaptation of persons in prison through the prism of the theory of learned helplessness (M. Seligman). It substantiates the position that the penitentiary environment, characterized by chronic unpredictable stress, severe restrictions on personal control and choice, creates ideal conditions for the formation of learned helplessness. The latter is considered as a key psychopathological mechanism for the development of depressive states, apathy, cognitive impairment and social maladaptation among prisoners. The neurobiological correlates of chronic stress (dysfunction of the hypothalamic-pituitary-adrenal axis, neurotrophic factors) and their relationship with depressive symptoms are studied in detail. The role of control deprivation as a central factor in the genesis of helplessness is emphasized. The features of the manifestation of learned helplessness in specific conditions of isolation, its

impact on resistance to therapy and a high risk of recidivism are analyzed. The article argues for the need to develop and implement programs in penitentiary institutions aimed at restoring a sense of control and agency, as an essential component of the prevention and correction of depressive maladjustment and psychosocial rehabilitation.

Key words: *learned helplessness, maladjustment, chronic stress, control deprivation, depressive disorders, penitentiary system.*

Введение. Пенитенциарная среда представляет собой уникальный и предельно стрессогенный микросоциум, оказывающий глубокое деструктивное воздействие на психическое здоровье индивида. Высокая распространенность депрессивных расстройств, апато-абулических состояний, тревоги и посттравматических симптомов среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является эмпирически подтвержденным фактом [1; 2]. Традиционные объяснительные модели часто фокусируются на преморбидных особенностях личности, травматическом опыте или изоляции как таковой. Однако для понимания глубинных механизмов дезадаптации, особенно ее когнитивно-аффективных и мотивационных компонентов, ключевое значение приобретает концепция выученной беспомощности, разработанная Мартином Селигманом [3; 4]. Данная теория предлагает мощную парадигму для анализа того, как хронический, непредсказуемый стресс и систематическая депривация возможности осуществлять контроль над значимыми аспектами собственной жизни в условиях лишения свободы формируют устойчивое состояние пассивности, безнадежности и когнитивного дефицита, являющееся субстратом клинически выраженной депрессии и глубокой социально-психологической дезадаптации.

Теоретические основы выученной беспомощности и ее трансформация в пенитенциарном контексте. Классические эксперименты М. Селигмана продемонстрировали, что животные, подвергавшиеся неконтролируемым авersive воздействиям (ударам тока, от которых невозможно было убежать), впоследствии, даже при наличии возможности избежать наказания, не предпринимали попыток к бегству, проявляя пассивность и признаки, схожие с человеческой депрессией [3]. Ключевым элементом в формировании этого состояния является не сам по себе стрессор, а непредсказуемость и неконтролируемость негативных событий. Индивид (или животное) обучается тому, что его действия не влияют на исход ситуации, что порождает генерализованное ожидание неэффективности собственных усилий в будущем.

Перенос этой модели в условия пенитенциарного учреждения очевиден. Лишение свободы – это, по своей сути, ситуация массивной и систематической депривации контроля [5; 6].

Осужденный лишен контроля над базовыми аспектами существования:

1. Физическая сфера. Режим дня, питание, передвижение, личное пространство строго регламентированы.
2. Социальная сфера. Контакты с внешним миром (семьей, друзьями) ограничены и контролируются; выбор социального окружения внутри учреждения минимален и часто опасен; общение с персоналом асимметрично и унизительно.
3. Процессуальная сфера. Ограничены возможности влиять на решения администрации, обжаловать действия, участвовать в планировании собственного будущего (включая условно-досрочное освобождение, переводы).
4. Временная перспектива. Будущее неопределенно, планирование затруднено или невозможно.

Более того, многие аспекты тюремной жизни (произвол со стороны других осужденных, внезапные обыски, трансферы, изменения правил) носят непредсказуемый и неконтролируемый характер. Эта комбинация – хроническая депривация контроля плюс непредсказуемость стрессоров – создает идеальную питательную среду для формирования выученной беспомощности. Осужденный постепенно усваивает, что его действия не приводят к желаемым результатам, попытки изменить ситуацию тщетны или даже опасны. Это порождает когнитивный триадный дефицит, описанный в более поздних ревизиях теории беспомощности как основа депрессии [8]:

- Пессимистическое ожидание негативных событий в будущем («Все равно ничего не получится», «Выйду – опять сяду»).
- Негативная оценка себя как некомпетентного, ущербного, заслуживающего наказания («Я неудачник», «Я сам во всем виноват», «Я не способен на нормальную жизнь»).
- Негативная оценка мира и своего опыта как враждебного, несправедливого, не поддающегося изменению («Весь мир против меня», «Систему не изменить», «Доверять никому нельзя»).

Хронический стресс как физиологическая основа дезадаптации и депрессии. Выученная беспомощность не является чисто психологиче-

ским феноменом; она имеет глубокие нейробиологические корни, тесно связанные с реакцией на хронический стресс, который является неотъемлемой чертой пенитенциарной среды [8; 9].

Основным физиологическим путем реакции на стресс является гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось (ГГНО). В ответ на стрессор гипоталамус секретирует кортикотропин-рилизинг гормон, который стимулирует гипофиз к выбросу адренокортикотропного гормона (АКТГ). АКТГ, в свою очередь, стимулирует кору надпочечников к производству кортизола – основного глюкокортикоидного гормона у человека. В норме кортизол выполняет адаптивную функцию: мобилизует энергетические ресурсы, подавляет воспаление, влияет на метаболизм и иммунитет. Однако хроническая активация ГГНО, характерная для состояния выученной беспомощности и постоянного пребывания в угрожающей, непредсказуемой среде, приводит к патологическим последствиям [10]. Таким образом, хронический стресс пенитенциарной среды, опосредованный через ГГНО и сопутствующие нейробиологические изменения, создает физиологический фундамент для развития и закрепления состояния выученной беспомощности, трансформируя его из поведенческого феномена в стойкое психопатологическое состояние, соответствующее критериям депрессивного расстройства.

Депривация контроля: центральный патогенный фактор в генезе тюремной беспомощности и депрессии. Если хронический стресс является условием, то депривация контроля выступает специфическим триггером и ядром формирования выученной беспомощности в местах ЛС. Контроль над средой – фундаментальная потребность человека [11; 12]. Возможность влиять на события, предсказывать их и выбирать стратегии поведения является ключевым фактором психологического благополучия и резистентности к стрессу. Экспериментально доказано, что наличие даже иллюзорного контроля снижает стрессовую реакцию [13].

Пенитенциарная система по своей сути строится на максимальном изъятии контроля у заключенного и передаче его администрации. Это не просто побочный эффект изоляции, а основополагающий принцип функционирования карательной системы [14; 15]. Каждый аспект жизни регламентирован, расписан, подчинен внешнему принуждению. Осужденный становится объектом управления, лишенным субъектности. Эта систематическая депривация имеет катастрофические последствия:

1. Угасание инициативы и мотивации. Когда усилия не приводят к значимым результатам, а выбор отсутствует, формируется убеждение в бесполезности любых дей-

ствий. Это ведет к глубокой апатии, пассивности, отказу от попыток улучшить свое положение, участию в программах, получению образования – «институциональному нигилизму» [16].

2. Формирование пассивно-зависимой позиции. Лишенный возможности принимать решения и нести за них ответственность, индивид регрессирует к инфантильной позиции ожидания указаний и полной зависимости от внешней структуры (сотрудников, режима). Это затрудняет последующую ресоциализацию, требующую самостоятельности и инициативы.
3. Дисфункциональный атрибутивный стиль. В условиях депривации контроля у заключенных формируется специфический стиль объяснения событий: негативные исходы воспринимаются как стабильные (будут всегда), глобальные (касаются всех сфер жизни) и интернальные (причина во мне, в моей сущности) [7; 17]. Такой пессимистический атрибутивный стиль является мощным предиктором депрессии и устойчивости к терапии.
4. Утрата чувства самоэффективности. Вера в свою способность достигать целей (самоэффективность, по Бандуре) разрушается в среде, где успех или неудача зависят не от усилий, а от воли надзирателей, произвола сокамерников или бюрократических процедур [12]. Утрата самоэффективности – прямой путь к беспомощности и депрессии.
5. «Тюремная личность». Крайним проявлением адаптации через беспомощность и потерю контроля является феномен «тюремной личности» – глубокое усвоение норм, ценностей и моделей поведения тюремной субкультуры, сопровождающееся утратой связи с внешним миром, деградацией социальных навыков, цинизмом, эмоциональной холодностью и глубокой пассивностью или, наоборот, гипертрофированной агрессивностью как единственной доступной формой псевдоконтроля [5; 18].

Клинические проявления и последствия: от беспомощности к депрессии и дезадаптации. Состояние выученной беспомощности, подкрепленное нейробиологическими изменениями вследствие хронического стресса, манифестирует в пенитенциарной практике спектром депрессивных и дезадаптивных симптомов:

- Аффективные. Стойко сниженное настроение (дистимия), чувство безнадежности, тоска, ангедония (утрата способности испытывать радость), чувство вины, низкая самооценка.

- Мотивационно-волевые. Глубокая апатия, отсутствие инициативы, пассивность, психомоторная заторможенность, отказ от деятельности (включая гигиену, прием пищи), ощущение «паралича воли».
- Когнитивные. Трудности концентрации внимания, ухудшение памяти, замедленность мышления, негативные автоматические мысли, пессимистические представления о будущем, суицидальные идеации.
- Соматовегетативные. Нарушения сна (раннее пробуждение, инсомния), снижение аппетита и веса, астения, различные алгии (головные боли, боли в спине) без явной органической причины.
- Поведенческие. Социальная изоляция, отказ от контактов (включая свидания), уклонение от программ занятости и реабилитации, повышенная конфликтность или, наоборот, полная покорность, самоповреждающее поведение, высокий суицидальный риск.

Клинически это соответствует диагностическим критериям депрессивного эпизода (F32 по МКБ-10) или рекуррентного депрессивного расстройства (F33), часто с затяжным или хроническим течением. Особенностью депрессии в условиях ЛС является ее вторичный, реактивный характер на фоне объективно травмирующей ситуации, однако нейробиологические изменения (атрофия гиппокампа, дисрегуляция ГГНО) могут придавать ей эндогеноподобное, резистентное к терапии течение.

Последствия для пенитенциарной практики и реабилитации. Понимание дезадаптации заключенных через призму выученной беспомощности, хронического стресса и депривации контроля имеет принципиальное значение для пенитенциарной психиатрии и психологии:

1. Резистентность к традиционной терапии. Депрессия, основанная на беспомощности в условиях продолжающегося стресса и отсутствия контроля, часто плохо поддается фармакотерапии антидепрессантами, особенно если не меняется сама среда, поддерживающая это состояние. Эффект препаратов может быть частичным или нестойким [19].
2. Высокий риск рецидивизма. Состояние пассивности, безнадежности, утраты навыков планирования и самоэффективности, усугубленное «тюремной личностью», резко снижает шансы на успешную реинтеграцию после освобождения. Бывшие осужденные с выраженной беспомощностью чаще рецидивируют, так как не верят в возможность «нормальной» жизни и не способны активно строить свое будущее [20].

3. Необходимость средового подхода. Наиболее перспективным направлением профилактики и коррекции депрессивной дезадаптации, основанной на выученной беспомощности, является изменение самой пенитенциарной среды в сторону увеличения элементов контролируемости, предсказуемости и возможности осмысленного выбора для заключенных [21-23]. Это включает:

- внедрение четких, прозрачных и справедливых правил и процедур;
- предоставление осужденным реальных возможностей для принятия решений в отношении своей жизни внутри учреждения (выбор работы, обучения, досуга в доступных пределах);
- развитие программ, основанных на принципах восстановительного правосудия, подчеркивающих личную ответственность и возможность заглаживания вреда;
- обучение сотрудников навыкам недирективного общения, поощрения инициативы и уважения достоинства заключенных (профилактика «синдрома тюремного надзирателя» - деперсонализации и цинизма у персонала) [24].

4. Терапевтические мишени. Психологическая коррекция должна быть направлена на:

- восстановление чувства контроля и самоэффективности через постановку достижимых целей, освоение новых навыков, получение позитивного опыта влияния на микросреду;
- когнитивная реструктуризация: работа с дисфункциональными убеждениями и пессимистическим атрибутивным стилем, обучение навыкам решения проблем;
- тренинг навыков совладания (копинг-стратегий), особенно фокусируясь на проблемно-ориентированных стратегиях, а не избегании или эмоциональной разрядке;
- поддержание социальных связей: поощрение контактов с семьей, значимыми друзьями, подготовка к реинтеграции.

Заключение. Теория выученной беспомощности предоставляет глубокую и эвристичную основу для понимания генеза депрессивной дезадаптации осужденных. Пенитенциарная среда, с ее хроническим, непредсказуемым стрессом и тотальной депривацией личного контроля, является мощным инкубатором этого состояния. Формирующаяся беспомощность подкрепляется и биологически закрепляется через дисрегуляцию ГГНО, нейротоксические эффекты кортизола, снижение нейропластичности и нарушение нейромедиаторного баланса, что ведет к развитию клинически выраженной, часто резистентной депрессии. Ключевым патогенным фактором

выступает именно депривация возможности влиять на значимые события собственной жизни. Следствием является не только страдание индивида, но и глубокая дезадаптация, выражающаяся в апатии, утрате навыков самостоятельной жизни, формировании «тюремной личности» и высоком риске рецидивизма.

Следовательно, эффективная профилактика и коррекция депрессивных состояний в пенитенциарных учреждениях не может ограничиваться только фармакотерапией или индивидуальной психотерапией. Она требует фундаментального пересмотра пенитенциарной практики в сторону гуманизации, повышения степени контролируемости и предсказуемости среды для заключенного, предоставления ему возможностей для осмысленного выбора и восстановления чувства самоэффективности и агентности. Интеграция принципов, направленных на преодоление выученной беспомощности, в программы реабилитации и повседневную практику учреждений – это не только вопрос психического здоровья заключенных, но и ключевой фактор повышения эффективности исполнения наказания в части ресоциализации осужденных и снижения рецидивизма. Задача пенитенциарного психиатра – не только диагностировать и лечить следствие (депрессию), но и активно выступать за изменение патогенной среды, порождающей выученную беспомощность как основу дезадаптации.

Список литературы:

- [1] Fazel S. Severe mental illness in 33,588 prisoners worldwide: systematic review and meta-regression analysis / S. Fazel, K. Seewald // *British Journal of Psychiatry*. – 2012. – Vol. 200, № 5. – P. 364–373.
- [2] Baillargeon J. Psychiatric disorders and suicide in the nation's largest state prison system / J. Baillargeon, J. V. Penn, C. R. Thomas [et al.] // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. – 2009. – Vol. 37, № 2. – P. 188–193.
- [3] Seligman M. E. P. Failure to escape traumatic shock / M. E. P. Seligman, S. F. Maier // *Journal of Experimental Psychology*. – 1967. – Vol. 74, № 1. – P. 1–9.
- [4] Seligman M. E. P. Helplessness: On depression, development, and death / M. E. P. Seligman. – San Francisco: W. H. Freeman, 1972. – 250 p.
- [5] Haney C. Mental health issues in long-term solitary and “supermax” confinement / C. Haney // *Crime & Delinquency*. – 2003. – Vol. 49, № 1. – P. 124–156.
- [6] Zamble E. Coping, behavior, and adaptation in prison inmates / E. Zamble, F. J. Porporino. – New York: Springer-Verlag, 1988. – 163 p.
- [7] Abramson L. Y. Learned helplessness in humans: Critique and reformulation / L. Y. Abramson, M. E. P. Seligman, J. D. Teasdale // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1978. – Vol. 87, № 1. – P. 49–74.
- [8] McEwen B. S. Protective and damaging effects of stress mediators / B. S. McEwen // *New England Journal of Medicine*. – 1998. – Vol. 338, № 3. – P. 171–179.
- [9] Sapolsky R. M. Why zebras don't get ulcers / R. M. Sapolsky. – 3rd ed. – New York: Holt Paperbacks, 2004. – 560 p.
- [10] de Kloet E. R. Stress and the brain: from adaptation to disease / E. R. de Kloet, M. Joëls, F. Holsboer // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2005. – Vol. 6, № 6. – P. 463–475.
- [11] Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J. B. Rotter // *Psychological Monographs: General and Applied*. – 1966. – Vol. 80, № 1. – P. 1–28.
- [12] Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control / A. Bandura. – New York: W. H. Freeman, 1997. – 604 p.
- [13] Langer E. J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged: a field experiment in an institutional setting / E. J. Langer, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1976. – Vol. 34, № 2. – P. 191–198.
- [14] Foucault M. Discipline and punish: The birth of the prison / M. Foucault. – New York: Vintage Books, 1977. – 333 p.
- [15] Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.
- [16] Ермасов Е. В. Психологический стресс в условиях изоляции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 84–99.
- [17] Peterson C. Causal explanations as a risk factor for depression: theory and evidence / C. Peterson, M. E. P. Seligman // *Psychological Review*. – 1984. – Vol. 91, № 3. – P. 347–374.
- [18] Clemmer D. The prison community / D. Clemmer. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1940. – 341 p.
- [19] Nestler E. J. Neurobiology of depression / E. J. Nestler, M. Barrot, R. J. DiLeone [et al.] // *Neuron*. – 2002. – Vol. 34, № 1. – P. 13–25.
- [20] Travis J. But they all come back: Facing the challenges of prisoner reentry / J. Travis. – Washington, D.C.: Urban Institute Press, 2005. – 274 p.
- [21] Haney C. Prison effects in the era of mass incarceration / C. Haney // *Prison Journal*. – 2012. – Vol. 92, № 3. – P. 379–386.
- [22] Искандаров Р. Р. Актуальные проблемы охраны здоровья женщин в пенитенциарных условиях / Р. Р. Искандаров, Е. В. Кулавский // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 4. – С. 30–33. – EDN VYJEZN.
- [23] Искандаров Р. Р. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников

пенитенциарных учреждений: интеграция клинико-психологических знаний в образовательные практики / Р. Р. Искандаров // Образование и право. – 2025. – № 3. – С. 494–497. – EDN MRSRWF.

[24] Maslach C. The truth about burnout: How organizations cause personal stress and what to do about it / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco: Jossey-Bass, 1997. – 186 p.

Spisok literary:

[1] Fazel S. Severe mental illness in 33,588 prisoners worldwide: systematic review and meta-regression analysis / S. Fazel, K. Seewald // British Journal of Psychiatry. – 2012. – Vol. 200, № 5. – P. 364–373.

[2] Baillargeon J. Psychiatric disorders and suicide in the nation's largest state prison system / J. Baillargeon, J. V. Penn, C. R. Thomas [et al.] // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. – 2009. – Vol. 37, № 2. – P. 188–193.

[3] Seligman M. E. P. Failure to escape traumatic shock / M. E. P. Seligman, S. F. Maier // Journal of Experimental Psychology. – 1967. – Vol. 74, № 1. – P. 1–9.

[4] Seligman M. E. P. Helplessness: On depression, development, and death / M. E. P. Seligman. – San Francisco: W. H. Freeman, 1972. – 250 p.

[5] Haney C. Mental health issues in long-term solitary and "supermax" confinement / C. Haney // Crime & Delinquency. – 2003. – Vol. 49, № 1. – P. 124–156.

[6] Zamble E. Coping, behavior, and adaptation in prison inmates / E. Zamble, F. J. Porporino. – New York: Springer-Verlag, 1988. – 163 p.

[7] Abramson L. Y. Learned helplessness in humans: Critique and reformulation / L. Y. Abramson, M. E. P. Seligman, J. D. Teasdale // Journal of Abnormal Psychology. – 1978. – Vol. 87, № 1. – P. 49–74.

[8] McEwen B. S. Protective and damaging effects of stress mediators / B. S. McEwen // New England Journal of Medicine. – 1998. – Vol. 338, № 3. – P. 171–179.

[9] Sapolsky R. M. Why zebras don't get ulcers / R. M. Sapolsky. – 3rd ed. – New York: Holt Paperbacks, 2004. – 560 p.

[10] de Kloet E. R. Stress and the brain: from adaptation to disease / E. R. de Kloet, M. Joëls, F. Holsboer // Nature Reviews Neuroscience. – 2005. – Vol. 6, № 6. – P. 463–475.

[11] Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J.

B. Rotter // Psychological Monographs: General and Applied. – 1966. – Vol. 80, № 1. – P. 1–28.

[12] Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control / A. Bandura. – New York: W. H. Freeman, 1997. – 604 p.

[13] Langer E. J. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged: a field experiment in an institutional setting / E. J. Langer, J. Rodin // Journal of Personality and Social Psychology. – 1976. – Vol. 34, № 2. – P. 191–198.

[14] Foucault M. Discipline and punish: The birth of the prison / M. Foucault. – New York: Vintage Books, 1977. – 333 p.

[15] Goffman E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.

[16] Ermasov E. V. Psihologicheskij stress v usloviyah izolyacii / E. V. Ermasov // Razvitie lichnosti. – 2009. – № 2. – S. 84–99.

[17] Peterson C. Causal explanations as a risk factor for depression: theory and evidence / C. Peterson, M. E. P. Seligman // Psychological Review. – 1984. – Vol. 91, № 3. – P. 347–374.

[18] Clemmer D. The prison community / D. Clemmer. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1940. – 341 p.

[19] Nestler E. J. Neurobiology of depression / E. J. Nestler, M. Barrot, R. J. DiLeone [et al.] // Neuron. – 2002. – Vol. 34, № 1. – P. 13–25.

[20] Travis J. But they all come back: Facing the challenges of prisoner reentry / J. Travis. – Washington, D.C.: Urban Institute Press, 2005. – 274 p.

[21] Haney C. Prison effects in the era of mass incarceration / C. Haney // Prison Journal. – 2012. – Vol. 92, № 3. – P. 379–386.

[22] Iskandarov R. R. Aktual'nye problemy ohrany zdorov'ya zhenshchin v penitenciarnyh usloviyah / R. R. Iskandarov, E. V. Kulavskij // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2024. – № 4. – S. 30–33. – EDN VYJEZN.

[23] Iskandarov R. R. Sovershenstvovanie professional'noj podgotovki sotrudnikov penitenciarnyh uchrezhdenij: integraciya kliniko-psihologicheskikh znaniy v obrazovatel'nye praktiki / R. R. Iskandarov // Obrazovanie i pravo. – 2025. – № 3. – S. 494–497. – EDN MRSRWF.

[24] Maslach C. The truth about burnout: How organizations cause personal stress and what to do about it / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco: Jossey-Bass, 1997. – 186 p.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения
проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЗАЧЕТА СРОКА ОТБЫТОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СРОК НАКАЗАНИЯ В СТРАНАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье представлен компаративный анализ норм уголовного законодательства России и Республики Беларусь в части, касающейся правового регулирования института зачета времени отбытой меры пресечения в срок наказания. Такой правовой инструмент имеет важное значение, поскольку позволяет при постановлении приговора учитывать время, в течение которого лицо было ограничено в правах в целях обеспечения уголовного судопроизводства.

Правовые системы России и Республики Беларусь, несмотря на свою схожесть, обусловленную исторически сложившимся единством подходов к регулированию уголовных правоотношений, имеют определенные различия, которые требуют научного осмысления. Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что отличия между ними состоят, прежде всего, в правилах, определяющих зачет видов мер пресечения, видов мер государственного принуждения, назначая которые суд зачитывает срок отбытой меры пресечения, а также в установлении коэффициентов, определяющих соотношение срока меры пресечения и срока наказания при применении соответствующего института.

Ключевые слова: уголовное законодательство, Союзное государство институт зачета меры пресечения, назначение наказания.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving
the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF CREDIT OF THE PERIOD OF SERVED PREVENTIVE MEASURE TO THE PERIOD OF PUNISHMENT IN THE COUNTRIES OF THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

Annotation. The article presents a comparative analysis of the norms of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the part concerning the legal regulation of the institute of offsetting the time of the served measure of restraint in the term of punishment. Such a legal instrument is of great importance, since it allows, when passing a sentence, to take into account the time during which a person was restricted in rights in order to ensure criminal proceedings. The legal systems of Russia and the Republic of Belarus, despite their similarity, due to the historically established unity of approaches to the regulation of criminal legal relations, have certain differences that require scientific analysis. The conducted comparative legal analysis showed that the differences between them consist, first of all, in the rules determining the offset of types of preventive measures, types of measures of state coercion, when assigning which the court offsets the term of the served measure of restraint, as well as in determining the coefficients determining the ratio of the term of the measure of restraint and the term of punishment when applying the relevant institute.

Key words: criminal legislation, the Union State of Russia and Belarus, the institution of crediting preventive measures, sentencing.

В последние несколько лет наблюдаются существенные сдвиги в конфигурации различных интеграционных объединений, цель которых состоит в объединении усилий суверенных государств по развитию экономического, военно-политического, культурного и иного сотрудничества. Отчасти это обусловлено конкуренцией между стратегическими подходами наднациональных организаций и национальными интересами, носителями которых выступают суверенные государства.

Российская Федерация представляет свои национальные интересы во многих интеграционных объединениях, одним из которых является Союзное государство. Его правовую основу составляет Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства». Статья 2 данного международного договора определяет широкий круг целей Союзного государства, одной из которых признается заинтересованность обеих сторон в формировании единой правовой системы.

В связи с этим представляется продуктивным проведение сравнительно-правового анализа норм уголовного законодательства, регламентирующих правила зачета времени, в течение которого осужденный находился под стражей или домашним арестом до вступления приговора в законную силу, в срок назначенного наказания.

Отдельные элементы указанного правового института, его эволюция и практика применения изучаются, прежде всего, с позиций уголовно-правовой доктрины [1]. Вместе с тем в настоящее время в российской юридической науке отмечается определенный дефицит исследований, предметом которых является зарубежный опыт правового регулирования правил зачета отбытого срока меры пресечения в срок назначенного наказания.

Прежде чем перейти к анализу уголовного законодательства Республики Беларусь следует обратиться к особенностям российской уголовной политики последних десятилетий в данной сфере правового регулирования.

За последние несколько десятилетий рассматриваемый институт претерпел некоторые изменения. Они коснулись расширения перечня видов наказаний, при назначении которых производится зачет периода отбытых мер пресечения в срок наказания. Следует отметить, что Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел новый вид уголовного наказания в виде принудительных работ, сущность которого состоит в обязательном привле-

чении осужденного, содержащегося в исправительном центре (либо участке, функционирующем как исправительный центр), к труду на объектах, определяемых администрацией соответствующего учреждения, исполняющего наказание.

В связи с этим, данным законом были внесены корреспондирующие изменения, которые определили порядок зачета срока содержания под стражей в срок принудительных работ. Также был установлен коэффициент зачета срока содержания под стражей, согласно которому один день такой меры пресечения соответствует полутора дням принудительных работ (часть 3 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Более существенные изменения рассматриваемого правового института произошли в результате принятия Федерального закона от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ). В соответствии с ним законодатель отказался от дискриминирующего положения, предполагающего зачет не всего срока содержания под стражей, а только той части, которая была отбыта на досудебной стадии. Действующая редакция статьи 72 УК РФ охватывает не только досудебную стадию, но и стадию судебного разбирательства, причем включает, как рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции, так и в апелляционной.

Следующая правовая новелла, предусмотренная Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ, состояла в установлении льготных коэффициентов зачета срока содержания под стражей в срок лишения свободы. В соответствии с частью 3.1 статьи 72 УК РФ правила зачета дифференцируются в зависимости от избранного судом вида исправительного учреждения.

Наряду с установлением льготного зачета срока содержания под стражей Федеральный закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ предусмотрел ряд исключений из этого правила. В части 3.3 статьи 72 УК РФ законодатель перечислил отдельные категории осужденных, в отношении которых льготный зачет срока содержания под стражей не применяется. К ним отнесены, например, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений; осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет; осужденные за отдельные преступления террористического характера или экстремистской направленности и др.

Новеллой также стало расширение перечня видов мер пресечения, которые подлежат зачету

в срок назначаемого судом наказания. Статья 72 УК РФ была дополнена частью 3.4, согласно которой время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

В соответствии с положениями статьи 72 УК РФ предусматривается зачет содержания под стражей в срок наказаний как связанных с лишением свободы, так и наказаний, не предполагающих изоляцию осужденных от общества. Период меры пресечения в виде домашнего ареста подлежит зачету только при назначении наказания в виде лишения свободы. При применении судом правил, изложенных в части 5 статьи 72 УК РФ, учитывается время содержания под стражей только при назначении в качестве основного вида наказания штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В статье 72 УК РФ установлены льготные коэффициенты зачета времени содержания под стражей в срок лишения свободы. Они дифференцируются в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом в порядке статьи 58 УК РФ. При этом в части 3.2 статьи 72 УК РФ содержится перечень категорий осужденных, в отношении которых данные льготные коэффициенты зачета не применяются.

Исходя из этого, можно определить основные параметры сравнительно-правовой матрицы. Она включает в себя анализ уголовного законодательства, фокусируясь на следующих юридически значимых обстоятельствах:

- виды мер пресечения, подлежащие зачету или учету при назначении наказаний;
- срок меры пресечения, подлежащий зачету при назначении наказания;
- виды наказаний, при назначении которых зачитывается или учитывается отбытый срок меры пресечения;
- коэффициенты зачета срока меры пресечения в зависимости от вида наказания или иных обстоятельств.

В Республике Беларусь нормы уголовного законодательства, касающиеся зачета времени отбытых мер пресечения в срок наказания, изложены в статье 75 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РФ). Согласно данной статье, предусматриваются способы зачета и учета времени содержания под стражей и домашнего ареста при назначении различных видов наказаний (арест, лишение свободы, ограничение свободы, ограничение по военной службе, общественные работы и др.).

Несмотря на наименование данной статьи (Правила зачета сроков содержания под стражей и домашнего ареста) ее предмет несколько шире, поскольку предусматривается возможность зачета не только указанных в названии данной статьи мер пресечения, но и такой меры, как нахождение в приемнике-распределителе для несовершеннолетних.

Период, который подлежит зачету, в УК РБ не конкретизируется, исходя из чего, можно делать вывод, что зачету и учету подлежит весь фактический срок, в течение которого применялись меры пресечения.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь, также как в России, нормативно устанавливается широкий перечень уголовных наказаний, при назначении которых применяются правила зачета, отбытых мер пресечения. При этом данные правила используются при применении меры уголовно-правового характера в виде принудительной меры воспитательного характера. Согласно статье 117 УК РБ она применяется к несовершеннолетним, если в процессе судебного рассмотрения будет установлено, что исправление несовершеннолетнего, осуждаемого за совершение преступления, не представляющего большой общественной опасности, или впервые осуждаемого за совершение менее тяжкого преступления, возможно без применения уголовного наказания. Из системного толкования части 1 статьи 75 и части 2 статьи 117 УК РБ следует, что зачет применяется при назначении только принудительной меры воспитательного характера в виде помещения несовершеннолетнего осужденного в специальное воспитательное учреждение. В данном случае зачету подлежит один день нахождения в приемнике-распределителе для несовершеннолетних за один день пребывания в специальном воспитательном учреждении, а также два дня домашнего ареста за один день указанной принудительной меры воспитательного характера. Содержание под стражей зачитывается из расчета один день данной меры пресечения за два дня нахождения несовершеннолетнего в специальном воспитательном учреждении.

УК РБ также дифференцированно подходит к решению вопроса о коэффициентах, применяемых при зачете времени отбытых мер пресечения в срок наказания. Установлены сходные с российским уголовным законодательством пропорции. Например, согласно пункту «в» части 3.1 статьи 72 УК РФ предусматривает зачет одного дня содержания под стражей за два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Аналогичный коэффициент предусмотрен в абзаце 1 пункта 2 части 1 статьи 75 УК РБ. В то же время указанные

соотношения не идентичны. Так, наибольшее различие усматривается при зачете времени домашнего ареста и содержания под стражей в срок общественных работ. Следует отметить, что если согласно УК РФ такое соотношение составляет один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ, то абзац 8 пункта 2 части 1 статьи 75 УК РБ приравнивает один день содержания под стражей к двадцати четырем часам общественных работ.

Часть 2 статьи 75 УК РБ закрепляет судебную дискрецию при решении вопроса об учете срока содержания под стражей или домашнего ареста при назначении наказаний, не указанных в части 1 данной статьи. Правовой анализ уголовного законодательства свидетельствует о том, что такие правила применяются к наказанию в виде штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Примечательной особенностью института зачета времени отбытой меры пресечения в срок наказания является то, что в УК РБ в отличие от УК РФ не предусматривается исключений из правила о применении льготных коэффициентов. Установленный общий порядок распространяется на всех осужденных вне зависимости от общественной опасности и характера совершенного ими преступления.

Таким образом, возвращаясь к ранее сконструированной сравнительно-правовой матрице, можно сделать ряд выводов, которые позволяют систематизировать правовые подходы к применению института зачета времени отбытой меры пресечения в срок наказания в странах Союзного государства.

По первому критерию, касающемуся видов мер пресечения, подлежащих зачету или учету при назначении наказаний, можно отметить, что преимущественно зачету подлежат такие меры пресечения, как содержание под стражей и домашний арест. Вместе с тем, в соответствии с УК РБ зачету подлежит период нахождения лица в приемнике-распределителе для несовершеннолетних.

Второй критерий – срок меры пресечения, подлежащий зачету при назначении наказания. Уголовное законодательство России и Республики Беларусь предполагает зачет всего фактического времени отбытой меры пресечения до вступления приговора в законную силу. Однако, в УК РБ на это напрямую не указывается, но следует из системного толкования норм уголовного закона в данной сфере правоотношений. В то же время, частью 3.4 статьи 72 УК РФ устанавливается специальное правило зачета, согласно которому время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под

стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Третий критерий – виды наказаний, при назначении которых зачитывается или учитывается отбытый срок меры пресечения. Уголовное законодательство стран Союзного государства, как правило, устанавливает широкий спектр наказаний, при назначении которых зачитывается период отбытой меры пресечения. К ним относятся как связанные с лишением свободы, так и не связанные с изоляцией осужденных от общества.

Здесь также нельзя оставить без внимания механизм правового регулирования, применяемый в Республике Беларусь. В соответствии с ним отбытая мера пресечения или мера процессуального принуждения может зачитываться при назначении меры уголовно-правового характера в виде применения принудительной меры воспитательного характера с направлением несовершеннолетнего в специальное воспитательное учреждение.

И заключительный четвертый критерий состоит в сравнении коэффициентов, которые применяются для зачета срока меры пресечения в зависимости от вида наказания или иных обстоятельств. Проведенный анализ свидетельствует о том, что применяется дифференцированный подход к определению коэффициентов зачета мер пресечения в срок наказания, которые зависят от их видов. Однако, в национальных юрисдикциях определены различные пропорции соотношения времени отбытой меры пресечения и назначенного вида наказания.

Наряду с этим, можно отметить, что в УК РФ в отличие от УК РБ закреплена норма, исключающая возможность применения льготных коэффициентов в отношении отдельных категорий осужденных, которые совершили преступления, характеризующиеся высокой степенью общественной опасности, как, например, преступления террористического характера и экстремистской направленности.

Список литературы:

- [1] Белова С. Н., Строгович Ю.Н. О некоторых проблемах применения ст. 72 УК РФ и возможных путях их решения // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 5 (15). С. 35 – 40.
- [2] Зателепин О. К. Зачет сроков мер пресечения в срок наказания. Новые разъяснения ВС РФ // *Уголовный процесс*. 2019. № 11(179). С. 70 – 78.
- [3] Курченко В. Н. Новые правила зачета наказаний: проблемы применения ст. 72 УК РФ // *Уголовное право*. 2018. № 5. С. 29 – 38.

[4] Николук В.В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). с. 112 – 121.

[5] Овчинников С. Н. Зарубежный опыт электронного мониторинга поведения осужденных // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 187 – 189.

Spisok literatury:

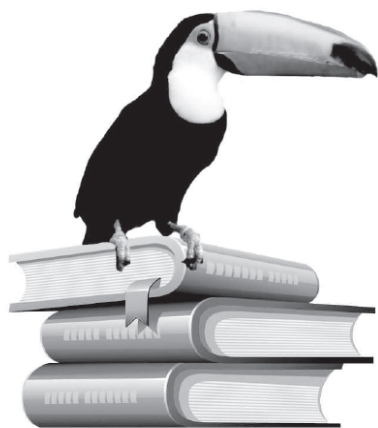
[1] Belova S. N., Strogovich Yu.N. O nekotoryx problemax primeneniya st. 72 UK RF i vozmozhnyx putyax ix resheniya // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 5 (15). С. 35 – 40.

[2] Zatelepin O. K. Zachet rokov mer preseceniya v rok nakazaniya. Novy'e raz'yasneniya VS RF // Uголовnyj process. 2019. № 11(179). С. 70 – 78.

[3] Kurchenko V. N. Novy'e pravila zacheta nakazaniy: problemy primeneniya st. 72 UK RF // Uголовное право. 2018. № 5. С. 29 – 38.

[4] Nikoluk V.V. Novy'e pravila zacheta v rok nakazaniya vremeni soderzhaniya licza pod strazhej, izolyacii ot obshhestva pri primenenii mer preseceniya v vide domashnego aresta, zapreta opredelennyx dejstvij // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4 (87). с. 112 – 121.

[5] Ovchinnikov S. N. Zarubezhnyj opyt e'lektronного monitoringa povedeniya osuzhdennyx // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 5. С. 187 – 189.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-328-332

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЛИ, АВТОНОМИИ И ВЫБОРА У ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И/ИЛИ ЗАВИСИМОСТЯМИ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Статья представляет собой анализ феномена свободы и несвободы в их экзистенциальном и клиническом измерении применительно к уникальной ситуации лиц с психическими расстройствами и/или зависимостями, находящихся в условиях лишения свободы. Через призму феноменологии исследуется субъективный опыт ограничения воли, утраты автономии и сужения возможностей выбора, накладывающийся на внутренние ограничения, порождаемые психической патологией или аддикцией. Особое внимание уделяется влиянию этой «двойной несвободы» на процессы самоидентификации и смыслообразования. Анализируется, как пенитенциарная среда, взаимодействуя с внутренними психопатологическими структурами, конституирует специфический жизненный мир, характеризующийся глубоким экзистенциальным кризисом, переживанием отчуждения и деформацией субъективности. Статья аргументирует необходимость учета феноменологического опыта несвободы для разработки адекватных подходов к психиатрической помощи и реабилитации в местах лишения свободы, ориентированных не только на симптоматику, но и на восстановление субъектности и экзистенциального благополучия.

Ключевые слова: феноменология свободы, психическое здоровье, лишение свободы, пенитенциарная система, зависимость, автономия, воля, самоидентификация.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

ANALYSIS OF SUBJECTIVE EXPERIENCE OF RESTRICTION OF WILL, AUTONOMY AND CHOICE IN PERSONS WITH MENTAL DISORDERS AND/OR ADDICTIONS IN CONDITIONS OF PRISONMENT

Annotation. The article presents an analysis of the phenomenon of freedom and unfreedom in their existential and clinical dimensions in relation to the unique situation of persons with mental disorders and/or addictions in conditions of imprisonment. Through the prism of phenomenology, the subjective experience of restriction of will, loss of autonomy and narrowing of choice opportunities, superimposed on internal restrictions generated by mental pathology or addiction, is examined. Particular attention is paid to the influence of this “double unfreedom” on the processes of self-identification and meaning-making. The article analyzes how the penitentiary environment, interacting with internal psychopathological structures, constitutes a specific life world characterized by a deep existential crisis, the experience of alienation and deformation of subjectivity.

The article argues for the need to take into account the phenomenological experience of unfreedom to develop adequate approaches to psychiatric care and rehabilitation in places of deprivation of liberty, focused not only on symptoms, but also on the restoration of subjectivity and existential well-being.

Key words: *phenomenology of freedom, mental health, deprivation of liberty, penitentiary system, addiction, autonomy, will, self-identification.*

Введение. Проблема свободы, ее природы, границ и переживания является одной из центральных в философии, психологии и психиатрии. Однако ее осмысление приобретает особую остроту и трагическую конкретность при столкновении с ситуацией, где внешние ограничения свободы, налагаемые институтом лишения свободы, накладываются на внутренние ограничения, порождаемые психическими расстройствами или зависимостями. Этот контекст создает уникальный феномен «двойной несвободы», требующий глубокого феноменологического анализа субъективного опыта индивида, оказавшегося в этой точке пересечения принудительных систем – пенитенциарной и психопатологической [1].

Результаты и обсуждение. Феноменология, как философское направление, нацеленное на описание структур сознания и способов данности явлений в непосредственном жизненном опыте, предоставляет адекватный методологический аппарат для исследования переживания свободы и несвободы. Свобода в феноменологической перспективе предстает не как абстрактная метафизическая категория, а как фундаментальная характеристика человеческого «бытия-в-мире», выражающаяся в возможности осуществлять выбор, проецировать себя в будущее, действовать на основе собственных решений и нести за них ответственность [2-4]. Автономия, как самоопределение и независимость воли, и возможность выбора являются конститутивными элементами этой свободы. Соответственно, несвобода феноменологически переживается как ограничение или утрата этих возможностей: как принуждение, невозможность действовать согласно собственной воле, сужение горизонта доступных альтернатив, чувство детерминированности внешними силами или внутренними состояниями.

Для личности с психическим расстройством (например, тяжелой депрессией, психотическими расстройствами, тяжелыми обсессивно-компульсивными расстройствами) или зависимостью, внутренняя несвобода становится неотъемлемой частью жизненного мира. Депрессия может феноменологически переживаться как паралич воли, ощущение непреодолимой тяжести, делающее любой выбор мучительным или невозможным, сужение временной перспективы до «вечного настоящего» страдания, где будущее лишено

надежды и, следовательно, смысла проецирования себя [5]. Психотические переживания (бред, галлюцинации) кардинальным образом искажают восприятие реальности и себя в ней, навязывая чуждые смыслы и импульсы к действию, что радикально подрывает автономию и подлинность выбора [6]. При зависимостях (химических, нехимических) воля оказывается поработанной объектом зависимости, а выбор сужается до патологического круга компульсивного поведения, сопровождаемого чувством утраты контроля и саморазрушения [7]. Самоидентификация в этих условиях часто подвергается эрозии: человек может переживать себя как «не-себя», как игрушку болезни, как лишенного своей сущностной сердцевины.

Попадание такого индивида в обстоятельства лишения свободы создает ситуацию экзистенциального удвоения несвободы. Пенитенциарное учреждение, по своей сути, является машиной по ограничению свободы [8]. Оно регламентирует практически все аспекты жизни: время, пространство передвижения, социальные контакты, доступ к информации и деятельности. Автономия резко ограничивается жесткими правилами и постоянным надзором. Выбор сводится к минимуму, часто к тривиальным альтернативам в рамках предписанного. Воля индивида систематически подавляется необходимостью подчинения институциональным требованиям. Этот внешний каркас несвободы накладывается на уже существующий внутренний каркас, порожденный психическим расстройством или зависимостью.

Феноменологический анализ позволяет выявить специфику этого наложения. Во-первых, происходит взаимное усиление ограничений. Внутренние психопатологические барьеры (апатия при депрессии, страх и подозрительность при паранойе, компульсивные влечения при зависимости) делают адаптацию к жестким внешним требованиям тюремного режима чрезвычайно трудной, а порой и невозможной, воспринимаемой как невыносимое давление [9]. В свою очередь, стрессоры изоляции (депривация, насилие, отсутствие приватности, неопределенность будущего) усугубляют симптоматику психического расстройства или провоцируют рецидивы зависимости, углубляя внутреннюю несвободу [10]. Во-вторых, возникает феномен «сужения горизонта» в экзистенциальном смысле [3]. Будущее,

и так часто воспринимаемое как тупиковое или угрожающее при психическом расстройстве, в условиях заключения может окончательно утратить свою проективную функцию, сжимаясь до перспективы следующего дня, следующей проверки или следующей дозы. Прошлое может восприниматься как череда ошибок, приведших в «двойную ловушку». Настоящее превращается в пространство выживания, где подлинный выбор и автономия кажутся иллюзорными. В-третьих, формируется специфический опыт отчуждения: отчуждение от собственного тела (особенно при психозах или под воздействием психоактивных веществ), от собственных мыслей и чувств (переживаемых как навязанные болезнью или средой), от других людей (как сокамерников, так и сотрудников, воспринимаемых через призму патологической проекции или институциональных ролей), и, наконец, отчуждение от самого себя – от той идентичности, которая существовала до болезни и до заключения [11].

Ключевым аспектом переживания двойной несвободы является ее катастрофическое воздействие на самоидентификацию и смыслообразование. Идентичность человека формируется в процессе взаимодействия с миром, через выборы, поступки, отношения, проекты. Когда и возможность выбора, и пространство для значимых действий, и горизонт будущего радикально сужены, процесс конституирования и поддержания Я оказывается под угрозой. Человек может ощущать себя «пустым местом», «номером», «пациентом» или «осужденным», чья ценность и сущность определяются исключительно диагнозом или статьей обвинения. Происходит редукция сложной, многомерной личности к ярлыку, навязанному двойной системой контроля – медицинской и пенитенциарной.

Смыслообразование, как процесс обнаружения или придания значимости своему существованию, в условиях двойной несвободы сталкивается с экзистенциальным вызовом. Виктор Франкл, основатель логотерапии, утверждал, что стремление к смыслу является фундаментальной мотивацией человека, а фрустрация этой потребности ведет к экзистенциальному вакууму и ноогенным неврозам [12]. В пенитенциарной системе, особенно для лиц с психическими расстройствами, поиск смысла крайне затруднен. Традиционные источники смысла – работа, семья, творчество, социальный статус – либо недоступны, либо резко ограничены. Патология может искажать способность к его поиску (при апатии, ангедонии) или подменять его патологическими конструктами (при психозах). Возникает высокий риск погружения в состояние бессмысленности, абсурдности существования, что является мощным фактором суицидального риска и деструк-

тивного поведения [13]. Однако феноменология показывает, что даже в этих предельных условиях возможны попытки обретения смысла – через микровыборы в повседневности (например, что читать, с кем общаться), через рефлекссию прошлого и попытки его осмыслить, через религиозные или иные духовные практики, через сохранение связи с внешним миром (письма, редкие свидания), через помощь другим сокамерникам или даже через саму борьбу с болезнью в неблагоприятных условиях. Эти «символические побеги» имеют огромное значение для поддержания субъектности и психологического выживания [14].

Особого внимания заслуживает феноменология «псевдосвободы» зависимости в несвободе. Для зависимого лица в заключении объект зависимости (наркотик, алкоголь, азартные игры и т.д.) часто физически недоступен [15]. Однако внутренняя структура зависимости сохраняется. Это может проявляться в навязчивых мыслях, фантазиях о веществе или поведении, в поиске суррогатов (самодельные спиртные напитки, аптечные препараты), в развитии «перекрестных» зависимостей (например, от азартных игр на деньги или еду, от насилия, от отношений). Переживание «освобождения» от химической зависимости в условиях тюрьмы часто амбивалентно: с одной стороны, это физическое отсутствие вещества, с другой – сохранение психологической несвободы, а также замена одной несвободы (химической) на другую (пенитенциарную), без подлинного обретения автономии. Этот опыт требует тонкого феноменологического описания, так как он существенно отличается от опыта выздоровления в условиях свободы.

Анализ феноменологии двойной несвободы имеет непосредственное значение для пенитенциарной психиатрии. Понимание субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у этой категории лиц должно лежать в основе любого терапевтического или реабилитационного вмешательства. Традиционная модель, ориентированная преимущественно на купирование симптомов, недостаточна. Необходимы подходы, признающие и работающие с экзистенциальным измерением страдания:

1. Восстановление агентности. Создание, даже в микроскопических дозах, возможностей для осмысленного выбора и проявления инициативы в повседневной жизни учреждения (выбор вида активности, участие в терапевтических группах с возможностью влиять на их тематику, элементы самоуправления в пределах отряда) [16].
2. Поддержка идентичности. Помощь в реконструкции нарратива жизни, интеграции травматичного опыта (болезни, преступле-

ния, заключения) в целостную картину самости, без полной редукции к «больному» или «преступнику». Поощрение контактов с семьей (если это безопасно и терапевтично) как связью с прошлой идентичностью.

3. Фасилитация смыслообразования. Помощь в поиске источников смысла в текущих условиях – через обучение, творчество (арт-терапия, письмо), духовные практики, помощь другим (программы «равный – равному»), осмысление своего опыта болезни и заключения. Логотерапевтические подходы, адаптированные к условиям лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ), могут быть особенно ценны [17].
4. Создание терапевтической среды. Стремление к тому, чтобы сама среда ЛПУ, насколько это возможно в условиях безопасности, не усугубляла внутреннюю несвободу, а минимизировала деструктивное воздействие тотального института (уважительное обращение, обеспечение базового уровня приватности, доступ к естественному свету, зелени, культурным мероприятиям) [18].
5. Работа с переживанием времени. Помощь в структурировании времени, преодолении ощущения «застывшего» или бесцельного времени, характерного и для заключения, и для некоторых психических расстройств. Важно создание перспективы будущего, пусть и отдаленного, через планы подготовки к освобождению, профессионального обучения.

Заключение. Таким образом, феноменологический анализ свободы и несвободы в контексте лиц с психическими расстройствами и зависимостями, находящихся в местах лишения свободы, раскрывает глубину экзистенциального кризиса, порождаемого наложением внешних и внутренних ограничений. Переживание утраты автономии, сужения выбора, деформации идентичности и кризиса смысла конституирует специфический жизненный мир «двойной несвободы». Понимание этого субъективного опыта не является академической абстракцией; оно выступает необходимым условием для развития гуманной и эффективной пенитенциарной психиатрии, способной видеть за диагнозом и статьей уголовного кодекса страдающего человека, чье достоинство и потенциал к восстановлению субъектности могут и должны быть сохранены даже в самых стесненных обстоятельствах. Игнорирование феноменологии несвободы обрекает терапевтические усилия на поверхностность и неэффективность, тогда как ее учет открывает путь к подлинной помощи, направленной на восстановление внутренней свободы как основы психического здоровья и будущей ресоциализации.

Список литературы:

[1] Фастовцов Г. А. Наркологические расстройства в пенитенциарных условиях и феномен «двойной несвободы» / Г. А. Фастовцов, Р. Р. Искандаров // Вопросы наркологии. – 2025. – Т. 37, № 2. – С. 55–71. – EDN ZUHNIU.

[2] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Э. Гуссерль; пер. с нем. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с. – Пер. изд.: Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Halle: Max Niemeyer, 1913. – 323 S.

[3] Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина; [ред.]. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с. – Пер. изд.: Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1927. – 437 с.

[4] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с. – Пер. изд.: Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943. – 722 p.

[5] Fuchs T. Melancholia as a desynchronization: towards a psychopathology of interpersonal time / T. Fuchs // Psychopathology. – 2001. – Vol. 34, № 4. – P. 179–186.

[6] Sass L. A. Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art, Literature, and Thought / L. A. Sass. – New York: Basic Books, 1992. – 400 p.

[7] Leshner A. I. Addiction is a brain disease, and it matters / A. I. Leshner // Science. – 1997. – Vol. 278, № 5335. – P. 45–47.

[8] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

[9] Toch H. Living in prison: The ecology of survival / H. Toch. – New York: Free Press, 1977. – 336 p.

[10] Fazel S. Severe mental illness in 33,588 prisoners worldwide: systematic review and meta-regression analysis / S. Fazel, K. Seewald // British Journal of Psychiatry. – 2012. – Vol. 200, № 5. – P. 364–373.

[11] Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психиатрических пациентов и других заключенных / Э. Гоффман; пер. с англ. А. Корбута; под науч. ред. Л. Козловой, Е. Рождественской. – М.: Элементарные формы, 2021. – 408 с.

[12] Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

[13] Konrad N. Preventing suicide in prisons, part I. Recommendations from the International Association for Suicide Prevention Task Force on Suicide in Prisons / N. Konrad, M. S. Daigle, A. E. Daniel [et al.] // *Crisis: Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. – 2007. – Vol. 28, № 3. – P. 113–121.

[14] Cohen S. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment / S. Cohen, L. Taylor. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – 238 p.

[15] Искандаров Р. Р. Зависимость от психоактивных веществ в структуре дисфункциональных и психопатологических личностных характеристик осужденных (на примере «темной триады личности») / Р. Р. Искандаров // *Вопросы наркологии*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN DXOLIV.

[16] Haney C. Mental health issues in long-term solitary and “supermax” confinement / C. Haney // *Crime & Delinquency*. – 2003. – Vol. 49, № 1. – P. 124–156.

[17] Lukas E. Lehrbuch der Logotherapie. Menschsein im Wandel / E. Lukas. – München: Profil, 1986. – 320 S.

[18] Liebling A. Prisons and their Moral Performance: A Study of Values, Quality, and Prison Life / A. Liebling. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 584 p.

Spisok literaturey:

[1] Fastovcov G. A. Narkologicheskie rasstrojstva v penitenciarnykh usloviyakh i fenomen «dvoynoy nesvobody» / G. A. Fastovcov, R. R. Iskandarov // *Voprosy narkologii*. – 2025. – Т. 37, № 2. – С. 55–71. – EDN ZUHNIU.

[2] Gusserl' E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. T. 1 / E. Gusserl'; per. s nem. – M.: Akademicheskij proekt, 2009. – 489 s. – Per. izd.: Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Halle: Max Niemeyer, 1913. – 323 S.

[3] Hajdegger M. Bytie i vremya / M. Hajdegger; per. s nem. V. V. Bibihina; [red.]. – M.: Ad Marginem, 1997. – 451 s. – Per. izd.: Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1927. – 437 S.

[4] Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / Zh.-P. Sartr; per. s fr., predisl., primech. V. I. Kolyadko. – M.: Respublika, 2000. – 639 s. – Per. izd.: Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943. – 722 p.

[5] Fuchs T. Melancholia as a desynchronization: towards a psychopathology of interpersonal

time / T. Fuchs // *Psychopathology*. – 2001. – Vol. 34, № 4. – P. 179–186.

[6] Sass L. A. Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art, Literature, and Thought / L. A. Sass. – New York: Basic Books, 1992. – 400 p.

[7] Leshner A. I. Addiction is a brain disease, and it matters / A. I. Leshner // *Science*. – 1997. – Vol. 278, № 5335. – P. 45–47.

[8] Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / M. Fuko; per. s fr. V. Naumova; pod red. I. Borisovoj. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 s.

[9] Toch H. Living in prison: The ecology of survival / H. Toch. – New York: Free Press, 1977. – 336 p.

[10] Fazel S. Severe mental illness in 33,588 prisoners worldwide: systematic review and meta-regression analysis / S. Fazel, K. Seewald // *British Journal of Psychiatry*. – 2012. – Vol. 200, № 5. – P. 364–373.

[11] Goffman E. Total'nye instituty: ocherki o social'noj situacii psichiatricheskikh pacientov i drugih zaklyuchennykh / E. Goffman; per. s angl. A. Korbuta; pod nauch. red. L. Kozlovoj, E. Rozhdestvenskoj. – M.: Elementarnye formy, 2021. – 408 s.

[12] Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik / V. Frankl; per. s angl. i nem.; obshch. red. L. Ya. Gozmana, D. A. Leont'eva. – M.: Progress, 1990. – 368 s.

[13] Konrad N. Preventing suicide in prisons, part I. Recommendations from the International Association for Suicide Prevention Task Force on Suicide in Prisons / N. Konrad, M. S. Daigle, A. E. Daniel [et al.] // *Crisis: Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. – 2007. – Vol. 28, № 3. – P. 113–121.

[14] Cohen S. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment / S. Cohen, L. Taylor. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – 238 p.

[15] Iskandarov R. R. Zavisimost' ot psihoaktivnykh veshchestv v strukture disfunkcional'nykh i psihopatologicheskikh lichnostnykh harakteristik osuzhdennykh (na primere «temnoj triady lichnosti») / R. R. Iskandarov // *Voprosy narkologii*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 36–40. – DOI: 10.25557/1682-8313.2025.01.36-40. – EDN DXOLIV.

[16] Haney C. Mental health issues in long-term solitary and “supermax” confinement / C. Haney // *Crime & Delinquency*. – 2003. – Vol. 49, № 1. – P. 124–156.

[17] Lukas E. Lehrbuch der Logotherapie. Menschsein im Wandel / E. Lukas. – München: Profil, 1986. – 320 S.

[18] Liebling A. Prisons and their Moral Performance: A Study of Values, Quality, and Prison Life / A. Liebling. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 584 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-333-336

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

ЧЕРНЫХ Виктор Сергеевич,

студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

КРЫСЕНКО Екатерина Сергеевна,

студент Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИЙ ТРУДОВОГО ПРАВА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ РАБОТОДАТЕЛЕЙ И РАБОТНИКОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается значение производительной и защитительной функций трудового права с точки зрения баланса интересов работодателя и работника. Особое внимание уделяется конфликтам интересов, возникающим между работодателями, стремящимися к максимизации прибыли, и работниками, отстаивающими свои права и интересы.

Ключевые слова: производственная функция, защитная функция, работник, работодатель, трудовые отношения, баланс, интересы, права.

CHERNYKH Viktor Sergeevich,

student of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

KRYSENKO Ekaterina Sergeevna,

student of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

ANALYSIS OF INDUSTRIAL AND PROTECTIVE FUNCTIONS OF LABOR LAW: BALANCE OF INTERESTS OF EMPLOYERS AND EMPLOYEES

Annotation. This article examines the importance of the productive and protective functions of labor law in terms of balancing the interests of the employer and the employee. Particular attention is paid to conflicts of interest that arise between employers seeking to maximize profits and employees defending their rights and interests.

Key words: production function, protective function, employee, employer, labor relations, balance, interests, rights.

Трудовое законодательство Российской Федерации ставит перед собой цель – установить государственные гарантии трудовых прав и свобод граждан, создать благоприятные условия труда, а также защитить права и интересы работников и работодателей [1]. Данные цели закреплены в статье 1 Трудового кодекса РФ. Для их реализации существуют функции тру-

дового права, то есть основные направления правового регулирования общественных отношений по поводу применения наемного труда, осуществляемого в соответствии с социальным назначением отрасли.

Исходя из цели защитить права не только работника, но и работодателя, можно сделать вывод о попытках найти ту золотую середину,

которая будет удовлетворять интересы обе стороны трудовых отношений. Этому способствует две функции — производственная (экономическая) и защитная (социальная).

В настоящее время существует мнение, что законодатель способствует защите прав и интересов только одной стороне, потому есть необходимость проанализировать конкретные аспекты работы этих функций.

Производственная функция отражает преимущественно интересы работодателя. Она воздействует на общественные отношения, которые связаны с производительностью труда, эффективностью производства, качеством работы. Без реализации этой функции невозможно эффективное ведение бизнеса [2].

Некоторые исследователи замечают, что, отталкиваясь от потребностей работодателя необходимо говорить о функции администрирования (управления), ибо использование терминов «производственный», «экономический», применительно к потребностям работодателя не совсем верно. В обоснование этого тезиса приводят аргумент, что не все работодатели заняты в сфере производства или оказания услуг, цель которых — достижение определенных экономических показателей и извлечение прибыли. К таковым относятся общественные и религиозные организации [3].

Согласиться с этим полностью нельзя, ведь если рассматривать религиозные организации, то зачастую трудовой договор там не заключается в связи с содержанием уставов, следовательно, трудовое законодательство не распространяется на эти отношения. Так, например, в уставе Русской Православной Церкви не предусмотрено заключение трудового договора [4].

Дело с общественными организациями обстоит куда сложнее, поскольку они не являются экономическими в традиционном смысле, как коммерческие предприятия, они могут косвенно взаимодействовать с экономикой и оказывать влияние на нее. В некоторых случаях их действия могут способствовать экономическому развитию.

Однако данные замечания можно считать обоснованными, ведь, действительно, не все работодатели ставят перед собой цель — заработок денег, но нельзя возводить это в абсолют. В связи с тем, что подавляющее большинство работодателей всё-таки имеют главную цель — зарабатывать как можно больше денег, следует оставить традиционное название данной функции.

Вышеуказанной функции корреспондирует защитная функция. Она отражает преимущественно интересы работников. Реализуется она

благодаря воздействию на общественные отношения, связанные с защитой трудовых прав и интересов, улучшением условий труда, а также защитой здоровья работников [5].

Данные две функции тесно связаны, и их сбалансированная реализация имеет колоссальное значение. Эта связь означает, что расширение одной из них, ведет к сокращению другой. Именно сочетание баланса двух функций определяет золотую середину между интересами работников и работодателей.

Ярким примером таковой середины служит статья 99 Трудового кодекса Российской Федерации. В интересах производства допускается привлечение работника к сверхурочной работе, однако для защиты прав и интересов работников эти основания привлечения разделены на две группы, которые требуют письменного согласия работника и без него. Перечень оснований для привлечения работника к таким работам без его письменного согласия является закрытым. Законодатель также ограничивает продолжительность сверхурочной работы и вводит запрет на такой вид работы для отдельных категорий работников.

Однако существует мнение, что защитная функция преобладает в трудовом праве. Объясняется это тем, что работодатель является экономически сильной стороной, а также наличием отношений власти и подчинения. Примером необоснованного приоритета защитной функции можно наблюдать в главе 26 ТК РФ, которая посвящена гарантиям и компенсациям работникам, которые совмещают работу с получением образования. Работодатель обязан за свой счет обеспечить таким работникам дополнительные отпуска с сохранением средней заработной платы, оплату проезда к месту обучения. При этом обучение возможно и не по профилю производства работодателя, в таком специалисте работодатель не заинтересован.

Возникает логичный вопрос: будет ли работодатель учитывать это при заключении трудового договора с таким работником? Безусловно, да. Поскольку основная задача работодателя — заработок денег, поэтому он будет стараться избегать подобных рисков для своих финансов. Напрашивается вывод, что данные защитные гарантии могут превратиться в «анти-гарантии».

Если рассматривать главу 60 Трудового кодекса РФ «Рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров», то ее анализ показывает, что фактически работодатель имеет право обратиться в суд с исковым заявлением к работнику только о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю. Однако

понятие ущерба является широким, т.е. ущерб может заключаться в различных аспектах: халатность, растрата и другое. Отсюда следует, что как таковое ущемление прав работодателя не происходит, поскольку содержание ущерба имеет широкое толкование. Для удовлетворения заявления работодателя необходимо грамотно составить трудовой договор с работником — четко прописать обязанности последнего.

Возможно найти и приоритет производственной функции и интересов государства в ущерб защитной. Так, примером будет служить временно введенной в ТК РФ статьи 351.2. В данной статье была отсылка на федеральный закон от 7 июня 2013 г. N 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в 11 статье этого ФЗ регулировался труд работников, трудовая деятельность которых связана с осуществлением мероприятий. Все это сводилось к необоснованному снижению уровня гарантий трудовых прав работника, а именно работа в сверхурочное время, ночное время и другое [6].

Данный приоритет, скорее всего, был создан в первую очередь из-за интересов государства, нежели обычных работодателей. Тем более дисбаланс в сторону производственной функции имел временный характер.

Возможно, как и указывалось выше, законодатель рассматривает работодателя как экономически сильную сторону, которая уже обладает определенным набором возможностей, например, согласно статье 192 ТК РФ работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания в виде замечания, выговора и увольнения по соответствующим основаниям. Однако даже здесь перечень закрытый. Безусловно, это необходимо для исключения злоупотребления правом со стороны работодателя, поэтому исчерпывающий список полностью обоснован.

Исходя из того, что работодатель является экономически сильнее работника, то преобладание в различных аспектах трудового кодекса защитной функции является обоснованным и справедливым, ведь законодатель пытается уравнять слабую и сильную стороны. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 13.07.2023 №40 «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко» непосредственно указано, что работодатель имеет доминирующее положение в тру-

довых правоотношениях [7]. Сам законодатель указывает, что изначальное положение сторон различное, потому для нахождения идеального баланса нужно ограничить одну сторону в правах, чтобы выравнять вторую.

Необходимо отметить, что процесс оптимального согласования баланса производственной и защитной функций продолжается в настоящее время. Он является непрерывным, поскольку на него оказывают непосредственное влияние состояние экономики, сила профсоюзов, социальная политика государства и другие факторы. Важно, чтобы все заинтересованные стороны — работодатели, работники и государственные органы — активно взаимодействовали друг с другом, стремясь к созданию условий, которые обеспечивают не только эффективность производства, но и защиту прав работников. Только через диалог и сотрудничество можно достичь устойчивого развития, где интересы всех участников будут учтены, а социальная справедливость станет основой для дальнейшего прогресса в обществе.

Список литературы:

- [1] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 13.12.2024) / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 26.12.2024).
- [2] Нафикова Г. Р. Производственная Функция Как Модель Процесса Производства // Экономика и социум. 2017. №12 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-funktsiya-kak-model-protssessa-proizvodstva> (дата обращения: 27.12.2024).
- [3] Иванчина Юлия Валерьевна Функции трудового права: система и виды // Ежегодник трудового права. 2014. №10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-trudovogo-prava-sistema-i-vidy-1> (дата обращения: 27.12.2024).
- [4] Устав Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт. — URL: http://www.patriarchia.ru/db/documen_t/133114/?ysclid=m58fm7to286192228 (дата обращения 27.12.2024).
- [5] Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право России. - Проспект, 2024. - 768 с.
- [6] Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.06.2013 N 108-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс : справочно-право-

вая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147218/?ysclid=m58fufznwk931476369 (дата обращения 26.12.2024).

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2023 N 40-П / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452121/?ysclid=m58fwyecnf445566012

Spisok literary:

[1] «Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 13.12.2024) / Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (data obrashheniya 26.12.2024).

[2] Nafikova G. R. Proizvodstvennaya Funkciya Kak Model' Processa Proizvodstva // E'konomika i socium. 2017. №12 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-funktsiya-kak-model-protsesta-proizvodstva> (data obrashheniya: 27.12.2024).

[3] Ivanchina Yuliya Valer'evna Funkcii trudovogo prava: sistema i vidy // Ezhegodnik trudovogo prava. 2014. №10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-trudovogo-prava-sistema-i-vidy-1> (data obrashheniya: 27.12.2024).

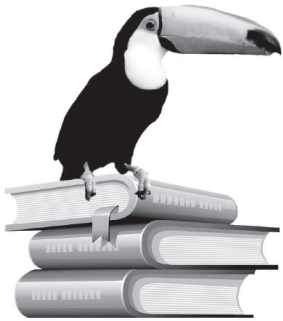
[4] Ustav Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' : oficial'nyj sajt. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/?ysclid=m58fm7to286192228> (data obrashheniya 27.12.2024).

[5] Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Trudovoe pravo Rossii. - Prospekt, 2024. - 768 s.

[6] Federal'nyj zakon «O podgotovke i provedenii v Rossijskoj Federacii chempionata mira po futbolu FIFA 2018 goda, Kubka konfederacij FIFA 2017 goda, chempionata Evropy po futbolu UEFA 2020 goda i vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii» ot 07.06.2013 N 108-FZ (poslednyaya redakciya) / Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147218/?ysclid=m58fufznwk931476369 (data obrashheniya 26.12.2024).

[7] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.07.2023 N 40-P / Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452121/?ysclid=m58fwyecnf445566012

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АКСЕНОВ Илья Сергеевич,
адвокат, кандидат юридических наук,
e-mail: nauka_lo@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В РЕГУЛИРОВАНИИ НАДОМНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. Обязанность Международной организации труда – содействовать продвижению среди различных стран мира программ, направленных на достижение полной занятости и повышения уровня жизни; достойной заработной платы для всех работников, расширения мер социального обеспечения и равного обращения работников всех форм организации труда, защиты детства и материнства. В статье анализируется роль МОТ в регулировании надомной работы, выявляется возможность применения положений Конвенции № 177 и Рекомендации № 184 для регулирования таких нетрадиционных форм организации труда как удаленная работа и работа на цифровых платформах, а также оценивается целесообразность введения отдельных положений Конвенции № 177 в национальное законодательство.

Ключевые слова: надомный труд, международная организация труда, конвенции, международные трудовые нормы, резолюции.

AKSENOV Ilya Sergeevich,
lawyer, candidate of legal sciences

THE ROLE OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION IN THE REGULATION OF HOME WORK

Annotation. The duty of the International Labor Organization is to promote among the different countries of the world programs aimed at achieving full employment and improving living standards; decent wages for all workers, expansion of social security measures and equal treatment of workers of all forms of labor organization, protection of childhood and motherhood. The article analyzes the role of ILO in the regulation of home work, identifies the possibility of applying the provisions of Convention No. 177 and Recommendation No. 184 to regulate such non-traditional forms of labor organization as remote work and work on digital platforms, and also evaluates the feasibility of introducing certain provisions of Convention No. 177 into national legislation.

Key words: home work, international labor organization, conventions, international labor standards, resolutions.

Введение. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2019 году в мире насчитывалось около 260 миллионов надомных работников, что составляло 7,9% от общей численности занятых в мире. В большинстве стран, по которым имеются данные, работа на дому составляла менее 10% всех занятых, но в 13 странах она составляла более 15% рабочей силы, на Азиатско-Тихоокеанский регион приходится почти 65% работы на дому в мире, что составляет более 166 миллиардов работников. Большинство работающих на дому — женщины: 147 миллионов женщин и 113 миллионов мужчин работали на дому, при этом женщины составляли 56% всех работающих на дому. В Великобритании зарплата

«надомника» в среднем на 13% ниже, в США – на 22%, в Южной Африке – на 25%, а в Аргентине, Индии и Мексике их заработок вдвое меньше. Вместе с тем, подчеркивается, что данные показатели характерны для зарплат надомников, занятых на производстве, однако профессиональные и управленческие удаленные работники, зачастую зарабатывают больше, чем работники, «офисные» сотрудники [1].

По данным МОТ, существуют значительные пробелы в социальной защите для надомников, занятых в «промышленной» надомной работе и работников цифровых платформ. В некоторых странах разрыв в охвате социальной защитой надомников и традиционных работников состав-

ляет почти 40 %. Что касается охраны труда и техники безопасности, наиболее серьезные риски возникают при работе с инструментами, химикатами или продуктами (например, обувным клеем), которые редко подходят для дома. Индустриальная (промышленная) надомная работа также связана с ростом детского труда, даже среди детей младше 14 лет [1].

Социальная и правовая незащищенность надомников констатировалась МОТ давно. Международная конференция труда (МКТ) еще в 1984 году призвала МОТ принять меры для решения проблемы особого положения надомных работников и особо подчеркнула необходимость разработки подходов с целью обеспечения их более эффективной защиты [2]. МОТ, говоря об уязвимости надомников, отмечает, что надомная работа часто выполняется в неформальном секторе и имеет своей основной целью большее извлечение абсолютной прибавочной стоимости, основанное на удлинении рабочего дня и снижении заработной платы по сравнению с традиционными работниками. Отсюда следует ухудшение условий труда: низкая заработная плата, высокая продолжительность и интенсивность рабочего дня, плохие условия безопасности и гигиены, отсутствие надлежащей правовой защиты, невозможность карьерного и профессионального роста. Кроме того, надомниками чаще всего становятся социально незащищенные граждане: люди с ограниченными возможностями, мигранты, молодые родители и лица с семейными обязанностями, у которых нет возможности надолго отлучаться из дома и т.п. [2].

В 1990 году было проведено совещание экспертов по социальной защите с целью изучения характера и масштабов проблем, с которыми сталкиваются надомные работники и разработки политики в отношении национальных и международных мер, которые могли бы способствовать их более эффективной защите. Многие эксперты сочли, что необходимо единообразное понимание трудового статуса надомных работников для чего необходимо разработать международные руководящие принципы по этому вопросу [3].

В 1993 году Административный совет МОТ включил этот вопрос в повестку дня МКТ, который в 1996 году принял Конвенцию о надомном труде № 177 и Рекомендацию № 184. Помимо указанных актов, прямо регулирующих надомный труд, существует очень мало стандартов МОТ, которые упоминают надомный труд. К таковым, в частности, относятся Конвенция о трудящихся-мигрантах (пересмотренная) 1949 года (№97) и Рекомендация к ней (№86); Рекомендация о переквалификации инвалидов 1955 года (№ 99);

Конвенция о создании процедуры установления минимальной заработной платы 1928 года (№26) (в части домашних производств); Конвенция об охране материнства (пересмотренная), 1952 г. (№103) (которая применяется и к женщинам, занятым в нетипичных формах зависимого труда), и Рекомендация о переходе от неформальной экономики к формальной 2015 года (№204). В указанных документах надомный труд упоминается в контексте равенства обращения надомников и иных категорий работников.

В Отчете МОТ «Содействие занятости и достойному труду в меняющихся условиях» 2020 года говорится, что, хотя надомный труд долгое время считался устаревшей и доиндустриальной формой работы», в настоящее время он трансформируется в новые бизнес-модели, которые включают онлайн-работу на цифровых платформах и телеработу [4].

В условиях стабильно-уязвимого положения надомных работников, изменяющихся форм организации труда, обусловленных глобализацией и цифровизацией общества, трансформации организации традиционной работы на дому связанной с интенсивным использованием новых технологий, с учетом незначительного количества научных работ, анализирующих механизмы регулирования надомного труда, выбранная тема исследования представляется актуальной.

Целью исследования является анализ роли МОТ в регулировании надомной работы, выявление возможности применения положений Конвенции № 177 для регулирования таких нетрадиционных форм организации труда как удаленная работа и работа на цифровых платформах, а также оценка перспективности введения отдельных положений Конвенции № 177 в национальное законодательство.

Основная часть. Международная организация труда (МОТ) является старейшим учреждением в системе ООН и одним из наиболее известных. Созданная в конце Первой мировой войны, в 1919 году, она пережила неудачу Лиги Наций и стала одним из специализированных учреждений Организации Объединенных Наций (ООН) с 1946 года. На момент ее создания в нее входило около 42 государств-членов (сегодня их 187).

Появление МОТ отражает растущую важность трудовых и социальных вопросов на протяжении XIX и XX веков, объединяя в своей деятельности три категории участников: правительства, представителей работодателей и представителей работников. Административный орган Международного бюро труда состоит из трех групп (работники, работодатели и правительство), а Международная конференция труда (МКТ) объединяет национальные трехсторонние делегации

из всех стран-членов. Трипартизм МОТ, действующий и по сей день, является уникальной формулой среди международных организаций.

В основе создания этой международной организации лежат две ключевые идеи, структурирующие ее работу: социальная справедливость и повышение экономического развития. МОТ считает их взаимодополняющими, разрабатывая конвенции и рекомендации, которые представляют собой своего рода международный кодекс труда и социального обеспечения, нормы которого, с одной стороны, исходят из уважения ряда прерогатив капитала и, с другой стороны, из гарантии наемным рабочим существования правовой системы, которая обеспечивала минимальный уровень социального благополучия для них и их семей. Эти типы соглашений призваны разрешать социальные конфликты, не отказываясь от структуры капиталистического производства.

МОТ — это, прежде всего, агентство по разработке минимальных стандартов, призванных обеспечить условия экономической конкуренции между странами, не идущие в ущерб улучшению прав и условий труда. Трипартизм очень четко проявляется в разработке стандартов МОТ. Правительства не только не обладают какой-либо монополией, но и, как правило, играют второстепенную роль, а переговоры по установлению стандартов часто основываются на компромиссе, достигнутом в первую очередь между представителями работодателей и работников.

Рекомендации, обсуждаемые и принимаемые на Международной конференции труда, носят лишь ориентировочный характер, в то время как Конвенции, чтобы стать юридически обязательными, должны быть представлены на ратификацию в национальные парламенты. Государство-член не обязано ратифицировать Конвенцию, но если ратификация состоялась, то государство обязуется применять ее положения на всей своей территории и регулярно отчетываться перед МОТ об их выполнении.

В принципе, все конвенции МОТ иерархически одинаковы, хотя существует систематическое разделение между основными (фундаментальными) конвенциями, соглашениями, являющимися наиболее важными с точки зрения управления и остальными стандартами. Четыре основных принципа, закреплённых в Декларации МОТ 1998 года – свобода объединения и право на коллективные переговоры (ст. 87 и 98), ликвидация всех форм принудительного или обязательного труда (ст. 29 и 105), запрет дискриминации (ст. 100 и 111) и борьба с детским трудом (ст. 138 и 182) – получили развитие в восьми основных (фундаментальных) конвенциях: о принудительном труде, 1930 г. (№ 29), о свободе ассоциации и

защите права на организацию, 1948 г. (№ 87); о праве на организацию и на ведение коллективных переговоров, 1949 г. (№ 98); об упразднении принудительного труда, 1957 г. (№ 105); о минимальном возрасте для приёма на работу, 1973 г. (№ 138); о наихудших формах детского труда, 1999 г. (№ 182); о дискриминации в области труда и занятий; 1958 г. (№ 111); о равной оплате труда, 1951 г. (№ 100). Отметим, что вышеуказанные принципы и основные ценности должны соблюдаться всеми странами-членами МОТ, даже если они не ратифицировали соответствующие конвенции.

Аналогичным образом, Административный совет МОТ в Декларации МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации 2008 года определил четыре конвенции в качестве приоритетных документов, с точки зрения управления. Речь идет о следующих документах: об инспекции труда 1947 г. (№ 81); о политике в области занятости 1964 г. (№ 122); об инспекции труда (сельское хозяйство) 1968 г. (№ 129); и о трехсторонних консультациях, 1976 г. (№ 144).

Число принимаемых или пересматриваемых конвенций за последние двадцать-тридцать лет замедлилось. Сегодня конвенции и рекомендации МОТ охватывают практически все сферы индивидуальных и коллективных трудовых отношений, где международное регулирование имеет смысл. С этой точки зрения можно говорить о том, что свод норм МОТ достиг определенной зрелости.

Конвенция о надомном труде № 177, принятая на 83-й сессии Международной конференции труда в июне 1996 года и вступившая в силу с 22 апреля 2000 г. представляет собой один из относительно новых международных стандартов в области труда. Как правило, конвенция МОТ вступает в силу через 12 месяцев после регистрации второй ратификационной грамоты. Первыми, кто ратифицировал указанную конвенцию и, таким образом, обеспечил ее действие, были Финляндия (17 июня 1998 г.) и Ирландия (22 апреля 1999 г.). Затем к ней присоединились еще одиннадцать стран: Албания, Аргентина, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Македония, Нидерланды, Таджикистан, Антигуа и Барбуда, Словения и Испания.

Ратификация всего 13 странами позволяет утверждать, что Конвенция №177 не получила всеобщего признания со стороны государств.

Хотя Россия не ратифицировала указанную конвенцию, Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации Рекомендация о надомной работе 1996 г. (№ 184), разработанная для конкретизации положений Конвенции № 177 признается в качестве международного

акта, положения которой может учитываться судами при применении и толковании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ.

Структура Конвенции выглядит следующим образом: определения (ст. 1), сфера применения (ст. 2), национальная политика в отношении надомного труда (ст. 3), содействие равному обращению между домашними работниками и другими работниками (ст. 4), способы применения (ст. 5), статистика (ст. 6), безопасность и гигиена труда (ст. 7), посредники (ст. 8), система инспекций и санкций (ст. 9), более благоприятные положения (ст. 10) и организационно-технические положения о вступлении в силу и денонсации (ст. ст. 11-18). Традиционно для правового регулирования МОТ, Конвенция № 177 устанавливает обязательные минимальные стандарты, в то время как Рекомендация № 184 расширяет и детализирует их, устанавливая руководящие принципы и практические детали его применения действий для государств, которые хотят выйти за рамки минимальных стандартов защиты.

Специфика нормативной техники конвенций и рекомендации предполагает универсальность стандартов, разработанных организацией. В Уставе МОТ 1919 года договаривающиеся стороны признали, что «различия в климате, обычаях и устоях, экономических возможностях и промышленных традициях затрудняют немедленное достижение абсолютного единообразия условий труда», поэтому в большинстве документов МОТ включены «оговорки о гибкости» с целью обеспечения как можно более широкого признания государствами. Конвенции № 177 широко использует такого рода формулировки, предлагая простые, разумные и реалистичные обязательства государств с большим пространством для маневра в соответствии с национальными правовыми традициями и предпочтениями.

Так, Конвенции № 177 предусматривает под оговоркой «по мере возможности» обязанность государства способствовать равному обращению между надомными работниками и другими наемными работниками, а также «по мере необходимости», применять условия, действующие по отношению идентичному или аналогичному виду работы, осуществляемому на предприятии (ст. 4). Назначение Конвенции № 177 – защищать особо уязвимую категорию работников, обеспечив «заметность» надомных работников для правового поля и поощрении равного обращения с ними и другими наемными работниками. Поэтому надомные работники не должны ущемляться в таких важных аспектах трудовой деятельности как техника безопасности и гигиены труда, создание ассоциаций, заработная плата, отсутствие дискриминации, социальное обеспечение, доступ

к обучению, охрана материнства и детства, соблюдение требований относительно минимального возраста (ст. 4). Указанные положения Конвенции № 177 коррелируются с основными принципами и правами, изложенными в Декларации МОТ 1998 года об основополагающих принципах и правах в сфере труда и получивших развитие в восьми фундаментальных указанных ранее Конвенциях, за исключением запрета на принудительный труд.

Рекомендация № 184, развивая идеи Конвенции о равном обращении надомников и иных наемных работников, рекомендует государствам установить и применять наиболее благоприятный режим правовой охраны и защиты. Среди прав, включенных в этот инструмент «мягкого права», можно выделить: право на получение информации о конкретных правах, обязанностях (надомника и работодателя), право на периоды отдыха и отпуска, сопоставимые с аналогичными возможностями других работников, защита в случаях прекращения трудовых отношений и право на использование механизма разрешения споров, гарантированного компетентным органом, обеспечение установления минимальных ставок заработной платы для надомного труда в соответствии с национальным законодательством и практикой.

К сожалению, Конвенция никак не минимизирует риск привлечения члена семьи надомника к трудовым отношениям без официального оформления или вознаграждения, что особенно проблематично для соблюдения запрета детского труда.

Статья 3 призывает каждое ратифицировавшее Конвенцию государство принять, осуществлять и периодически пересматривать национальную политику в этой области (посредством законов, коллективных договоров и иными способами) с целью улучшения положения надомных работников, после консультаций с теми социальными партнерами, какие существуют в конкретном государстве.

В статье 6 говорится о соответствующих мерах, направленных на то, чтобы «по возможности» статистика труда охватывала работу на дому. Наглядность положения надомников достигается за счет собранных и анализа данные об изменениях, произошедших в структуре и методах организации надомной работы, как на национальном, так и на международном уровне.

Наконец, гибкость проявляется в статье 5, где указывается, что национальная политика в отношении надомной работы должна осуществляться посредством законодательства, коллективных договоров, арбитражных решений или любым другим способом, подходящим и совместимым с национальной практикой.

Центральным положением Конвенции № 177 является определение понятия «надомный труд» (ст. 1). С концептуальной точки зрения надомная работа состоит из следующих определяющих ее элементов.

Во-первых, топографического – работа выполняется на расстоянии от производственных помещений работодателя. В традиционной форме работы рабочее место в основном представляет собой служебное помещение, предоставляемое работодателем, в то время как «надомное» рабочее место имеет нетипичные характеристики. Согласно ст. 1 Конвенции № 177 с точки зрения рабочего места, надомную работу можно разделить на две формы: одна — это работа на дому, то есть работник использует свое место жительства в качестве рабочего места; другая — это любое другое помещение, отличное от места жительства надомника и не являющееся служебным помещением работодателя. В обоих случаях выбор рабочего места осуществляется работником. Аналогичное определение представлено в Рекомендации № 184.

Учитывая, что Конвенция № 177 и Рекомендация № 184 были утверждены в 1996 году, очевидно, что условия труда с тех пор значительно изменились. Однако такая широкая трактовка топографического критерия позволяет МОТ учитывать современные реалии и относить к надомному труду три типа работы:

- индустриальная (промышленная) надомная работа, т.е. производство товаров, осуществляемое работниками на дому, как часть или вместо фабричного производства, а также ремесленное производство (изготовление изделий ручной работы);
- работа на цифровой платформе, «в той мере, в какой она выполняется дома или в месте, отличном от помещения работодателя, регулярно и за вознаграждение» [4]. Эксперты МОТ отнесли этот вид труда к надомной работе по следующим основаниям: «разделение задач на небольшие части, которые можно поручить большому количеству более или менее квалифицированных специалистов, выполнении работы вне помещений работодателя, отсутствие четкой грани между рабочим временем и временем отдыха, рабочим местом и домом, отсутствие перспектив карьерного роста. Услуги платформы на практике похожи на услуги посредника при надомной работе или агентства временной занятости» [5, с. 114].
- телеработа, когда работники используют информационные и коммуникационные технологии для выполнения своей работы удаленно, из дома или другого выбранного и определенного ими места.

В докладе МОТ На»домный труд: от невидимости к достойному труду», опубликованном в 2020 году упомянуты все три вышеуказанных типа надомной работы, но приведенная во введении статистика не разграничена по формам надомного труда (традиционного примышленного надомничества, работе с использованием информационно-коммуникационных технологий и на цифровых платформах). Отмечено, что имеются пробелы в знаниях о надомной работе в Африке, Российской Федерации и соседних государствах, а также Китае [1].

Второй элемент – отношения зависимости работника и работодателя, выраженные в цели работы, а именно в производстве продукта или предоставлении услуги в соответствии с указаниями и под контролем работодателя, а также в выплачиваемом вознаграждении, вид которого и порядок установления не оговаривается (необходимо лишь, чтобы между надомным работником и работодателем или посредником существовали оплачиваемые трудовые отношения). Если в национальной практике предусмотрено использование посредников, то соответствующие обязанности посредников и работодателей должны регулироваться законами или судебными решениями (ст. 8). Элементы статуса посредников Конвенция № 177 и Рекомендация № 184 не оговаривают.

Именно эти отношения зависимости отграничивают надомников от самозанятых. В Конвенции № 177 уточняется, что ее положения не распространяются на лиц, которые располагают такой степенью автономии и экономической независимости, которая необходима для того, чтобы считать его независимым работником в соответствии с национальным законодательством или судебными решениями. То есть в случае совершения прямых сделок между конечным потребителем и производителем, последние не имеют статуса надомного работника.

Допускается определенная автономия работника при выполнении работы на дому, которая выражается в выборе локации рабочего места (дом или иное помещение) и в возможности использования собственного оборудования, материалов и ресурсов.

Таким образом, надомные работники в трудовых правоотношениях зависят от другого субъекта – работодателя, который осуществляет контроль над их трудовой деятельностью и который получает прибыль от выполняемой ими работы. Их зависимость может быть оперативной, через организацию работы и/или экономической. Работодатели, согласно ст. 1 Конвенции № 177 – это те физические и юридические, кто предоставляет работу от имени своего предприятия. Термин «предприятие» достаточно широк, чтобы охваты-

вать деятельность коммерческих и некоммерческих, публичных и частных организаций и не ограничивается коммерческой деятельностью в частном секторе. Это определение работодателя в сочетании с определением надомной работы помогает отличить гражданско-правовые контракты от трудовых договоров.

Третий элемент – постоянство: случайная или спорадическая деятельность с вышеуказанными характеристиками не может рассматриваться как надомничество.

Вопрос о возможности применения положений Конвенции № 177 к различным формам удалённой работы в научной литературе решается различно. Д.К. Бекашев и В.Г. Микрина полагают, что «поскольку надомник и дистанционный работник по существу являются не тождественными понятиями с точки зрения права, поэтому Конвенция № 177 не может быть распространена на регулирование труда дистанционных работников» [6, с. 28].

Ж. А. Мингалёва и С. В. Шуралёва, напротив, полагают, что «определение надомного труда в ст. 1 Конвенции МОТ № 177, позволяет распространять ее действие на круг лиц, более широкий, чем надомники (в традиционном узком понимании), а именно на работающих удаленно, включая дистанционных работников (в контексте гл. 49.1 ТК РФ), а также на лиц, которые осуществляют свой труд посредством онлайн интернет-платформ» [5, с. 113].

Соглашаясь с данной позицией, отметим следующее. Д.К. Бекашев и В.Г. Микрина в своем мнении ориентируются на положения российского законодательства, в котором наемный труд определяется в узком смысле как «работа на дому», связанная с производством товаров. Вместе с тем, Конвенция № 177 такого ограничения не содержит, что позволяет динамично интерпретировать элементы, которые составляют международное определение надомного труда и делают применимыми нормы конвенции к меняющейся реальности работы, выполняемой вне производственных помещений работодателя. Так же отметим, что национальному законодателю целесообразно ориентироваться на норму ст. 1 Конвенции № 177 и расширить место выполнения работы надомника. Только дом, обозначенный в ст. 310 УК как место осуществления трудовой деятельности, ставит под сомнение возможность выполнения надомником работы на даче, в гараже и иных подобных местах.

Хотя термин «надомный труд», принятый МОТ, можно считать устаревшим, и его следует заменить более соответствующим современным реалиям (например, удаленная работа), предложенное МОТ определение, а также базовые

обязательства государства по организации данной формы трудовых отношений позволяют распространить ее действия и на работу, выполняемую вне рабочего места, предоставляемого работодателем, но под его командованием и контролем, используя компьютерные информационные технологии или электронное коммуникационное оборудование. Вместе с тем, специфика работы на цифровых платформах требует дополнительного исследования. Хотя онлайн-платформа может рассматриваться как посредник между работником и работодателем (в соответствии с положениями Конвенции № 177), однако встает вопрос о критерии места (например, услуги по доставке, услуги такси и т.п. вряд ли можно трактовать как выполнение работы в помещении, отличном от производственных помещений работодателя) и критерии постоянства выполнения работы.

Выводы. Крайне малое число стран, ратифицировавших Конвенцию №177, свидетельствует о ее ограниченном влиянии на национальную практику. Это происходит потому, что государства уже имеют достаточно развитое законодательство в этой области, либо потому, что их уровень развития не позволяет им адекватно исполнять требования Конвенции.

Термин «надомный труд» неадекватно отражает реальные потребности общества. Необходимость содействия развитию новых форм трудовой деятельности предполагает замену указанного термина на более актуальный – удаленная работа, объединяющего традиционный надомный труд, телеработу (или, в отечественном законодательстве, дистанционную работы) и трудовые отношения, реализуемые посредством интернет-платформ. Такой термин вписывается в применяемую производственную и экономическую модель, поощряя гибкость в организации труда компаний, увеличивая возможности трудоустройства, основанные на интенсивном использовании новых технологий и оптимизируя соотношение между рабочим временем и личной и семейной жизнью.

Предложенное Конвенцией № 177 определение надомного труда достаточно широкое, чтобы охватить различные варианты удаленной работой, а налагаемые ею на государства обязанности по обеспечению равного отношения к работникам традиционных и «удаленных» форм занятости, по нашему мнению, не требуют какой-либо коррекции для защиты прав «удаленных работников». Вместе с тем, положения Рекомендации № 184 ориентированы преимущественно на «промышленный» надомный труд. Для телеработы и работы посредством интернет-платформ требуется разработка новых рекомендаций МОТ.

Список литературы:

[1] Работа на дому: от невидимости к достойной работе. Доклад МОТ. 2019 год // URL: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/working-home-invisibility-decent-work> (дата обращения 03.05.2025)

[2] Resolution on equal opportunities and equal treatment for men and women in employment, adopted by the international conference at its seventy-first session // International Labour Organisation; International Labour Conference (71st: 1985: Geneva, Switzerland). URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/search?query=any,exact,992407393402676%20&tab=Everything&search_scope=ALL_ILO&vid=41ILO_INST:41ILO_V1&offset=0 (дата обращения 04.05.2025)

[3] Conference Paper Social protection of homeworkers // International Labour Organisation; Meeting of Experts on the Social Protection of Homeworkers (1990: Geneva, Switzerland). URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/search?query=any,exact,992806053402676%20&vid=41ILO_INST:41ILO_V2&offset=0 (дата обращения 04.05.2025)

[4] Содействие занятости и достойному труду в меняющихся условиях. Отчет МОТ 25.02.2020 // URL: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/109/promoting-employment-and-decent-work-changing-landscape> (дата обращения 03.05.2025)

[5] Мингалёва Ж. А., Шуралёва С. В. Дистанционная занятость на онлайн интернет-платформах: современное состояние и проблемы правового регулирования в России // Ex iure. 2021. №2. С. 102-117.

[6] Бекашев Д.К., Микрина В.Г. Актуальные направления деятельности Международной организации труда по прогрессивному развитию международного трудового права // Право и управление. XXI век. 2023. №19(4). С. 21-31. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-4-69-21-31>

Spisok literatury:

[1] Rabota na domu: ot nevidimosti k dostojnoj rabote. Doklad MOT. 2019 god // URL: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/working-home-invisibility-decent-work> (data obrashheniya 03.05.2025)

[2] Resolution on equal opportunities and equal treatment for men and women in employment, adopted by the international conference at its seventy-first session // International Labour Organisation; International Labour Conference (71st: 1985: Geneva, Switzerland). URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/search?query=any,exact,992407393402676%20&tab=Everything&search_scope=ALL_ILO&vid=41ILO_INST:41ILO_V1&offset=0 (data obrashheniya 04.05.2025)

[3] Conference Paper Social protection of homeworkers // International Labour Organisation; Meeting of Experts on the Social Protection of Homeworkers (1990: Geneva, Switzerland). URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/search?query=any,exact,992806053402676%20&vid=41ILO_INST:41ILO_V2&offset=0 (data obrashheniya 04.05.2025)

[4] Sodejstvie zanyatosti i dostojnomu trudu v menyayushixsya usloviyax. Otchet MOT 25.02.2020 // URL: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/ilc/109/promoting-employment-and-decent-work-changing-landscape> (data obrashheniya 03.05.2025)

[5] Mingalyova Zh. A., Shuralyova S. V. Distancionnaya zanyatost' na onlajn internet-platformax: sovremennoe sostoyanie i problemy' pravovogo regulirovaniya v Rossii // Ex iure. 2021. №2. S. 102-117.

[6] Bekyashev D.K., Mikrina V.G. Aktual'ny'e napravleniya deyatel'nosti Mezhdunarodnoj organizacii truda po progressivnomu razvitiyu mezhdunarodnogo trudovogo prava // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. №19(4). S. 21-31. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2023-4-69-21-31>

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-344-347

РЕЗНИКОВА Екатерина Андреевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и прокурорского надзора
Орловского государственного университета
им. И.С. Тургенева,
e-mail: kat.reznikova@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Аннотация. В статье обосновывается распространенность мошенничества в сфере социальных выплат. Мошенничество в сфере социальных выплат, является распространенным видом мошенничества ответственность за которое предусмотрено ст. 159.2 Уголовного кодекса РФ. О распространении указанного противоправного деяния свидетельствуют статистические данные, согласно которым процент зарегистрированных преступлений, связанных с хищением денежных средств при получении выплат ежегодно увеличивается. В статье определяются некоторые из детерминант, способствующие совершению мошенничества при получении социальных выплат, наиболее привлекательные для мошенников виды социальных выплат, характеризуются механизмы совершения мошенничества при получении материнского капитала, пенсии и по инвалидности, «чернобыльских» выплат. В наибольшей степени преступному воздействию подвержены материнский капитал, пенсии по инвалидности, выплаты за проживание в зоне, подвергшейся заражению вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. Для устранения и минимизации данного вида преступности требуется реализация мер предупредительной направленности. В настоящей статье предлагаются к применению некоторые предупредительные меры, способные повлиять на устранение детерминант, способствующих мошенничеству при получении выплат.

Ключевые слова: мошенничество при получении выплат, социальные выплаты, криминальная привлекательность, механизм совершения, критерии риска.

REZNIKOVA Ekaterina Andreevna,
senior Lecturer of the Department
of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision
of the Orel State University named after I.S. Turgenev

PREVENTING SOCIAL PAYMENT FRAUD

Annotation. The article substantiates the prevalence of fraud in the field of social payments. Fraud in the field of social payments is a common type of fraud that is punishable under Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The prevalence of this illegal act is evidenced by statistical data, which shows that the percentage of registered crimes related to the theft of funds during the receipt of payments increases every year. The article identifies some of the determinants that contribute to the commission of fraud in the receipt of social benefits, the types of social benefits that are most attractive to fraudsters, and the mechanisms of committing fraud in the receipt of maternity capital, pensions, disability benefits, and Chernobyl payments. Maternity capital, disability pensions, and payments for living in the contaminated zone following the Chernobyl disaster are the most vulnerable to criminal activity. To eliminate and minimize this type of crime, it is necessary to implement preventive measures. This article proposes some preventive measures that can help eliminate the determinants that contribute to fraud in the receipt of payments.

Key words: fraud in the receipt of payments, social payments, criminal attractiveness, mechanism of commission, risk criteria.

Согласно ст. 159.2 УК РФ мошенничество при получении выплат направлено на хищение денежных средств, иного имущества, относящегося к социальным выплатам, путем обмана, который выражается в предоставлении ложных и (или) недостоверных сведений, а также путем умалчивания о фактах, влекущих отмену получения социальной выплаты. Согласно статистическим данным за последние пять лет количество преступлений, связанных с данным видом мошенничества, существенно увеличилось, что свидетельствует о криминальной привлекательности социальных выплат.

Поскольку предметом такого мошенничества являются социальные выплаты, необходимо обратить внимание на причину их привлекательности для мошенников. Прежде всего, следует отметить, значительный объем денежных средств, расходуемых на социальные выплаты. Так, в 2024 году на социальные выплаты в федеральном бюджете было запланировано 1291561475,8 тыс. рублей, дополнительно в декабре 2024 года из резервного фонда Правительства РФ на выплату социальных пособий выделены бюджетные ассигнования в размере до 400276262,9 тыс. рублей. Во-вторых, огромное количество различных видов социальных выплат, как указывает И.Р. Маматказин «примерно 50 видами социального обеспечения, предоставляемыми гражданам в денежной форме, в число которых включаются пенсии, пособия, компенсации и страховые выплаты» [1, с. 27]. В-третьих, доступность их получения: небольшой перечень документов, подтверждающих право на получение выплаты, возможность оформления выплат он-лайн посредством сайта Госуслуг. Автор не ставит под сомнение необходимость упрощения процедуры оформления социальных выплат, полагает, что использование интернет-технологий должно упрощать как работу специалистов, занимающихся оформлением выплат, так и создавать удобство для граждан, претендующих на выплаты, однако, возможность применения интернет-технологий в совершении мошеннических действий при получении выплат должно учитываться при разработке методов и способов предупреждения данного вида мошенничества, повышению их эффективности.

Возвращаясь к объемам денежных средств, затрачиваемых на социальные выплаты, следует отметить, что наиболее финансово емкими и подверженными преступным посягательствам видами выплат являются материнский капитал, пенсии по инвалидности, выплаты с связи с проживанием в зоне, подвергшейся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС.

Данный рейтинг привлекательности видов социальных выплат для мошенничества объясня-

ется размером сумм полученных выплат. Например, размер материнского (семейного) капитала с 01.02.2025 составляет 690 266,95 рублей за первого ребенка. Как отмечается в юридической литературе «в целом суммарный ущерб от такого вида мошенничеств только в 2023 г. превысил 1,5 млрд рублей» [2, с. 182]. Мошенников привлекает сумма единовременной выплаты в виде материнского капитала. Наиболее распространенными способами обмана при получении материнского (семейного) капитала является получение выплаты на не рожденных детей, когда органами ЗАГС выдается свидетельство о рождении несуществующего ребенка на основании заявления лица о рождении ребенка не в лечебном учреждении, а дома, и свидетельских показаний. Вторым распространенным способом такого мошенничества – «обналичивае» материнского капитала, когда, в подтверждении намерения улучшить жилищные условия, приобретается за небольшую сумму земельный участок для индивидуального жилищного строительства, непригодная для проживания квартира, при этом, размер сделки по документам равен размеру материнского капитала. Не имея намерения тратить полученную выплату в соответствии с целями ее назначения – на улучшение жилищных условий, полученные денежные средства тратятся мошенником на личные нужды.

Относительно пенсий по инвалидности, их размер составляет с 01.04.2025 для инвалидов 1 группы 17648,24 рубля, для инвалидов 2 группы 8824,08 рублей, для инвалидов 3 группы 7500,53 рубля. Следует учитывать периодичность выплаты – пенсия по инвалидности в установленном размере выплачивается ежемесячно и в течении длительного периода времени. Стабильность, периодичность, длительность и размер выплат пенсии по инвалидности объясняют привлекательность данной выплаты для мошенников. Механизм совершения мошенничества при получении пенсии по инвалидности заключается в предоставлении подложного документа – справки об инвалидности, при отсутствии оснований для установления инвалидности. Для того, чтобы гражданин был признан инвалидом соответствующей группы, ему необходимо пройти ряд процедур, которые осуществляются федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы. После установления и подтверждения Бюро МСЭ оснований для установления группы инвалидности, гражданину назначается размер пенсионного обеспечения [3, с. 42].

Аналогичные причины привлекательности характерны для получения выплат за проживание в зоне, подвергшейся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. От гражданина требуется всего лишь быть заре-

гистрированным в «грязной» от радиации зоне. Таким образом, гражданин для получения «чернобыльских» выплат предоставляет документ о регистрации по месту жительства, что приравнивается к доказательству проживания, иных документов о проживании от гражданина не требуется. Достаточно распространенным способом совершения данного вида мошенничества является приобретение за незначительную сумму непригодного для проживания жилья, регистрации гражданина и членов семьи по адресу приобретенного жилого помещения без намерения проживать в нем, только с целью оформления выплат за проживание в чернобыльской зоне на себя и детей, или регистрация по месту жительства у знакомых, проживающих на территории, дающей право на получение социальных выплат. Также, для мошенничества при получении выплат за проживание в «грязной» от радиации зоне характерным является совершение мошенничества посредством бездействия, выразившего в умолчании об утрате гражданином оснований для получения выплат. Например, гражданин продолжает быть зарегистрированным по месту жительства на территории дающей право на получение выплат, но по месту регистрации не проживает, живет и работает на территории «свободной» от радиации, при этом территориальное отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации об отсутствии оснований на получение выплат не уведомил. Привлекая к уголовной ответственности лиц незаконно получавших социальные выплаты за проживание на территории, подвергшейся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС, органы следствия доказывают факт не проживания справками об оплате коммунальных услуг, справками органов местного самоуправления по месту регистрации граждан, рапортом участкового оперуполномоченного полиции об отсутствии проживающих по интересующему адресу, справками с места работы лица, получающего выплаты, места обучения детей. Таким образом имеется нарабатанная судебно-следственная практика доказывания фактов не проживания по адресу регистрации, которая используется для привлечения лица к уголовной ответственности, при этом, ее можно эффективно использовать при проверке оснований назначения выплат.

Основываясь на проведенном анализе, предлагаем следующие способы и меры предупреждения мошенничества при получении выплат. Прежде всего, следует отметить, что социальные выплаты являются безвозмездными, безвозвратными, имеют целевой характер, выплачиваются для поддержания граждан, оказавшихся в определенной жизненной ситуации, подпадающей под основание для выплат. Таким

образом, оказывая социальную поддержку в виде социальных выплат, государство стремится достичь определенной цели – поддержать своих граждан посредством денежных выплат, что дает полное право осуществлять контроль за их целевым применением. Для осуществления контроля возможно в структуре территориальных отделений Фондов пенсионного и социального страхования, поскольку данный орган является основным плательщиком социальных выплат, создать службы безопасности, в обязанности которой должно входить проведение выборочных проверок законности получения социальных выплат. Возражения относительно данной меры предупреждения мошенничества при получении социальных выплат, могут сводиться к недостаткам кадров, финансовыми расходами на новую структуру, большими объемами проверок. По нашему мнению, учитывая суммы ущерба, которые причиняются государству данным видом преступлений, а также высокую латентность такой преступности, создание дополнительных структур будет финансово обоснованной. Кроме того, в качестве примера можно взять камеральные отделы налоговых органов, осуществляющие проверки правильности уплаты налогов налогоплательщиками, имея большие объемы документов для проверки, большие объемы подлежащих проверке на правильность начисления суммы налогов и большое количество налогоплательщиков. Считаем, что данная мера необходима, поскольку бесконтрольность порождает необязательность соблюдения требований закона при получении социальных выплат, кроме того, позволит исключить убеждение лиц, незаконно получающих социальные выплаты, о безнаказанности, а также высокую латентность данного вида преступности.

Кроме того, в целях предупреждения незаконного получения социальных выплат предлагаем учитывать при назначении социальных выплат следующие критерии риска противоправности их получения. Во-первых, невысокая кадастровая стоимость приобретаемых объектов недвижимости. Например, при получении материнского капитала заявителем должна предоставляться выписка из ЕГРН для определения размера сделки, при наличии существенного несоответствия кадастровой стоимости недвижимости и стоимости указанной в договоре, проводить дополнительные проверки достоверности представленных документов и сделки. Во-вторых, отсутствие сведений из лечебного учреждения. При назначении пенсии по инвалидности запрашивать сведения из лечебного учреждения, подтверждающие наблюдение врачом и лечение гражданина от заболевания, наличие которого послужило основанием для установления инвалидности. В-третьих, удаленность места постоян-

ного проживания, по которому зарегистрирован гражданин, от места осуществлена им трудовой деятельности. При приеме документов на оформление выплат должны проверяться сведения о трудовой деятельности гражданина, согласно предоставляемым работодателем сведений, например, СЗВ-ТД, СЗВ-М, имеющих в распоряжении территориальных отделений Фонда пенсионного и социального страхования РФ, в случае сомнения в проживании по месту регистрации запрашиваются дополнительные документы, с гражданина могут быть взяты письменные объяснения.

Таким образом, имеющийся рост мошенничества при получении выплат свидетельствует о неэффективности имеющихся мер предупреждения данного вида преступности. Приняв на себя обязательство по осуществлению социальной защиты населения посредством социальных выплат нуждающимся категориям населения, государство должно обеспечить получение таких выплат лицам имеющими на них право, не позволяя чтобы денежные средства государства, которые могли бы пойти на социально значимые цели, способствовали обогащению криминальных элементов. Повышению эффективности мер предупреждения мошенничества в сфере социальных выплат государство должно уделять особое внимание.

Список литературы:

[1] Маматказин И.Р. Значение понятийного аппарата для выявления сущности и функции

социально-обеспечительных выплат // Социальное и пенсионное право. 2023. № 3. С. 27 - 33.

[2] Кравцов И.А., Польшиков А.В., Буслов М.М. Мошенничество при получении выплат: специфика детерминации и направления повышения эффективности мер предупреждения // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 3. С. 180-187.

[3] Хомякова Е.С. Пенсия как мера социальной поддержки инвалидов в Российской Федерации // Контентус. 2020. № 3. С. 40 - 47.

Spisok literaturey:

[1] Mamatkazin, I.R., [2023]. Znachenie poniatiinogo apparata dlia vyivleniia sushchnosti i funktsii sotsial'no-obespechitel'nykh vyplat [The importance of the conceptual framework for identifying the essence and function of social security benefits]// Sotsial'noe i pensionnoe pravo [Social and pension law]. № 3. P. 27 - 33.

[2] Kravtsov, I.A., Pol'shikov, A.V., Buslov, M.M. [2024] Moshennichestvo pri poluchenii vyplat: spetsifika determinatsii i napravleniia povysheniia effektivnosti mer preduprezhdeniia [Fraudulent Payments: Determinants and Ways to Improve Prevention Measures]// Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 3. P. 180-187.

[3] Khomiakova, E.S. [2020] Pensiia kak mera sotsial'noi podderzhki invalidov v Rossiiskoi Federatsii [Pension as a measure of social support for disabled people in the Russian Federation]// Kontentus. [Contentus]. № 3. P. 40 - 47.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

БАГДАДЯН Лида Оганесовна,
Управление международного сотрудничества
и валютного контроля ФНС России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: liddibag@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ И ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено системному анализу уголовно-правовых и процессуальных проблем оборота криптовалют и цифровых активов в Российской Федерации, актуальность которого обусловлена стремительным развитием цифровых финансовых инструментов при отсутствии адекватного правового регулирования, создающим значительные пробелы в противодействии преступности. Автор выявляет ключевые коллизии, включая неопределенность правовой природы криптоактивов, препятствующую их однозначной квалификации как предмета преступлений против собственности (хищения) или коррупционных деяний, несмотря на частичное признание имущественного статуса ФЗ № 259-ФЗ; некорректное применение традиционных норм УК РФ из-за технологических особенностей блокчейна, ведущее к безнаказанности; процессуальные барьеры, связанные с отсутствием в УПК РФ механизмов ареста, хранения и конфискации криптоактивов, риском утраты доказательств и невозможностью обращения взыскания в исполнительном производстве; а также правовой вакуум в квалификации новых форм цифровой преступности: атак на смарт-контракты, NFT-мошенничества, рыночных манипуляций на децентрализованных площадках, масштаб ущерба от которых подтверждается международной статистикой. На основе анализа судебной практики, статистики МВД и международного опыта автор обосновывает императивную необходимость синхронного реформирования УК РФ и УПК РФ, предлагая легализацию криптоспецифичных составов преступлений, унификацию презумпции имущественной природы цифровых активов, внедрение цифровых процессуальных механизмов и ратификацию международных протоколов по электронным доказательствам, доказывая, что без таких мер уголовно-правовая защита останется неэффективной, создавая угрозы экономическому суверенитету России в условиях экспоненциального роста криптопреступности.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровые активы; правовая природа криптоактивов; квалификация преступлений; пробелы законодательства.

BAGDADYAN Lida,
International Cooperation and Capital Movement
Control Department of the Federal tax service of Russia,
Moscow, the Russian Federation

LEGISLATIVE CHALLENGES IN THE CRIMINAL LAW REGULATION OF CRYPTOCURRENCY AND DIGITAL ASSET CIRCULATION

Annotation. This study is devoted to a systematic analysis of the criminal law and procedural problems of the turnover of cryptocurrencies and digital assets in the Russian Federation, the relevance of which is due to the rapid development of digital financial instruments in the absence of adequate legal regulation, creating significant gaps in crime prevention. The author identifies key conflicts, including the uncertainty of the legal nature of cryptoassets, which prevents their unambiguous qualification as the subject of crimes against property (theft) or acts of corruption, despite the partial recognition of the property status of Federal Law No. 259-FZ; incorrect application of traditional norms of the Criminal Code of the Russian Federation due to the technological features of the blockchain, leading to impunity; procedural barriers related to the lack of mechanisms for the seizure, storage and confiscation of crypto assets in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the risk of loss of evidence and the impossibility of foreclosure in enforcement proceedings; as well as a legal vacuum in the qualification of new forms of digital crime: attacks on smart contracts, NFT fraud, market manipulation on decentralized platforms, the scale of damage from which is confirmed international

statistics. Based on the analysis of judicial practice, statistics of the Ministry of Internal Affairs and international experience, the author substantiates the imperative need for simultaneous reform of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, proposing the legalization of cryptospecific crimes, the unification of the presumption of the proprietary nature of digital assets, the introduction of digital procedural mechanisms and the ratification of international protocols on electronic evidence, proving that without such measures, criminal legal protection will remain ineffective creating threats to Russia's economic sovereignty in the face of exponential growth in cryptocrime.

Key words: *cryptocurrencies; digital assets; legal nature of crypto assets; qualification of crimes; gaps in legislation.*

Актуальность данного исследования обусловлена глобальным характером вызовов, связанных с высокой скоростью распространения цифровых финансовых инструментов при отсутствии адекватных правовых механизмов их контроля, что особенно остро проявляется в сфере уголовного права, где пробелы в законодательстве препятствуют эффективному противодействию преступлениям, включая коррупцию, отмывание доходов и киберпреступность. Так, в Российской Федерации, несмотря на частичное признание криптовалюты имуществом в рамках Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и антикоррупционного законодательства, отсутствие единого подхода к её правовой природе – сочетание свойств имущества, средства платежа и цифрового права – создает коллизии при квалификации деяний. Например, хищение криптоактивов или их использование во взятках не всегда подпадает под традиционные составы преступлений против собственности из-за особенностей децентрализованного обращения и анонимности [1]. При этом динамика преступности в данной сфере демонстрирует устойчивый рост – только в 2024 году зафиксированы случаи коррупционных сделок с криптовалютой на суммы свыше семи миллиардов рублей (дело экс-сотрудника СК Марата Тамбиева) и масштабные конфискации у киберпреступников (например, изъятие четырехсот двадцати шести миллионов рублей у группировки REvil), что подтверждает неотложную потребность в процессуальных механизмах ареста, изъятия и конфискации цифровых активов, отсутствующих в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ).

Ситуация усугубляется противоречиями в позициях государственных органов (Банк России выступает за жесткие ограничения, Министерство финансов – за интеграцию в экономику), а также фрагментарностью регулирования: разрешение криптовалют для международных расчетов (Федеральный закон № 223-ФЗ) сочетается с запретом на внутренние платежи, а легализация

майнинга, как предпринимательской деятельности (Федеральный закон № 221-ФЗ), не устраняет рисков использования добытых активов в теневом обороте.

Более того, технологическая сложность обеспечения сохранности криптоактивов на этапе расследования (например, необходимость перевода средств с «горячих» кошельков на специальные счета или конфискации «холодных» носителей) требует специализированных процедур, которые до сих пор законодательно не регламентированы, что приводит к риску утраты доказательственной базы.

Представляется, установление уголовно-релевантных дефиниций криптовалюты и цифровых активов выступает первоосновой для криминализации деяний, поскольку действующее законодательство сохраняет правовую неопределенность в отношении их юридической природы: Федеральный закон № 259-ФЗ признает цифровую валюту имуществом для целей банкротства и исполнительного производства, однако Верховный Суд РФ и доктрина уголовного права оспаривают этот статус применительно к составам преступлений против собственности, указывая на отсутствие у криптоактивов свойств классического имущества по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Анализ пробелов в квалификации хищений криптоактивов выявляет критическое несоответствие традиционных норм гл. 21 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) специфике децентрализованных записей в блокчейне: невозможность применения ст. 158 УК РФ обусловлена нетелесностью объектов хищения и отсутствием физического завладения, а квалификация по ст. 159.6 УК РФ сталкивается с проблемой доказывания факта модификации данных, поскольку перевод криптовалюты между кошельками представляет собой легитимную операцию в реестре, а не несанкционированное вмешательство.

Систематизация проблем привлечения к ответственности за использование цифровых активов в коррупционных схемах актуализирует отсутствие законодательной фиксации их эквивалентности имущественным правам: несмотря на позицию Пленума ВС РФ о включении «имуще-

ственных выгод» в предмет взятки (ст. 290 УК РФ) и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), диспозиции указанных статей не содержат прямых указаний на криптовалюту, что порождает коллизии в судебной практике – одни суды признают её «иным имуществом» по аналогии с ГК РФ, другие отрицают квалификацию из-за невозможности установить рыночную стоимость на момент передачи и отсутствия гарантированной обеспеченности актива. Накопленная судебная практика и статистика МВД подтверждают, что указанные пробелы создают условия для системной безнаказанности в сфере транснациональной киберпреступности и теневого оборота цифровых ценностей.

Выявление коллизий при квалификации незаконного предпринимательства и легализации средств обусловлено правовой амбивалентностью операций с криптовалютами. Осуществление обмена цифровых активов или их принятие в качестве платежа за товары и услуги, формально подпадая под признаки предпринимательской деятельности, нередко квалифицируется как незаконное по ст. 171 УК РФ из-за отсутствия специального разрешения, лицензии, хотя законодательством РФ не установлен ясный разрешительный порядок для таких операций после введения запрета на использование криптовалют в качестве платежного средства внутри страны (ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ), что создает правовую ловушку для субъектов рынка. Применительно к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ), ключевая коллизия заключается в сложности доказывания «криминального происхождения» цифровых активов, прошедших через децентрализованные пулы или миксеры, а также в отсутствии законодательно закрепленных критериев отнесения конвертации криптовалюты в фиатные деньги или иные активы к финансовым операциям, подпадающим под признаки легализации. Особенно это актуально, если исходная операция, например, майнинг, сама по себе не является преступлением.

Оценка рисков невозможности конфискации виртуальных активов выявляет критический разрыв между материальным и процессуальным правом. Даже при успешной квалификации преступления и вынесении приговора с назначением конфискации (ст. 104.1 УК РФ), практическая реализация этой меры блокируется отсутствием в УПК РФ специализированных процедур для ареста криптоактивов, особенно хранящихся на «холодных» кошельках без онлайн-доступа, обеспечения их сохранности – риск утраты закрытых ключей или порчи носителей – и механизма принудительного обращения взыскания в рамках

исполнительного производства, поскольку действующий Федеральный закон № 229 «Об исполнительном производстве» не регулирует обращение взыскания на цифровые права. Технологическая специфика, а именно использование криптографии, псевдоанонимность, отсутствие единого эмитента или депозитария, превращает конфискацию в процессуальную фикцию без создания законодателем правовых инструментов для преодоления анонимности владельцев кошельков и принудительного изъятия активов, что существенно снижает превентивный потенциал уголовного закона и стимулирует использование криптовалют для обезличивания криминальных доходов.

Далее необходимо обозначить, что необходимость криминализации новых форм общественно опасных деяний, специфичных для цифровой среды, обусловлено возникновением качественно иных угроз, которые не охватываются действующими составами УК РФ ввиду уникальности технологических особенностей блокчейн-инфраструктуры. Организованные атаки на смарт-контракты не подпадают под ст. 159.6 УК РФ, поскольку вред причиняется не путем модификации информации, а легитимным исполнением алгоритма с изначально дефектной логикой, что требует выделения самостоятельного состава, учитывающего целенаправленное использование дефектов кода для противоправного обогащения.

Мошенничество с NFT, проявляющееся в создании фальшивых коллекций с поддельными метаданными о редкости или авторских правах либо в подмене цифрового контента после продажи токена, не может быть адекватно квалифицировано по ст. 159 УК РФ из-за проблем доказывания имущественного ущерба в традиционном понимании и отсутствия в законе признаков обмана относительно неимущественных характеристик цифровых объектов, определяющих их рыночную стоимость [5].

Манипулирование курсом криптоактивов через схемы «памп-энд-дамп», то есть искусственное завышение цены за счет координированных покупок с последующей массовой продажей, формально не соответствует диспозиции ст. 185.3 УК РФ, так как криптовалютные биржи не признаны организованными торгами по смыслу Федерального закона № 325-ФЗ «Об организованных торгах», а само деяние направлено на децентрализованный рынок, не контролируемый конкретным оператором торговой системы, что требует криминализации согласованных действий по искусственному изменению ценообразования на децентрализованных площадках. Отсутствие специальных норм создает правовой

вакуум для борьбы с этими деяниями, масштаб которых подтверждается данными Chainalysis. Так, ущерб от DeFi-атак превысил три миллиарда долларов в 2023 г., а объем манипуляций с низколиквидными токенами – тридцать миллиардов долларов, и препятствует привлечению к ответственности организаторов преступных схем, действующих под прикрытием инновационных технологий.

Проблемы квалификации мошенничества с NFT и манипуляций типа «памп-энд-дамп», выявленные в российской правовой системе, имеют прямые аналоги в других юрисдикциях, где отсутствие специализированных норм затрудняет привлечение к ответственности. В США, где NFT часто подпадают под регулирование Комиссии по ценным бумагам и биржам США как инвестиционные контракты – тест Хауи, создание фальшивых коллекций с поддельными метаданными квалифицируется как мошенничество с ценными бумагами (ст. 10(b) Закона о ценных бумагах 1934 г. и Правило 10b-5) [4]. Однако доказывание имущественного ущерба здесь сталкивается с теми же сложностями: стоимость NFT определяется субъективными факторами (редкость, авторские права), а не традиционными материальными критериями. Дело Aurelien Michel (Mutant Ape Planet), где обвиняемый признал вину в мошенничестве (\$2,9 млн ущерба), показало, что ключевым доказательством стали ложные обещания о «преимуществах», а не сам факт подделки метаданных [5]. Аналогично, в ЕС директива MiCA (Markets in Crypto-Assets) не охватывает NFT, оставляя их вне сферы действия норм о манипулировании рынком, если они не классифицированы как «утилитарные токены» [2].

Для схем «памп-энд-дамп» разрыв в регулировании еще заметнее. В Японии, где криптоактивы признаны законным платежным средством (Закон о платёжных услугах), децентрализованные площадки исключены из понятия «организованных торгов» по Закону о финансовых инструментах. Следовательно, манипуляции на DEX (например, через сговоры в Telegram-чатах) не подпадают под ст. 159 Уголовного кодекса Японии (обманные сделки), так как требуют доказательств контроля над «биржей» — что невозможно при отсутствии оператора платформы. В ОАЭ регулятор ADGM (Abu Dhabi Global Market) в 2024 г. ввел поправки в AML-правила, приравняв NFT-платформы к «обязанным лицам», но манипуляции курсом остаются вне зоны действия уголовных норм о мошенничестве, если не доказан умысел на непосредственное извлечение прибыли от инвесторов [3].

Также необходимо обозначить, что отсутствие единообразной уголовно-правовой квалификации операций с криптовалютой создаёт пра-

вовые лакуны, активно эксплуатируемые транснациональной преступностью для отмывания доходов, финансирования терроризма и коррупционных схем. Международный опыт подтверждает, что неопределённость правового статуса цифровых активов затрудняет применение традиционных норм уголовного кодекса. Так, в США, несмотря на частичное регулирование через законы о ценных бумагах (Закон о ценных бумагах 1933 года, Закон о бирже 1934 года), сохраняются коллизии между позициями Комиссии по ценным бумагам и биржам США, Комиссии по торговле товарными фьючерсами и финансовой разведкой относительно отнесения криптоактивов к ценным бумагам, товарам или валютам, что препятствует унификации квалификации мошенничества и манипулирования рынком. Аналогично в Японии, где криптовалюта признана платёжным средством, сохраняются сложности доказывания «криминального происхождения» активов после их прохождения через децентрализованные миксеры, несмотря на привязку стоимости к имущественным правам.

Попытки гармонизации подходов на международном уровне сталкиваются с принципиальными различиями национальных моделей регулирования: если Евросоюз исключил криптовалюты из-под НДС, квалифицируя их как «средство платежа» (решение Суда ЕС, 2015), а Канада ввела антиотмывочные требования для криптопровайдеров, то Марокко и Алжир полностью запретили операции с виртуальными валютами, ссылаясь на риски финансирования терроризма и нарушение валютного контроля, что лишь стимулировало теневой оборот.

Подводя итог всему вышесказанному, в настоящее время наблюдается императивная необходимость конвергенции материального и процессуального права посредством легализации криптоспецифичных составов, включая атаки на смарт-контракты, NFT-мошенничество и децентрализованное манипулирование рынком, имплементации цифровых процессуальных механизмов – таких как арест через смарт-контракты, создание криптодепозитариев и стандартизация ончейн-криминалистики. Необходима унификация презумпции имущественной природы криптоактивов для всех корыстных преступлений, поскольку без синхронного реформирования УК РФ и УПК РФ, учитывающего трансграничную не вещьественность блокчейн-активов и процедурную уникальность их оборота, а именно анонимность, криптозащита, отсутствие эмитента, уголовно-правовая защита останется декларативной, а Россия детерминирует утрату суверенитета в цифровой экономике на фоне экспоненциального роста ущерба от криптопреступлений и их транснациональной масштабируемости.

Список литературы:

[1] Aidoo. S., Int Dip, A. M. L. Cryptocurrency and Financial Crime: Emerging Risks and Regulatory Responses. – 2025.

[2] Annunziata, F. An Overview of the European Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCAR) //The International Lawyer. – 2025. – Т. 58. – №. 1. – С. 34-76.

[3] Oluwaferanmi, A. Next-Gen AML Technologies and Financial Crime: The Role of AI and Blockchain in Regulating Cryptocurrency Markets. – 2025.

[4] Rustamaji, M. et al. Law Enforcement Strategies Against Money Laundering Through Cryptocurrency: Comparative Studies in Several Countries. – 2024.

[5] Scharfman, J. Non-fungible token (nft) fraud, hacks, and controversies //The Cryptocurrency and Digital Asset Fraud Casebook, Volume II: DeFi, NFTs, DAOs, Meme Coins, and Other Digital Asset Hacks. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2024. – С. 307-325.

Spisok literaturey:

[1] Aidoo. S., Int Dip, A. M. L. Cryptocurrency and Financial Crime: Emerging Risks and Regulatory Responses. – 2025.

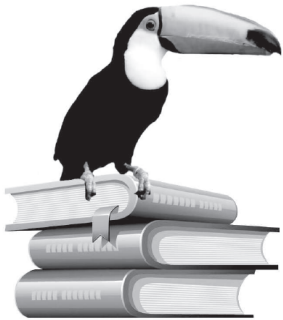
[2] Annunziata, F. An Overview of the European Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCAR) //The International Lawyer. – 2025. – Т. 58. – №. 1. – С. 34-76.

[3] Oluwaferanmi, A. Next-Gen AML Technologies and Financial Crime: The Role of AI and Blockchain in Regulating Cryptocurrency Markets. – 2025.

[4] Rustamaji, M. et al. Law Enforcement Strategies Against Money Laundering Through Cryptocurrency: Comparative Studies in Several Countries. – 2024.

[5] Scharfman, J. Non-fungible token (nft) fraud, hacks, and controversies //The Cryptocurrency and Digital Asset Fraud Casebook, Volume II: DeFi, NFTs, DAOs, Meme Coins, and Other Digital Asset Hacks. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2024. – С. 307-325.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШИГАЛУГОВА Марьяна Хасановна,
старший преподаватель кафедры ОПД,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕЛЕФОННЫМ И ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ

Аннотация. Активное развитие телефонного и интернет-мошенничества наблюдается во многих современных государствах, и в последние годы проблема масштабного распространения подобного преступного поведения значительно актуализировалась в России. В рамках представленного исследования проанализированы современные методы и схемы мошеннических действий с использованием телефонов и сети «Интернет». Особое внимание уделено рассмотрению мер, принимаемых со стороны государства в целях снижения масштабов распространенности телефонного и интернет-мошенничества в современных международных и внутригосударственных реалиях. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что современные механизмы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством до недавнего времени характеризовались разрозненностью и фрагментарностью введения и применения, что напрямую связано с поиском наиболее эффективных организационно-правовых моделей, в связи с чем отмечается перспективность создания государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Ключевые слова: телефонное и интернет-мошенничество; борьба с преступностью; мошеннические схемы; государственная информационная система противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий; российское законодательство.

SHIGALUGOVA Maryana Khasanovna,
Senior Lecturer, Department of OPD,
Police Lieutenant Colonel

TOPICAL PROBLEMS OF COMBATING TELEPHONE AND INTERNET FRAUD

Annotation. The active development of telephone and Internet fraud is observed in many modern states, and in recent years the problem of the large-scale spread of such criminal behavior has become significantly relevant in Russia. Within the framework of the presented study, modern methods and schemes of fraudulent activities using phones and the Internet were analyzed. Particular attention is paid to the consideration of measures taken by the state in order to reduce the prevalence of telephone and Internet fraud in modern international and domestic realities. Based on the analysis, the author concludes that modern mechanisms for combating telephone and Internet fraud until recently were characterized by fragmentation and fragmentation of introduction and use, which is directly related to the search for the most effective organizational and legal models, in connection with which it is noted the prospect of creating a state information system to counter offenses committed using information and communication technologies.

Key words: telephone and Internet fraud; fighting crime; fraudulent schemes; state information system for combating offenses committed using information and communication technologies; Russian legislation.

Современный человек активно использует различные информационно-коммуникационные технологии во многих сферах жизнедеятельности, что объективно обусловлено техническим прогрессом и развитием информа-

ционным общества в российском государстве. Указанные технологии претерпевают активное совершенствование, и в значительной степени качественно влияют на жизнь людей. Однако с положительным влиянием также возникают

угрозы противоправных деяний, практика которых значительно интенсифицировалась в последние годы не только в России, но и по всему миру.

Представленное исследование видится необходимым посвятить проблемам телефонного и интернет-мошенничества, которые наиболее актуальны для современной российской правоохранительной практики. По данным МВД России в последние годы наблюдается рост количества преступлений совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В 2024 году их количество достигло 765,4 тыс., что на 13,1% больше показателей 2023 года. Примечательным является также распространенность совершения указанных деяний в большей степени посредством использования сети «Интернет» (в 2024 году четыре преступления из пяти (84,8%) совершаются с использованием сети «Интернет» - 649,1 тыс., что на 23,2% больше чем в 2023 году) и средств мобильной связи (в 2024 году – почти половина (45,2%) указанных преступных деяний, а именно 346 тыс., что на 14,3% больше чем в 2023 году) [4]. Статистические данные наглядно демонстрируют масштаб и темпы роста и развития преступной деятельности в указанной сфере.

Несмотря на то, что в целом практика подобного мошенничества не является новой для российского населения, она характеризуется динамикой совершенствования средств и методов преступного посягательства, а также активной трансформацией схем преступного функционирования. Телефонное и интернет-мошенничество представляет собой сложную организованную деятельность преступных сообществ, направленную на хищение чужого имущества. В условиях повсеместной информатизации и цифровизации хищение предполагает получение доступа к персональным данным и личным кабинетам индивидов в целях завладения их имуществом.

Современные правоведы активно исследуют проблемы телефонного и интернет-мошенничества, однако важно подчеркнуть их междисциплинарный характер, в связи с чем по заявленной тематике также имеется множество работ социологов, психологов, техников, которые через призму специфики познания и осмысления соответствующей отрасли прямо или косвенно разрабатывают вопросы борьбы с указанными разновидностями мошенничества. На наш взгляд именно комплексный подход в рамках заявленной проблематики выступает основой организации и осуществления эффективной борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством.

Как отмечалось ранее, мошеннические схемы и применяемые методы отличаются каче-

ственным многообразием. Рассмотрим наиболее распространенные из них. Фишинг – вид мошенничества, который достаточно давно начал развиваться в интернет-пространстве, и к настоящему моменту не только не потерял своей актуальности, а лишь расширился в отношении мобильной связи. Большинство современных людей встречались с фишинговыми письмами на электронной почте или ссылками на поддельные сайты, которые могут рассылаться через социальные сети, мессенджеры и т.д. Однако в случае подобных рассылок мошенники крайне ограничены в части влияния на жертв, в связи с чем сформировалась обширная практика голосового фишинга. Звонки от службы безопасности банков с дальнейшим переключением на сотрудников различных органов государственной власти, в том числе правоохранительной направленности – все это является классической схемой деятельности фишеров, основная цель которых заполучить личные данные, и сведения о банковских счетах и картах, необходимые для доступа к денежным средствам [2, с. 161].

В рамках фишинга в настоящее время используются не только рассылки, но и за счет завладения доступом к контактам индивидов осуществляется общение от имени известных им лиц. Это могут быть близкие люди или коллеги, руководство, которые в дальнейшем также переключают на общение с другими людьми в зависимости от контекста в каждой конкретной ситуации.

Целый ряд мошеннических схем связаны с банковскими переводами и оплатами. Так, в последние годы развивается практика, когда индивиду приходит оповещение о переводе денежных средств от конкретного лица, позднее с ним связывается сотрудник банка и сообщает об ошибке и необходимости возврата денежных средств для чего требуется подтверждение персональных данных и производимых действий. Мошеннические запросы на оплату также реализуются за счет ошибочного счета или подозрительных действий в рамках его получения, что требует незамедлительной связи с представителем банка по конкретному номеру [3, с. 66].

Важно отметить, что в современных реалиях активной трансформации мошеннической практики со стороны государства организовывается целый ряд оперативных мер по противодействию указанному преступному функционированию. Примером таких мер может стать возможность с 1 марта 2025 года установления самозапрета на получение кредитов и займов в финансовых организациях. Несмотря на то, что данная возможность реализуется всего несколько месяцев, ей уже воспользовались более 10 млн.

российских граждан. Как справедливо отмечают А.П. Алексеева и О.И. Белокобыльская «отсутствие у потенциальных жертв преступления физической возможности выполнить требования мошенников о переводе денег на их счета будет способствовать сокращению уровня преступности и стабилизации ситуации в данной сфере» [1, с. 68].

Для борьбы с телефонным мошенничеством с 1 апреля 2025 года действует ограничение количества сим-карт, зарегистрированных на физических лиц. Для российских граждан их количество составляет 20 сим карт, а для иностранных граждан – 10 сим карт. Кроме того, в указанной сфере с 1 сентября планируется расширить практику установления самозапретов и закрепить возможность таковых в отношении оформления договоров на мобильную связь через Портал государственных услуг Российской Федерации или в многофункциональных центрах.

Важно отметить, что современные механизмы борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством до недавнего времени характеризовались разрозненностью и фрагментарностью введения и применения, что напрямую связано с поиском наиболее эффективных организационно-правовых моделей. Учитывая определенную результативность и одобрительное восприятие со стороны населения подобных мер с 1 июня 2025 года планируется их систематизация, которая будет проведена на создания государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. Указанная система аккумулирует около 30 мер борьбы с телефонным и интернет-мошенничеством, которые характеризуется комплексным воздействием на различные сферы жизнедеятельности современного человека. Наиболее актуальными представляются следующие:

- создание единой системы для банков, органов государственной власти и операторов информационных систем, а также агрегаторов, в рамках которой указанные субъекты получают возможность оперативного обмена сведениями о подозрительных номерах и счетах мошенников;
- введение обязанности для банков проверки наличия признаков выдачи средств в банкоматах без добровольного согласия, при выявлении которых выдача соответствующих средств в размере не больше 50 тыс. руб. в сутки ограничивается на 48 часов, а в отношении переводов денежных средств – в случае получения банками от Банка России информации, содержащейся в базе данных

о случаях и попытках осуществления переводов денег без добровольного согласия клиента ограничивается выдача денег через банкоматы до 100 тыс. руб. в месяц;

- закрепление возможности наделения близких лиц статусом уполномоченного, что предполагает доступность подтверждения денежных переводов в пользу третьих лиц и получения наличных средств как со счетов индивида, так и через банкоматы;
- введение запрета, распространяемого на компании и государственных служащих по использованию иностранных мессенджеров при общении с гражданами, в целях обеспечения информационно безопасности;
- введение обязательной маркировки звонков, на основе которой закрепляется возможность для абонентов установления запретов на рекламные обзвоны;
- закрепление возможности использования при взаимодействии с агрегаторами единой биометрической системы для аутентификации [5].

На основе исследования противоправной практики и современных мер по борьбе с телефонным и интернет-мошенничеством видится необходимым выделить следующие проблемы:

- 1) недостаточная информированность граждан, в том числе представителей наиболее уязвимых по отношению к мошенническим действиям категорий населения (пенсионеры, дети, подростки). Несмотря на то, что данное информирование активно проводится в настоящее время, масштабы и активность трансформации противоправной практики имеет опережающий характер, что предопределяет необходимость дальнейшей интенсификации государственного функционирования в данном направлении.
- 2) низкий уровень информационной и цифровой грамотности, как применительно к отдельным наиболее уязвимым категориям населения, так и в целом в отношении новейших технологий. Российское население активно использует смартфоны, планшеты и прочие гаджеты, однако далеко не всегда индивиды обладают необходимыми знаниями и навыками о реагировании на мошеннические посягательства.
- 3) ярко выраженный организованный характер развития телефонного и интернет-мошенничества на территории российского государства, поддерживаемый со стороны зарубежных государств. В настоящее время данная проблема наглядно проявля-

ется в условиях обострения геополитического конфликта с Украиной. Кроме того, значительно осложняет процессы выявления, пресечения и расследования преступных деяний указанной направленности тот факт, что они, как правило, совершаются с территории других государств.

Данная деятельность, безусловно, имеет важнейшее практическое значение, однако комплексное противодействие указанной преступности с учетом ее масштабов и интенсивности развития в настоящее время возможно лишь посредством применения целого комплекса мер (правовых, организационных, информационных, культурных и иных). В данном направлении наблюдается определенный прогресс в связи с созданием государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Список литературы:

[1] Алексеева, А. П. Право граждан на самозапрет получения потребительских кредитов или займов: проблемы и перспективы реализации / А. П. Алексеева, О. И. Белокобыльская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(75). С. 65-69.

[2] Копылов, В. В. Голосовой фишинг / В. В. Копылов, О. М. Прокофьев, А. В. Гайдашов // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Владимир, 17 ноября 2022 года. Том Выпуск 17. Владимир: КопиА-Сервис, 2023. С. 158-165.

[3] Сергеев, А. Ю. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений / А. Ю. Сергеев, О. В. Широкова // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 59-71.

[4] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // Офи-

циальный сайт МВД России [Электронный ресурс] URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 03.05.2025).

[5] Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1574.

Spisok literatury:

[1] Alekseeva, A. P. Pravo grazhdan na samozapret polucheniya potrebitel'skikh kreditov ili zajmov: problemy i perspektivy realizacii / A. P. Alekseeva, O. I. Belokoby'skaya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1(75). S. 65-69.

[2] Kopylov, V. V. Golosovoj fishing / V. V. Kopylov, O. M. Prokof'ev, A. V. Gajdashov // Aktual'ny'e problemy publichnogo prava: Sbornik nauchny'x trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Vladimir, 17 noyabrya 2022 goda. Tom Vy'pusk 17. Vladimir: KopiA-Servis, 2023. S. 158-165.

[3] Sergeev, A. Yu. Moshennichestvo v cifrovom obshhestve v usloviyakh social'ny'x izmenenij / A. Yu. Sergeev, O. V. Shirokova // Cifrovaya sociologiya. 2023. T. 6, № 1. S. 59-71.

[4] Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - dekabr' 2024 goda // Oficial'ny'j sajt MVD Rossii [E'lektronny'j resurs] URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (data obrasheniya: 03.05.2025).

[5] Federal'ny'j zakon ot 01.04.2025 № 41-FZ «O sozdanii gosudarstvennoj informacionnoj sistemy protivodejstviya pravonarusheniyam, sovershaemy'm s ispol'zovaniem informacionny'x i kommunikacionny'x texnologij, i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2025. № 14. St. 1574.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-357-359

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

ЦЕЛОВАЛЬНИКОВА Ирина Юрьевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский
государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: youlaw@rambler.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В процессе развития цифровых технологий важно помнить, что высшей ценностью в правовом государстве являются права и свободы человека и гражданина. Развитие отношений в государстве, независимо от форм взаимодействия субъектов общества, должно строиться на условиях создания свободной, равной и адекватной системы, обеспечивающей полноценную защиту прав и законных интересов всех участников в соответствии с конституционными основами нашего государства.

Таким образом, основной задачей правового регулирования при введении новых правовых институтов является создание способов, обеспечивающих полноценную защиту, как правило, слабой стороны в отношениях – потребителей, в качестве которых выступает все дееспособное, а в ряде случаев и не обладающее полной дееспособностью население Российской Федерации.

Ключевые слова: права потребителей, цифровая среда, инвестиционная деятельность, баланс публичных и частных интересов, права и обязанности владельцев агрегаторов.

TSELOVALNIKOVA Irina Yu.,
associate professor of the department of civil law
of the Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
associate professor, PhD in Law (Moscow)

CONSUMER PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. In the process of developing digital technologies, it is important to remember that the highest value in a state governed by the rule of law are the rights and freedoms of man and citizen. The development of relations in the state, regardless of the forms of interaction between the subjects of society, should be based on the conditions of creating a free, equal and adequate system that ensures full protection of the rights and legitimate interests of all participants in accordance with the constitutional foundations of our state. Thus, the main task of legal regulation in the introduction of new legal institutions is to create ways to ensure full protection, as a rule, of the weak side in the relationship – consumers, which are all capable, and in some cases, the population of the Russian Federation that does not have full legal capacity.

Key words: consumer rights, digital environment, investment activity, balance of public and private interests, rights and obligations.

В настоящее время происходит стремительное развитие общественных отношений, а цифровые технологии придают этим процессам ускорение с геометрической прогрессией. Развитие экономики, безусловно, является одной из приоритетных задач государства, но, еще одно направление должно быть учтено при разработке правовых способов и регулировании новых правовых институтов – это защита прав

потребителей, а именно: создание условий для возможности привлечения к участию широкого круга лиц-потребителей должно быть уравновешено – (а именно:) сопряжено (сопровождаться) созданием адекватных механизмов защиты их прав.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности проявляется в установлении требований к инвестициям, объектам инвестици-

онных вложений, к субъектам инвестиционных правоотношений, а также к самому процессу инвестирования, тем практическим действиям, с помощью которых вкладываются средства инвестора. Государственное регулирование осуществляется также путем формирования инвестиционной, налоговой, амортизационной, ценообразовательной политики. Кроме этого, государственное регулирование связано с поддержкой частных инвесторов, созданием благоприятного климата для инвестирования в определенные объекты. [5, р. 56]

Государство формирует нормативную базу, наделяет специальной компетенцией органы власти и управления, действуя в целях обеспечения публичных интересов общества и поиска баланса частных и общенациональных интересов. Участие государства в инвестиционной деятельности основано, прежде всего, на признаваемой законом правосубъектности государства, его субъектов, отдельных территорий и муниципальных образований и их равноправии в гражданском и хозяйственном обороте. Государство выступает как главный инициатор инвестиционной политики и одновременно как инвестор со всеми принадлежащими инвестору правами. [4, р. 67]

При этом следует признать, что пробелы правового регулирования общественных отношений возникают неизбежно, поскольку общественные отношения движутся поступательным образом, их развитие невозможно остановить и в данном случае речь идет о развитии гражданского оборота как одного из показателей цивилизационного процесса. В силу этого неизбежно должно происходить и происходит изменение сферы воздействия правового регулирования, в которую вовлекаются либо ранее не существовавшие общественные отношения, либо те, что уже существовали ранее, но не требовали именно такой правовой регламентации и именно таких правовых механизмов.

В связи с этим необходимым видится выявление и обоснование направлений и форм совершенствования правового регулирования в направлении восполнения таких пробелов с учетом целей и задач развития соответствующей группы общественных отношений, а также необходимости достижения защиты прав участников гражданского оборота, слабой стороной в которых традиционно выступает потребитель.

Развитие электронной коммерции, в широком смысле этого понятия, значительно облегчает наше существование, уже нет необходимости затрачивать свои ресурсы для походов в продуктовые магазины или торговые центры и мы можем, соответственно, более продуктивно распоряжаться своим временем.

Кроме того, уже нет необходимости вникать в нюансы биржевого дела, так как в рамках инвестиционных (брокерских) счетов ваш личный консультант предложит вам актуальную инвестиционную стратегию, разработанную на основе показателей динамики и соотношения спроса и предложения в рамках биржевой торговой сессии.

Однако, увеличение интереса к приобретению и получению товаров, работ или услуг через различные агрегаторы увеличивает и количество лиц, обращающихся за защитой своих прав как потребителей при взаимодействии с владельцами агрегаторов.

В отношении инвестиционных платформ некоторыми авторами высказывается мнение о том, что участники этих отношений не могут быть рассмотрены как потребители и, соответственно, не имеют право претендовать на защиту своих прав со стороны законодательства о защите прав потребителей.

Основной аргументацией по этому поводу является апеллирование к «рисковому характеру» отношений складывающихся в данной сфере, однако, авторы не учитывают то обстоятельство, что практически все учебники по гражданскому праву указывают на «рисковый характер» всех гражданско-правовых отношений, связанный как с риском исполнения или неисполнения обязательств, так и с возможностью надлежащего исполнения.

При этом, особую группу составляют высоко рисковые отношения, которые не подлежат судебной защите или отношения требующие соблюдения специальных процедурных норм для реализации права на судебную защиту. Кроме того, это представляется не верным, так как данные лица являются участниками финансовых отношений и получателями финансовых услуг, которые ими оплачиваются, и, соответственно, как потребители услуг, хотя и особого рода услуг, они наравне с остальными потребителями товаров, работ или услуг должны быть защищены от нарушений со стороны лиц, осуществляющих деятельность и предоставление финансовых услуг в инвестиционной сфере. [3, р.75]

Если рассматривать непосредственно сферу приложения интересов частных инвесторов на рынке ценных бумаг то, законодательство, а в частности, Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» закрепляет дифференциацию инвесторов, ставя такое разграничение в зависимость от возможности участия в совершении определенных операций на рынке ценных бумаг – так называемые квалифицированные инвесторы. [1, р.7]

Привлечение большого количества инвесторов - основа процветания экономики, способ

стимулирования производства. Инвесторы, осуществляя капиталовложения, способствуют притоку капитала в передовые области экономики. В связи с этим государство устанавливает ряд важных механизмов защиты прав инвесторов, особенно в сфере обращения ценных бумаг. На рынке ценных бумаг, среди наиболее значимых прав инвесторов, особую роль занимает право на информацию. Право на информацию подразумевает обеспечение ее доступности всем заинтересованным в этом лицам, независимо от целей получения данной информации, в соответствии с процедурой, гарантирующей ее нахождение и получение. Гарантией таких прав выступает возможность получения инвестором информации, связанной: с ежеквартальными отчетами; консолидированной финансовой отчетностью; существенными факторами, которые в случае их раскрытия могут оказать значительное влияние на стоимость или котировки эмиссионных ценных бумаг эмитента. [2, р.46]

В этом ряду стоят и права на получение консультации от профессиональных участников данных отношений. Таким образом, широкое привлечение частных инвесторов должно быть сопряжено созданием системы, обеспечивающей гарантию их прав при инвестировании на рынке ценных бумаг.

Еще одним риском для инвесторов-потребителей на рынке ценных бумаг может стать широкое вовлечение в оборот цифровых финансовых активов. Как правило, данный инструмент используется в качестве производного финансового инструмента, однако производность финансового инструмента основана всегда на определенном базисном активе и, конечно, корреляция данных объектов связана и корреляцией рисков, возникающих при их обращении.

Так, неоднозначную оценку в правовом сообществе получил такой инструмент как секьюритизация. В существующих правовых условиях его нормальное функционирование может быть обеспечено лишь добросовестностью участников отношений, которая не гарантируется со стороны государства. Все это свидетельствует о необходимости создания правовых способов регулирования исследуемых отношений, направленных на обеспечение баланса интересов всех участников инвестиционных отношений в цифровой среде и потребителей в том числе.

Список литературы:

[1] Быкова И.С. Направления гражданско-правовой защиты прав инвесторов на рынке ценных бумаг. // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Электронный сборник статей по материалам XXVIII студенческой международной научно-практической конференции. 2017. С. 6 – 12

[2] Самигулина А.В. Гражданско-правовая защита прав инвесторов в процессе эмиссии и обращения ценных бумаг // Вестник арбитражной практики. 2021. N 1. С. 45 - 53.

[3] Фролкина Е.Н. Правовое регулирование защиты прав инвесторов в процессе эмиссии ценных бумаг // Экономика. Налоги. Право. 2012. N 10. С. 71 - 78.

[4] Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. С. 65-66.

[5] Целовальникова Ирина Юрьевна. Гражданско-правовое регулирование инвестиционной деятельности : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. - Ростов-на-Дону, 2005. - 222 с.

Spisok literatury:

[1] Bykova, I.S. Napravleniya grazhdansko-pravovoj zashchity prav investorov na rynke cennyh bumag. // Nauchnoe soobshchestvo studentov. Mezhdisciplinarnye issledovaniya. Elektronnyy sbornik statej po materialam XXVIII studencheskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 6 – 12

[2] Samigulina, A.V. Grazhdansko-pravovaya zashchita prav investorov v processe emissii i obrashcheniya cennyh bumag // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2021. N 1. S. 45 - 53.

[3] Frolkina, E.N. Pravovoe regulirovanie zashchity prav investorov v processe emissii cennyh bumag // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2012. N 10. S. 71 - 78.

[4] Celoval'nikova, I.Yu. Pravovoe regulirovanie investicionnoj deyatelnosti: monografiya. M.: Yuridicheskij institut MIITa, 2013. S. 65-66.

[5] Celoval'nikova, Irina Yur'evna. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie investicionnoj deyatelnosti : dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.03. - Ростов-na-Donu, 2005. - 222 s.

НОВАКОВА Ксения Александровна,
заместитель начальника кафедры
исследования документов учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: ksenya_novakova@mail.ru

ТАРАН Александра Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: taran_aleksandra86@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные возможности применения технологий искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности МВД России. Особое внимание уделяется автоматизации анализа цифровых доказательств, повышению эффективности криминалистических исследований, а также предикативному анализу и прогнозированию преступности с использованием ИИ. Анализируются преимущества внедрения интеллектуальных систем, такие как ускорение обработки данных, повышение точности экспертиз и прогнозирование преступных действий. Вместе с тем обсуждаются существующие проблемы и ограничения — защита данных, прозрачность алгоритмов и необходимость соответствующего правового регулирования. Представлены перспективные направления развития, включая стандартизацию, интеграцию комплексных систем и повышение квалификации специалистов. Работа подчеркивает важность использования ИИ для повышения оперативности и качества работы органов внутренних дел в условиях цифровизации и роста информационных потоков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экспертно-криминалистическая деятельность, МВД России, автоматизация анализа, криминалистические исследования, предикативный анализ, прогнозирование преступности, цифровые доказательства, цифровизация, правовое регулирование.

NOVAKOVA Ksenia Aleksandrovna,
Deputy Head of the Department of Document Research
of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Police Colonel

TARAN Alexandra Vladimirovna,
lecturer of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science
of the Stavropol branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSIC EXPERT ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. The article discusses modern possibilities of using artificial intelligence technologies in forensic activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Particular attention is paid to the automation of digital evidence analysis, increasing the efficiency of forensic research, as well as predictive analysis and forecasting of crime using AI. The advantages of implementing intelligent systems, such as accelerating data

processing, increasing the accuracy of examinations and forecasting criminal acts, are analyzed. At the same time, existing problems and limitations are discussed - data protection, transparency of algorithms and the need for appropriate legal regulation. Promising areas of development are presented, including standardization, integration of complex systems and advanced training of specialists. The work emphasizes the importance of using AI to improve the efficiency and quality of work of internal affairs agencies in the context of digitalization and growth of information flows.

Key words: *artificial intelligence, forensic science, Ministry of Internal Affairs of Russia, automation of analysis, forensic research, predictive analysis, crime forecasting, digital evidence, digitalization, legal regulation.*

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационного пространства вопросы совершенствования экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации приобретают особую значимость. Рост преступности, совершенствование способов совершения правонарушений, активное внедрение кибертехнологий и появление новых форм цифровых доказательств требуют перехода к инновационным методам раскрытия и расследования преступлений.

Традиционные экспертные методы, основанные преимущественно на ручном анализе и опыте специалистов, зачастую оказываются недостаточными для современных задач. Высокая скорость обработки информации, разнообразие источников цифровых следов и сложность взаимосвязей между объектами расследования создают объективную потребность в автоматизации и интеллектуализации экспертных процедур.

На этом фоне искусственный интеллект (Далее - ИИ) становится одним из ключевых драйверов развития экспертно-криминалистической деятельности, открывая возможности для качественно нового уровня анализа улик, прогнозирования потенциальных угроз, выявления скрытых закономерностей и ускорения процессуальных решений. Под ИИ понимаются технологии, способные к самообучению, анализу больших объемов данных, моделированию сценариев и принятию решений с минимальным участием человека.

Особую актуальность применение ИИ приобретает для Министерства внутренних дел России, обладающего комплексной структурой и широким спектром полномочий, требующих оперативного реагирования на вызовы современной преступности. Внедрение интеллектуальных систем позволяет не только повысить эффективность проведения экспертиз, но и оптимизировать рабочие процессы, повысить объективность экспертных заключений и сократить влияние человеческого фактора.

Рассмотрим основные направления применения ИИ. Во-первых, это автоматизация анализа

цифровых доказательств. Анализ цифровых доказательств — одна из самых сложных и трудоёмких задач в работе экспертов и следователей МВД. Большие объёмы данных, их сложная структура и разнообразие источников (видео, аудио, текстовые документы, фотографии, данные с мобильных устройств и соцсетей) затрудняют ручную обработку и требуют значительных временных и кадровых ресурсов. Именно здесь на помощь приходит ИИ, который способен автоматизировать многие процессы и значительно ускорить работу с доказательствами. С помощью технологий машинного обучения и обработки естественного языка ИИ-системы способны автоматически распознавать и классифицировать изображения и видео, определять лица, анализировать аудио записи, переводя речь в текст и выявляя ключевые данные, а также проводить проверку документов на предмет подделок и изменений, что значительно сокращает человеческий фактор и снижает вероятность ошибок, связанных с усталостью или субъективной оценкой эксперта [1].

Кроме того, системы ИИ помогают обнаруживать связи между разрозненными или скрытыми сведениями, что часто невозможно сделать традиционными методами. Например, ИИ анализирует не только сами доказательства, но и может сопоставлять их с огромными массивами данных — базами уголовных дел, финансовыми транзакциями, записями телефонов и социальными сетями, что позволяет выявлять ранее неочевидные закономерности и возможных участников преступлений, ускоряя раскрытие [2].

Помимо изложенного, автоматизация также затрагивает работу с текстовыми материалами: ИИ переводит аудио- и видеозаписи допросов в текстовые протоколы, сопоставляет показания различных свидетелей, выявляет противоречия и несоответствия. Такой подход помогает следователям более качественно и быстро анализировать информацию, формировать обоснованные выводы и сокращать время на подготовку процессуальных документов [3].

Во-вторых, повышение эффективности криминалистических исследований. ИИ открывает новые возможности для повышения эффектив-

ности криминалистических исследований, делая работу экспертов более точной и оперативной. Одно из ключевых направлений — автоматизация процессов сбора, обработки и анализа улик. К примеру, современные нейросети умеют распознавать отпечатки пальцев с высокой точностью, быстро идентифицировать лица по фотографиям и видеозаписям, а также проводить сравнительный анализ биологических следов, таких как ДНК, что значительно сокращает время, которое ранее уходило на ручной труд и исключает возможные ошибки, связанные с человеческим фактором [4]. ИИ помогает выявлять сложные взаимосвязи и закономерности между различными уликами и событиями. Подобный анализ с использованием алгоритмов машинного обучения позволяет экспертам быстрее находить подозреваемых и устанавливать факты преступлений, которые традиционными методами могли остаться незамеченными. К примеру, при реконструкции ДТП или анализе причин пожаров системы на базе ИИ способны воссоздавать события даже при недостатке информации, что повышает точность экспертиз [4].

Важным инструментом являются интеллектуальные камеры с функцией автоматического обзора и стабилизации изображения (PTZ-камеры), которые сами поворачиваются и приближают объект, охватывая большую площадь съемки и помогая создавать более качественную фото- и видеодокументацию происшествий. Такое оборудование вместе с ИИ позволяет ускорить фотосъемку места преступления и улучшить качество материала, необходимого для последующего анализа [5].

Обработка больших объемов цифровых данных с помощью ИИ также позволяет сократить нагрузку на экспертов и освободить время для решения более сложных задач. Автоматизация рутинных процессов, таких как сортировка и первичный отбор данных, дает возможность специалистам сосредоточиться на анализе ключевых элементов дела и выработке выводов. Кроме того, применение ИИ способствует стандартизации экспертных процедур и повышает объективность результатов.

В-третьих, предикативный анализ и прогнозирование преступности. Предиктивный анализ с использованием ИИ становится важным инструментом в современном правоприменении, включая деятельность МВД России. Суть предиктивного анализа заключается в обработке больших массивов данных о предыдущих преступлениях для выявления закономерностей и создания моделей, способных прогнозировать вероятное развитие событий и риски совершения новых преступлений в конкретных местах и в определенное время [6].

Современные ИИ-системы, обученные на основе исторических данных, учитывают такие параметры, как тип преступления, место, время, а также сопутствующие факторы (например, социально-экономическую ситуацию или сезонные изменения). На основе этих данных создаются вероятностные карты и прогнозы, которые помогают правоохранительным органам эффективнее планировать патрулирование и оперативные мероприятия, сосредотачивая силы в зонах повышенного риска. Технологии предиктивной аналитики позволяют не только реагировать на уже произошедшие преступления, но и заглядывать вперед, выявляя потенциальные очаги преступности. ИИ-модели могут прогнозировать вероятность совершения таких преступлений, как кражи, грабежи или нападения в конкретных городских кварталах с точностью до ближайшей недели, что даёт возможность более целенаправленно распределять ресурсы и предотвращать преступления ещё на стадии планирования.

Однако использование подобных систем требует осторожности. Важно учитывать этические и правовые аспекты, связанные с обработкой персональных данных и возможными ошибками прогнозов, которые могут привести к необоснованному усилению полицейского контроля в тех или иных районах. Опыт зарубежных стран показывает, что излишняя зависимость от ИИ в вопросах прогнозирования преступности может привести к неправильным решениям и вызвать общественное недоверие [7].

В России работа в данном направлении также ведётся, в том числе в рамках межведомственных программ по применению ИИ в расследовании и оперативно-розыскной деятельности. Уже реализуются проекты, направленные на создание платформ, соединяющих аналитические данные с экспертным опытом, что позволяет существенно повысить качество и обоснованность уголовного преследования [6].

В-четвертых, улучшение судебных экспертиз. Внедрение ИИ в систему судебных экспертиз открывает новые горизонты для повышения качества, объективности и скорости проведения исследований. Современные ИИ-технологии позволяют значительно упростить и ускорить процесс сбора, анализа и оформления экспертных данных, а также минимизировать влияние человеческого фактора, который нередко может приводить к ошибкам и субъективным интерпретациям. Одним из весомых преимуществ ИИ является возможность обработки больших объемов информации и выявления скрытых закономерностей, которые трудно заметить при традиционных методах. Алгоритмы машинного обучения способны распознавать лица, анализировать аудиовизуальные материалы, выявлять следы

манипуляций с цифровыми доказательствами, а также проводить автоматическую проверку большого массива данных, что существенно снижает время на подготовку экспертного заключения и повышает его достоверность.

Анализируя вышеизложенное, мы видим, что использование ИИ в экспертно-криминалистической деятельности МВД России приносит ряд важных преимуществ. Кроме того, что ИИ способен значительно ускорить обработку огромных массивов данных, с которыми ежедневно сталкиваются следователи и эксперты, он значительно повышает точность и надежность экспертиз, исключая многие ошибки, которые могут возникнуть из-за человеческого фактора — усталости, субъективности или недостатка опыта. Машинное обучение позволяет алгоритмам выявлять закономерности в данных, помогает экспертам делать более обоснованные и объективные выводы, что особенно важно при сложных исследованиях, таких как анализ ДНК, баллистика, реконструкция происшествий.

Однако, применение ИИ в криминалистике сталкивается так же с рядом проблем и ограничений. Используя ИИ, встает вопрос обеспечения защиты и конфиденциальности данных, особенно персональной информации, что требует строгого соблюдения правовых норм и этических стандартов, нарушение которых может привести к судебным спорам и снижению доверия общества к правоохранительным органам. Обращаем внимание, что алгоритмы ИИ не лишены ошибок, точность их работы зависит от качества обучающих данных, поскольку при наличии неточных или неполных данных модель может давать неправильные прогнозы или неверные результаты анализов. А это в свою очередь особенно критично в судебно-экспертной практике, где любая ошибка может повлиять на судьбу человека. Помимо прочего, остаётся проблемой «чёрный ящик» ИИ — неполная прозрачность и объяснимость решений, которые они выдают. Эксперты и суды должны понимать, на какой основе были приняты выводы, чтобы иметь возможность оценить их достоверность, поскольку без этого возникают риски неправильного толкования результатов и юридических споров [8].

В будущем применение искусственного интеллекта в экспертно-криминалистической деятельности МВД России будет стремительно развиваться и расширяться. Планируется автоматизировать большие части анализа улик, включая использование ИИ для распределения дел по сложности и прогнозированию результатов экспертиз, что позволит повысить эффективность работы экспертных подразделений. Перспективным направлением остается создание комплекс-

ных систем поддержки принятия решений, объединяющих данные из разных источников — базы МВД, социальные сети, СМИ и другие — для более полной и быстрой оценки ситуации. Такие системы позволят следователям находить скрытые связи между преступлениями и уличать организованные преступные группы. Важна разработка и внедрение национальных стандартов и нормативных документов, регулирующих применение ИИ в криминалистике, что повысит юридическую надёжность результатов и обеспечит защиту прав граждан.

Развитие технологий и повышение квалификации кадров позволит постепенно решать текущие проблемы, а интеграция ИИ с другими современными инструментами — 3D-моделированием, биометрией, обработкой больших данных — сделает экспертно-криминалистическую деятельность более точной, эффективной и адаптированной к новым вызовам преступности.

Таким образом, мы видим, что искусственный интеллект имеет потенциал стать надежным помощником МВД в расследовании и предупреждении преступлений, повышая уровень безопасности и доверия общества к правоохранительным органам. Важно продолжать совершенствовать правовое регулирование, внедрять современные технологии, а также повышать квалификацию специалистов для максимального использования возможностей ИИ в борьбе с преступностью.

Список литературы:

- [1] Искусственный интеллект в криминалистике. Интернет-ресурс, URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статья: Искусственный интеллект в криминалистике. (дата обращения 21.07.2025).
- [2] Смирнов А. В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее?, Уголовное судопроизводство № 01/2024.
- [3] Искусственный интеллект поможет следователям: МВД запустило новый проект. Интернет-ресурс, URL: <https://polisia.kz/ru/iskusstvennyj-intellekt-pomozhet-sledovatelyam-mvd-zapustilo-novyyj-proekt/>. (дата обращения 21.07.2025).
- [4] Перелыгин А. Е. Применение искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: возможности и этические вопросы // Актуальные исследования. 2023. №52 (182). Ч.II. С. 44-46. URL: <https://apni.ru/article/8027-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-krimin/>
- [5] Автоматизация отдельных отраслей криминалистической техники с помощью внедрения искусственного интеллекта и умных камер. Интернет-ресурс, URL: <https://conf.siblu.ru/>

avtomatizaciya-otdelnyh-otrasley-kriminalisticheskoy-tehniki-s-pomoshchyu-vnedreniya-iskusstvennogo. (дата обращения 21.07.2025).

[6] Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н. Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 200–206; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3- 200-206.

[7] Чикагские ученые разработали искусственный интеллект, предсказывающий преступления. Интернет-ресурс, URL: <https://rg.ru/2022/07/01/iskusstvennyj-intellekt-predskazhet-prestupleniia.html>. (дата обращения 21.07.2025).

[8] Бахтеев Дмитрий Валерьевич Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №2 (104).

Spisok literatury:

[1] Iskusstvennyj intellekt v kriminalistike. Internet-resurs, URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Statya:Iskusstvennyj_intellekt_v_kriminalistike. (дата обращения 21.07.2025).

[2] Smirnov A. V. E'lektronny'e dokazatel'stva, e'lektronnoe dokazyv'anie, iskusstvennyj intellekt: chto dalee?, Ugolovnoe sudoproizvodstvo № 01/2024.

[3] Iskusstvennyj intellekt pomozhet sledovatelyam: MVD zapustilo novyj proekt. Inter-

net-resurs, URL: <https://polisia.kz/ru/iskusstvennyj-intellekt-pomozhet-sledovatelyam-mvd-zapustilo-novyy-proekt/>. (дата обращения 21.07.2025).

[4] Perelygin A. E. Primenenie iskusstvennogo intellekta v kriminalisticheskom analize: vozmozhnosti i e'ticheskie voprosy // Aktual'nye issledovaniya. 2023. №52 (182). Ch.II. S. 44-46. URL: <https://apni.ru/article/8027-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-krimin/>

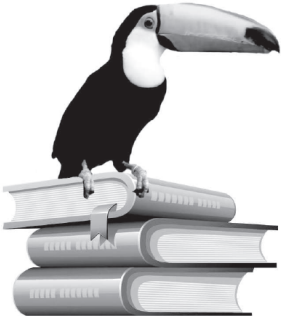
[5] Avtomatizaciya otdel'nyx otraslej kriminalisticheskoy texniki s pomoshch'yu vnedreniya iskusstvennogo intellekta i umnyx kamer. Internet-resurs, URL: <https://conf.siblu.ru/avtomatizaciya-otdelnyh-otrasley-kriminalisticheskoy-tehniki-s-pomoshchyu-vnedreniya-iskusstvennogo>. (дата обращения 21.07.2025).

[6] Kostenko R. V., Il'yashenko A. N. Budushhee ugovnogo pravosudiya: rol' iskusstvennogo intellekta v prediktivnoj analitike // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 3 (103). – С. 200–206; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3- 200-206.

[7] Chikagskie uchenye razrabotali iskusstvennyj intellekt, predskazyvayushhij prestupleniya. Internet-resurs, URL: <https://rg.ru/2022/07/01/iskusstvennyj-intellekt-predskazhet-prestupleniia.html>. (дата обращения 21.07.2025).

[8] Bakteev Dmitriy Valer'evich Iskusstvennyj intellekt v kriminalistike: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2018. №2 (104).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЖАНЖАРОВ Яков Борисович,
магистрант Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: jacobszh@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли искусственного интеллекта (ИИ) в юридической сфере с акцентом на применение для систематизации законодательства, анализа ключевых направлений использования ИИ, включая автоматизацию обработки документов, прогностическую аналитику, выявление коллизий в нормативных актах и улучшение доступа к правовой информации. В работе подробно рассматриваются преимущества ИИ, такие как повышение эффективности юридической работы, снижение количества ошибок и расширение возможностей анализа больших данных. Особое внимание уделяется систематизации законодательства, где ИИ демонстрирует способность классифицировать, обновлять и консолидировать правовые акты, что значительно упрощает работу юристов. Однако автор также отмечает ограничения и риски, связанные с внедрением ИИ, включая вопросы этики, конфиденциальности данных, ответственности за решения и необходимость адаптации правовых норм к новым технологическим реалиям. Статья подчеркивает, что ИИ не заменяет юристов, а служит инструментом, который требует дальнейшего изучения и регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, систематизация законодательства, юридическая аналитика, автоматизация, машинное обучение, ИИ.

ZHANZHAROV Yakov Borisovich,
Master's student of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE MECHANISMS IN SYSTEMATIZATION IN LEGISLATION

Annotation. The article is devoted to the study of the role of artificial intelligence (AI) in the legal field, with an emphasis on the application for the systematization of legislation, analysis of key areas of use of AI, including automation of document processing, predictive analytics, identification of conflicts in regulations and improving access to legal information. The paper examines in detail the advantages of AI, such as improving the efficiency of legal work, reducing errors, and expanding the capabilities of big data analysis. Special attention is paid to the systematization of legislation, where AI demonstrates the ability to classify, update and consolidate legal acts, which greatly simplifies the work of lawyers. However, the author also notes the limitations and risks associated with the introduction of AI, including issues of ethics, data privacy, responsibility for decisions, and the need to adapt legal norms to new technological realities. The article emphasizes that AI does not replace lawyers, but serves as a tool that requires further study and regulation.

Key words: artificial intelligence, systematization of legislation, legal analytics, automation, machine learning, AI.

Интеграция искусственного интеллекта в юриспруденцию активно развивается, оптимизируя юридические процедуры и повышая их эффективность. ИИ применяется для автоматизации рутинных задач и анализа больших объемов правовых данных. Рост интереса к этим тех-

нологиям связан не только с повышением продуктивности, но и с необходимостью адаптации к динамичным изменениям в правовой сфере [5; 12].

Одним из наиболее важных направлений использования ИИ в юриспруденции является

автоматизированная обработка документации. В юридической деятельности существует большое количество повторяющихся задач, связанных с созданием и анализом документов, таких как договоры, соглашения и судебные решения. Применение ИИ дает возможность значительно уменьшить время, требуемое для выполнения этих задач, а также уменьшить риск человеческих ошибок. Современные ИИ-системы могут распознавать и анализировать текстовые документы, определяя ключевые элементы, такие как условия, ответственность сторон и сроки исполнения. Это предоставляет новые возможности для юристов, позволяя им уделять больше внимания сложным и креативным аспектам своей деятельности, таким как стратегическое планирование и консультирование [6].

В юриспруденции ИИ применяется в прогностической аналитике: системы на базе машинного обучения анализируют судебные прецеденты, выявляя тенденции и прогнозируя исходы дел. Это помогает юристам оценивать шансы на успех и разрабатывать эффективные стратегии. Такие технологии повышают качество и доступность юридических услуг за счёт быстрой обработки больших массивов данных.

Немаловажным аспектом использования ИИ в юриспруденции является систематизация правовых норм [5; 8]. Современные правовые системы зачастую отличаются высокой степенью сложности и запутанности, что затрудняет их понимание и применение. ИИ может способствовать созданию систем, автоматически классифицирующих и упорядочивающих законодательные акты, делая их более понятными для пользователей. Например, с помощью алгоритмов обработки естественного языка можно создать базы данных, которые будут автоматически обновляться и структурироваться в соответствии с последними изменениями в законодательстве [2; 11; 12]. Это существенно облегчает работу юристов и позволяет им оперативно находить необходимую информацию [9].

Искусственный интеллект способен анализировать прецедентное право и обнаруживать закономерности, что критически важно при построении правовой стратегии. ИИ-системы способны обрабатывать обширные объемы судебных вердиктов, выделяя ключевые факторы, влияющие на результаты разбирательств [4]. Это содействует юристам в подготовке более убедительных доводов и разработке результативных стратегий ведения процесса. Применение подобных технологий дает возможность идентифицировать потенциальные опасности и перспективы, что особенно ценно в динамичном правовом пространстве.

Не менее значимо применение ИИ в вопросах юридической этики и соответствия ее правилам. ИИ-системы способны содействовать контролю за соблюдением этических норм и стандартов, что особенно актуально для крупных юридических организаций и корпоративных юридических отделов [3]. К примеру, ИИ может анализировать внутреннюю коммуникацию организации, выявляя возможные нарушения или конфликты интересов. Это позволяет не только предотвратить юридические риски, но и повысить уровень доверия к компании со стороны клиентов и партнеров.

Тем не менее, невзирая на все преимущества, применение ИИ в юриспруденции влечет за собой определенные трудности и опасности. Одна из них – необходимость обеспечения конфиденциальности и защиты информации [1]. Юридические сведения зачастую включают конфиденциальные данные, и использование ИИ для их обработки требует неукоснительного соблюдения правил защиты данных. Это обязывает юридические фирмы и компании разрабатывать и внедрять соответствующие меры безопасности, чтобы предотвратить утечку информации и обеспечить соблюдение прав клиентов [1; 3; 12].

Дополнительно возникает вопрос о юридической ответственности за действия, совершаемые с использованием ИИ. Если ИИ-система принимает решение, влекущее негативные последствия для клиента, встает вопрос о том, кто несет ответственность: создатели системы, юридическая фирма или непосредственно юрист. Это требует дальнейшего исследования и разработки новых правил и стандартов, учитывающих специфику применения ИИ в юридической отрасли [7; 10; 12].

Внедрение ИИ в юриспруденцию открывает новые возможности: автоматизацию документооборота, прогнозирование судебных решений, систематизацию законодательства и контроль за соблюдением этических норм. Однако это требует разработки четких правил и стандартов. Успех интеграции зависит от способности юристов эффективно использовать технологии, сохраняя профессиональные и этические принципы.

В настоящее время ИИ имеет следующие ключевые возможности [3; 5; 12]:

1. Автоматизированный поиск и извлечение информации.

ИИ позволяет преодолеть ограничения традиционных поисковых систем, оперирующих ключевыми словами. Он способен анализировать смысл запроса, учитывать контекст и выявлять релевантные акты, даже если в них не содержатся точные совпадения с заданными словами. ИИ может автоматически извлекать конкретные

положения, определения, и требования из больших объемов текста, значительно сокращая время, затрачиваемое юристами на поиск необходимой информации.

2. Классификация и категоризация.

ИИ может автоматически классифицировать нормативные акты по отраслям права, видам, территориальной сфере действия, степени важности и другим критериям. Это позволяет создавать структурированные базы данных, облегчающие навигацию и поиск. Технологии машинного обучения (например, алгоритмы классификации на основе обучения с учителем) позволяют системе обучаться на примерах и со временем повышать точность классификации.

3. Выявление противоречий и коллизий.

Одной из наиболее перспективных областей применения ИИ является выявление противоречий и коллизий между нормативными актами. ИИ может анализировать содержание различных актов, выявлять несоответствия в определениях, требованиях, и санкциях, предоставляя юристам информацию для устранения этих противоречий. Алгоритмы, работающие с логическими правилами и семантическим анализом, способны находить скрытые коллизии, которые трудно обнаружить при ручном анализе.

4. Прогнозирование и анализ последствий.

ИИ может использоваться для прогнозирования последствий принятия новых нормативных актов, основываясь на анализе исторических данных и прецедентов. Он может моделировать различные сценарии и оценивать потенциальное влияние новых норм на экономику, социальную сферу, и другие области. Это позволяет более обоснованно принимать управленческие решения и избегать нежелательных последствий [8; 12].

5. Автоматическое обновление и консолидация.

ИИ может отслеживать изменения в законодательстве и автоматически обновлять базы данных нормативных актов. Он может консолидировать различные редакции актов, отображать историю изменений, и показывать действующую редакцию. Это обеспечивает актуальность и достоверность информации, что критически важно для юристов и других специалистов, работающих с нормативными актами.

6. Помощь в составлении документов.

На основе анализа большого массива нормативных актов и судебной практики ИИ может помогать в составлении юридических документов, таких как иски, договоры, и заключения. Он может предлагать стандартные формулировки, выявлять потенциальные риски, и проверять соответствие документов действующему законодательству.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в юридическую сферу открывает ряд значительных преимуществ [1; 5; 12]:

1. Существенно возрастает продуктивность и оперативность работы.

ИИ может автоматизировать повторяющиеся и ресурсоемкие операции, включая поиск релевантной информации, обработку документации, подготовку стандартных контрактов и исковых заявлений. Это позволяет юристам высвободить время для решения более комплексных и нестандартных задач, требующих креативного подхода.

2. Улучшается глубина анализа и точность прогнозирования.

Машинное обучение способно анализировать колоссальные массивы юридических данных (законодательство, судебную практику, научные публикации) для выявления скрытых связей, тенденций и прецедентов, не всегда очевидных для человека. Это обеспечивает более обоснованные прогнозы относительно перспектив дела и разработку более эффективных правовых стратегий.

3. Уменьшается риск возникновения ошибок.

Автоматизация рабочих процессов и применение ИИ для контроля документов сводят к минимуму вероятность человеческих упущений, которые могут повлечь серьезные последствия в юридической деятельности.

4. Расширяется доступ к юридической помощи.

ИИ способен помочь гражданам в получении юридических консультаций и информации по простым вопросам, даже при ограниченных финансовых возможностях. Чат-боты и онлайн-сервисы, использующие ИИ, могут предоставлять первичные юридические консультации и содействовать в оформлении простых юридических документов.

5. Происходит автоматизация процедур соответствия нормативным требованиям.

ИИ может отслеживать изменения в законодательстве и подзаконных актах, а также контролировать соблюдение политик комплаенса внутри организации. Это позволяет компаниям избегать штрафных санкций и других негативных последствий за нарушение правовых норм.

6. Оптимизируется управление юридической организацией.

ИИ может применяться для автоматизации административных задач, связанных с управлением юридической практикой, включая учет рабочего времени, выставление счетов клиентам и поддержание клиентских отношений [1].

Ограничения применения искусственного интеллекта в юридической сфере [7; 9; 11; 12]:

1. Ограничение в искусственного интеллекта в юридической практике.

ИИ, несмотря на успехи в анализе информации и выявлении трендов, испытывает сложности с проявлением креативности и интуитивного мышления, которые зачастую критически важны для разрешения сложных юридических коллизий.

2. Функционирование ИИ напрямую обусловлено качеством и объемом обучающих данных.

Недостаточность, предвзятость или устаревание этих данных неизбежно приводят к ошибочным выводам и неверным решениям.

3. Отсутствие ответственности за неверное решение.

В случае неверного решения ИИ никак не будет ответственен за ответ и никакие санкции на него наложить не получится.

4. Отсутствие эмоционального интеллекта препятствует эффективному взаимодействию ИИ с клиентами, свидетелями и другими участниками судебного процесса.

ИИ не способен распознавать эмоции, формировать доверительные отношения и адаптировать коммуникацию к специфическим обстоятельствам.

5. Появление вопроса этического характера.

Внедрение ИИ в юриспруденцию ставит острые вопросы этического характера, касающиеся защиты конфиденциальных данных, потенциальной предвзятости алгоритмов и определения ответственности за ошибки, допущенные ИИ.

6. Трудности с толкованием и разъяснением результатов.

Принцип работы некоторых алгоритмов машинного обучения непрозрачен и сложен для понимания, что затрудняет предоставление понятных объяснений клиентам и суду.

7. Ограниченное восприятие контекста.

ИИ может сталкиваться с проблемами в понимании тонкостей человеческого языка и контекстуальных особенностей, что потенциально ведёт к некорректной интерпретации юридических документов и ситуаций.

8. Высокие требования к квалификации персонала.

Разработка, внедрение и поддержка систем ИИ в юриспруденции требуют наличия специалистов, обладающих глубокими знаниями в области права, информационных технологий и машинного обучения.

9. Угрозы безопасности.

Системы, основанные на ИИ, уязвимы для кибератак и несанкционированного доступа, что несёт риски утечки конфиденциальной информации и сбоев в работе.

10. Необходимость нормативного регулирования.

Использование ИИ в юридической практике требует разработки чётких правовых и этических норм, регулирующих его применение и обеспечивающих защиту прав и интересов граждан [12].

Таким образом, искусственный интеллект значительно повышает эффективность юридической работы, но имеет свои ограничения и риски. Важно понимать, что ИИ – это инструмент для помощи юристам, а не их замена. Для успешного внедрения технологий ИИ, включая генеративный ИИ, необходим сбалансированный подход, учитывающий как технологические возможности, так и этические нормы.

Список литературы:

- [1] Веселов Ю. Г. К вопросу планирования и анализа разрабатываемых нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти с использованием систем искусственного интеллекта // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – №. 3 (66). – С. 409.
- [2] Виноградова Е.В. регулирование использования механизмов искусственного интеллекта при формировании системного российского законодательства, на основе конституционных принципов // образование и право. – 2024. – №. 4. – с. 19-23.
- [3] Еремина Е. Юридическая техника: использование в современных условиях искусственного интеллекта. – Litres, 2024. – С. 40-45.
- [4] Заплатина Т. С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник университета имени ОЕ Кутафина. – 2019. – №. 4 (56). – С. 160-168.
- [5] Иванов, П. А. Искусственный интеллект в праве: новые подходы и технологии / П. А. Иванов. – Москва: Юрайт, 2022. – 220 с.
- [6] Козырева А. А., Девяткин Д. А. Использование механизмов искусственного интеллекта в процессе систематизации российского и международного законодательства // Международный правовой курьер. – 2020. – №. 1-2. – С. 14-17.
- [7] Кроткова Н. В., Минбалева А. В., Полякова Т. А. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. – 2018. – №. 9. – С. 138-148.
- [8] Молодцов Т. Р. Искусственный интеллект как способ оптимизации нормотворческого процесса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – №. 3. – С. 12-15.
- [9] Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2021. – №. 5 (81). – С. 188-191.

[10] Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического прогресса: формирование, реализация, защита : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 200 с. – ISBN 978-5-16-018300-8. – EDN LFMYSX.

[11] Смирнова, Е. В. Механизмы искусственного интеллекта в правовой системе: анализ и перспективы / Е. В. Смирнова. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 180 с.

[12] Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, А. И. Сидоренко [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

Spisok literatury:

[1] Veselov Yu. G. K voprosu planirovaniya i analiza razrabatyvaemyx normativnyx pravovyx aktov federal'nyx organov ispolnitel'noj vlasti s ispol'zovaniem sistem iskusstvennogo intellekta // *Alleya nauki*. – 2022. – Т. 1. – №. 3 (66). – С. 409.

[2] Vinogradova E.V. regulirovanie ispol'zovaniya mexanizmov iskusstvennogo intellekta pri formirovani sistemnogo rossijskogo zakonodatel'stva, na osnove konstitucionnyx principov // *obrazovanie i pravo*. – 2024. – №. 4. – с. 19-23.

[3] Eremina E. Yuridicheskaya tekhnika: ispol'zovanie v sovremennyx usloviyax iskusstvennogo intellekta. – Litres, 2024. – С. 40-45.

[4] Zaplatina T. S. Iskusstvennyj intellekt v voprose vy'neseniya sudebnyx reshenij, ili li-sud'ya // *Vestnik universiteta imeni OE Kutafina*. – 2019. – №. 4 (56). – С. 160-168.

[5] Ivanov, P. A. Iskusstvennyj intellekt v prave: novye podkhody i tekhnologii / P. A. Ivanov. – Moskva: Yurajt, 2022. – 220 s.

[6] Kozy'reva A. A., Devyatkin D. A. Ispol'zovanie mexanizmov iskusstvennogo intellekta v processe sistematizacii rossijskogo i mezhdunarodnogo zakonodatel'stva // *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er*. – 2020. – №. 1-2. – С. 14-17.

[7] Krotkova N. V., Minbaleev A. V., Polyakova T. A. Obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Informacionnoe prostranstvo: obespechenie informacionnoj bezopasnosti i pravo– Pervye Bachilovskie chteniya // *Gosudarstvo i pravo*. – 2018. – №. 9. – С. 138-148.

[8] Molodczov T. R. Iskusstvennyj intellekt kak sposob optimizacii normotvorcheskogo processa // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal*. – 2019. – №. 3. – С. 12-15.

[9] Momotov V. V. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispol'zovaniya // *Vestnik Universiteta imeni OE Kutafina*. – 2021. – №. 5 (81). – С. 188-191.

[10] Правовой статус личности на современном этапе научно-технологического прогресса: формирование, реализация, защита : научно-практическое пособие / Н. В. Антонова, Х. И. Гаджиев, С. А. Грачева [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 200 с. – ISBN 978-5-16-018300-8. – EDN LFMYSX.

[11] Смирнова, Е. В. Механизмы искусственного интеллекта в правовой системе: анализ и перспективы / Е. В. Смирнова. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 180 с.

[12] Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, А. И. Сидоренко [и др.]. – Москва : Обшhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Prospekt, 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

НОВИКОВА Арина Алексеевна,
студент, Новосибирский государственный университет,
e-mail: a.novikova3@g.nsu.ru

ИВАНОВА Полина Андреевна,
студент, Новосибирский государственный университет,
e-mail: Polly_Io_Io@inbox.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В данной статье исследуются актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием ИИ-технологий и отсутствием единого правового подхода к регулированию связанных с ними рисков. В работе анализируются ключевые доктринальные позиции относительно субъектов ответственности: разработчиков ИИ, владельцев/пользователей систем, а также гипотетической ответственности самого ИИ. Основное внимание уделяется деликтной ответственности, при этом обосновывается необходимость использования «риск-ориентированного» подхода, предложенного в законодательстве ЕС, который предполагает дифференциацию режимов ответственности в зависимости от степени опасности ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, деликтная ответственность, риск-ориентированный подход, автономные системы, правосубъектность ИИ.

NOVIKOVA Arina Alekseevna,
student, Novosibirsk State University

IVANOVA Polina Andreevna,
student, Novosibirsk State University

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Annotation. This article explores the current issues of civil liability for damage caused by artificial intelligence systems. The relevance of this topic is due to the rapid development of AI technologies and the lack of a unified legal approach to regulating the risks associated with them. The article analyzes key doctrinal positions regarding the subjects of liability: AI developers, system owners/users, and the hypothetical liability of AI itself. The main focus is on tort liability, and the need to use the “risk-based” approach proposed in EU legislation is justified, which involves differentiating liability regimes based on the level of AI risk.

Key words: artificial intelligence, civil liability, source of increased danger, tort liability, risk-based approach, autonomous systems, AI legal personality.

Развитие новейших цифровых технологий от автоматизации и робототехники до машинного обучения – активно трансформирует привычный уклад жизни, и тем самым вызывает необходимость их научного осмысления со стороны не только специалистов в технической сфере, но и представителей юридического сообщества, которое должно адаптировать правовое поле к новым реалиям. В силу функциональных особенностей систем, основанных на использовании ИИ, в частности, способности к автоном-

ному принятию различного рода решений, возникают довольно сложные вопросы в части гражданско-правовой ответственности (далее-ГПО) за действия, совершаемые такими системами. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года указывается на необходимости тщательной проработки механизмов ГПО, возникающей в связи с деятельностью обладающих высокой степенью автономности ИИ- систем, и в частности таких положений как

установление круга субъектов, которые должны привлекаться к ответственности в таких случаях, рассмотрение возможности применения к таким отношениям института безвиновной ответственности, а также возможности применения в данном контексте таких компенсационных механизмов как страхование ГПО, создание специальных компенсационных фондов и т.д. [12].

Анализируя вопросы ответственности применительно к ИИ, прежде всего разумно говорить о деликтной ответственности. Как указывается в литературе, в данном случае речь должна идти не о линейной ответственности (ответственности одного лица, которое является непосредственным причинителем вреда), а о совмещенной ответственности, когда наряду с делинквентом к ГПО могут быть привлечены и иные субъекты [7, С. 10]. Вопрос о том, на какое именно лицо необходимо возлагать ответственность за вред, причинённый системами ИИ, не является однозначным среди исследователей. Обобщая все существующие в доктрине позиции по данной проблеме, можно выделить следующие подходы: 1) ответственность должны нести создатели (разработчики, программисты) системы ИИ; 2) субъектом ответственности является владелец системы ИИ или лицо, которое использует такую систему в качестве инструмента; 3) возлагать ответственность следует на саму систему ИИ. Рассмотрим каждый из указанных подходов подробнее.

Первостепенным звеном в цепочке создания систем, оснащенных ИИ, безусловно являются разработчики (программисты), которые изначально вкладывают в систему определенные функции, задают конкретные параметры ее деятельности, соответственно они обязаны соблюдать установленные требования и стандарты в области качества и безопасности разрабатываемой продукции. В.А. Лаптев указывает, что в данном случае предполагается применение по аналогии ст. 1095 ГК РФ, которая предусматривает возможность возложения ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью физического лица, а также имуществу физического или юридического лица, на изготовителя товара независимо от наличия или отсутствия вины [4, С. 92].

Следует отметить, что вопрос об ответственности разработчика (программиста) возникает в связи с эксплуатацией автономных транспортных средств, поскольку лицо, управляющее им не всегда обладает технической возможностью влиять на его функционирование, а также не способно точно предсказать его поведение. В некоторых зарубежных правовых порядках, например, в Германии предусматривается возможность привлечения к ответственности за вред, причинённый беспилотным автомобилем, разработчиков в случае, если возникновение такого вреда

было обусловлено наличием дефектов в программном обеспечении или оборудовании [13]. Кроме того, в первоначальном варианте законопроекта «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанном Минтрансом РФ также предусматривалось возложение ответственности на изготовителя автоматизированного транспортного средства за причинение вреда вследствие его конструктивных недостатков, влияющих на безопасность дорожного движения, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о них [10].

В судебной практике иностранных государств можно увидеть случаи привлечения разработчиков систем, оснащенных ИИ, к ответственности за вред, причиненный наличием в них конструктивных дефектов. Так, в 2018 году в США произошёл инцидент с автомобилем Tesla, движением которого управлял автопилот. Система не сумела распознать барьерное ограждение, в результате чего автомобиль врезался в него, а водитель погиб. В ходе расследования национальный комитет безопасности перевозок США установил, что в системе автопилота имелся дефект, а пострадавший неоднократно обращался в сервисный центр компании в связи с ее некорректной работой на определенных участках дороги. Семья умершего обратилась в Верховный суд округа Санта-Клара в Калифорнии с требованием о возмещении причиненного вреда. В итоге между сторонами было заключено мировое соглашение, по условиям которого Tesla обязалась выплатить семье погибшего компенсацию, сумма которой не разглашается [15].

Однако следует учитывать, что в случаях, когда аварийная ситуация была вызвана не дефектами системы автопилота, а тем, что водитель своевременно не среагировал на её предупреждения о необходимости перехода к ручному управлению, суды отказывают в возмещении причинённого вреда. Так, окружной апелляционный суд Флориды отменил решение нижестоящего суда, по которому Tesla обязана была возместить вред семье погибшего в аварии с автопилотом водителя. Апелляционный суд указал, что пострадавший проигнорировал сообщение системы о переходе на ручное управление, т.к. был отвлечен на телефон, в результате чего и произошёл несчастный случай. Суд отметил, что в пользовательском соглашении, условия которого необходимо было принять для активации функции автоматического рулевого управления, содержались сведения о том, что водитель обязан сохранять бдительность при ее использовании на дороге, держать руки на руле и быть готовым взять на себя управление в любой момент.

Кроме того, при каждом включении функции Autosteer, на дисплее автомобиля появлялось сообщение с идентичным содержанием [16].

Следующими субъектами ответственности за вред, причиненный системами ИИ являются владельцы или пользователи таких объектов. В рамках данного подхода предлагается рассматривать ИИ-системы в качестве источника повышенной опасности и возлагать безвиновную ответственность на владельца системы ИИ, т.е. на лицо, которое обладает правом собственности, правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления либо на другом законном основании (право аренды и т.д.) на данные объекты [8, С. 699]. Если обратиться к признакам, которыми характеризуется источник повышенной опасности, то можно увидеть, что ИИ-системы вполне соответствуют выделяемым критериям. Так, в качестве таких признаков в основном выделяют: высокую разрушительную силу [9, С. 118], невозможность полного контроля со стороны человека, высокий риск причинения вреда охраняемым общественным отношениям [2, С. 189]. Верховный Суд РФ, раскрывая сущность источника повышенной опасности, также указывает на такие признаки как повышенная вероятность причинения вреда, невозможность полного контроля со стороны человека [11]. Действительно, в силу способности систем, оснащенных ИИ к поведенческой автономии, можно говорить об их неподконтрольности человеку и создании потенциальной угрозы причинения вреда третьим лицам. В.А. Лаптев указывает, что также допустимо использовать конструкцию «ответственности фактического причинителя вреда» (пользователя), в частности, по аналогии с ч. 2 ст. 1079 ГК РФ, когда источник повышенной опасности выбывает из обладания законного владельца вследствие неправомерных действий третьих лиц [4, С. 91]. П.М. Морхат отмечает, что установление безвиновной ответственности для владельца или пользователя ИИ-систем позволит обеспечить заинтересованность указанных субъектов в принятии всевозможных мер предосторожности и развитии своего обучения в данной области [5, С. 47].

Однако следует упомянуть о том, что далеко не все ИИ-системы могут характеризоваться как способные нести повышенную угрозу вероятного причинения вреда. В связи с этим особую значимость приобретает так называемый «риск-ориентированный» подход, получивший свое распространение в рамках Европейского Союза. Юридически данный подход не определяет конкретный режим ответственности и не является полноценным юридическим подходом. Он направлен на классификацию объекта по степени

опасности (наступлению риска), а вот уже на его основании можно внедрять определённые режимы ответственности. Так, в частности, Закон ЕС об искусственном интеллекте (Регламент 2024/1689) устанавливает несколько категорий систем ИИ: с недопустимой степенью риска, с высокой степенью риска, остальные системы (умеренный и минимальный уровень риска) [14]. Согласно предложенному подходу, в ситуациях, когда вред причиняется системами ИИ, относящимися к категориям, представляющим неприемлемый или высокий риск для прав и свобод человека, целесообразно применять строгую ответственность разработчика. В случаях, когда вред наносится системами ИИ низкого риска, для защиты прав пострадавших следует использовать принципы виновной ответственности, требующие доказательства вины ответчика и установления причинно-следственной связи между его действиями и причиненным вредом [3, С. 31]. Таким образом, относительно данного подхода можно сделать вывод о его практико-ориентированности и учёту особенностей и признаков ИИ-систем, позволяющих дифференцировать ответственность.

Кроме того, в доктрине широко распространено мнение о необходимости формирования коллективной ответственности владельцев интеллектуальных систем по модели обязательного страхования ответственности или путем создания фондов, за счет которых будет компенсирован причиненный системой вред [1, С. 18]. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года также делается акцент на необходимости определения случаев и условий обязательного страхования ответственности за вред, причиненный применением роботов или систем искусственного интеллекта и робототехники, в том числе как альтернативы иным инструментам регулирования.

Последний рассматриваемый подход, предполагающий личную ответственность юнита ИИ за причинённый им вред, поддерживается сторонниками наделяния ИИ правосубъектностью. Они полагают, что ИИ-системы должны нести гражданско-правовую ответственность в пределах принадлежащего им имущества, а также выдвигают позицию о введении специальных мер ответственности для таких систем, например, принудительное отключение или утилизация [6, С.71]. Однако на данный момент правосубъектность у ИИ отсутствует, соответственно, нет и такого элемента как деликтоспособность, т.е. способность лица самостоятельно нести ответственность за вред, причинённый его противоправным деянием. Соответственно, в рамках

существующего правового регулирования данных общественных отношений системы ИИ не могут быть признаны субъектами ответственности за причиненный их действиями вред.

Таким образом, проанализировав все вышеизложенное можно сделать следующие выводы. На данный момент дискуссионным является вопрос о лицах, которые должны привлекаться к ответственности за вред, причиненный системами ИИ, в связи с чем существует множество подходов. Думается, что ответственность за вред, причиненный вследствие дефектов программного обеспечения ИИ-системы, должна ложиться на ее разработчиков. Касательно ответственности владельцев/ пользователей носителей ИИ, наиболее правильным представляется использование «риск-ориентированного» подхода: ИИ-системы с высоким уровнем риска причинения вреда следует квалифицировать в качестве источников повышенной опасности и привлекать владельцев к ответственности независимо от наличия либо отсутствия вины, тогда как в отношении систем с невысоким уровнем риска ответственность возлагается по общему принципу виновной ответственности. Кроме того, возможно применение института обязательного страхования гражданской ответственности, связанной с системами ИИ, для обеспечения гарантий возмещения причиненного вреда.

Список литературы:

- [1] Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. № 4. С. 9-23.
- [2] Болдинов В.Б. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб.: Юридическая литература, 2002. 279 с.
- [3] Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход// Lex russica. 2024. С. 23-34.
- [4] Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу// Журнал Высшей школы экономики. 2019. №2. С. 79-102.
- [5] Морхат П. М. Ответственность третьих лиц за совершение юнитами искусственного интеллекта причиняющих вред действий // Государственная служба и кадры. 2018. №3. С. 47-49.
- [6] Морхат П.М. Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. №9 (153). С. 70-74.
- [7] Тихомиров Ю.А, Крысенкова Н.Б., Нанба С.Б., Маргушева Ж.А. Робот и человек: новое

партнерство? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №5. С. 5-10.

[8] Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паныни Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. 2022. № 58. С. 683-708.

[9] Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности// Государство и право. № 7. 2008. С. 116-124.

[10] О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона от 08.06.2021 № 21/00116763//Федеральный портал проектов нормативных правовых актов <https://regulation.gov.ru/>

[11] О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1// Российская газета. 2010. 5 фев.

[12] Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р//Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - №35. -Ст.5593.

[13] Gesetz zum autonomen Fahren vom 12. 07. 2021 Drucksache 19/27439//Bundesgesetzblatt.- 2021.- Teil I.- Nr. 48.

[14] Regulation of the European parliament and of the council of 13.06.2024 №2024/1689//Official Journal of the European Union. 2024.-L series.

[15] Tesla settles lawsuit over Autopilot crash that killed Apple engineer. URL: <https://www.cnn.com/2024/04/08/tesla-settles-wrongful-death-lawsuit-over-fatal-2018-autopilot-crash.html>

[16] The District's Court of Appeal of Florida decision on the case Tesla Inc vs. Banner 26.02.2025 No. 4D2023-3034.URL:<https://caselaw.findlaw.com/court/fl-district-court-of-appeal/117000103.html>

Spisok literatury:

- [1] Baxteev D. V. Pravovoj status sistem iskusstvennogo intellekta i modeli differenciacii yuridicheskoj otvetstvennosti za prichinennyj imi vred // Lex russica. 2024. № 4. S. S. 9-23.
- [2] Boldinov V.B. Otvetstvennost' za prichinenie vreda istochnikom povыshennoj opasnosti. SPb.: Yuridicheskaya literatura, 2002. 279 s.
- [3] Izhaev O. A., Kutejnikov D. L. Sistemy' iskusstvennogo intellekta i vnedogovornaya grazhdan-

sko-pravovaya otvetstvennost': risk-orientirovannyj podxod // Lex russica. 2024. S. 23-34.

[4] Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Zhurnal Vy'sshej shkoly ekonomiki. 2019. №2. S. 79-102.

[5] Morxat P. M. Otvetstvennost' tret'ix licz za sovershenie yunitami iskusstvennogo intellekta prichinyayushhix vred dejstvij // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2018. №3. S. 47-49.

[6] Morxat P.M. Problemy opredeleniya yuridicheskoy otvetstvennosti za dejstviya iskusstvennogo intellekta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. №9 (153). S. 70-74.

[7] Tixomirov Yu.A, Kry'senkova N.B., Nanba S.B., Margusheva Zh.A. Robot i chelovek: novoe partnerstvo? // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2018. №5. S. 5-10.

[8] Xaritonova Yu. S., Savina V. S., Pan'ini F. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' pri razrabotke i primeneniі sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: osnovny'e podxody // Vestnik Permskogo universiteta. 2022. № 58. С. 683-708.

[9] Shhedrin N.V. Istochnik povы'shennoj opasnosti, ob`ekt povы'shennoj oxrany i mery bezopasnosti // Gosudarstvo i pravo. № 7. 2008. S. 116-124.

[10] O vы'sokoavtomatizirovannyx transportnyx sredstvax i o vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii: projekt

federal'nogo zakona ot 08.06.2021 № 21/00116763// Federal'nyj portal projektov normativnyx pravovyx aktov <https://regulation.gov.ru/>

[11] O primeneniі sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushhego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 26.01.2010 N 1// Rossijskaya gazeta. 2010. 5 fev.

[12] Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2020 N 2129-r) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 2020. - №35. - St.5593.

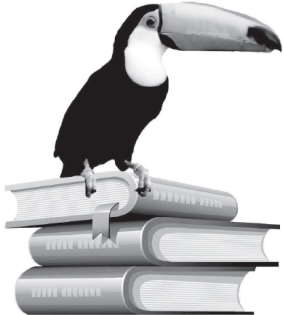
[13] Gesetz zum autonomen Fahren vom 12. 07. 2021 Drucksache 19/27439 // Bundesgesetzblatt.- 2021.- Teil I.- Nr. 48.

[14] Regulation of the European parliament and of the council of 13.06.2024 №2024/1689//Official Journal of the European Union. 2024.-L series.

[15] Tesla settles lawsuit over Autopilot crash that killed Apple engineer. URL: <https://www.cnn.com/2024/04/08/tesla-settles-wrongful-death-lawsuit-over-fatal-2018-autopilot-crash.html>

[16] The District's Court of Appeal of Florida decision on the case Tesla Inc vs. Banner 26.02.2025 No. 4D2023-3034.URL:<https://caselaw.findlaw.com/court/fl-district-court-of-appeal/117000103.html>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-375-379

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

КАРДАНОВА Карина Ахиедовна,
Преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫКОВА Ю.Х. ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. В статье рассмотрена миротворческая деятельность Юрия Хамзатовича Калмыкова по урегулированию конфликта в Чеченской Республике. Выявлено, что данная деятельность способствовала стабилизации ситуации в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Калмыков Ю.Х., Конгресс Кабардинского народа, Международная Черкесская Ассоциация, урегулирование.

KARDANOVA Karina Akhiedovna,
Lecturer at the Department of Public and Civil Law Disciplines,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PEACEKEEPING ACTIVITIES OF KALMYKOV Y.KH. TO RESOLVE CONFLICTS IN THE NORTH CAUCASUS

Annotation. The article discusses the peacekeeping activities of Yuri Khamzatovich Kalmykov in resolving the conflict in the Chechen Republic. It has been identified that this activity contributed to the stabilization of the situation in the North Caucasus region.

Key words: Kabardino-Balkaria, Kalmykov Y.H., Congress of the Kabardian People, International Circassian Association, resolution.

Осенью 1991 года в условиях начавшегося распада СССР руководство ЧР заявило о государственном суверенитете республики и выходе ее из состава СССР и РСФСР. Органы советской власти на территории ЧР распускались, действие законов РФ отменялось. Началось формирование вооруженных сил Чечни во главе с верховным главнокомандующим президентом ЧР Джохаром Дудаевым. Сооружались рубежи обороны в Грозном, а также базы для ведения диверсионной войны в горных районах. Под конфликтом в Чеченской Республике принято понимать военные действия между российскими федеральными войсками (силами) и вооруженными формированиями Чеченской Республики Ичкерии, созданными в нарушение законодательства РФ [6].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть миротворческую деятельность Ю.Х.Калмыкова по урегулированию конфликта в Чеченской Республике в 1990-х гг.

Юрий Хамзатович Калмыков родился 1 января 1934 года. В многочисленных версиях биографии Ю. Х. Калмыкова указан город Баталпашинск Черкесской автономной области Северо-Кавказского края (ныне это город Черкесск, столица Карачаево-Черкесской Республики).

Родители Юрия Калмыкова были учителями. Он рано лишился матери и в силу материальных затруднений после окончания школы учился в Черкесском медучилище, где получил специальность «фельдшер». Юрий Калмыков обучался на юридическом факультете Ленинградского государственного университета (ныне

Санкт-Петербургский государственный университет) с 1952 года, завершив обучение с отличием. В период с 1957 по 1959 год он занимал должность народного судьи Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, пройдя предварительную стажировку.

С 1959 по 1962 год Калмыков являлся аспирантом кафедры гражданского права Саратовского юридического института. Последующая академическая карьера в этом же институте развивалась стремительно: с 1962 по 1989 год он последовательно занимал должности ассистента, старшего преподавателя, доцента и профессора, возглавив кафедру в 1968 году. Его научный путь ознаменовался защитой кандидатской диссертации в 1963 году и докторской диссертации в 1971 году.

Юрий Хамзатович Калмыков – был политиком общекавказского и всероссийского масштаба, выдающимся ученым, замечательным педагогом, государственным деятелем. Десятки интервью в прессе, на радио и телевидении, многочисленные статьи и другие материалы позволяют составить достаточно полное представление о государственной и общественной деятельности Юрия Хамзатовича, системе его взглядов на актуальные проблемы политического и духовного развития страны и общества в целом [12]. Имя Юрия Хамзатовича Калмыкова стало широко известно в нашей стране благодаря его активной и успешной государственной деятельности [12]. События 1980–1990-х годов втянули Юрия Хамзатовича в политические процессы, хотя к политике он всегда относился настороженно [7].

В 1989 году Калмыков Ю.Х. был избран народным депутатом СССР, в том же году одержал убедительную победу на выборах в Верховный Совет СССР. В 1990–1991 годы являлся председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, а также вел работу по обновлению законодательства, укреплению начал правового государства. Вследствие расформирования Верховного Совета СССР в 1992 году, Ю.Х. Калмыков перешёл на работу в Межреспубликанский исследовательский центр частного права.

С апреля по август 1993 года был первым заместителем министра юстиции РФ, одновременно исполняющий обязанности министра юстиции.

Находясь на посту главы Министерства юстиции, Калмыков активно участвовал в законодательной деятельности и реформировании судебной системы. За свои заслуги он был удо-

стоен классного чина государственного советника юстиции и включён в состав Совета Безопасности Российской Федерации.

В 1993–1994 годах работал министром юстиции Российской Федерации и членом Совета безопасности России, депутатом Государственной Думы первого созыва. Юрий Хамзатович Калмыков – первый в истории современной России министр юстиции выходец с Северного Кавказа. Эти посты Ю. Х. Калмыков занимал один год и 8 месяцев (с 5 августа 1993-го по 7 декабря 1994-го), когда неожиданно для всех ушёл в отставку. Причиной такого решения стало его несогласие с политикой руководства страны, проводимой на Северном Кавказе. Он отказался юридически санкционировать начало войны в Чечне [7].

Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от декабря 1994 года, опубликованным в «Российской газете», Ю.Х. Калмыков был освобожден от должности Министра юстиции РФ и прекратил своё участие в работе Совета Безопасности. Последующая деятельность учёного была сосредоточена в Исследовательском центре частного права, где он принимал активное участие в разработке Гражданского кодекса РФ вплоть до кончины. Его депутатские полномочия в Государственной Думе были исполнены до завершения установленного срока в 1996 году.

Значительный вклад Ю.Х. Калмыкова в государственное реформирование проявлялся в его руководстве Комитетом Верховного Совета по законодательству. Эффективное управление законодательным процессом позволило ему сыграть ключевую роль в формировании пакета экономических законов и основ гражданского законодательства СССР, заложивших фундаментальную основу современного Гражданского кодекса РФ [12]. Следует отметить активное участие Ю.Х. Калмыкова в разработке Конституции Российской Федерации, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года.

Многогранную государственную деятельность на федеральном уровне он, Заслуженный деятель науки и Заслуженный юрист РФ, академик, крупнейший учёный, государственный и общественный деятель, сочетал с активной работой в национальном движении [3].

Еще до распада СССР на Кавказе, как и по всей стране, начали организовываться общественные движения, ориентированные на развитие национального самосознания, на развитие национальной культуры и языка. Одним из таких общественных организаций стала Международная черкесская ассоциация (далее МЧА) [11].

В 1991 г. на первом конгрессе МЧА, состоявшемся 19-20 мая в Нальчике, Юрий Калмыков был избран первым президентом Международной черкесской ассоциации[13].

Юрий Хамзатович Калмыков занимал пост Президента Международной черкесской ассоциации в период с 1991 по 1993 год, до перехода на государственную службу. В 1996 году он вновь принял руководство данной организацией, продолжив свою деятельность по разрешению сложных национальных и межнациональных вопросов. Одновременно, с 1992 года, Калмыков возглавлял Конгресс кабардинского народа, став его первым председателем.

Его вклад в формирование современной черкесской национальной повестки значителен. Калмыков инициировал дискуссию о признании геноцида черкесов, необходимости репатриации, объективной оценке последствий Кавказской войны и восстановления Шапсугского района в Краснодарском крае.

Калмыков представлял умеренное, демократическое крыло адыгского национального движения. Его подход к национальному развитию отличался взвешенностью, избегая крайних и экстремистских позиций. Присущая ему стратегическая дальновидность и способность прогнозировать последствия принимаемых решений были важнейшими качествами государственного деятеля. Он выступал за конструктивное взаимодействие с властью, при этом категорически отвергая политическое давление и диктат. Его политическая стратегия основывалась на разумных компромиссах, достигаемых исключительно на основе взаимного стремления к консенсусу. В критических ситуациях Калмыков демонстрировал решительность и инициативу.

Мировоззрение Ю.Х. Калмыкова определялось двумя фундаментальными принципами: глубокое понимание потребностей и чаяний народа, отстаивание которых он считал своим долгом, и неукоснительное следование высоким этическим нормам, которым подчинялись все его действия и решения.

В 1992-1993 гг., в период грузино-абхазского конфликта, Юрий Калмыков поддержал добровольческое движение в Абхазию и оказал разностороннюю помощь абхазскому народу.

Особенно глубоко тревожили Юрия Хамзатовича проблемы Чечни, видя единственный путь выхода из тупиковой ситуации в ее мирном политическом урегулировании. Юрий Калмыков давал развернутые, аргументированные ответы на вопросы, связанные с проблемами консолидации народов Кавказа.

В 1994 году 29 ноября Юрий Хамзатович, тогда министр юстиции и член совета безопас-

ности России, депутат Государственной Думы, на заседании Совета Безопасности по Чечне единственный выступил категорически против развязывания войны. Находясь на посту депутата Государственной Думы и являясь Министром юстиции России, он проявил традиционно-классическую смелость и мудрость с неопровержимых правовых и политических позиций выступил против развязывания конфликта.

Как рассказал очевидец, член совета безопасности РФ Сергей Степашин: «Он (Калмыков Ю.Х.) долго молчал, потом один из последних взял слово. Это был монолог 15-минутный. Ельцин обычно больше трех минут на Совете безопасности не давал, как правило. Это был 15-минутный монолог даже не министра юстиции, а умудренного опытом человека, знающего, куда мы идем. Ельцин тогда очень серьезно задумался»[10].

Когда Калмыков Ю.Х. убедился в том, что ввод федеральных войск в Чечню неизбежно, он решился на беспрецедентный в современной истории России шаг. Юрий Хамзатович подал в отставку с поста министра юстиции РФ в знак протеста против ввода федеральных войск в Чечню, а также вышел из состава Совета безопасности РФ и депутатской группы Сергея Шахрая «ПРЕСС». Депутатом Госдумы первого созыва Калмыков остался, только вышел из всех блоков и стал независимым депутатом [11].

Понимая неспособность предотвратить военный конфликт, Юрий Калмыков подал в отставку с постов Министра юстиции и члена Совета Безопасности Российской Федерации, освободившись от обязанностей 7 декабря 1994 года. Однако, это не стало окончанием его активного участия в государственной и общественной жизни. Продолжая свою депутатскую деятельность в российском парламенте, он вошёл в состав комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, Совета по судебной реформе при Президенте РФ, а также рабочей комиссии по совершенствованию проекта Конституции РФ. Кроме того, Калмыков представлял Президента РФ на Конституционном совещании.

Через день, после отставки Ю.Х.Калмыкова, 9 декабря, Ельцин издал указ №2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории ЧР и в зоне осетино-ингушского конфликта», и правительство России, уже без Калмыкова, вынесло печально известное постановление, положившее начало полномасштабной «первой чеченской» войне. Калмыков свою политическую позицию отстаивал в публичной полемике с оппонентами. Калмыков, оставаясь ярким противником войны и

самовластия в стране, а также юристом с большой буквы, предпринял попытку остановить уже начавшуюся войну в Конституционном суде России. На заседаниях Конституционного суда Калмыков поставил под сомнение конституционность нормативно-правовых актов Президента РФ, связанных с разрешением чеченского кризиса, заслуживая высоких оценок от коллег, будучи, однако, политическим оппонентом президента страны [9].

На пленарном заседании Конституционного Суда РФ, рассматривавшем конституционность указов Президента РФ, касающихся урегулирования чеченского кризиса, Ю.Х. Калмыков, возглавляя депутатскую группу Государственной Думы, подвергся тщательному допросу. В. Стрекозов, обращаясь к нему как к авторитетному теоретику права, инициировал серию вопросов, направленных на оценку позиции депутатской группы. В ходе заседания, десять судей задали более сорока вопросов, стремясь опровергнуть аргументацию Калмыкова. Однако, он защитил свою позицию, продемонстрировав глубокое знание права и политическую смекалку.

Несмотря на убедительные доводы Ю.Х. Калмыкова, доказывающие правовую несостоятельность президентских указов [1], Конституционный Суд РФ в январе 1995 года признал указ № 2166 соответствующим Конституции, отвергнув лишь часть постановления правительства, касающуюся ограничений свободы слова и передвижения. Несмотря на восемь особых мнений судей, решение суда осталось неизменным.

Отставка Ю.Х. Калмыкова с поста Министра юстиции РФ в знак протеста против начала военной операции в Чеченской Республике, а также его принципиальная позиция, заявленная на заседании Совета Безопасности РФ, представляют собой пример гражданского мужества и защиты интересов малочисленных народов. Обладая доступом к конфиденциальной информации, он предвидел трагические последствия военной акции для Чечни и Кавказа [12].

Исключительная трудоспособность и самоотдача Юрия Хамзатовича Калмыкова, не щадившего себя в работе, негативно отразились на его здоровье. За день до смерти, 16 января 1997 года, он принимал участие в работе Исследовательского центра частного права над третьей частью Гражданского кодекса (наследственное право). На следующий день, находясь в пути в Черкесск на заседание Международной черкесской ассоциации, он скончался от остановки сердца в аэропорту Минеральных Вод. Погребение состоялось в родовом ауле Абазакт, Карачаево-Черкесская Республика.

Список литературы:

[1] Выводы и рекомендации республиканской научно-практической конференции КБР, посвященной 75-летию Ю.Х.Калмыкова (г. Нальчик, 10 октября 2009 г.). URL: <https://a-sult-h.livejournal.com/11863.html> (дата обращения: 16.04.2019).

[2] Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы: Воспоминания. Статьи. Интервью. М.: Статут, 2003.

[3] Калмыков Юрий Хамзатович. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/205544/> (дата обращения: 23.06.2025).

[4] Калмыкова Ю.Х.: Калмыков Ю.Х. Избранное: Труды. Статьи. Выступления / Предисловие В.Ф. Яковлева. Сост. О.М. Козырь, О.Ю. Шилохвост. М.: Статут, 1998.

[5] Конфликты между РФ и Чеченской Республикой в 1994-1996/1999-2009 годы. URL: <https://ria.ru/20110418/365668402.html> (дата обращения: 23.06.2025).

[6] Крашенинников П. Вспоминая Юрия Хамзатовича Калмыкова URL: <https://pravo.ru/opinion/208038/> (дата обращения: 23.06.2025).

[7] Международная Черкесская Ассоциация: Время конкретных дел. Интервью с президентом МЧА Ю.Х.Калмыковым. // Адыги. Газета московского общества черкесской культуры «Адыги». 1993. №1.

[8] Нефляшева Н. Пшемахо Коцев - Юрий Калмыков. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/7859> (дата обращения: 23.06.2025).

[9] Он ушел раньше. Памяти Юрия Калмыкова. URL: <https://www.svoboda.org/a/126541.html> (дата обращения: 23.06.2025).

[10] Право справедливости. Калмыков Юрий. URL: <http://fond-adygi.ru/page/jurij-kalmykov-pravo-spravedlivosti> (дата обращения: 23.06.2025).

[11] Сарахов А.А. Друг мой Юрий. Майкоп: «Полиграф-Юг», 2008.

[12] Эфендиев К.К. Годы, события, люди: В 2 т. Нальчик: Издательство М. и В.Котляровых, 2010. Т. 2.

Spisok literatury:

[1] Vy'vody` i rekomendacii respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii KBR, posvyashhennoj 75-letiyu Yu.X.Kalmy'kova (g. Nal'chik, 10 oktyabrya 2009 g.). URL: <https://a-sult-h.livejournal.com/11863.html> (data obrashheniya: 16.04.2019).

[2] Kalmy'kov Yu.X. Povoroty` sud'by`: Vospom-inaniya. Stat'i. Interv'yu. M.: Statut, 2003.

[3] Kalmykov Yuriy Xamzatovich. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/205544/> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[4] Kalmykova Yu.X.: Kalmykov Yu.X. Izbranno: Trudy. Stat'i. Vy'stupleniya / Predislovie V.F. Yakovleva. Sost. O.M. Kozyr', O.Yu. Shiloxvost. M.: Statut, 1998.

[5] Konflikty mezhdu RF i Chechenskoj Respublikoj v 1994-1996/1999-2009 gody. URL: <https://ria.ru/20110418/365668402.html> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[6] Krashennikov P. Vspominaya Yuriya Xamzatovicha Kalmykova URL: <https://pravo.ru/opinion/208038/> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[7] Mezhdunarodnaya Cherkesskaya Associaciya: Vremya konkretnyx del. Interv'yu s prezidentom MChA Yu.X.Kalmykovym. // Adygi. Gazeta moskovskogo obshhestva cherkesskoj kul'tury Adygi. 1993. №1.

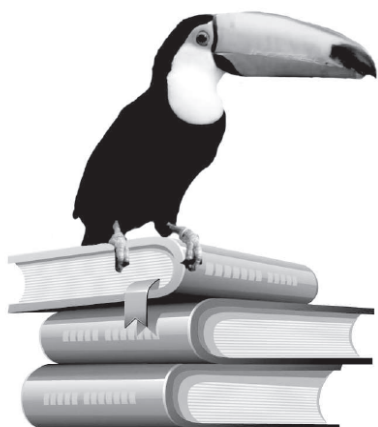
[8] Neflyasheva N. Pshemaxo Kocov - Yuriy Kalmykov. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/7859> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[9] On ushel ran'she. Pamyati Yuriya Kalmykova. URL: <https://www.svoboda.org/a/126541.html> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[10] Pravo spravedlivosti. Kalmykov Yuriy. URL: <http://fond-adygi.ru/page/jurij-kalmykov-pravo-spravedlivosti> (data obrashheniya: 23.06.2025).

[11] Saraxov A.A. Drug moj Yuriy. Majkop: Poligraf-Yug, 2008.

[12] Efendiev K.K. Gody, sobytiya, lyudi: V 2 t. Naichik: Izdatel'stvo M. i V.Kotlyarovyx, 2010. T. 2.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

ЭВОЛЮЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В юридической и научной литературе к альтернативным заключению под стражу мерам пресечения принято относить такие меры пресечения, как запрет определенных действий, залог и домашний арест. Общим для всех перечисленных мер пресечения является их избрание судом по ходатайству органов, производящих дознание, следствия, прокуратуры или по собственной инициативе. Отдельные признаки домашнего ареста появились в отечественном уголовном процессе в XVII веке, а затем домашний арест был нормативно закреплён в Своде законов 1832 г., в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В советский период рассматриваемые меры пресечения были включены в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. Однако в УПК РСФСР 1960 г. остался лишь залог, а домашний арест был законодателем исключён. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предоставляет стороне обвинения возможность избрания полного спектра альтернативных заключению под стражу мер пресечения исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела и личности правонарушителя.

Ключевые слова: заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, залог, история появления, эволюция, ФСИН России, наполняемость мест содержания под стражей.

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

EVOLUTION OF ALTERNATIVE DETENTION MEASURES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In the legal and scientific literature, such preventive measures as prohibition of certain actions, bail and house arrest are considered to be alternative preventive measures to detention. Common to all of these preventive measures is their election by the court at the request of the bodies conducting the inquiry, investigation, prosecutor's office or on their own initiative. Certain features of house arrest appeared in the domestic criminal process in the XVII century, and then house arrest was normatively fixed in the Code of Laws of 1832, in the Statute of Criminal Procedure of 1864. In the Soviet period the considered preventive measures were included in the CPC RSFSR of 1922 and 1923. However, in the CPC of the RSFSR of 1960 only bail remained, and house arrest was excluded by the legislator. The current criminal procedural legislation of the Russian Federation provides the prosecution with the opportunity to choose a full range of alternative preventive measures to detention based on the circumstances of a particular criminal case and the personality of the offender.

Key words: remand in custody, house arrest, prohibition of certain actions, bail, history of appearance, evolution, FSIN of Russia, occupancy rate of places of detention.

Проведенный анализ научной литературы, в том числе исторических и архивных источников показал, что первые упоминания об отдельных признаках альтернативных заключению под стражу мер пресечения (запрета определенных действий и домашнего ареста) появились в источниках XVII века. К таким признакам можно отнести изоляцию правонарушителя, как

правило, знатного происхождения в его жилище с круглосуточным контролем со стороны конвоя (или пристава) [1, с. 35].

Однако нормативно в законодательстве России домашний арест был впервые закреплён в Уставе уголовного судопроизводства 1832 г. (статья 876 Устава), а затем и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (статья 416 Устава).

Суть данной меры уголовно-процессуального принуждения заключалась в полной изоляции преступника в его жилище чтобы исключить воспрепятствование и уклонение обвиняемого от следствия и суда. Данная мера пресечения исполнялась путем постоянного нахождения рядом с обвиняемым сотрудника контролирующего органа – жандарма либо полицейского служителя. При этом продолжительность домашнего ареста была крайне ограничена в виду нехватки необходимого количества стражи и применялся только к тяжелобольным или особо важным персонам. Как правило, после внесения залога или поручительства за обвиняемого домашний арест отменялся [2, с. 26-27].

После смены в России государственного строя в 1917 г. в результате Октябрьской революции власти страны перестали временно применять альтернативные заключению под стражу меры пресечения вплоть до 1922 г. Домашний арест был вновь возвращен в уголовный процесс с принятием УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. В работах Л.В. Трунова и М.С. Строговича приводятся два совершенно противоположных мнения об эффективности и практики применения домашнего ареста в 20-х и 30-х годах прошлого века. Так, если в работах Л.В. Трунова говорится о широком распространении домашнего ареста в деятельности следствия и суда, то в работах М.С. Строговича встречается мнение, что домашний арест не нашел своего применения в уголовном судопроизводстве [1, с. 50-51].

По мнению А.Н. Антипова, причина недооценки домашнего ареста и других альтернативных заключению под стражу мер пресечения как в прошлом, так и в настоящее время заключается в консерватизме органов дознания, следствия и суда, которые вне зависимости от личности преступника и обстоятельств уголовного дела при принятии решения об избрании меры пресечения отдают предпочтение заключению под стражу, а альтернативные заключению под стражу меры пресечения продолжают считать неэффективными и чисто «либеральными» правовыми институтами [3, с. 17].

И.Я. Фойницкий говоря о существовавшей практике избрания полицией и судом мер пресечения по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. отмечал чрезмерное применение заключения под стражу с целью избежать скандала видеть обвиняемого на свободе [4, с. 313].

В наше время о чрезмерном применении органом дознания, следствием и судом к подозреваемым и обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу свидетельствует проблема переполненности мест содержания под стражу. Особенно данная проблема характерна для следственных изоляторов (далее – СИЗО),

расположенных в крупных городах. В научной литературе встречаются сведения о том, что в 1990-е годы численность «тюремного населения» страны доходила до 15 млн. человек [5, с. 15]. Другие авторы говорят о 960,6 тыс. человек находящихся в местах лишения свободы, по состоянию на 01.01.2002 [6, с. 350].

Для более полного понимания правовой природы рассматриваемых институтов рассмотрим их определения в научной литературе.

В энциклопедическом словаре правовых знаний приведено определение меры пресечения, под которой понимается «Одна из мер процессуального принуждения, применяемая лицом, проводящим дознание, следователем, прокурором или судом в отношении обвиняемого (а в исключительных случаях в отношении подозреваемого), чтобы не дать ему возможность скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, уклониться от исполнения приговора, а также чтобы пресечь продолжение или повторение преступной деятельности» [7, с. 229].

И.Я. Фойницкий в своих работах говоря о мерах процессуального принуждения как о старейших институтах отечественного уголовного процесса указывал о невозможности осуществления правосудия, если бы суд не располагал правом принуждения, что наделяет государство правом требовать от каждого лица способствовать целям правосудия, но в определенных пределах такого права [4, с. 313].

З.З. Зинатуллин говорил о мерах пресечения как о принудительных средствах уголовно-процессуального характера, случаи применения которых дознанием, следствием, прокуратурой в отношении обвиняемого или подозреваемого и судом в отношении подсудимого строго регламентированы законом для лишения последних возможности уклонения от следствия и суда, воспрепятствования установлению объективной истины по уголовному делу или совершения новых преступлений и, наконец, обеспечения исполнения приговора [8, с. 66].

Вопрос о необходимости более широкого применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения через призму переполненности мест содержания под стражей в 22 субъектах Российской Федерации был озвучен в декабре 2024 г. в ходе встречи с главой государства членами Совета при Президенте Российской Федерации по правам человека (далее – СПЧ) [9]. Ранее проблема переполненности СИЗО была озвучена на встрече с Президентом Российской Федерации с СПЧ в декабре 2018 г. (п. 6 Перечня поручений Президента Российской Федерации от 20.02.2019 № Пр-233).

В настоящее время ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее

– УПК РФ) предусматривает возможность применения следующих мер пресечения: 1) подписки о невыезде (ст. 102 УПК РФ); 2) личного поручительства (ст. 103 УПК РФ); 3) наблюдения командования воинской части (ст. 104 УПК РФ); 4) присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ); 5) запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ); 6) залога (ст. 106 УПК РФ); 7) домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ); 8) заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ).

Перечисленные выше меры пресечения, по нашему мнению, предоставляют органу дознания, следствию и суду возможность индивидуального подхода с учетом всех без исключения обстоятельств уголовного дела (тяжести совершенного преступления, возраста правонарушителя его рода занятий, наличия криминального прошлого и т.д.) при избрании меры пресечения конкретному подозреваемому или обвиняемому, так как любая мера пресечения, в той или иной мере ограничивает конституционные права гражданина. Однако проведенный анализ научной литературы, статистических данных о деятельности судов показал, что в отношении большинства фигурантов уголовных дел органы дознания, следствие и суд избирают меру пресечения в виде заключения под стражу, в том числе по преступлениям небольшой и средней тяжести, что не осталось без внимания специалистов. Так, в диссертационном исследовании Е.В. Салтыкова справедливо отмечено, что «Места в следственных изоляторах по большей части занимают обвиняемые (подозреваемые) в преступлениях небольшой и средней тяжести, к которым без вреда для предварительного расследования уголовного дела может быть применена другая мера пресечения – домашний арест.»[10, с. 77]

Одной из причин, побудивших законодателя включить в проект УПК РФ (работа по подготовке законопроекта велась в конце 90-х годов XX века и начале 2000-х годов) некоторые из перечисленных выше мер пресечения (мерой пресечения в виде запрета определенных действий УПК РФ был дополнен в апреле 2018 г.) считается проблема переполненности СИЗО.

Однако вплоть до 2011 г. наличие в УПК РФ альтернативных заключению под стражу мер пресечения не оказало ожидаемого законодателем влияния на динамику численности «тюремного населения» страны. В подтверждение сказанному приведем статистические данные по исследуемому вопросу, размещенные в открытом доступе на различных сетевых ресурсах (elibrary.ru, cyberleninka.ru, www.rsl.ru и т.д.). По данным Овчинникова Ю.Г., в 2002-2005 гг. домашний арест избирался незначительно лишь в отношении 403 чел.[1]. В последующие годы с 2007 по 2010 гг. в отношении 1107 чел.[8].

Однако благодаря проводимому руководством страны курсу на гуманизацию уголовного законодательства и реформирование уголовно-исполнительной системы в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. и государственной программы Российской Федерации «Юстиция» удалось в разы сократить численность осужденных к лишению свободы и заключенных под стражу за счет более широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и альтернативных заключению под стражу мер пресечения.

В подтверждение сказанному приведем статистические данные о практике применения домашнего ареста дознанием, следствием и судом в динамике за период с 2011 по 2020 гг. (рисунок 1)[11].

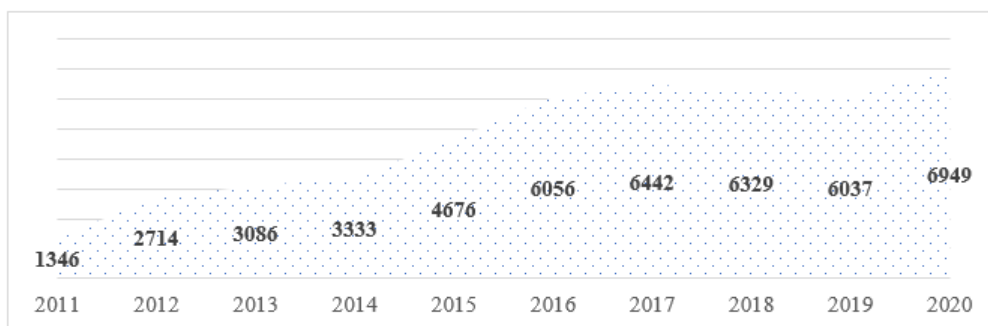

Рисунок 1. Сведения о количестве подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избиралась мера пресечения в виде домашнего ареста, по годам (в абс. числах)

Следующим этапом совершенствования альтернативных заключению под стражу мер пресечения стало дополнение Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ УПК РФ новой

мерой пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ).

Как известно, дальнейшее совершенствование любого правового института или нормы

закона невозможно без учета мнения правоприменителя об их эффективности. В нашем случае авторским коллективом была разработана форма для опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) и филиалов УИИ территориальных органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по 14 наиболее проблемным вопросам правоприменения (далее – опросный лист). Полученные результаты исследования позволили авторскому коллективу сформулировать ряд предложений законодательного и методического характера по совершенствованию порядка осуществления контроля за соблюдением подозреваемыми и обвиняемыми условий избрания меры пресечения и судебных запретов, предусмотренных пунктами 1-5 части шестой статьи 105.1 УПК РФ. Предлагаем для ознакомления некоторые результаты вышеуказанного социологического исследования, в котором приняло участие 498 респондентов, проходивших службу в 78 территориальных органах ФСИН России[3].

В первом вопросе опросного листа респондентам предлагалось оценить в целом эффективность исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста по четырёхбалльной шкале – «Отлично», «Хорошо», «Удовлетворительно», «Плохо». больше половины (58,2%) респондентов оценили эффективность домашнего ареста на удовлетворительно. На отлично и хорошо соответственно 2,4% и 16,9% респондентов. Плохо – 22,7%.

Аналогичным образом респондентам предлагалось оценить уровень законодательного и ведомственного правового регулирования механизма надзора за исполнением запретов, нало-

женных судом при домашнем аресте (вопросы 2 и 3). На отлично уровень законодательного регулирования оценило 1,4% сотрудников и 2,2% уровень ведомственного правового регулирования. Хорошим уровень законодательного регулирования посчитали 15,9% сотрудников, а уровень ведомственного правового регулирования 20,1% сотрудников. Удовлетворительную оценку уровню законодательного регулирования выставили 55,2% сотрудников и 57,6% уровню ведомственного правового регулирования.

В четвертом, пятом и шестом вопросах экспертам предлагалось оценить эффективность имеющихся в распоряжении УИИ электронных устройств (мобильные устройства (ГЛОНАСС/GPS), стационарные устройства, устройства аудиовизуального контроля (далее – средства контроля). Перечень таких устройств, утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134) в фиксации возможных нарушений со стороны подозреваемых и обвиняемых таких запретов, как «общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправок, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть Интернет)». По нашему мнению, данные вопросы судя по ответам вызвали особый отклик у экспертов. В частности, в той или иной степени сомнение в эффективности средств контроля для фиксации возможных нарушений со стороны подозреваемых и обвиняемых, перечисленных в опросном листе запретов, высказали более 90% экспертов. Более подробно распределение ответов экспертов на вопросы 4-6 представлены на рисунке 2.

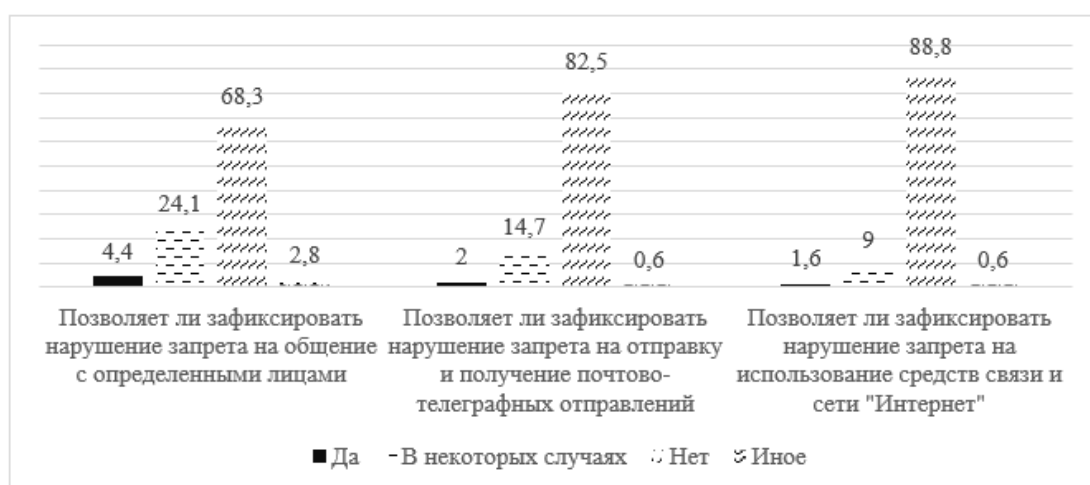

Рисунок 2. Распределение ответов экспертов на вопросы 4-6 о возможностях средств контроля по фиксации нарушения подозреваемыми и обвиняемыми запретов на общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправок и использование средств связи и сети «Интернет» в %

Как видно из ответов экспертов на вопросы 4-6, менее всего средства контроля оказались пригодными для фиксации нарушения подозреваемыми и обвиняемыми запрета на использование средств связи и сети Интернет по мнению 88,8% респондентов, что критически важно для обеспечения должного контроля, поскольку сотрудники УИИ, как показал проведенный анализ законодательства Российской Федерации, представленный ниже, не наделены полномочиями получать информацию от операторов связи о пользователях услугами связи и об оказанных услугах связи при осуществлении контроля за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог.

В вопросах 7 и 8 опросного листа авторский коллектив предложил практическим работникам УИИ два варианта законодательного решения проблем, возникающих при осуществлении контроля за соблюдением подозреваемыми и обвиняемыми запретов на оправку и получение почтово-телеграфных отправок и использование средств связи и сети Интернет: 1) путем внесения изменений в УПК РФ (ст. 165, 185, 186 и 186.1) и 2) Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ), позволяющих в целях осуществления рассматриваемого контроля «...накладывать арест на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи, а также осуществлять контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.» и (или) проводить некоторые оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) «...контроль почтовых отправок, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации.».

Проведенный анализ законодательства Российской Федерации показал, что в настоящее время в соответствии с частью пятой статьей 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее – Федеральный закон «О связи») операторы связи обязаны оказывать содействие компетентным органам в проведении следственных действий в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Согласно части 1.1 статьи 64 Федерального закона «О связи» информация о пользователях услугами связи, об оказанных услугах связи и иная необходимая информация предоставляется операторами связи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обе-

спечение безопасности Российской Федерации для выполнения возложенных на них задач.

Кроме того, подобную информацию вправе получать органы прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора (пункт 2.1 статьи 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»), полиция по находящимся в производстве уголовным делам, делам об административных правонарушениях, материалам проверок (пункт 4 части 1 статьи 13), судебные приставы-исполнители при осуществлении исполнительных действий (пункт 2 части 1 статьи 64 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), органы государственной охраны в целях осуществления государственной охраны (подпункт 11 статьи 15 Федерального закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране»), органы федеральной службы безопасности (пункт «м» части 1 статьи 13 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»), органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (статья 6 Федерального закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ), органы, обеспечивающие государственную защиту, при осуществлении государственной защиты (подпункт 1 пункта 1 статьи 24 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Учитывая изложенное большинством голов сотрудников УИИ одобрили предложения (по внесению изменений в УПК РФ – 79,3% и Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ – 76,1%) авторского коллектива, кратко изложенные в вопросах 7 и 8 опросного листа.

Как известно, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ следователь и дознаватель по находящимся у них в производстве уголовным дела могут давать органу дознания письменные поручения о проведении ОРМ, в том числе на мероприятия по контролю почтовых отправок, телеграфных и иных сообщений, прослушиванию телефонных переговоров, снятию информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации.

Данные положения УПК РФ были взяты за основу авторским коллективом при составлении вопроса 9 опросного листа «Нуждается ли в оперативно-розыскном обеспечении исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста?». Как и ожидалось, подавляющая часть респондентов (70,9%) испытывала потребность в подобном взаимодействии с оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Результаты анализа ответов экспертов на вопрос 10 опросного листа позволил осветить

проблему нарушения должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры и судом требований УПК РФ в части, касающейся исполнения контроля за домашним арестом. Подобные нарушения, со слов экспертов, имели место в действиях судей (4,8%), органов прокуратуры (3,6%), следователей (18,3%), дознавателей (5%). С нарушениями со стороны судов и перечисленных органов при исполнении домашнего ареста не сталкивалось 75,1% сотрудников УИИ.

О возникающих трудностях при установлении и фиксации нарушений в ходе исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста заявило 44,4% респондентов при ответе на вопрос 11 опросного листа.

Тем не менее, как следует из ответов специалистов на вопрос 13 опросного листа, в течение года (2016 г.) 21,5% сотрудников УИИ было выявлено 1 до 3 нарушений, от 3 до 5 нарушений – 9% и от 5 и более нарушений – 19,5%. Ни одного нарушения не было выявлено 45,6% сотрудников УИИ.

Трудности при взаимодействии с судами, органами прокуратуры, следствием и дознанием при осуществлении контроля за домашним арестом испытывало 41% сотрудников УИИ (вопрос 12 опросного листа).

В завершающем вопросе 14 опросного листа респонденты указали количество решений об отмене домашнего ареста, в основу которых легли составленные ими материалы о нарушениях. Так, 39,8% сотрудников УИИ выявили от 1 до 3 нарушений, от 3 до 5 нарушений – 3% и от 5 и более – 1,8%.

Помимо опроса, в рамках исследования авторским коллективом был осуществлен сбор и анализ проблемных вопросов, возникающих у конкретного территориального органа ФСИН России, при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста. Перечислим некоторые из них:

1. Отсутствие правовых оснований у сотрудников УИИ для ограничения прав подозреваемых и обвиняемых на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и сети Интернет.
2. Отсутствие правовой регламентации осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым судебных запретов на период нахождения в суде, органе дознания или следствия.
3. Невозможность осуществления контроля, в том числе по причине отсутствия у сотрудников УИИ необходимых для этого средств контроля, за соблюдением запрета на общение с определенными лицами, отправку и

получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и сети Интернет при наличии у подозреваемого или обвиняемого разрешения суда на прогулку, учебу и осуществление трудовых функций вне места исполнения меры пресечения.

4. Моральное и физическое устаревание средств контроля, используемых сотрудниками УИИ, их частая поломка и выход из строя.
5. Игнорирование судом и органами предварительного расследования уведомлений (представлений) УИИ о нарушении подозреваемыми и обвиняемыми условий избрания мер пресечения.
6. Отказ операторов сотовой связи предоставлять УИИ информацию о подозреваемых и обвиняемых по запросам или выписке из решения суда об избрании меры пресечения.
7. Наличие запрета проверки подозреваемого или обвиняемого в ночное время.

Как видим, одной из серьезных проблем, связанных с исполнением альтернативных лишению свободы мер пресечения, является контроль за соблюдением запрета на использование средств связи и сети Интернет, который УИИ обеспечить в полном объеме в настоящее время по действующему законодательству Российской Федерации не может по объективным причинам.

Список литературы:

- [1] Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Дис.... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 35.
- [2] Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26-29.
- [3] Жилияев, Р.М., Антипов А.Н., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Осуществление контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: проблемы и пути решения: монография. М.: ФКУ НИИ ФСИН России – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. С. 17.
- [4] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Под ред. А.В. Смирнова. – СПб. – 1996. – Т. 2. – 784 с.
- [5] Попова М.Е. Обязательные работы как вид уголовного наказания: проблемы назначения // Марийский юрид. вестник. 2017. № 2 (21). С. 14-20.
- [6] Жилияев Р.М., Колотушкин С.М. К вопросу о возможности контроля за соблюдением лицами,

помещенными под домашний арест, запрета на использование средств связи и Интернета // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М.: ФКУ НИИ ФСИН России, Тверь: ФКУ НИИТ ФСИН России. 2020, выпуск 3. С. 349-354.

[7] Энциклопедический словарь правовых знаний. Под ред. С.Н. Братусь. – М. – 1965. – 512 с..

[8] Жилиев Р.М., Колотушкин С.М. К вопросу о возможности контроля за соблюдением лицами, помещенными под домашний арест, запрета на использование средств связи и Интернета // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). М.: ФКУ НИИ ФСИН России, Тверь: ФКУ НИИТ ФСИН России. 2020, выпуск 3. С. 349-354.

[9] Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение. – Казань. – 1981. – 136 с.

[10] В СПЧ рассказали Путину о проблеме с переполненными СИЗО (10.12.2024). РИА Новости [Электронный ресурс] // [сайт]. [2024]. URL: <https://ria.ru/20241210/sizo-1988446883.html> (дата обращения: 09.07.2025)..

[11] Домашний арест в российском уголовном процессе : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Салтыков Евгений Викторович; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург. – 2007. – 197 с.

[12] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Форма статистической отчетности: форма № 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» за 2011-2023 гг.: [сайт]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.07.2025).

Spisok literatury:

[1] Ovchinnikov Iu.G. Domashnii arest kak mera presecheniia v ugovnom protsesse: Dis.... kand. iurid. nauk. Omsk, 2006. S. 35.

[2] Fedotov I.S. Domashnii arest i zapret opredelennykh deistvii kak al'ternativa zakliucheniiu pod strazhu // Rossiiskaia iustitsiia. 2019. № 3. S. 26-29.

[3] Zhiliaev, R.M., Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Iu.N. Osushchestvlenie kontroliia za nakhozhdением подозреваемых или обвиняемых в

meste ispolneniia mery presecheniia v vide domashnego aresta i za sobliudeniem imi nalozhennykh sudom zapretov i (ili) ogranichenii: problemy i puti resheniia: monografiia. M.: FKU NII FSIN Rossii – Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2018. S. 17.

[4] Foinitskii I.Ia. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. Pod red. A.V. Smirnova. – SPb. – 1996. – Т. 2. – 784 s.

[5] Popova M.E. Obiazatel'nye raboty kak vid ugovnogo nakazaniia: problemy naznacheniiia // Mariiskii iurid. vestnik. 2017. № 2 (21). S. 14-20.

[6] Zhiliaev R.M., Kolotushkin S.M. K voprosu o vozmozhnosti kontroliia za sobliudeniem litsami, pomeshchennymi pod domashnii arest, zapreta na ispol'zovanie sredstv sviazi i Interneta // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii (nauchno-prakticheskoe ezhekvar'tal'noe izdanie). M.: FKU NII FSIN Rossii, Tver': FKU NIIT FSIN Rossii. 2020, vypusk 3. S. 349-354.

[7] Entsiklopedicheskii slovar' pravovykh znanii. Pod red. S.N. Bratus'. – М. – 1965. – 512 s.

[8] Zhiliaev R.M., Kolotushkin S.M. K voprosu o vozmozhnosti kontroliia za sobliudeniem litsami, pomeshchennymi pod domashnii arest, zapreta na ispol'zovanie sredstv sviazi i Interneta // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii (nauchno-prakticheskoe ezhekvar'tal'noe izdanie). M.: FKU NII FSIN Rossii, Tver': FKU NIIT FSIN Rossii. 2020, vypusk 3. S. 349-354.

[9] Zinatullin Z.Z. Ugovno-protsessual'noe prinuzhdenie. – Kazan'. – 1981. – 136 s.

[10] V SPCh rasskazali Putinu o probleme s perepolnennymi SIZO (10.12.2024). RIA Novosti [Elektronnyi resurs] // [sait]. [2024]. URL: <https://ria.ru/20241210/sizo-1988446883.html> (data obrashcheniia: 09.07.2025)..

[11] Domashnii arest v rossiiskom ugovnom protsesse : dis. ... kandidata iuridicheskikh nauk : 12.00.09 / Saltykov Evgenii Viktorovich; [Mesto zashchity: Ur. gos. iurid. akad.]. – Ekaterinburg. – 2007. – 197 s.

[12] Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] // Forma statisticheskoi otchetnosti: forma № 1 «Otchet o rabote sudov obshchei iurisdiktsii po rassmotreniiu ugovnykh del po pervoi instantsii» za 2011-2023 gg.: [sait]. [2024]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniia: 09.07.2025).

ГУДИНА Светлана Петровна,
аспирант кафедры теории государства и права,
трудового и социального права АНО ВО Московский
гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: selcha@yandex.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОТРИЦАНИЯ НЕОИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕ

Аннотация. Целью проведенного исследования является выявление причин того, когда и почему имперская идея в Европе и в европейском сознании перестала быть популярной. Методологическую основу работы составили анализ, индукция, аналогия, сравнение, а также частнонаучный исторический метод на основе диалектического подхода.

В статье обосновывается актуальность темы изучения империй в контексте современной геополитической ситуации, когда на основе теории и практики полицентричного мира возможно появление неоимперских государств. В качестве исследовательской базы взята история государственных образований на территории Европы. Автором дается краткий ретроспективный анализ сущности европейских империй, включая Российскую.

Во многом сегодняшняя политическая ситуация вокруг нашей страны создана Евросоюзом тем, что на уровне государств, входящих в него, категорически отторгается сама идея создания неоимперии на карте Европы.

Ответ на вопрос, почему в Европе сейчас неактуальна идея новой империи, автору видится в двух направлениях, одно из которых основывается на приоритетной сейчас идее общеевропейского дома, а второе сформировано негативным историческим опытом малых стран Европы, ранее входивших в какие-либо империи, порождающим элементарный страх.

Ключевые слова: империя, государство, идея, Россия, Европа, интеграция, Евросоюз.

GUDINA Svetlana Petrovna,
PhD student, Department of Theory of State and Law,
Labor and Social Law, ANO HE Moscow Humanitarian University,
Moscow, Russia

POLITICAL LEGAL AND HISTORICAL DETERMINANTS OF THE DENIAL OF NEO-IMPERIAL STATEHOOD IN EUROPE

Annotation. The purpose of the study is to identify the reasons for when and why the imperial idea in Europe and in the European consciousness has ceased to be popular. The methodological basis of the work was analysis, induction, analogy, comparison, as well as a private scientific historical method based on a dialectical approach.

The article substantiates the relevance of the topic of studying empires in the context of the modern geopolitical situation, when, on the basis of the theory and practice of the polycentric world, the emergence of neo-imperial states is possible. The history of state formations in Europe is taken as a research base. The author gives a brief retrospective analysis of the essence of European empires, including the Russian one.

In many ways, the current political situation around our country was created by the European Union by the fact that at the level of the states included in it, the very idea of creating a neo-empire on the map of Europe is categorically rejected.

The answer to the question why the idea of a new empire is now irrelevant in Europe, the author sees in two directions, one of which is now based on the priority idea of a pan-European house, and the second is formed by the negative historical experience of small European countries that were previously part of any empires, generating elementary fear.

Key words: empire, state, idea, Russia, Europe, integration, European Union.

I. ВВЕДЕНИЕ

Геополитические события на международной арене последних лет подняли заново тему соотношения понятий «Россия» и «империя». Неоднократно в выступлениях зарубежных лидеров Европы указывалось на то, что Россия возрождает империю, и звучали обвинения в особом имперском сознании нашего государства. Появление новых вызовов парадоксально приводит к выводам, основанным на прошлом опыте. Создается впечатление, что многие главы Евросоюза ждали конкретного момента, чтобы проявить всю силу неприятия к России, именно как к государству с неоимперскими амбициями.

Почему имеет смысл сравнивать историю России и Европы? Зачем России необходимо было чувствовать себя частью Европы последние триста лет? Отчего сегодня эти взаимоотношения такие острые? По мнению Хлуткова А. Д. российская тяга к Европе выражается в этом: «Для нас Европа всегда была ближе, ощущение родства с ней было более очевидно и понимание необходимости возвращения в Европу выглядит абсолютно логично.» [15, с. 31]. Как бы современная политическая повестка ни выталкивала Российскую Федерацию из влияния на европейскую агенду, наша страна по-прежнему часть этого мира. Объект исследования – «неоимперские амбиции», которые можно трактовать, как стремление к восстановлению имперского влияния в новых

исторических условиях XXI века. Предмет исследования – политико-правовые и исторические барьеры неоимперских проектов в Европе в настоящее время. Целью исследования является выявление политико-правовых и историко-культурных причин девальвации имперской идеи в Европе (XX–XXI вв.), включая роль интеграционных процессов и коллективной памяти.

II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным методом в данном исследовании является историко-правовой. Проводился системный анализ взаимодействия европейских и российских истории и права с политикой и культурой. Использовался глубокий диалектический подход при исследовании источников. Материал для статьи собирался в научной литературе, преимущественно из публикаций последних лет.

Новизна исследования заключается в концептуальном предположении, что политико-правовой дискурс Европы сегодня во многом строится на исторической памяти небольших государств современного ЕС, имеющих страх перед сильными соседями – бывшими империями.

III. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В исследовании выявлены следующие два взаимосвязанных фактора природы отрицания неоимперской государственности в Европе:

Таблица 1. Выявленные факторы

Политико-правовой	Историко-мнемонический
Победа интеграционной идеи «общего европейского дома», исключающей наличие иерархических имперских структур.	Травматичный опыт малых наций, ставший основой для всеевропейского отторжения имперских реваншистских проектов, подогреваемых русофобией.

Империя, как вид государственности. Исторический метод исследования дает нам возможность рассмотреть примеры разнообразных империй, так как человечество активно использовало данную конструкцию государственности на всех этапах своего развития в глобальном масштабе. При этом единого признанного термина империи не существует. Некоторые исследователи проводят каталогизацию по десяткам параметров, чтобы как-то структурировать понятие «империя». Само латинское слово *imperium*, происходящее из латыни, означает суверенную власть на определенной территории.

Охарактеризуем империи несколькими общими признаками.

1. Империя – это в первую очередь, некая цивилизация. Мы говорим Древний Рим – и

сразу становится понятна вся культурно-историческая парадигма. Грачев Н. И. видит империю как «общность наций, народов, различных этнополитических образований, занимающих значительный географический ареал и принадлежащих к единой исторически сложившейся культуре. Это существенно отличает империю от других государственных конструкций организации общества – античного полиса, средневековых сеньорий, абсолютных монархий, национальных государств Нового и Новейшего времени, являющихся формой существования отдельных наций и народов или родственных по происхождению этнических групп.» [2, с. 21].

2. Империя – это большая территория, на которой одновременно существуют разные национальные и культурные интеграции. Шишков В. В. видит несколько разнонаправленных причин связывать обширные земли и империю: «Применительно к империи большая территория есть, во-первых, результат экспансии, и, следовательно, постоянно наличествующее доказательство могущества. Во-вторых, это средство к приращению могущества: дополнительное пространство — источник новых ресурсов (природных, демографических), новых выгод от географического положения и т.п. В-третьих, пространство есть поле для проявления растущих сил государства в будущем, необходимое условие их роста, т.е. с одной стороны — объект приложения могущества, с другой — материя, в которую это могущество воплотится.» [17, с. 112].
3. В основе империи существует формирующий этнос со своим языком. «Государство-образующий этнос – это такой этнос, который доминирует в рассматриваемом государстве и дал ему название, религию, культуру и границы.» [19, с. 72] – дает определение Щемелинин К. С.
4. Можно утверждать, что каждая империя также имела свою идеологию. Вероятно, то, что империи интересны человечеству и не исчезают с карт мира весь период истории, немало способствует идеологическая составляющая. Грачев Н. И. замечает – «чтобы создать органическое единство всех стран и народов, входящих в империю, нужен объединяющий социально-политический проект, некая общая идея их существования» [3, с. 10].

Европейские империи в зеркале истории. Политико-правовой аспект империи основывается на том, что каждая из них уникальна. Рассмотрим исторический опыт именно Европы.

Основой основ для многочисленных исследований является Римская империя. Средневековая Европа, исторически и культурологически впитала идею империи из римского периода. Единство истории с Древним Римом и первыми христианами, объединение религией, правом, историей – все это отражало многообразие империи в средневековом восприятии европейцев. Можно сказать, что идея империи способствовала оформлению представления о том, каким должен быть законный миропорядок. Целью Римской империи, как и оправданием ее существования, считалось установление мира, порядка и справедливости. «Под влиянием этих идей понятия «весь мир» (*orbis terrarum*) и «империя» (*imperium*) стали тождественны» [1, с. 77] – пишет Балакин В. Д.

Надо отметить, что аналогичный процесс развивался в Древней Руси, опирающейся в своей теории и практике власти на феномен Восточной Римской империи – Византии. Религия православия, симфония властей духовной и светской, порождающая особые виды правоприменения, – все это также отражало многоликость имперского подхода, к которому стремились русские, «питаясь» идеями Византийской империи. Чэнь Ш. замечает по поводу – «Адаптация византийского наследия в Древней Руси была многоаспектным процессом, который охватывал как религиозные, так и политические аспекты жизни.» [16, с. 360].

Можно сказать, что Европа и Россия в тот период своей истории имели единые образцы – государственности, христианства и построения церкви, власти верховного правителя, как избранника Бога, соотношения мирских и церковных властей.

Развитие технологий мореплавания и географические открытия в Северной и Южной Америке привели к появлению империй, которые были наиболее развитыми в этих вопросах. Помимо Великобритании, речь идет о Португалии и Испании. Эти государства с юга и востока имели активно развивающихся соседей из мусульманского мира, и возможность завоевания неизвестных территорий с моря оказалось средством для развития имперских амбиций, которые в тот исторический период не вызывали нареканий. При чем Калинина Е. Ю. трактует тягу осознавать себя империей Испанией как «ценностный концепт» [6, с. 56] еще тогда, когда процесс создания сильного государства не был закреплен ни фактически, ни в правовом поле.

Отметим уже упомянутую Британскую империю, имеющую также большое количество колоний за пределами морей и океанов. Великобритания, как государство, всегда имела особые черты, не совпадающие с характеристиками стран континентальной Европы. Особая ментальность британцев, которую распространил английский язык, привнесенный в колонии, а также своеобразная англо-саксонская система права, англиканская церковь, порвавшая с католицизмом – все это вкуче сделало государство самобытным. Распространение этого культурного кода отмечают Казакова М. Д. и Громова Л. С.: «Попытки внедрения англосаксонской правовой системы метрополии складывались удачно. Колониальное право, дарованное англичанами, вводило понятие судебного прецедента и регулировало земельное, наследственное и семейное право. Поскольку право распространялось на все захваченные регионы, то и язык распространялся повсеместно.» [5, с. 212]. Но национально-освободительные движения XX века и отрицание смыслов британской цивилизации привели к тому, что и

эта империя распалась. С исчезновением этой могущественной империи на карте мира идея империализма пошатнулась основательно.

Российская империя строилась по несколько иным параметрам, чем другие. Во-первых, это самая большая страна по территории, при этом Россия завоевывала или привлекала мирным путем под свой флаг в массе территории, находящиеся рядом со своими границами. Во-вторых, на протяжении всей истории, как бы это государство ни называлось: Древняя Русь, Московское княжество, Российская империя, – оно имело амбиции несущего свет и цивилизацию вслед за Византией. «Оставшись единственным независимым православным государством после падения Византии и подчинения восточнохристианского мира власти турецкого султана, Россия осознала себя защитницей Православия во всем мире.» [10, с. 68] – отмечает это мессианство Моница Н. П.

Появление на карте мира государства СССР, практически в рамках бывшей Российской империи, активное восстановление могущества, позволило довольно быстро на Западе начать именовать его «красной империей». Сейчас же такое определение становится научно приемлемым и у российских ученых, например, согласно мнения Грачева Н. И.: «...при поиске оптимальной модели государственной формы, особенно в революционной ситуации, нельзя догматично противопоставлять демократию диктатуре, унитаризм – федерализму, централизацию – автономии и т. д., что хорошо продемонстрировало руководство большевистской партии, создав обновленную версию гигантской евразийской (российской) континентальной империи социалистического типа.» [4, с. 13].

Германия сыграла значительную роль в европейской континентальной цивилизации. На протяжении тысячелетий Германское государство, будь это Священная римская империя германской нации Карла Великого, экспансивная Пруссия или Германский рейх XIX века, существование которого связано с деятельностью Отто Бисмарка, – это государство однозначных имперских амбиций. После победы над Третьим рейхом во Второй мировой войне и до сих пор Германия балансирует между постоянным чувством вины перед завоеванными в XX веке народами и состоянием собственной значимости, которая ей свойственна. Новикова М. В. замечает, что в начале XXI века это становится даже объектом искусства: «можно сказать, что проблема страдания немецкого населения в годы Второй мировой войны в нулевые годы становится доминирующей в художественной культуре.» [11, с. 125].

Австро-Венгерская империя в контексте данного исследования интересна тем, что вклю-

чала в себя части территорий, которые сегодня составляют население небольших государств Европы – Румынии, Болгарии, Венгрии, стран, которые в XXI веке существуют на месте бывших Югославии и Чехословакии и других. «Рассматриваемое государство может быть отнесено к числу сложных. Австро-Венгрия состояла из двух формально независимых государств – Австрии и Венгрии. Каждое из них имело собственную конституцию, органы законодательной (рейхсрат в Австрии и сейм в Венгрии) и исполнительной власти (так, помимо «общих» министерств, на территории каждой части империи функционировали свои министерства).» [12, с. 68] – характеризуют Австро-Венгерскую империю Парфенов А. В. и Соборнов П. Е. После распада этой империи в 1918 году и до сего дня малые государства центральной Европы, входившие некогда в эту империю, пережили многочисленные трансформации, которые не могли не сказаться на их решимости войти в Евросоюз, когда это стало возможно.

XX век с позиции развития государственно-сти разных стран можно назвать веком национальной идентичности и национально-освободительного движения. Первая мировая война, Великая русская революция, создание СССР, появление нацистских фашистских государств в Европе, Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция государств, появление противостояния СССР и США, ядерная угроза, национально-освободительные движения в Азии и Африке, распад Британской империи, а затем и СССР – таковы крупные исторические потрясения этого века. Все они, с исторической точки зрения, в совокупности повлияли на создание в Европе объединения государств, известного сейчас как Европейский Союз.

Угасание имперских амбиций в Европе

Суть империи – противопоставление национальной идее. Современные государства – государства национальные. Распад империй и появление на карте мира государств, которые исторически имеют недолгий путь собственной идентичности, так как всегда входили в какие-то имперские государства, привело к тому, что данные государства в Европе были рады объединению под эгидой идеи общеевропейского дома, даже наряду с теми, которые имели имперский опыт.

Концепт империи теперь стал настолько неактуальным в Европе, что не просто вызывает неприятие, но активно критикуется на высшем уровне главами государств, входящих в Европейский союз и комиссарами ЕС. Особенно потому, что концепт этот наблюдается со стороны России, которая усилением влияния на международной арене, формированием идеологии «русского мира», использованием «мягкой силы» и наращи-

ванием военного потенциала формирует то, что в реалиях XXI века можно назвать «неоимперией».

Ответ на вопрос, что лежит в основе этого европейского отторжения, можно обнаружить в двух направлениях. Одно из них дает идея объединенной Европы. Зарождение этой идеи восходит к античности, появление христианства тоже сыграло объединяющую роль для стран, исповедующих данную религию. Общая история и экономическая интеграция на континенте также способствовали формированию идеи, и ее воплощению, которое являет собой Евросоюз. До появления этого объединения государств мы можем ретроспективно исследовать движение идеи от древнегреческой мифологии, через всю историю европейской философской мысли, – к современному политическому строительству. Марченко М. Н. отмечал, что «в немалой степени европейская интеграция стала возможной вследствие того, что во всей Европе веками существовали одни теории и институты правовых, политических, культурологических и идеологических смыслов.» [9, с. 3].

Анализируя развитие европейской государственности от античности до наших дней, также необходимо отметить исторический опыт малых стран Центральной и Южной Европы, которые в течение своей истории не раз переходили в состав того или иного сильного государства, зачастую империи. С этим анализом мы приходим ко второй причине непопулярности сейчас идеи империи в Европе, – это использование определенными силами внутреннего страха лишиться национальной идентичности народами, составляющими население малых европейских государств с небольшим, по историческим меркам, опытом суверенитета. Например, Макухина Я. М. пишет: «После распада СССР и получения независимости в 1991 году Молдавия столкнулась с глубокими политическими, экономическими и социальными проблемами, что только усилило националистические настроения. В подобных условиях у молдавских политиков инстинктивным образом выработалась привычка к повседневному оппортунизму (читай «взятничеству и политической продажности»), постоянной подпитке национального самосознания масс (все чаще стали слышны призывы «стать хозяевами в своем доме») и обвинению в общественных бедах других народов и их правительств (националистические партии Молдавии по сей день стремятся использовать популизм и негативные чувства к другим этническим группам для мобилизации электората и достижения собственных политических целей).» [8, с. 59].

Описывая другой регион, Клименко З. В. указывает: «...нынешнее положение дел на Балканах позволяет говорить не о непредвиденных

последствиях непродуманных шагов, а о планомерной реализации долговременной тщательно продуманной стратегии, призванной привести к ожидаемой цели – получению контроля над территорией Югославии как доминирующей страны на Балканах при одновременном максимальном сокращении российского присутствия здесь.» [7, с. 73].

О пути Польши пишут Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В. и Гнатенко Н. И.: «Кроме того, на польскую русофобию, спецификой которой выступает ярко выраженный эмоциональный эпатаж, мощное дополнительное влияние оказывает историческая память, вобравшая все перипетии событий русско-польских отношений, насчитывающих тысячелетнюю историю. Многочисленные войны за спорные территории, а затем и лишение поляков политической независимости на 120 лет в сочетании с некоторыми особенностями польской ментальности (уверенность в аристократическом превосходстве) сформировали устойчивую неприязнь к России как коллективной общности.» [14, с. 76].

С одной стороны, когда мировое сообщество последние четверть века утверждалось в концепции глобализации, говорить о страхе потери национальной идентичности не логично. С другой, можно опять обратиться к истории, и сравнить периоды времени существования европейских империй с годами наличия условной глобализации. Это сравнение дает осознание, что экзистенциальный страх перед сильным соседом-империей некоторых национальных государств на карте Европы не просто является составляющим политической жизни, но и определяет эту жизнь. Например, те же Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В. и Гнатенко Н. И. отмечают: «Ключевым моментом здесь выступает фактор субъективной самопрезентации населения этих стран в качестве части западного мира, что обуславливает мотив стремления максимально дистанцироваться от России, и ее культуры, объявляя их азиатскими.» [14, с. 76].

Пугающая Россия всегда под боком, ее наличием можно многое оправдать. «У Запада всегда была и есть своя Россия, вовсе на нашу страну не похожая. Мы можем меняться сколько угодно, но в глазах Запада мы остаемся варварской, дикой и деспотичной Россией, неизменно стремящейся к экспансии. При этом для Запада Россия всегда будет империей, неважно, идет ли речь о Московском царстве, Российской империи, Советском Союзе или современной России.» [13, с. 21] – отмечает этот процесс Танышина Н. П.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исторический экскурс с политико-правовым анализом сущности разви-

тия европейской государственности дает представление о, как минимум, двух направлениях в отторжении сегодня идеи создания неоимперского государства на континенте. Одно из них – следствие общеевропейской интеграции, построенной на противопоставлении имперской идее. Хотя доктрина общего европейского дома развивалась параллельно созданию и существованию крупных европейских империй, наряду с ними, внутри них, не отрицая их, но сейчас пришла к заключению – полного их отрицания.

Второе направление непопулярности возможного появления неоимперий в европейском пространстве заключается в том, что государствообразующие нации и народы Евросоюза имеют историческую память, которая также настраивает их на острое неприятие имперской идеи, так как им всегда приходилось балансировать в отношениях с сильными соседними государствами-империями.

Список литературы:

- [1] Балакин В. Д. Идея империи и имперская традиция в раннем Средневековье // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. №6.
- [2] Грачев, Н. И. Империя как государственная форма существования локальной цивилизации: политико-правовые признаки и понятие / Н. И. Грачев // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2021. – № 43(43). – EDN XAMPXL.
- [3] Грачев Н. И. Особенности имперского суверенитета в исторической ретроспективе и перспективе // Вестник Волгоградской Академии МВД России № 2 (61) 2022, С. 9-17.
- [4] Грачев, Н. И. Советский Союз как империя: к вопросу о политико-правовой природе территориального устройства СССР / Н. И. Грачев // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 12-25. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2022.4.2. – EDN JXVZEL.
- [5] Казакова, М. Д. Влияние английского языка на колонии Британской империи / М. Д. Казакова, С. Л. Громова // Иностранный язык - ключ к успеху : Материалы I Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием. В 2-х томах, Тверь, 03–04 апреля 2024 года. – Москва: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. – С. 207-212. – EDN RAONXY.
- [6] Калинина, Е. Ю. Конструирование империи в средневековой Испании как технология формирования государственно-правовой идентичности / Е. Ю. Калинина // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 2. – С. 51-58. – EDN SLSRTZ.
- [7] Клименко, З. В. Глобальное устойчивое развитие и национальное государство (на примере бывшей Югославии) / З. В. Клименко // История и современность. – 2019. – № 4(34). – С. 59-77. – EDN JCJNII.
- [8] Макухина, Я. М. Национализм Восточно-европейских государств на примере Республики Молдовы: история и политика / Я. М. Макухина // Человеческий капитал. – 2024. – № 3(183). – С. 57-64. – DOI 10.25629/HC.2024.03.05. – EDN VHCAUO.
- [9] Марченко М. Н. Эволюция европейских объединительных идей (XI-XIX вв.). Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. №3. С. 3-12.
- [10] Мони́на, Н. П. Идеологема «Москва - третий Рим» в контексте национальной идеи России: культурологический аспект / Н. П. Мони́на // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-1(50). – С. 67-69. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11342. – EDN BVKSPQ.
- [11] Новикова М. В. Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 117–126. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-117-126
- [12] Парфенов, А. В. О нетипичных формах правления: специфика и сущность государственно-правового устройства Австро-Венгерской империи 1867-1918 годов / А. В. Парфенов, П. Е. Соборнов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 3(46). – С. 60-71. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3540. – EDN EMSQHQ.
- [13] Таньшина, Н. П. Концепция «Москва - Третий Рим» и образ России как «Вечной Империи»: взгляд с запада / Н. П. Таньшина // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – 2024. – № 2(54). – С. 20-30. – EDN CBIVTY.
- [14] Тамбиянц, Ю. Г. Русофобская составляющая цивилизационного сознания Чехии и Польши: историософское рассмотрение / Ю. Г. Тамбиянц, В. В. Шалин, Н. И. Гнатенко // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 5(133). – С. 66-78. – DOI 10.24158/fik.2025.5.7. – EDN LEVKMW.
- [15] Хлутков, А. Д. Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года / А. Д. Хлутков, Н. М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6(174). – С. 27-33. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33. – EDN FXIHUW.
- [16] Чэнь, Шуаншуан. Рецепция концепции «Москва - Третий Рим» как философская основа политической идентичности Древней Руси / Ш. Чэнь // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 11. – С. 359-363. – EDN FRGNST.

[17] Шишков В.В. Изучение империи: от определения и концептуальных моделей к выявлению парадигмы // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. №1. С. 111-118.

[18] Шишков В. В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 22-36.

[19] Щемелинин, К. С. Аксиома об этносе и его собственном государстве. Два закона о государствообразующем этносе / К. С. Щемелинин // NovaUm.Ru. – 2023. – № 45. – С. 71-80. – EDN LMXUQB.

Spisok literatury:

[1] Balakin V. D. Ideya imperii i imperskaya tradiciya v rannem Srednevekov'e // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2008. №6.

[2] Grachev, N. I. Imperiya kak gosudarstvennaya forma sushhestvovaniya lokal'noj civilizacii: politiko-pravovy'e priznaki i ponyatie / N. I. Grachev // Vestnik Vostochno-Sibirskoj Otkrytoj Akademii. – 2021. – № 43(43). – EDN XAMPXL.

[3] Grachev N. I. Osobennosti imperskogo suvereniteta v istoricheskoy retrospektive i perspektive // Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rossii № 2 (61) 2022, S. 9-17.

[4] Grachev, N. I. Sovetskij Soyuz kak imperiya: k voprosu o politiko-pravovoj prirode territorial'nogo ustrojstva SSSR / N. I. Grachev // Pravovaya paradigma. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 12-25. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2022.4.2. – EDN JXVZEL.

[5] Kazakova, M. D. Vliyanie anglijskogo yazy'ka na kolonii Britanskoy imperii / M. D. Kazakova, S. L. Gromova // Inostrannyj yazyk - klyuch k uspehu : Materialy I Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyx uchyonyx s mezhdunarodnym uchastiem. V 2-x tomax, Tver', 03–04 aprelya 2024 goda. – Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni A.N. Kosygina (Tekhnologii. Dizajn. Iskusstvo), 2024. – S. 207-212. – EDN RAONXY.

[6] Kalinina, E. Yu. Konstruirovaniye imperii v srednevekovoy Ispanii kak tekhnologiya formirovaniya gosudarstvenno-pravovoj identichnosti / E. Yu. Kalinina // Zhurnal yuridicheskoy antropologii i konfliktologii. – 2023. – № 2. – С. 51-58. – EDN SLSRTZ.

[7] Klimenko, Z. V. Global'noe ustojchivoe razvitiye i nacional'noe gosudarstvo (na primere byvshej Yugoslavii) / Z. V. Klimenko // Istoriya i sovremenost'. – 2019. – № 4(34). – С. 59-77. – EDN JCJNIH.

[8] Makuxina, Ya. M. Nacionalizm Vostochno-evropejskix gosudarstv na primere Respubliki Moldovy: istoriya i politika / Ya. M. Makuxina // Chelovecheskij kapital. – 2024. – № 3(183). – С. 57-64. – DOI 10.25629/HC.2024.03.05. – EDN VHCAUO.

[9] Marchenko M. N. E'voljuciya evropejskix ob'edinitel'nyx idej (XI-XIX vv.). Stat'ya pervaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2008. №3. S. 3-12.

[10] Monina, N. P. Ideologema Moskva - tretij Rim v kontekste nacional'noj idei Rossii: kul'turologicheskij aspekt / N. P. Monina // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. – 2020. – № 11-1(50). – С. 67-69. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11342. – EDN BBKSPQ.

[11] Novikova M. V. Problema nacional'noj travmy v kollektivnoj pamyati nemcev ob'edinennoj Germanii // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya». 2021. № 2. S. 117–126. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-117-126

[12] Parfenov, A. V. O netipichnyx formax pravleniya: specifika i sushhnost' gosudarstvenno-pravovogo ustrojstva Avstro-Vengerskoj imperii 1867-1918 godov / A. V. Parfenov, P. E. Sobornov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2021. – № 3(46). – С. 60-71. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3540. – EDN EMSQHQ.

[13] Tan'shina, N. P. Konceptciya «Moskva - Tretij Rim» i obraz Rossii kak «Vечноj Imperii»: vzglyad s zapada / N. P. Tan'shina // Vestnik Gosudarstvennogo social'no-gumanitarnogo universiteta. – 2024. – № 2(54). – С. 20-30. – EDN CBIVTY.

[14] Tambiyancz, Yu. G. Rusofobskaya sostavlyayushhaya civilizacionnogo soznaniya Chexii i Pol'shi: istoriosofskoe rassmotrenie / Yu. G. Tambiyancz, V. V. Shalin, N. I. Gnatenko // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2025. – № 5(133). – С. 66-78. – DOI 10.24158/fik.2025.5.7. – EDN LEVKMW.

[15] Xlutkov, A. D. Evropejskij vy'bor rossijskoj civilizacii: imperativy 2023 goda / A. D. Xlutkov, N. M. Mezhevich // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2023. – № 6(174). – С. 27-33. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33. – EDN FXIHUW.

[16] Che'n', Shuanshuan. Recepciya koncepcii «Moskva - Tretij Rim» kak filosofskaya osnova politicheskoy identichnosti Drevnej Rusi / Sh. Che'n' // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2024. – № 11. – С. 359-363. – EDN FRGNST.

[17] Shishkov V.V. Izuchenie imperii: ot opredeleniya i konceptual'nyx modelej k vy'yavleniyu paradigmy // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2013. №1. S. 111-118.

[18] Shishkov V. V. Imperiya kak ponyatie i koncept sovremennoj politicheskoy nauki: problemy interpretacii. – Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 22-36.

[19] Shhemelinin, K. S. Axioma ob etnose i ego sobstvennom gosudarstve. Dva zakona o gosudarstvoobrazuyushhem etnose / K. S. Shhemelinin // NovaUm.Ru. – 2023. – № 45. – С. 71-80. – EDN LMXUQB.

ЖУЛАНОВ Александр Владимирович,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕППЕЕВ Алан Атлыевич,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

НАКАЗАНИЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ 17-18 ВЕКОВ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому обзору мер ответственности за государственные преступления в российском уголовном праве 17-18 веков. Установлено, что впервые понятие «государственное преступление» стало выделяться в эпоху судебных кодексов, то есть с конца XV века, а оформилось в отдельное направление уголовного права в связи с принятием Соборного уложения 1649 года. Выявлена особенность назначения наказания за государственные преступления в 17-18 вв., жестокое наказание в виде казни ждало преступника независимо от того к какому сословию он принадлежал, в тоже время назначение большей части наказаний в исследуемом историческом периоде носило сословный характер (уровень ответственности определялся классовой принадлежностью). Также было установлено, что назначение наказания зависело от воли царской особы. В частности, во времена Елизаветы Петровны смертная казнь заменялась каторгой и ссылкой.

Ключевые слова: государственные преступления, судебник, соборное уложение, воинский устав, смертная казнь, ссылка, каторжные работы.

ZHULANOV Alexander Vladimirovich,
candidate of pedagogical sciences, Associate Professor
of the Department of Theory and history of law and state
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TEPPEEV Alan Atlievich,
candidate of pedagogical sciences,
Senior lecturer of the state, civil and law disciplines chair
of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PUNISHMENT FOR STATE CRIMES IN RUSSIAN LAW OF THE 17TH-18TH CENTURIES: A HISTORICAL AND LEGAL REVIEW

Annotation. The article is devoted to the historical and legal review of measures of responsibility for state crimes in Russian criminal law of the 17-18 centuries. It was established that for the first time the concept of "state crime" began to be distinguished in the era of judicial codes, that is, from the end of the 15th century, and was formed as a separate area of criminal law in connection with the adoption of the Cathedral Code of 1649. The peculiarity of sentencing for state crimes in the 17-18 centuries was revealed: a cruel punishment

in the form of execution awaited the criminal regardless of what class he belonged to, at the same time, the appointment of most punishments in the studied historical period was of a class nature (the level of responsibility was determined by class affiliation). It was also established that the appointment of punishment depended on the will of the royal person. In particular, during the time of Elizabeth Petrovna, the death penalty was replaced by hard labor and exile.

Key words: *state crimes, code of laws, cathedral code, military regulations, death penalty, exile, hard labor.*

Вопросы наказания за совершение государственных преступлений имеют особую значимость, так как подобные деяния представляют собой серьезную угрозу для общества. Осуществление таких преступлений может привести к трагическим последствиям и огромным потерям. Их предотвращение выступает одной из актуальных государственных задач. Установление мер наказания сообразно ущербу, который терпит общество как результат совершения государственных преступлений, выступает одним из действенных инструментов борьбы с подобными деяниями.

На современном этапе развития политической сферы общества, под государственными преступлениями подразумеваются деяния против существующего государственного строя. Это могут быть попытки насильственного свержения власти, с целью изменения конституционного строя, заговоры, а также преступления внешнего характера: шпионаж в пользу другой страны, государственная измена [5, с. 116]. В целом суть понятия государственного преступления в исторической ретроспективе значительно не изменилась, только расширилось понимание видов преступлений, которые относятся в состав государственных.

Некоторые аспекты значимости предотвращения совершения государственных преступлений выглядят следующим образом: подобного рода деяния создают угрозы существующему политическому строю; отрицательно отражаются на результатах деятельности государственных органов власти; в результате данного вида преступлений нарушаются права и свободы граждан государства и снижается уровень уверенности граждан в защите со стороны государства.

Об эффективности применения тех или иных мер наказания можно судить на основании изучения исторического опыта, который позволяет понять особенности формирования государства и правовой сферы, и выявить возможные пути развития правовой мысли.

Советский и российский историк, доктор исторических наук Е.В. Анисимов склонен считать, что появление в отечественном праве понятия государственных преступлений имеет отно-

шение к эпохе так называемых судебников (конец XV-XVI вв.) [1, с. 5]. Причем если первоначально преступления против государя (и государства) входили в состав тяжких преступлений, то по мере развития правовой сферы они выделились в отдельные нормы права.

Конец XVI и начало XVII века можно охарактеризовать как время законодательных инициатив в России. Так, в данный исторический период последовательно были приняты сразу три Сборника законов: 1550, 1589 и 1606-1607 гг. Учитывая выбранный для анализа временной отрезок, внимание для исследования представляет судебник 1606-1607 гг. Необходимо отметить, что данный сборник законов был принят в период правления царя Лжедмитрия I (период правления с 1 июня 1605 года по 17 мая 1606 года). Как результат, историками высказывается мнение, что, по сути, судебник 1606-1607 гг. не был признан официально. Тем не менее, существуют доказательства того, что документ находил применение в судебной практике, помимо этого, нововведения, которые наблюдались при разработке документа нашли использование впоследствии при составлении Соборного уложения 1649 года [12, с. 197].

Как считает М.Д. Чупова, принятие судебного 1606-1607 гг. является недооцененным историческим событием [12, с. 203]. Это связано с тем, что судебник 1606-1607 гг. имел своей целью упорядочение существующего на тот момент законодательства и во многом представлял собой улучшенную версию судебного 1550 года. Особенностью документа выступал тот факт, что многие его положения были систематизированы по темам и объединены соответствующим образом. Структурно документ состоял из граней (аналог глав), которые в свою очередь делились на главы (аналог статей).

Регулирование вопросов ответственности за особо опасные деяния, к которым относились и государственные преступления, было выделено в отдельную грань 9 «О государском убийце, и о градском здравце, и кромолнике, и церковном и головном тате, и о подметчике, и о захигалщике». Таким образом, Грань 9 устанавливала наказания в отношении следующих преступных деяний: убийство господина, преступления против поли-

тического строя Московского государства, включая участие в мятеже или бунте, преступления против Церкви, кража и продажа людей, и некоторые другие виды преступлений. Наказание, которое полагалось за перечисленные преступные деяния – смертная казнь [6, с. 31]. Как видно из изложенного, пока еще государственные преступления не были отделены из состава тяжких преступлений.

Заметное развитие уголовное право в России получило после так называемого Соляного бунта. Это крупнейшее восстание 17 века, которое произошло в 1648 году в Москве и ее окрестностях (период царствования Алексея Михайловича). П.А. Сукова причины Соляного бунта систематизировала следующим образом:

- по инициативе Думного дьяка Назария Чистого был введен новый «соляной» налог (таможенные пошлины на соль), учитывая, что это был единственный консервант на тот момент, введение новой пошлины привело к удорожанию значительной части продовольствия. В 1647 году пошлина была отменена, однако экономические проблемы решены не были;
- для компенсации потерь от отмены таможенных пошлин на соль была изменена налоговая политика в отношении так называемых «черных слобод» (поселения в городских окрестностях, население которых занималось ремесленной и торговой деятельностью), наблюдалось существенное увеличение налогового бремени для данной категории граждан;
- происходило значительное социальное расслоение общества, боярин Б.И. Морозов и его приближенные, в руках которых была сосредоточена власть, в открытую занимались вымогательством и взяточничеством.

Итогом восстания стали поджоги и разорение многих боярских усадеб. Восставшими были убиты Назарий Чистый, администратор воевода Леонтий Плещеев, руководитель Пушкарского приказа Петр Траханиотов. Прямая угроза жизни возникла и для боярина Б.И. Морозова, лишь по личной просьбе царя Алексея Михайловича восставшие согласились сохранить ему жизнь [9, с. 819-821].

История показывает, что Соляной бунт – это одно из немногих восстаний, когда народ добился

выполнения своей воли. Боярин Ю.И. Морозов был выслан царем в один из монастырей, приближенная к царю «верхушка» сменилась, к власти пришли старообрядцы.

Царь Алексей Михайлович, осознавая необходимость перемен, созвал в 1648 году Земский собор, который разработал и утвердил новый свод законов – Соборное уложение 1649 года. Трагические события 1648 года закономерным образом отразились на содержании данного документа права.

Именно в рамках Соборного уложения 1649 года и было введено понятие «государственное преступление», при этом впервые преступления против государя и государства были отделены из состава тяжких преступлений в самостоятельный раздел. Документ регулировал государственное, административное, гражданское и уголовное право в России. Несмотря на предпринимаемые впоследствии попытки кодификации законодательства, включая и деятельность Уложенной комиссии при Петре I (1720-1725 гг.), Соборное уложение 1649 года просуществовало до 1835 года [4, с. 91].

Установлению мер ответственности за совершение государственного преступления в Соборном уложении 1649 года была полностью посвящена вторая глава «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать», включающая в себя 22 статьи. Как справедливо отмечает Е.В. Анисимов, уже из названия главы следует, что вся совокупность государственных преступлений делиться на две группы: это преступления против государевой чести и преступления против здоровья государя [11].

Развернутое комментирование Соборного уложения 1649 года было дано коллективом авторов: Г.В. Абрамович, А. Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Панеях [11]. Согласно мнению специалистов, все государственные преступления, в отношении которых определялась мера ответственности во второй главе документа, можно разбить на три группы: умысел на государево здоровье; различные виды измены царю и государству; скоп (собрание людей) и заговор против царя, бояр и воевод на местах.

Систематизируем виды государственных преступлений, за совершение которых было предусмотрено наказание во второй главе Соборного уложения 1649 года (таблица 1) [11, с. 145-155].

**Таблица 1. Виды государственных преступлений и мера ответственности за них
в соответствии со второй главой Соборного уложения 1649 года [с. 151]**

Статья и ее содержание	Понимание статьи	Наказание за совершение преступления
Статья 1. Наличие умысла против жизни или здоровья государя	В результате полемики, историки пришли к выводу, что в статье имеется в виду «голый» умысел, однако он должен быть подтвержден либо какими-либо словами, свидетельствующими о намерении привести его в исполнение, либо подтверждаться приготовлениями к его реализации	Смертная казнь, так как умысел против жизни и здоровья царя являлся политическим преступлением
Статьи 2, 3 и 4 Измена Московскому государству	Общие признаки измены (ст. 2): стремлением «Московским государством завладеть и государем быть», сбор сторонников смены власти, дружба с недругами царя (как внешними, например, недружественными странами, так и с внутренними – претендентами на престол. Частные признаки измены (ст. 3 и 4): сдача города неприятелю, поджог города с этой же целью	По статье 2 и 3 – смертная казнь, по статье 4 – смертная казнь путем сожжения
Статья 5 – имеет отношение ко всем представленным ранее статьям	Носит уточняющий характер, в отношении имущества преступников	Дополнительное наказания в виде конфискации имущества
Статьи 6, 7 и 8 – регулируют меру ответственности жены и детей преступника	Судьба жены и детей преступника решается на основании суждения о знании или незнания их о готовящемся преступлении. При этом, если было доказано, что родные не знали о преступлении, то из имущества, подлежащего конфискации им выделялась часть по усмотрению царя	Смертная казнь, если находилось подтверждение о знании родных о готовящемся преступлении, в противном случае освобождение от ответственности
Статьи 9 и 10 – регулируют меру ответственности других родственников	По смыслу данные статьи перекликаются с предыдущими и касаются родителей изменника и других родственников (братья, сестры, дядья и пр.)	Если было доказано знание о преступлении – то смертная казнь и конфискации имущества, в противном случае – полное освобождение от наказания
Статья 11 – регулировала вопросы отъезда в другую страну	Представитель высший знати мог поступить на службу в другое государство, данный шаг также приравнивалось к государственной измене	В данном случае, в качестве наказания следовала конфискации имущества, однако это не влекло за собой смертную казнь
Статьи 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19	Перечисленные статьи содержат в себе процессуальные нормы. В частности, ст. 18 и 19 обязывали извещать царя, бояр и знать о всех противоправительственных замыслах. Основа статей «извет» – донос о собирающемся преступлении	За отдельные преступления наказание: «как государь укажет», битье кнутом. За недонесение о заговоре – смертная казнь
Статьи 21 и 22 – регулировали такие преступления как приход скопом и заговор	Особенностью данных статей выступает тот факт, их предметом является приход скопом или заговор не только по отношению к царю, но и лиц, приближенных к нему	Если преступление было совершено в отношении царя и приближенных к нему – то смертная казнь всем участникам, если в отношении воеводы или приказных людей, то смертная казнь полагалась только зачинщикам

Историки склонны считать, что статьи 2, 3 и 4 подразумевали под субъектами преступлений высшие чины власти, так как все возможные события, перечисленные в них, могут относиться к ситуациям ведения военных действий или к периодам «немирных» отношений с соседними государствами. Комментируя наказание, установленное статьей 11, можно отметить, что в том случае, если преступник возвращался в Россию, часть имущества ему могло быть возвращено, а именно вотчина (имущество, доставшееся по наследству), однако поместья (землевладения, полученные в результате несения государственной или военной службы) должны быть заслужены вновь.

Сравнительно легкое наказание полагалось в ситуации ложного донесения, в тоже время, в соответствии со ст. 19, недонесение о заговоре каралось смертной казнью.

Здесь следует отметить еще один интересный момент, значительная часть статей второй главы опиралась на Статут Великого княжества Литовского (от 1588 года). В то время как ст. 20, 21 и 22 – это новые статьи.

Характеризуя особенности установления наказаний в соответствии с Соборным уложением 1649 года, можно выделить такие моменты (таблица 2) [6, с. 32].

Таблица 2. Характеристика системы наказаний за государственные преступления в соответствии с Соборным уложением 1649 года

Признак наказания	Характеристика признака наказания
Появление признаков индивидуальности наказания	Большая часть государственных преступлений, в соответствии со второй главой карались смертной казнью. Помимо этого, смертной казнью каралось и ближайшее окружение преступника (родители, жена, дети и другие ближайшие родственники), в том случае если они «ведали» про измену и не донесли. Во внимание при установлении наказания для ближайшего окружения принимался такой фактор как совместное или раздельное проживание
Сословный характер наказания	Как правило, при установлении наказания по большей части преступлений в учет принималось сословие преступника. Однако, когда речь шла о совершении государственного преступления, наказание назначалось независимо от социального класса, к которому принадлежал субъект
Наличие признака неопределенности при установлении наказания	В отдельных статьях уложения есть отсылка на волю царя, в частности трактовка могла звучать следующим образом: «как государь укажет», «по вине» или «наказать жестоко». В отдельных случаях вид наказания мог быть определен, но не определен способ его исполнения. Например, ст. 1 главы 2 устанавливала, что за умысел в отношении жизни и здоровья государя предусматривалось «казнить смертью». Тем не менее, способ казни оставался на усмотрение государя. Неопределенность наказания создавала дополнительное психологическое давление на преступников

Важным моментом, который стоит упомянуть по результатам анализа содержания Соборного уложения 1649 года выступает тот факт, что государственным преступлением признавалось преступное деяние, только в том случае, если оно было совершено в отношении царя, бояр, их ближайшего окружения вплоть до воевод. То есть, «Закон брал под защиту не только особу царя как монарха, но и весь государственный аппарат в целом, все его звенья в равной мере» [8, с. 155].

В рамках исследуемого вопроса обратимся к правоприменительной практике. Так, крупнейшим для 17 века судебным делом стало дело воевод М.Б. Шеина и А.В. Измайлова, которым вменялась в вину государственная измена. Исходя из истории вопроса, можно сделать вывод, что поражение русских войск под предводитель-

ством воеводы М.Б. Шеина при осаде Смоленска в 1632-1633 гг. было в большей степени обусловлено медлительностью действий московских властей и медленным подвозом боеприпасов. Как итог, было потеряно время, и подход к Смоленску в августе 1633 года регулярной польской армии привел к блокаде российских войск. В результате 16 февраля 1634 года, в условиях острого недостатка в фураже и боеприпасах, М.Б. Шеин был вынужден подписать соглашение с поляками о перемирии. Как указывают историки, для того времени условия перемирия были в целом выгодными для российской армии, однако М.Б. Шеину пришлось оставить неприятелю осадную артиллерию и лагерное имущество. Помимо этого, М.Б. Шеин и его полковники при проезде мимо польского военного лагеря должны были преклонить

знамена и поклониться польскому королю Владиславу IV. Данные обстоятельства привели к обвинению основных участников осады Смоленска в государственной измене.

Согласно текста приговора, который дошел до наших дней, воеводы обвинялись в следующем: «Были вы на государственной службе под Смоленском и находясь (на службе) воровали, за государево дело не радели и не добывали ничего и Государю изменили и во всем хотели добра Литовскому Королю, и присягали ему, чтобы с ним не сражаться. И пушки, и порох, и свинец, и всякие пушечные запасы отдали без государева указа Литовскому королю».

М.Б. Шеин и А.В. Измайлов, а также сын Измайлова Василий были казнены. Их имущество передано в казну, при этом ближайшие родственники М.Б. Шеина были высланы. Наказание также понесли и другие военачальники, однако в их отношении оно было более лояльным. В частности, наказание заключалось в конфискации имущества и высылке вместе с родными [2, с. 135-142].

Еще один показательный пример применения наказания за совершение государственного преступления – это приговор князю И.А. Хованскому (казнен вместе с сыном А.И. Хованским 17 сентября 1682 г.). Князь был назначен царевной Софьей руководителем стрельцов, так как имел на них влияние и был ими уважаем. В итоге, князь фактически стал предводителем стрелецкого бунта 1682 года, который в результате получил название «Хованщина». После смерти царя Федора Алексеевича и во время бунта стрельцов, князь неоднократно демонстрировал своеволие, что и стало причиной вынесения ему смертного приговора царевной Софьей и боярами. Перечень преступлений, которые вменялись ему в вину значителен, однако основное из них, это намерение уничтожить царскую семью [7, с. 660].

После того как к власти пришел Петр I, многие отрасли права были подвергнуты изменениям. В значительной части это было связано с тем, что проводимые им реформы требовали юридического оформления. При Петре I функции Уголовного кодекса стал выполнять Воинский устав 1716 года, включивший в себя Артикул воинский и «Краткое изображение судебных процессов и тяжб» от 1715 года [11]. Воинский устав, наряду со специальными постановлениями, имевшими значение для войска, содержал в себе юридические нормы общего характера. Как результат, нормы права, установленные в уставе, находили свое применение и в общеуголовных судах. Текст Воинского устава был распространен не только по всем корпусам войск, но и по губерниям и канцеляриям. Фактически многие нормы

петровского устава определяли российскую уголовную и уголовно-правовую систему вплоть до конца XIX века. В Воинском уставе 1716 года появились новые виды наказания: из квалифицированной смертной казни – аркебузирование – расстрел; в качестве телесных наказаний – битье шпицрутенами (прогон через строй); каторжные работы; шельмование (гражданская казнь).

Петр I расширил понимание государственного преступления. Если по Соборному уложению 1649 года в состав подобных деяний относилось «ослушание» воли царя, а также покушение на власть и ближайшее окружение царя, то с приходом к власти Петра I в состав государственных преступлений стали относить любое деяние, в результате которого государству был нанесен урон. То есть казнокрадство, финансовые махинации и любые другие формы коррупции приравнивались к государственным преступлениям. Данный момент был закреплён именными указами Петра I от 25 августа и 23 октября 1713 года.

Согласно Артикулу Воинскому, «кто, его величества или государственных деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получит, оный живота лишиться и имеет быть повешен» [3, с. 351].

Большая часть дел, которые попадали под определение государственных, рассматривались лично Петром I, однако в связи с расширением понятия «государственное преступление», количество дел значительно выросло, как итог царю стали подавать только изветы (изветная челобитная или донос) по трем пунктам: злой умысел против царя или измена, бунт, казнокрадство [1, с. 13].

В приказе Анны Ивановны от 2 февраля 1730 года деяния в отношении «казенного интереса» были выведены из состава государственных преступлений. Как результат, классификация государственных преступлений окончательно закрепились в уголовном законодательстве 18 века.

Государственная измена при Петре I каралась смертной казнью. Показательным в этом случае является стрелецкий бунт 1698 года, общее количество бунтовщиков достигало 2,2 тыс. чел., при этом различается оценка причин бунта, по мнению отдельных специалистов основные причины лежали в области недовольства военной службой, тем не менее, по отдельным свидетельским показаниям стрельцы хотели посадить на трон царевну Софью. Всего было казнено более 1 тыс. стрельцов, 600 чел. подверглись пыткам, были биты, клеймены и сосланы. Пыткам и допросам были подвергнуты жены и

дети стрельцов, а также ближайшее окружение. Жены и дети стрельцов были высланы из Москвы, им было запрещено давать работу и милостыню, из-за чего многие погибли от голода [10, 35].

Жесткость наказания в 18 веке за совершение государственных преступлений была связана сразу с несколькими факторами. Во-первых, заговоры против царских особ имели место. Из неудавшихся, но реальных попыток «скопа и заговора» можно отметить четыре истории: Александр Турчанинов (1742 г.), Иоасаф Батурин (1753 г.), Петр Хрущев и братья Гурьевы (1762 г.), Василий Мирович (1764 г.) [1, с. 21]. Наказание в отношении перечисленных заговорщиков было не таким жестоким, как во времена Петра I. Так, первые две попытки покушения пришлось на правление Елизаветы Петровны. Во время ее царствования смертная казнь не применялась. Большая часть заговорщиков «отделалась» ссылками, более строгое наказание ждало зачинщиков «скопа и заговора», например, А. Турчанинов был бит, ему вырвали ноздри и язык, после чего он был выслан в Сибирь. Петр Хрущев и братья Гурьевы также были высланы, Василий Мирович был четвертован по приказу Екатерины II,

Во-вторых, значительное распространение получило также такое явление как самозванство. Так, например, в народе бытовало мнение, что он выжил и скрывается среди народа. Этим пользовались как больные люди, так и авантюристы [1, с. 22]. Наказание в отношении самозванцев назначалось исходя из мотивов преступления, если в их действиях присутствовал намек на смену власти, то наказание ужесточалось. Чаще всего самозванцев били плетью, вырывали язык и ноздри, ссылали на каторгу. В отдельных случаях их грозила смертная казнь.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Вопросы установления ответственности за совершение государственных преступлений в 17-18 веке выделились из состава тяжких преступлений в отдельное направление уголовного права Московского государства. Так, например, в Соборном уложении 1649 года вопросам назначения наказания была посвящена отдельная глава. Совершение государственного преступления, независимо от сословной принадлежности, влекло за собой смертную казнь. Уголовную ответственность также несло ближайшее окружение преступника в том случае, если было доказано, что родные знали о готовящемся преступлении. Особенностью Соборного уложения 1649 года выступал тот факт, что к категории государственных преступлений могло быть отнесено в том случае, если оно касалось царя, бояр и другого ближайшего окружения вплоть до воевод. По мере развития уголовного законодательства менялось понимание государственного престу-

пления, так во время царствования Петра I сюда также стали включать любые проявления коррупции. Тем не менее, с приходом к власти Анны Ивановны деяния в отношении «казенного интереса» были выведены из состава государственных. Наказание за государственную измену в 18 веке также отличалось жестокостью, это было связано еще и с тем, что цель такого наказания заключалась в необходимости принятия превентивных мер. В тоже время, огромное значение имела воля царя, в частности, во время царствования Елизаветы Петровны смертная казнь не применялась независимо от преступления, основными видами наказания служили ссылка и каторжные работы.

Список литературы:

- [1] Анисимов Е.В. Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 424с.
- [2] Артеменко И.А. Научно-правовой комментарий приговора Боярской думы в отношении воеводы М. Б. Шеина по итогам Смоленской войны 1632-1634 гг. // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2014. – №10. – С. 135-141.
- [3] Артикул воинский с кратким толкованием // Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. – М.: Эксмо, 2013. – 544с.
- [4] Бешукова З.М. Уголовная ответственность за экстремизм по Соборному уложению 1649 года // Юридическая наука. – 2016. – № 4. – С. 9-14.
- [5] Богданова Д.М. Государственные преступления: историко-правовой аспект // Скиф. – 2022. – №5 (69). – С. 116-121.
- [6] Лоба В.Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. – 2015. – №5 (72). – С. 28-33.
- [7] Накишова, М.Т. «Государственное» или «политическое»: к вопросу о преступлениях против государя и государства в России XVII — первой четверти XVIII вв. // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 659-661.
- [8] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Комментарии Г.В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1987. – 448 с.
- [9] Сукова П.А. Соляной бунт 1648 года // Россия и мир в исторической ретроспективе: Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. – СПб.: СПбГУПТД, 2023. – С. 818-824.
- [10] Сушкова Ю.Н. Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П.С. Ромашкина) // Социально-политические науки. – 2022. – №2. – С. 33-39.

[11] Упоров И.В. Преступления против государства по Соборному уложению 1649 года: составы и ответственность // Дневник науки. – 2021. – № 12(60). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47827989_58037392.pdf (дата обращения 30.03.2025).

[12] Чупова М.Д. Забытые Судебники (1589 и 1606/07) // Lex Russica. – 2017. – №2(123). – С. 184-207.

Spisok literatury:

[1] Anisimov E.V. Derzhava i topor. Czarskaya vlast', politicheskij sy'sk i russkoe obshhestvo v XVIII veke. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. – 424s.

[2] Artemenko I.A. Nauchno-pravovoj kommentarij prigovora Boyarskoj dumy` v otnoshenii voevody` M. B. Sheina po itogam Smolenskoj vojny` 1632-1634 gg. // Vestnik XGU im. N. F. Katanova. – 2014. – №10. – С. 135-141.

[3] Artikul voinskij s kratkim tolkovaniem // Petr I. Trudy` i dni imperatora Vserossijskogo. – M.: E'ksmo, 2013. – 544s.

[4] Beshukova Z.M. Ugolovnaya otvetstvennost` za e'kstremizm po Sobornomu ulozheniyu 1649 goda // Yuridicheskaya nauka. – 2016. – № 4. – С. 9-14.

[5] Bogdanova D.M. Gosudarstvenny'e prestupleniya: istoriko-pravovoj aspekt // Skif. – 2022. – №5 (69). – С. 116-121.

[6] Loba V.E. Ponimanie prestupleniya i nakazaniya po Sudebnikam XV-XVI vekov // Filosofiya prava. – 2015. – №5 (72). – С. 28-33.

[7] Nakishova, M.T. «Gosudarstvennoe» ili «politicheskoe»: k voprosu o prestupleniyakh protiv gosudarya i gosudarstva v Rossii XVII — pervoj chetverti XVIII vv. // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 21 (101). – С. 659-661.

[8] Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii / Kommentarii G.V. Abramovicha i dr.; Rukovoditel' avt. kollektiva A. G. Man'kov. – L.: Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1987. – 448 s.

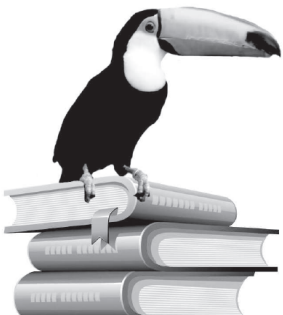
[9] Sukova P.A. Sol'nyoj bunt 1648 goda // Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive: Materialy` XXIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga. – SPb.: SPbGUPTD, 2023. – С. 818-824.

[10] Sushkova Yu.N. Razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva v e'poxu Petra I (vzglyady` P.S. Romashkina) // Social'no-politicheskie nauki. – 2022. – №2. – С. 33-39.

[11] Uporov I.V. Prestupleniya protiv gosudarstva po Sobornomu ulozheniyu 1649 goda: sostavy` i otvetstvennost` // Dnevnik nauki. – 2021. – № 12(60). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47827989_58037392.pdf (data obrashheniya 30.03.2025).

[12] Chupova M.D. Zabyty'e Sudebniki (1589 i 1606/07) // Lex Russica. – 2017. – №2(123). – С. 184-207.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем
управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ ИНСТИТУТА ЗАЧЕТА СРОКА ОТБЫТОЙ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция такого правового института как зачет срока, отбытой меры пресечения в срок наказания. Основное внимание обращено на особенности трансформации правовых конструкций, регламентирующих правила зачета и учета избранных судом мер пресечения при решении вопроса об окончательном сроке наказания. В результате проведенного исследования можно выделить общую тенденцию уголовной политики в данной сфере правового регулирования, которая заключается в расширении пределов применения соответствующего института. Несмотря на это, действующий уголовный закон в отличие от Уголовного кодекса РСФСР 1960 года не предусматривает зачет срока содержания под стражей в срок лишения свободы, назначенного условно.

Ключевые слова: уголовное право, институт зачета меры пресечения, назначение наказания, правосудие.

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

TRANSFORMATION OF LEGAL STRUCTURES OF THE INSTITUTE OF CREDIT OF THE PERIOD OF SERVEEN PREVENTIVE MEASURE WHEN ASSESSING PUNISHMENTS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines the evolution of such a legal institution as the offset of a term of a served preventive measure towards the term of punishment. The main attention is paid to the peculiarities of the transformation of legal structures regulating the rules of offsetting and taking into account preventive measures chosen by the court when deciding on the final term of punishment. As a result of the conducted research, it is possible to identify a general trend of criminal policy in this area of legal regulation, which consists in expanding the limits of application of the relevant institution. Despite this, the current criminal law, unlike the Criminal Code of the RSFSR of 1960, does not provide for the offset of the term of detention towards the term of imprisonment imposed conditionally.

Key words: criminal law, institution of crediting preventive measures, sentencing, justice.

Продолжительность применения мер уголовно-правового воздействия представляет собой один из наиболее важных вопросов, который рассматривается в различных проекциях юридической науки и практики. С позиции

уголовного закона срок наказания или меры уголовно-правового характера определяет длительность применения в отношении осужденного правоограничений, предусмотренные той или иной мерой государственного принуждения.

Назначение указанных мер основывается на принципах законности, справедливости и гуманизма. В частности, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При этом в части 1 статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) нормативно закрепляется требование об экономии уголовной репрессии, заключающемся в том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Основываясь на данных принципах, законодатель предусмотрел возможность зачета меры пресечения в срок наказания. Проблемы, связанные с применением данного института, вызывают широкую дискуссию среди ученых. Наиболее активно обсуждаются вопросы, касающиеся исчисления срока меры пресечения, подлежащего зачету [1, 2]. Кроме того, внимание обращается на особенности судебной практики применения норм уголовного закона о зачете мер пресечения [4, 5]. Также исследователями изучаются возможные пути совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений [3].

Институт зачета срока содержания под стражей в срок наказания имеет свою историю. Правовой анализ норм советского уголовного законодательства свидетельствует о том, что соответствующие положения составляли неотъемлемую часть механизма определения срока наказания или меры уголовно-правового характера. Так, в статье 31 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года указывалось, что при назначении судом наказания зачитывается в срок лишения свободы время отбытия до суда предварительного заключения.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (далее – УК РСФСР 1926 года) закреплял уже более дифференцированный порядок определения окончательного срока наказания. Во-первых, был расширен перечень видов мер пресечения, время применения которых подлежало зачету в срок лишения свободы. Так, законом устанавливалось, что не только время предварительного заключения, но и время, проведенное в заключении с момента объявления приговора до вступления его в законную силу (часть 1 статьи 29 УК РСФСР 1926 года).

Во-вторых, предусматривалась возможность не только зачета, но и учета срока отбытой меры пресечения при назначении наказаний.

Данная категория более диспозитивная по своей сущности, поскольку обладает широкой дискрецией. Так, в соответствии с частью 2 статьи 29 УК РСФСР 1926 года устанавливалось, что при определении судом иных, кроме лишения свободы, мер социальной защиты судебно-исправительного характера, суд вправе, приняв во внимание предварительное до суда заключение, соответственно смягчить избранную им меру социальной защиты или постановить о полном неприменении к осужденному определенной приговором меры социальной защиты. В статье 20 УК РСФСР 1926 года определялся перечень таких мер воздействия, включающий лишение свободы двух видов, принудительные работы без лишения свободы, поражение политических и отдельных гражданских прав и др.

Правовая конструкция, использованная в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года (далее – УК РСФСР 1960 года), также как и в предыдущем уголовном законе предполагала возможность зачет и учета срока предварительного заключения, а также зачета срока содержания под стражей в срок наказания. Частью 1 статьи 47 УК РСФСР 1960 года было определено, что предварительное заключение засчитывается судом в срок наказания при осуждении к лишению свободы или направлению в дисциплинарный батальон либо в воспитательно-трудовой профилакторий день за день, при осуждении к исправительным работам, к ссылке или высылке – день за три дня.

В части 2 данной статьи регулировались правоотношения в сфере учета предварительного заключения при назначении наказания. Суду было предоставлено право при назначении других видов наказания (кроме указанных в части 1 статьи 47 УК РСФСР 1960 года) с учетом предварительного заключения смягчить назначенное наказание или полностью освободить виновного от его отбывания наказания.

Кроме этого, в УК РСФСР 1960 года регламентировались правила зачета срока содержания под стражей в срок наказания (статья 471). Оно распространялось на лиц, условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Зачет должен был осуществляться из расчета день за день.

Соответственно, советское законодательство предполагало зачет и учет при назначении наказания двух мер процессуального принуждения – принудительное заключение и заключение под стражу. Вместе с тем, в отличие от заключения под стражей, которое являлось мерой пресечения (статьи 96 – 97 УПК РСФСР 1960 года), уголовно-процессуальным законодательством недостаточно четко определялись сроки применения предварительного заключения. Системный ана-

лиз пункта 6 части 1 статьи 315 и части 2 статьи 393 УПК РСФСР 1960 года свидетельствует о том, что период предварительного заключения охватывал срок до судебного разбирательства.

Российское уголовное законодательство в целом восприняло такой подход к зачету срока содержания под стражей в срок наказания. Первоначальная редакция УК РФ предполагала зачет времени содержания лица под стражей до судебного разбирательства и зачет времени содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу. Первый порядок (часть 3 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в ред. от 13.06.1996) предусматривал установление коэффициентов для каждого вида наказания. Так, при назначении лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста зачет осуществлялся из расчета один день за один день. Для наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, применялись следующие коэффициенты: ограничение свободы – один день за два дня; исправительные работы и ограничение по военной службе – один день за три дня; обязательные работы – один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

Второй подход предполагал зачет срока содержания под стражей, отбытый не только до судебного разбирательства, а до вступления приговора суда в законную силу. В соответствии с частью 4 статьи 72 УК РФ (в ред. от 13.06.1996) он применялся при определении срока наказания за преступление, совершенное вне пределов Российской Федерации. В частности, в случае выдачи на основании статьи 13 УК РФ лица, совершившего такое преступление, срок содержания под стражей засчитывался из расчета один день за один день.

Учитывать срок содержания под стражей, отбытого на стадии предварительного расследования, предписывалось при назначении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Правовая норма, изложенная в части 5 статьи 72 УК РФ (в ред. от 13.06.1996), во многом дублировала смысл положения части 2 статьи 47 УК РСФСР 1960 года, поскольку закрепляло широкую дискрецию суда при ее применении. Вместе с тем, она конкретизировала виды наказаний, при назначении которых суд вправе был учитывать срок нахождения лица под стражей, отбытый до судебного разбирательства. К таким видам наказания относились штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Данный порядок мог применяться только в случае, если указанные наказания назначались в качестве основных.

Соответственно, первоначальная редакция УК РФ заимствовала из предшествующего уго-

ловного закона правовые конструкции для решения вопроса о зачете и учете срока, отбытых мер пресечения, при назначении наказания. В то же время, УК РФ ограничил сферу правоотношений, в регулировании которых мог быть использован данный институт. В частности, судам предписывалось учитывать срок содержания под стражей только при назначении двух видов наказаний (штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), не связанных с изоляцией осужденных от общества, назначаемых в качестве основного вида наказания. Также была исключена возможность зачета срока содержания под стражей при назначении лишения свободы условно.

За последнюю четверть века институт зачета и учета срока, отбытой меры пресечения, при назначении наказания прошел два этапа трансформации. Первый этап связан с расширением перечня видов наказаний, при применении которых используется такой правовой механизм.

Следует отметить, что Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел новый вид уголовного наказания в виде принудительных работ, сущность которого состоит в обязательном привлечении осужденного, содержащегося в исправительном центре (либо участке, функционирующем как исправительный центр), к труду на объектах, определяемых администрацией соответствующего учреждения, исполняющего наказание.

В связи с этим, данным законом были внесены корреспондирующие изменения, которые определяли зачет срока содержания под стражей в срок принудительных работ. Устанавливался коэффициент зачета срока содержания под стражей, согласно которому один день такой меры пресечения соответствовал полутора дням принудительных работ (часть 3 статьи 72 УК РФ).

Более существенные изменения рассматриваемого правового института произошли в результате принятия Федерального закона от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ). В соответствии с ним законодатель отказался от дискриминирующего положения, предполагающего зачет не всего срока содержания под стражей, а только той части, которая была отбыта на досудебной стадии. Действующая редакция статьи 72 УК РФ распространяет свое действие не только на досудебную стадию, но и на стадию судебного разбирательства, причем охватывает как рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции, так и в апелляционной.

Следующая правовая новелла, предусмотренная Федеральным законом от 03.07.2018 №

186-ФЗ, состояла в установлении льготных коэффициентов зачета срока содержания под стражей в срок лишения свободы. В соответствии с частью 3.1 статьи 72 УК РФ применения правил зачета дифференцируется в зависимости от избранного судом вида исправительного учреждения.

Введенные коэффициенты зачета срока содержания под стражей в срок наказания, породили справедливый вопрос о пропорциональности соответствующих коэффициентов. Он возникает в результате анализа положений части 3 во взаимосвязи с частью 3.1 статьи 72 УК РФ. Так, усматривается рассогласованность между нормами, регулирующими порядок зачета срока содержания под стражей в срок принудительных работ в сравнении с порядком зачета срока содержания под стражей в срок лишения свободы с отбытием его в колонии общего режима, а также в колонии-поселении. В частности, установлен одинаковый коэффициент для зачета при назначении принудительных работ и при назначении лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима (один день n за полтора дня). Более того, при избрании судом колонии-поселения для отбывания лишения свободы применяется еще более льготный коэффициент – один день содержания под стражей за два дня наказания. При этом следует учитывать, что принудительные работы являются более мягким видом наказания по сравнению с лишением свободы.

Наряду с установлением льготного зачета срока содержания под стражей Федеральный закон от 03.07.2018 № 186-ФЗ предусмотрел ряд исключений из этого правила. В части 3.3 статьи 72 УК РФ законодатель перечислил отдельные категории осужденных, в отношении которых льготный зачет срока содержания под стражей не применяется. К ним отнесены, например, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений; осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет; осужденные за отдельные преступления террористического характера или экстремистской направленности.

Новеллой также стало расширение перечня видов мер пресечения, которые подлежат зачету в срок назначаемого судом наказания. Статья 72 УК РФ была дополнена частью 3.4, согласно которой время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Несмотря позитивный фон такого изменения, вызывают вопросы правовые пределы дан-

ной нормы, которые ограничиваются только возможностью зачета времени домашнего ареста в срок лишения свободы. Представляется обоснованным утверждение о том, что данная норма имеет значительный правовой потенциал для совершенствования уголовного законодательства, позволяющего закрепить возможность ее применения в случае назначения иных видов наказаний.

Подводя итоги проведенному историко-правовому анализу эволюции института зачета срока меры пресечения в срок наказания, следует отметить, что общей тенденцией его развития является поступательное расширение сферы правоотношений, на которые он распространяется. Это коснулось таких юридически значимых обстоятельств, как:

- время содержания под стражу, которое подлежит зачету и учету при назначении наказаний. Если уголовное законодательство советского периода предусматривало зачет только срока, содержания под стражей, отбытый до судебного разбирательства, то действующая редакция УК РФ предписывает зачитывать срок содержания под стражей, который лицо отбыло до вступления приговора в законную силу;
- виды мер пресечения, срок которых подлежит зачету в срок наказания. В частности, действующая редакция УК РФ предполагает зачет не только срока содержания под стражей, как это было предусмотрено в уголовных кодексах советского времени, но и домашнего ареста;
- коэффициенты, применяемые для определения срока содержания под стражей, подлежащего зачету в срок лишения свободы. Например, Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ введены коэффициенты льготного зачета в зависимости от вида исправительного учреждения, которое назначено судом;
- виды наказаний, при назначении которых судам следует зачитывать срок меры пресечения. Так, статья 72 УК РФ определяет механизм зачета широкого спектра видов наказаний как связанных с лишением свободы, так и альтернативных видов наказаний, при назначении которых зачитывается или учитывается отбытый срок меры пресечения. Однако, необходимо заметить, что действующий УК РФ в отличие от УК РСФСР 1960 года не предусматривает правила зачета при применении такой меры уголовно-правового характера как осуждение к лишению свободы условно. Полагаем, что это обстоятельство имеет особую актуальность для дальнейших научных изысканий и совершенствования уголовного закона.

Список литературы:

[1] Антонов Т. Г., Журавлева Е. А. Исчисление срока лишения свободы при зачете времени содержания лица под стражей в срок наказания // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4(37). С. 17-23.

[2] Желева О. В., Ткач А. С. Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 50-65.

[3] Титаренко, А. П. К вопросу о совершенствовании порядка зачета времени содержания лица под стражей в срок наказания // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XIX всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 30–31 октября 2019 года. Новокузнецк, 2019. С. 206-207.

[4] Фроловичев Я. В. Зачет времени домашнего ареста в сроки уголовных наказаний: законодательная регламентация и судебная практика // Инновационная наука. 2017. № 10. С. 54-59.

[5] Храмов А. А. К проблеме соразмерности и справедливости зачета мер пресечения в размер наказания в виде штрафа // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 3(21). С. 114-121.

Spisok literatury:

[1] Antonov T. G., Zhuravleva E. A. Ischislenie sroka lisheniya svobody` pri zachete vremeni sodержaniya licza pod strazhej v srok nakazaniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 4(37). S. 17-23.

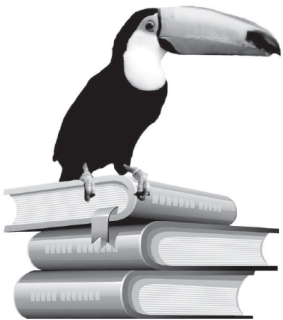
[2] Zheleva O. V., Tkach A. S. Nekotory`e problemy` ischisleniya i zacheta sroka zapreta opredelenny`x dejstvij v srok domashnego aresta, zaklyucheniya pod strazhu i lisheniya svobody` // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. № 45. S. 50-65.

[3] Titarenko, A. P. K voprosu o sovershenstvovanii poryadka zacheta vremeni sodержaniya licza pod strazhej v srok nakazaniya // Uголовно-исполнительная система segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy` XIX vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novokuzneczk, 30–31 oktyabrya 2019 goda. Novokuzneczk, 2019. S. 206-207.

[4] Frolovichev Ya. V. Zachet vremeni domashnego aresta v sroki ugovodny`x nakazaniy: zakonodatel`naya reglamentaciya i sudebnaya praktika // Innovacionnaya nauka. 2017. № 10. S. 54-59.

[5] Xramov A. A. K probleme sorazmernosti i spravedlivosti zacheta mer presecheniya v razmer nakazaniya v vide shtrafa // Vestnik Tomskogo instituta povыsheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2024. № 3(21). S. 114-121.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2025 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2025-7-407-409

Дата принятия рукописи в печать: 13.08.2025 г.

МЕЛЬНИКОВ Сергей Олегович,

Студент Дальневосточного федерального
университета, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

КРЫСЕНКО Екатерина Сергеевна,

Студент Дальневосточного федерального
университета, г. Владивосток,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема возраста уголовной ответственности в Российской Федерации, установленного статьей 20 УК РФ (14 и 16 лет). Авторы анализируют современные тенденции подростковой преступности, приводя статистические данные МВД и Генпрокуратуры РФ, которые свидетельствуют о росте числа тяжких преступлений, совершаемых подростками 12–14 лет, остающихся безнаказанными. Особое внимание уделяется вопросам судопроизводства, включая процедуру определения возраста и её потенциальные недостатки, такие как возможность злоупотреблений и ошибок. Предлагается снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет для тяжких и особо тяжких преступлений, сопровождаемое совершенствованием экспертных методик, развитием ювенальной юстиции и реабилитационных программ. Авторы также рассматривают зарубежный опыт и психологические исследования, обосновывая необходимость реформ. В заключение представлен комплекс мер, направленных на гармонизацию законодательства, повышение эффективности правосудия и защиту общественной безопасности.

Ключевые слова: возраст, ответственность, несовершеннолетние, УК РФ.

MELNIKOV Sergey Olegovich,

Student of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok

KRYSENKO Ekaterina Sergeevna,

Student of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok

THE ISSUE OF THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AS AN OBSTACLE TO THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Annotation. The article examines the problem of the age of criminal liability in the Russian Federation, established by Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation (14 and 16 years). The authors analyze modern trends in juvenile delinquency, citing statistics from the Ministry of Internal Affairs and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, which indicate an increase in the number of serious crimes committed by adolescents 12–14 years old who remain unpunished. Particular attention is paid to judicial issues, including the procedure for determining age and its potential shortcomings, such as the possibility of abuse and errors. It is proposed to reduce the age of criminal responsibility to 12 years for grave and especially grave crimes, accompanied by the improvement of expert methods, the development of juvenile justice and rehabilitation programs. The authors also consider foreign experience and psychological research, justifying the need for reforms. In conclusion, a set of measures aimed at harmonizing legislation, increasing the effectiveness of justice and protecting public safety is presented.

Key words: age, responsibility, minors, Criminal Code of the Russian Federation.

Возраст уголовной ответственности, установленный статьей 20 УК РФ (14 и 16 лет), в современных условиях требует пересмотра, так как не учитывает возросший уровень социализации и криминализации подростков [1]. Особую тревогу вызывает рост насильственных преступлений - доля убийств среди подростковых преступлений увеличилось на 18% [2]. Ярким примером служит нападение в Химках 7 февраля 2023 года, когда 12-летняя школьница нанесла однокласснице более 100 ножевых ранений, но не была привлечена к ответственности в силу возраста [3].

Необходимо разобрать судопроизводство по делам, связанным с несовершеннолетними. Возраст несовершеннолетнего определяется по документам, его подтверждающим. Если такие документы отсутствуют или имеются сомнения в их достоверности, то необходимо провести судебную экспертизу для установления возраста. Эксперту невозможно установить точную дату рождения лица, поэтому эксперт определяет лишь год рождения или диапазон лет. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1 «лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, то есть с нуля часов следующих суток» [4]. Важно отметить, что днем рождения лица, в отношении которого проводится экспертиза, будет считаться последний день года, определенного экспертами, а в случае определения диапазона лет, суд исходит из минимального возраста несовершеннолетнего.

Требование точного установления возраста (вплоть до судебно-медицинской экспертизы) не только формальность. Здесь возникает философско-правовая проблема: как определить момент, когда индивид становится способным нести ответственность за свои действия? Установление возраста через «последний день года» демонстрирует презумпцию в пользу защиты несовершеннолетнего, что созвучно принципу «все сомнения толкуются в пользу обвиняемого». Однако это порождает вопросы: не создает ли такой подход лазеек для злоупотреблений, особенно в делах, где возраст близок к 18 годам? Важно отметить, что ошибки в определении возраста могут привести к необратимым последствиям, например, к помещению подростка в среду взрослых осужденных, что точно не скажется на психике ребенка положительно.

В Пленуме также отмечено, что необходимость в установлении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обязывает суд вызывать в судебное заседание представителей учреждений, в которых учился или работал несовершеннолетний. Акцент на установление условий жизни и воспитания отражает понимание

того, что преступное поведение несовершеннолетних зачастую является следствием социальной депривации, а не осознанного выбора.

Анализ существующей практики судопроизводства по делам несовершеннолетних выявляет серьезные проблемы в системе определения возраста уголовной ответственности. Действующий порядок установления возраста через «последний день года» и презумпция в пользу защиты несовершеннолетнего, несмотря на их гуманистическую направленность, создают возможности для уклонения от ответственности, особенно в случаях совершения тяжких преступлений подростками, чей возраст приближается к установленным законом границам.

Современные реалии свидетельствуют, что подростки значительно раньше достигают уровня социализации, позволяющего осознавать противоправность своих действий. При этом существующая система экспертного определения возраста обладает существенной погрешностью, а уровень преступности среди лиц 12-14 лет остается высоким.

В связи с этим представляется обоснованным снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет для тяжких и особо тяжких преступлений. Однако такая мера должна сопровождаться совершенствованием методик судебно-медицинской экспертизы для более точного определения возраста, сохранением дифференцированного подхода с обязательным учетом условий жизни и воспитания, а также развитием системы ювенальной юстиции, сочетающей меры ответственности с реабилитационными программами. Подобный комплексный подход позволит устранить существующие правовые пробелы, повысить эффективность борьбы с подростковой преступностью, сохранив при этом баланс между принципами справедливости и гуманизма.

Особое внимание при этом должно уделяться профилактике правонарушений и социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, чтобы меры уголовно-правового воздействия не превращались в инструмент карательной юстиции, а способствовали исправлению и ресоциализации подростков, вступивших в конфликт с законом.

Зарубежный опыт демонстрирует эффективность более гибких подходов. В Великобритании (возраст ответственности - 10 лет) и Германии (с 12 лет) сочетают наказание с реабилитацией, что снижает рецидивы. В России же безнаказанность малолетних преступников способствует формированию криминальных субкультур (например, запрещенная организация АУЕ) и создает почву для манипуляции подростками со стороны организованных преступных групп.

Психологические исследования подтверждают, что современные 12-13-летние подростки

обладают достаточным уровнем развития для осознания противоправности своих действий. В этой связи предлагается:

1. Снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет для тяжких преступлений;
2. Ввести обязательную психолого-педагогическую экспертизу;
3. Разработать систему ювенальных технологий реабилитации.

Такие меры позволят гармонизировать российское законодательство с международными стандартами, повысить эффективность правосудия и укрепить общественную безопасность. Реформа возрастных границ ответственности должна учитывать как необходимость защиты общества, так и возможности реабилитации несовершеннолетних правонарушителей. При этом важно создать четкие правовые механизмы, которые бы:

- 1) обеспечивали индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему правонарушителю с учетом степени его психического развития и социальной зрелости;
- 2) предусматривали обязательное проведение комплексной психолого-педагогической экспертизы при определении возможности привлечения к уголовной ответственности;
- 3) гарантировали применение специальных воспитательных мер для подростков 12-14 лет, совершивших преступления небольшой и средней тяжести;
- 4) сохраняли приоритет восстановительного правосудия и ресоциализационных программ.

Особое внимание следует уделить разработке дифференцированной системы наказаний, которая бы учитывала возрастную специфику и обеспечивала постепенное усиление ответственности по мере взросления правонарушителя. Такой подход позволит избежать излишней криминализации поведения подростков, одновременно обеспечив адекватную реакцию государства на особо опасные проявления подростковой преступности.

Ключевым элементом реформы должно стать создание специализированной ювенальной юстиции, объединяющей опыт зарубежных стран и российские правовые традиции. Это потребует подготовки специальных кадров - судей, следователей и прокуроров, обладающих знаниями в области детской и подростковой психологии.

Реализация этих мер позволит достичь баланса между защитой общества от преступных посягательств и соблюдением прав несовершеннолетних, создав эффективную систему профилактики и коррекции противоправного поведения среди подростков.

Список литературы:

[1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2025) / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 26.07.2025).

[2] В России впервые за несколько лет стала расти подростковая преступность / новостной-портал : TACC. — URL: <https://tass.ru/proisshestviya/24573741?ysclid=mdv6u21i98230934072> (дата обращения 26.07.2025).

[3] Жизнь после 126 ударов ножом: как сейчас живет шестиклассница, которую подружка пыталась убить в школьном туалете / новостной-портал : kp.ru. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27560/4885208/?ysclid=mdv6ve853i919070667> (дата обращения 28.07.2025).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения 29.07.2025).

Spisok literatury:

[1] Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 23.07.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 03.08.2025) / Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashheniya 26.07.2025).

[2] V Rossii vpervy'e za neskol'ko let stala rasti podrostkovaya prestupnost' / novostnoj-portal : TASS. — URL: <https://tass.ru/proisshestviya/24573741?ysclid=mdv6u21i98230934072> (data obrashheniya 26.07.2025).

[3] Zhizn' posle 126 udarov nozhom: kak seychas zhivet shestiklassnicza, kotoruyu podruzhka py'talas' ubit' v shkol'nom tualete / novostnoj-portal : kp.ru. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27560/4885208/?ysclid=mdv6ve853i919070667> (data obrashheniya 28.07.2025).

[4] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 01.02.2011 N 1 (red. ot 28.10.2021) O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnix / Konsul'tantPlyus : spravочно-pravovaya sistema. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (data obrashheniya 29.07.2025).

ГАПОНОВА Ирина Валерьевна,
Студент Института магистратуры и заочного обучения
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
РФ, г. Саратов,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ПАЗЫНА Евгений Олегович,
к.ю.н, доцент кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПАЦИЕНТОВ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Психическое здоровье человека на всех этапах развития человечества остается важным аспектом, от которого зависит нормальное и эффективное функционирование общества в мировом масштабе. Напрямую с этим связаны социально-трудовые отношения, а именно «работник-работодатель», поскольку они в первую очередь оказывают значительное влияние на все экономические процессы страны.

Ключевые слова: психическое здоровье, психические расстройства, система здравоохранения, законодательство, международные отношения, международное право.

GAPONOVA Irina V.,
student of the Department
of student of the Department of Labor Law,
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:
PAZYNA Evgeniy O.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of student of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

LEGAL ASPECTS OF ENSURING THE RIGHTS OF PATIENTS WITH MENTAL DISORDERS IN THE HEALTHCARE SYSTEM: A COMPARATIVE ANALYSIS IN INTERNATIONAL PRACTICE

Annotation. Human mental health at all stages of human development remains an important aspect on which the normal and effective functioning of society on a global scale depends. Social and labor relations, namely "employee-employer", are directly related to this, since they primarily have a significant impact on all economic processes in the country.

Key words: mental health, mental disorders, healthcare system, legislation, international relations, international law.

По данным всемирного экономического форума совокупный ущерб, причиненный психическими заболеваниями (в частности депрессия и тревожные расстройства) мировой экономике достиг одного триллиона в год [1].

Несмотря на предпринимаемые в данной сфере меры, проблема уже достигла масштабов пандемии, кроме того, существует и тенденция к увеличению указанного ущерба в будущем [2].

Сфера здравоохранения сама по себе является очень чувствительной для государств-членов, ее регулирование преимущественно оставлено на национальном уровне. Соответственно, Европейский союз обладает в данной сфере весьма ограниченными полномочиями, они сводятся к координации либо к борьбе с такими стратегическими проблемами, как ковид 19. Тем не менее, на уровне ЕС проводится достаточно большая работа с целью координации усилий государств-членов [3, С. 87-92].

В конце 20-начале 21 веков институтами ЕС были приняты ряд документов в сфере охраны психического здоровья населения: Резолюция Совета от 18 ноября 1999 года об укреплении психического здоровья; Резолюция от 29 июня 2000 о действиях по детерминантам здоровья; Заключение Совета ЕС от 5 июня 2001 года о стратегии Сообщества по сокращению вреда от алкоголя; Заключение Совета ЕС от 15.11.2001 о борьбе с проблемами, связанными со стрессом и депрессией; Заключение Совета ЕС от 2 июня 2003 года по борьбе со стигмой и дискриминацией, связанными с психическими заболеваниями и Заключение Совета ЕС от 3 июня 2005 года о действиях Сообщества в сфере психического здоровья.

Что касается Зеленой книги Европейской комиссии от 14 октября 2005 года «Улучшение психического здоровья населения. Разработка стратегии в области психического здоровья для Европейского союза», данный документ стал путеводной нитью для дальнейшего регулирования данной сферы на уровне ЕС. В соответствии с данными, приведенными в Зеленой книге, доля взрослых европейцев ежегодно страдают той или иной формой психических заболеваний, наиболее распространенными среди которых являются тревожные расстройства и депрессия. Ежегодно умирают 58000 вследствие суицида, это значительно превышает количество смертей в результате аварий, убийств, ВИЧ или СПИДа. Процентное соотношение средств, выделяемых на психическое здоровье, также очень сильно разнится. Например, в Люксембурге - 14 %, в Великобритании - 12%.

В результате анализа комплекса обозначенных проблем, европ комиссией был предложен ряд направлений, нуждающихся в приложении

доп усилий в рамках Евросоюза. Это содействие всеобщему психическому здоровью, борьба с распространением психических заболеваний с помощью профилактических мер, улучшение качества жизни людей с психическими расстройствами или инвалидностью, их социальная интеграция за счет их прав и достоинства, разработка информационной системы, проведение исследований в сфере охраны психического здоровья для ЕС. Знаковым событием в сфере охраны психического здоровья стало принятие в 2008 году на уровне ЕС Европейского пакта о психическом здоровье и благополучии.

Им было обозначено 5 магистральных направлений:

1. Профилактика депрессии и суицида;
2. Психическое здоровье молодежи и образование;
3. Психическое здоровье на рабочем месте;
4. Психическое здоровье пожилых людей;
5. Борьба со стигмой и социальной изоляцией.

Указанные направления в пактах нашли свою поддержку в большинстве государствах-членах ЕС, которые впоследствии занялись развитием соответствующей нормативно-организационной базы на национальном уровне.

Кроме того, был создан интернет-портал Компас ЕС для действий по охране психического здоровья и благополучия, который содержит целый ряд полезных ресурсов. Это и коллекция примеров успешной соответствующей практики, политические документы, рекомендации, декларации, отчеты и исследования и ряд заявлений заинтересованных сторон, учреждений, государственных органов, которые служат очень хорошим информационным источником в данной сфере [4, С. 57-59].

Качество охраны психического здоровья Великобритании оценивают как одну из самых высоких среди стран организации экономического сотрудничества и развития.

Основные нормативные положения в сфере охраны психического здоровья в Великобритании, в том числе вопросы принудительного психиатрического лечения, изложены в таких юридических документах как, например, в Законе о психическом здоровье, Законе об умственной дееспособности, Законе Шотландии о психическом здоровье (уходе и лечении), Законе Северной Ирландии о психическом здоровье, а также в Законе о психическом здоровье Уэльса [5, С. 77-81].

Кроме того, Правительством Великобритании выпущен ряд стратегий и программ, направленных на охрану психического здоровья (например, Межправительственная стратегия «Нет здоровья без психического здоровья», Меж-

ведомственная стратегия по спасению жизней «Профилактика суицидов в Англии» разработана в 2012 году. На тот момент каждые два часа человек в Англии погибал от суицида).

Национальная стратегия по борьбе с деменцией «Качественная жизнь с деменцией» запущена с 2009 года.

Проводя параллель зарубежных стран с Российской Федерацией в сфере охраны психического здоровья, следует отметить, что в нашей стране данная задача является одной из ведущих.

В соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации, здравоохранение - предмет совместного ведения России и составляющих ее субъектов [6].

Полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья закреплены в главе 3 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья граждан), и могут быть делегированы в случаях, предусмотренных законом [7].

В соответствии со статьей 16 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи) на общегосударственном уровне гарантируется оказание психиатрической помощи, проведение медицинских экспертиз, социально-бытовая помощь, содействие в трудоустройстве лиц, которые страдают психическими расстройствами; получение образования инвалидами, несовершеннолетними, страдающими психическими расстройствами и т.д. Решение вопросов социальной поддержки и социального обслуживания лиц, страдающих психическими расстройствами, осуществляется органами государственной власти субъектов РФ [8].

Особое место в профилактике лечения и реабилитации психических расстройств и расстройств поведения, занимают государственные программы.

Правовое регулирование в сфере охраны психического здоровья представлено рядом приказов Минздрава РФ: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 №640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 №2580-р «О Стратегии развития медицинской науки в РФ на период до 2025 г.»; ППРФ от 29.03.2019 №363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда», Распоряжение от 28.04.2023 года №1105-р и т.д.

Ряд правовых актов регулируют вопросы принудительного лечения лиц, страдающих пси-

хическими заболеваниями в нашей стране. Например, общие положения, регулы согласие гражданина и его законных представителей на мед вмешательство, на отказ от него, а также случаи мед вмешательства без согласия закреплены в статье 20 Закона об охране здоровья граждан.

Нормы п. 9 ст. 20 предусматривает возможность принудительного медицинского вмешательства в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, решения о которых принимается в судебном порядке. Дальнейшая регламентация случаев и порядке медицинского вмешательства без согласия гражданина и его законных представителей, осуществляется Законом о психиатрической помощи в РФ и главой 15 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализ действующих российских государственных программ в рассматриваемой сфере позволяет выделить основные тенденции:

1. «Оптимизация деятельности учреждений и совершенствование деятельности врачей в сфере психиатрии;
2. Бригадный подход в оказании психиатрической помощи и создание многофункциональных центров для профилактики и лечения больных;
3. Повышенное внимание к здоровью детей-инвалидов» [9, С. 24].

Таким образом, каждое государство старается уделить должное внимание психическому здоровью граждан. Большинство из них признают международные документы в данной сфере здравоохранения, что позволяет корректно вносить изменения в действующие национальные законодательные акты.

Список литературы:

- [1] ТАСС / [Электронный ресурс] // tass.ru: [сайт]. – <https://tass.ru/ekonomika/16831627> (дата обращения: 19.04.2025).
- [2] Рамблер/новости [Электронный ресурс] // rambler.ru: [сайт]. – <https://news.rambler.ru/world/53922369-ft-problemy-s-psihikey-u-lyudey-nanesli-vred-mirovoy-ekonomike-na-1-trln/> (дата обращения: 19.04.2025).
- [3] Тюменцев В.О. Вектор юридической науки / Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) // Компетенция Европейского союза в сфере здравоохранения. 2021. С.87-92.
- [4] Пазына Е.О. Европейское право // Наднациональные правовые инструменты охраны психического здоровья Европейского союза. 2016. №4 (95). С. 57-61.
- [5] Пазына Е.О. Мониторинг правоприменения // Наднациональные правовые инструменты охраны психического здоровья Европейского союза. 2015. №4 (17). С. 77-81.

[6] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // СПС «КонсультантПлюс» 2025 (дата обращения 16.04.2025).

[7] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

[8] Закон от 2 июля 1992г. №3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (с изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

[9] Пазына Е.О., Пазына М.А. Дискуссионная трибуна правовых исследований // Правовые аспекты охраны психического здоровья в Российской Федерации. 2017. №1. С. 20-26.

Spisok literaturey:

[1] TASS / [Elektronnyj resurs] // tass.ru: [sait]. – <https://tass.ru/ekonomika/16831627> (data obrashheniya: 19.04.2025).

[2] Rambler/novosti [Elektronnyj resurs] // rambler.ru: [sait]. – <https://news.rambler.ru/world/53922369-ft-problemy-s-psihikoy-u-lyudey-nanesli-vred-mirovoy-ekonomike-na-1-trln/> (data obrashheniya: 19.04.2025).

[3] Tyumencev V.O. Vektor yuridicheskoy nauki / Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) // Kompetenciya Evropejskogo soyuza v sfere zdorovooxraneniya. 2021. S.87-92.

[4] Pazy`na E.O. Evropejskoe pravo // Nadnacional`ny`e pravovy`e instrumenty` ohrany` psixicheskogo zdorov`ya Evropejskogo soyuza. 2016. №4 (95). S. 57-61.

[5] Pazy`na E.O. Monitoring pravoprimereniya // Nadnacional`ny`e pravovy`e instrumenty` ohrany` psixicheskogo zdorov`ya Evropejskogo soyuza. 2015. №4 (17). S. 77-81.

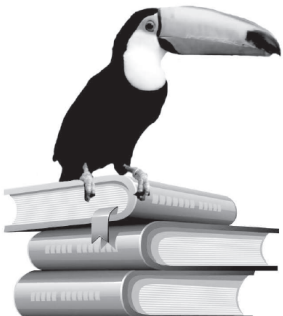
[6] Konstituciya Rossijskoj Federacii : [prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.] // SPS «Kon-sul'tantPlyus» 2025 (data obrashheniya 16.04.2025).

[7] Federal`nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. №323-FZ «Ob osnovax ohrany` zdorov`ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop.) // Rossijskaya gazeta. – 2011. – № 48. – St. 6724.

[8] Zakon ot 2 iyulya 1992g. №3185-1 «O psixi-atricheskoy pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii» (s izm. i dop.) // Vedomosti S`ezda narodny`x deputatov Rossijskoj Federacii i Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. – 1992. – № 33. – St. 1913.

[9] Pazy`na E.O., Pazy`na M.A. Diskussionnaya tribuna pravovy`x issledovanij // Pravovy`e aspekty` ohrany` psixicheskogo zdorov`ya v Rossijskoj Federacii. 2017. №1. S. 20-26.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 7 июль)

2025 год

Подписано в печать 13.08.2025.
Формат 60х90/8. Печ. л. 52,25. Тираж 100 экз. Заказ № 70.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.